КОНСТАНТИН ПРИЙМА

„ТИХИЙ ДОН“ СРАЖАЕТСЯ

К. И. Прийма журналист, литературовед, член Союза советских писателей. Родился в ст. Аханизовской на Тамани в 1911 году. В 1927 году вступил в комсомол. С 1929 года — колхозник. В 1931 году по мобилизации комсомола прибыл на строительство Ростсельмаша, где работал шлифовальщиком, позже — в газете «Сельмашстроевец». С 1934 года активно выступает в краевой печати как очеркист. В 1939 году К. И. Прийма окончил литфак Ростовского-на-Дону пединститута. Война застала его на границе младшим сержантом.

В партии К. И. Прийма с 1944 года. После войны работал зав. сектором печати Ростовского обкома КПСС, затем редактором областной молодежной газеты «Большевистская смена». С 1956 по 1961 год — собкор «Учительской газеты» по Северному Кавказу.

С 1955 года выступает в печати с очерками и статьями о творчестве М. А. Шолохова.

В 1972 году в Ростове издал монографию «Тихий Дон» сражается» — о мировом значении творчества М. А. Шолохова. В мае 1973 года Ученый совет Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской за эту монографию присудил К. Прийме ученую степень доктора филологических наук.

КОНСТАНТИН ПРИЙМА

„ТИХИЙ ДОН“ СРАЖАЕТСЯ

КОНСТАНТИН ПРИЙМА

„ТИХИЙ ДОН“

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

СРАЖАЕТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА—1975

8Р2
П75

Научный редактор
кандидат филологических наук
Ф. Г. БИРЮКОВ

Автор предисловия
доктор филологических наук
В. А. АРХИПОВ

Приймa К. И.

П75 «Тихий Дон» сражается. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Сов. Россия», 1975.

544 с. с илл.

Книга К. И. Приймы — первая в нашем и зарубежном литературоведении монография о мировом значении творчества М. А. Шолохова. В ней прослежено восприятие книг писателя, в особенности романа «Тихий Дон», в двадцати девяти странах мира на четырех континентах. Более тысячи статей иностранной прессы, четыреста томов заграничных изданий Шолохова, около трехсот писем, фотодокументы, записи бесед составили документальную основу книги. Автор дал с марксистско-ленинских позиций анализ различных высказываний в коммунистической, прогрессивной, буржуазной прессе и литературоведческих исследованиях. В книге приводится ряд новых шолоховских документов, в том числе личные беседы автора с писателем.

П $\frac{70302-171}{М-105(03)75}$ инф.—75 8Р2

Светлой памяти отца моего,
сельского учителя,
Ивана Яковлевича Приймы,
посвящаю.

Автор

О КНИГЕ КОНСТАНТИНА ПРИЙМЫ

Предлагаемая вниманию читателей книга ростовского журналиста Константина Приймы «Тихий Дон» сражается» — явление уникальное, как по форме, так и по содержанию.

Поставив перед собой на первый взгляд скромную задачу — проследить политическое восприятие «Тихого Дона» за рубежом, исследователь творчества Шолохова вплотную подвел нас к той несомненной истине, что социальный аспект восприятия творчества писателя подчеркнуто обнажает расстановку классовых сил в современном буржуазном обществе и отношение к русской революции.

Оно и понятно: мировое значение «Тихого Дона» отражает мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Поистине победоносное шествие книг Шолохова в разных странах мира несло в себе великие идеи Октября, идеи победы Серпа и Молота, идеи нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, установившего диктатуру пролетариата.

Вот почему «Тихий Дон», являясь полем ожесточенного боя, в то же время сражается за правду нашей революции, за правду и действенность нашей литературы. Иными словами, борьба «Тихого Дона» переплетается и перерастает на наших глазах в борьбу за «Тихий Дон», за правильное истолкование его смысла и всемирно-исторического значения. Эта борьба идет без братания и перемирия. Ее ведут люди доброй воли всех стран, что и стало предметом исследования Константина Приймы.

Известное положение марксизма-ленинизма гласит: пролетариат ведет борьбу со своими врагами не только политическую и экономическую, но и теоретическую, на чем особенно настаивал Ленин в книге «Что делать?». И совершенно очевидно, что теоретическая форма классовой борьбы включает как свою составную борьбу в области литературы и эстетики, разительным примером чего является напряженная идейная битва вокруг «Тихого Дона». Ее-то и прослеживает вдумчиво, внимательно и, если угодно, педантично автор настоящей книги. Он чутко улавливает в суждениях по вопросам эстетики вопросы политики.

И уже сейчас при знакомстве с книгой «Тихий Дон» сражается» мы видим, как под влиянием объективного, документально подтвержденного анализа рушатся некоторые фетиши нашего литературоведения. Ушла в невозвратное прошлое жившая на дотациях «теория отщепенства», которая будто бы вдохновила писателя на создание его могучего эпоса; снят вопрос о списании «Тихого Дона» «по ведомству» областническо-хуторской литературы; прояснена личность Григория Мелехова, завоевавшего симпатии народов мира и ставшего рядом, на равных, с вечными образами, которые всегда будут волновать человечество.

В этом большая победа книги «Тихий Дон» сражается». Она превратила непосредственно читательское восприятие в документированный политический и эстетический факт — факт, подтвержденный полувековой борьбой вокруг «Тихого Дона» на мировой арене. Отныне это не мнение, не суждение того или иного критика, а свидетельство мировой истории, выведенное из огромного и противоречивого материала как его равнодействующая.

Книга «Тихий Дон» сражается» отвечает на многие вопросы не только шолоховедения, но и литературоведения вообще, давая обильный материал для дальнейшего движения науки о литературе и, в частности, для решения важнейшей проблемы о соотношении национального и интернационального.

Все это обязывает нас обратиться к творческой истории книги К. Приймы, которая необычна, а во многом характерна и поучительна.

Автор — в прошлом рабочий завода «Ростсельмаш», затем зав. сектором печати Ростовского обкома КПСС, редактор областной молодежной газеты, журналист, ныне создавший подвижническим трудом замечательную зарубежную Шолоховиану.

Впервые мы об этом узнали из его статьи «Тихий Дон» сражается», занявшей целую полосу в «Литературной газете» (1967, № 24), и были удивлены знанием дела, обилием уникальных документов, свидетельствами зарубежной прессы, поистине открытиями о битвах «Тихого Дона» с реакцией и фашизмом в Германии, Болгарии, Италии и других странах. Поражало то, что эти документы и материалы добывались не в местных и московских архивах, а в Берлине, Софии, Милане и других городах мира.

Общеизвестно, что автор такой острой и боевой темы должен быть политиком, историком, а порой и следователем. К. Прийма проявил все эти качества в своих статьях: «Павел Кудинов — хорунжий из Вешек» («Литгазета», 1962, № 89),

«Куда исчезли в Англии 100 страниц «Тихого Дона»?» («Огонек», 1968, № 38), «Через костры Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дуна» (там же, 1969, № 17), «За честь безымянного героя «Тихого Дона» («Литгазета», 1970, № 16), «Тихий Дон» сражается» («Огонек», 1970, № 21) и сообщениях о том, как высоко ценят творчество Шолохова коммунистические партии Европы, Америки, Азии, а также во многих других своих выступлениях.

Иными словами, книга «Тихий Дон» сражается» написана К. Приймой не вдруг. Путь к ней был долгим, трудным, тернистым. Он начался где-то в 50-е годы очерком «Шолохов в Вешках» («Советский Казахстан», 1955, № 5) и различными публикациями о судьбах героев «Тихого Дона» и «Поднятой целины», в которых автор как бы вживался в предмет исследования, изучая его с различных сторон.

И все же это было продолжением, а не началом. Начало же книги о мировом значении творчества Шолохова относится к 1930 году, когда французский матрос коммунист Андрэ Марсель подарил советскому моряку Коста Планиди номер газеты «Юманите» от 25 марта 1930 года с главою из «Тихого Дона» («Юманите» полностью печатала «Тихий Дон») и на газетном листе оставил свой «автограф». «Именно у вас, — писал Андрэ Марсель, — родился Шолохов, который дал миру «Тихий Дон» — красную «Илиаду»... Я не пророк, но должен сказать, что «Тихий Дон» Шолохова после триумфа в Берлине и Париже еще покорит сердца турок, индийцев, японцев и весь мир! Да здравствует Россия и Шолохов!»

Пророческая запись эта попала затем в дневник Константина Приймы и при стечении еще многих обстоятельств наконец послужила толчком для длительных разысканий.

Так началась эта книга. В ней все знаменательно. И прежде всего то, что о мировом значении русского писателя заговорил не профессионал-литератор, а рядовой коммунист, выражающий мнение масс, мнение миллионов. В нем радует масштабность мышления, восприятия и оценок простого человека. Рядовой читатель «Юманите» увидел в «Тихом Доне» не поэтизацию ветхозаветного, а эпос революции — красную «Илиаду»*. И там же он сообщает, что в фашистской Италии «Тихий Дон» «уже запретили!». Так мы узнаем, что с первых дней появления шолоховского эпоса о русской революции за рубежом вокруг него закипела острая политическая борьба.

* Напомним, чтобы это не показалось выспренним, что Маяковский свои «150 000 000» называл одновременно и «Илиадой» и «Одиссеей».

Правда, рассказанная писателем о русской революции, способствовала росту революционных настроений в странах, куда «вступал» «Тихий Дон». Национальная история нашего народа становилась фактом духовной политической жизни других народов и стран: там тоже происходят и происходили родственные исторические процессы. Отсюда — неслыханный и несравнимый успех высокопоэтических книг Шолохова о русской революции не только в коммунистическом лагере, но и в самых широких демократических кругах трудящихся и интеллигенции всего мира. Свидетельством этого могут служить миллионные тиражи его книг, например, в Японии и других странах.

Следующие страницы в книгу «Тихий Дон» сражается» (образно говоря) вписали иностранные рабочие Ростсельмаша, коммунисты, интернационалисты, мастера высокой культуры труда, участники баррикадных боев с капиталом, достойно представлявшие на заводах и стройках СССР свои народы и страны. Это — серб Мет Бланч, мадьяр Людвиг Сюч, член Компартии Германии Леон Мареш. По инициативе коммуниста Петра Кузьмина в 1935 году в клубе иностранных рабочих завода «Ростсельмаш» они организовали небольшую выставку «Советский роман за рубежом» и на ее стендах и в клубной стенгазете «Коминтерновец» дали любопытные заметки-комментарии к зарубежным изданиям книг советских писателей. Петр Кузьмин (рабочий, секретарь завкома комсомола, а в годы войны — парторг ЦК ВКП(б) на Ростсельмаше), тоже влюбленный в «Тихий Дон» Шолохова, сумел сохранить эти материалы выставки и письма политэмигрантов о «Тихом Доне», передав их в руки Приймы. Как видим, в верные руки.

Константин Прийма дружил с этими политэмигрантами (Л. Сюч и Л. Мареш работали с ним в инструментальном цехе Ростсельмаша). Он помнил рассказы Людвига Сюча о его встрече с «Тихим Доном» на баррикадах красного Веддинга и помогал ему составлять словарь для перевода «Тихого Дона» на венгерский язык; знал о заветной мечте Мета Бланча — перевести на сербский язык «таинственной силы» книгу — все тот же «Тихий Дон»; «растолмачивал» Леону Марешу трудные слова при его переводе «Поднятой целины» для «Роте фане» в 1932 году.

Что очевидно, борцы-интернационалисты были не только активными строителями социализма в СССР, не только увлеченными читателями произведений Шолохова, они стремились вооружить свои народы этим грозным оружием. Отсюда — их внимание к зарубежным изданиям «Тихого Дона», к полноте перевода и цензурным изъятиям в романе...

Не странно ли — этим занимались не лингвисты, не литературоведы, сверявшие в тиши кабинетов «аутентичность» переводов «Тихого Дона». Нет. Простые рядовые коммунисты — рабочие. Им уже тогда это было нужно более чем любому служителю в храме искусства. Для них это было и радостью поэзии, и хлебом насущным, и оружием в бою. Не потому ли Людвиг Сюч знал наперечет все изъятия в шведском издании «Тихого Дона»? И он пришел в издательство «Тиден форлаг» и сказал и потребовал... Не потому ли Мет Блаич еще в 1935 году обнаружил варварскую рубку «Тихого Дона» в Англии? Не потому ли Леон Мареш в 1934 году в Ростове-на-Дону все же издал свои переводы глав из «Поднятой целины»?!

Так относятся только к тому, что тебе необходимо, дорого и священно.

Сейчас, спустя почти полвека после всех этих событий, мы обязаны подчеркнуть, что, наряду с известной статьей А. Серафимовича о «Тихом Доне» в «Правде» (апрель, 1928), с интервью А. Луначарского в газете ЦК Компартии Германии «Роте фане» (ноябрь, 1928), с интервью М. Горького в английской газете «Дейли геральд» (апрель, 1934), эти заметки рабочих политэмигрантов из стенгазеты «Коминтерновец», несомненно, лучшее из всего, что родилось в ту пору (и не только) о «Тихом Доне» в нашей стране...

Мы должны здесь отметить и тот факт, что зарубежные коммунисты выявили действенно-революционный характер «Тихого Дона» — книги о пролетарской революции в России, ее роль в борьбе трудящихся всех стран за свое освобождение (как пролетариата, так и крестьянства), определили главного героя книги — народ, разбуженный революцией. И вместе с тем они высоко оценили эпос Шолохова, как поэзию любви и величия человеческого чувства, как поэму о красоте человека.

И все это — в фактах, в документах больших исторических обобщений: «Тихий Дон» на баррикадах красного Веддинга... «Тихий Дон» на антивоенной демонстрации в Стокгольме... «Тихий Дон» вместе с речью Георгия Димитрова проникает в болгарскую темницу к политзаключенным... Всего не перечислишь, но это звучит как легенда...

Важно отметить, что наш автор, обретя эти документы, воспринял их как завещание своих товарищей по Ростсельмашу. Завещание это для него затем стало смыслом жизни на долгие годы. Он считал, что слово рабочих-интернационалистов о значении «Тихого Дона» для международного революционного движения и для мировой культуры должно быть передано грядущим поколениям борцов. Для коммуниста

Константина Приймы это стало его интернациональным долгом.

Поставив перед собой задачу — дать политический аспект восприятия «Тихого Дона» за рубежом, автор разыскал (пока еще были живы) первых переводчиков романа и получил от них точные сведения о том, как «вступал» шолоховский роман на земли стран Европы, Азии и Америки. Ему надо было знать все — истории переводов, столкновения с цензурой, тиражи, первые отклики прессы; по возможности, «раздобыть» первые издания, получить правительственные распоряжения о запретах на книги Шолохова, найти уникальные экземпляры «Тихого Дона», которые в подполье вдохновляли борцов против фашизма в Германии, были на баррикадах Веддинга и под Гвадалахарой, вместе с партизанами Болгарии и Югославии сражались за честь, свободу и независимость этих народов, надо было видеть переводчиков, слышать бойцов—защитников Мадрида, получить из первых рук документы о борьбе «Тихого Дона» на разных континентах... И Прийма «отправился» в этот длительный, трудный творческий поиск — в Берлин и Будапешт, Токио и Прагу, другие города и веси земные.

Он отправил за рубеж сотни книг «Тихого Дона» и тысячи писем. И в итоге собрал четыреста томов зарубежных изданий книг Шолохова (в том числе уникальные первые издания из 15 стран) и около двух тысяч документов о творчестве советского классика (среди них — письма лидеров компартий Европы, Америки, Азии, отзывы выдающихся писателей, борцов антифашистского подполья, сообщения первых переводчиков, издателей и свыше тысячи статей прессы).

Собрав всю эту громаду бесценной документации по зарубежной Шолоховиане, автор принес ее в дар родному городу Ростову-на-Дону и в 1968 году, в связи с 40-летием выхода в свет первых книг знаменитого романа, организовал в Ростовском музее краеведения поистине грандиозную литературно-документальную выставку «Тихий Дон» сражается».

Об этой выставке много писали. Из откликов на нее приведем лишь один, высказанный ростовским писателем и шолоховедом Михаилом Андриасовым: «Выставка, организованная К. Приймой, напоминает мне первый облет Луны! Она показала нам ту сторону борьбы «Тихого Дона», которую мы до сих пор не знали»*.

Да, не знали и многие специалисты-шолоховеды.

---

* «Комсомолец». Ростов-на-Дону, 1968, 20 декабря, № 248, стр. 3.

* * *

Но здесь мы должны сделать небольшое отступление.

В конце 20-х годов нашего века в литературе Европы и мира появилось три новых имени, наложивших зримую печать на литературу Запада. Это Эрих Мария Ремарк, Ричард Олдингтон и Эрнест Хемингуэй. Они рассказали об ужасах войны и предали ее проклятию. Они рассказали и о погибших в окопах, и о тех погибших, кто остался жив, но перед ужасами войны потерял веру в жизнь и потерял смысл жизни. Так началась литература о «потерянном поколении», которое потеряло все и прежде всего самое себя. Потому-то, поставив грозный вопрос «Кто виноват?» в неисчислимых жертвах мировой бойни, эта литература не смогла на него ответить. Не смогла, видимо, потому, что не давала ответа сама жизнь Запада: на Западном фронте было без перемен...

Ответ на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» пришел из Советской России, с берегов красного Дона. Он был точен и убедителен, ибо здесь строился мир на новых основах и новых началах. Этот мир и родил писателя, который видел и знал больше, чем его западные собратья по перу. Знал больше, пережил больше и герой Шолохова Григорий Мелехов, которого не отнесешь к «потерянному поколению». При всем грузе прошлого, при всех ошибках и заблуждениях, судорожных метаниях из стороны в сторону — это герой ищущий и нашедший. Он уже знает, что в борьбе миров третьего пути не дано. Его признание Советской власти и участие в битвах на стороне красных не случайность, а, наоборот, исторический результат, итог долгих раздумий, разочарований, падений и взлетов — итог активного поиска нового. Григорий Мелехов очаровывает нас как человек, как личность, чьи возможности движения вперед неисчерпаемы. В этом пафос шолоховского героя. Освобождаясь от груза традиций и предрассудков, он идет навстречу новой власти, зная наперед, что его ожидает суровая кара. Но внутренне преодолено и это: ибо он идет навстречу справедливости, которую искал всю жизнь. Гениальный штрих великого художника, венчающий образ титанической силы, величия и красоты.

Это — приятие нового правопорядка, рождение нового правосознания.

Итак, не «отщепенство», не гибель, не падение героя, а его рост и активный поиск истины — вот что составляет содержание шолоховского эпоса. Идея союза рабочего класса и крестьянства — его святая святых. На исключительном материа-

ле (о чем любят говорить авторы «отщепенства»), на изображении жизни и судеб казачества Шолохов ставит и решает общенациональные вопросы, имеющие международное значение, — вопросы о роли крестьянства в пролетарской революции. В том и состоит непреходящий исторический смысл шолоховского анализа, что в казачестве, поставленном в исключительные условия, писатель обнаружил те же самые процессы, которые характерны для русского (и не только русского!) крестьянства в целом. А исключительность условий жизни казачества лишь подчеркивает незыблемость закономерностей развития и сущности крестьянства, открытых Лениным. Отсюда — общенациональное и мировое значение «Тихого Дона». На самом неблагодарном и неблагоприятном материале писатель показал, что диктатура пролетариата побеждает, торжествует идея Серпа и Молота.

Все это очень далеко от произведений Ремарка, Олдингтона, Хемингуэя. Но должно отметить, что в романе «По ком звонит колокол?» Хемингуэй, художественно исследуя причины поражения Испанской республики, в изображении действий экстремистов, оттолкнувших от республики «средние слои», во многом идет по пути Шолохова. Полагаю, это несомненно.

В книге Константина Приймы читатель найдет обильный материал, говорящий о том, чему учит «Тихий Дон», каковы «уроки истории», связанные с ним. Как свидетельствует участник событий тех лет (а после второй мировой войны — первый секретарь ЦК СЕПГ) Вальтер Ульбрихт, коммунисты Германии читали и изучали «Тихий Дон» как «руководство к действию». Почти двадцать окружных коммунистических газет печатали из номера в номер главы шолоховского романа. Магдебургская коммунистическая газета «Трибюне» писала о нем: «...роман учит, как трудящиеся однажды должны будут поступить со своими угнетателями, которые в течение столетий переплавляют их пот и кровь в золото».

Прославленные писатели Запада этому не учили. Их романы — печальная повесть о том, как преступный мир убивает человека и все лучшее в человеке. А эпос Шолохова — сказание о конце преступного мира и о рождении мира нового, былина о рождении Человека...

Все эти, как и многие другие факты, приведенные в настоящей книге, свидетельствуют о том, что «Тихий Дон» Шолохова уже почти полвека находится на передовой линии идеологической борьбы двух миров, неся людям идеи социалистического гуманизма и интернационального братства. Не потому ли датская буржуазная газета «Дагенс нюхе-

дер» 23 августа 1934 года с ужасом писала о нем: это «настоящий литературный коммунизм!..».

Неопровержимо!..

* * *

Историческая жизнь «Тихого Дона» и сложна и многозначна. И кто только не искажал это великое произведение искусства, кто только не желал изменить (хотя бы чуть-чуть) русло «Тихого Дона», его глубину, позицию самого автора и его место во всемирной литературе! Их, желающих, было и есть еще много! От махровых реакционеров, выступающих под именем советологов, до пекинских хунвейбинов, которые, назвав Григория Мелехова «бандитом», по всему Китаю предали «Тихий Дон» огню. От английского издательства «Путнам» и американского «А. Кнопф», что сократили свыше 100 страниц из «Тихого Дона» (и до сих пор не хотят их восстановить!), до бейрутского издательства «Дар аль-Камуз аль-Хадиз» (вырубившего из трех томов романа 50 печ. листов!). От модерниста Др. Недельковича, который заявил в югославской прессе (1966), что в «Тихом Доне» якобы запечатлен «абсурд жизни, абсурд революции, абсурд и самой любви...»*, до ренегата-перебежчика в ФРГ Рюле, называющего «Тихий Дон» «героической песней о русской Вандее» (1959). От наветов американского драматурга Артура Миллера (1969) до антисоветских измышлений Солженицына и многих других — несть им числа!

Не лишая слова противников «Тихого Дона», давая выговориться им всласть, книга Приймы тем самым раскрывает классовый характер литературных оценок и характеристик, что является краеугольным камнем марксистско-ленинского литературоведения. Это представлено в обнаженности, яркости и ярости, в злобе и ненависти — в беспощадной наготе.

С другой стороны, книга демонстрирует несметное богатство суждений прогрессивного лагеря о «Тихом Доне», восхищение им, преданность и служение ему, равно и глубокое проникновение в самую суть его духовного содержания.

Неоценимую помощь в этом автору книги оказали многие переводчики и издатели, прогрессивные писатели и журналисты, редакции коммунистических газет «Нойес Дойчланд», «Юманите», «Руде право», «Непсабадшаг», «Дейли уоркер» (Лондон) и в особенности лидеры коммунистических партий — Морис Торез и Пальмиро Тольятти, Вальтер Ульбрихт и Этьен Фажон, Долорес Ибаррури и Джон

* См. гл. «Югославия».

Голлан, Иосип Броз Тито и Янош Кадар, Хесус Фариа и Чандра Рао. Полученные нашим автором от них документы, письма, отзывы о творчестве Шолохова являются золотым фондом книги «Тихий Дон» сражается».

Верный исследовательский партийный такт, побудивший автора книги обратиться к людям, стоящим в авангарде политической борьбы масс, как видим, вполне оправдал себя. Именно ветераны коммунистических партий обобщенно и раскрыли мировое значение творчества Шолохова.

В дни международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году Константин Прийма берет интервью о «Тихом Доне» у лидеров коммунистических партий Американского континента — Генерального секретаря ЦК Компартии Бразилии Луиса Карлоса Престеса, у одного из руководителей Компартии Аргентины Родольфо Гиольди, обращается к Национальному председателю исполкома ЦК Компартии США Генри Уинстону...

И что знаменательно: вопросы о произведении литературы для всех, без единого исключения, крупнейших деятелей международного коммунистического движения не были неожиданными. Все они говорили о «Тихом Доне», как о «великом произведении нашей эпохи», в котором автор «поведал» всему миру, что такое настоящая пролетарская революция и «как наконец впервые в мире была установлена самая демократическая власть — Советская власть» (Генри Уинстон). «Шолохов не просто всемирно известный писатель... Главное, он художественно ярко и правдиво показал всему миру советскую революцию, рождение нового мира, победу диктатуры пролетариата в России. В этом суть вопроса, почему реакция его боится. «Тихий Дон» «опасен» (Луис Карлос Престес). «Тихий Дон» — это правда очевидца и участника (!) этих событий, правда о русской революции, правда, нашедшая изумительное художественное воплощение» (Родольфо Гиольди).

Но не менее замечательно и то, что книга о русской революции стала фактом национального революционного движения ряда стран — фактом их собственной национальной духовной культуры, фактом их революционно-патриотического сознания.

«Книги Шолохова — это наши соратники на передовой линии классовой и идеологической борьбы», — говорит Родольфо Гиольди. «Передовые пролетарии и прогрессивная интеллигенция горячо любят Шолохова. Это любимый писатель студенчества, которое активно борется против войны во Вьетнаме, за мир и дружбу с Советским Союзом», — заявил и Генри Уинстон.

Книга «Тихий Дон» сражается» на долгие годы станет первоисточником по изучению влияния советской литературы на мировой историко-литературный процесс. Станет живым документом эпохи, говорящим о том, что подлинное произведение русского искусства о Великой Октябрьской революции — «Тихий Дон» — уже перестает быть только произведением советского искусства и становится фактом большой политики.

Несомненно, найдутся критики, которые скажут, что эта книга перегружена документами прессы, что ее надо было построить по иному плану и что наш автор собрал еще не все зарубежные статьи о Шолохове, что еще есть там-то статья такая-то, а в другой газете — иная.

Но Шолохов и его творчество — это такое величественное явление в мировой литературе, что собрать о нем все, как и объять необъятное, — невозможно. Автор книги «Тихий Дон» сражается» и не ставил перед собой такой задачи. В книге даже маленькие главы значительны по своему содержанию (Вьетнам, Италия, Норвегия), хотя дотошный критик и может сказать, что в них представлены не все документы прессы. Но в этом нет ничего предосудительного. Сейчас нет, со временем будут.

Материалы книги приведены в систему, проанализированы, все факты, события и документы о великой битве «Тихого Дона» с реакцией всего мира истолкованы и освещены с наших партийных позиций. Важно отметить, что всю эту громаду документов собрал и передает в руки читателей один человек.

Книга К. Приймы «Тихий Дон» сражается» — новаторская по своему существу. Она явила нам новый тип исследования о советской литературе и ее мировом значении. Книга о флагмане нашей литературы в неотразимой силе документальности своей пусть послужит примером другим авторам и подвигнет их на создание других книг о доблестных представителях литературы страны социализма — Горьком и Леонове, Фадееве и Маяковском.

Такой же тип изданий желателен и необходим и о классике нашей. Читатель с радостью и благодарностью прочитает подобную книгу о Пушкине и Лермонтове, Чехове и Толстом...

Книгу «Тихий Дон» сражается» с интересом прочтет наш рабочий, крестьянин, студент. Она явится необходимым подспорьем преподавателям литературы средней школы и вуза. И наш брат, литературовед и историк, всегда найдет в ней ценнейшие материалы, первоисточники, переведенные

с двадцати пяти языков, и воздаст должное автору, который заново открыл нам величие, красоту и мудрость гениального творения М. А. Шолохова.

* * *

Однако следует сделать еще несколько замечаний.

Не все разыскания Приймы вошли в его книгу. Многое затерялось на страницах изданий десяти-двадцатилетней давности. А среди них есть подлинные, большие находки. Так, его очерк «Шолохов в Вешках» («Советский Казахстан», 1955, № 5) рисует облик писателя-гражданина, коммуниста, который вовремя «разглядел вражеские действия шайки троцкистов, орудовавших на Северном Кавказе, и смело вступил с ними в борьбу». Волнующий рассказ об этом Константина Приймы прокладывал дорогу исследователям «Тихого Дона» для глубокого понимания идеи романа и трагедии его героя. Позже, в 1962 году, в журнале «Подъем» (№ 5) появятся «Вешенские встречи. К творческой истории шолоховских произведений».

В разысканиях о героях «Тихого Дона» — об Иване Лагутине, например, — документируется богатырский эпос революции, встают люди, кованные из чистой стали, простые казаки, обнаружившие недюжинные способности военачальников и дипломатов, политиков и хлеборобов.

В литературно-теоретическом плане подобный розыск дает возможность определить путь творческой фантазии писателя от правды факта к правде художественного обобщения. Это обогащает теорию вопроса. Не вдаваясь в подробности проблемы (пусть поработают товарищи теоретики — собранного автором материала хватит на всех), уже сейчас мы обязаны сказать, что великий художник Шолохов является и великим историком. Гармония этого дара и породила «Тихий Дон».

Это доказал, это документировал автор настоящей книги.

Но вопрос имеет и другую сторону. Среди высказываний Шолохова по теории образа есть и глубокие замечания о прототипе в его отношении к творческому замыслу, то есть к идее произведения, к идее образа. Именно идея как общая истина работает над прототипом и включает его уже как тип в свое русло — делает его своим достоянием. Отсюда — значение наблюдений автора над прототипами «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Угол отклонения от прототипа при прочих равных условиях есть поворот к идее, равнение на нее. И в этом смысле наиболее говорящи «расхождения» Григория Мелехова со своим прототипом Харлампием Ермаковым. Прийма подробно рассказал о нем. При всей колорит-

ности фигуры Ермакова и внешнем сходстве с героем «Тихого Дона» (и внутреннем, конечно) Григорий все более и более уходит от Ермакова. Почему? В чем? Да в том, что в Ермакове побеждало индивидуальное. Его трагедия сугубо личная. Это, собственно, и не трагедия. А трагедия Григория — это трагедия народа в определенную пору развития истории. И везде и всюду, «подчеркивая» яркость, талантливость, необыкновенность личности своего героя, писатель неизменно настаивает на том, что Григорий — это народ, его боль — боль миллионов, его трагедия не есть трагедия личной вины, вины «отщепенца». Отсюда — бесконечность обаяния образа.

Сейчас после работ В. Петелина, Ф. Бирюкова, А. Хватова, Л. Ершова, А. Мацай и других авторов, а также книги Константина Приймы вопрос об «отщепенстве» Григория решен отрицательно и с точки зрения творческой истории «Тихого Дона».

Еще более волнует сообщение Приймы в той же статье о судьбе «хорунжего из Вешек» Павла Кудинова, героя «Тихого Дона». Очерк первоначально был напечатан в «Литературной газете» (1962, № 89). Отсюда мы узнали, что «Тихий Дон» явился решающим актом самосознания для многих и многих сынов Дона, сынов России. Вот что об этом написал из Болгарии Павел Назарьевич Кудинов автору книги:

«Скажу вам, как на духу, — «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска ваша по России стала еще острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова «Тихий Дон», как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!),— эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И вот за это прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря «Тихому Дону» и передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон...»

Так велика сила искусства Михаила Шолохова. Она словом правды буквально перерождает людей. О чем политический деятель скажет: сила эта — организующая и мобилизующая человека на правое дело.

* * *

В 1910 году В. И. Ленин писал о Л. Н. Толстом: его мировое значение как художника «отражает... мировое значение русской революции»*. Отражает настроение крестьянских масс ко времени наступления буржуазной революции в России.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19.

Вслед за Толстым явился Горький. Пролетарский художник. Его мировая известность и слава, его влияние на мировой историко-литературный процесс тоже отражали мировое значение русской революции, ее подготовку и вызревание уже как революции пролетарской, хотя произведения Максима Горького основывались на опыте революции 1905 года.

А Ленин мечтал о том, что придет пора, когда русский писатель расскажет всему миру о победоносной пролетарской революции в России как об историческом свершении, как о богатейшем опыте ее, «о движении масс и классов в целом». Но для этого требовалось одно непременное условие — чтобы победоносная пролетарская революция свершилась. Отсюда — совет Горькому: писать «Дело Артамоновых» после революции, потому что «конца-то действительность не дает»*. Горький по-своему выполнил совет Ленина в последних страницах своего романа. Но в силу ряда условий широкого разворота движения масс, особенно крестьянства, он передать не мог.

Решение этой грандиозной задачи — показать движение масс в период пролетарской революции, показать победу диктатуры пролетариата как классового союза рабочего класса и крестьянства, — решение этой задачи выпало на долю другого писателя. Таким писателем стал Михаил Шолохов. Он исполнил то, что завещал русскому писателю Ленин. Показал всемирно-историческое значение победоносной Великой Октябрьской социалистической революции. Показал победу союза рабочих и крестьян, выдержавшего самые тяжелые испытания. И все это благодаря гениальному освещению писателя стало поистине шагом в художественном развитии человечества.

Отсюда — мировое значение творчества Михаила Шолохова и его влияние на литературу мира.

Об этом в неопровержимо ярких, исторически значимых документах** рассказывает книга Константина Приймы.

Книгу эту начинаешь читать так, как она названа — «Тихий Дон» сражается». По мере чтения ее тобою все более и решительнее овладевает мысль: «Тихий Дон» побеждает!

Таково подлинное название этой книги.

Доктор филологических наук,
профессор В. АРХИПОВ

---

* Из письма А. М. Горького Н. К. Крупской от 16 мая 1930 г. Сорренто.— В сб.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957, стр. 563.

** Из них десятки, если не сотни, впервые становятся предметом литературного анализа.

ЕВРОПА

ГЕРМАНИЯ (ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

I

Впервые в зарубежной прессе доброе слово о романе «Тихий Дон» Михаила Шолохова прозвучало в немецкой коммунистической газете «Роте фане» («Красное знамя») 1 ноября 1928 года.

Страницы газеты были заполнены злободневными лозунгами: «Локаут в Руре! Класс против класса!», «Короли стали издеваются над арбитражем и ловко мошенничают! В своем ответе они непреклонны: бешено наступать!..» А на восьмой, «Литературной странице» этого номера газеты под крупным заголовком «Развитие пролетарской литературы в СССР» публиковалась беседа московского корреспондента «Роте фане» с наркомом просвещения РСФСР А. В. Луначарским.

Давая общую характеристику нашей поэзии, Луначарский отмечал: «В последние два года у нас появились могучие, огромной силы произведения пролетарской литературы... в форме большого романа и рассказа... Исключительно выдающимся является только что вышедший роман «Тихий Дон» Шолохова, совсем молодого писателя. Удивительный, чудесный роман»[1]. Добавим здесь, что два месяца спустя в ленинградском еженедельнике «Красная панорама» А. В. Луначарский в статье «Литературный год» эту свою оценку развил глубже: «Еще не законченный роман Шолохова «Тихий Дон» — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен»[2].

Раньше других — в октябре 1929 года — первую книгу «Тихого Дона» в переводе Ольги Гальперн выпустило в свет книгоиздательство Компартии Германии «Литератур унд политик».

В аннотации было сказано: «Михаил Шолохов принадлежит к тем русским писателям, которые, выйдя непосредственно из гущи народа, сохранили свою самобытность. Примерно

три года назад впервые в русской литературе прозвучало имя этого молодого казака, который теперь считается одним из талантливейших писателей новой России... В романе «Тихий Дон» Шолохов в пылающих красках юга живописует нам казаков Дона — потомков Степана Разина, Булавина, Пугачева, тех героических бунтовщиков крепостнической эпохи, чьи деяния все еще сияют в истории... «Тихий Дон» ничего общего не имеет с ложной романтикой, которая частично овладела представлениями Западной Европы о донских казаках. Книгу делают привлекательной необычная простота и сила таланта Шолохова», который в конце романа «возвещает о приближающейся революции»[3].

С этим напутствием коммунистов Берлина осенью 1929 года немецкое издание романа «Тихий Дон» и пошло в мир.

* * *

Тяжелый экономический кризис и массовая безработица крайне обострили в стране политическую обстановку. Социал-демократы, возглавлявшие правительство Германии (1928—1930), следуя жесткому антисоветскому курсу, безрассудно расчищали дорогу реваншистам и фашистам. Отклонив неоднократные предложения Компартии Германии о создании единого фронта рабочего класса, лидеры социал-демократии канцлер Мюллер, Отто Вельс (в конце 1918 г. комендант Берлина и душитель революции), Цёргибель (полицей-президент Берлина) расстреляли в столице 1 Мая 1929 года мирную пролетарскую демонстрацию[4]. Чтобы зажать Компартию в тиски, они с 3 мая закрыли «Роте фане» — сначала на три недели, а с 26 мая еще на месяц — «за яростную пропаганду идей Москвы» и «правду о расстреле первомайской демонстрации»[5] в Берлине. В те же дни правительство Мюллера запретило по всей Германии деятельность пролетарской организации самообороны «Союза красных фронтовиков»[6], председателем которого был Эрнст Тельман, но в то же время предоставило полную свободу действий многочисленным реваншистским военным организациям, штурмовым отрядам Гитлера, «Стальному шлему» Гугенберга и другим.

Германия, таким образом, превратилась в поле битвы сил прогресса против реакции и фашизма. Вопросы внутренней политики — борьба рабочего класса за хлеб насущный, занятость в производстве, социальное страхование, свобода слова, собраний и право на забастовки — тесно переплетались с проблемами международными. Главенствующими факторами в идейной борьбе, в размежевании классовых сил были: отношение к первой мировой войне, к Версальскому договору, Великой

Октябрьской социалистической революции, к строительству социализма в СССР и к планам новой войны, подготавливавшейся империалистами в Европе и Азии против Советского Союза.

В тот период, по словам Вальтера Ульбрихта, реакционные и фашистские круги Германии развернули разнузданную антисоветскую клеветническую кампанию. Произведения советских писателей в Германии замалчивались, а буржуазные издательства не хотели их публиковать. Только Компартия Германии знакомила немецких трудящихся с ходом строительства социализма в СССР и с советской литературой... «Тихий Дон» М. Шолохова, наряду с книгами Горького, Фадеева, Серафимовича и других советских писателей, стал для многих немецких рабочих, а потом и для растущего числа трудовых крестьян не только большим литературным событием, но и руководством к действию»[7].

II

Литературные организации Москвы и Берлина (ГДР) ничего не смогли сообщить мне о судьбе первой переводчицы «Тихого Дона» Ольги Габор-Гальперн. Но вот в мае 1965 года венгр Шандор Бенами, переводчик «Тихого Дона», написал мне следующее:

«В Будапеште на древнем кладбище «Темето Керепеши», близ памятника нашему герою и поэту Кошуту, под могучим вязом у черной мраморной могильной плиты с надписью: «Андор Габор (1881—1954)», в субботние вечера всегда можно увидеть седую, по виду русскую женщину. Положив на черный мрамор цветы, она подолгу там грустит в одиночестве... Когда солнце уходит за горизонт, женщина, оставив цветы на мраморе, возвращается домой, на тихую улицу Цихи Геца, чтобы писать комментарии к произведениям мужа-поэта, драматурга и революционера Андора Габора. Да будет вам известно, что эта железная старушка — первая переводчица «Тихого Дона» на немецкий язык, Ольга Осиповна Габор (Гальперн)»[8].

Я немедленно написал Ольге Габор и вскоре получил в ответ большое письмо, а в декабре 1965 года поехал в Будапешт, чтобы повидаться с «железной старушкой» Ольгой Осиповной Габор, с Шандором Бенами и венгерским издателем Имре Черепфалви.

В Будапеште я посетил кладбище «Темето Керепеши». В субботу, 18 декабря, придя к памятнику Кошуту и к могиле поэта Андора Габора, встретил я там эту женщину, но не решился подойти к ней. А день спустя навестил ее дома... В ка-

бинете на стене — портрет Андора Габора. Книжные полки до потолка. Навстречу мне из-за стола встает маленькая женщина в очках.

— Так вы вчера были на кладбище? — взволнованно говорит она по-русски.— Вы из России? Из такой дали? Это вы писали и звонили мне из Ростова-на-Дону?

Ольга Осиповна родилась в 1887 году в Могилев-Подольске. С юных лет решила посвятить свою жизнь революционной работе. В эмиграции была студенткой университетов Вены, Лозанны и Гейдельберга. С 1924 года — член Компартии Германии. С 1928 года и до захвата власти фашистами—оргсекретарь Всегерманского союза пролетарских писателей и там же — секретарь коммунистической ячейки...

— Когда и как попал к вам в руки «Тихий Дон»?

— В 1928 году,— ответила Ольга Габор.— Я первая перевела на немецкий язык «Цемент» Гладкова и много других советских книг. Мой муж, Андор Габор, с 1924 года по предложению Марии Ильиничны Ульяновой был корреспондентом «Правды» в Берлине, и мы имели у себя всю московскую прессу и журнал «Октябрь», в котором печатался «Тихий Дон». Мой Андор с первых страниц был покорен поэзией «Тихого Дона». Язык, стиль романа, лепка характеров, любовь Григория и Аксиньи, изображение жизни Дона, войны и революции — все необычайно пленило нас. Андор первый сказал мне: «Роман Шолохова «Тихий Дон» — это книга на века! «Тихий Дон» должно знать все человечество. Его будут читать на баррикадах. В тюрьмах он будет вдохновлять борцов... Враги еще не знают, какие, образно говоря, электрозаряды и какую магнетическую силу таит «Тихий Дон». Дело твоей чести, Ольга, ты лучше меня знаешь русский язык, поскорее перевести его на немецкий». А вскоре пришла «Правда» со статьей нашего друга А. С. Серафимовича о «Тихом Доне». Он сравнил Шолохова со степным орлом! Мы с Андором посоветовали редакции журнала пролетарских писателей — «Линкскурве» напечатать эту статью.

— В вашем переводе?

— Уж я не помню. Так много переводила статей... Время заставило меня взяться за перевод романа. Нельзя было ждать. Фронт пролетарской борьбы этого требовал. Реваншисты поднимали на щит книги Ницше и «Закат Европы» Шпенглера, прославляли дух пруссачества и разбой в Европе. Появились романы об «арийской крови» вроде — «Народ без пространства» Г. Гримма. Как чертополох на свалке, стали появляться книги о сверхчеловеке, на все лады варьировался кайзеровский гимн «Германия превыше всего» и культ «вождя», который должен прийти и создать третью империю от Пиринеев до Па-

мира!.. Книги Келлермана, Томаса Манна, Ремарка, Фейхтвангера, Генриха Манна, Ренна, Арнольда Цвейга при всем желании этих авторов критически осмыслить ход истории все же были окутаны идеями нацифизма. Эти писатели в меру своего таланта лишь объясняли мир, не зная, как его изменить. И «Тихий Дон» в это время ворвался в самую гущу борьбы. В писательских кругах, в комячейках, в рабочих кварталах, на студенческих вечерах, в клубах, на баррикадах и в тюрьмах — всюду он нес людям новое, правдивое, пламенное слово о революции.

— Скажите, а что вам известно о публикациях ваших переводов из «Тихого Дона» в «Роте фане»?

— Давно это было... Многое забылось. Помню, что весной 1929 года была такая заманчивая мысль — напечатать главы из второй книги романа о революции и взятии власти большевиками. Но эта идея была небезопасна.

— Цензура?

— Не только,— ответила Габор.— У власти-то стояли социал-демократы...

— А как встретили «Тихий Дон» писатели?

— Ни один иностранный роман не имел такого успеха. Меня поздравляли за перевод. Даже буржуазные издательства просили разрешение на переиздание. Во Всегерманском союзе пролетарских писателей роман был признан шедевром... Новизна стиля, радужная палитра художника, свежесть образов, глубокое проникновение в психологию героев... Да еще и новое, философское обобщение сущности Октябрьского переворота в истории человечества. Кумиром немецкой молодежи был Эрих Мария Ремарк. Но вот в Германию пришел Шолохов и для миллионов немцев его «Тихий Дон» стал поэтическим и философским откровением XX века...

На письменном столе Ольги Осиповны — корректурные гранки XIV тома сочинений ее мужа — она их вычитывает и правит. Всматриваясь в сухое и бледное лицо Ольги Осиповны, в ее черные волевые глаза, я с восхищением думаю: «Сколько же силы таится в этой женщине! И как прекрасен ее жизненный путь!»

— Я счастлива, что неожиданно оказалась первооткрывателем «Тихого Дона» в Европе,— сказала Ольга Осиповна.— Просто я выполнила свой долг коммуниста. Долг перед родиной и Коминтерном. Борьба за правду об СССР, пропаганда коммунистических новинок всегда составляли смысл моей жизни[9].

III

«Ехал я по степи. Давно это было, давно — уж засинело убегающим прошлым. Неоглядно, знойно трепетала степь и безгранично тонула в сизом куреве. На кургане чернел орелик, чернел молодой орелик. Был он небольшой; взглядывая, поворачивал голову и желтеющий клюв. Пыльная дорога извилисто добежала к самому кургану и поползла, огибая. Тогда вдруг расширились крылья — ахнул я... расширились громадные крылья. Орелик мягко отделился и, едва шевеля, поплыл над степью.

Вспомнил я синеюще-далекое, когда прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Молодой орелик, желтоклювый, а крылья размахнул. И всего-то ему без году неделя. Всего два-три года чернел он чуть приметной точечкой на литературном просторе. Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он. Неправда, люди у него не нарисованные, не выписанные — это не на бумаге. А вывалились живой сверкающей толпой, и у каждого — свой нос, свои морщины, свои глаза с лучиками в углах, свой говор. Каждый по-своему ненавидит. И любовь сверкает, искрится и несчастна у каждого по-своему. Вот эта способность наделить каждого собственными чертами, создать неповторимое лицо, неповторимый внутренний человечий строй — эта огромная способность сразу взмыла Шолохова, и его увидали...»

Так начинается статья А. Серафимовича «Тихий Дон», перепечатанная впервые за рубежом в октябре 1929 года в журнале Союза пролетарских писателей «Линкскурве» («Левый поворот»)[10]. А. Серафимовича знали в Германии по роману «Железный поток» (в переводе Эд. Шиманна). Слово старейшего советского писателя было весомым и авторитетным.

В этом же номере «Линкскурве» редакция под аншлагом «Роман о донских казаках» поместила фотоснимок молодого автора «Тихого Дона» (обошедший затем печать всего мира) и первую зарубежную статью о Шолохове немецкого писателя Франца Вайскопфа. Приведу ее полностью:

«Шолоховский «Тихий Дон», как мне кажется, является выполнением того обещания, которое молодая русская литература дала начавшему внимать ей Западу своими произведениями... «Тихий Дон» свидетельствует о том, как развивается новая литература, сильная своей самобытностью, литература, которая широка и необъятна, как русская степь, молода и неукротима, как новое поколение там, в Советском Союзе. И то, что в известных уже произведениях молодых русских прозаиков часто еще только намечалось, было еще зародышем — новый угол зрения, обращение к проблеме с совершенно неожиданной, по-

вой стороны, сила художественного отображения — все это в романе Шолохова получило уже свое полное развитие. Величием своего замысла, многогранностью жизни, проникновенностью воплощения этот роман напоминает «Войну и мир» Льва Толстого»[11].

Отметим здесь, что величие и огромный успех Шолохова заключались не только в том, что он удачно следовал традициям русских классиков и опыту лучших советских писателей. Шолохов является истинным художником-новатором в стиле, в проблематике, в разработке новых пластов человеческого материала в эпоху революционного преображения жизни миллионов людей. И чтобы сказать миру новое слово о величайшей в истории русской революции 1917 года, Шолохов пошел не по проторенной дороге. Нет! Шолохов для этого избрал самое трудное ратное поле — Дикое поле* — Область войска Донского, с самым сложным, самым трудным и самым запутанным узлом противоречий сословных, национальных, классовых. Избрав такое ратное поле и поставив в центр своего повествования эти противоречия, Шолохов глубочайше в них разобрался, изобразил их столь ярко и самобытно, предметно зримо и философски мудро распутал все узлы противоречий, как до него не смогли сделать историки!

Шолохов в «Тихом Доне» этим противоречиям, борениям и страстям человеческим придал такую силу художественного обобщения и типизации (в русском правдоискателе, простом казаке Григории Мелехове, в народном борце за свободу казачества Федоре Подтелкове, в нежном и железном рыцаре Бунчуке, в твердом Кошевом и даже в тех безымянных красных трубачах, которые перед неминуемым расстрелом вдохновенно исполняют, как свою лебединую песнь, «Интернационал», а также в противоположном стане — в кавеньяке русской контрреволюции генерале Корнилове, в кайзеровском лакее генерале Краснове, атамане Каледине и во всех других образах), что их поступки, ошибки, преступления, заблуждения и трагедии стали уроками истории, уроками для будущих поколений не только России, но и всего человечества.

Коммунисты на Западе это сразу же поняли и высоко оценили в «Тихом Доне», взяв на вооружение пролетарских масс. Коммунистические окружные газеты в Германии (Веймарской республики), как сообщил доцент Эрфуртского пединститута Хорст Флиге на Лейпцигском шолоховском симпозиуме (1965), уже в 1929 году, пропагандируя уроки Великого Октября, «писали о «Тихом Доне» подробнее и обширнее, чем о других худо-

* Дикое поле — так издревле называли земли Юга России, Подонье.

жественных произведениях, считали роман Шолохова книгой, которую должен прочитать каждый сознательный пролетарий»[12].

По данным, полученным из Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (Берлин) и от Хорста Флиге из Эрфурта, первая книга «Тихого Дона» печаталась с 30 октября 1929 по 27 марта 1930 года в газете «Кемпфер» (г. Хемнитц), с 3 ноября 1929 по 26 марта 1930 года в «Трибюне» (Магдебург), с 3 декабря 1929 года до конца апреля 1930 года в «Социалистической республике» (г. Кёльн), со 2 января до конца мая 1930 года в газете «Арбайтервилле» (г. Шуль), с 25 февраля до 30 июня 1930 года в «Гамбургер фолькецайтунг»[13], а также еще во многих других коммунистических газетах.

К сожалению, в библиотеках СССР обнаружить эти газеты (кроме «Трибюне», в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина — Ленинград) нам не удалось.

В газете «Трибюне» роман печатался под заглавием «Любовь казака». В номере от 5 ноября «Трибюне» в редакционной статье аттестовала его как «необычайно интересное, в политическом и литературном отношении очень ценное, лучшее произведение молодой советской русской прозы». Отметив, что в центре повествования находится любовь молодого казака Григория и Аксиньи, которые, преодолевая великие страдания, «обретают свое счастье и гибель», редакция обращала внимание на гуманистическую, антивоенную и антиимпериалистическую сущность романа, в первой книге которого сквозь глухие раскаты войны уже слышалось приближение революции. «Этот новый русский роман,— писала «Трибюне»,— дает читателю необычайное наслаждение не только глубиною чувств, изобилием ярких красок и гениальностью художественного изображения, но в равной мере радует и своим призывом к борьбе против империалистической войны».

Как известно, в первую мировую войну было убито десять миллионов солдат. Миллионы калек, вдов и сирот терзались вопросами: «Во имя чего была эта война? Зачем убивали людей? Как дальше жить?» Эти простые, гневные и «проклятые» вопросы неотступно стучались в сердца миллионов людей. Адвокаты империализма в школах и университетах, с амвонов церквей и парламентских трибун, в прессе, кино и по радио, на конгрессах Второго Интернационала и устами римского папы Пия XI — каждый по-своему находили оправдание кошмарной всемирной бойне 1914—1918 годов, скрывая истинную правду от народов.

И даже участники этой войны, позже ставшие талантливыми писателями,—Ремарк, Олдингтон и Хемингуэй (чьи знаменитые романы «На Западном фронте без перемен» (Берлин), «Смерть

героя» (Лондон), «Прощай, оружие!» (Нью-Йорк) появились соответственно в январе, мае и сентябре 1929 года),— даже эти честнейшие люди не смогли ответить своим однополчанам-калекам, вдовам и сиротам войны на эти вопросы эпохи.

Выдающиеся писатели Ремарк, Олдингтон и Хемингуэй, предав проклятию ужасы мировой бойни в своих романах о «потерянном поколении», к сожалению, не открыли человечеству всей правды о войне.

Для того чтобы сказать о ней всю правду, нужны были новые писатели, чье мировоззрение и творческий метод отвечали бы самой передовой мысли эпохи и чье мастерство в изображении обыденной жизни, страстей и смерти, в показе трагического и комического способно было бы на открытия в художественном видении и воплощении действительности.

И такой писатель нашелся, хотя он и не был в окопах мировой войны... Он пришел в мир с красного Дона, из Советской России! В своем романе «Тихий Дон», который появился в переводе на немецкий язык в Берлине в октябре 1929 года, Шолохов сказал не только всю правду об империалистической войне, но и ответил всем ищущим и страждущим на важнейшие вопросы жизни.

Коммунисты Германии, и в частности редакция магдебургской газеты «Трибюне», нашли этот ответ в «Тихом Доне» в словах солдата-большевика Гаранжи, который все это просто и мудро объяснял Григорию Мелехову в госпитале: «Трэба, не лякаясь, повернуть винтовки! Трэба в того загнать пулю, кто посылае людей у пэкло... Власть трэба, як грязные портки, скинуть. Трэба с панив овчину драть, трэба им губы рвать, бо гарно воны народ помордувалы...»[14]

В Германии 1929 года эти слова звучали особенно волнующе и остро. Ведь там не покарали никого из зачинщиков и организаторов войны. Более того, одним из них — кайзеру Вильгельму II — дали возможность сбежать в Голландию, других — вроде фельдмаршалов Гинденбурга и Людендорфа — возвели в национальные герои, а третьи — стальные и пушечные короли Крупп, Тиссен, банкир Шахт, командующий рейхсвером Сект вместе с социал-демократом канцлером Мюллером — восстанавливали армию, строили «карманные» линкоры, распевали кайзеровский гимн «Германия превыше всего!» и уже пестовали гитлеровские штурмовые отряды.

В условиях ожесточенной классовой борьбы, в обстановке постоянных цензурных изъятий и запретов редакция «Трибюне» в 1929 году проявила революционную прозорливость и мужественно сказала о романе Шолохова следующее:

«Роман «Тихий Дон» так захватывающе повествует о раскрепощении русского крестьянства в ходе революции, что не-

ожиданно становится учебником и учителем для трудящихся города и деревни в округе Магдебург — Ангальт; роман учит, как трудящиеся однажды должны будут поступить со своими угнетателями, которые в течение столетий переплавляют пот и кровь рабов в золото!»[15]

Вот оно самое заветное, что коммунистическая газета «Трибюне» нашла в «Тихом Доне» для своих читателей, самое главное, чего пролетарии, трудящиеся крестьяне и бывшие солдаты мировой войны не обнаружили в прославленных романах о «потерянном поколении»,— оружие борьбы за свое освобождение.

И в этом сущность интернационального звучания и один из важнейших аспектов всемирного значения «Тихого Дона».

С первых дней вступления «Тихого Дона» на немецкую землю он был для коммунистов и передовых пролетариев «руководством к действию».

Участник первомайских боев (1929) на баррикадах Берлина, политэмигрант и переводчик «Поднятой целины» Леоп Мареш писал в мае 1935 года: «Перейдя в подполье, я прочитал на русском языке «Тихий Дон» и понял, что революция делается не по заказу... Что революционной ситуации в Германии нет! А ведь многие, в том числе и я, хотели ее поскорее создать... Глубокая и мудрая книга Шолохова ответила мне на множество запутанных вопросов»[16].

IV

Редакция «Роте фане», опубликовав в 1928 году интервью А. В. Луначарского, вновь писала о Шолохове в октябре 1930 года, когда коммунистическое издательство «Литератур унд политик» выпустило в продажу вторую книгу «Тихого Дона» (с подзаголовком «Война и революция») в Берлине и Вене.

«Роте фане», наряду с областными коммунистическими газетами «Зэксише арбайтер цайтунг» (Лейпциг), «Арбайтерштимме» (Дрезден), «Фольксвахт» (Мекленбург), откликнулась на это литературное событие статьями и письмами рабкоров. Так, в номере от 19 октября 1930 года под крупным аншлагом «Мы никогда не забудем» была напечатана XXVIII глава из второй книги «Тихого Дона»—о злодействе офицера Спиридонова, коварно обманувшего своего однополчанина, вожака красных Федора Подтелкова.

Рассказывая в своей «Аннотации» о борьбе и гибели отряда Подтелкова, редакция «Роте фане» предостерегала немецких пролетариев от ошибок. Напомнив слова Подтелкова: «Какие могут быть разговоры с контрреволюционерами?! Мы с ними боремся!» — газета внушала читателям: «...в вооруженной, как

и в политической, борьбе не может быть никакого примирения с врагом»[17].

30 ноября 1930 года «Роте фане» отдала целую страницу под XXX главу пятой части «Тихого Дона» — о казни отряда Подтелкова. В аншлаг полосы были поставлены слова, взятые из уст палачей: «Расстрелять! Расстрелять! Расстрелять!»[18] Тяжелая, черная строка эта и рисунок с изображением виселицы напоминали пролетариям Германии об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, о расстрелах моряков в Киле, о подавлении Гамбургского восстания 1923 года...

Отмечая высокие художественные достоинства «Тихого Дона», редакция «Роте фане» в своих рецензиях подчеркивала и политические аспекты романа, на опыте России учила массы большевизму. Вопрос о борьбе за рабочие массы, за власть в Германии в те годы был самым жгучим. Соотношение сил на выборах летом 1930 года было таково: за Компартию голосовало 4,6 миллиона избирателей, за социал-демократов — 8,6 миллиона и за фашистов — 6,4 миллиона. Единство действий коммунистов и социал-демократов могло бы раздавить фашизм. В этих условиях пропаганда революционного опыта русских большевиков приобретала первостепенную важность.

Вот почему, по словам доцента Эрфуртского пединститута Хорста Флиге на шолоховском симпозиуме в Лейпциге, «немецкие коммунисты придавали очень большое значение «Тихому Дону»... И коммунистическая «Тюрингер фольксблат» (Эрфурт) 4 октября 1930 года, называя Шолохова «выдающимся поэтом Советского Союза», призывала каждого революционного рабочего «прочесть это поучительное и очень увлекательное произведение»[19].

25 октября 1930 года в «Роте фане» была опубликована большая статья неизвестного «рабочего корреспондента», который писал: «С возрастающим интересом, а в конце с лихорадочным волнением я прочел второй том русского романа «Тихий Дон»... Насколько сложнее, однако, этот своеобразный народ, чем я его представлял себе раньше. Этим я не хочу сказать, что он мне стал чуждым. Нет! Он стал для меня более близким и гуманным... Шолохов с большим мастерством сделал понятной эту ожесточенную борьбу за казаков... И автор в захватывающих картинах показывает, как казаки принимают решения, как они колеблются, как одна-единственная ошибка на той или другой стороне может иметь решающее значение для дальнейшего развития сражения и для исхода борьбы за власть»[20].

Со страниц «Роте фане» роман «Тихий Дон» призывал к бдительности, учил немецких коммунистов распознавать коварство врага, напоминал о великих жертвах и показывал, как

должны поступать революционеры в сложных условиях, чтобы избежать роковых ошибок. Эта рецензия «Роте фане» была перепечатана, пожалуй, всеми окружными газетами Компартии. Некоторые из них сопроводили рецензию своими примечаниями. Так, например, «Гамбургер фольксцайтунг» 1 ноября 1930 года писала: «Нашим товарищам следует прочитать эту книгу — «Тихий Дон» Шолохова. Они из нее могут узнать многое о работе большевиков на войне и многому научиться... Эту книгу надо рекомендовать всем пролетариям!»[21]

Среди рецензентов коммунистической прессы в Германии находились и такие, кто неправильно понимал творческую позицию Шолохова в «Тихом Доне» и многое в его романе трактовал ошибочно.

Так, один из сотрудников издательства «Литератур унд политик» (Вена), Иоганн Вертгейм, в большой статье, помещенной в «Интерпрекор»[22], высказал ряд верных мыслей о «Тихом Доне», но все-таки не понял всей глубины и сложности творческого замысла Шолохова.

По мнению Вертгейма, большевик Бунчук (разъясняющий офицерам неизбежность превращения империалистической войны в гражданскую) всего лишь «доктринер», «плакатно пропагандирующий ленинские всемирно-исторические предсказания», а Григорий Мелехов, «отвернувшийся от расстрела контрреволюционеров» (Чернецова и др), «так же потрясенно, как и от казни своих бывших соратников» (Подтелкова и др.), являет собой пример «объективности, которая в конце концов не является объективностью, так как происходит вследствие идеологического сдвига». Приписывая Шолохову «отсутствие ненависти к тем, кто находится по ту сторону баррикад» (к белым), Вертгейм заявлял, что в «Тихом Доне» «очевиден пацифистский оттенок»[23]. И далее, демонстрируя свое непонимание партийности творческой позиции писателя-коммуниста, обвинял Шолохова в том, что-де «взгляды и поступки (белых) должны бы захватить читателя так же, как и подвиги казацких революционеров и слабости колеблющихся»[24], и что, мол, очень жаль, что этого нет в «Тихом Доне».

Заметим здесь, что литературовед ГДР Хорст Флиге на Лейпцигском симпозиуме по этому поводу сказал очень верно: «Интерпрекор», хотя и рекомендовал роман «Тихий Дон» в статье И. Вертгейма, называя его литературным памятником казачеству, который написан для всех, все же оказался не в состоянии по-настоящему раскрыть читателю глубоко человеческую, большевистскую партийность автора романа»[25].

Буржуазные критики в большинстве своих рецензий (не признавая, отвергая или даже фальсифицируя идейную сущность «Тихого Дона» и позицию автора) все же отмечали самобытность и величие таланта Шолохова. Вот один из откликов, взятый штуттгартским журналом «Ди литератур» (декабрь, 1930), из газеты «Бадишер беобахтер».

«Из множества книг о войне,— писал доктор-профессор О. Фербер,— у нас до сих пор отсутствовало выдающееся русское произведение. Но вот наконец эта русская книга о войне, которая позволяет увидеть русский народ в тучах дыма на фронте и в тылу, чего не найдешь в других произведениях. «Тихий Дон» Шолохова — это событие не только на литературном фронте. Это одновременно признание и открытие народа... И тот факт, что тираж «Тихого Дона» превысил тираж Ремарка («На Западном фронте без перемен»), заставляет нас, из ущелий дряхлой Европы, обратить свои взоры на народные массы Востока!»[26]

Нам не удалось разыскать комплект газеты «Бадишер беобахтер» со статьей О. Фербера, но и этот отрывок из нее весьма красноречив.

В 1930—1931 годах буржуазные газеты при всей враждебности к русской революции и советской литературе в своих рецензиях на «Тихий Дон» вынуждены были признать и высоко оценить силу реализма Шолохова. Берлинская газета «Фоссише цайтунг», как свидетельствует авторитетное датское издательство «Гюльдендаль», писала, что «по мастерству изображения характеров и эпохи Шолохов перевесит десяток лучших немецких писателей»[27]. «Франкфуртер цайтунг» 25 января 1931 года в литературном приложении (в большой рецензии), назвав Шолохова «одним из талантливейших писателей новой России», отмечала три важнейшие особенности его эпоса: «чувство времени, народа и революции»[28]. «Берлинер тагеблатт» предвзято освещая русскую революцию как «бурю войны против всех», все же отмечала, что «художественная ценность пропаганды идей революции у Шолохова необычайно велика» и что «о русском народе и его судьбах «Тихий Дон» сообщает нам больше, чем многие ученые трактаты»[29].

Католический журнал «Граль», в известной мере извращая идею романа, отдавая должное его эпической силе, находил, что «Тихий Дон» является «классическим произведением этого жанра и равный ему появится не скоро»[30]. А известный буржуазный критик Андреас Цейтлер, прочитав «Тихий Дон», признался: «Мы оказываемся потрясенными эпической манерой автора, сосредоточенностью его мысли, его культурой, су-

2 Заказ 37

ровостью и непоколебимостью». Сравнивая советского автора с молодым поколением писателей Запада, этот критик пишет: «По зрелости мысли Шолохов оставляет их далеко позади себя... у него абсолютно отсутствует литературщина, надуманность, нервозность, кои так присущи всем без исключения молодым писателям Запада... Его чудесный «Тихий Дон» неотвратимо течет к морю. Это неслыханно величественное течение было бы в Западной Европе только искусством. Но в России (у Шолохова) оно и идея!»[31]

Социал-демократические газеты довольно долго и упорно замалчивали роман. И только осенью 1930 года, в связи с появлением в продаже второй книги «Тихого Дона», газета «Форвертс» (центральный орган немецких социал-демократов) выступила со статьей о романе.

Известно, что в «Тихом Доне» для исторически достоверного изображения развития революции и борьбы с контрреволюцией в России использованы высказывания Ленина, воззвания большевистской партии, а также документы Временного правительства, царских генералов. Шолохов привлек и некоторые документы из белогвардейских мемуаров, изданных в Берлине. Между тем автор статьи в «Форвертсе», скрывшийся под инициалами М. Ц., занимается измышлениями о каких-то «документальных подтасовках» в романе. Пользуясь затасканным рефреном Карла Каутского о непознаваемости событий 1917 года в России и бесполезности ее опыта для рабочего класса Европы, редакция газеты «Форвертс» заносчиво писала: «Тихий Дон», который в России имеет свое значение, так как изображает поведение и образ мышления русского народа, нам (немцам) ни о чем не говорит, ибо эта книга повторяет лишь в частном случае то, что мы уже давно знаем в целом. Нити, которые приводят в движение эту машину революции, нигде не обнаруживаются, а исторические личности, появляясь, остаются шаблонными...»[32]

Редакция «Роте фане» ответила на этот выпад социал-демократов большой статьей «Война и революция». Критикуя писателей Европы, которые не сумели вскрыть сущность исторического поворота в сознании солдат, прошедших через окопы мировой войны, газета отмечала, что Шолохов оказался на голову выше многих литераторов, так как изобразил войну с классовых пролетарских позиций.

«...Именно этот, почти незаметный поворот в сознании солдат,— читаем мы в «Роте фане»,— рождение новых мыслей, появление новых, еще ранее никогда не существовавших взглядов у уставших от войны солдат царской армии и отличают второй том «Тихого Дона» Шолохова от всех других романов о войне и революции... Казаки Шолохова — «железная гвардия»

царизма (которая поднимала сабли и нагайку против любого восстания) — отказываются выступать против петроградских рабочих. И здесь Шолохов показал также классовое отмежевание казаков от офицеров, ярко изображая, как эти, владеющие землей, крестьяне еще долго колеблются между революцией и контрреволюцией. Одни казаки уже присоединяются в Петрограде или на фронте к красногвардейским отрядам, когда-то «презренных» русских рабочих и солдат, а другие — возвращаются на тихий Дон. Но Дон уже больше не тихий!.. И заслугой Шолохова является то, что читатель романа невольно становится на сторону революции»[33].

* * *

Осенью 1930 года Михаилу Шолохову передали приглашение А. М. Горького приехать к нему в Сорренто.

В первых числах декабря 1930 года Шолохов в сопровождении писателей Артема Веселого и Василия Кудашева отправился в далекий путь, который лежал через Германию. В соответствии с договоренностью компетентных органов СССР и Италии Шолохов и его друзья должны были получить визы на проезд к Горькому у итальянского генконсула в Германии. Однако правительство Италии почему-то затеяло волокиту с выдачей виз, и Шолохов с друзьями надолго застрял в Берлине.

Таким образом, Шолохов оказался в Германии случайно. Поэтому там и не планировались его встречи с писателями и общественностью. Тем не менее, как сообщала либеральная «Ди вельт ам абенд», в Фестзале Гаверланда Шолохов выступил с краткой речью «Об организации пролетарского книжного дела в России», в которой подчеркнул, что «многие советские писатели создали значительные произведения» и что «натиск молодых талантов из рабочей среды никогда еще не был так могуч, как в наше время»[34].

А коммунистическая «Роте фане» 16 декабря 1930 года напечатала довольно большое интервью с Шолоховым, в котором, в частности, сообщалось:

«...Мы задаем вопросы молодому скромному автору двухтомного романа «Тихий Дон», который стал удивительно быстро известен нашим читателям: «Над чем вы сейчас работаете, тов. Шолохов?» С помощью переводчика мы узнаем, что он заканчивает третий том «Тихого Дона». Содержание этой книги — кровавые битвы белых и красных армий в Донской области. Роман будет завершен победой красных в гражданской войне и началом мирного строительства социализма. Шолохов думает окончить это произведение к весне, чтобы затем сразу же взяться за новое произведение о современности... «Как относятся

ваши донские казаки к коллективизации?» — «Буржуазия за рубежом поражена тем,— ответил Шолохов,— какие сравнительно незначительные трудности встречаются нам в перевоспитании мелких и средних крестьян-казаков в духе коллективизма. Удивляются тому, как мало подвергся подкупу этот народ (в течение столетий имевший привилегии от царизма) и как крепко люди сохранили в себе примитивное сознание силы коллектива. Нам, настоящим ленинцам, надо поработать над тем, чтобы все воссоединить и военное сословие превратить в социалистическое».— «Как критикуют рабочие вас и ваши произведения?» Лицо Шолохова осветилось: Только один профсоюз металлистов Ленинграда передал писателю свыше 1000 писем от рабочих и крестьян и красноармейцев. А что это были за письма! Некоторые рецензии профессиональных критиков — пустышки по сравнению с беспощадными пролетарскими обсуждениями романа. К такому опыту приобщились в настоящее время все бойцы литературного фронта в Советском Союзе. «И это,— так закончил тов. Шолохов,— является безошибочным признаком того, как большевики сумели могуче и широко поднять культурный уровень масс великой России и особенно донских казаков, находившихся веками в глубочайшем невежестве»[35].

* * *

Надо сказать, что Шолохов так и не попал в Сорренто к Горькому. Задержка в получении визы (как сообщило нам Историко-дипломатическое управление МИД СССР) «вызвало обмен нотами между Наркоминделом СССР и посольством Италии в Москве и между полпредством СССР в Италии и МИД Италии, в результате чего только 29 декабря 1930 года Министерство иностранных дел Италии сообщило, что оно дало своему генконсулу в Берлине телеграфные указания о выдаче виз на въезд в Италию Михаилу Шолохову, Артему Веселому и Василию Кудашеву»[36]. Но римский телеграф опоздал.

Шолохов в это время уже вернулся из Берлина в Вешенскую. Дон, да и вся страна наша были охвачены великим созидательным порывом — строительством колхозов, и Шолохов приступил к работе над новым романом («Поднятая целина»), о чем впервые и заявил со страниц «Роте фане».

VI

28 февраля 1933 года, сразу же после поджога фашистами рейхстага, президент Гинденбург и канцлер Гитлер опубликовали закон «Об охране немецкой расы», который запрещал деятель-

ность компартии и примыкающих к ней организаций. В VI разделе «Приложений» к этому «Закону» было объявлено, что в нацистской Германии «подлежат запрещению и сожжению книги знаменитых русских авторов — Владимира Ильича Ленина, Максима Горького, Михаила Шолохова, Алексея Толстого...»[37].

Как известно, 10 мая 1933 года в Берлине на Гроссоперплатц фашисты произвели грандиозное сожжение произведений Маркса и Ленина, Вольтера и Горького, Гейне и Драйзера, Шолохова и Роллана, Нексе, Лорки и многих других. Затем подобные книгосожжения были устроены по всем городам и деревням Германии. И всюду фашисты прежде всего изымали и уничтожали книги советских авторов. Но эти устрашающие приказы, террор и фашистские аутодафе были тщетны. Яркое тому подтверждение — издание «Поднятой целины» в Осло и Цюрихе (в переводе на немецкий язык) в 1933 году.

В очерке «Шолохов и «Роте фане», напечатанном в журнале «Подъем»[38], и в письме-обращении к антифашистам Германии в газете «Нойес Дойчланд»[39] я уже писал о том, что история издания «Поднятой целины» на немецком в 1933 году во многом загадочна, а судьбы ее переводчиков — неизвестны. В журнале «Подъем» я цитировал большое письмо венгерского политэмигранта Л. Сюча к бывшему рабочему Ростсельмаша, немецкому коммунисту Л. Марешу, которое и поныне представляет интерес.

«...Твои переводы глав из «Поднятой целины» в «Роте фане» не появились,— писал Л. Сюч в июле 1933 года.— Видимо, полиция перехватила их раньше и уничтожила (здание редакции «Роте фане» фашисты в феврале 1933 года передали Берлинской полиции). Все сотрудники «Роте фане» брошены в тюрьмы, как опаснейшие красные! А борьба все еще продолжается. На Юге Германии, говорят, тайно выпущен листовкой «Буревестник» М. Горького и кое-куда стала проникать в красном переплете «Поднятая целина» Шолохова на немецком! Это почти невероятно, но факт величайшей важности!!! Тебе, как переводчику «Поднятой целины», это надо знать... Из прессы известно, что 10 мая в Берлине на Гроссоперплатц (перед оперой и университетом) состоялось варварское сожжение книг. Говорят, что там Геббельс бросил в костер книги Маркса, Ленина, Горького и корректуру «Поднятой целины» Шолохова... По всей Германии чадят костры. «Сжечь! Сжечь! Сжечь!» — кричат гориллы фашизма. А тем временем «Буревестник» М. Горького и «Поднятая целина» М. Шолохова, подобно волшебной птице феникс, встав из пепла, уже вступили в битву против фашизма — чумы XX века»[40].

В этом письме Л. Сюч высказал предположение, что комму-

нистическое издательство «Литератур унд политик» готовило в то время к печати «Поднятую целину» в переводе Г. Штёсслера и Б. Кроткова и что это было первое и единственное издание этого романа на немецком языке в 1933 году.

В действительности же, как позже выяснилось, первое издание «Поднятой целины» на немецком в 1933 году вышло в свет в столице Норвегии г. Осло. Этот перевод был подготовлен к печати литератором-переводчиком Эдуардом Шиманном в конце 1932 года (кстати, ему принадлежат переводы «Железного потока» Серафимовича, «Падения Даира» Малышкина, «Партизанских повестей» Иванова и еще двадцати книг советских авторов). Перевод «Поднятой целины» был завершен Э. Шиманном еще осенью 1932 года и отредактирован писателем Гервартом Вальденом[41]. Однако в связи с фашистским переворотом в Германии текст перевода в начале 1933 года оказался в Цюрихе, в новом немецком издательстве «Ринг», которое было организовано бежавшими из Германии антифашистами — сотрудниками книжных издательств «Малик — Ферлаг» и «Литератур унд политик» (где прежде печатался «Тихий Дон»).

Издательство «Ринг», не имея своей полиграфической базы в Швейцарии, установило контакты с норвежскими коммунистами, которые и выпустили в г. Осло «Поднятую целину» в красном переплете. На титульной странице этой книги внизу оттиснуты алое знамя и круг — эмблема издательства Компартии Германии «Литератур унд политик». А на контртитуле указано, что это «первый авторизованный перевод с русского Шиманна (под редакцией Герварта Вальдена)»[42]. В мае 1933 года это издание «Поднятой целины» нелегально проникло в фашистскую Германию.

Другое издание этого романа вышло летом в 1933 году (а затем и в 1934 г.) в переводе Бориса Кроткова и Георга Штёсслера в издательстве «Бюхергильде Гутенберг» в Цюрихе (Швейцария)[43]. Мы получили письмо из редакции «Нойес Дойчланд», в котором Юлиус Дейтч (из Вены) сообщил, что переводчик «Поднятой целины» — Борис Львович Кротков — жив и является профессором Венского университета. Вскоре Б. Кротков прислал мне свой перевод «Поднятой целины» (издание 1945 г.) и сообщил, что его соавтор по переводу Георг Штёсслер, преследуемый фашистами, в 1933 году выехал во Францию, сражался в рядах Сопротивления и умер после войны. В своем письме Б. Кротков скромно писал о себе: «На немецкий язык я перевел 15 книг русских авторов и в Вене издал 7 учебников русского языка, которые содействуют взаимопониманию и культурному сближению народов — то есть делу мира»[44].

В России над переводом «Поднятой целины» в 1932 году

успешно трудился рабкор «Роте фане», упомянутый выше политэмигрант Леон Мареш (слесарь-лекальщик завода «Ростсельмаш»). Я не раз был свидетелем того, как Мареш читал свои переводы в клубе иностранных рабочих. Мне известно, что в конце 1932 года он отправил их в Берлин, в редакцию «Роте фане», но, очевидно, в связи с фашистским переворотом в коммунистическую редакцию они не попали. Позже, в 1934 году, Мареш издал в Ростове на немецком языке эти главы двумя брошюрами — «Неудачник Щукарь» и «Прорыв в бригаде»[45]. Сам факт, что эти переводы сделал рабкор «Роте фане», политэмигрант, рабочий Ростсельмаша,— в высшей степени знаменателен!

VII

Длительное время у меня не было ни одного экземпляра первых изданий «Тихого Дона» и «Поднятой целины» на немецком. Наши попытки найти эти книги у букинистов Берлина оказались безуспешными.

Но строки из письма тов. Вальтера Ульбрихта — «многие немецкие рабочие, антифашисты, социал-демократы и граждане христианских убеждений сохранили втайне многочисленные экземпляры книг Шолохова, которые читали и в период фашизма»[46],— побудили меня обратиться с письмом к немецким антифашистам через газету «Нойес Дойчланд»[47].

Ветераны Компартии и антифашисты немедленно и очень дружно откликнулись, прислав в редакцию десятки писем, которые частично были опубликованы в «Нойес Дойчланд» 9 августа и 30 сентября 1966 года. Вскоре газета переслала нам книги «Тихий Дон» (1929—1930 гг.), предложенные Гертрудой и Паулем Дрезе (г. Мерзебург), Геленой Вайс (г. Баутцен), Карлом Фрауэнштейном (г. Дрезден), Гансом Дреманом (г. Лейпциг), Эрвином Вайсом (г. Берлин), Вилли Линке (г. Берлин), В. Зутером-Бианки (г. Цюрих). А коммунисты Эмми и Бруно Якоби прислали две книги «Тихого Дона», которые принадлежали Гансу Коппи, подпольщику-радисту знаменитой «Красной капеллы» — антифашистской организации Шульца — Бойзена — Харнака (Берлин)[48].

Антифашисты через редакцию «Нойес Дойчланд» прислали также экземпляры самых первых изданий «Поднятой целины» на немецком языке. В частности, тов. Трупке нашел книгу в переводе Э. Шиманна, изданную в г. Осло в 1933 году.

«Для Ростовского музея краеведения,— писал нам завотделом писем газеты «Нойес Дойчланд» доктор Клаус Хенке,— этот экземпляр «Поднятой целины» (подарок тов. Трупке) представляет особый интерес еще и потому, что в этой книге на

титульной и последней страницах стоит русский штамп: «Центральная библиотека г. Ростова-на-Дону. Инв. № 2759». Будучи издана немецкими коммунистами в г. Осло в 1933 году, эта книга затем попала в Ростов. Ураган войны, неведомо как, занес ее с Дона в Дрезден. Тов. Трупке нашел ее на одном из военных заводов. И вот через десятилетия этот уникальный экземпляр «Поднятой целины» возвращается в город, которому он и принадлежал...»[49]

Письма эти — волнующие документы истории. Они свидетельствуют о том, что Шолохов не только поведал миру правду о русской революции, но и много сделал своими романами для укрепления интернациональных связей пролетариата, воспитания мужества и стойкости у подпольщиков.

* * *

Выше была отмечена официальная точка зрения социал-демократической газеты «Форвертс», редакция которой всегда стояла на позициях антисоветизма. Однако многие рядовые социал-демократы в те годы по-иному относились к Советской России. Они с интересом встретили и роман Шолохова. Вопреки установкам своих лидеров и газете «Форвертс» социал-демократы заходили в «красные» магазины, покупали советские книги, читали их и сумели сберечь в мрачные годы фашистской диктатуры. Вот отрывки из некоторых писем, поступивших от бывших социал-демократов в августе 1966 года в редакцию «Нойес Дойчланд» и пересланных нам.

«...Мой отец — левый социал-демократ,— пишет Фрона Бауэр из Берлина в письме от 31 июля 1966 года.— Еще в 1930 году он купил «Тихий Дон» и зачитывался этой прекрасной книгой. В годы фашизма мы знали, что отец бережно хранил большевистский пламенный роман, и гордились этим. Сейчас наш отец — член СЕПГ (Социалистической единой партии Германии), директор института усовершенствования учителей. Мы сберегли книгу «Тихий Дон» и готовы подарить ее вам»[50].

Из Дрездена нам пишут следующее:

«В ответ на письмо-обращение из Ростова-на-Дону сообщаем. Мы были социал-демократами и долго не знали, что такое «Тихий Дон». Но в 1934 году антифашист по имени Скала передал нам на сохранение много запретных книг. Среди них мы обнаружили два тома «Тихого Дона» М. Шолохова, изданных в Берлине коммунистами в 1929—1930 годах. «Тихий Дон» открыл перед нами не только родину Шолохова, героических людей революции, но и посвятил нас в существо политической борьбы в России, о которой мы, индустриальные рабочие Германии, мы, социал-демократы, не имели понятия. Сильнейшее

впечатление произвел на нас «Тихий Дон» глубокой правдой изображения революции в России. Мы были потрясены мужеством коммунистов, которые боролись против белогвардейщины. «Тихий Дон» утвердил нашу классовую точку зрения духовной солидарности с «красными», хотя мы, социал-демократы, и не вели тогда организованной борьбы против фашистского режима. После разгрома фашизма в 1945 году мы вступили в ряды Компартии Германии. Книги «Тихий Дон», принадлежавшие антифашисту Скала, пропавшему без вести, мы сохранили и можем подарить их вам.

Август 1966 *Хельмут Петч, Леа Петч»*[51].

В письме из г. Гюзена сообщалось:

«Дорогие товарищи! «Тихий Дон» я купил в юности. Я прочел много книг советских авторов, но эта книга была самая памятная.

«Тихий Дон» дал мне возможность составить яркое представление о мощи и значении русской революции, о сущности классовой борьбы и путях к победе, которые указал бессмертный Ленин. И тогда, в 1930 году, я перешел в Компартию... Ныне я член СЕПГ, работаю в цементной промышленности, строю социализм в Германии. Я готов подарить вам сохраненный томик «Тихого Дона».

1.VIII.1966 г. *Герман Бах»*[52].

* * *

Томики «Тихого Дона» с обложками и без обложек, зачитанные и обветшалые... Книги, тринадцать лет сражавшиеся в подполье против фашизма.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

I

В новой, демократической Германии роман М. Шолохова «Тихий Дон» (наряду с произведениями других советских писателей) был выпущен в свет народным издательством «Фольк унд вельт» в 1947—1948 годах. Первая, вторая и третья книги романа вышли без предисловий и комментариев в переводе Ольги Гальперн, а четвертая — в переводе Э. Марголис и Р. Чоры.

Мы получили из Дрездена от одного из друзей Советского Союза книги этого выпуска «Тихого Дона»[1]. В своем письме наш друг пишет:

«...Когда Красная Армия, под водительством партии Ленина, разбила и прогнала к чертям со своей земли интервентов и белогвардейцев, я был еще в пеленках. И тот факт, что Красная Армия свершила это великое благодеяние для всего человечества и для меня лично, я осознал лишь после разгрома фашизма и после того, как прочел «Тихий Дон» и другие советские книги. Я в числе первых пошел добровольно служить в народную полицию, чтобы защищать и укреплять новый строй Германии. Пошел по велению своей совести... Мы, молодые коммунисты, тогда были очень голодны на советскую книгу. А «Тихий Дон» Шолохова относится к тем книгам, которые проломили лед предвзятости к советской литературе.

Своим народным языком и высокой художественностью Шолохов дал истинные понятия о русском народе, о величии Октябрьской революции и о необходимости построения социализма и в Германии. Признаюсь, что не только я, но и все мои друзья после прочтения «Тихого Дона» нашли в лице Шолохова учителя и друга на всю жизнь. Вот как велико было тогда (да и теперь тоже) влияние Шолохова на идейную, нравственную и созидательную жизнь в Германии. Именно под воздействием Шолохова я начал глубже задумываться над проблемами нашего бытия, затем стал сам писать и превратился в журналиста-редактора заводской многотиражной газеты... Руководил кружком пишущих рабочих, а 27 мая 1964 года лично познакомился с М. А. Шолоховым на памятной встрече с ним наших писате-

лей в Дрездене. В своей библиотеке я храню «Поднятую целину» с автографом Шолохова — книгу борьбы, трагедий и мудрости нашего века.

Дрезден. 809. *Карл Фрауэнштейн*»[2]

Полное издание «Тихого Дона» на немецком языке в новой Германии было встречено как крупное событие.

Отмечая самобытность таланта Шолохова, «эпическую мощь его повествования», газета «Берлинер цайтунг» 24 января 1948 года писала: «Буря революции, взметнувшаяся над степями Дона, открыла нам неистовую борьбу народа за власть, показала, как в ходе этой борьбы идейно росли и мужали люди, как они исполняли свой долг перед историей».

Приветствуя новое издание «Тихого Дона», редакция «Берлинер цайтунг» подчеркнула «актуальность и необходимость шолоховского романа, так как он всюду будет помогать изобличать и разрушать ложь, которую кое-кто снова распространяет о Советском Союзе»[3].

Журнал Союза свободной немецкой молодежи «Нойес лебен» отметил гуманистическую позицию Шолохова («Человеческую справедливость всюду должно соблюдать»), значительность темы: «Мы следим за потрясающими событиями Октябрьской революции, мы их переживаем, мы вдумываемся в дела простых русских людей — как они действуют, что они делают, как созидают новую жизнь без эксплуататоров. Ведь роман Шолохова является призывом к миролюбивому человечеству всего мира продолжить опыт, запечатленный в эпосе о Доне»[4].

Журнал «Вельтбюне» рекомендовал «Тихий Дон» как роман «о революционной России», написанный «с большим художественным пафосом советским классиком эпоса, который по силе изображения напоминает «Войну и мир» Л. Толстого»[5].

Авторы других рецензий делали попытки разобраться в проблематике «Тихого Дона». Так, например, в «Теглише рундшау» критик Дитрих писал, что Шолохов запечатлел «в грандиозном эпосе как человеческую трагедию великий социальный переворот в жизни донского казачества со всеми сложными последствиями революции в этом необъятном крестьянском мире». Дитрих зорко подметил оптимистический пафос «Тихого Дона»: «Все движение эпохи проходит через душу Григория Мелехова и над ним... Трагические утраты усиливают тяжесть ударов бури, проносящейся над Мелеховым, но жизнеутверждающая сила нового еще более возвышается вследствие контраста — внутреннего разлада отставшего одиночки (Мелехова). Герой — проиграл, но великая битва — выиграна! И поэтому трагедия теря-

ет свой пессимистический акцент». Дитрих верно оценил у Шолохова «глубокий реализм», «высокую поэтичность стиля», «эпическую масштабность, лирические отступления автора, которые в целом своим богатством очаровывают читателя»[6].

II

Первая книга романа «Поднятая целина» была напечатана в новой Германии весной 1946 года. Она появилась в числе первых публикаций «SWA Verlag» — издательства Советской военной администрации, которая «проделала огромную работу своими изданиями советской беллетристики на немецком языке»[7]. Книга была выпущена с портретом Шолохова на обложке, но без указания фамилии переводчика. Сверив текст этого выпуска «Поднятой целины»[8] с довоенными изданиями романа, мы выяснили, что он полностью, слово в слово, идентичен изданному в г. Осло в 1933 году переводу (пропавшего без вести) антифашиста Э. Шиманна.

Второе издание «Поднятой целины» было выпущено в Берлине издательством «SWA» в 1947 году с предисловием, в котором подчеркивалась не только художественная ценность романа, но и «политическая актуальность в выполнении особой миссии, в укреплении взаимоотношений между народами СССР и Германии»[9].

Шолоховский роман о коллективизации вызвал огромнейший интерес в кругах коммунистической общественности, среди передовых рабочих, крестьян и творческой интеллигенции. В это время наиболее ярким, на наш взгляд, было выступление «Теглише рундшау» (апрель, 1946). Горячо приветствуя «появление на немецком языке «Поднятой целины» — классического произведения советской литературы», автор рецензии Эйлау писал «о шекспировской щедрости Шолохова, у которого самая незначительная фигура имеет свой голос, свое незабываемое лицо» и что поэтому, «казалось бы, серая, будничная жизнь вдруг предстала полнокровной, с бурными событиями и эпической масштабностью».

По убеждению критика Эйлау, «в сегодняшней Германии шолоховский роман приобретает для всех читателей не только литературное значение, но и практическое. Сколько мы слушали наветов и клеветы о коллективизации?.. Но колхозы в современных условиях — самый верный, экономически могучий путь решения земельной проблемы в России... Так отвечает Шолохов. Мала сцена действия его романа — хутор, который становится сценой мирового звучания... И эту книгу одного из великих реалистов мировой литературы люди будут хранить в памяти как произведение, выходящее за границы Советского

Союза, как произведение, имеющее огромное политическое, культурное и литературное значение во всем мире»[10].

А в газете «Нойес Дойчланд» — главном органе Социалистической единой партии Германии — рецензентка Элизабет Борхард отмечала, что в романе Шолохова запечатлена «правда эпохи», дыхание которой нам доносят «великолепные образы Давыдова, Нагульнова, Майданникова и даже деда Щукаря... Чему учит «Поднятая целина»? Что в ней особенно важно для нас?» — ставила вопросы Э. Борхард и отвечала: «Важно то, что у русских литература рассматривается как могучее оружие морального воспитания. Поэты и писатели России не уходят от действительности, от будней жизни в сферу чистого искусства. Нет! Актуальнейшие проблемы они перевоплощают в явления искусства, прогрессивно влияющие на всех... И тут как не пожелать подобных плодотворных обогащений и для нашей немецкой литературы?»[11]

Несколько позже известный немецкий писатель Вилли Бредель в своем докладе на Всегерманском съезде писателей и в статье «Мастер социалистического реализма» дал развернутую характеристику творчества Шолохова, оценил значение его опыта для немецких писателей, а «Поднятую целину» назвал «грандиозным документом эпохи», который объясняет жизнь и именно «такую мирового значения фазу жизни, как первая в мире коллективизация, первые проявления социалистического сознания в деревне. Это событие — не знающее примера в истории человечества — есть воистину целина!.. Роман Шолохова, изображающий людей далекого Дона, их борьбу за лучший, справедливый уклад жизни, кровно затрагивает не только людей Советского Союза, но и всех трудящихся мира. «Поднятая целина» воплотила актуальное историческое событие в такую художественную форму — памятник победы социализма, который переживет века...» По мнению Вилли Бределя, «Поднятая целина» — это «шедевр социалистического реализма» и «учебник жизни»[12].

Другой известный немецкий писатель, Франц Вайскопф, в статье о «Поднятой целине» писал: «Мы с волнением вдумываемся в события и переживания, в мысли и сокрушения многих темпераментных персонажей, мы читаем настоящий роман, который является одновременно политическим учебником, социологическим исследованием, в котором воплощены новые чувства и мысли нового мира». Сопоставляя «Поднятую целину» с произведениями классиков мировой литературы, Ф. Вайскопф подчеркивал следующее: «Авторы лучших романов о крестьянах от Бальзака до Толстого, Реймонта и Гамсуна имели богатейший материал, который они разрабатывали негативно. «Величие крестьянина,— сказал Бальзак,— это его нище-

та». А крестьянин у Шолохова велик не своей нищетой. Нет, он велик потому, что встал на порог нового развития, в ходе которого он еще не перестает быть бедным, но перестает быть собственником. Крестьяне «Поднятой целины» становятся в ходе этого развития тружениками бесклассового общества. В этом суть крестьянского романа Шолохова «Поднятая целина»[13].

Таковы вкратце первые и важнейшие отклики прессы и писателей на появление шолоховских романов в новой, социалистической Германии.

III

1950—1965 годы были периодом все возрастающей популярности Шолохова в ГДР, когда его книги вошли здесь буквально в каждый дом. Этому, несомненно, содействовали включение романа «Тихий Дон» в школьные программы, а также появление на экранах советских кинофильмов «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

В 1957 году еженедельник «Зонntаг» опубликовал новеллу «Судьба человека» в переводе О. Брауна. В следующем году издательство «Культур унд фортшритт» выпускает «Судьбу человека» вместе с другими рассказами Шолохова. Затем прославленная новелла о русском солдате Андрее Соколове издается в ГДР еще десять раз. «Судьбе человека» в ГДР было посвящено множество статей, в которых давалась партийная и интернационалистическая оценка рассказа и его экранизации С. Бондарчуком.

«Не каждый хороший рассказ дает при его киноэкранизации замечательный фильм,— читаем мы в журнале «Вельтбюне».— Но в прозе есть такие произведения, которые сохраняют в любом жанре свою силу. Сказанное относится, в частности, к рассказу Михаила Шолохова. С самого начала фильма зритель становится пленником-спутником судьбы Андрея Соколова. Видимо, поэтому он и назван «Судьба человека». Фильм открывает нам две истины: в чем сила советского патриотизма и в чем могущество искусства социалистического реализма»[14].

А редакция «Зонntаг» о кинофильме «Судьба человека» писала: «Шолохов своим литературным шедевром поведал нам о страданиях и непобедимости советских людей в годы Великой Отечественной войны. Виновником этих страданий и бедствий был фашизм. Против кого же этот фильм направлен? Скажем прямо: против тех, кто еще стоит на позициях фашизма. Фильм «Судьба человека» — это суровое обвинение фашизму»[15].

В 1958, 1960 и 1962 годах издательство «Культур унд фортшритт» выпускает сборник ранних рассказов «Лазоревая степь» с послесловием переводчика Гарри Бурка. В этом послесловии

высказано много точных наблюдений. По утверждению Г. Бурка, в раннем творчестве Шолохова запечатлена «неслыханно острая классовая борьба в ее неслыханно острых формах» (Ленин), и «оглядываясь в историческое прошлое, ранние рассказы Шолохова надо признать литературным событием своего времени... Под знаком трагического стоит большинство рассказов Шолохова. Но в них герои гибнут не из-за нравственной вины, а вследствие верного исполнения революционного долга. Поэтому у Шолохова трагическое всегда оптимистично». И вторжение революции в семью он изображает «драматично, с эпической силой и потрясающей правдивостью»[16].

В 50-е годы газета «Нойес Дойчланд», журналы «Зоннтаг», «Театер дер цайт» и другие печатали главы из второй книги «Поднятой целины», которая в связи с развернувшимся социалистическим переустройством немецкой деревни стала настольной книгой крестьян и партийных работников. Наконец, в 1960 году издательство «Фольк унд вельт» выпускает первую и вторую книги этого романа в переводе Юрия Эльперина.

В автографе на книге «Поднятая целина», присланной Ю. Эльпериным в 1965 году, написано: «Книгу эту сейчас можно найти в ГДР на книжных полках у молодых и старых немцев, у представителей всех профессий, в городах и в селах. Я убежден, что «Поднятой целине» Шолохова еще предстоит победное шествие по другим странам и континентам»[17].

В 1961 году Г. Ангаровой (СССР) были переведены на немецкий фрагменты романа «Они сражались за Родину» и изданы в ГДР с предисловием Вилли Бределя.

Спрос на произведения Шолохова был настолько велик, что в 1964 году «Поднятая целина» вышла уже 15-м, а «Тихий Дон» — 18-м изданием.

Дважды, в 1966 и 1968 годах, издавалось и Собрание сочинений Шолохова (издательство «Культур унд фортшритт») с большим послесловием известного писателя и публициста Альфреда Куреллы. Отдельные произведения Шолохова после 1964 года переиздавались еще несколько раз. В прессе ГДР публиковались все выступления М. А. Шолохова на съездах КПСС, перед писателями и избирателями, важнейшие публицистические очерки и литературоведческие статьи о его творчестве.

При всем обилии этой информации в энциклопедических изданиях ГДР еще встречаются неточности.

Так, в энциклопедии «Мейерс нойес лексикон» (том 7, 1964, Лейпциг)[18] в статье «Шолохов», в частности, не указано, что М. Шолохов является членом Коммунистической партии с 1932 года, депутатом Верховного Совета СССР с 1937 года (бессменно до наших дней!), действительным членом Академии

наук СССР с 1939 года и членом ЦК КПСС с 1961 года. Нет этих сведений и в энциклопедическом «Лексикон вельтлитератур» («Словаре мировой литературы», 1966, Лейпциг). Не сказано в нем и об избрании Шолохова почетным доктором Сент-Эндрюсского (Англия, 1962) и Лейпцигского (ГДР, 1965) университетов, о присуждении ему Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий. При этом редакция «Лексикон вельтлитератур» отмечает, что уже в «Донских рассказах» Шолохов изобразил гражданскую войну «реалистически, с партийных позиций». В «Лексиконе» верно рассматриваются «Поднятая целина», «Судьба человека», эпическая масштабность, историческая правдивость и высокая поэтичность «Тихого Дона»[19].

IV

В руководящих кругах партийной и писательской общественности ГДР творчество Шолохова оценивается как образец высокого искусства, партийности, народности и активного вторжения в жизнь страны.

Авторитетное подтверждение этому мы находим в уже упоминавшемся письме бывшего тогда первым секретарем ЦК СЕПГ тов. Вальтера Ульбрихта.

В Лейпциге на литературном симпозиуме (1965) доктор Гюнтер Варм заявил, что Шолохов, проживая в Вешенской, «принимал активнейшее участие в дискуссиях о путях развития культуры и искусства ГДР», что его речи, интервью и другие высказывания «по вопросам искусства, о партийности литературы и месте писателя в рабочем строю находили живейший отклик на III съезде немецких писателей и Второй Биттерфельдской конференции»[20].

Из протоколов VI партийного съезда мы узнаем о том, что роман «Поднятая целина» помогал вожа́кам первых сельхозкооперативов (о чем говорил делегат съезда Эрист Вульф) глубже проникать в сущность борьбы за новое в жизни крестьян, что делегаты съезда (Эдит Бауманн) ставили творческую позицию Шолохова в борьбе за коммунизм в пример своим писателям[21].

Критики и литературоведы ГДР в своих работах уделили много внимания проблематике «Тихого Дона» и трагической судьбе Григория Мелехова.

В большинстве статей отмечалось немало достоинств Григория Мелехова и в то же время ошибочно подчеркивались его «отщепенство», моральный крах, невозможность возврата в новый мир, «бессмысленная гибель». Так, например, известный публицист и писатель Отто Готше в статье, посвященной 50-летию М. А. Шолохова, в «Теглише рундшау» писал: «Григорий

в «Тихом Доне» — это сильной воли человек, мужественный и бесстрашный солдат мировой войны и революции, страдающий и много ошибающийся, колеблющийся, несмотря на многие хорошие качества, становится то на одну, то на другую сторону, нигде не остается до конца, и его неспособность окончательно решиться идти со своим народом ведет его к бессмысленной гибели»[22].

«По мнению большинства критиков,— отмечал доктор Г. Варм в 1965 году в своем докладе на шолоховском симпозиуме в Лейпциге,— Григорий Мелехов должен закономерно погибнуть»[23]. Этот же тезис прозвучал и в приветственном адресе М. А. Шолохову (май, 1965) от филологического факультета Лейпцигского университета имени Карла Маркса, в котором Григорий Мелехов также ошибочно именуется «трагически гибнущим правдоискателем»[24].

В то же время литературовед Надежда Людвиг в статье, посвященной кинофильму «Судьба человека» (1959), высказала впервые в ГДР новую, оптимистическую мысль о том, что «Шолохов... завершает «Тихий Дон» тем, что Григорий, перешагнув море слез и крови, найдет путь к новой жизни»[25].

На наш взгляд — это самая глубокая и верная мысль о финале романа «Тихий Дон», которая к тому времени появилась в прессе ГДР.

* * *

Картина восприятия творчества Шолохова в ГДР будет неполной, если не сказать об активном и плодотворном вторжении его книг во все сферы идеологической, культурной и художественно-творческой деятельности.

Яркой иллюстрацией этого могут служить события, происшедшие в маленькой деревне Линов-Мёкерн, в ста километрах западнее Берлина. Там, в бывшей барской усадьбе, в 1960 году батраками был создан сельскохозяйственный кооператив «Михаил Шолохов».

История создания этого кооператива уже становится легендой...

Бывший батрак, а затем председатель кооператива Лотар Кох рассказал мне, как рабочий Эрих, коммунист, присланный Потсдамским окружкомом партии, душа парень, умница, работяга, как Давыдов в Гремячем Логе, вечерами читал крестьянам книгу Шолохова. Вот так судьбы героев «Поднятой целины» — Давыдова, Нагульнова, деда Щукаря — для всех стали близки и понятны.

«Как же трудно рождался колхоз на Дону и как правдиво это описано Шолоховым! — говорил Лотар Кох.— Вскоре коммунист Эрих принес нам «Тихий Дон». Затем крестьяне посмот-

рели кинофильм «Судьба человека», киноэпопею «Тихий Дон» и дублированный на немецкий язык кинофильм «Поднятая целина». И все это как раз в то время, когда мы в Линов-Мёкерне создавали свои кооперативы. Из СССР мы получили новые тракторы СТЗ — памятные сталинградские, которые и перепахали у нас (да, пожалуй, и по всей ГДР!) старые и новые крестьянские межи! Вот тогда и возник вопрос о названии нашего колхоза. Кто-то из крестьян подал мысль: «Самое подходящее было бы «Михаил Шолохов». Конечно, в таких случаях всегда найдутся скептики — посыпались вопросы: «А можно ли давать русское имя немецкому кооперативу?», «А что об этом скажут Бонн и «Голос Америки»?». «А согласится ли на это Шолохов?» Да, много было споров, и все же большинство крестьян решило, что Бонн и Америка для ГДР не указ! Мол, свободные немцы — сами с усами! А присвоение имени Шолохова кооперативу есть наша добрая воля. Так и решили. И вскоре отправили письмо Шолохову с просьбой дать свое согласие... Да, и послали на Дон, а ответ из Вешенской задержался. И снова, конечно, нашлись скептики, которые подшучивали над активистами, мол, кануло письмо в тихий Дон. А 26 сентября 1960 года в кооператив пришел ответ от Шолохова. Весть эта собрала всех крестьян в клуб... Письмо было зачитано вслух трижды...»

«Членам кооператива деревни
Линов-Мёкерн

Дорогие товарищи!

Постоянные разъезды помешали мне ответить вам своевременно, за что прошу извинить меня.

Вы удостоили меня великой чести, присвоив вашему кооперативу мое имя. Разумеется, я горжусь этим и от всей души желаю всем членам вашего кооператива, всем вашим родным и близким счастья в жизни, успехов в работе и учебе.

Если в будущем году мне удастся побывать в ГДР, я непременно навещу вас и познакомлюсь с вами и вашим хозяйством.

14.9.1960 г. — С добрыми чувствами
ст. Вешенская — ваш *М. Шолохов*»[26]

Окружная потсдамская газета «Нойес цайтунг» позже писала об этом так: «Присвоение кооперативу русского имени «Михаил Шолохов» 26 сентября 1960 года не было ни запланировано, ни заранее подготовлено. Кто-то из крестьян предложил: «Друзья, давайте примем советского писателя Михаила Шолохова в почетные члены нашего кооператива». Крестьяне бурными аплодисментами одобрили это предложение, и советский писатель Шолохов единогласно был принят в почетные члены немецкого кооператива деревни Линов-Мёкерн»[27].

Членам кооператива деревни Линов-Мёкерн.

Дорогие товарищи!

Постоянные раз'езды помешали мне ответить вам своевременно, за что прошу извинить меня.

Вы удостоили меня великой чести, присвоив вашему кооперативу мое имя. Разумеется, я горжусь этим и от всей души желаю всем членам вашего кооператива, всем вашим родным и близким счастья в жизни, успехов в работе и учебе.

Если в будущем году мне удастся побывать в ГДР, я непременно навещу вас и познакомлюсь с вами и вашим хозяйством.

С добрыми чувствами

Ваш М. Шолохов

14.9.60.
ст. Вешенская

Автограф письма М. А. Шолохова
членам сельхозкооператива деревни Линов-Мёкерн, ГДР.

По свидетельству Гюнтера Варма, «в первой половине 50-х годов и между 1960 и 1962 годами «Поднятая целина» изучалась миллионами трудящихся, как книга мудрости жизни, в которой Шолохов неповторимо запечатлел человеческие судьбы и весь процесс закономерного движения к социализму»[28].

V

В конце мая 1964 года по приглашению ЦК СЕПГ и Союза немецких писателей Шолохов посетил ГДР. Он побывал в Берлине, Дрездене и Веймаре, на заводах и в колхозах, встречался с руководителями СЕПГ и правительства ГДР, с писателями и рабочими, учеными и крестьянами, журналистами и молодежью. И всюду его встречали как давнего и большого друга Германии.

Государственный Совет ГДР наградил писателя орденом «Большая золотая звезда дружбы народов».

27 мая 1964 года вся пресса ГДР в связи с этим поместила фотоснимок Вальтера Ульбрихта и Михаила Шолохова и подробный отчет о вручении «Большой золотой звезды дружбы народов» нашему земляку-писателю.

«Ваш визит в ГДР,— сказал Вальтер Ульбрихт в своей приветственной речи,— это новое свидетельство дружбы между советским и немецким народами, а также демонстрация братского сотрудничества писателей СССР и ГДР. В совместной работе выяснилось, что мы имеем единство взглядов на основные вопросы социалистического развития литературы... Мы, в ГДР, причисляем себя к вашим напвернейшим читателям. Уже в трудные годы после свержения гитлеровского фашизма ваш роман «Поднятая целина» у многих читателей вызвал глубокие переживания. Тогда этот роман вышел на плохой бумаге, просто оформленный, он передавался из рук в руки. Сотни тысяч людей пытались найти в нем ответ на вопрос: «Что же будет дальше?» Они понимали, что смысл жизни состоит не в словесных проклятиях фашистскому прошлому и не в пассивном выжидании, а в борьбе за торжество достоинства и справедливости. Мы благодарны вам за то, что вы и ваши книги оказали на многих людей могучее влияние в духе социалистических идеалов и в духе борьбы за мир и социализм»[29].

М. А. Шолохов посетил в деревне Липов-Мёкерн и «родной кооператив», как об этом писали немецкие газеты. Сердечной была его встреча с бывшими батраками, а ныне членами сельскохозяйственного кооператива, созданного в бывшем помещичьем имении. Председателя колхоза тов. Лотара Коха, бригадиров, даже старых крестьян Шолохов удивил глубоким знанием земледелия. Вместе с ними он осмотрел усадьбу, фермы,

поля. Председатель и бригадиры едва успевали отвечать на его вопросы.

При расставании Михаил Александрович сказал кооператорам:

— ГДР — аванпост социализма в Европе. Трудностей у вас еще много. И земля в кооперативе плохая — пески, глина. Но люди прекрасные! Я верю в грядущие ваши победы!

Крепко пожав крестьянам руки, Шолохов пригласил их в гости на тихий Дон.

Газета «Нейруппинер цайтунг» писала: «К нам приезжал друг — писатель, книги которого почти двухмиллионным тиражом изданы в ГДР. Шолохова читает весь мир! И этот знаменитый писатель является почетным членом нашего сельхозкооператива с 1960 года. Его визит — это незабываемое, волнующее событие. Шолохов уже давно вернулся на далекий Дон, а у нас осталось на всю жизнь яркое впечатление о великом писателе и простом человеке, для которого советско-германская дружба является кровным делом. Нет сомнения в том, что крестьяне деревни Линов-Мёкерн, вступившие на путь социализма, своими трудами, успехами в производстве укрепят кооператив и докажут, что они достойны носить имя всемирно известного писателя-гуманиста Михаила Шолохова»[30].

* * *

Визит М. А. Шолохова привлек внимание самых широких кругов общественности ГДР. Встречи Шолохова с трудящимися и интеллигенцией были согреты сердечной теплотой, интернациональной солидарностью, глубокой верой в братскую дружбу народов СССР и ГДР.

Газета «Нойес Дойчланд» в те дни писала, что писатели и художники Дрездена надолго запомнят эту беседу с Шолоховым. В частности, газета сообщает, что писатель Лотар Кэмпэ обратился к Шолохову с вопросом: «Может ли писатель предсказать развитие всего человечества, ну, скажем, до 1980 года? Как, к примеру, будет выглядеть наш колхоз «Ам Хейдеранд» (Дрезденский округ) в 1980 году?»

— Работая над первой книгой «Поднятой целины»,— сказал Шолохов,— я исходил из реальной жизни. Я не мог вообразить себе, что моя книга когда-нибудь сможет принести пользу в ГДР. Не надо стремиться в пророки, предсказывать события, надо глубже изучать и изображать настоящую жизнь людей. Надо писать о том, что хорошо знаешь. Расскажу вам один эпизод. Однажды в Швеции молодой писатель сказал мне, что он хочет написать роман о том, как шведы придут к строительству колхозов. Я недоумевал, почему он хочет писать о явлениях,

которые пока что невозможны в Швеции даже в ближайшем будущем? Ведь у шведских писателей есть множество других волнующих тем! Вот, к примеру, одна из них. Как-то, будучи в Швеции, я был приглашен одним помещиком для знакомства с его хозяйством. Я с интересом принял его приглашение. Хозяйство это — современное, оснащенное по последнему слову техники, — занимало 400 гектаров земли. Помещик был умным, знающим толк в земледелии. Но — и это есть самое главное, что я хочу вам сказать,— рядом на 12 гектарах земли трудился старый крестьянин. Он батрачил у этого помещика 10 лет, чтобы скопить деньги и купить себе эту землю. Я с моей женой посетили и этого старого крестьянина. Мы попали к нему в чрезвычайно трудное время. Всего два дня назад у него умерла жена. Старик находился под впечатлением своего горя. Было воскресенье. На крестьянине был немодный, старый костюм. Он не плакал, лишь изредка тер свои глаза. У него уже были взрослые дети. Один из сыновей служил почтальоном, а другие работали на фабрике. Дочери его были замужем. Старик крестьянин имел 9 коров и вместе с женой кормил их, чистил, доил. И вот его жена-хозяйка умерла. Я сказал ему: «Вы не сможете один выполнять эту работу». Старик ответил: «Смогу». Да, он желал невозможного! Он стоял, как старый дуб, на земле, которая слишком поздно стала его собственностью. Уже одно это — настоящая трагедия. Вот — готовый роман. «Так почему же вы,— спросил я шведского писателя,— хотите писать о далеком-далеком будущем — о колхозе в Швеции,— когда у ваших ног лежит жизнь с ее слезами и муками?»

Затем Шолохов ответил и на вопрос Лотара Кэмпз: «Ваши условия — лучше. Вы пишете о товарищах по работе на заводах, об их мечтах и желаниях. Что касается колхоза «Ам Хейдеранд», то этот материал вам лично чужд. Я бы, к примеру, не взялся писать о заводах тяжелой промышленности. Но у вас, наверное, найдется кто-то из писателей, который напишет о колхозе «Ам Хейдеранд», подсказав крестьянам пути-дороги к прогрессу и расцвету их товарищества. Но, конечно, без сомнения, это хозяйство и его председатель — прекрасный объект для интересного романа. Тов. Тальхейм, с которым я здесь познакомился, единственный коммунист в хозяйстве, другие члены колхоза беспартийные. Курт Тальхейм имеет на ферме 12 коров и как-то смог поставить хозяйство на ноги. Было бы интересно проследить, какое влияние он оказывает на своих соседей. Это, конечно, не является рецептом. Мне не хотелось быть у вас в положении человека, поучающего других. Но если бы я был саксонцем, я бы нашел здесь интересный сюжет для романа»[31].

Старшее поколение писателей Германии еще в 30-е годы высоко оценило шолоховский реализм. Очень хорошо об этом сказала в 1965 году известная писательница Анна Зегерс:

«...Когда мы прочитали перевод «Тихого Дона», мы поняли, что происходило со старым народом в новой России. Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все. Здесь это все!»... Книги Шолохова — голос совести, призыв, обращенный к литераторам: пишите правду»[32]

А писатель Вилли Бредель еще в 1949 году в журнале «Сегодня и завтра», отмечая достойное продолжение Шолоховым лучших традиций русских классиков и ссылаясь на завет великого писателя, критика и философа Н. Г. Чернышевского — «искусство должно объяснять жизнь»,— писал следующее: «Роман Шолохова «Тихий Дон» именно объясняет жизнь, изображая ее во всей сложности противоречий, разъясняет средствами искусства сущность жизни...» «Советская литература,— утверждал В. Бредель,— которая теперь на немецком языке издается в возрастающих тиражах, способствует изменению нашего духовного климата. От нее исходит исцеляющий луч света и гуманизма, которого мы, немцы, долго были лишены. Советские писатели ставят в центр своего рассмотрения человека, который у нас в Германии так долго котировался очень низко... И одним из выдающихся советских писателей, великим художником и подлинным гуманистом является Шолохов»[33].

Творчество Шолохова оказало огромнейшее влияние на немецких художников слова, многих из них побудило к созданию новых произведений. А известный теперь талантливый писатель Эрвин Штриттматтер впервые взялся за перо под благотворным воздействием книг Шолохова.

«После прочтения «Поднятой целины»,— писал Э. Штриттматтер в 1955 году в «Нойес Дойчланд»,— мне стало ясно, что представляет собой наша революция. Шолохов показал мне противоречия, через которые совершается развитие. И он меня этим не отпугнул, а поставил еще ближе к нашему делу... Поэтому я так жаждал прочесть «Тихий Дон»... В то время я еще не думал, что когда-нибудь стану писателем. В «Тихом Доне» было охвачено и раскрыто то, что захватывает от первой до последней строчки, то, за что и я дрался,— сама жизнь!»[34]

Для молодого писателя Эрика Нойча шолоховские произведения были «духовным откровением». Автор известного романа «Мы не пыль на ветру» Макс Шульц в целом о новом поколении

писателей ГДР сказал: «Мы немыслимы без Горького, Шолохова и Островского»[35].

Подтверждение всему этому мы находим и в документе Лейпцигского университета имени Карла Маркса об избрании М. А. Шолохова почетным доктором философии «в знак признания его творческого писательского труда, в котором сочетаются мастерское изображение человеческих судеб с показом революционных событий, а также в знак высокой оценки его воздействия на немецкую социалистическую литературу и на мировую литературу и за то, что его творчество стимулирует и оплодотворяет литературную науку»[36].

* * *

Крупным событием в литературной жизни ГДР явился Международный симпозиум «Шолохов и мы», состоявшийся 18—19 марта 1965 года в Лейпцигском университете.

В работе симпозиума приняли участие литературоведы Болгарии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии и Югославии. Материалы Международного симпозиума «Шолохов и мы» изданы в 1966 году в Лейпциге университетом имени Карла Маркса.

В нашу задачу не входит рассмотрение этого коллективного и бесспорно выдающегося в литературоведении издания, охватившего широкий круг вопросов. Но мы хотим подчеркнуть, что из тридцати заслушанных на симпозиуме докладов половину сделали представители ГДР. Важно и то, что одновременно в г. Йена, в Славянском институте, состоялась научная студенческая конференция представителей всех университетов ГДР, на которой обсуждался «Социалистический гуманизм в творчестве Михаила Шолохова». Немецкая молодежь вела горячие споры об ответственности человека перед народом и историей (Подтелков, Бунчук, Григорий Мелехов), о роли коммунистов в революционной борьбе и их ответственности за судьбу своего союзника — трудового крестьянства (Михаил Кошевой и Григорий Мелехов), о пагубности «третьего пути» в исторической битве двух социальных систем, о проблеме трагического в «Тихом Доне», в «Поднятой целине» и о многом другом.

Доклады ученых ГДР на Лейпцигском симпозиуме — «М. Шолохов и роман-эпопея социалистического реализма» Гарри Юнгера, «Произведения Шолохова в Веймарской республике» Хорста Флиге, «Об интерпретации произведений Шолохова в Западной Германии» Антона Хирше, «К восприятию Шолохова в ГДР» Гюнтера Варма, выступления Надежды Людвиг, Хельги Конрад, Роланда Шмидта и других представляют собой значительный вклад в зарубежную Шолоховиану.

Мы не ошибемся, если скажем, что приветственный адрес («Laudatio») филологического факультета Лейпцигского университета имени Карла Маркса по случаю присуждения М. А. Шолохову звания почетного доктора философии (май, 1965), пожалуй, наиболее полно выразил отношение демократической общественности ГДР к творчеству нашего земляка-писателя.

«Историческая емкость и перспективность романа-эпопеи «Тихий Дон» придают ему исключительно высокую общественную и художественную ценность. Мы уже теперь вправе утверждать, что это произведение, наряду с античным и народным эпосом и «Войной и миром» Толстого, может быть отнесено к величайшим эпическим творениям мировой литературы. Шолохов пополнил галерею вечных образов мировой литературы новыми образами, в которых раскрываются черты не только революционного русского народа, но и всего человечества, освобождающегося от оков старого мира...»

В адресе особо подчеркивается, что впервые в литературе «событие всемирно-исторического значения изображено непосредственно с позиций народа» и «народные массы изображены как движущая сила истории», что писатель в своем творчестве придерживается «четких партийных позиций» и что «Поднятая целина», запечатлевшая «час рождения колхоза в деревне (ставшая в СССР, да и в других странах, прекрасным руководством для работников села)», своей второй книгой «приобрела весьма актуальное значение для общественного развития после XX съезда КПСС», так как поставленные в ней проблемы — «правильное руководство людьми и основанные на доверии отношения между государственными руководителями и народом — затрагивают решающие социально-воспитательные задачи на современном этапе».

Далее в адресе отмечается, что «Шолохов своей глубокой партийностью и ответственным отношением к общественной и литературной деятельности дает пример также литературоведам и философам. Будучи подлинным новатором, Шолохов успешно развивает ведущие тенденции советской литературы и тем самым дает литературоведению новые ценные импульсы. Его произведения позволили раскрыть новые черты литературы социалистического реализма и обогатить его теорию... Творчество Шолохова явилось одним из первых сильных художественных стимулов для построения новой, демократической немецкой культуры», и немецкий народ, его молодежь, студенчество из творчества Шолохова «черпают идеалы подлинной революционности, стойкой партийности, безупречной правдивости, глубокой человечности и посвящения себя целиком делу своей жизни...»[37].

В 1965 году в Берлине опубликованы две библиографические работы: статья Ф. Краузе «Произведения Шолохова в немецком переводе и рецензии к ним» и брошюра М. Гольтц «Михаил Шолохов. Жизнь и творчество. Библиография к 60-летию писателя»[38].

К чести литературоведов ГДР надо отметить, что они в своей прессе систематически публикуют материалы, разоблачающие «труды» зарубежных «советологов» и «исследователей» Востока, активно выступают в защиту Шолохова. Мы имеем в виду, в частности, статьи Гарри Юнгера, Эдгара Вейса, Гертруды Кноблох, Антона Хирше, Хорста Флиге, Роланда Шмидта и других.

* * *

Летом 1965 года в станицу Вешенскую прибыла делегация немецких ученых, писателей, колхозников. Среди них были член ЦК СЕПГ, председатель Ростокского колхоза тов. Эрнст Вульф и председатель колхоза имени Михаила Шолохова тов. Лотар Кох.

На митинге в колхозе «Тихий Дон» в станице Базковской тов. Эрнст Вульф в своей речи сказал: «Новая Германия, люди труда всей Германии, как и всего мира, видят в лице СССР своего друга, освободителя от фашизма и рабства! И мы, посланцы ГДР, в красной Москве, в ст. Вешенской и вот здесь, на полях колхоза «Тихий Дон», в общении с советскими крестьянами и их детьми по-настоящему ощутили всю теплоту русских сердец. Наиболее полно и глубоко русская душа раскрыта Шолоховым в романах «Тихий Дон», «Поднятая целина». Книги эти и в особенности «Поднятую целину» можно назвать путеводной звездой в создании колхоза...» А стоящий рядом Лотар Кох добавил: «Это и наше слово, это могут сказать и все члены колхоза «Михаил Шолохов». От всего сердца — мир, братство, дружба навеки!»[39].

VII

Как уже упоминалось, в 1966 и 1968 годах издательство «Культур унд фортшритт» в Берлине выпустило Собрание сочинений М. А. Шолохова, в котором к роману «Тихий Дон» дано послесловие известного публициста, писателя и критика Альфреда Куреллы «О красоте и суровости, жестокости и величии Революции».

А. Курелла сообщает о юности Шолохова, его «Донских рассказах», работе над первой и второй книгами «Тихого Дона». Критик прав, отмечая, что в пору работы писателя над третьей

книгой «Тихого Дона» и первой книгой «Поднятой целины» в «литературной жизни Советского Союза сектантская группа РАПП еще имела большой вес», что рапповцы «относились враждебно к Горькому, Маяковскому и Шолохову», что последний «должен был защищаться от их упреков в том, что он своим «Тихим Доном» (III кн.) якобы оправдывал восстание казаков на Верхнем Дону (1919 г.) и искажал историческую правду» и что только «вмешательство и поддержка Максима Горького воодушевили писателя (Шолохова) на завершение своего тяжелого труда»[40].

Касаясь судьбы казака-труженика Григория Мелехова и причин его трагедии, критик затрагивает вопрос о политике большевистской партии по отношению к трудовому крестьянству.

«Ленин именно тогда,— пишет А. Курелла,— вменял в обязанность каждому коммунисту бороться всеми силами за каждого середняка, завоевывать его для дела социализма». Критик правильно подметил, что в то время (в 1918—1919 гг.) «нельзя было ожидать, что Григорий Мелехов сам по себе найдет правильный путь, что надо было ему помочь». А помочь потому, что «по всему своему существу он не принадлежал ни к атаманам и генералам, ни к контрреволюции, ни к Краснову, Листницкому, Георгидзе».

Но, поставив эту проблему, автор послесловия допускает некоторые неточные выводы о том, почему Григорий Мелехов оказался в столь трудном, а затем и в трагическом положении, почему он примкнул к повстанцам.

Более того, критик полагает, что вся жизнь этого казака «не могла иметь никакого другого исхода», что «за последствия столетиями накопившейся несправедливости человечество должно платить, даже если главное зло вырвано с корнем и если новая справедливость уже победила в истории»[41].

Здесь есть некоторое совпадение с ошибочной концепцией И. Лежнева и его последователей.

Между тем эта концепция в советском литературоведении подвергнута принципиальной критике с марксистско-ленинских позиций. Мы имеем в виду новейшие и наиболее аргументированные исследования В. Петелина (1958—1964), А. Хватова, Ф. Бирюкова (1965) и А. Мацай (1966)[42].

За рубежом многие литературоведы рассматривают казачество как однородную касту собственников и царских слуг. По их мнению, у Григория Мелехова «в крови таятся волчьи законы», в нем «скрывается нечто такое, что позволило царям из «свободных» запорожских, донских и кубанских казаков сделать цепных псов реакции»[43].

Несомненно, цари, войсковые атаманы и старшины в течение XIX века изрядно приручили казаков. Царские власти с помощью станичных и хуторских атаманов, богатеев-кулаков выветривали из сознания казаков-тружеников дух разинской вольницы, стремясь превратить их не только в грозную силу на полях битв с иноземными армиями, но также и в надежную опору монаршего трона.

В XX веке царские власти в приказном порядке стали использовать казачьи войсковые части для полицейской службы, подавления забастовок, погромов и усмирения национальных меньшинств в империи.

Царские сатрапы и атаманы делали все, чтобы внушить казакам, что они особое сословие, являющееся монолитным и однородным по униформе в строю, по преданности вере, царю, отечеству и по равенству в привилегиях. Все рядовые казаки, достигшие 17 лет, получали равные (в данной станице) паи земли, все казачьи дворы равно были освобождены от налогов и податей и все казаки наравне обязаны были за это «справить» за свой счет сыну, идущему на царскую службу, коня, шашку, пику, седло, полную форму обмундирования и амуницию (состоящие из 54 предметов!).

Но равенства в казачьем сословии не было. И никто не мог обеспечить его, хотя перед лицом смерти на полях битв казакам постоянно твердили, что все они равны. Однако, возвращаясь со службы в станицы, одни из них, вступая в родительские подворья, оставались кулаками, другие — середняками, а третьи — бедняками. А бедняки на Дону эксплуатировались, как и по всей России, с той лишь разницей, что (несмотря на бедность и на то, что их паи земли находились в залоге на 7 и 10 лет у кулаков) казак-бедняк обязан был постаревшего на царской службе коня, оружие и униформу содержать в боевой готовности еще пятнадцать лет! Казачья униформа, хорошо скрывавшая классовое неравенство воинов в строю, трещала по всем швам дома, в станицах, будучи не в состоянии прикрыть дырявые крыши ветхих куреней и пустые подворья бедноты.

Критик И. Лежнев называл казаков «крестьянской аристократией». Но на самом деле казачьи привилегии (о которых так много пишут некоторые литературоведы), принося казакам-трудящимся некоторые преимущества по сравнению с крестьянами России, фактически ввергали их в не меньшую нужду и кабалу. И не зря Михаил Иванович Калинин в речи на I Всероссийском съезде трудовых казаков в 1920 году говорил: «По существу казачество никакими преимуществами и привилегиями от царского правительства не пользовалось да и не могло пользоваться, ибо оно лицемерно эксплуатировалось царским прави-

тельством и сознательно отделялось от народа... Это была наиболее задавленная воинскими нарядами крестьянская масса»[44].

Революция 1905 года обнажила антагонизм в казачьем сословии, выявила глубокое недовольство казачьих низов своим тяжелым положением, обязанностью исполнять «воинские наряды» вообще и полицейские обязанности в особенности.

Антагонизм классовых противоречий дал трещины в казачьем сословии, рассеяв иллюзии о его монолитности, однородности и верности царю. Подтверждением этого являются многочисленные «наказы-приговоры» станичных сходов, а также брожение в казачьих полках, отказы их нести полицейскую службу (о чем уже писали в своих трудах П. В. Семернин (1945), Д. С. Бабичев (1968) и другие)[45].

Влияние революции дало о себе знать и в войсковых казачьих частях. В 1905—1906 годах было много случаев отказа казаков выполнять полицейские обязанности, происходили казачьи волнения. Столыпин по этому поводу писал в одном документе, что «беспорядки эти не являются простой случайностью, а характеризуются однородностью изъявляемых казаками желаний, что они имеют корни в революционном движении, охватившем Россию», что «контингент революционных казаков пополнился из бывших на усмирениях в 1905—1908 гг.»[46]. Это признание — достойно пристального внимания!

Все это свидетельствует о том, что уже в 1905—1907 годах далеко не все казаки были «слугами царя», что в станицах и казачьих полках все чаще возникали смелые отказы повиновения царским властям. В этих отказах уже чувствовалось пробуждение к борьбе.

В. И. Ленин в начале сентября 1906 года в статье «Политика правительства и грядущая борьба» отмечал, что революция оставила свои памятные следы и среди казачества. «...Теперь повторные мобилизации самых «надежных» войск, казачьих,— писал В. И. Ленин,— привели к сильному росту брожения в разоренных казачьих станицах, усилили «ненадежность» этого войска»[47].

Первая мировая война, подъем революционного движения в России, широкое общение казаков в окопах с солдатами всей России, наконец, огромная по своим масштабам работа большевистской партии и ее пропаганда на фронтах и в глубоком тылу привнесли в сознание трудового казачества антивоенные, антицаристские, демократические настроения. И боевые казачьи полки (в декабре 1916 и январе 1917 гг.), переброшенные с фронтов в Петроград, Гатчину, Царское Село и в Финляндию для защиты царского трона, а затем и Временного правитель-

ства, как известно, не оправдали надежд властей (Керенского и Корнилова), отказались быть «цепными псами реакции», перешли на сторону большевиков и оказали огромное воздействие на ход исторических событий в Петрограде, а затем и у себя на Дону. Уже с лета 1917 года казачество перестало быть послушным орудием и пугалом в руках реакции. Как отмечал Ленин в сентябре 1917 года: «Даже Каледин... прямо «ездил поднимать Дон», и все же Каледин массового движения никакого не поднял в «своем» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае!»[48].

Октябрьская революция расколола все казачество на два лагеря — большевистский и белогвардейский. Конечно, старые традиции, сословные предрассудки, давление стариков казаков на фронтовиков, ошибки Федора Подтелкова в Каменском военревкоме, нехватка партийных сил на Дону, наступление германских войск в 1918 году на Таганрог — Ростов — Миллерово, политическая отсталость, заблуждения и колебания тысяч казаков-тружеников, яростная атаманско-кулацкая пропаганда, принудительные мобилизации и кровавый террор белых — все это создало в донских казачьих станицах исключительно сложную, тяжелую, запутанную обстановку, и тысячи казаков, в начале 1918 года поддерживавших Советскую власть, позже оказались в белом стане.

Но в то же самое время тысячи и тысячи казаков с первых дней Великого Октября честно, с оружием в руках, не щадя своей жизни, служили делу революции. Тому примером могут быть конармейцы Буденного, Красная Таманская армия, кавбригада Кочубея (на Кубани) и многие другие.

Неумолимый исторический процесс классового расслоения казачества, весь чрезвычайно сложный, запутанный узел противоречий, рождение в ожесточенной борьбе нового строя и запечатлены Шолоховым в «Тихом Доне».

VIII

В 1957 году М. А. Шолохов в беседе с корреспондентом газеты «Советская Россия» В. Крупиным сказал, что в «Тихом Доне» он хотел поведать миру об «очаровании человека в Григории Мелехове...»[49]. И действительно, важнейшими особенностями характера Григория Мелехова являются его личная честность, его постоянное нравственное чувство внутренней свободы и справедливости, неугасимое бесстрашие правдоискателя. При малой образованности Григорий — весьма одаренная личность, он бесхитростен, но умен, выше всего ставит человеческое достоинство, ничего не принимает «на веру», все новое, образно

говоря, хочет пощупать руками, не страшится смерти и не терпит диктата и насилия. В этом казаке дышит смелость и говорит пробуждающаяся совесть человека нового времени, хотя поступки его часто находятся в противоречии с тем, к чему он стремится. Таков Григорий Мелехов в «Тихом Доне» у Шолохова.

Верный своему характеру, Григорий Мелехов порывает с бандитами и до амнистии смело идет в хутор, где, конечно же, придется дать ответ народу за все свои прежние деяния и заблуждения. Смелость этого шага говорит о том, что Григорий духовно не сломлен, не раздавлен. Нет! Этот его шаг говорит нам не о бессмысленной гибели Григория (нищие духом бандиты, падшие и раздавленные жерновами истории, на это не способны!), а о смелом, хорошо осмысленном шаге навстречу новой жизни, о начавшемся внутреннем его преображении. Велик был груз его заблуждений и преступлений, но в том-то и сила Григория, что он с открытой душой, разоружившись, идет в родной хутор, чтобы дать людям и новому закону ответ по совести. Григорий всегда молчалив. Самые сильные повороты в душе он ярче всего выражает действием. Высшим актом его преображения и примирения с Советской властью и является его разоружение. Для него оружие стало постылым и проклятым, и он сам по доброй воле сбрасывает его в глубины Дона: он хочет мира и мирной жизни с Советской властью.

Однако А. Курелла утверждает, что «Григорий Мелехов не может найти никакого другого конца», «должен погибнуть», так как «ход истории неумолим, суровы и жестоки законы классовой борьбы, а революции (и социалистическая!) требуют жертв»[50].

Но подобное истолкование трагедии Григория уже совершенно искажает идейно-художественный замысел «Тихого Дона».

Революция — это великая созидательная сила. И ради созидания она не нуждается в неоправданных жертвах, она устраняет — неумолимо и целесообразно — лишь то, что встает на ее пути.

М. Шолохов неоднократно разъяснял свое понимание трагической судьбы главного героя «Тихого Дона». «Люди типа Григория Мелехова,— говорил Шолохов в Болгарии,— к Советской власти шли очень извилистым путем. Некоторые из них пришли к окончательному разрыву с Советской властью. Большинство же сблизилось с Советской властью, принимало участие в строительстве и укреплении нашего государства, участвовало в Великой Отечественной войне, находясь в Красной Армии»[51].

М. А. Шолохову принадлежит в истории нашей и мировой

литературы заслуга в том, что он, как художник, открыл новые возможности решения трагедийных проблем в революционную эпоху.

«Новаторство М. Шолохова в разрешении трагического конфликта, — правильно подчеркнул В. Петелин, — заключается в том, что он не показывает трагической развязки для героя, неизбежной для всех трагедий прошлых времен. В «Тихом Доне» нет ни духовной гибели героя, ни физической его смерти. Мелехов мужественно идет в родной хутор до амнистии, и это дает возможность утверждать, что в нем сохранились нравственные условия для дальнейшей жизни в новой, социалистической стране, дружественной человеку труда»[52].

ПИСЬМА ИЗ ГДР

Председатель Государственного
Совета
Германская Демократическая
Республика

30 апреля 1963 г.
Берлин

Уважаемый товарищ Константин Прийма!

Недавно через редакцию центрального органа СЕПГ «Нойес Дойчланд» я получил Ваше письмо от 27. I. 1973 г. с просьбой ответить на вопросы о творчестве Михаила Шолохова. Приношу извинение, что я лишь сегодня нашел возможность выполнить Вашу просьбу. Множество других неотложных дел были тому помехой.

1. Я читал романы Михаила Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Обе книги произвели на меня очень сильное впечатление. Глубоко захватили меня сила художественного мастерства, образный язык, яркость изображения и, прежде всего, содержание литературных произведений Шолохова.

2. Первый и второй тома романа «Тихий Дон» были изданы в Германии в период Веймарской республики. Эти книги сразу привлекли в Германии всеобщее внимание.

В тот период реакционные и фашистские круги Германии развернули разнузданную антисоветскую клеветническую кампанию, пытаясь представить немецкому населению в ложном свете развитие культуры в Советском Союзе. Произведения советских художников и писателей у нас замалчивались, а буржуазные издательства систематически препятствовали опубликованию переводов. Только Компартия Германии вела работу по ознакомлению немецких трудящихся с ходом развития социализма в Советском Союзе и с советской литературой. В середине 20-х годов Компартия Германии под руководством своего ЦК во главе с Эрнстом Тельманом стала формироваться как ленинская партия нового типа. Ее массовое влияние росло. Партийные издательства начали выпускать книги советских писателей.

Своими произведениями художники и писатели разрушили стену антисоветской клеветы, воздвигнутую реакционными и фашистскими силами, и воспроизвели истинную картину строительства социализма в Советском Союзе. Искусство стало оружием в борьбе немецкого рабочего класса за свое освобождение.

«Тихий Дон» Шолохова, наряду с книгами Горького, Фадеева, Серафимовича и других советских писателей, стал для многих немецких рабочих, а потом и для растущего числа трудовых крестьян не только большим литературным событием, но и руководством к действию.

Под давлением классовой юстиции и полицейских репрессий буржуазные книготорговцы почти без исключения отказались от продажи книг советских писателей в своих магазинах, так что только литорганизация КПГ с ее немногочисленными книжными магазинами могла довести до читателей эти произведения. В этом деле товарищи из нашей литорганизации проявили настоящую коммунистическую находчивость. Книги советских писателей все же нашли распространение и сильный отклик.

После того как гитлеровские фашисты в 1933 году при помощи германских монополий захватили власть, вместе с произведениями всей прогрессивной немецкой литературы на костре были сожжены и книги Михаила Шолохова. С тех пор они были запрещены в Германии.

Известно, однако, что многие немецкие рабочие, антифашисты, социал-демократы и граждане христианских убеждений сохранили втайне многочисленные экземпляры книг Шолохова, которые читали и в период фашизма.

Приход к власти фашистов делал невозможным издание третьего и четвертого томов «Тихого Дона» в Германии. Третий том был выпущен в 1934 году издательской кооперацией иностранных рабочих в СССР, но уже не дошел до читателей Германии.

Роман «Поднятая целина» тоже был опубликован у нас на немецком языке только после 1945 года. Первый том вышел в 1946 году, а второй том — в 1960 году. Эта книга также нашла большое распространение. «Тихий Дон», а прежде всего «Поднятая целина» в подлинном смысле слова служили нам политическими настольными книгами в период коллективизации сельского хозяйства в Германской Демократической Республике. Они оказали нам непосредственную помощь в строительстве социалистического сельского хозяйства в ГДР, что свидетельствует о том, как литература и искусство способны прямо повлиять и воздействовать на крупные революционные общественные преобразования.

Трудящиеся Германской Демократической Республики уважают и высоко ценят Михаила Шолохова как одного из выдающихся советских писателей. Его книги стали достоянием и немецкого трудового народа.

Немецкий народ благодарен ему за его выдающиеся произведения литературы и желает ему еще многих творческих успехов.

С социалистическим приветом!

Вальтер Ульбрихт[1].

* * *

Дорогие друзья! Рад сообщить вам, что романы М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в антифашистском подполье имели огромное воспитательное значение.

В 1933 году по всей Германии книги прогрессивных, революционных и советских авторов были запрещены и сожжены на кострах. Но мы в подпольной работе все же имели советскую литературу и использовали ее как могучее оружие для преодоления духовного мрака фашизма.

Наша антифашистская группа в тайном фонде имела книги «Мать» Горького, «Цемент» Гладкова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева и многие другие. Скажу вам, что самой читаемой книгой все же был «Тихий Дон» Шолохова. На этот роман всегда была большая очередь желающих его прочесть.

В труднейшей борьбе с фашистским режимом для подпольщиков образ коммуниста Бунчука из «Тихого Дона» был примером мужества и стойкости перед лицом смерти.

«Тихий Дон» Шолохова помогал нам укреплять классовое сознание рабочих, вдохновлял на борьбу с ненавистным нацирежимом.

Берлин
28.8.1966 г.[2]

Эрвин Шлейзенер,
руководитель Берлинской группы
Сопротивления фашизму в 1933—1945 гг.

* * *

...Есть книги, которые входят в семью на всю жизнь! Такой книгой оказался «Тихий Дон» Шолохова для нашего деда, партийного ветерана Макса Курейбера, и всех нас — его потомков.

Два томика первого немецкого издания романа М. Шолохова в переводе Ольги Гальперн еще в 1930 году получили высокое признание у нашего деда и среди его друзей.

Как коммунист-подпольщик, наш дед сумел перехитрить

гестапо и через все черные годы фашизма пронести «Тихий Дон» Шолохова, произведения Г. Гейне и другие книги.

С гордостью могу сказать, что благодаря деду и этим книгам в годы «коричневой чумы» в нашей семье все росли в духе свободомыслия и великой веры в Советскую Россию.

Мой дед, ветеран антифашистского подполья, за участие в вооруженной борьбе немецкого рабочего класса в 1918—1923 годах награжден медалью Фрица Геккерта. Прочитав в «Нойес Дойчланд» письмо из Ростова-на-Дону, мой дед сказал, что с огромной радостью дарит Ростовскому музею сохранившиеся два томика «Тихого Дона» 1930 года издания. Его адрес: 1071, Берлин, Н. Мальмеерштрассе, 21.

Берлин *Иоахим Шульц*
1. 8. 1966 г.[3]

* * *

Мы не знали России. Мы имели о ией школьные и туманные представления. «Тихий Дон» открыл всему миру душу донских казаков и величие русской революции. Герои «Тихого Дона» — это живые люди, каждый со своим лицом, своим сердцем, своими слабостями, доблестью.

Я читал раньше книги Л. Толстого, Н. Гоголя, М. Горького о старой России. Михаил Шолохов в «Тихом Доне» сказал новое о России, ярко изобразил диалектику революции, кровавые битвы с белогвардейцами и интервентами.

Как ни одна книга, «Тихий Дон» Шолохова вызвал в 30-е годы дискуссии в пролетарских клубах и горячие споры в рабочих семьях Германии. «Тихий Дон» помогал нам в острых спорах с оппозицией. Учил предвидеть коварство и жестокость фашистов. Шолохов открыл нам много нового из опыта русской революции. Поэтому этот роман был так дорог мне, и я, несмотря на обыск гестапо, сберег его в целости.

С 1918 года я был членом революционной группы «Спартак», затем членом Компартии. Все ветераны Компартии высоко ценят книги М. Шолохова.

Фалькензее *Макс Валенда*
Август, 1966 г.[4]

* * *

В «Нойес Дойчланд» я прочел письмо с Дона с вопросом: «Кто имеет первые издания «Тихого Дона» Шолохова?»

35 лет назад, будучи комсомольцем, на собрании коммунис-

тов я купил себе два тома «Тихого Дона». Роман Шолохова возбудил во мне горячее желание повидать Россию и узнать ее людей.

То были годы кризиса и великой безработицы в Германии. Моя профессия печника оказалась горестной. С молотком за плечами и «Тихим Доном» в котомке я отправился по стране в поисках работы, мечтая о визе на выезд в СССР. Но мечта эта не осуществилась.

С приходом к власти фашистов все рухнуло. Пришлось вернуться домой. Опасные книги «Тихого Дона» надо было прятать от фашистов. Я завернул их в промасленную бумагу, уложил в ящик и зарыл в землю.

В кошмарные годы нацизма, во время войны и позже, во время советского наступления, меня всегда согревала мысль о том, что у меня в саду, у заветного дерева, хранятся дорогие моему сердцу книги «Тихий Дон» Шолохова.

Возвратясь в свободную Германию, я сразу же вступил в СЕПГ и стал офицером Народной армии. Конечно, я нашел свои заветные первую и вторую книги «Тихого Дона» и купил себе новое издание романа в четырех томах, которые прочел с исключительным интересом.

Памятны и очень дороги мне эти два томика «Тихого Дона» 1930 года издания. Но в Россию, в музей, я готов переслать их немедленно.

С социалистическим приветом!

Росток
1. 8. 1966 г.[5]

Герхард Гейнце,
офицер

* * *

Мой отец и я дорожили «Тихим Доном», потому что в нем рассказана правда о советской революции.

При обыске в доме отца гестапо конфисковало первый том «Тихого Дона», а второй в это время был у кого-то на руках. Мы очень сожалели об этой утрате. Облавы и обыски гестапо заставили нас беречь второй том «Тихого Дона» как зеницу ока. Его читали многие наши друзья, и когда эта волнующая и запретная книга возвращалась к нам в дом, мы даже на ночь прятали ее на чердаке. Затем обстановка обострилась и заставила нас зарыть «Тихий Дон» вместе с другими советскими книгами в подвале.

С приходом Красной Армии и разгромом фашизма, когда мы наконец смогли свободно вздохнуть, я откопала книги. Время и сырость изрядно попортили заветный томик Шолохова. Я старательно очистила «Тихий Дон» от земли и плесени, высушила

его и поставила на почетное место на книжной полке. И снова многие люди читали и перечитывали этот роман.

Берлин — *Гертруда Домбровская*
1. 8. 1966 г.[6]

* * *

В 1929—1930 годах «Тихий Дон» завоевал в Германии огромнейшую популярность. Я прочел его залпом. Для меня он был событием не меньшим, чем просмотр знаменитого кинофильма Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин». «Тихий Дон», несомненно, великое произведение нашего века. И вопреки всем запретам и страхам, которыми грозили Гитлер и Геббельс, я еще тогда решил сохранить эти два тома Шолохова, пронести их сквозь все опасности.

«Тихий Дон» Шолохова помог мне разобраться не только в неизбежном развале царского режима в России, но и в неминуемой гибели фашизма. Благодаря «Тихому Дону» Шолохова я понял, что фашизм не обязательная и не вечная судьба нашей нации.

Я имею два тома «Тихого Дона» и согласен подарить их вам. Пусть для наших друзей в СССР эти книги — борцы подполья — будут доказательством того, что в черную ночь фашизма и в годы преступной войны против Советского Союза многие немцы глубоко верили в справедливую борьбу и победу советского народа.

С социалистическим приветом!

Юж. Мерзебург — *Артур Кек*,
5. 8. 1966 г.[7] — член СЕПГ

* * *

С 1921 года я примкнул к коммунистическому движению. Меня всегда очень интересовали советские романы, отражающие опыт русских большевиков и революции.

«Тихий Дон» — самый выдающийся советский роман о русской революции, который произвел неизгладимое впечатление на наш партийный актив и классово зрелых рабочих.

С наступлением фашистского мрака было приказано сжечь все советские, революционные и прогрессивные книги.

Моя жена во всем мне сочувствовала, и мы решили скрыть от гестапо мою библиотеку. А в ней было много ценнейших книг: «Капитал» Карла Маркса, «Девять дней, которые потрясли мир» Джона Рида, «Бруски» Федора Панферова, «Цемент» Федора Гладкова и «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

В 1936 году гестапо арестовало меня и загнало в концлагерь... Жена моя, одно время арестованная как заложница, в дальнейшем была освобождена и сохранила эти ценные книги от фашистов. И время, и книги эти, и история работали на нас.

И если материальный ущерб, принесенный фашизмом стране, устранялся сравнительно быстро, то идейная чистка в сознании немцев требовала длительного времени, вдумчивого разъяснения новых идей молодежи.

В этой сложной и кропотливой работе неоценимую помощь нам оказали советские писатели и их правдивые книги.

Для нас с женой незабываемым осталось посещение в 1960 году в Сочи музея Н. Островского, чья жизнь и смерть явили изумительный пример личного героизма.

Но «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Михаила Шолохова остаются для немецкого народа и всего мира самыми впечатляющими и поучительными книгами о подвиге великого русского народа и величии его революции.

Берлин
3.8.1966 г.[8]

Элиза и Георг Райс
члены СЕПГ

* * *

С замечательной книгой Шолохова «Тихий Дон» я познакомился в 1930 году в тюрьме. Я был тогда схвачен как деятель КПГ и после непродолжительного следствия обвинен в государственной измене. От моей жены и других товарищей мне в тюрьму передали книги, в том числе «Тихий Дон» Шолохова и «Цемент» Гладкова.

Обе эти книги произвели на меня большое впечатление и дали мне силу легче переносить тюремные невзгоды. Из этих книг я узнал, какие трудности пришлось преодолеть русскому народу в строительстве социализма.

После захвата власти фашистами, в 1933 году, я вновь был брошен в тюрьму. Наступили тяжелые годы. Беречь и читать советские книги было затруднительно. Но знания, которые я почерпнул при изучении многих книг, и глубокая вера в Советский Союз, где рабочий класс совместно с трудовым крестьянством овладел властью,— все это вдохновляло нас на борьбу. Споры о таких книгах, как «Тихий Дон», играли при этом большую роль.

Книга, которую я при сем с удовольствием передаю Ростовскому музею краеведения, находится далеко не в лучшем состоянии. Ее очень часто читали и перепрятывали с места на место, чтобы не нашли во время обыска при фашизме.

Дорогие товарищи! Храните эту книгу как знак нерушимой дружбы между нашими народами.

С социалистическим приветом!

г. Эрфурт *Макс Мюллер*
1. 8. 1966 г.[9]

* * *

Первую книгу «Тихого Дона» я купил в 1929 году, а вторую — в 1930 году в «Книгосбыте» нашей Компартии, в переводе Ольги Гальперн.

«Тихий Дон» Шолохова для меня был прекраснейшей книгой из всего, что я когда-либо читал (а читал я много). Еще и сегодня «Тихий Дон» одухотворяет меня всякий раз, когда открываю его. В этом романе захватывающе изображены люди великой эпохи — мировой войны, свержения царской династии, гражданской войны, в ходе которой красные вышвырнули белогвардейцев из России. И люди, и величественные картины природы, и дыхание революции у Шолохова поданы так прекрасно, как ни у кого другого.

В 1933 году я жил в г. Хеймнитце, и гестаповцы произвели у меня семь обысков. Они искали оружие и директивы к восстанию. Меня арестовывали, потом выпускали и снова сажали в тюрьму, но ничего не могли найти.

Признаюсь, что однажды получилось так, что я не успел перепрятать «Тихий Дон», а тут нагрянули гестаповцы. Тогда книги Шолохова я поставил рядом с «Божественной комедией» Данте.

Входят громилы. Переворачивают вверх дном квартиру, ничего коммунистического не находят. Тогда один гестаповец (не замечая «Тихого Дона») хватает с книжной полки красивое издание «Божественной комедии» Данте, чтобы ее унести, как «красную». Я остановил его и сказал офицеру полиции:

— Великий поэт Данте не коммунист...

— Олухи, верните книгу Данте,— приказал офицер и, обратясь ко мне, пояснил: — Они ни черта не смыслят...

Гестаповцы ушли, а «Тихий Дон» остался на полке рядом с «Божественной комедией». Многие люди прочли «Тихий Дон», а затем я передал эти книги на хранение старому рабочему, и в сентябре 1933 года ушел в подполье — издавал нелегальную газету «Борьба».

Позже гестапо выследило нас, я был арестован с группой товарищей и многие годы сидел в концлагере. А старый рабочий сохранил мне «Божественную комедию» и «Тихий Дон» (1929—1930). И теперь эти книги — драгоценная реликвия

в моей библиотеке, которую я всегда готов подарить друзьям в Россию.

С социалистическим приветом!

Берлин
1. 8. 1966 г.[10]

Хорст Хеннинг,
член КПГ с 1921 г.

* * *

Дорогие друзья! Я имею два тома «Тихого Дона» в переводе Ольги Гальперн. С ними связано много моих личных переживаний.

В 1933 году, когда во всей Германии на площадях сжигались курганы советских книг и прогрессивной литературы, наш отец сказал, что мы советские книги должны сберечь. Он тщательно замуровал всю домашнюю библиотеку в кирпичную стену, и фашисты, делая десятки обысков, не смогли обнаружить их. Мой старший брат годы провел в фашистских концлагерях.

Победоносная Советская Армия 21 апреля 1945 года освободила нашу деревню (к сожалению, отца уже не было в живых), и я вытащил из тайника книги. Через десять дней вернулся из Бранденбургской тюрьмы мой старший брат. Свобода, принесенная Советской Армией, книги, извлеченные из тайника, луч солнца на «Тихом Доне» в руках умирающего брата — все это снова, как живое, стоит перед моими глазами.

Дорогие товарищи! Я пытался рассказать в нескольких словах, как нам удалось спасти советские книги. Надеюсь, что посылаемый вам «Тихий Дон» 1929 года издания и это письмо скажут вам о том, как мы любим Россию и великого гуманиста-писателя Шолохова.

Берлин
2. 8. 1966 г.[11]

Эрвин Вайс

* * *

Дорогие друзья! Мне было 19 лет, когда в 1923 году я вступил в члены Компартии. Многие годы работал я в Немецком спортивном рабочем союзе, являлся партийным пропагандистом. У меня было много марксистских книг и советской художественной литературы (в переводах на немецкий).

События страшных лет — фашистский поджог рейхстага, варварские книгосожжения, приказ Гитлера об охране немецкой расы от «красных книг» — заставили меня подумать о сохранении ценной революционной литературы.

Конечно, многое было потеряно. Меня фашисты восемь раз

сажали в тюрьму. Но даже в это страшное время нашелся один столяр на юго-западе Берлина, в мастерской которого, в мешке с разным хламом, сохранилась часть моих книг, а среди них «Тихий Дон» Шолохова.

...В 1935 и 1937 годах я снова перепрятал эти книги, так как существовала угроза, что фашисты обнаружат их.

И вот однажды, в труднейшей ситуации, я встретил девушку-католичку, которую я хорошо знал. Ее семья была у штурмовиков вне подозрения. И я отдал этой девушке два чемодана моих книг, в том числе «Тихий Дон» Шолохова и «Цемент» Гладкова.

Шли годы. Черные годы... И однажды, заехав к католичке, я узнал, что она вышла замуж, что ее муж — видный инженер и член партии... нацистов! Когда она показала мне при муже мои марксистские книги, стоявшие у них в книжном шкафу, я оторопел.

Но ничего страшного не произошло. Оказалось, что инженер записался в наци «для отвода глаз», что он уже прочел добрую половину моих книг (и «Тихий Дон» Шолохова) и что его дом — самый надежный тайник для марксистской литературы.

Так оно в дальнейшем и было. Католичка и инженер оказали мне в подполье неоценимую услугу. После разгрома фашизма тайная библиотечка была легализована, и мои книги прошли через тысячи читательских рук.

На обложке «Тихого Дона» я сделал следующую надпись:

«Двенадцать лет фашистского господства пережили эти книги Шолохова. Было небезопасно хранить их в то время. Я прятал их в мешке с хламом, в погребные ниши, зарывал в землю. И всегда люди с радостью и трепетом брали их в руки, даже если это было и опасно. Чтобы читать «Тихий Дон» в то время, нужны были вера в человека, осторожность и немного личного мужества.

Друг, если ты берешь их в руки, обращайся с ними с такой заботой, с какою они были спасены для нас в черное время нацизма».

Берлин *Вилли Линке*
3.8.1966 г.[12]

* * *

Появление «Тихого Дона» в Германии было крупнейшей сенсацией, которую можно сравнить только с триумфом советского кинофильма «Броненосец «Потемкин».

Мы, коммунисты, широко использовали «Тихий Дон» в пропагандистской работе. Роман Шолохова принес нам правду

о русской революции и героизме большевиков. «Тихий Дон» вооружил нас против буржуазной клеветы, распространявшейся о Советской России.

В 1929 году у нас царила безработица. Многие наши друзья не имели денег на хлеб и не могли купить книгу из России. Но мы организовывали читки шолоховских романов в рабочих клубах. Своей правдой и яркой художественностью «Тихий Дон» оставил неизгладимое впечатление у каждого читателя.

Многие годы я находился в концлагерях Лихтенбург и Бухенвальд. Но моя жена, несмотря на угрозы гестапо, все же сохранила первое издание «Тихого Дона» 1929 года, и мы охотно дарим его вам.

Передайте наш пламенный привет и благодарность тов. М. А. Шолохову — его книги вдохновляли нас на борьбу с фашизмом в самые трудные годы! Мы желаем ему больших творческих успехов и здравия на долгие годы.

С сердечным приветом!

Мерзебург *Пауль и Гертруда Дрезе*
Август, 1966 г.[13]

* * *

Когда 2 мая 1945 года Красная Армия захватила Нейштадт на Доссе, в комнату, где я, пострадавшая от бомбежек, жила с тремя своими дочками, пришел советский офицер. Он огляделся и шагнул к моему книжному шкафу. Среди прочих книг он увидел «Тихий Дон» Шолохова. Внезапно его сумрачное лицо просветлело. По заголовку он догадался, что это за книга, и позвал с улицы еще пятерых офицеров. Всех нас взволновала атмосфера радости и взаимопонимания, возникшая из-за «Тихого Дона» Шолохова.

В честь победы над фашизмом мы выпили бутылку вермута. Больше у меня, к сожалению, ничего не было.

Окраины еще не были освобождены. Офицерам нужно было идти в бой. В последний раз мы обменялись рукопожатиями. Пожелав друг другу всего наилучшего, мы расстались друзьями. Этот день — счастливейший в моей жизни. Ни я, ни мои дети никогда его не забудут. Благодаря Красной Армии мы получили свободу.

Когда к моим детям приходят друзья, я показываю им «Тихий Дон» 1930 года издания. Я вспоминаю 1933 год, когда я была девчонкой-книгоношей и с товарищем детства, Алексом Юдём, торговала книгами и брошюрами на собраниях КПГ.

Книги советских писателей пользовались успехом. Многие

беспартийные и интеллигенты покупали и читали «Тихий Дон» Шолохова.

Итак, еще до пришествия Гитлера роман Шолохова был оружием против реакции, фашизма и антикоммунизма. Я с гордостью и радостью узнала о награждении тов. Шолохова Нобелевской премией.

Цехденик
3. 8. 1966 г.[14]

Анна Мария Магнус

* * *

Шел 1937 год. Гитлеровцы торжествовали, а ряды рабочих, верных Компартии, все более опустошались...

Однажды ко мне постучался юноша, блондин, в очках, и сказал: «Я — Ганс». Я позволила ему войти и вскоре узнала, что он сын коммуниста, приговоренного к 12 годам каторги. Ганс был студентом юридического факультета, арестовывался по подозрению в распространении коммунистической литературы... Его старший брат примкнул к шарлатану Гитлеру... Всегда голодный и преследуемый, Ганс изредка навещал мой дом. Мы подолгу беседовали с ним о политике, о судьбах родины. С 1917 года — я в партии. Поэтому мне было что сказать юному Гансу.

Как-то в полночь он принес большой пакет, в котором были «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и две книги «Тихого Дона» М. Шолохова. «Это — самое дорогое»,— сказал Ганс Коппи. И я спрятала его книги в подвале под уголь... Ганс ушел, и я его больше не видела. Позже мы узнали, что он был замучен и казнен фашистами 22 декабря 1942 года. Он умер как настоящий борец, так же как и его жена Гильда Коппи, родившая ему в тюрьме сына, который там же умер. Сохраненные книги юного антифашиста Ганса Коппи остались у меня. Они для нас — святыня. Мы горды тем, что первый и второй тома «Тихого Дона», принадлежавшие борцу-антифашисту Гансу Коппи, будут представлены на шолоховской выставке в России.

Берлин
31. 7. 1966 г.[15]

Эмми Якоб, Бруно Якоб

* * *

Мне было 22 года, когда я впервые прочел «Тихий Дон». Я много читал. Но признаюсь, «Тихий Дон» буквально проглотил и с нетерпением ожидал второй книги романа.

М. Шолохов мастерски, очень сильно изобразил жизнь Дона

и революционно-кровавую битву против царя, рабства и угнетения. Несомненно, образ Григория Мелехова, его поиск правды волновали всех. Но на меня глубокое впечатление произвели мужество и самоотверженность коммуниста Бунчука. Еще тогда я понял, что «Тихий Дон» М. Шолохова — роман мирового масштаба.

С захватом власти фашистами повсюду начались обыски, изъятия книг, аресты. Предвидя все это, я заранее тщательно упаковал самые дорогие мне книги («Тихий Дон» Шолохова, «Цемент» Гладкова, «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида) и в ящике закопал их в саду.

И еще много раз я их перепрятывал... После запрета Компартии я продолжал в подполье борьбу с фашизмом. И книги эти были с нами всегда в строю, вдохновляли нас на победу.

Лейпциг *Ганс Дреман*
3. 8. 1966 г.[16]

* * *

...Был конец апреля 1945 года. Красная Армия сражалась в Берлине... В палисаднике перед партийным домом нацистов лежал расстрелянный эсэсовцами немец. Бой уже переместился в следующий квартал. И мне, как бездомному, довелось ночевать в этом доме. В одном из ящиков письменного стола, к моему удивлению, я нашел книгу «Тихий Дон» Шолохова, выпущенную коммунистами в 1929 году. Да, представьте, в доме нацистов я нашел запрещенную и всюду фашистами сжигавшуюся книгу «Тихий Дон»!

Как она здесь оказалась? Чьи руки и сердца она согревала в подполье? Наверно, это была добыча домашних обысков. Возможно, кто-то из нацистов спрятал ее от своих же соратников. А может, это ее владелец лежал расстрелянный в палисаднике? Гражданский костюм, торчавший из-под расстегнутой коричневой униформы, наводил на такие размышления.

Надвигались сумерки. Измученный длительными преследованиями гестапо, я впервые за многие месяцы почувствовал себя освобожденным. Я лег на пол, положил под голову кипу бумаг и томик «Тихого Дона» и уснул как убитый.

Утром орудийные залпы русских разбудили меня. Я позволил себе с упоением почитать несколько страниц из «Тихого Дона». Ведь последний раз я держал такую книгу в руках где-то в 1930 году. Знаю, что позже за хранение этой книги гестаповцы бросали людей в тюрьмы.

И вот в Берлин, охваченный огнем и дымом боя, пришло утро нового дня — русские брали рейхстаг! В мое сердце всту-

нила неописуемая радость, и я пошел к советским воинам на улицу, чтобы предложить им свои руки и знания плана города... Я сохранил этот томик «Тихого Дона». Она стоит у меня на книжной полке рядом с Гете и Шиллером, там, где Шолохову и положено быть. Я готов прислать вам эту редкую книгу.

Берлин *Лотар Грюнвальд*
3. 8. 1966 г.[17]

* * *

...Письма... Письма... Письма... Пусть не посетует на меня читатель за обилие документов в книге. Письмо товарища Вальтера Ульбрихта, письма ветеранов Компартии Германии, антифашистов, социал-демократов, письма лидеров других коммунистических партий и выдающихся писателей, забытые интервью Луначарского, Горького и самого Шолохова, письма переводчиков «Тихого Дона» и его издателей, письма рабочих и узников тюрем, так же как и многочисленные отклики прессы — коммунистической, прогрессивной и буржуазной,— это документы борьбы мнений вокруг творчества классика советской и мировой литературы. Все эти документы и материалы красноречиво и убедительно говорят нам о том, что коммунист Шолохов и его книги вот уже почти полвека находятся на переднем крае битвы идей века. А моя книга посвящена именно этой теме.

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ

I

После разгрома фашизма на книжном рынке Западной Германии неожиданно появился в продаже «Тихий Дон» на немецком языке (перевод О. Гальперн) в трех книгах. Его распространителем оказался, как это ни странно, заокеанский книгоиздатель Х. Ф. Краус (Нью-Йорк, 1946)[1]. У нас нет образца этого издания, и мы не знаем, каков его тираж, как издательство представило «Тихий Дон» читателям. Нам также неизвестны отклики прессы.

Вполне понятно, что в первые годы «холодной войны» книгоиздатели английской, американской и французской зон оккупации долго не решались его печатать. Но вскоре жизнь продиктовала свое. Осенью 1949 года фирма «Пауль Лист» в Мюнхене (по лицензии из ГДР) выпустила в свет первую и вторую книги «Тихого Дона» в том же переводе.

После Мюнхена первая и вторая книги романа были дополнительно изданы «Паулем Листом» в Штуттгарте, Дармштадте и еще дважды во Франкфурте-на-Майне[2].

«Тихий Дон» вызвал у читателей огромный интерес. Читатели ожидали выпуск продолжения (ведь в ГДР «Тихий Дон» уже был издан полностью в 1947—1948 гг.!). Роман пользовался невиданно большим спросом, но тут в книгоиздательские дела «Пауля Листа» вмешались некие силы (о них речь впереди), которые и задержали публикацию третьей и четвертой книг романа до 1959 года.

В традиционных «Домашних сообщениях» о книжных новинках, рассылаемых подписчикам, издательство «Пауль Лист» о «Тихом Доне» писало: «Если мы во главе списка новинок ставим... русскую фамилию, то делаем это для того, чтобы не лишать немецких книголюбов возможности читать гуманное, выдающееся и признанное произведение с мировой славой. Михаил Шолохов считается самым великим русским писателем-романистом нового времени»[3].

Какое же отношение было к этому изданию в западногерманской прессе?

Только коммунисты дали глубокую и объективную оценку творчеству Шолохова. Нам не удалось разыскать комплекты номеров газеты «Фрейес фольк» («Свободный народ») за

1949 год, единственной коммунистической газеты в Западной Германии, и мы не знаем, откликнулась ли она тогда на выход в свет «Тихого Дона». Но несколько позже, в мае 1950 года, «Фрейес фольк» напечатала большую статью «Поэт Дона», посвященную сорокапятилетию писателя.

В статье отмечалось, что в 20-е и 30-е годы в Европе появилось много произведений, которые по-разному судили о первой мировой войне и революциях, происшедших в различных странах. Среди этих книг «Тихий Дон» Шолохова занял особое место, так как произвел всюду, куда он проник, необыкновенно глубокое впечатление. «Произошло это потому,— пишет газета «Фрейес фольк»,— что в «Тихом Доне» изображены события русской революции — самой великой революции в истории человечества, и потому, что нигде мировая война и социальные проблемы, двигавшие человечество, не вызвали такого глубокого переворота, как в России, и потому, что в этом романе естественные силы народа, взбудораженные, как океан, нашли свое сильнейшее художественное воплощение».

Народность, по мнению коммунистической газеты,— одно из важнейших достоинств «Тихого Дона». Цитируя высказывание американского критика Малькольма Каули («у Шолохова изумительное знание и чувство народа»), редакция «Фрейес фольк» пишет, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» радуют и очаровывают читателя знанием жизни народа, его страданий и чаяний». Произведения Шолохова народны по своему духу, содержанию и форме. «Беспримерное, изумительное богатство изобразительных средств писателя,— утверждает «Фрейес фольк»,— яркие метафоры, образный искрящийся диалог, народная мудрость в пословицах, поговорках, здоровый юмор — все это глубоко раскрывает духовные силы героев-тружеников земли... У Шолохова трагические столкновения и сложнейшие человеческие переживания зачастую потрясают нас, как откровение жизни, а разоблачение социального зла всегда озарено светом больших надежд, которые несет революция»[4].

Так был представлен Шолохов в самой прогрессивной газете Западной Германии.

Об отношении буржуазной прессы к творчеству Шолохова очень хорошо сказал Антон Хирше в докладе на шолоховском симпозиуме в г. Лейпциге весной 1965 года: «Длительное время после разгрома германского фашизма в Западной Германии произведения Шолохова как бы утаивались от читателей... В то же время «исследователи» Востока, реакционная пресса и непосредственно власти предпринимали все, чтобы советскую литературу в целом не допускать к читателям. Это была борьба, которая велась оружием замалчивания, клеветы и прямых запретов»[5].

Именно по этой причине в боннской прессе за 1949 год статьи о «Тихом Доне» не печатались. В те годы в ФРГ, чтобы выступить с одобрением «Тихого Дона», надо было обладать незаурядной смелостью.

Одной из первых со статьей о романе выступила редакция журнала «Вельт унд ворт». Ее автор Ф. Кноллер признает, что «Шолохов не стал жертвой упрощенчества», так как он «чувствует пульс жизни и знает о существовании нашей бренной участи на земле»[6]. Здесь критик, как видно, имеет в виду реалистическую основу романа, его гуманизм. Но в то же время он не оценивает того нового, что сказал Шолохов в 1928 году о первой мировой войне. Вместо этого Ф. Кноллер пытается выискивать в «Тихом Доне» всяческие недостатки, утверждая, что роману «не хватает стержня концентрированного действия». Критик сожалеет о том, что Шолохов отдал дань «современной болезни века (? — *К. П.)*, выявляя героя-одиночку и подменяя личность коллективом и массой». Критик не увидел, что сила шолоховского таланта одинаково проявилась как в изображении масс, так и в каждой отдельной личности.

В том же, 1949 году в Бонне вышла в свет «История русской литературы» профессора-эмигранта Ф. Сечкарева, который писал, что «Тихий Дон» «хотя и начинается в романической форме, но в дальнейшем представляет собой хронику — сухое перечисление событий»[7] и что в нем достойны внимания «только описания донского пейзажа». Позже на книжном рынке появляется книга «Развитие русской литературы при советском режиме». Ее автор, реакционный профессор Ф. Нейман, называя роман произведением нехудожественным, обвинял Шолохова в «беспощадном натурализме», пытался доказать, что «Тихий Дон» «заполнен только сообщениями фактов и диалогами, кои нельзя признать романом»[8]. В изданной в Мюнхене (1957) «Истории советской литературы» белоэмигрант Глеб Струве также всячески стремился умалить достоинства Шолохова, именуя его «хроникером войны и революции», который, мол, не овладел композицией романа, вследствие чего «Тихий Дон», «в строгом смысле, не имеет действия», «переоценен (захвален) критикой» и «не является классическим творением».

Не зная жизни Дона, не видя всей сложности и запутанности военно-политической обстановки на Юге России в годы гражданской войны и не понимая трагедии главного героя романа — Григория Мелехова, труженика-правдоискателя, критик Струве акцентирует свое внимание лишь на изображении в «Тихом Доне» приверженцев белого лагеря, на негативных сторонах действий Григория, чтобы приписать Шолохову «двусмысленность конца романа» и то, что якобы он «сам в подсознании сожалеет о потере многого, устраненного революцией в тради-

ционном образе жизни казаков, хотя он и одобряет коммунистическую революцию»[9]. И ярый антикоммунист В. Леттенбауэр в своей «Истории русской литературы» (Висбаден, 1958), эпигонски следуя за Струве, также видит в образе Григория Мелехова лишь «дезертира от красных», в романе — «в качестве центрального мотива... прежде всего половую любовь», а в Шолохове — писателя, который «едва ли прибавил что-либо новое к наследию своих великих предшественников из XIX века»[10].

Как видим, эти профессора-реакционеры в своих исследованиях предвзято и извращенно трактуют идейный замысел и художественное воплощение «Тихого Дона». Будучи яростными антикоммунистами, они оказались не в состоянии понять и оценить всю силу, величие и новаторство классика советской и мировой литературы Шолохова — новаторство в стиле, методе и проблематике.

Профессор Гарри Юнгер (ГДР) на Лейпцигском симпозиуме (1965) в докладе «М. Шолохов и роман-эпопея социалистического реализма» дал всем им достойный ответ. Подчеркивая, что в «Тихом Доне» дано убедительное разъяснение вопроса о так называемом «третьем пути» и критикуя западногерманских исследователей, Гарри Юнгер говорил: «В предрассудках буржуазных литературоведов по отношению к роману-эпопее проявляется тот факт, что новаторство данного произведения не принимается, а измеряется устаревшими мерками абстрактных тезисов эстетики, согласно которым сущность литературы заключается в изображении только характера... Но именно такие произведения, как «Железный поток» А. Серафимовича или «Тихий Дон» М. Шолохова, показывают прямо, что действие романа может определяться и художественно ценным изображением коллектива». И там же Гарри Юнгер подчеркнул, что «роман-эпопея в XX веке развивается вполне закономерно», что «время больших движений масс и революций предъявило к литературе новые требования, необходимость создания больших обобщенных картин-полотен времени» и что большие полотна эпоса «потребовали точного определения характера эпохи, а также и тенденций развития, которые непременно предвещают закат капитализма и победу социализма. И буржуазный критик (будь он правдив и объективен!) установил бы — хочет он этого или не хочет — закономерную гибель своего собственного общества, если бы верно проанализировал роман-эпопею»[11]. Но этого качества литературоведы ФРГ нигде не проявили и единодушно заняли позицию отрицания романа-эпопеи социалистического реализма и других советских произведений.

И тем не менее среди широких кругов читателей с годами интерес к ним и, в частности, к произведениям Шолохова, Леонова, Паустовского, Фадеева, Симонова — в целом к совет-

скому искусству — не угасал, а разрастался. Читатели с нетерпением ожидали появления в продаже новинок советской литературы и последующих томов «Тихого Дона».

В начале 50-х годов в боннской прессе появились статьи критика Р. Карманна, а в 1956 году — Ю. Рюле, которые, называя «Тихий Дон» шедевром советской и мировой литературы, трактовали его с антикоммунистических позиций. В журнале «Нойес абендланд» Карманн интерпретировал шолоховский эпос как «трагедию о гибели донского казачества в революции», с восторгом писал о Листницких, называя их «патриотами, готовыми на любые жертвы», а участников банды Фомина именовал «мужественными партизанами», борцами за народную волю. Главная же забота Карманна сводилась к тому, чтобы приписать Шолохову некую двойственность мышления, оторвать его от советской земли, на которой он якобы «не может свободно дышать и развиваться»[12]. А критик Юрген Рюле в проамериканском журнале «Монат» называл «Тихий Дон» «героической песней о русской Вандее»[13], т. е. о русской контрреволюции. Однако этот вывод Рюле не имеет подтверждения в шолоховском тексте, противоречит замыслу писателя.

В «Тихом Доне» Шолохов действительно пропел героическую песнь, но не русской Вандее, а лучшим сынам революционного казачьего Дона — председателю Донской советской республики казаку ст. Усть-Хоперской Федору Подтелкову, его боевому соратнику казаку ст. Боковской Михаилу Кривошлыкову, председателю казачьего комитета при ВЦИКе казаку ст. Букановской Ивану Лагутину. Он создал образы представителей большевистской партии—Штокмана, Бунчука, Анны Погудко, Котлярова, Лихачева, Кошевого, красных трубачей, которые близ Вешенской, попав в лапы белогвардейцев, перед лицом смерти вдохновенно исполняют пролетарский гимн — «Интернационал». В своем великом эпосе Шолохов пропел героическую песнь тем, кто вместе со всем революционным народом Советской России под водительством партии Ленина беспощадно сражался против белогвардейщины, и тем, кто смертью храбрых пал в боях за революцию.

Что же касается Григория Мелехова и ему подобных казаков-тружеников, которые в водовороте сложившихся запутанных обстоятельств не нашли правильного пути в жизни и оказались в стане контрреволюции, то Шолохов с исчерпывающей ясностью дал оценку их горестному, трагическому и позорному отступлению с деникинцами, и еще раз продемонстрировал большевистскую партийность авторской позиции в этом вопросе. Всем памятна XXVIII глава седьмой части «Тихого Дона», в которой с эпической масштабностью изображена картина бегства разбитых Красной Армией белых. Тысячи обманутых

и замордованных тружеников-казаков — пеших, конных, с обозами (среди них мы находим и больного тифом Григория Мелехова) — пробиваются по непролазной грязи кубанских дорог к морю, в Новороссийск. И вдруг в непроглядной темени над нескончаемым обозом отступающих сотни голосов подняли старинную казачью песню:

Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке,
На славных степях, на саратовских...
Там жили, проживали казаки — люди вольные.
Все донские, гребенские да яицкие...

В восприятии Григория Мелехова, потрясенного картиной позорного бегства, и горечью личных невозвратимых утрат, и праведнейшим упреком, звучащим в каждом слове, и незабвенным лейтмотивом, — в восприятии рыдающего Григория и отступающих казаков эта старинная песня вдруг зазвучала как запоздавшее откровение и беспощадное осуждение их участия в борьбе против революции.

«Над черной степью, — пишет Шолохов, — жила и властвовала одна старая, пережившая века песня. Она бесхитростными, простыми словами рассказывала о вольных казачьих предках, некогда бесстрашно громивших царские рати; ходивших по Дону и Волге на легких воровских стругах; грабивших орленые царские корабли; «щупавших» купцов, бояр и воевод, покорявших далекую Сибирь... И в угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа...»[14]

В этих строках, как и во всем «Тихом Доне», Шолохов подвел итог позорным, кровавым злодеяниям русской контрреволюции и интервентов, пытавшихся превратить казачество Дона, Кубани и Терека в русскую Вандею. При столь ясной авторской позиции в «Тихом Доне» как же можно писать, что Шолохов «пропел героическую песню русской Вандее»?

Шолохов в своей эпопее убедительно показал, что в борьбе двух миров — между красными и белыми — третьего пути, третьей идейной позиции нет и быть не может. Поэтому домыслы Рюле в той же статье, пытающегося найти «третий путь», так же, как его клеветнические утверждения, что в «Тихом Доне» якобы заложен «намек» на возможность «третьей революции»[15], преследуют цели провокационные, не имеющие отношения к литературоведению.

И, конечно же, права была литературовед Гертруда Кноблох (ГДР), когда в 1964 году в своей крупной работе о Шолохове, развенчивая доводы Ю. Рюле, убедительно доказала, что «третий путь», как правило, «ведет прямо в лагерь империалистической реакции»[16].

В середине 50-х годов между ГДР и ФРГ было заключено соглашение о книготорговле на равных условиях. Однако Бонн, как сообщала западногерманская газета «Дойче фольксцайтунг», лицемерно нарушал условия книгообмена. «В 1956—1957 годах Биржевое общество книготорговцев ФРГ продало своих книг и журналов в ГДР на 14 млн. марок, а закупило в ГДР книжной продукции только на 3,4 млн. марок», мотивируя свой отказ от выполнения договора тем, что якобы «ввоз книг из ГДР не вызывает интереса»[17].

Западногерманский журналист Гейнц Брюдигам в статье (с символическим названием «Литература в смирительной рубашке») рассказал об истинном положении дел с распространением прогрессивной литературы на Западе.

«В различных землях ФРГ, — сообщал Г. Брюдигам, — в последнее время стали известны совершающиеся тайно и при закрытых дверях акции запрета и конфискации книг из ГДР. В Гамбурге и некоторых других городах были признаны антигосударственными и конфискованы (привезенные из ГДР) книги «Испанская война» Людвига Ренна, «Далеко от Москвы» Ажаева, «Грач — птица весенняя» Мстиславского, документальная книга «Эсэсовцы в деле» и др. А Баварское министерство внутренних дел (Мюнхен) разослало книготорговцам особое предписание, которое гласит: «Проверка, произведенная совместно с компетентными инстанциями, показала, что следует рассматривать как антигосударственные закупленные вами в советской оккупационной зоне книги: «Поднятая целина» Шолохова, «Девятый вал» Эренбурга, «Коммунисты» Арагона, «Небесная команда» Вайскопфа, «Ложь» Отто, «Товарищи» Вейнерта, «Тинко» Штриттматтера. Имеется также решение ведомственного суда в Ландсхуте от 10. 1. 1958 г. о конфискации книги «Эсэсовцы в деле», ввезенной из советской оккупационной зоны. Ссылаясь на предписания «StGB» и в особенности на § 93, мы настоящим категорически обращаем ваше внимание на то, что распространение названных книг, а также хранение их запасов и закупка для продажи — уголовно караются.

С глубоким уважением *фон Лейкарт*,
министерский советник»[18]

Как видим, в ФРГ хранение и распространение книг прогрессивных писателей — Шолохова, Вайскопфа, Вейнерта, Эренбурга и других было делом государственно опасным и «караемым по закону». Именно в этом, видимо, таилась и причина столь длительной задержки с изданием третьей и четвертой книг «Тихого Дона».

Не зная об этих тайных предписаниях властей ФРГ против произведений Шолохова и других советских писателей, мы были некоторое время в недоумении, просматривая западногерманские журналы и книги, в которых ученые, дискутируя по поводу современного романа и развития европейской литературы, делали вид, что Шолохова, Леонова, Фадеева, да и вообще советской литературы вроде бы и нет на свете.

Летом 1959 года на экраны Западной Германии вышла первая серия цветной киноэпопеи «Тихий Дон» (режиссера Сергея Герасимова). Мюнхенская буржуазная газета «Зюддойче цайтунг» одной из первых откликнулась на это событие и вынуждена была признать «Тихий Дон» «выдающимся творением советской литературы». И там же, явно спасая честь цензуры и книгоиздателей ФРГ, редакция уверяла читателей, что «до сих пор на немецкий переведены и изданы только две книги романа»[19], умалчивая о том, что в ГДР все четыре книги «Тихого Дона» в немецком переводе свободно продаются с 1948 года! Другие газеты ФРГ подхватили эту версию, чтобы найти оправдание задержке издания третьей и четвертой книг «Тихого Дона».

Реакционная пресса в 1958 году пыталась утверждать, что Шведская академия поступила правильно, не присудив М. Шолохову Нобелевскую премию. Однако появление на экранах ФРГ первой серии киноэпопеи «Тихий Дон» неожиданно осветило этот вопрос с новой стороны: колоссальный успех кинофильма вызвал в широких кругах населения повышенный интерес к шолоховскому роману. В буржуазно-либеральной прессе ФРГ стали все чаще появляться статьи, необычайно высоко оценивающие «Тихий Дон». Так, например, гамбургская «Нойе политик» 13 июня 1959 года писала: «...творчество Шолохова стало всенародным достоянием, а его «Тихий Дон» стоит в ряду шедевров мировой литературы и подобен «Войне и миру» Толстого»[20].

Радио Штуттгарта передало 18 июля 1959 года статью Хильдегарты Ахемм. Там говорилось: «Да, «Тихий Дон» — единственная вещь, которую можно в наш век сопоставить с «Войной и миром» Толстого... Говорят, что Шолохов в юности сказал: «Я хотел писать о народе, который вырастил меня и который я знаю». И он блестяще выполнил свое обещание. ...Казак Григорий Мелехов и революционер-казак Бунчук прекрасно изображены в труде, любви и страданиях... Оба имеют заслуги, величие и свои слабости. Шолохов поражает своей неподкупностью и объективностью, а сцена самоубийства атамана Каледина, а также казни то белых, то красных — потрясающи»[21].

Радио Бремена 25 августа 1959 года передало в эфир одну

из лучших и интереснейших статей о Шолохове — «Эпос революции» Ганса Липинского-Готтердорфа. Отвечая критикам ФРГ, которые отказывали Шолохову в художественной самобытности и в композиционном мастерстве, Г. Липинский-Готтердорф говорил: «К Шолохову вполне применимо то, что сказал один историк литературы о романах Льва Толстого: «Это могучие, медленно текущие потоки весомых, зримых масс слов, которые в своем синтаксически-стилистическом своеобразии (самобытности) несут богатейшее изображение жизни. Такое родство с гениальным художником прошлого века делает большую честь Шолохову. И если его кое-кто упрекает в эпигонстве, то это столь же нелепо, как нелепо обвинять тихий Дон в том, что он, как и Волга,— тоже река!»[22]

Не надо думать, что столь правдивые суждения о «Тихом Доне» легко и без цензурных ножниц вышли в эфир. И в этой статье цензоры кое-что вырезали. Мы располагаем фотокопией данной статьи Г. Липинского-Готтердорфа. В ней цензура ФРГ выбросила заключительный тезис автора о причинах победы коммунистов в годы гражданской войны и, в частности, слова: «Ленин победил! Он должен был победить потому, что не было другой альтернативы, и потому, что право угнетенных, мучимых и терзаемых масс было на его стороне»[23].

Первая серия кинофильма «Тихий Дон» вызвала в народных массах ФРГ глубокий интерес к Шолохову и его роману. Вскоре, осенью 1959 года, издательство «Пауль Лист» выпустило в продажу третью и четвертую книги романа-эпопеи.

До нас не дошел ни один экземпляр этого издания. Но мы располагаем любопытным документом из весьма консервативного кельнского журнала «Магнум» (1959, № 27), который об этом событии на книжном рынке писал: «Тот факт, что четыре книги монументального романа (Шолохова) о донских казаках, представляющего собою прекрасное переплетение семейной хроники и исторического эпоса, дошли до нас впервые лишь теперь (почти 20 лет спустя после его завершения),— этот факт является еще одним свидетельством нашего незнания выдающихся произведений советской литературы»[24].

Как сообщала либеральная пресса ФРГ, третья и четвертая книги «Тихого Дона» (а они были изданы в одном томе) покупались нарасхват.

«В ФРГ,— читаем мы в «Дойче фольксцайтунг»,— случилось нечто необычайное: казачий эпос выдающегося представителя новой советской литературы Михаила Шолохова у нас на глазах превращается в бестселлер — боевик дня! Но не так, как это было с Пастернаком (для которого все усердно нагнетали политическую сенсацию), а только лишь благодаря непревзойденной силе «Тихого Дона»[25].

И снова вокруг имени Шолохова вспыхнули споры, развернулась полемика.

«Важно отметить,— писал в другом кельнском журнале Ганс Липинский-Готтердорф после выхода в свет четырех книг «Тихого Дона»,— что теперь уже всякий интересующийся мог вынести свой приговор в том, что Шолохов более, чем кто-либо другой, достоин Нобелевской премии». Отдавая во всем предпочтение великому сыну Дона, называя его «новым Гоголем» в советской литературе, критик отметил следующее: «Нечто особенное отличает «Тихий Дон» Шолохова от всей литературы, которую мы привыкли называть современной. В «Тихом Доне» нет экспериментов модерна. Однако те, кто его не знают, знают мало, знают не только не все о литературно-художественных возможностях нашего времени,— им не хватает целой глыбы мировой литературы. Коммунист Шолохов не живописует типов крайнего индивидуализма, крайнего одиночества человека; он продолжает развивать наследие русской классической литературы, которая понимала всю действительность и себя (в этом были единодушны ее самые значительные представители при всех своих различиях от Пушкина до Маяковского, от Лермонтова до Достоевского, Горького и Блока), как общечеловеческую, социальную и, если хотите, политическую категорию...»[26]

Вдобавок ко всему этому на страницы журнала «Панорама» неведомо как пробилась большая, весьма аргументированная статья советского критика Т. Трифоновой «Дух эпохи в творчестве Шолохова»[27]. Статья привлекла внимание не только многочисленных поклонников писателя, но и властей, которые вскоре и прикрыли этот журнал, опубликовав в своей прессе множество статей против Шолохова.

Летом 1959 года в газете «Нью-Йорк таймс» с клеветнической заметкой выступил Гарри Солсбери. Он заявил, что Шолохов якобы давно закончил вторую книгу «Поднятой целины» сценой самоубийства Давыдова (главного героя) в советской тюрьме, но Кремль заставил писателя переделать финал, чтобы он соответствовал принципам социалистического реализма. Фальшивку эту немедленно и с радостью подхватили западноберлинский «Тагесшпигель», «Ганноверше пресс», «Ди вельт»[28] и многие другие газеты и радио. А баден-баденская «Дойче рундшау» напечатала тенденциозную статью «Шум о Доне», в которой развивала всякие домыслы о «дикости России», пыталась доказать, что в «Тихом Доне» «запечатлены картины, характерные для племени, которое еще пребывает в состоянии варварства»[29]. И это писалось о народе, открывшем человечеству новую социалистическую эру, писалось после того, как Советский Союз спас Европу от фашистского варварства. И первым в мире шагнул в космос!..

С такой же предвзятостью к СССР и Шолохову выступила в западноберлинском журнале «Остойропа» белоэмигрантка Наталия Тарасова, скрывающаяся под псевдонимом Барбары Бодз. В статье «Советская литература. 1959» она договорилась до того, что, мол, страницы романа Шолохова «Они сражались за Родину» «наполнены животной ненавистью не только к врагам, но и советским солдатам»[30].

В то время в ФРГ главы из романа «Они сражались за Родину» не были изданы, и Б. Бодз, конечно же, пользовалась переводом, опубликованным в «Совлетлитератур» летом 1959 года. Важно отметить, что редакция этого журнала сопроводила тогда главы шолоховского романа своей аннотацией, которая гласит: «Чудовищные преступления фашистских захватчиков на временно оккупированной территории естественно вызвали лютую ненависть у советского народа. Этим доминировавшим тогда мнением объясняются порой резко отрицательные, дышащие гневом высказывания персонажей книги против фашистских захватчиков. Их ни в коем случае не следует воспринимать как враждебное отношение к немецкому народу в целом»[31].

Как положительный факт отметим, что в ГДР пресса и читатели совершенно правильно восприняли перевод нового произведения Шолохова. В числе лучших откликов прессы назовем статью Марианны Ланге «Они сражались и за нас», напечатанную в «Зоннтаг», которая является достойным ответом западногерманскому журналу «Остойропа» и ее критику Б. Бодз.

«Для нас, немцев,— пишет М. Ланге,— признающих свою историческую вину и видящих свою священную обязанность по отношению к своему народу в дружбе с советским народом, эта книга («Они сражались за Родину») является полезной книгой. Мы вновь завоевали нашим мирным трудом доверие и даже любовь Лопахиных, Стрельцовых и Звягинцевых. Эта книга полезна также и всем честным друзьям мира в Западной Германии»[32].

С 1959—1960 годов в ФРГ появились статьи Г. Ишрейта, который несколько по-иному интерпретирует произведения Шолохова. Профессор Боннского университета, Гейнц Ишрейт, в большой статье «Михаил Шолохов» (напечатанной в «Новых немецких тетрадях»), называя Шолохова «выдающимся реалистом», «сознательным политиком», «писателем с мировым именем», который «верен своей линии», подчеркивает, что он — «коммунист и поэтому в его произведениях мощно звучит вера в коммунистическое понимание истории»[33].

Выдав эти лестные аттестации, он, однако, утверждает, что в «Тихом Доне» художественное значение имеют только первая, вторая и третья книги, в которых таятся «этические корни земли», а четвертую книгу романа Ишрейт зачеркивает, так как

в ней «очень сильно чувствуется коммунистическая тенденция»[34]. Критик пытается доказать, что «Тихий Дон» (I, II, III кн.) — это «не начало советского русского искусства, а последний плод старых традиций» и что Шолохов — это «певец распадающегося казачьего сословия»[35]. Но несостоятельность этих «находок» критика видна всем, кому дано видеть. Ведь Ишрейт последним тезисом повторяет домыслы Рюле о «Тихом Доне», как о «героической песне русской Вандеи». Критик походя бросает обвинение в том, что якобы «объективность Шолохова... таится в его русском национализме, который заставляет его изображать с теплотой даже «отщепенца», т. е. русского некоммуниста»[36].

И то, что Ишрейт не принимает четвертую книгу «Тихого Дона», «Поднятую целину» и «Судьбу человека», рассуждает об «этнических корнях земли», противопоставляет Шолохова всему советскому искусству,— все это свидетельствует о том, что критик не постиг во всей глубине художественной значимости произведений Шолохова и вообще советской литературы. Для критика Ишрейта остаются непостижимыми творческий метод Шолохова и одна из важнейших граней этого метода — объективность, которая если бы таилась «в русском национализме», то сразу же перестала бы быть объективностью!

Шолохов — писатель-гуманист, патриот, интернационалист, выдающийся борец за мир и дружбу между народами, о чем свидетельствуют его монументальные произведения — «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», а также и все его рассказы, публицистические статьи и выступления на родине и за рубежом. Поэтому обвинение в «националистическом пристрастии» Шолохова к главному герою «Тихого Дона» страдает крайним субъективизмом.

* * *

Власти ФРГ запретили в 1959 году демонстрацию второй и третьей серий киноэпопеи «Тихий Дон».

И тогда же прогрессивная буржуазная газета «Дойче вохе» в статье «Тихий Дон» уж недостаточно тих!» по этому поводу писала: «Кинофильм «Тихий Дон» (как и фильм «Летят журавли») очаровал и покорил миллионы западногерманских кинозрителей... Но вторую и третью серии киноэпопеи Шолохова мы уже не увидим. Федеральное ведомство, ведающее обменом кинофильмами, не дало необходимых рекомендаций. Имеются политические опасения, и фильму «Тихий Дон» приписали пропаганду коммунизма»[37].

Запретив ввоз и демонстрацию второй и третьей серий киноэпопеи «Тихий Дон», боннские власти вызвали этим еще

больший интерес к советской литературе и к творчеству Шолохова.

Так, журнал «Бюхершифф» в 1960 году, давая рекомендации библиотекам, в статье «Казацкая сага» авторитетно утверждал, что «Шолохов более чем кто-либо другой достоин Нобелевской премии», так как «автор «Тихого Дона» стоит значительно выше многих романистов современности»[38].

В другом журнале (специально рекомендующем библиотекам новинки литературы) — «Бюхерай унд бильдунг» критик Е. Гольтц высказался также прямо и откровенно: «Тихий Дон» давным-давно заслуживает Нобелевской премии»[39].

III

Как бы там ни было, но литературовед из ГДР Антон Хирше был прав, когда на шолоховском симпозиуме в Лейпциге (1965) заявил, что советские спутники из космоса тоже оказали содействие прорыву советской литературы через «железный занавес»[40].

Во всяком случае, в 1960 году читательский спрос на произведения Шолохова настолько возрос, что издательство «Пауль Лист» — воздадим ему должное! — пошло еще раз на риск, выпустив в продажу «Поднятую целину», «Судьбу человека» и «Лазоревую степь».

И снова вокруг творчества Шолохова в Западной Германии разгорелись споры. Правда, произведения об Отечественной войне — «Наука ненависти», главы из романа «Они сражались за Родину» и «Судьба человека» — замалчивались. Критика была направлена против «Поднятой целины», отмечал А. Хирше. Роман рассматривали как документ эпохи, отказывая ему в художественной ценности. Вдохновитель и организатор новой колхозной жизни на Дону большевик Давыдов именовался боннской прессой как «разрушитель древнего образа жизни казаков»[41].

В журнале «Вельт» некий Г. Д. Зандер выступил со статьей «Легенды надо разрушать», в которой писал: «А чего стоят идиллии: комиссар Нагульнов — собиратель книг,— заблудившись в лабиринте своих ошибок, начинает гоняться за петухами; председатель Совета Разметнов преследует кошек; казаки, в первой книге вооруженные реальными аргументами против коммуны, теперь (во второй книге) за ночь присоединяются и вступают в партию; и, как апофеоз,— гибель Давыдова и на пороге в рай — притаившиеся враги-саботажники! Чтобы такое написать, надо ли было казаку Шолохову трудиться четверть века?»[42] В статье каждая строка дышит клеветой, ненавистью к Советской России и ее народу.

А читатель, явно понимающий толк в литературе, писал о «Поднятой целине» в журнале «Панорама» совсем иное:

«Познакомиться с Шолоховым надо обязательно. Он— эпик большого масштаба, и его лепка образов выходит за рамки общепринятого мастерства своей необычностью. Он не героизирует свои персонажи, они остаются людьми со всеми их недостатками. При всей серьезности и значении их действий внимание читателя захватывающе приковывается (в вихре событий) также и ко всему комическому, которым они обладают. И как все это здорово дано! Трезво, жизненно и полно юмора. «Поднятая целина» — это роман, каких сегодня так мало!»[43]

Как видим, полемика вокруг творчества Шолохова не утихала. И появление в Западной Германии книги «Русская современная литература» (1963), написанной с позиций антикоммунизма — еще одно тому подтверждение. Ее автор, профессор И. Гольтхузен, выдавая себя, как это ни кощунственно, за прогрессивного критика, называет Шолохова «представителем консервативного курса» в советской литературе. Суть этого «консерватизма» заключается в том, что, оказывается, «Шолохов постоянно политически идентичен с волей партии», и критик сожалеет, что он «не является авангардистом вроде Б. Пильняка», что он не бунтует против власти. Весь раздел, посвященный Шолохову, эклектичен, противоречив, в ложном свете трактует «Тихий Дон» и творческую позицию писателя. Ничего не поняв в трагедии Григория Мелехова и ничего об этом не сказав, Гольтхузен считает, что Шолохов в финале романа «избрал посрамление (позор) для главного героя, чтобы спасти победу революции». Как выясняется дальше, все это придумано критиком, чтобы навязать читателю свой главный тезис, что, мол, советский «роман «Тихий Дон» в художественном отношении не выдерживает сравнения с классикой»[44]

Предвзятость и лживость позиции И. Гольтхузена очевидна и несомненна.

* * *

Визит в 1964 году М. А. Шолохова в ГДР вызвал в прессе ФРГ многочисленные отклики.

Доктор филологии Роланд Шмидт (ГДР) в своем докладе на шолоховском симпозиуме в Лейпциге (1965) отметил, что если «Франкфуртер рундшау» и «Андере цайтунг» печатали правдивую информацию об этом визите, то мюнхенская «Зюддойче цайтунг» допускала вымыслы, а гамбургский еженедельник «Ди цайт» 19 июня 1964 года напечатал пасквиль некоего Марцеля «Донской казак во фраке Гете», в котором приписы-

вал Шолохову «звериную ненависть ко всем немцам»[45], ссылаясь на рассказ Шолохова «Наука ненависти».

Марцелю нетрудно было сочинять эти наветы на «Науку ненависти» потому, что в ФРГ этот рассказ был запрещен к изданию и читатели Западной Германии не знали его содержания. Они не знали, что в 1942 году рассказ обошел всю прессу антигитлеровской коалиции, что Шолохов в нем повествует не о ненависти к немцам, а о ненависти к фашизму и гитлеровцам-оккупантам! Что же касается мировоззрения Шолохова, его отношения к национальному вопросу, то для этого достаточно вспомнить «Тихий Дон», «Науку ненависти», «Судьбу человека», его выступления в прессе — и каждому станут ясны его интернационалистские убеждения.

Известный советский писатель Анатолий Калинин в «Правде» 24 декабря 1964 года в памфлете «Тот самый Марцель» писал: «Автор «Тихого Дона» по сути своих убеждений не может питать чувства ненависти к немецкому народу... Марцель из еженедельника «Ди цайт» закрывает глаза на тот очевидный факт, что и в произведениях Шолохова о второй мировой войне идет речь не о науке ненависти к немецкому народу, а о науке ненависти к фашистским оккупантам...»[46].

Мы к этому можем добавить важный документ из прессы ГДР. Еще в июне 1960 года дрезденская газета «Институт цайтунг» (орган парткома СЕПГ педагогического института имени В. Ф. В.-Вандера) опубликовала статью профессора Гертруды Гаупт, которая писала об истинном, действительно интернационалистском отношении Шолохова к немцам. Профессор Гертруда Гаупт в 1960 году, будучи в Ростове-на-Дону со своими друзьями, неожиданно встретилась в гостинице «Московская» с М. А. Шолоховым, который пригласил их к себе в номер на чашку чаю.

«Шолохов,— пишет Гертруда Гаупт,— оживленно беседуя с нами, вдруг очень серьезно сказал: «В Германии говорят, что я не люблю немцев... А я хочу вам рассказать, как выглядит в действительности мое отношение к немцам. У меня есть маленькая немецкая подруга. Ее зовут Гизела. Ее отец погиб на войне... Вероятно, поэтому она стала серьезной и рассудительной не по возрасту. В пятнадцать лет она уже прочла «Тихий Дон» и написала мне взволнованное и по-детски восторженное письмо, которое мне так понравилось, что я ответил на него, в то время как не мог ответить на тысячи писем. Она мне снова написала. В письме она сообщила, что от радости подпрыгнула почти до потолка, когда получила мой ответ. Так завязалась регулярная переписка и крепкая дружба между нами, она продолжается и сейчас. Между тем Гизела стала учительницей. Я написал ей в своем последнем письме следующее: «Когда

я еще раз приеду в Германию,— а я твердо наметил это себе — я буду, вероятно, уже стариком. Но я тогда приду к вам в класс, тихо сяду на последнюю парту и буду счастлив возможности еще раз поучиться у вас немецкому языку». Вот мое действительное отношение к немцам»[47].

* * *

Решение Шведской академии о присуждении Шолохову Нобелевской премии (1965) в прессе ФРГ было воспринято разноречиво. Редакция крупной газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» с досадой сокрушалась о том, что «присуждением Шолохову Нобелевской премии одновременно выдано и признание художественного принципа социалистического реализма»[48].

Выше мы отмечали, что четыре тома «Тихого Дона» на немецком языке впервые были изданы в ГДР в 1947—1948 годах. Тем не менее западногерманские газеты («Аугсбургер альгемайне», «Франкфуртер альгемайне цайтунг»[49]) продолжали твердить, что «на немецком языке третья и четвертая книги «Тихого Дона» впервые появились лишь осенью 1959 года». Буржуазные газеты, повторяя тезисы антисоветчиков Карманна и Рюле, писали о том, что в «Тихом Доне» изображен «гибнущий мир казаков» («Альгемайне цайтунг»[50]), выступали со злобными наветами, утверждая, что «Тихий Дон» «писался без доктрины (?), да и без больших знаний о нем», т. е. о Доне («Христ унд вельт»[51]). Уверяли, что Шолохов «не является писателем метода социалистического реализма» («Геттингер тагеблат»[52]), что-де «Поднятая целина» создает впечатление монументальности просто силой материала», «крестьянским Октябрем», а не талантом писателя, что «Судьбу человека» в России переоценивают» («Зюддойче цайтунг»[53]) и т. п. Напрасны были бы попытки найти на страницах этих газет мнение простых людей о «Тихом Доне». Однако некто Курт Лоозе из г. Ганновера написал большое и волнующее письмо в редакцию нашей «Литературной газеты», которая и напечатала его. Вот полный текст письма:

«СССР. Шолохову.

...Только что передали по телевидению о присуждении Вам Нобелевской премии по литературе. Сердечно поздравляю Вас! Ваш роман «Тихий Дон» — моя любимая книга. Первую книгу я прочитал еще в 1929 году, когда мне было 20 лет, вторую — в 1930. Эти книги помогали мне и моим друзьям пережить годы нацизма. Бунчук, Штокман, а также Григорий и Аксинья стали нашими друзьями, мы жили и страдали вместе с ними, литература помогала нам понимать суровую действительность. Потом нам пришлось ждать 20 лет, пока мы познакомились с третьей

и четвертой книгами «Тихого Дона»! Один мой берлинский друг прислал мне их в 1949 году, когда они вышли в издательстве «Фольк унд вельт» (ГДР). Впоследствии «Тихий Дон» был издан в ФРГ и приобрел много читателей. Но я думаю, что являюсь одним из немногих, кто сумел сохранить в тяжелые годы нацизма и войны обе первые книги «Тихого Дона».

Благодарю Вас за созданные Вами художественные произведения и радуюсь с Вами присуждению Вам Нобелевской премии»[54].

Вот идущий от всего сердца отклик простого человека о «Тихом Доне». И как много он нам говорит о значении книг Шолохова за рубежом!

* * *

Награждение М. А. Шолохова Нобелевской премией, очевидно, вдохновило руководителей концерна «Пауль Лист» на новое издание произведений советского классика.

Рекламу к этому выпуску 1967 года с выдержкой из решений Шведской академии и цитатой из статьи Е. Гольтца («Вряд ли в современной литературе можно найти исторический эпос столь грандиозного масштаба и вдохновения») можно только приветствовать. Но редакторы «Пауля Листа» почему-то присочинили для романа подзаголовки: к третьей книге — «Братоубийственная война казаков» и к четвертой — «В хаосе контрреволюции»[55].

Издательская аннотация к первому тому «Тихого Дона» (книги I и II, перевод О. Гальперн) терпима, завершается она цитатой из текста романа: «В годину смуты и разврата не осудите братья брата». Но в аннотации называются неверные даты общественной деятельности писателя, ошибочно утверждается, что Шолохов публиковал «Тихий Дон» «с 1928 по 1958 год» и что «последние части романа вышли в свет лишь в 1959 году»[56].

На наше письмо от 9 февраля 1970 года издательство ответило: «Благодарим Вас за уведомление о допущенных нами ошибках в примечаниях в биографии Шолохова. В новое издание «Тихого Дона» мы обязательно внесем Ваши исправления»[57].

В издательской аннотации ко второму тому «Тихого Дона» (книги III и IV, перевод Е. Марголиса и Р. Чоры) роман аттестуется как «скорбная, лебединая песнь о надвигающейся гибели донского казачества». Тенденциозен и подбор цитат из буржуазной прессы, принижающий образ Григория Мелехова (по тексту «Ди цайт»), а также оспаривается безупречно ясная

творческая позиция Шолохова (по тексту «Дюссельдорфер нахрихтен»)[58].

В аннотациях есть и правдивые реалистические оценки, как, например, высказывания Е. Гольтца о присуждении Шолохову Нобелевской премии, что делает честь редакторам издательства «Пауль Лист». Хотя нельзя не отметить и некоторой их односторонности.

* * *

Вот уже 30 лет в Федеративной Республике Германии «Тихий Дон» находится в гуще ожесточенной классовой и идейной борьбы. Против «Тихого Дона» и его автора написано немало статей. Но буржуазные критики и рецензенты все чаще начинают задумываться над вопросом: «В чем же сила и очарование романа? Почему его читают, читают и читают?»

Ответ на этот вопрос — далеко не полный, но близкий к истине — дал немецким читателям критик Вильгельм Грассхоф в мюнхенской «Зюддойче цайтунг». Он глубоко прав, когда (словно бы отвечая Шрейту, Рюле и другим) писал: «...второй том (III и IV книги) «Тихого Дона» присоединяется к первому не только как равноценный, но представляет собою более мощное нарастание глубокого дыхания, которое уже в первых книгах романа легко и играючи преодолевало поистине эпические дистанции. Теперь, когда имеется в ФРГ полный перевод всего романа Шолохова, при взгляде назад определенные места первого тома (I и II книги), места, которые казались кому-то слабыми (наверное, имеются в виду профессора Струве, Леттенбауэр, Нейман и др.— *К. П.)*, эти места приобретают особый блеск! И теперь, более чем ранее, склоняешься к тому, чтобы сказать об этом романе, что это одно из великих произведений современной советской литературы»[59].

Решительно отметая упреки некоторых западногерманских критиков об «эпигонстве Шолохова», Вильгельм Грассхоф утверждает, что у Шолохова «своя собственная мускулисто-упругая эпическая волчья сила, которая позволила ему поднять свой роман на уровень «Войны и мира» Толстого: та же пластичность, та же всеохватывающая широта, тот же огромный ритм, который движет временами года, дыханием жизни на земле и заставляет людей гибнуть и возрождаться... И если в его (Шолохова) изображении, следующем строго художественной правде, имеется какая-то тенденция, то она остается настолько незаметной, что никогда не вызывает досады», так как весь этот «мир казаков сияет чудесными, жестокими, дикими красками музыки Мусоргского»[60].

Некоторые другие положения статьи В. Грассхофа нам чуж-

ды, но мы не будем с ним полемизировать. Время само покажет ему, в чем он не прав и заблуждается.

Есть в статье В. Грассхофа еще один исключительной важности и силы тезис. Сделав ряд сопоставлений, В. Грассхоф высказывает очень верную мысль, которая воздает Шолохову должное и в прах разбивает доводы идеологов империалистической реакции всего мира. Вот этот тезис:

«Для Шолохова справедливо то, что Томас Манн однажды сказал о Льве Толстом: «Это — бессмертный реализм...» Мы сегодня можем, вслед за Джойсом, Кафкой, Прустом и Фолкнером легко и быстро связывать со словом «реализм» что-то пренебрежительное. А Шолохов «Тихим Доном» показал нам, как мало ему дела до того, что его роман шельмуют «реалистическим», и как богат человек (пользующийся реалистическим стилем) — богат поэтическим потенциалом энергии и силы»[61].

И коль в Федеративной Республике Германии на страницах буржуазной печати люди начинают так размышлять, приходят к столь глубоким и верным выводам и уверенно пишут о бессмертии реализма Шолохова, то это значит, что в длительной битве двух миров за сердца и души человеческие — и на Рейне тоже — многие по-новому начинают воспринимать социалистический реализм Шолохова.

* * *

В 1970 году, с приходом к власти правительства социал-демократов, в ФРГ наметился поворот к налаживанию межгосударственных взаимоотношений с СССР и другими социалистическими странами. Этот поворот стал благоприятным и для развития культурных контактов.

Осенью 1970 года в Штуттгарте книжное издательство «Бельзер» выпустило большим тиражом роскошно изданную книгу «СССР. Советское государство и его люди». Это своеобразная антология советской и русской поэзии и прозы, в которой представлены Горький, Бунин, Шолохов, Маяковский, Блок, Есенин, Ахматова, Нагибин, Айтматов и другие.

Издательская аннотация начинается необычайно ценным откровением: «Что мы знаем о Советском государстве и его людях? — ставит вопрос издательство и отвечает: — Мы должны признаться, что, к сожалению, очень мало. Наши знания оказались замороженными. Наша страна и ее жители отгородились политическим барьером и предрассудками...» И далее, сообщая о гигантских пространствах и богатствах полей, лесов, рек, морей и недр земли советской, издательство подчеркивает, что «пестрая смесь народов многонационального государства мирно уживается друг возле друга... Октябрьская революция полно-

стью преобразила старую Россию. И отсталая аграрная страна превратилась в великую аграрно-индустриальную державу СССР, успехи которой нашли признание во всем мире...»[62].

Книга эта, как свидетельствует издательство, является в ФРГ первой по широте и разнообразию документов об СССР. В ней даны краткие биографические справки о писателях, чьи произведения вошли в антологию. Конечно, наша литература могла бы быть представлена более широко, с привлечением большего ряда имен.

В библиографической справке о М. А. Шолохове сказано, что с 1928 по 1940 год он писал «Тихий Дон», «принесший ему мировую славу», что за «Поднятую целину» в 1960 году он получил Ленинскую премию и «в целом за свое творчество в 1965 году награжден Нобелевской премией»[63].

В книге публикуются два отрывка: лирическая интродукция — начало VI главы третьей книги «Тихого Дона» («...Вызрел ковыль. Степь на многие версты оделась колышущимся серебром...»[64]), и незабвенные раздумья казака Кондрата Майданникова при его вступлении в колхоз — XIX глава из «Поднятой целины»[65]. Огромные цветные фото донской степи в грозу и величественная панорама комбайновой уборки пшеницы на Дону убедительно дополняют картину коммунистической нови нашей жизни.

ФРАНЦИЯ

I

Весной 1930 года в избе-читальне хутора Татарского, что стоит на берегу залива, против Тамани, керченский моторист показал нам иностранную газету «Юманите». Это был номер от 25 марта 1930 года. На первой странице в нем была статья о пропавшем без вести в Париже генерале Кутепове, а на второй — глава из «Тихого Дона» М. Шолохова[1]. Наискосок написанные от руки красные строки дарственной надписи француза, коммуниста, моряка.

«Дорогой друг! Для многих людей на Западе Россия — загадка. Уж сколько раз пророчили вашу гибель: «Россия блуждает во мгле! Она в огне! Россия катится в бездну! И ее писатель Максим Горький — последний талант у скифов!» Но именно в этой Скифии родился писатель Шолохов, который дал миру «Тихий Дон» — красную «Илиаду». Французы и немцы его называют Львом Толстым. В Италии его уже запретили! А соседи турки еще не знают, что Григорий Мелехов, внук турчанки, стал одним из известных героев великой трагедии XX века. Я не пророк, но должен сказать, что «Тихий Дон» Шолохова, после триумфа в Берлине и Париже, еще покорит сердца турок, индийцев, японцев и весь мир!

Да здравствует Россия и Шолохов!

Андрэ Марсель.
Комитет защиты «Юманите»[2].

Документ этот меня очень заинтересовал. Я предложил мотористу за номер «Юманите» казачий, серебряного набора, пояс, но он аккуратно сложил газету, листок с переводом, и, не объясняясь, спрятал в карман. Однако удалось уговорить его, чтобы он дал переписать автограф.

...Прошли десятки лет. И вот в ноябре 1962 года, приехав в родную станицу, я нашел среди старых книг записную книжку с этим автографом. К тому времени у меня уже были некоторые материалы об отношении прессы к «Тихому Дону» за рубежом. Какова же судьба романа во Франции? Что можно прочесть и узнать за строками автографа, написанного Андрэ Марселем?..

В начале 1963 года я послал письмо депутату Национального собрания Франции товарищу Морису Торезу с просьбой подарить мне фотокопию газеты «Юманите» от 25 марта 1930 года.

Вскоре пришла почта из Парижа:

«Дорогой товарищ! Я уполномочен М. Торезом ответить на Ваше любезное письмо и добрые пожелания, которые оно содержало. М. Торез приветствует Вас и Вашу хорошую инициативу в организации литературной выставки, посвященной творчеству Шолохова.

Чтобы внести свой вклад, М. Торез посылает Вам фотокопию газеты «Юманите» (33-летней давности) от 25 марта 1930 года. Он оставил свой автограф на одной из этих фотографий и посылает Вам, кроме того, общую библиографию «Тихого Дона», а также «Поднятой целины». М. Торез попросил специалистов найти и другие материалы. Мы пошлем их Вам, как только получим...

С пожеланиями успеха Вашему делу М. Торез шлет Вам свой коммунистический привет!

Секретариат М. Тореза»[3].

II

Франция была второй страной на Западе, где «Тихий Дон» сразу же обрел огромную популярность.

В то время французская реакция сколачивала военные блоки для удара по СССР, банкиры Парижа пестовали Деникина и Махно, а генштаб Франции руками маршала Петена и генерала Кутепова, главаря всей белогвардейщины, разрабатывал оперативные планы крестового похода на Москву.

Большая пресса Парижа — «Фигаро», «Тан», «Орор» и социалистическая «Попюлер» — держалась антисоветского курса. Клевета на Россию считалась хорошим тоном в этой прессе.

В салонах меценатов, в Парижской академии и Сорбонне, в редакциях газет и журналов одни были заняты темой о «потерянном поколении», другие восхищались «потоком сознания» Марселя Пруста, третьи призывали «помочь нашей мерзкой потухшей планете погибнуть!» (Поль Моран) или, прославляя культ сверхчеловека — ницшеанца (Анри де Монтерлан), уже открыто приветствовали фашизм.

Об СССР тогда правдиво писали лишь коммунистическая «Юманите», близкая ей «Се суар», еженедельник Анри Барбюса «Монд» и журнал Ромена Роллана «Эроп».

Это было время, когда Ромен Роллан еще только обдумывал свое историческое «Прощание с прошлым», приведшее его к решению «перешагнуть пропасть и присоединиться к лагерю Со-

ветского Союза»[4]. Еще не была написана его знаменитая статья «В защиту СССР», опубликованная 19 апреля 1930 года в журнале «Монд»[5]. Но литературные круги Парижа, коммунисты Франции и советская общественность уже знали его «Приветствие к величайшей годовщине в истории народов» — к 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции и «Ответ К. Бальмонту и И. Бунину» (20 января 1928 г.) — отповедь оторвавшимся от Родины эмигрантам.

Вот в это, по словам Ромена Роллана, «сумеречное время», напряженное и осложненное классовыми битвами, и появилась в Париже на французском языке первая книга «Тихого Дона»[6].

* * *

Ф. А. Абрамов и В. В. Гура в работе «М. Шолохов. Семинарий» утверждают, что первая книга «Тихого Дона» на французском языке издана «в Париже в конце мая 1930 года»[7]. Однако в «Юманите» от 25 марта 1930 года в сноске к первой главе «Тихого Дона» указано: «Книжная лавка «Пайо». Париж»[8]. Значит, газета перепечатывала текст шолоховского романа из книги, выпущенной издательством «Пайо». Да и первая рецензия критика Жоржа Альтмана на «Тихий Дон» в еженедельнике Анри Барбюса «Монд» (от 1 февраля 1930 г.) дает нам основание считать, что шолоховский роман вышел в свет в Париже впервые, видимо, в самом начале года.

Мы думали: кто бы мог хоть немного рассказать о том времени? Директора «Юманите» тех лет — Марселя Кашена — уже нет в живых. Переводчик В. В. Сухомлин, как мы узнали позже, после войны выехал в Москву и здесь скончался. Найти в Париже его соавтора по переводу — Сюзанну Кампо — не удалось.

Но вот мы получили из Национальной библиотеки Франции фотокопии титульных страниц и предисловие переводчиков к роману, затем директор парижского агентства «Литература и искусство» Жорж Сориа любезно прислал статьи парижской прессы 30-х годов. Картина стала яснее.

«Роман Михаила Шолохова «Тихий Дон», — писали в предисловии переводчики В. Сухомлин и С. Кампо,— является за последние два года самым крупным литературным событием в России. До этого его автор не был широко известен, хотя и опубликовал уже два сборника — «Донские рассказы» и «Лазоревая степь». Благодаря «Тихому Дону» он сразу же выдвинулся в первые ряды молодых советских писателей. Широкая эпопея из жизни донских казаков охватывает три периода: довоенный, войну 1914—1918 годов и гражданскую войну. Впер-

вые после революции в России появилось произведение такой значимости...»

Переводчики знакомят: «Шолохов — казак, крепчайше связанный с родной землей», и только благодаря этому «перед читателями так живо и ярко встали потомки героических мятежников Степана Разина, Булавина, Пугачева, чьи подвиги до сих пор еще сохраняют свое значение в истории России. Шолохов — человек нового поколения», он не пользуется «старыми, избитыми описаниями, коими вдохновляются до сих пор на Западе те, кто пишет о России».

Далее, отметив, что реализму Шолохова чужд «фальшивый сентиментализм», что его донские казаки впервые предстали перед изумленным европейским читателем в своей простой земной повседневности — «буйной и пленительной, о которой на Западе давно уже не имеют понятия», переводчики цитируют высказывание о «Тихом Доне» известного французского критика-литературоведа Андрэ Левинсона: «Новоприбывший, взращенный на еще не тронутой донской целине, он сразу возвестил о себе произведением такой мощи, что успех его превратился в подлинное событие. Шолохов всецело сливается со своими героями из семьи Мелеховых, казаками и земледельцами. Мы читаем об их жизни, но перед нами встает жизнь всего этого края. Смею сказать, что после тетралогии писателя В. Реймонта «Мужики», получившего Нобелевскую премию, это самая великолепная фреска из народной жизни, блестяще удавшаяся автору».

В заключение В. Сухомлин и С. Кампо наперекор антисоветской прессе заявили следующее о «Тихом Доне»: «Благодаря своим несомненным достоинствам роман Шолохова уже сравнивают с величайшим литературным шедевром — «Войной и миром» Льва Толстого»[9].

Еженедельник Анри Барбюса «Монд» 1 февраля 1930 года первым в парижской прессе горячо приветствовал перевод «Тихого Дона». Автор статьи, известный литературный критик Жорж Альтман, писал:

«Тихий Дон» — это книга о нашей современности, но в ней слышатся глухие раскаты приближающейся бури. Ее стиль и замысел примыкают по прямой линии к самым прекрасным традициям русской литературы, иными словами — к «Войне и миру» Льва Толстого. Рассказать «Войну и мир» или «Мужики» поляка Владислава Реймонта — невозможно, очень трудно пересказать и «Тихий Дон». Не ищите в этом произведении привычного романтического колорита на тему, изобилующую приключениями. Здесь нет эффектных картин... Повествование течет, как Дон или как сама жизнь. Наиболее берущая за сердце песня в этой крестьянской симфонии — любовь Григория

и Аксиньи, чья страстность овеяна атмосферой весны и лета, обновленных сельских просторов, она словно сливается с бушующими водами освобожденной реки, уносящей остатки своего ледяного плена к морю... «Тихий Дон» — одна из тех книг, которые несут с собою дыхание природы и страстей и, таким образом, возвращают нас к истинным источникам жизни!»[10]

Надо полагать, что эта статья появилась в еженедельнике не без участия его редактора Анри Барбюса. Автор неугасимого «Огня» и не мог иначе отнестись к роману Шолохова, только что появившемуся в книжном магазине «Пайо» на бульваре Сен-Жермен.

Вторая книга «Тихого Дона» вышла в Париже также в переводе В. Сухомлина и С. Кампо в 1931 году. На ее обложке издательство «Пайо» крупным шрифтом дало отзывы известных французских критиков Левинсона, Гренгуара, Альтмана. Вот один из них:

«Тихий Дон» — это поистине шедевр. Автор описывает жизнь казаков в предвоенные годы и во время войны... Роман-эпос так интересен, так сильно написан, что его читаешь залпом.

Гренгуар»[11]

III

И снова письма, телеграммы и телефонные звонки в Париж... Хотелось найти переводчиков романа и узнать, как «Тихий Дон» попал в «Юманите».

Из алжирской газеты «Альже репюбликэн» и «Юманите» мы узнали, что главы из книги «Они сражались за Родину» и «Судьбу человека» перевел на французский язык коммунист Жан Катала — московский корреспондент «Франс нувель». И вот я еду на Сивцев Вражек, стучусь в квартиру. На пороге появляется высокий, слегка хромающий Жан Катала. Знакомимся. Рассказываю ему о моих поисках. Жан Катала, отложив правку корректуры своего перевода «Поднятой целины» (для издательства «Галлимар»), дымит громадной трубкой:

— Как «Тихий Дон» вступил в Париж? Далекое это время, далекое. Но вспомнить его стоит. Я бы сказал, что «Тихий Дон» в Париж не вступил, а ворвался, как освежающий ветер. И уж если подавляющее большинство газет вынуждено было дать самую высокую оценку «Тихому Дону», то это значит, что он этого заслуживал.

— А как «Тихий Дон» попал в «Юманите»?

— Затрудняюсь ответить,— сказал Жан Катала.— Организатором перевода и издания «Тихого Дона» был, конечно, Василий Сухомлин. Так и запишите, что это он, Сухомлин, открыл

Парижу и Франции роман «Тихий Дон». Это Сухомлин уговорил издателей выпустить в свет роман Шолохова. И «Тихий Дон» сразу же заметили... Директор «Юманите» Марсель Кашен, человек огромного творческого диапазона, конечно, тоже прочел его. Наверное, он знал Василия Сухомлина как левого, независимого русского публициста по его очень известным в Париже книгам о царской каторге... А впрочем, жив еще один из могикан — старина Жорж Ру — переводчик «Поднятой целины» на французский в 1933 году. Может, он вам расскажет что-нибудь новое. Вот вам его московский телефон. Не буду его опережать. Но, на всякий случай, возьмите этот уникум.— И он подал мне книжицу, на обложке которой по-французски было написано: «Серия «Молодые русские». М. Шолохов. «Распахиватели» («Поднятая целина»). Перевод Д. Эргаз. Париж, 1933. Книготорговля «Галлимар».

Из прессы мы знали, что этот перевод извращен издательством «Галлимар» в угоду реакции. В 1932 году русская белогвардейщина и реакционные круги Франции требовали от президента Поля Думера крестового похода на Москву, войны против СССР, расплаты за генерала Кутепова, исчезновение которого буржуазная пресса приписывала «агентам Москвы и Коминтерна». Думер колебался, а затем, под влиянием левых сил, повел переговоры с Москвой о заключении франко-советского договора о ненападении. Тогда, чтобы сорвать переговоры в Москве и спровоцировать войну с СССР, ставленник мировой реакции и русской белогвардейщины, офицер Горгулов в мае 1932 года среди белого дня застрелил президента Думера. Под напором этих сил и была издана в изуродованном виде «Поднятая целина».

Жан Катала бегло перевел мне из этой книжки «вкрадчивое» «Вступление» редактора Бориса де Шлезера:

«Русская революция, какое бы о ней ни было мнение, вызвала расцвет нового поколения писателей. Их искусство связано с писателями прошлого века: Гоголем, Толстым, Достоевским, но оно представляет новые характеры, оригинальную мысль, обновленную форму. Этот неизвестный еще аспект о современной России предлагается нашей серией «Молодые русские», которая стоит вне любой политической партии»[12].

— Значит, стояли вне любой политической партии... Что же они сократили?

— Пока умолчу,— ответил Катала.— У вас есть телефон Жоржа Ру. А ему и Алисе Оран тогда выпала честь полным и точным переводом шолоховского романа внести в этот вопрос ясность. Не буду отнимать хлеб у Жоржа Ру. У вас на пути еще много открытий...

IV

Итак, вернемся к истории французских изданий «Тихого Дона».

Страницы «Юманите» — центрального органа Компартии Франции — хранят много любопытных и ценнейших сообщений о том, как был представлен французам «Тихий Дон».

Мотивы к тому, чтобы печатать роман в газете, были основательными. Его тираж в издательстве «Пайо» — 5 тысяч, конечно, был мизерным даже для одного Парижа (хотя отметим, что по тем временам для автора, не известного читательской публике, он был довольно высоким). «Тихий Дон» фактически не дошел бы до рабочего класса. А тираж «Юманите» — сто тысяч! И со страниц этой газеты «Тихий Дон» шел к рабочему классу, ко всей Франции, проникал в Алжир, Тунис, Марокко, на Мадагаскар и в Индокитай.

Первое сообщение в «Юманите» о Шолохове появилось 2 марта 1930 года, когда редакция на первой странице под фотоснимком молодого Шолохова дала свою краткую аннотацию и назвала его «великим писателем современности, истинно русским поэтом, вышедшим из гущи народа и сохранившим всю свою самобытность». Отмечая, что его герои — это «потомки бунтарей Разина, Булавина, Пугачева», что Шолохов пишет о донском казачестве «совершенно по-новому и вопреки доминирующему в Париже стилю» (имелись в виду русские писатели — эмигранты), редакция «Юманите» подчеркнула, что в романе слышится «гром, возвещающий о надвигающейся революции» (1917 г.— *К. П.*)[13].

4 марта «Юманите» снова на 1-й странице дала крупную рекламу на «Тихий Дон» с изображением Аксиньи (фотокопия с суперобложки немецкого коммунистического издания романа 1929 г.): «Вскоре наши читатели будут иметь возможность ознакомиться с чудесным шедевром писателя-революционера Михаила Шолохова»[14]. И еще во многих номерах газеты в различных вариациях даются сообщения о предстоящей публикации романа.

Вся первая книга «Тихого Дона» печаталась в «Юманите» в 97 номерах с 25 марта по 14 июля 1930 года. Для Франции это было крупное литературное и политическое событие. Так орган ЦК Французской компартии отвечал на скептические и дезориентирующие статьи.

Дело в том, что крупные буржуазные газеты «Фигаро», «Тан», «Орор» в своих статьях о «Тихом Доне», конечно, ничего не писали об идейном замысле Шолохова, об отношении автора к мировой войне, об изображении им бури, надвигавшейся на Россию. Эта пресса обращала внимание лишь на «продолже-

ние (а некоторые прямо писали, что это есть «завершение», «конец») традиции русской классики» («Тан»). Самобытность таланта Шолохова, необычайно яркое изображение «страстей простых людей — диких казаков Дона», психологические нюансы соперничества Аксиньи с Натальей — все это было хорошо замечено. Однако политические проблемы романа замалчивались, словно их и не было.

Орган социалистической партии газета «Попюлер», которую возглавлял Л. Блюм, напечатала путаную редакционную статью о романе. В ней была отмечена лишь «живая и точная картина любопытных нравов» и то, что «на Дону, как и везде, есть мужчины и женщины с пороками и добродетелями, с доблестью и слабостью, с вожделением и апатией, гордые и низкие, храбрые и подлые, хозяева и рабы, сильные и слабые, люди циничные, страстные и суровые... Может быть, грубости у донских казаков несколько больше, чем у других». В заключительном абзаце была довольно меланхолическая фраза: «Нам говорят, что «Тихий Дон» — самый большой успех русской литературы за последние годы»[15]. Вот и все! И ни слова о гуманистической позиции Шолохова, о разоблачении царизма и мировой войны. Между тем даже белоэмигрантский литературный журнал «Числа», правда, не распространяясь, признал следующее: «Война — модная сейчас тема, и среди ее обличителей Шолохову принадлежит совершенно особое место!»[16]

* * *

— «Тихий Дон» попал в «Юманите» благодаря Василию Сухомлину и Анри Барбюсу, — сказал мне переводчик Жорж Ру. — Сухомлин — потомок выходцев из Запорожской Сечи. Детство провел на каторге, в Сибири, возле матери и отца — известного народовольца. Позже учился в Петербурге, примкнул к социалистам-революционерам, был сослан в Сибирь, бежал за границу. В Париже его знали как левого, независимого публициста, автора крупных исследований: «Знаменитые судебные процессы царской России» (дело Желябова, дело лейтенанта Шмидта, дело Бейлиса и др.). Василий Сухомлин однажды рассказывал, что Барбюс прочитал «Тихий Дон» в корректурных гранках и дал ему высокую оценку. Вскоре затем он пригласил переводчиков к директору «Юманите» — Марселю Кашену. Впрочем, подробнее и точнее об этом, наверное, сообщит вам соавтор по переводу Сюзанна Кампо.

Запросы и телефонные звонки в Париж... И вот — большое письмо от 26 ноября 1965 года, в котором С. Кампо подтверждает, что «очарованный» «Тихим Доном» Анри Барбюс в начале 1930 года пригласил Василия Сухомлина и ее к Марселю Каше-

пу и там состоялась задушевная беседа. По словам С. Кампо, Марсель Кашен назвал их перевод «подвигом», а роман — «несомненным шедевром» и очень просил разрешить ему перепечатать их перевод в «Юманите». В этой беседе Анри Барбюс сказал примерно следующее: «Путь «Тихого Дона» будет опасным и тернистым. Реакция сделает все, чтобы запретить его, фальсифицировать, сжечь или предать забвению. Но я уверен в том, что, отмеченный знаком вечности, «Тихий Дон» дойдет до читателей».

В основном все права на перепечатку перевода принадлежали издательству «Пайо». При благосклонном согласии переводчиков и издательства редакция «Юманите» с 25 марта 1930 года начала публиковать роман Шолохова по главам. «С того дня, — сообщала С. Кампо, — и началось триумфальное шествие «Тихого Дона» по Франции»[17].

V

В целом ряде иностранных энциклопедий можно найти немало статей о всевозможной декаденствующей литературной мелюзге, но в них нет ни слова о крупнейших советских писателях — М. Шолохове, А. Фадееве, В. Маяковском, Л. Леонове и других. Французский «Большой энциклопедический словарь «Лярус» является некоторым исключением. В третьем томе «Ляруса» (1960) мы находим фотоснимок Шолохова, крагенькую (на 20 строк петита) справку:

«Шолохов Михаил Александрович, политический романист (хут. Кружилин, Ростовская область, 1905 г.). Будучи еще совсем молодым, он принимал участие в революции, затем закрепил свою репутацию в качестве писателя, создав «Тихий Дон» (1928—1940) — широчайший эпос жизни казаков до и во время мировой войны, охватив затем и гражданскую войну. Роман написан в плане и соответственно идейному замыслу «Войны и мира» Толстого. Он насыщен живой, разговорной фразеологией. Роман получил всеобщее признание и стал одним из выдающихся шедевров советской литературы. Затем вышла его книга «Поднятая целина» (1932), прекрасный документальный роман о коллективизации, но оставшийся незаконченным: несколько глав, являющихся продолжением, были опубликованы в 1956 году. Наконец, во время второй мировой войны Шолохов начал писать роман «Они сражались за Родину»[18].

Профессор Жорж Ру, показывая мне извращенное издание «Поднятой целины» в переводе Д. Эргаз, сказал:

— Все это звенья одной цепи. Появился в России роман «Тихий Дон» — и белогвардейцы, парижская реакция, бульварная пресса завели шарманку: «Тихий Дон» по плечу какому-нибудь

аристократу, донскому есаулу, но не большевику Шолохову. И понесли эту сплетню. Шолохов издает в Москве новый роман — «Поднятую целину», и антисоветчики тут как тут. Спешно переводят ее на французский, обрывают текст на 33-й главе, в том месте, где бабы бьют коммуниста Давыдова, и последние семь глав выбрасывают. А желтая пресса, подхватив фальшивку, трубит по всей Франции: «Читайте новый роман Шолохова! Читайте, как русские бабы приветствуют мордобоем Давыдова — красного комиссара в колхозе на Дону!»

Жорж Ру раскрыл эту книжку и прочел предисловие издателей: «Роман «Распахиватели» появился в СССР под заглавием «Поднятая целина» в начале зимы 1932/33 года в журнале «Новый мир», а затем отдельным изданием весной 1933 года. Русский опубликованный текст — это лишь первая часть большого, еще не законченного романа. Читатель заметит, что фабула «Распахивателей» здесь не получает своей развязки. Однако литературная ценность этого произведения и его документальный интерес побудили нас к тому, чтобы теперь же выпустить его в свет»[19].

Первая книга «Поднятой целины» полностью печаталась в «Новом мире» не зимой 1932/33 года, а с января по сентябрь 1932 года и отдельным изданием вышла в конце 1932 года. Следовательно, переводчик Д. Эргаз и редактор Б. де Шлезер имели полный текст первой книги, но выпустили только 33 главы!

— В России об этой фальсификации произведений Шолохова еще никто не знал, — продолжал рассказывать мне Жорж Ру, — а коммунисты Франции решили разоблачить ее. Надо было быстро издать полный текст «Поднятой целины». Переводчик «Тихого Дона» В. Сухомлин в то время был очень болен и не мог срочно выполнить заказ. Тогда директор «Юманите» Марсель Кашен посоветовал коммунистическому издательству обратиться за помощью в Москву. «Издательство иностранных рабочих в СССР» поручило сделать перевод Алисе Оран и мне. В месячный срок мы выполнили это задание. Французский текст был представлен Шолохову, который написал к нему свою «Декларацию».

У Жоржа Ру, к сожалению, не сохранилось французского издания «Поднятой целины» 1933 года. Поэтому мы отправили письмо и телеграмму в Париж, в Национальную библиотеку. Прошло немного времени, и генеральный секретарь библиотеки Тх. Клейндинст оказывает нам неоценимую услугу — присылает фотокопию документа. Вот его полный текст в переводе на русский язык:

HORIZONS, Collection du Roman International

M. CHOLOKHOV

TERRES DÉFRICHÉES

TRADUIT AVEC L'AUTORISATION DE L'AUTEUR PAR
Alice ORANE et Georges ROUX

EDITIONS SOCIALES INTERNATIONALES
24 rue Regine et 20 rue Monsieur-le-Prince
PARIS 1933

Первое коммунистическое издание «Поднятой целины» (кн. I) во Франции (Париж, 1933).

«ДЕКЛАРАЦИЯ»

Я категорически заявляю, что мною передано право издания моего романа «Поднятая целина» на французском языке только издательству «Editions Sociales Internationales» в Париже.

Я признаю авторским текст лишь тот, который печатается в издательстве «E. S. I.».

Я решительно протестую против выпуска в свет романа другими издательствами.

М. Шолохов».

2 ноября 1933 года в нотариальной конторе в Москве подпись Мих. Шолохова в документе за № 35220 засвидетельствована: печати и подписи[20].

VI

С Жоржем Ру у меня была еще одна встреча в его квартире. К своему удивлению, я узнал, что он — русский, Александр Александрович Рудников, еще до революции окончил в Париже Сорбонну...

На этот раз он сообщил мне новые подробности о политической борьбе, которая развернулась в Париже вокруг «Поднятой целины».

— Первый тираж романа (25 000 экз.) с «Декларацией» Шолохова вышел в коммунистическом издательстве в середине декабря 1933 года и вызвал сенсацию. «Декларация» Шолохова имела огромное значение. Поэтому успех книги был исключительный. О романе «Поднятая целина», как и о «Тихом Доне», писали все газеты Парижа — от «Юманите» до полицейского листка «Либерте»! А в Париже тогда издавалось около трехсот газет и журналов. У меня есть отзывы прессы — двадцать-тридцать вырезок. Газеты черной реакции, в том числе белогвардейские, самым злостным образом извращали суть коллективизации в СССР. У меня эти отзывы не сохранились. Но буржуазная пресса выступала порой и с умными статьями, высоко оценивая художественные достоинства нового романа Шолохова.

Жорж Ру достал из шкафа пачку вырезок из французских газет за 1933 год. Вот некоторые отзывы о «Поднятой целине»:

«Энтранзижан» — вечерняя газета мелкой буржуазии. Профессор Рене Тренцпус (Париж, 25 декабря 1933 г.): «Сколько потрясений, братоубийственных, классовых и национальных противоречий предстоит перенести молодому государству, чтобы

D E C L A R A T I O N

Je déclare catégoriquement avoir transmis la traduction de mon roman " TERRES DEFRICHEES " en langue francaise aux Éditions Sociales Internationales de Paris.

Je ne reconnais comme édition autorisée que celle parue aux E.S.I. Je m'oppose résolument contre toute édition faite par d'autres maisons d'édition.

Шолохов

Le Bureau Notarial d'Etat à Moscou certifie l'authenticité de la signature apposée ci-haut par Michel Cholokhoff. Droits perçus 6 R. Quittance n 35320 Regr. 36[illegible] Moscou, le 2 novembre 1933

Le traducteur officiel auprès du Bureau Notarial d'Etat à Moscou [illegible] Le Vice notaire [illegible]

Фотокопия «Декларации» М. А. Шолохова, в которой он признает полным и правильным перевод «Поднятой целины», выполненный А. Оран и Ж. Ру для издательства «E. S. I.» (1933).

покончить с наследственной отсталостью и превратиться в мощную, современную державу. В этих условиях колхоз на Дону выглядит только что родившимся, беспомощным ребенком. И мы наблюдаем это трудное рождение. Первые его месяцы — испытательный срок, когда судьбой было поставлено под вопрос его дальнейшее существование. Ибо как только были достигнуты первые успехи, стало ясно, что старое еще не погибло окончательно и что оно еще способно пустить корни в почву новой жизни. С замечательной простотой и глубоким анализом, проникнутым жизненной правдой и реализмом в изображении людей, Шолохов показывает нам пятьдесят типов, каждый из которых наделен своим, неповторимым признаком, отличающим его от других и помогающим нам увидеть в казаках, сквозь обыденное и земное, вечно живой дух, порожденный в них революцией... Этот разносторонний новый облик русского крестьянина, так талантливо и правдиво изображенный Шолоховым, запоминается навсегда. Перевод Алисы Оран и Жоржа Ру точно передал нам смысл и стиль диалогов, которые, как в «Илиаде», определяют дух всего произведения».

Газета «Нотр Тан», критик Жак Шабан: «Поднятая целина» — это не социальное учение, не пропагандистский роман. Это произведение большого художника, умного и внимательного наблюдателя, написанное с необычайной творческой силой».

«Кри дю Жур»: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» доказывают, что Шолохов — это художник, равный Тургеневу и Толстому».

Газета «Прогресс де Лион» — политический рупор выдающегося государственного деятеля и друга СССР Эд. Эррио (Лион, декабрь 1933 г.): «Поднятая целина» представляется нам мощной симфонией нового мира».

Пролетарский еженедельник «Корреспондент». Г. Извольский. (Париж, 1934): «Шолоховские страницы, то драматические, то комические, всегда глубоко человечны и правдивы. Помимо литературных достоинств, «Поднятая целина» представляет уникальный документ, изучаемый многими выдающимися экономистами...»

«Поднятая целина», изданная в «Эдисион сосиаль интернасиональ» в переводе Жоржа Ру и Алисы Оран, имела успех необычайный. Двадцать пять тысяч экземпляров были распроданы в Париже в недельный срок. В начале января издательство приступило к печатанию нового тиража.

Редакция «Юманите» в конце декабря 1933 года, напечатав большую статью «Эпопея о коллективизации», затем в январе 1934 года выступает еще раз с разоблачением фальсификаторов. «Цели, преследуемые буржуазным издательством («Галлимар»), слишком прозрачны,— читаем мы в газете.— Извратив текст

романа Шолохова, исказив его идейный замысел, издательство хочет заставить эту эпопею о коллективизации служить делу, которое шито белыми нитками, в угоду реакции и белогвардейщине, которая еще пытается спекулировать некоторыми отрывками из «Поднятой целины»[21].

Компартия Финляндии вела борьбу за дружбу с Советским Союзом, и «Юманите» систематически печатала правдивую информацию о строительстве социализма в России. Так, например, 15 января 1934 года «Юманите» посвятила нашему колхозному строительству целую страницу, в центре которой была выделена рамкой заметка «Успех»:

«В ответ на провокацию буржуазных издательств, выпустивших сокращенную и извращенную «Поднятую целину», наше «Эдисион сосиаль интернасиональ» готовит новый выпуск знаменитого романа Шолохова. Все, кто интересуется литературой, а также произведениями о советском строительстве, должны прочесть этот роман... «Поднятая целина» — это большое событие в советской литературе, но это также произведение революционное. Оно заслуживает того, чтобы его читали широкие массы, которые найдут в нем не только песнь о борьбе, но и оружие борьбы»[22].

Однако реакция в Париже не унималась. Достаточно сказать, что издательство «Галлимар» с 1934 по 1940 год выпустило роман в искаженном виде семь раз!

Провокация с «Поднятой целиной» в Париже была разоблачена в статье Д. Заславского «Белогвардейские традитори» в нашей «Правде»: «Вот уж когда полностью оправдывается итальянское выражение: «Традуторп-традитори». Белогвардейские традутори-переводчики — это всегда, по самой своей профессии — предатели-традитори!»[23]

VII

Большие журналы Парижа долго не выступали со статьями о «Тихом Доне». Редакция журнала «Эроп», возглавляемого Роменом Ролланом, к мнению которого прислушивались прогрессивные литераторы всего мира, напечатала рецензию на первую книгу «Тихого Дона» в 1932 году.

Автор статьи критик Филипп Супо отмечал, что «Тихий Дон» — это «сильнейший роман последних лет», что в нем «глубоко, с редкостной мощью, трезвостью и новизной в стиле изображены предвоенные годы, ужасы войны и революции», что «какой-то неудержимый вихрь увлекает этих грубых людей навстречу их страстям, их гневу, их дикости»... И в то же время Филипп Супо был не в состоянии разобраться в главной идее

романа, в замысле Шолохова изобразить поворотный этап в истории России.

«Основная проблема «Тихого Дона», — уверял Филипп Супо,— это проблема пассивности и сопротивления крестьянских масс, сопротивления всему новому, сопротивления всему тому, что затрагивает или изменяет традиции. Ни война, ни революция не могут заставить казаков думать иначе. Как только они возвращаются на Дон, они тотчас обретают свои привычки и следуют своим традициям. В этом и таится вся трагедия романа...»

Да, сила пережитков была велика, но не вечна и не всесильна! И главное — казачество, как известно, имело и другую традицию — революционную. Поэтому оно раскололось на два лагеря — красный и белый — и выдвинуло из своей среды не только Федора Подтелкова и Михаила Кривошлыкова, выдающихся борцов против старых традиций и контрреволюции на Юге России. Казачество уже в 1918—1919 годы дало Красной Армии таких замечательных полководцев, как Семен Буденный — прославленный командарм 1-й Конной; Григорий Батурин, начштаба прославленной Таманской армии; комдивы Апанасенко, Ковтюх, Федько, комбриг Кочубей и другие. Известно, что могучие деревья на голом месте не растут — им нужен лес! Так и эти красные комдивы и командармы выросли и выдвинулись в гуще тех казачьих масс, которые с первых дней революции пошли за партией Ленина.

Шолохов по-новому подошел к извечной теме о людях земли, ставших иными в бурные, переломные, исторические годы. Филипп Супо глубоко ошибался, уверяя, что ни война, ни революция не могут заставить казаков отречься от своих пережитков и что «в этом таится вся трагедия романа». Мировая война и революция научили сотни тысяч казаков думать иначе и поступать по-новому, т. е. научили разбираться в политике, суете житейской, научили казаков видеть, кто их истинный друг и брат, а кто, как бы он ни прикрывался «традициями», является извечным и непримиримым врагом. Главная проблема «Тихого Дона» не пассивность, а борьба, рождение в ходе этой ожесточенной борьбы нового мира, новых людей, новой морали, нового социалистического правопорядка и гуманизма.

Недооценивал критик и художественную значимость «Тихого Дона», когда рассуждал так: «Прекрасный роман (Шолохова) — очень неравномерный, и было бы ошибкой сравнивать его с «Войной и миром», так как он вне досягаемости шедевра Толстого, хотя эта разносторонняя фреска о казаках и содержит необыкновенные прелести. Но нам кажется, что эти прелести погружены в густой туман»[24].

Редакция «Эроп» не поняла и «Поднятой целины». В статье Ж. Перюса (1934), сообщая о появлении в Париже двух переводов романа, редакция умолчала о том, что буржуа-дельцы «Галлимар» выпустили книгу ущербной, без 7 глав, и что в коммунистическом издательстве «E. S. I.» «Поднятая целина» вышла полным текстом с «Декларацией» М. А. Шолохова против фальсификации.

Критик журнала «Эроп» верно отмечал, что Давыдов, «посланец партии, принес в деревню революцию», что для Давыдова, Нагульнова и Разметнова «революция была знаменем их жизни» и что Шолохов хотел показать, «как изменяется в сердцах крестьян отношение к революции», чем и «придал особое очарование роману».

Но, не зная, как Великий Октябрь преобразил русских крестьян и какие новые творческие силы пробудил в них, критик Ж. Перюс рассматривал нашу коллективизацию с позиций бальзаковских крестьян. Поэтому новый тип советского крестьянина — Майданников — для критика остался за семью печатями; он его и не заметил. Не видя классового расслоения в крестьянстве, критик ошибочно уверял, что наша «деревня особенно враждебна революции» и что «смысл книги Шолохова в том, что Давыдов терпит поражение»[25], хотя этого и нет в романе.

Как видим, в то время даже в редакции весьма прогрессивного журнала «Эроп» не смогли по достоинству оценить историческое значение коллективизации, жизненную силу советского крестьянства и моральную победу Давыдовых — строителей социализма в деревне. Для этого потребовалось еще некоторое время нашим друзьям в редакции «Эроп»...

* * *

Как писала нам из Парижа Мария Павловна Роллан (жена Р. Роллана), «среди советских писателей (после революции) Михаил Шолохов был одним из тех, кто более всего привлекал внимание Ромена Роллана. И он очень сожалел, что не встретился с ним во время нашего путешествия по СССР летом 1935 года. Но все же сумел понять и оценить через само произведение «Тихий Дон» не только широту шолоховского взгляда, масштаб и силу его таланта, но также честность и неподкупность его характера...»[26].

В мае 1935 года Ромен Роллан в знаменитой статье «О роли писателя в современном обществе» подчеркивал: «Лучшие из новых произведений советской литературы (например, книги Шолохова) продолжают, в основном, великую реалистическую традицию предшествующей эпохи, составляющую душу русско-

го искусства, которую обессмертили произведения Толстого. Те же широкие полотна, где выступают целые пласты человечества в окружении природы, тот же объективный взгляд, широкий кругозор, который отражает, не искажая, то же стремление скрыть художника и раскрыть предмет его искусства — в то время как на Западе искусство слишком часто лишь румяна, маска на лице действительности.

Но молодая советская литература обновляет эти основные черты великой русской литературы всех времен не только тем, что изучает иной предмет — строящийся в боях новый мир,— она нова еще и потому, что ее вдохновляет иная вера — дух коллектива, бурный порыв, влекущий миллионы к великим целям социалистического строительства...»[27].

По свидетельству автора книги «На чужбине» Л. Д. Любимова с похвалой отзывались о «Тихом Доне» и «Поднятой целине» И. А. Бунин и художник К. А. Коровин. Да и вообще на русских эмигрантов Парижа «Тихий Дон» произвел большое впечатление. «Люди звонили друг другу по телефону, чтобы сообщить о событии: новом, большом, подлинно художественном произведении...»

VIII

Правящие круги Парижа давно искали повод, чтобы приостановить проникновение книг советских писателей во Францию. Война в Европе, начатая Гитлером осенью 1939 года, послужила поводом к тому, что главарь реакции, премьер Даладье, бросил в тюрьмы коммунистов — депутатов парламента, запретил издание газеты «Юманите» и изъял из французских библиотек книги М. Горького, М. Шолохова, А. Толстого, А. Новикова-Прибоя, Л. Леонова, А. Фадеева и других советских писателей.

Вступление гитлеровцев в Париж летом 1940 года было отмечено (в соответствии с приказом Гитлера «Об охране немецкой расы») сожжением книг советских и других всемирно известных прогрессивных писателей, ученых, философов. Дым крематориев в концлагерях и костры аутодафе на многие годы повергли всю Европу во мглу. Фашисты нанесли непоправимый ущерб культуре народов, библиотечным фондам многих стран и книгопечатанию. Издание советских книг во Франции прекратилось.

Поэтому не удивительно, что четвертый том «Тихого Дона» М. Шолохова, вышедший в СССР в 1940 году, был издан во Франции лишь в конце 1949 года (в переводах Л. Бор — часть седьмая и В. Сухомлина — часть восьмая).

В 1958 году журнал «Эроп» опубликовал знаменитый анти-

фашистский рассказ Шолохова «Судьба человека» в переводе Жана Катала. Вслед за этим на мировых экранах появились фильмы «Судьба человека», киноэпопея «Тихий Дон» и «Поднятая целина». В 1959 году, когда Шолохов посетил Францию, в Париже вышли фрагменты незаконченного романа «Они сражались за Родину» в переводе Ж. Катала. Популярность Шолохова стала огромной.

Летом 1959 года парижское издательство «Ренэ Жюллиар» большим тиражом выпустило первую книгу «Тихого Дона» в новом переводе коммуниста Антуана Витеза, и шолоховская эпопея начала свое второе шествие по Франции. Издательство отмечало: «Тихий Дон», начиная с дебюта и по мере публикации всех четырех томов (1928—1940), сравнивают с эпопеей Толстого «Война и мир». У Шолохова, как и у Толстого, та же широта взглядов, то же чувство эпического размаха, та же психологическая острота и изящное чувство детали... Скрестив человеческие судьбы (Григория Мелехова, его возлюбленной Аксиньи и кроткой, несчастной Натальи), изображая горькие утраты, волнующие встречи-обретения и потрясения истории, Шолохов открывает перед нами социальную новеллу о «русской Вандее»[28].

Парижская и провинциальная пресса активно откликнулась на появление нового перевода «Тихого Дона». Суждения буржуазной прессы и ее критиков были весьма разноречивы. Приведем наиболее объективные.

Парижский книжный бюллетень, рекомендующий художественную литературу («Бюллетень де Ливр»), в номере от 15 июля 1959 года, акцентируя внимание на революционном перевороте в России и его последствиях во всем мире, писал: «Тихий Дон» — это «Война и мир» эпохи революции, которая произвела переворот в экономике, мыслях и нравах народа»[29].

Буржуазная провинциальная газета «Летопись Перонне» от 27 февраля 1960 года в статье Адольфа Фальгероля, проявляя заботу о культурном уровне молодых и старых французов, внушительно напоминает им, что в наше время «Тихий Дон» «знаменитого русского романиста стыдно не знать и не оценить!.. Без этого чудесного романа невозможно понять СССР! Теперь уже нельзя ограничивать наше познание России Толстым и Достоевским»[30].

Новые времена — новые веяния и суждения в буржуазной прессе. При всей враждебности к коммунизму буржуазные критики, пресса, издательства вынуждены считаться с объективными фактами. И даже такая реакционная газета, как «Паризьен либере», конечно, не сразу, с оглядкой, но высказалась так: «Тихий Дон» Михаила Шолохова — несравненный шедевр советской литературы... Долгое время у нас невозможно было

найти французский перевод этого большого романа, ставшего классическим. Намерение издателя Р. Жюллиара выпустить полный текст романа в восьми томах надо приветствовать»[31].

Крупная протестантская газета «Ля ви протестант» в большой статье «Михаил Шолохов», называя его эпопею о революции «классической, а перевод Антуана Витеза — талантливым», делает любопытные сравнения и выводы: «Редко кто из романистов умеет так, как Шолохов, ставить читателей в столь интимный контакт со своими персонажами. После Толстого это встречается редко. Хочется увидеть в произведении Шолохова «Войну и мир». И действительно, многие сцены второго тома «Тихого Дона» своим реализмом напоминают величайший шедевр. Шолохов так же, как Толстой и Стендаль, изображает глубоко и правдиво военные баталии сквозь призму сознания героя, оставаясь в прочной раме неподкупной объективности. А совершенно новые для нас персонажи — Штокман, Бунчук— есть воплощение юных умов революции... И хотя второй том романа кажется менее поэтическим, все же в этом вихре и смуте мы явственно ощущаем шаги Истории и мастерство Шолохова»[32].

IX

Спрос на «Тихий Дон» был необычайно велик. «Очень хотелось мне,— писала Мария Павловна Роллан,— послать вам из ромен-роллановского фонда французское издание «Тихого Дона», но, увы! — ни одной книги нового выпуска нигде невозможно купить!..» Издательство «Ренэ Жюллиар» из-за недостатка бумаги не смогло полностью удовлетворить читательский спрос. И тогда коммунистическая газета «Юманите» вновь пошла навстречу сотням тысяч своих подписчиков. 29 сентября 1960 года редакция газеты сообщила читателям, что «с 3 октября 1960 года они будут иметь счастье читать по главам «Тихий Дон» — выдающийся роман нашей эпохи».

Давая высокую оценку новому переводу Антуана Витеза, который «по качеству стиля, свежести и оригинальности, богатству образов почти равен русскому тексту», главный редактор «Юманите» Андрэ Стиль писал: «Тихий Дон»— шедевр Шолохова — повествует нам о грозном и волнующем времени, когда рождалось в муках и утверждалось первое социалистическое отечество. «Тихий Дон» — это живое дыхание истории не в абстрактном плане идей, дат и чисел, а с высоты Человека, в совокупности его жизни, чаяний и страданий, его повседневных забот и надежд, то есть этот роман несет в себе необыкновенно яркие и доступные образы, мысли, факты из жизни, которые

могут воочию рассмотреть и оценить каждый мужчина и каждая женщина, ибо это роман о неугасимой и страстной любви»[33].

С 3 октября 1960 по 14 октября 1961 года «Юманите» из номера в номер по главам печатала весь роман «Тихий Дон». И вновь вся Франция читала и перечитывала «Тихий Дон». Проникает он в Алжир и Вьетнам, на Мадагаскар и в Марокко, в Испанию и Португалию. Теперь и издательство «Галлимар» решительно изменило свое отношение к Шолохову. В конце 1964 года оно выпустило в свет первую и вторую книги «Поднятой целины» в новом переводе Жана Катала.

В большом предисловии к первой книге романа говорится об исключительной смелости Шолохова как писателя-историка.

Книгоиздательство «Галлимар» в своей аннотации на обложках романа Шолохова дало ему такую оценку: «Коллективизация — исторически переломный период в России — это вторая революция, которая началась в 1929 году, с ее энтузиазмом и трудностями, с ошибками и противоречиями... Крепкий народ Дона, цветистый язык и нравы его раскрывают доверчивую душу, сильные страсти, прошлую жизнь и мечты о будущем, которое тогда могло быть обещано только грядущему поколению. «Поднятая целина» — выдающийся роман, и, хотя повествование его заканчивается трагически, справедливость в нем торжествует. В СССР его называют шедевром социалистического реализма... За границей стало привычным говорить о Михаиле Шолохове, как о самом достойном кандидате на Нобелевскую премию»[34].

Сдвиги и перемены произошли во взглядах руководителей этого издательства на советскую литературу вообще: они стали издавать и распространять во Франции большую серию наших книг под редакцией Луи Арагона.

Правда, в известных кругах Франции этот шаг издателей «Галлимара», его книжные новинки 1964 года были встречены клеветническими выступлениями. Так, например, «Фигаро литерер» в декабре 1964 года напечатала статью «Гроздья окраины» критика Мишеля Мора о «Поднятой целине». В связи с тем что некоторые зарубежные шолоховеды в беседах с нами настойчиво доказывали, что статья М. Мора является «взволнованным восхвалением романа Шолохова», мы позволили себе не согласиться с этим.

М. Мор действительно начинает статью со слов об «огромном авторитете Шолохова», о том, что он «классик, которого изучают в школах», что он и «большой политический деятель, депутат Верховного Совета СССР» и т. д. Критик «пленен поэзией и лирикой романа, опьянен воздухом и солнцем Дона»,

«восхищен сценами убийства (видимо, Хопрова.— *К. П.*) и бабьего бунта». И заканчивается статья лестными эпитетами в адрес Шолохова.

Все это так. Но, во-первых, по мнению М. Мора, оказывается, Шолохов «не джентльмен, а славянофил, партизан русской жизни (?), считающий западные идеи подозрительными». Во время поездки в США он якобы «высказал свое подчеркнутое, почти наглое, пренебрежение к американцам» (в чем это выразилось, критик не говорит). Во-вторых, ссылаясь на слухи, М. Мор клевещет, что «Шолохов — шовинист, которого можно сравнить лишь с шовинистом Достоевским». Причем этот вымысел М. Мор повторяет трижды, пытаясь даже опереться на текст «Поднятой целины». Выглядит в статье это так: «Половцев — казак, а его помощник Лятьевский — поляк. Это законченный злодей-гад!» И вот — нелепый вывод: «Шолохов не любит поляков! Он любит только казаков... Из него так и прет шовинизм!» В-третьих, М. Мор в статье пытается противопоставить Шолохова народу, правительству, партии. Он пишет, что Шолохов «не очень близок к крестьянам», «не одобряет методы правительства», что его роман «полон двусмысленности», что в «Поднятой целине» он руководствовался правилом Флобера: «Будучи справедливым, я вас всех выволяю в грязи».

Можно добавить, что внимание М. Мора привлек лишь один персонаж — есаул Половцев. Все симпатии критика обращены к нему: «Даже есаул (наше сердце вздрагивает при этом слове!), есаул-контрреволюционер Половцев, пришедший в деревню, чтобы поднять мятеж (о котором мы очень плохо осведомлены, но нам говорят, что мятеж имел свое отношение к Парижу, так как одним из его вдохновителей был знаменитый генерал Кутепов!), этот есаул изображен с нежностью, теплотой, человечным... и умирающим с достоинством»[35]. Таким образом, сила реализма Шолохова, правда изображения характера классового врага — есаула понимается и трактуется М. Мором как... «жалость автора», как «двусмысленность в методе писателя». Все эти домыслы настолько беспочвенны, что вряд ли надо их комментировать.

X

Несомненно, самыми правдивыми и сильными по глубине мысли и знанию «Поднятой целины» были статьи коммунистов — известного публициста и переводчика Жана Катала и критика Андрэ Вюрмсера. Выступали они часто, но я сошлюсь лишь на две статьи.

В коммунистическом литературном еженедельнике «Леттр франсэз» (5—11 ноября 1964 г.) было напечатано «Предисловие

к «Поднятой целине» Жана Катала (издание «Галлимар»), в котором читатель находит не только историю создания романа, но и литературно-критический анализ обеих книг. В творческой работе Шолохова Жан Катала придает исключительное значение тому факту, что автор «Поднятой целины» запечатлел персонажи, которые «действуют и думают так, как поступали и реагировали в то время миллионы его соотечественников», и поэтому роман приобретает «ценность исторического документа». Отмечая принципиальность, правдивость и честность Шолохова перед современниками и историей, а также те трудности, которые ему приходилось преодолевать, Жан Катала пишет:

«Честность всегда восторжествует, а честность первой книги выражается в прозорливости, достичь которой историки смогли лишь десятки лет спустя!»

В связи с тем что в Европе, Азии и Америке буржуазная пресса и ее критики «сочли нужным трубить, что во второй книге романа Шолохов уже выдохся», Жан Катала задает вопрос: «А хорошо ли они ее читали?» И отвечает: «Что касается разницы между первой и второй книгами «Поднятой целины», то во второй перед нами открывается искусство более современное, законченное. По второй книге можно судить, в какой степени Шолохов стал более новым, в какой мере даже, можно сказать, и более современным... Прогресс заметен также и в стиле...»

Мы не имеем возможности рассказать подробнее о других интересных наблюдениях Жана Катала при анализе главных персонажей романа — от большевика Давыдова до есаула Половцева, от Нагульнова, Майданникова, Щукаря до Лушки и ее возлюбленного, кулацкого сына Тимофея,— скажем лишь, что во всем этом критик обнаружил глубокое знание русского языка (и донского говора), понимание русских характеров, остроты классовой борьбы и свою искреннюю влюбленность в «Поднятую целину».

В заключение Жан Катала пишет о том, что нет необходимости дополнительно изучить страну казаков 1930 года, чтобы иметь право назвать роман правдивым. «Эта правдивость чувствуется с первой страницы. Реальность, которую создает Шолохов, знает только один закон: гениальность своего создателя. Бесспорный шедевр социалистического реализма, «Поднятая целина» подтверждает, что для большого писателя реализм не имеет границ»[36].

Андрэ Вюрмсер является весьма активным пропагандистом творчества Шолохова во Франции. Он выступал по поводу всех произведений Шолохова, вышедших на французском языке. Не обошел он и перевода «Поднятой целины», сделанного Жаном

Катала, о чем 6 января 1965 года в «Леттр франсэз» была напечатана его большая статья.

Детально анализируя роман (творческую историю, борьбу Шолохова за правду жизни), Андрэ Вюрмсер называет «Поднятую целину» «романом историческим». Обращаясь к французской молодежи, отмечая огромные жертвы, перенесенные советским народом в борьбе за свое социалистическое будущее, он пишет: «Для нашего юношества наступление двадцатипятитысячников-большевиков (Давыдовых), которые, не имея никакого практического опыта и теоретических знаний в земледелии, все же возглавили колхозы, покажется столь же легендарным, как имя красного полководца революции Фрунзе (о нем в этой книге даже не упоминается), который был одним из тех, кто на фронтах гражданской войны ковал и будущие победы революции... Социализм в России победил. И это не было ни ложным шагом, ни не справедливостью... И читатель «Поднятой целины» оценит величие идей, которые нес в массы большевистский авангард в 1930 году»[37].

XI

Буржуазные критики в статьях о Шолохове обычно выступают против метода социалистического реализма, отвергают его как «доктрину партии». Высказывания их весьма субъективны, тенденциозны и противоречивы.

Так, например, газета «Эст репюбликэн» в связи с выходом нового издания шолоховских романов писала в 1959 году: «Тихий Дон» по накалу чувств и напряжению страстей напоминает «Дьявола» и «Отца Сергия» Льва Толстого, а по исторической масштабности, охвату событий, детальной разработке характеров, богатству персонажей и реалистической насыщенности, конечно, ближе всего стоит к «Войне и миру». Но Шолохов, осыпанный почестями, вынужден был принести себя в жертву... социалистическому реализму»[38]. А газета «Пари-Нормандн», называя Шолохова «выдающимся мастером эпохи», заявляла, что «он никогда не придерживался метода социалистического реализма, чем особенно и оригинален»[39].

По-своему истолковывали буржуазные критики и путь Мелехова. Одни из них восхищались смелостью и объективностью в изображении мятущейся души героя, другие — выискивали здесь идейные колебания самого автора «Тихого Дона», третьи — сочиняли клевету о его противоречиях с Союзом писателей, партией и правительством.

Коммунистическое издательство «Ле эдитер франсе реюни» в 1949 году в предисловии к четвертому тому «Тихого Дона» отмечало, что роман «Тихий Дон» необычайно интересен имен-

по «колебаниями Григория Мелехова между белыми и красными»[40], что это дает возможность глубже осмыслить противоречия эпохи и ошибки в борьбе с контрреволюцией.

Лучшим ответом на домыслы буржуазных критиков по этому поводу была серия статей Андрэ Стиля и Андрэ Вюрмсера в коммунистической прессе в 1959—1965 годах.

Андрэ Стиль высоко оценивает романы Шолохова, называет их произведениями новаторскими по стилю, типическим характерам и идейной направленности, в которых наиболее глубоко и правдиво отображены поворотные этапы в истории России. Развенчивая легенду об «идейных колебаниях» Шолохова, он пишет: «Шолохов изображает колебания (Григория Мелехова), но не является колеблющимся писателем. Это писатель из тех, что не колеблются! Во-первых, он смело и уверенно творит свое благое дело с колебаниями, сомнениями, неуверенностью и возвращением к былому своих героев, и, во-вторых, только это смелое, полное изображение всего богатства явлений жизни и гарантирует ему объективность без кавычек, истинную правдивость того, что он пишет, и это дает ему право на полную откровенность, с которой Шолохов утверждает истинную точку зрения и истинное направление вещей»[41].

* * *

...И еще раз я встретился с Жаном Катала, когда он только что вернулся из Парижа и был полон впечатлений от встреч со своими друзьями. Он подарил нам свой перевод «Они сражались за Родину» и на титульной странице написал:

«Выдающийся французский философ Гастон Башляр в 1960 году писал мне: «Я читал книгу «Они сражались за Родину» Шолохова с таким же упоением, как «Огонь» Барбюса в окопах войны 1914—1918 годов. Я читал ее, вспоминая пережитое, проклиная войны и радуясь тому, что есть на земле художники, говорящие людям всю правду до конца, как бы она ни была горька». И я присоединяюсь к этому слову о книге, переводя которую я часто испытывал такое волнение, что у меня спазмы перехватывали горло.

Апрель 1965. *Жан Катала»*[42].

В беседе со мною Жан Катала сказал:

— Вы, русские, крепко любите Шолохова, но все же полностью не можете себе представить, кем он является для всего человечества. У себя на Дону вы в своей повседневности привыкли к нему, как к земляку и соседу. Вы читаете его книги о революции, коллективизации, о войне с фашизмом, о своем пережитом. Все, что он пишет о вас,— вам известно с пеленок

или на собственном опыте. А для нас, иностранцев, все это — откровение русской души, ее широты и щедрости... Нет такого народа, который не мог бы чему-нибудь научиться у другой нации. Что дает нам Шолохов? Он пробуждает скрытый в наших душах огонь, приобщая к великой доброте, великому милосердию и великой человечности русского народа. Он принадлежит к числу тех писателей, чье искусство помогает каждому стать более человечным.

XVI

Присуждение М. А. Шолохову Нобелевской премии вызвало горячее одобрение на страницах многих газет Франции.

...Правая газета «Экспресс», которая в 1960 году писала, что «Шолохов у нас еще остается малоизвестным автором», но что «без его книг нельзя претендовать на знание России», в октябре 1965 года заявила: «Тот, кого сегодня называют «русским Бальзаком»,— сын неграмотной украинской крестьянки, прислуживавшей в казачьей среде. В семнадцать лет он уехал в Москву, работал грузчиком, затем счетоводом. Шолохову был 21 год, когда вышла его первая книжка «Донские рассказы». Он и сейчас живет на берегу своего любимого Дона, в станице Вешенской, в местности, где когда-то дыбилась земля под копытами красной кавалерии, сражавшейся с белогвардейцами, где рождались и умирали герои «Тихого Дона»... Шолохов — великий продолжатель лучших традиций русского эпического романа»[43].

Другая крупная буржуазная газета — «Монд» в статье Бернарда Ферона отмечала, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — это гигантские эпохальные фрески XX века». Называя Шолохова «настоящим писателем (певцом) русской земли», Бернард Ферон приветствует присуждение ему Нобелевской премии, так как он «давно стоит в ряду великих русских писателей»[44].

Французский академик Анри Труайа в этой же газете «Монд» писал: «Я бесконечно восхищаюсь Шолоховым. Это великий писатель, у которого есть призвание к эпосу, к трагическому действию и лирическое чувство природы. Его книги полны неистовой силы и поэзии. Я приветствую выбор Шведской академии»[45].

Нашлись, однако, и такие органы прессы, которые откликнулись на присуждение Шолохову Нобелевской премии злобными выпадами.

Реакционная «Комба» в статье некоего Габриэля Матцнева писала об «оскудении ума и утрате ненависти в сердцах членов Нобелевского комитета», возмущалась тем, что вопреки своей традиции (не присуждать литературной премии коммунистам!)

шведы вдруг отдали ее писателю, который «не является идеальной кандидатурой, так как его «Тихий Дон» носит лишь местный характер»[46].

Но голос прогрессивной Франции перекрывал эти выпады реакции. В этом отношении заслуживает внимания интереснейшая статья французского публициста Жоржа Сориа (в журнале «Эроп»), который пишет, что Шведская академия, присудив Михаилу Шолохову Нобелевскую премию, исправила две свои ошибки. Первая из них — это длительное и упорное пренебрежение к русской литературе и ее светочам — Чехову, Толстому и Горькому. Вторая ошибка заключалась в пристрастном, несправедливом отношении к советской литературе, которое выразилось в присуждении Нобелевской премии эмигранту Бунину в 1933 году.

«Самое же главное,— пишет далее Жорж Сориа,— заключается в том, что справедливость восторжествовала и Шолохов официально увенчан Нобелевской премией за свою силу литератора, безукоризненную честность и за то, что он сумел, как признал Нобелевский комитет, «выразить историческую эпоху жизни советского народа...». И я спрашиваю всех легкомысленных хулителей социалистического реализма (кои думают и трубят, что эта концепция потерпела поражение), разве великолепный стиль Шолохова и его внушительная победа не являются сами по себе достаточно убедительными и блестящими, чтобы еще раз подчеркнуть силу этой концепции?!»[47]

Сюзанна Кампо по этому поводу писала нам: «Книги первого парижского издания «Тихого Дона» у меня (как и у всех парижан) были изъяты гестаповцами в 1940 году и сожжены. Сейчас шолоховский роман издания 1930 года в Париже невозможно найти. Но я счастлива, как и в 1930 году, когда переводила с Василием Сухомлиным этот шедевр, счастлива тем, что Нобелевская премия присуждена Шолохову! Из современных писателей Шолохов уже давным-давно первый достоин этого знака всемирной признательности...»[48]

16 октября 1965 года газета «Юманите» на первой странице поместила большой портрет Шолохова, статью «Судьба человека» Андрэ Вюрмсера, а также интересные интервью писателя Владимира Познера и переводчика Антуана Витеза.

«Если бы была мода на газетные шапки, то сегодня в аншлаге первой страницы надо бы напечатать крупно: «Наконец-то!» — пишет Андрэ Вюрмсер.— Это короткое восклицание сорвалось с уст каждого культурного человека, когда он узнал, что период остракизма и злобы — отвержения советской литературы — кончился. Это была слепота, вызванная политическими мотивами... Воистину — Нобелевская премия Шолохова — это победа духа мирного сосуществования, духа справедливости.

И даже более того. Неоспоримо, что Шолохов — один из самых больших художников современности. В четырех томах «Тихого Дона» и двух книгах «Поднятой целины» он предстал как мастер эпических романов, а величие человеческого духа с не меньшей силой прозвучало в «Судьбе человека» и «Они сражались за Родину». Мастерство художника и честность, которые приветствовали в нем судьи, давшие Нобелевскую премию, оценены по достоинству».

Далее Андрэ Вюрмсер говорит о том, что подобно тому, как Гюго, Толстой, Бальзак, Горький передали свои эпохи на суд истории, «так и Шолохов не только осветил поворотную фазу жизни русского народа— его борьбу за свободу,— но и написал это страстно, и, что особенно выделяет и возвышает его книги,— так это любовь к людям, жажда справедливости, благороднейшие идеалы революции... И если Шолохов смотрит на мир ясным взглядом, то это потому, что он коммунист! Именно потому с таким запозданием пришла справедливость! И наша радость сейчас вызвана не только торжеством этого акта справедливости, но и тем, что увенчанное всемирной славой это наше правое дело, наше, господа! «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину»— это великий маршрут поколений одного народа,— пишет в заключении Андрэ Вюрмсер.— Судьба Человека, миллионов людей! И наша также, озаренная хоть с одной стороны. Поэтому Нобелевская премия утверждает наконец-то и наши чаяния»[49].

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

I

Впервые чешских читателей познакомил с Шолоховым иллюстрированный журнал «Светозор», напечатав в марте 1930 года его рассказ «Семейный человек» под заголовком «Отец»[1].

Вслед за ним доброе и весомое слово о Шолохове сказала газета «Руде право» — центральный орган Компартии Чехословакии. 27 апреля 1930 года, публикуя перевод статьи А. Серафимовича о «Тихом Доне», редакция дала к ней следующую аннотацию:

«Недавно молодой советский писатель Михаил Шолохов закончил трехтомный роман «Тихий Дон»... Это великая эпопея, и, несмотря на свою обширность — 1200 страниц, она выдержала несколько изданий после «Роман-газеты». «Тихий Дон» повсеместно признан одним из лучших советских военных романов. Это, бесспорно, одна из самых выдающихся книг, которые появились на книжном рынке в СССР»[2].

Коммунист Властимил Борек, который в ту пору был редактором «Руде право», прекрасный знаток русского языка, оценил художественную силу и политическую значимость «Тихого Дона» и взялся за его перевод. Первая книга романа благодаря энтузиазму Вл. Борека выходит в свет в коммунистическом книгоиздательстве К. Борецкого в ноябре 1930 года.

«Как бы там ни было,— писал нам в 1965 году из Чехословакии печатник Кветослав Костка, приславший книгу первого чешского издания,— но пусть жители Праги не очень хвастают, что они всегда первые святят воду! На этот раз благословение в белый свет «Тихому Дону» М. Шолохова дали печатники г. Кладно в типографии «Свобода», во главе которой стоял товарищ Антонин Запотоцкий — революционер, писатель, а впоследствии наш президент. А я в той типографии учился, вырос и работал. Товарищ Антонин Запотоцкий тогда говорил рабочим: «В «Тихом Доне» рассказывается правда о советской революции. Для всех нас это очень нужная книга. Надо ее издать быстро и хорошо». И она была скоро выпущена типографией «Свобода» в твердом переплете с золотым тиснением. Я тогда же приобрел себе «Тихий Дон» и зачитывался им, как и все рабочие, и сохранил его от фашистских собак. «Тихий Дон» открыл нам окно в новый мир»[3].

21 ноября 1930 года газета «Руде право» напечатала сообщение о выходе «на этой неделе в свет одного из прекраснейших произведений современной русской литературы «Тихого Дона» Михаила Шолохова...»[4]. Точно такое же сообщение было напечатано в конце 1930 года в журнале «Розсевачка»[5]. Заметим, кстати, что этот текст (в «Руде право» и «Розсевачка») не является чешским, а полностью позаимствован из аннотации, опубликованной на суперобложке немецкого издания «Тихого Дона» 1929 года. А поэтому первым оригинальным выступлением чешской прессы о «Тихом Доне» надо считать статью, появившуюся в прогрессивном журнале «Творба» в ноябре 1930 года. Она подписана инициалами «V. B.», и мы можем предполагать, что ее автором является переводчик Властимил Борек.

«Прочитав знаменитый роман М. Шолохова «Тихий Дон»,— пишет автор,—каждый может проследить вначале слабый, почти неуловимый, процесс разложения, происходящий среди казаков — в самом дисциплинированном ядре царской армии. Мы видим, как революционная буря очищает душную атмосферу над тихим Доном, как дует свежий, острый и здоровый ветер революции. «Тихий Дон» Шолохова — широко обоснованное и документально точное произведение, показывающее возникновение революции и ее развитие. Что касается честности описаний и выразительности образов, то вряд ли мы нашли бы равное в любой другой литературе. Шолохов не знает безвкусной сентиментальной «человечности» и пацифистского лимонада, которые наводняют девяносто процентов так называемой военной литературы, несмотря на то, что ее авторы считают себя мастерами реалистического изображения. Шолохов представляет людей и события так, как дает их жизнь, и его заслугой является то, что читатель переживает за судьбы героев и верит, что революция должна была наступить и что она пустила глубокие корни»[6].

II

В конце 1930 года (в пору выхода в свет романа «Тихий Дон») политическая обстановка в Чехословакии была весьма напряженной. Правящие круги Праги во главе с президентом Масариком занимали враждебную позицию по отношению к СССР. В антисоветской Малой Антанте Чехословакия рассматривалась как главное звено «санитарного кордона» против большевизма. Нельзя забывать, что в то время в Праге нашли себе приют тысячи белых эмигрантов и их общества, союзы и организации, открыто поддерживаемые империалистами Англии, Франции, США. Подобно реакционным правительствам Болгарии, Юго-

славии, Венгрии, президент Масарик не стремился к нормализации дипломатических отношений с СССР. Все это накладывало определенный отпечаток на жизнь чехословацкого народа, вызывая протест прогрессивных сил.

В то время в Чехословакии вопрос о признании СССР стал самым жгучим, и вследствие этого пропаганда правды о строительстве социализма и развитии советской культуры находилась в центре внимания коммунистической прессы Праги и Братиславы.

Советские книги — «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Цемент» Гладкова и многие другие (к тому времени изданные в Чехословакии) — вызвали у чехов и словаков глубочайший интерес к СССР.

Появление на книжном рынке Праги «Тихого Дона» Шолохова (первой книги в ноябре 1930 и второй книги в октябре 1931 г.) стало крупным литературным и политическим событием. Поэтому не удивительно, что газета «Руде право» 11 октября 1931 года посвятила второй книге шолоховского романа целую страницу воскресного приложения. В центре полосы была дана реклама книгоиздательства «красных» — Карела Борецкого — на второй том «Тихого Дона». «В Чехословакии,— говорилось там,— критики и рецензенты также признали казачью эпопею великолепной»[7].

Печатая небольшой отрывок из III главы второй книги романа, редакция «Руде право» подчеркнула, что «Тихий Дон» приобрел всемирную славу и возбудил большой интерес за рубежом». На этой же странице были опубликованы первые отзывы чехословацкой прессы о «Тихом Доне»:

«Прогрессивный обзор» (Брно): «Шолохов в широком полотне представил нам современную русскую историю, настоящую жизнь донских казаков с начала нашего столетия, во время войны, революции и, надеемся, в лучшие дни новой России. Дымка романтических представлений о беззаботной, буйной, привольной жизни в степях спадает с наших глаз, и мы видим перед собой повседневную безрадостную действительность, власть тьмы, среди которой то тут, то там нас порадуют природная сила духа, чувства и характера, взрывы неукротимой, нежной ласки и проявление огромного мужества... В романе Шолохова мы прочтем о внутренней революции — в душе и сердце русского воина, казака, который сначала верил царю, был его мощной опорой, последней надеждой реакции во время самой революции. В последующих книгах романа М. Шолохова мы еще узнаем правду о буре, которая последовала после этой внутренней революции и которая так дико и так долго будоражила жизнь тихого Дона».

«Страж севера»: «Шолохов — замечательное явление в рус-

5 Заказ 37

ской советской литературе. Он своим могучим сельским колоритом приближается к школе Толстого и своим от земли сурово пахнущим словом достигает мужественной прямоты».

«Ческий деник» (Пльзень): «Молодая русская литературная плеяда выдала уже целый ряд интересных и поучительных романов как о русской революции, так и о современной России. И здесь в первую очередь надо упомянуть Шолохова с его лейтмотивом из казачьей песни: «Ой, ты, наш батюшка, тихий Дон! Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?» Прислушайтесь!!!»

«Ческé слово» от 22 мая 1931 года: «В «Тихом Доне» до сих пор незнакомый миру молодой писатель создал настоящую эпопею казачьей жизни, которая во многом напоминает классического «Тараса Бульбу» Гоголя. «Тихий Дон» — это книга, которая переведена не напрасно»[8].

Известный чешский литератор Иржи Франек в своем докладе в Лейпциге на шолоховском симпозиуме сообщил, что «реакция не выступала против Шолохова», что «Тихий Дон» был «встречен нашей критикой необыкновенно положительно», что даже «буржуазные критики, журналы и газеты так называемой «середины» повсюду приветствовали эпическую зрелость писателя»[9].

Нельзя умолчать о том, что «левые» критики, придерживаясь догм вульгарной социологии, в своих статьях о Шолохове занимались перепевом известных мотивов рапповцев. Так, Бедржих Вацлавек в журнале «Левый фронт» упрекал Шолохова в индифферентности при «изображении белых и красных, в трактовке событий и идеологических распрей в обоих станах, а также в изображении некоторых персонажей враждующих сил». Это, дескать, в конце концов «результат индивидуалистически психологического, а не социологически классового понимания борьбы»[10]. А другой критик, из «левых», Вацлав Бегоунек, в журнале Союза друзей СССР «Прага—Москва» в 1936 году усмотрел в «Тихом Доне» раздробленность действия и отсутствие стилистического единства»[11].

Наиболее справедливые и доброжелательные критические статьи о Шолохове печатались в органе ЦК Компартии — «Руде право».

III

В декабре 1933 года издательство «Сфинкс» выпустило в свет «Поднятую целину» в переводе Богумила Матезиуса. Новый роман Шолохова в Чехословакии сразу же приобрел популярность не меньшую, чем «Тихий Дон», а по актуальности проблемы не имел себе равных.

Известно, что во всем мире люди с напряженным вниманием (одни — с волнением и радостью, другие — с яростью и надеждой на провал) следили за революцией в сельском хозяйстве СССР. Очень хорошо сказал об этом в своей публичной лекции, прочитанной в г. Добржише 13 апреля 1951 года, переводчик «Поднятой целины» Богумил Матезиус: «С каким злорадством буржуазия и реакция всюду в те времена воспринимали весть о коллективизации в Советском Союзе! Буржуазия ожидала, что возникшие трудности сломят шею советской политике. Говорили, что дело идет к реставрации буржуазной республики, что большевистский эксперимент не удался. Вы знаете, какие это были тяжелые времена для нас, как мы переживали эти трудности и как мы приветствовали этот роман Шолохова...»

Сам Б. Матезиус вначале рассматривал «Поднятую целину» как «литературу факта» (1933 г.) в аннотации на обложке первого издания его перевода. Но в дальнейшем назвал ее «учебником социалистического реализма», во многом более действенным, чем «Тихий Дон»... «В те времена, вспоминал Б. Матезиус, желающий перевести «Поднятую целину», должен был идти против течения. Его не поддерживали никакие учреждения, кроме компартии. Наша партия решила, что такая книга должна быть издана... Использовав яркий рекламный девиз, я нашел издателя. Я доказал ему, что эта книга Шолохова скажет о внутреннем экономическом положении Советского Союза больше, чем десять хозяйственно-экономических трактатов»[12]. И «Поднятая целина» вышла в свет в издательстве «Сфинкс» без каких-либо сокращений.

Беспощадная правда, сказанная Шолоховым в «Поднятой целине» о трудностях коллективизации, была по-разному воспринята за рубежом. «Ческá освета», например, в своей рецензии, давая сочувственный отзыв, подчеркнула, что «вдохновителями новой жизни являются красные партизаны Нагульнов, Разметнов и рабочий Давыдов. Они вступают в смертельную борьбу за колхоз и побеждают старую Россию. Советская критика видит в романе документ творческого труда и источник надежды, а русская эмиграция — доказательство ошибок нового режима»[13].

В 1934 году в Праге появился новый перевод «Поднятой целины» Франтишека Пишека, выпущенный издательством Карела Борецкого. Роман был рекламирован, как «мастерски отшлифованное, зеркальное отражение борьбы за коллективизацию казачьих хозяйств», как произведение, завоевавшее «почетное место в советской и мировой литературе»[14].

И снова наиболее всестороннюю и глубокую оценку получил этот роман Шолохова на страницах коммунистической газеты «Руде право». Автор большой статьи Мария Бергманова

говорит, что «коллективизация ознаменовала собою уничтожение тысячелетних традиций и ликвидацию (говоря словами Маркса) «идиотизма деревенской жизни». Главное достоинство романа — это «мастерски созданные типы: двадцатипятитысячник Давыдов, председатель хуторского Совета Разметнов, секретарь партийной ячейки Нагульнов — живые люди, скульптурно зримые, психологически точно изображенные... Каждый персонаж характерен своим, присущим ему, языком. В целом это огромная картина исторического процесса, который перевернул жизнь широких масс, процесса, нарисованного с позиций диалектического материализма, облеченного в великолепную литературную форму. Достойный образец нового направления — социалистического реализма»[15].

Как весьма отрадный факт, следует отметить выступления чешской прогрессивной прессы в защиту Шолохова. Так, редакция журнала «Доба» в феврале 1934 года напечатала статью, разоблачающую извращения в издании романа «Поднятая целина» в парижском издательстве «Nouvelle Revue Francaise» (сентябрь, 1933). Сообщая о том, что «французские фальсификаторы Шолохова из 40 глав его романа выпустили в свет только 33 главы», редакция журнала «Доба» называет эту акцию «политическим мошенничеством», часто используемым так называемой «социалистической» печатью для извращения советских источников информации о жизни в СССР[16].

* * *

В июне 1934 года устанавливаются дипломатические отношения СССР с Чехословакией, укрепляются культурные связи. В Праге стало издаваться значительно больше книг Горького, Маяковского, Есенина, Федина, Серафимовича, Фадеева, Гладкова, Фурманова, Н. Островского, Новикова-Прибоя и многих других.

28 и 29 мая 1935 года чехи осуществили драматическую инсценировку «Поднятой целины» под руководством режиссера Яна Бора (он театрализовал «Виринею» Л. Сейфуллиной, «Белую гвардию» М. Булгакова, готовил к постановке произведения А. Толстого и В. Вишневского). Спектакль был растянут на два вечера! Но интерес к «Поднятой целине» был настолько велик, что на эту премьеру в Прагу съехались критики и театроведы многих славянских стран. Постановка Яна Бора, судя по отзывам прессы, оказалась очень «медлительной», «многословной», «несценичной», тем не менее коммунисты приветствовали спектакль, а буржуазная пресса отмечала «пропагандизм инсценировки».

Режиссер Ян Бор в буржуазной газете «Народни листы» дал интервью, в котором заявил: «Я полагаю, что в культурную

функцию нашего театра входит задача показать чешской публике объективную картину революционного преображения русской деревни... Только человек злой воли будет искать в постановке романа Шолохова на чешской сцене удобный случай, чтобы говорить о политике, вместо того чтобы разобраться в существе произведения»[17].

Прогрессивная пресса Югославии, Польши, Венгрии дала высокую оценку работе режиссера. В частности, югославский критик Божо Ловрич (присутствовавший на премьере) писал в «Ядрански дневник»: «Мы долго-долго будем помнить эти чудеснейшие, великолепные образы новой России — Давыдова, Нагульнова, Разметнова, Майданникова, как и других донских казаков,— простых и мужественных, лукавых и искренних хранителей земли. Короче говоря, это была не просто премьера, а всеобщий огромный культурный подвиг!»[18]

IV

В 1935 году издательство «Сфинкс» выпустило в свет сборник рассказов «Лазоревая степь» в отличном переводе Богуслава Илека. Чешские читатели и критики восприняли донские рассказы Шолохова приветливо, «без каких-либо раздумий... которые были присущи догматикам (рапповцам.— *К. П.*) в советской критике»[19].

Вскоре в издательстве К. Борецкого вышло второе издание первой книги «Тихого Дона». Затем в Брно состоялась постановка оперы И. Дзержинского «Тихий Дон», а в Праге вышло в свет третье издание «Поднятой целины» («Сфинкс», перевод Б. Матезиуса).

В прогрессивных литературных кругах Чехословакии творчество Шолохова становится образцом для писателей. Как свидетельствует Иржи Франек, в 30-х годах «Шолохов уже не сравнивался с Л. Толстым, а других авторов сравнивали с Шолоховым. И даже отъявленная реакция не позволяла себе игнорировать Шолохова»[20].

Насколько был велик авторитет Шолохова в народе, можно судить по четырехстраничной листовке, выпущенной коммунистическим издательством в 1937 году под заголовком «Вы говорите, что человек не меняется?». Эта листовка выполняла задачи не просто коммерческие, а и литературно-пропагандистские и политические. Листовка выражала линию Коммунистической партии Чехословакии по отношению к русской революции, к строительству социализма в советской деревне.

Известно, что буржуазная пресса, церковь, школа тысячекратно твердили о неизменности собственнической души и психологии человека.

«Вы твердите,— гласила листовка,— что на человеке, на его обычаях, на его переживаниях трагически отражается любая попытка полной перестройки мира? А ведь перед нашими глазами изменилась одна шестая часть света, и водопад событий убеждает нас в том, что люди там изменились, выросли, развились в нового человека. Советский рабочий, это мы теперь уже знаем, общепризнанный новый тип рабочего. А крестьянин? Не было более саркастической улыбки, чем та, которая появилась при сообщении о проведении коллективизации в советской деревне. Не было большего недоверия, чем то, когда появились первые итоги этой коллективизации, началась победная поступь колхозов. Колхоз! Да, говорили многие, но какой крестьянин, так типичный в своей консервативности и в своем корпении на собственном участке, может дать что-нибудь для коллективного хозяйства? И тем не менее проблема деревни, эта величайшая проблема строительства социализма, была решена. Нелегко, но была решена! Произошло чудо превращения крестьянина-собственника в социалистического земледельца... О жизненном содержании этой перемены, о том, как тяжело рождался социалистический земледелец в советской деревне, говорит один из великолепнейших мировых романов Михаила Шолохова «Поднятая целина».

Публикуя в листовке положительные отзывы, которые получила «Поднятая целина» в прессе («Национальная политика», «Успех», «Ческé слово»), издательство К. Борецкого там же рекомендовало читателям и роман «Тихий Дон» — книгу, в которой Шолохов «открыл всему миру казака. Показал казака — человека в изнурительном труде в станице, в кровавые дни войны и в революционных битвах, когда в головах и сердцах сторонников царя возникла тоска по свободе, которая привела их под знамя революции. Без Шолохова мы не смогли бы понять этот великий перелом в истории казачества»[21].

Как видим по тексту, эта листовка, выпущенная под видом рекламы, превратилась в яркий политический документ. Вложенная в другие книги, журналы и газеты, она шла в массы, входила в тысячи домов, проникала в школы, в университет, на кафедры и всюду вызывала горячие споры. Книги Шолохова будили людей, тревожили сердца, открывали новые горизонты, учили думать, жить, бороться.

* * *

Вступление гитлеровцев в Чехословакию в 1938 году сразу же парализовало политическую и культурную жизнь страны.

«В период фашистской оккупации,— писали нам сотрудники Института языка и литературы Чехословацкой академии

паук,—в библиотеках не выдавали произведений советских авторов, но книги остались на месте и не были уничтожены»[22].

Коммунисты Чехословакии, ушедшие в глубокое подполье, самоотверженно продолжали борьбу с фашизмом. Так, например, редактор разгромленной фашистами «Руде право» Властимил Борек в подполье закончил подготовку к печати перевода седьмой части «Тихого Дона», передал его издательству «Сфинкс» и, преследуемый гестапо, вынужден был по указанию ЦК Компартии выехать в Польшу.

Следует отметить смелость редактора Богумила Матезиуса и издателя Богумила Янда, которые во время фашистской оккупации выпустили в свет седьмую часть «Тихого Дона», скрыв фамилию переводчика под псевдонимом В. Болек. На суперобложке этой книги Б. Матезиус поместил как вызов оккупантам дерзкое объяснение, почему он и Б. Янда издают русскую серию книг. «Библиотека шестины света», гласила издательская аннотация, названа в соответствии с есенинским стихотворением:

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Надо было обладать большой смелостью и горячо любить СССР, чтобы 24 января 1940 года — во время оккупации — выпустить книгу с таким боевым, прославляющим Россию, девизом!

Более того, в своей аннотации издательство «Сфинкс» акцентирует внимание читателей на поражении сил, направленных против русского народа: «В этом томе «Тихого Дона» Шолохов ярко, с апокалипсической выразительностью показал все ужасы отступления и разгрома армии Деникина»[23].

В условиях гитлеровской оккупации это звучало многозначительно и оптимистически, с верой в историческую неизбежность разгрома всяких захватчиков.

По утверждению Иржи Франека, «это издание «Тихого Дона» не было занесено в чешские каталоги» и «в конце 1941 года, когда издавался книжный указатель за 1940 год, имя Шолохова в нем не могло быть названо», очевидно, в связи с вступлением в действие фашистских законов на оккупированной Чехословакии. «Было ли издание этой части «Тихого Дона» игрою случая,— пишет далее Иржи Франек,— или результатом сознательной деятельности переводчика, редактора и издателя,— не столь важно. Но верно то, что последней книгой советской литературы, изданной у нас с наступлением фашистской ночи, оказался роман о величественной победе Красной Армии (над

белогвардейцами и интервентами), о ее великолепном энтузиазме и напрасном мужестве тех, кто ей сопротивлялся. Таким образом, роман Шолохова выполнил важную функцию так называемой военной литературы: он явился для нас духовной опорой и помог нам в антифашистской борьбе против поработителей»[24].

На наш взгляд, издание седьмой части «Тихого Дона» в 1940 году в Праге не таило «игры случая», как об этом говорит Иржи Франек. Логика обстоятельств с этим изданием в Праге говорит о том, что это было завершение большой, политически очень важной партийной задачи, решение которой начал редактор «Руде право» коммунист Властимил Борек, а закончили В. Матезиус и Б. Янда — честные, смелые, самоотверженные люди.

V

Нами собрано немало документов, подтверждающих, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» всегда и всюду были на переднем крае борьбы против реакции и фашизма.

И мы были очень рады получить из ЦК Компартии Чехословакии томик одного из первых изданий «Поднятой целины» 1934 года. Редакция газеты «Руде право», Институт языка и литературы Чехословацкой академии наук, редакция «Литерарни новины» прислали нам ценные материалы и фотодокументы из чехословацкой прессы. Однако мы долгое время не могли получить самого первого издания романа «Тихий Дон». Желая помочь нам, редакция газеты «Руде право» в сентябре 1964 года в одном из своих номеров напечатала наше обращение к чехам с просьбой поискать среди старых книг уцелевшие от фашистского нашествия произведения М. А. Шолохова. И вскоре чешские издания «Тихого Дона» 1930 года нам прислали тов. Рудольф Франя (из Уезда над Лесы) и тов. Кветослав Костка (из Кладно.).

Рабочий-печатник Кветослав Костка писал мне: «Книги эти созданы великим мастером Шолоховым, они будто написаны самой жизнью. В чем их сила? В откровенности, сердечности и человечности. Они написаны удивительным языком — я живу в мире этих людей. В годы фашистской оккупации я прятал эти книги — «Тихий Дон» — в тайнике, выкопанном в саду, и потихоньку давал их читать верным людям. Но после освобождения нас от фашизма Красной Армией я поставил их на книжную полку и с радостью читал снова. И еще многие люди их читали, и потому книги эти уже пришли в ветхость, но их страницы таят в себе неувядаемую энергию и силу молодости духа русского народа и его революции»[25].

Из Устья над Лабой тов. Франтишек Крижек прислал мне томик «Поднятой целины» 1934 года с надписью: «Очень про-

шу Вас, дорогой друг, извинить за то, что книга эта в таком печальном виде. Дело в том, что эта «Поднятая целина» неплохо поработала в подполье, выполняя свой долг, ибо в дни фашистской оккупации Чехословакии она переходила из рук в руки, и я ее не видел по нескольку недель»[26].

Коммунистка Мария Витова, подарившая нам экземпляр «Поднятой целины» в переводе Фр. Пишека, сообщала: «Роман этот еще тогда произвел на меня и моих друзей-читателей исключительное впечатление. В магазинах тогда он был мгновенно расхватан. Наши души взволновал он ярким изображением трудных начал строительства колхозов в России. Во время фашистской оккупации книгу эту я прятала у своей тетки и друзей, которые ее читали и читали.

С великой радостью дарю вам эту книгу. Честь труду!

С приветом *Мария Витова*»[27].

Геда Боркова (жена первого переводчика «Тихого Дона» Властимила Борека) подарила нам сохранившуюся у нее седьмую часть «Тихого Дона» («Сфинкс», 1940)[28].

И лишь после победы над фашизмом все четыре книги «Тихого Дона» вышли в свет в издательстве «Свобода».

В послевоенные годы произведения М. А. Шолохова в Чехословакии выпускались массовыми тиражами. На чешском языке «Тихий Дон» был издан 14 раз, «Поднятая целина» — 13 раз. На словацком языке «Тихий Дон» впервые появился лишь в 1950 году. «Поднятая целина» — в 1960 году. В 50—60-е годы в чехословацкой прессе творчеству М. А. Шолохова посвящено около тысячи статей и рецензий. Все они свидетельствуют об огромном интересе литераторов и читателей к Шолохову и острой идейной борьбе вокруг его творчества.

В библиографическом сборнике «Михаил Шолохов в чешской литературе» (Прага, 1970) в предисловии сказано: «Шолохов — принятый и непринятый, большинством хвалимый, меньшинством (правооппортунистическим и контрреволюционным, следовало прямо и сказать — *К. П.*) бранимый — стал неотъемлемой частью нашей литературы»[29].

Да, действительно, творчество Шолохова в социалистической Чехословакии стало живой, активной силой, благотворно влияющей на воспитание трудящихся масс в коммунистическом духе.

ДАНИЯ

I

Весной 1932 года в Копенгагене издательство «Гюльдендаль» выпустило в продажу первую книгу «Тихого Дона» в переводе Анны Чемеринской-Коп.

В краткой исторической справке о донском казачестве переводчица писала: «Все в этой книге удивительно просто и поэтично. Это — беллетристика, которой у нас недостает... Казак от колыбели до могилы рассматривался солдатом полка. Казаки ходили в форме, с красными лампасами, как у генералов... Царизм повсюду подчеркивал особое положение, особую кастовость казаков. Но это все оказалось фикцией, которая рухнула при первом серьезном ударе революции. Шолохов в «Тихом Доне» и показал нам, что привилегия служить царю на собственной лошади и в собственной униформе была в действительности экономической кабалой. Царизм держал казаков для подавления мятежей и беспорядков. Но первая мировая война привела к распаду казачьего войска, так как иллюзии о монолитности донского казачества рухнули, и, как показано в «Тихом Доне», среди казаков вспыхнула классовая борьба по примеру исторических событий, развернувшихся на Неве»[1].

Редакции датских газет медлили с публикацией рецензий. Видимо, ждали, что скажет о советском романе главная газета консервативной партии — «Дагенс нюхедер», которая всегда и во всем задавала тон. И вот 20 апреля 1932 года на ее страницах появилась первая рецензия Ф. Шюберга «Казацкий роман».

«Тихий Дон», — писал Ф. Шюберг, — это всемирно прогремевший шедевр!.. Сенсацией являются независимая позиция Шолохова по отношению к русским классикам, писавшим о казаках. Вопреки Гоголю («Тарас Бульба», 1835) и Л. Толстому («Казаки», 1861), где господствуют тона героической романтики (народ и война, барабаны зовут в бой весело и варварски), казаки Шолохова проще, реалистичней. Они менее веселы, мало героичны, но необычайно сильны неукротимостью своего духа степняков, хотя их насильно угоняют на фронт... Важно отметить, что горизонт писателя выше горизонта его героев. Вот почему его роман является выдающимся изображением психологии русского народа, свершившего революцию... «Тихий

Дон» — это великолепный этнографический и исторический документ эпохи, гремящий на весь мир»[2]. В статье было немало неверных и чуждых нам суждений, но общая оценка для Дании 1932 года (напомним: «Дагенс нюхедер» в течение 15 лет утверждала, что в СССР нет литературы!) была воистину сенсационной!

23 апреля 1932 года выступила и столичная вечерняя газета «Экстрабладет», более других писавшая всякие небылицы о Советской России. Попугав читателя «мрачным фоном России» и «проклятым раем революции», поставив нелепый, но, видимо, согревавший читателя-монархиста и буржуа вопрос: «Долго ли еще продержатся в России Советы?» — автор статьи вдруг изрек несколько иное: «...с отчаянием спрашиваешь себя, взяв в руки первый том «Тихого Дона», разве можно прочесть эти более чем 400 страниц? Но позже, вчитавшись в роман, забываешь то, о чем спрашивал. Удивленно читаешь роман о борьбе. И когда его прочтешь до конца, не вздыхаешь от облегчения, что он окончен, а грустишь, что он так мал!!! Шолохов — не Достоевский, но роман «Тихий Дон» чудесным стилем воскресил в нашей памяти лучшие образцы русского искусства». Автор статьи ненавидит Советскую Россию и тем не менее покорен изображением империалистической войны, он находит, что в «Тихом Доне» читатель достигает того «кульминационного пункта, с вершины которого видна вся великая страна, в результате этой войны превратившаяся из царской России в большевистскую, в Россию пятилетних планов! Из рекламы, приложенной к книге, мы узнаем, — пишет он, — что этот роман распространен у себя на родине в миллионах экземпляров... Зрелый, сильный казачий роман!»[3].

Несомненно, Шолохов заставил буржуазную прессу Дании не только призадуматься над тем, что он написал, но и поновому взглянуть на Восток, заставил их высказать более обдуманные суждения о советской революции, новой жизни и литературе.

Известно, что европейская социал-демократическая пресса, выполняя директивы II Интернационала, выступала против всего советского более яростно, чем другие буржуазные газеты. Но вот мы получили одну любопытную статью из редакции датской провинциальной социал-демократической газеты. Если все газеты Дании в рецензиях на «Тихий Дон» подчеркивали «жесткость русских нравов», «дикость казаков», «ужасы революции», то в этой статье отмечена «беспощадная правдивость Шолохова», «честность писателя и оптимизм». «Тихий Дон», — писал некий С. Т., — мощная книга, смелое и светлое изображение народа; произведение, которое будет жить и тогда, когда многие послевоенные книги уже будут забыты»[4].

А одна из влиятельных датских газет — орган консерватив-

ной партии «Берлингске Тиденде» (и по сей день активно выступающая против СССР!) — 27 апреля 1932 года вынуждена была отметить: «По своей поэтичности «Тихий Дон» Шолохова можно сравнить с исландскими сагами и романом «Война и мир» Толстого... Люди у Шолохова — как живые... И все у него — и любовь, и ненависть, и смятение, и кровопролитие — изумляет и потрясает... Быть чувствительным и не быть сентиментальным, так воздействовать и не быть сенсационным (в стиле) — и то и другое искусство! Да, искусство жизни и поэтическое мастерство сверкают в романе Шолохова. Он — озаренный мастер, посвященный в искусство свыше»[5].

II

Мы располагаем десятками статей о Шолохове и его творчестве из датской прессы за 1932—1934 годы. В подавляющем большинстве в них высоко оценен роман «Тихий Дон». И непонятно, почему, за редким исключением, авторы рецензий скрыли свои имена и фамилии под инициалами. Вероятно, не так-то просто было тогда сказать открыто доброе слово о советском романе!

В то же время в некоторых группах литераторов Дании не хотели верить тому, что автор «Тихого Дона» — советский писатель. В конце апреля 1932 года это мнение настолько возобладало и в журналистских кругах Копенгагена, что вскоре пресса не без чувства радости заговорила о том, что «Тихий Дон» написан русским... эмигрантом! Газета «Берлингске Тиденде» 7 мая 1932 года в связи с этим сочла необходимым в статье известного критика Хеннинга Келера высказать следующее: «Ни один из романов, созданных в Советской России за последние 14 лет, не может сравниться с шедевром «Тихий Дон»... автором которого является молодой эмигрант М. Шолохов, первая книга его только что вышла в датском переводе»[6].

Советское посольство в Копенгагене тогда же дало датской прессе разъяснение о личности писателя М. А. Шолохова.

Многие критики писали в основном о любовном треугольнике Аксинья — Григорий — Наталья, о ярком изображении страстей и дикости казаков, о самобытности стиля Шолохова и мало — о философской и идейной позиции Шолохова, главном содержании эпоса — Октябрьской революции, преобразовании мира. Однако появились и статьи, авторы которых выдвигали общественную проблематику на первый план.

«...Шолохов — новый великий русский писатель, новый Толстой, вышедший из окопов, но живущий требованиями реализма наших дней, — писал критик Фратер в газете «Лолл-Ф. Венстреблад» 13 мая 1932 года. — При чтении книги тысячи раз наталкиваешься на удивительную простоту. Встре-

чаешься с простыми людьми. И все же надо сказать, что эта книга величественна в изображении водоворота человеческих судеб и гениальна своим искусством рассказа... Мы радуемся и восхищаемся достижениями современной культуры. Так прочтите же «Тихий Дон»! Прочтите о жизни донских казаков в мирное время в их хуторах. Прочтите о войне на Восточном фронте. И попытайтесь сами проследить, не озарена ли истина этого уголка средневековья новым светом. Только тогда вы по-серьезному придете к заключению, что мировая война — детище двух факторов: «цивилизации» и «предрассудков».

Разделяя в какой-то мере широко распространяемое буржуазной прессой мнение об «ужасах русской революции», о «жестокости Советов и коммунистов», Фратер приходил, однако, и к объективному заключению, что «Тихий Дон» поведет читателя по дороге Истины. «А за Истиной должны мы все следовать, даже если она ведет нас к вратам ада»[7].

Известному датскому поэту и литературному критику Полю ла Куру (журнал «Тильзкурирен», июнь 1932) понравилась «неподкупная честность Шолохова», который «правдиво вскрыл, что жестокие столкновения казаков с господствующим принципом царизма происходили из-за солдатской вечной службы... И что война была прямой причиной революции и их освобождения. И эта честность Шолохова делает роман гораздо большим, чем просто тенденциозное произведение... В психологическом плане характеры так закончены, что они напоминают созревшие плоды. И, несомненно, с исключительным блеском исполнен образ Аксиньи — страстной, одержимой женщины, которую без колебаний воспринимаешь как сестру земли... Аксинья — прекраснейший образ, который придает всей книге неувядаемую прелесть и правдивость... В романе ярко изображена освобожденная жизненность русского народа — это новое и поражает... Автор черпает силу в народе, который только просыпается и видит, как струится жизнь. И это ощущение жизни, рождающееся из беспокойного чувства свободы, есть жизнеутверждение всего народа, обжигающее и прокладывающее себе путь. Так может быть лишь в эпическом искусстве».

По мнению Поля ла Кура, «Тихий Дон» открыл читателям силу народа», и если сравнить «чеховских русских вегетарианцев» с «воинственными казаками», то между ними «лежит целая эпоха, как будто это было до и после всемирного потопа». Восхищаясь «шолоховским искусством эпического повествования», Поль ла Кур приходит к выводу, что «Тихий Дон» мощью эпоса наносит удар «своему врагу — индивидуализму». В заключение критик с уверенностью пишет: «Несмотря ни на что, в России растет социальная реорганизация, и, несмотря на то, верите ли вы в это или нет, чувствуются ее практические результаты. По-

этому следует отдать должное «Тихому Дону», который вскрыл внутреннюю силу духа русского народа, и вдохновение для этого Шолохов черпал из источников, таящихся в народных глубинах»[8].

III

Вторая книга «Тихого Дона» на датском языке вышла в марте 1933 года, а третья — в августе 1934 года в переводе все той же Анны Чемеринской-Коп. На ярких суперобложках издательство «Гюльдендаль» дало краткие отзывы прессы о шолоховском романе, достойные внимания и в наши дни. Эти отзывы убедительно говорят об идейном, эстетическом и философском воздействии романа Шолохова на самые широкие круги читателей.

«Тильзкуриреп»: «Этот донской роман обладает фантастической мощью... В сущности своей «Тихий Доп», изображая мрачные страницы истории, переполнен светом и оптимизмом. *Поль ла Кур»*.

«Политикен»: «Наконец-то появился этот русский роман о пламенной любви! Политический роман — литературное событие! Могучее эпическое изображение родного края с перспективами в далекое будущее. Труднейшие литературные проблемы современности он разрешает спокойно, с присущим русскому человеку чувством веры в будущность и с юношески сверкающей и всепобеждающей гениальностью. *Том Кристенсен»*[9].

Появление в Дании трех томов «Тихого Дона» в столь короткий срок произвело большое впечатление и вызвало беспокойство властей и реакционных кругов.

И вот в августе 1934 года в датской прессе зазвучали тревожные ноты. Надо думать, что для читателей «Берлингске Тиденде», которая так хвалила первую и вторую книги романа, были странными статьи, призывающие теперь «поубавить восторг «Тихим Доном». Но самое оригинальное здесь было то, что автором этой статьи оказался Хеннинг Келер, тот самый критик, чьи похвалы Шолохову цитировались на суперобложках «Тихого Дона».

Начав статью с комплиментов Шолохову, критик далее всячески охаивает «Тихий Доп», возмущается тем, что издательство рекламирует его как «лучший роман столетия», и, рассвирепев, одергивает всю прессу: «И нет необходимости звонить во все колокола ради этого романа!»[10]

Ведущая газета консервативной партии, озабоченная колоссальным успехом «Тихого Дона», этой статьей била «отбой».

Но в этот же день, 22 августа 1934 года, газета «Социалдемократен» по поводу третьей книги «Тихого Дона» писала о том, что там «проливается много крови, гораздо больше, чем

в предшествующих книгах. Чувство муки сопутствует описанию войны и кровавых деяний... Эта книга не для нервных людей... И все же эту большую и страстную эпопею «Тихий Дон», эту захватывающую тебя книгу читаешь, затаив дыхание, и живешь вместе с ней, буквально спрессовываешься с ее героями и следуешь за их дикой и волнующей судьбой...»[11].

Никогда до этого Дания не ведала столь большого успеха иностранного романа. Идеологи консервативной партии были всерьез озабочены влиянием «Тихого Дона». А посему, как бы отвечая газете «Социал-демократен», 23 августа 1934 года главный орган консерваторов «Дагенс нюхедер», ранее печатавший положительный отзыв о «Тихом Доне», теперь выступил с погромной статьей. Автор ее, некий датский унтер Пришибеев, чернит третью книгу «Тихого Дона» и решительно советует ее «не читать», хотя она и является продолжением «сенсационного начала» (первой книги). В третьей книге якобы «нет ни развития сюжета, ни психологии», и «Шолохов хотя и не занимается в ней красной пропагандой, но его роман — это настоящий литературный коммунизм, какого мы еще не видели, по-человечески льстивый... и опасный!». В заключительных словах этой статьи — снова окрик в адрес издательства «Гюльдендаль»: «Третья книга «Тихого Дона» не дает нам ничего нового... И можно лишь пожалеть издательство, которое намерено выпустить продолжение романа, т. е. четвертую книгу...»[12].

Однако читатели «опасного» романа были иного мнения. И один из них, некий Х. Б-г, выступил в «Ведомостях Орхусской епархии». «Кое-кто хулит «Тихий Дон». Но ведь эта книга и ее автор Шолохов стоят выше всякой политики... — наивно, но искренне защищал роман Х. Б-г. — Шолохов только описывает, причем беспристрастно, положение дел в политике и страстно, вдохновенно — судьбы человеческие». Вопреки мнению «Берлингске Тиденде» и «Дагенс нюхедер» автор считал очень желательным, чтобы «на свет появилась и четвертая книга «Тихого Дона», поскольку задача писателя состоит не только в том, чтобы показать людей, судьба которых трагична и неопределенна, но также показать развитие казачества под властью красных... И если изображение восстания казаков не будет продолжено, вся эта могучая книга утратит силу и смысл. А ведь книга эта — путешествие в неизведанное, с множеством больших переживаний, подвигов и кровью народа»[13].

* * *

В декабре 1934 года М. А. Шолохов посетил Швецию и Данию. Скандинавы принимали его с большим восторгом. Датские писатели во главе с Мартином Андерсеном Нексе выезжали на границу встречать гостя.

Пребывание Михаила Александровича в Копенгагене превратилось, как писала тогда пресса, в «триумф Шолохова и советской литературы». К тому времени тираж трех томов «Тихого Дона» в издательстве «Гюльдендаль» достиг почти 50 тысяч. Для Дании цифра колоссальная.

Газета «Экстрабладет» в номере от 19 декабря 1934 года, помещая фотоснимок М. А. Шолохова, писала:

«Жизнь полна неожиданностей! Вот перед нами сидит в кресле ладный и спокойный романист Михаил Шолохов, который подарил нам тихий и всех волнующий Дон. Речь его течет поистине тихо. Чародей слова и образа, потрясающих судеб и сильных страстей находится в Копенгагене и курит свою трубку мира! Наконец настал момент и мы оказались перед мастером, пленительным писателем. Он еще совсем молод — 29 лет. Скромен. Молчалив. Улыбаясь, он жадно курит свою трубку. Мы заводим разговор о казачьей станице Вешенской, и Шолохов оживляется, начинает рассказывать, как живут теперь казаки на Дону»[14].

3 января 1935 года М. А. Шолохов выступил в Копенгагене с докладом о советской литературе, который произвел огромное впечатление на писателей, журналистов, книгоиздателей. Мартин Андерсен Нексе в своей речи на этом вечере отметил выдающуюся роль творчества Шолохова в истории мировой литературы. Тогда же на вечере «кто-то из слушателей-датчан от имени собравшихся выразил глубокую признательность М. Шолохову за роман «Тихий Дон», вызвавший восхищение широких читательских кругов в Скандинавских странах»[15].

IV

В декабре 1940 года издательство «Гюльдендаль» выпустило в продажу четвертую книгу «Тихого Дона» в переводе А. Чемеринской-Кон.

И снова вся пресса Дании откликнулась статьями, приветствующими писателя-большевика, переводчицу и издательство.

Первая рецензия появилась в газете «Берлингске Тиденде», которая, как мы выше отмечали, в 1934 году призывала прессу «не звонить во все колокола ради «Тихого Дона».

В статье критика Ганса Брикса «Великий русский» (Шолохов) четвертая книга романа названа «выдающимся явлением в мировой литературе». По силе воздействия, пишет критик, «роман «Тихий Дон» можно сравнить с извержением вулкана. Шолохов повествует совершенно откровенно, не лакируя действительность, и творческая фантазия его не знает узды. Варварские кровавые батальные сцены, поэтичнейшие любовные встречи, очаровательные эпизоды с детьми, поэтизация природы

и исторический трактат о событиях войны и революции потрясают глубокой реалистичностью»[16].

В одной из авторитетных газет — «Политикен» — с большой статьей выступил известный писатель Том Кристенсен. Статья его написана 35 лет назад, но по своей силе, убедительности и актуальности она удивительно современна.

Сколько изведено чернил и бумаги всякими «советологами» от Ишрейта в ФРГ до Мучник в США и Ранаде в Индии, которые тенденциозно пытаются доказать, что Григорий Мелехов — белый, что он не признает и никогда не признает Советскую власть и что якобы третья и четвертая книги романа — это всего лишь «агитка».

А вот датский писатель Том Кристенсен спокойно и беспристрастно именует еще в 1940 году третью книгу «Тихого Дона» «монументальной фреской русской революции», а о завершающей книге сказал так: «В четвертом томе — «Тихий Дон» — это не идеологический агитационный роман, а трагический эпос, который запечатлел человеческие судьбы в момент крушения старого уклада жизни, различные идеологии, столкновения различных позиций, жестокую схватку двух мировоззрений». Григорий Мелехов, по словам критика, очень сложная личность, и, хотя он со временем становится офицером и одним из командиров восстания, «он сильнее и ярче других предчувствует несостоятельность белых, крушение идей, которые отстаивают «господа», и он разрывает с ними связи, переходит к красным, и этот шаг психологически мотивирован и оправдан».

В четвертой книге романа, по мнению Т. Кристенсена, Григорий Мелехов претерпевает такие удары и утраты, что «читатель начинает сомневаться, а есть ли у него будущее, но встреча с сыном дает эту надежду». В целом великую эпопею датский критик называет «удивительным по своей исторической масштабности и художественной значимости произведением о путях русской революции»[17].

Критик Витто Адамсен в газете «Фюнс Венстерблад», поддерживая писателя Тома Кристенсена, писал: «Повествование в IV книге «Тихого Дона» так захватывает, что порой забываешь, что речь идет о реальных событиях и людях... Четвертая книга явилась гигантским завершающим аккордом, трагическим и реалистическим гимном жизни. Здесь — жестокая действительность, увиденная темпераментным зорким художником»[18].

Газета «Лолл — Ф. Штифтс Тиденде» пишет об огромном интересе читателей к четвертой книге «Тихого Дона», о том, что никого не страшит его объем.

«Мы настолько оказываемся увлечены романом,— сообщает рецензент,— настолько заворожены волшебным мастерством писателя, что появление четвертой книги для нас стало собы-

тием. И вот мы прочли и эту книгу, которая по своему высокому художественному уровню стоит вровень с первыми. Книга эта демонстрирует выдающееся искусство романа. И, несомненно, четвертая книга завоюет большую читательскую аудиторию и многие еще раз перечитают всю эпопею, чтобы вновь пережить судьбы шолоховских героев»[19].

И газета «Социал-демократен» подробно анализирует образ Григория Мелехова, подчеркивает, что он, «разочарованный в своей вере, в идеологии белых господ, порывает с ними, чтобы вернуться в свою казачью жизнь — переходит на сторону красных. И переходит не как предатель, не по расчету и не по убеждениям, а просто потому, что он ненавидит войну и любит тихий Дон»... В заключение критик особо отмечает: «Четвертая книга «Тихого Дона», вероятно, самая лучшая во всем цикле, во всяком случае, одна из лучших. Она полна драматизма, динамики. Нас изумляет человечность характеров, простых и незаурядных, правдивость и индивидуальность шолоховских героев, каждый из коих имеет свое неповторимое лицо»[20].

По утверждению газеты «Ольбург Стифтстиденде» — «Шолохов — великий мастер слова, который, виртуозно используя драматический материал, заставляет читателя сопереживать. «Тихий Дон» — это не просто роман, а реализм самой действительности, это и неповторимые поэтичные образы природы, и резкий, грубоватый юмор, и огромный кладезь жизненных наблюдений»[21].

V

Газета «Ланд ог фольк» — орган Компартии Дании систематично печатала статьи о выходящих в свет его книгах, интервью с Шолоховым, которые он давал в Копенгагене или в столицах других стран.

«Литература является делом совести писателя, — сказал Шолохов корреспонденту «Ланд ог фольк» (1958). — Грядущие поколения не простят нам, если мы не поднимем свой голос против кровопролития. Сказать войне — нет — это долг в первую очередь интеллигенции»[22]. Это интервью перепечатывается в других газетах, и голос советского писателя — борца за мир между народами находит отклик на всех континентах.

Весной 1959 года «Ланд ог фольк» перепечатала из бухарестской прессы любопытное письмо румынских крестьян к Шолохову, в котором они сообщают, что «роман «Поднятая целина» занял особое место в наших сердцах... Нам показалось, что описанное в романе — это и наши переживания, наши собственные думы... Ваша книга, подобно хорошему другу, внесла ясность, помогла нам создать свой колхоз... И собрание членов

колхоза постановило в знак признательности к Вам присвоить колхозу название «Поднятая целина».

От всего сердца желаем Вам творческих успехов и завершения второй книги этого романа.

Деревня Дента, Темишоаре[23].

Бранко Беланов, Илья Новак, Екатерина Новак, Арюэль Сурбо, Никола Себастиан, Благое Урос».

Вне всякого сомнения, что перепечатка этого письма в коммунистической газете буржуазной страны имела свою особую гуманную и интернациональную значимость.

* * *

«Мы рады были узнать, — писал мне 5 апреля 1965 года Отто Линдхардт, директор издательства «Гюльдендаль», — что вы организуете выставку зарубежных изданий М. А. Шолохова. И повод к этому — 60-летие писателя — удачен. Это в высшей степени радует нас, и мы посылаем вам через Советское посольство наш скромный вклад. Поверьте, ваше большое и интересное дело нашло горячий отклик в Дании»[24].

Вклад издательства «Гюльдендаль» оказался необычайно ценным: четыре тома «Тихого Дона» издания 1932—1934 годов, изящный карманный томик романа 1962 года с автографом: «Ростовскому музею — лучшие пожелания от издателя М. Шолохова в Дании. «Гюльдендаль» — Отто Б. Линдхардт. Апрель, 1965»; две книги «Поднятой целины» с автографом переводчика Э. Хорскьера; сборник «Донские рассказы» — «С дружеским приветом и сердечным поздравлением от переводчика Георгия Сарау»; «Судьба человека» в переводе Карины Винхельд-Гансен. И ко всему этому — фотоснимки Шолохова в Дании и множество статей из газет и журналов.

В послевоенные годы книгоиздательство «Гюльдендаль» на обложках и в предисловиях к шолоховским книгам стало более ясно отмечать значение творчества писателя в развитии мировой литературы. На обложке карманного издания «Тихого Дона» (1962), например, выбито четко и весомо: «Шолохов, выдвинувшийся в ряд самых могучих художников слова, принадлежит мировой литературе». А в предисловии к этому изданию романа можно прочесть следующее: «...донские казаки показаны Шолоховым с исключительной силой, полнотой и многогранностью. В романе изображено много человеческих судеб, но две из них — Григорий и Аксинья, — встав наперекор вековым традициям, возвысились над всеми... Их страсть, их любовь и горечь драмы

мы прослеживаем на фоне исторической драмы, преобразующей в России весь общественный уклад жизни»[25].

Известный датский критик и переводчик Э. Хорскьер выступил в нашей «Литературной газете». Он писал: «Появление в 1932 году в Дании «Тихого Дона» стало крупнейшим событием, которое с полным правом можно назвать сенсацией. Простые люди Дании остро чувствовали недостаток правдивой информации о революции в России. «Тихий Дон» Шолохова восполнил все эти пробелы и сказал о ней правду»[26].

А несколько ранее газета «Ланд ог фольк» — центральный орган Компартии Дании, — публикуя сообщение о переиздании «Тихого Дона», напомнила читателям, что «традиции Льва Толстого и русского классического романа в «Тихом Доне» не просто продолжены, но и подняты Шолоховым на новую ступень».

VI

Как сообщает директор издательства «Гюльдендаль» Отто Линдхардт, в «годы второй мировой войны в Дании не было официального запрета на «Тихий Дон», но угар фашистских книгосожжений из Берлина дошел до Копенгагена. В связи с этим первая книга «Поднятой целины» была задержана в печати и появилась на датском языке лишь после войны, в 1947 году»[27].

Переводчик этого издания Э. Хорскьер, выступая в нашей «Литературной газете», подчеркивал следующее: «Широкие круги датчан поняли, какие огромные проблемы решала коллективизация в СССР только благодаря «Поднятой целине» М. Шолохова»[28].

Другой писатель и критик — Ганс Кирк в ноябре 1947 года в газете «Ланд ог фольк» заявил:

«Величие Шолохова заключается в его эпическом таланте, в его правдивости. У него такое же спокойное дыхание, как и у Льва Толстого в «Войне и мире». Шолохов в «Поднятой целине» изобразил труднейший период перестройки русского общества — переход от единоличного хозяйства к коллективному... Если какой-нибудь писатель и заслуживает Нобелевской премии, то это — Шолохов...»

Вторая книга «Поднятой целины» выпущена в 1960 году фирмой «Мега» под названием «Урожай на Дону» в переводе Э. Хорскьера, с рекламным объявлением на обложке книги: «Давно ожидаемая вторая книга «Поднятой целины» — знаменитого романа Михаила Шолохова — вышла в свет... Бурные события недавнего прошлого текут в ней величаво, как сам Дон, и никто не в силах, подобно Шолохову, описать эти будни так просто, сурово, с неподдельным юмором, передавая гамму чело-

веческих переживаний и чувств. «Урожай на Дону» завершает решающий период русской революции. Это захватывающее, многоцветное и прекрасное произведение читается с огромнейшим интересом»[29].

Датская пресса и широкие читательские круги тепло встретили «Донские рассказы» М. Шолохова в переводе Георгия Сарау и «Судьбу человека», переведенную Иваном Малиновским.

* * *

Из беседы с директором Отто Линдхардтом мы узнали, что первой переводчицы и пропагандистки «Тихого Дона» в Дании — Анны Чемеринской-Кон — уже нет в живых, она умерла в 1941 году. Отто Линдхардт сказал, что книжная фирма «Гюльдендаль» (не в пример шведским издателям) выпустила «Тихий Дон» в Дании в 1932 году без каких-либо цензурных сокращений.

— Благодаря Анне Чемеринской-Кон,— заверил нас Отто Линдхардт,— «Тихий Дон» Шолохова вошел в дом почти к каждому датчанину. Шолохов пользуется исключительной любовью в Дании. Никто из иностранных писателей не имеет такого авторитета у нас, как он. Его книги и в особенности «Тихий Дон», вышедший уже десятью изданиями, тиражом 72 тысячи экземпляров, читаются у нас треть века. Романы Шолохова в семьях передаются из поколения в поколение, как заветные книги.

— Каково отношение вашей молодежи к «Тихому Дону»? — спросил я директора «Гюльдендаль».

— Юные датчане с восхищением и глубоким пониманием читают Шолохова. В библиотеках на полках его книги не покрываются пылью. Наша молодежь, как и все читатели, высоко ценит творческую позицию исторической объективности и справедливости Шолохова. Неповторимые описания природы, его проникновение в души героев, глубокое человеческое сострадание, высокий талант одухотворения характеров, краткость в стиле и свобода мысли, авторская откровенность и оптимизм — на мой взгляд, более всего пленяют нашего читателя.

На вопрос, как откликнулась датская пресса на присуждение Шолохову Нобелевской премии, Отто Линдхардт ответил:

— Полнейшее одобрение! Но многие пишут в газетах, что это должно было случиться еще четверть века назад! И я тоже очень рад этому событию. Шолохов — достойнейший лауреат. Мы с женой имели счастье встречаться с ним в Дании, а также гостить у него в станице Вешенской. Его гостеприимство и радушие незабываемы для нас. Моя мечта,— сказал в заключение

Отто Линдхардт,— добиться того, чтобы издательство «Гюльдендаль» в самом скором будущем довело тираж «Тихого Дона» до ста тысяч экземпляров. А сейчас я поздравляю Шолохова, как давнего друга Дании, с высокой наградой и желаю ему скорейшего завершения работы над романом «Они сражались за Родину», которого ждет весь мир!

Писатель Ганс Шерфиг в коммунистической газете «Ланд ог фольк» в связи с присуждением Шолохову Нобелевской премии сказал: «Выдающиеся романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» принадлежат к числу произведений мировой литературы и получили всемирное признание. Созданные Шолоховым образы донских казаков стали нашими знакомыми, а донская земля близкой и дорогой нам всем...»[30]

ПОЛЬША

I

Первая весть о Шолохове в польской прессе появилась в начале 1932 года. Это была статья Отмара Берсона, московского корреспондента правительственной «Газеты Польской». Нам не удалось ознакомиться с этой газетой, однако в сборнике О. Берсона «Кремль белый», написанном, в общем, с антисоветских позиций, мы обнаружили такие строчки о Шолохове: «Прекрасная «Поднятая целина» Шолохова является наилучшим произведением, повествующим о преобразованиях в русской деревне»[1].

Чтобы продвинуть романы Шолохова на книжный рынок Польши, потребовалось еще более двух лет. Лишь в конце 1933 года журнал «Новости литерацке» известил подписчиков, что «в издательстве шедевров мировой литературы «Руй» готовится к выпуску новый роман М. Шолохова «Поднятая целина» — одно из самых выдающихся событий в современной мировой литературе. Среди знатоков и читателей всеобщее восхищение вызовут исключительная смелость в разработке темы, красота и богатство языка, пластичность образов. «Поднятая целина» изображает борьбу за коллективизацию с точки зрения рабочего класса. В ней сочетается пафос отрицания частной собственности и пафос борьбы за коллективизацию. Автор мастерски показывает классовое расслоение среди донских казаков, развенчивая при этом остатки заблуждений о романтическом «казачестве» и его национальной самобытности. В «Поднятой целине» трепещут правда, полнота жизни и высокое мастерство»[2].

А в феврале 1934 года буржуазный еженедельник «Вядомости литерацке» и газета польских социалистов «Роботник» впервые познакомили своих читателей с двумя фрагментами из «Поднятой целины».

«Вядомости литерацке» поместил фото Шолохова и отрывок из XIV главы романа под заглавием «Лукич вооружается», из которого читатели узнали, как Островнов с Половцевым ночью режут овец, чтобы не сдавать их колхозу. Текст оборван на ожесточенных раздумьях Якова Лукича: «...правильно говорил ученый есаул Половцев: «Надо резать скот! Надо рвать из-под большевиков землю. Пусть дохнут быки от недосмотра, быков

мы еще наживем, когда захватим власть!.. Голодом, разрухой, восстанием их задушим»[3]. Сопротивление кулака, черные дела белогвардейца — вот что более всего привлекло редакторов буржуазного журнала. И в аннотации редакция ограничилась кратким сообщением о скором выходе в издательстве «Руй» этого романа.

По-иному отнеслась к публикации отрывков из «Поднятой целины» редакция газеты Польской социалистической партии «Роботник». Ее привлекла сцена вступления казака-середняка Майданникова на путь новой жизни. В аннотации «Роботник», называя «Поднятую целину» «выдающимся явлением в современной мировой литературе», подчеркивал, что у Шолохова «коллективизация изображена с точки зрения рабочего класса»[4].

Роман был выпущен в переводе отличного знатока русской словесности Галины Пилиховской в марте 1934 года под названием «Зорани угор» (в двух томиках)[5].

Позже, в мае 1934 года, издательство «Руй» выпустило в свет первую книгу «Тихого Дона» в переводе А. Ставара. В аннотации было сказано: «Шолохов — писатель-эпик, певец земли, страстных степняков-казаков, буйной донской природы. «Тихий Дон» в первых частях — это крестьянский роман. Затем горизонты эпопеи расширяются. Вот казацкие полки идут на фронт мировой войны, и повесть о земле превращается в военный роман. И снова расширяется панорама судеб казачества — война рождает революцию, а революция бросает в тихие донские степи кровавую гражданскую войну»[6].

Для Польши, где буржуазная и «санационная» пресса долго и с исключительным усердием и яростью клеветала на СССР, аннотации издательства «Руй» были необычными.

Но, как сообщает нам из Варшавы «Библиотека народова», польская цензура «ограничила их тиражи до минимума: в 1934 году «Поднятую целину» разрешили издать в количестве 3250 экз. (и больше не издавали), а «Тихий Дон» — 2000 экз., а в 1935 году второе издание — 3250»[7]. Цензура всюду изъяла имя Ленина[8]. Переводчиков Г. Пилиховской, А. Ставара и В. Роговича уже нет в живых, и нам не удалось детально выяснить историю издания романов.

Мы не располагаем прессой Компартии 1934 года, так как она находилась в подполье. Но к нам поступил интересный документ политэмигрантов, живших в Ростове (1935), который содержит важные сведения об издании книг Шолохова и их восприятии в демократических кругах Польши:

«...Появление в 1934 году «Поднятой целины» и «Тихого Дона» в Варшаве — цитадели «санитарного кордона» — событие не менее важное, чем их издание в Лондоне и Нью-Йорке. Инициаторами выпуска в свет романов Шолохова в Польше

были коммунисты. Первый и третий томики «Тихого Дона» перевел А. Ставар. Нам удалось узнать у польских товарищей в Москве, что Анджей Ставар — коммунист, выходец из рабочих, талантливый журналист. В 1924 году А. Ставар (Э. Янус) был секретарем коммунистической фракции сейма. Второй томик «Тихого Дона» перевел писатель-демократ В. Гогович... В Польше «Тихий Дон» воспринят демократически и независимо мыслящими людьми как гром из красной России, как зов с вопросом: «А с кем ты идешь?» Для Польши это значит: «Жить или не жить? И как дальше жить?» Романы Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» говорят, что «надо вставать на путь революции...»[9].

II

По свидетельству участницы революционного движения Галины Крагельской, роман «Поднятая целина» «своей литературно-художественной и психологической глубиной приковал внимание многих критиков в Польше». Сама она выступила в прогрессивном журнале «Пшеглёнд всходни» со статьей «Борьба за новую крестьянскую жизнь», где прежде всего отметила «бросающуюся в глаза красоту этого романа в лепке людских характеров, в картинах природы, в массовых сценах, в драматизме и конфликтах пластов человеческих».

Далее Крагельская отмечает, что «Поднятая целина» заинтересовала ее не только с литературно-художественной стороны, «а под углом изучения новых черт психики людей, приверженных к собственности». Акцентируя внимание читателя на образах «неокулака» Тита Бородина и энтузиаста колхозной жизни Кондрата Майданникова, она пишет: «Через глубокое и точное изображение жизни Шолохов доказывает, как трудна, медлительна, кропотлива работа по преобразованию психологии крестьян в преддверии нового бытия... Кропотлива, трудна, мучительна, но не безнадежна. Поэтому роман Шолохова имеет то положительное качество, что позволяет нам вблизи присмотреться ко всем перипетиям, трудностям, конфликтам — внутренним и внешним, которые сопровождают революцию в сельском хозяйстве Страны Советов. Раздумья, богатый опыт, науку о методах организации коллективного хозяйства можно найти в этой книге с большим количеством ценных примеров»[10].

В то время в Польше прогрессивным людям трудно было высказать свои сокровенные думы о тяжелом и бесперспективном положении польского крестьянства. Но, как видим, Крагельская в своей статье рекомендует читателям «Поднятую целину» как «позитивное наставление», обогащенное опытом Советского Союза.

В январе 1932 года в «Правде» был напечатан отрывок из «Поднятой целины» под заголовком «Путь туда — единственный». Любопытно, что польская писательница Ирена Кшивицкая в журнале «Вядомости литерацке» выступила осенью 1934 года с острой политической статьей, подчеркивая эту же мысль. «Преобразование сельского хозяйства по пути коллективизма,— писала И. Кшивицкая,— это что-то единственное в своем роде... После «Новой земли» Гладкова — роман Шолохова... Они во весь голос говорят о новой вере. Шолохов как писатель стоит несравненно выше Гладкова. Книга Шолохова суровая и холодная. В ней повествуется о борьбе с крестьянской стихией во имя того, чтобы направить ее в русло нового бытия. И, несмотря на наши опасения, несмотря на бунт, который в нем возникает, по мере чтения все же формируется убеждение, что путь коллективизации — это единственно правильный путь, ведущий к новым победам... Ведь и у нас, может, через 200—300 лет эта организация станет актуальной, и направление должно быть именно такое, а не иное... хотя процесс этот адски долог и сложен»[11].

В статьях польской прессы тех лет были и упреки в адрес автора «Поднятой целины». Так, например, известный комментатор русской литературы Збигнев Грабовский в журнале «Курьер литерацко-науковы» выступил в защиту земли и крестьянина, но трактовал всю проблему так: «Крестьянин есть заядлый консерватор, так как наиболее консервативной является сама земля. А доктрина скорых изменений гнет к земле и человека». И все же Грабовский признает, что «Поднятая целина» — это песнь в честь массы, коллектива, безымянного народа, сплачивающегося в колхоз», и что это «произведение высшего класса, на котором лежит печать гения»[12].

Известно, что католическая церковь и ее пресса во всех странах вели яростную антисоветскую пропаганду. По велению римского папы Пия XI в Польше в 1930 году во всех костелах были «отслужены» молебствия, призывавшие верующих сплотиться к «крестовому походу против СССР»[13].

Но потом, в годы «оттепели» во взаимоотношениях Польши и СССР, католические литературные журналы предоставляли место для весьма объективных и положительных высказываний о советской литературе. Из библиотеки Ягеллонского университета (Краков) мы получили фотокопии множества статей польской прессы о Шолохове, среди которых наибольший интерес представляют выступления известного критика (а ныне писателя и критика) Теодора Парницкого в органе варшавских иезуитов «Пшеглёнд повшехны».

Теодор Парницкий в то время был, пожалуй, одним из самых активных пропагандистов творчества Шолохова. В своей первой

статье, напечатанной в марте 1934 года, он сразу заявил, что «Поднятая целина» есть шедевр в искусстве романа», и там же отметил важнейшие его особенности и значение. Во-первых, Парницкий подчеркнул «национальную самобытность таланта Шолохова». Во-вторых, смело и восторженно заявил: «Наконец-то советская литература может похвалиться литературным произведением, которое, будучи коммунистическим, пропагандистским, идеально правоверным в отношении социалистического и материалистического мировоззрения в политике и экономике, в то же время является книгой высочайшего ранга, превосходящей все русские романы эпохи большевизма». В-третьих, Парницкий, называя «Поднятую целину» «великим подвигом советской литературы», предсказал ей «по праву и великий триумф в истории мировой литературы... Содержание романа так богато и интересно, так живо и интригующе, что книжка прочитывается одним духом, и читатель, совершенно равнодушный или даже враждебно настроенный против всего советского, все больше и больше в ходе чтения с удивлением ловит себя на факте возрастающих симпатий к борцам за проведение коллективизации и вопреки воле желает им победы! То, что роман увлекает, волнует, возбуждает, несмотря на будничность фабулы, есть безусловная и исключительная заслуга огромного литературного таланта и высокого художественного мастерства Шолохова».

Эпические и этические достоинства романа, умение автора понять врагов, а также видеть в них людей способствуют, по мнению Парницкого, тому, что «Поднятая целина» является, пожалуй, самым выдающимся достижением эпики в современной литературе»[14].

III

Многочисленные отклики в польской прессе вызвал и «Тихий Дон». Отзыв коммунистов — самый точный и справедливый — мы уже приводили.

Первая рецензия, появившаяся в газете, которую никак нельзя причислить к прогрессивным (в «Газете Польской»), как ни странно, также была положительной. В ней говорилось следующее: «Тихий Дон» прославил имя молодого автора во всем мире, выявил во всей мощи его самородный талант, рожденный в народе Октябрьской революцией... О языке, стиле, юморе и истории создания «Тихого Дона» еще будут написаны исследования. Этот роман, мастерски вылепленные психологические образы (в которых и на грош нет западного «психологизма»), все их поступки действуют на читателя, как предрассветный горный ветер на угоревшего в дыму человека. Ветер острый, но осве-

жающий! И еще не один урок почерпнут все читатели в атмосфере этого самобытного творения»[15].

Для полноты нашего обзора откликов на «Тихий Дон» обратимся еще раз к статьям критика Т. Парницкого. Есть в них объективность, но немало и наивных, крайне субъективных суждений. Он выступал на страницах «Пшеглёнд повшехны», «Курьер литерацко-науковы» и «Вядомости литерацке». Статья «Эпичность «Тихого Дона» для тогдашней Польши была достаточно аргументированной. Парницкий называл роман «творением писателя-коммуниста и победой пролетарской общественно-культурной атмосферы, возрождением классического, наиболее традиционного из всех родов литературы эпоса, со всем его размахом, глубоким дыханием, безмятежным покоем и объективизмом... «Тихий Дон» — произведение бессмертное, высокое творение великого эпического искусства всех эпох и народов»[16]. Но тут же утверждал, что «эпичность Шолохова проявляется и в его аристократизме, в равнодушии к массам», что «ему присуще олимпийское спокойствие» в изображении быта, борьбы, страстей, жизни и смерти — это, конечно, крайне субъективно и глубоко ошибочно.

В другой статье — «Из русской литературы»,— отмечая народность «Тихого Дона», Парницкий в ложном свете истолковывал нашу историю, утверждая, что «после революции Россия вела яростную беспощадную борьбу...* сама с собой».

Парницкий почему-то не хотел сказать правду об интервенции и о том, что Советская Россия под руководством Коммунистической партии во главе с Лениным вела борьбу не «сама с собой», а против монархистов-генералов, против всей русской буржуазии и помещиков, против 14 стран-интервентов, в том числе и против панской Польши! Однако проблемы революции и гражданской войны, поставленные Шолоховым в «Тихом Доне», не нашли своего отражения ни в статьях Т. Парницкого, ни во всей польской прессе.

Следует отметить заключительные слова названной статьи Т. Парницкого: «Литература русской эмиграции вследствие отрыва от живых источников русской души становится все более космополитичной, а в литературе Советской России наблюдается мощный поворот к духу и традициям национальным, в корне русским, к большой эпике»[17].

В статье «Мы и советская литература» Т. Парницкий высказал и такую верную мысль: «Шолохов и советский роман... будут способствовать возрождению классики у нас и убедят польских писателей в необходимости общения с массами — источником народной и национальной культуры»[18].

---

* Многоточие в оригинале.

Для Польши 1934 года статьи критика Теодора Парницкого (при всех их недостатках) были не только новыми в определении сущности эпики Шолохова, но и смелыми в оценке и пропаганде творчества советского писателя. Иезуитский журнал «Пшеглёнд повшехны», напечатавший большинство статей критика Парницкого, внес таким образом определенный, положительный вклад в ознакомление польской общественности с творчеством Шолохова.

В это время на страницах журналов «Просто з мосту» и «Курьер виленски» в традиционных новогодних анкетах предлагался вопрос: «Назовите самую интересную книгу года». И в ответах первое место заняли романы Шолохова.

Известный писатель Юлиан Волошиновский, например, в «Просто з мосту» отвечал в январе 1935 года: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Михаила Шолохова — лучшие. Читал в оригинале (на русском). В прошлом году меня более всего занимало творчество Шолохова. При кажущейся традиционности формы романа в прозе писателя, самобытно русского, находятся открытия, удивляющие всех современных литераторов. Напоминает Алексея Толстого («Петр I»), но Шолохов еще в большей степени показывает те перемены, которые произошли в психологии Советской России»[19].

На наш взгляд, картина восприятия творчества Шолохова в довоенной Польше будет неполной без откликов простых тружеников этой страны.

«Поднятую целину» Шолохова на польском языке,— пишет нам из Познани Станислав Козловский,— я прочел в 1937 году в кругу своих друзей... Все мы тогда были безработными. И мы жаждали-мечтали, чтобы и в Польше наступила смена общественного строя. Мы боролись за то, чтобы и у нас была рабоче-крестьянская власть. Книги прогрессивных писателей и особенно «Поднятая целина» Шолохова вдохновляли нас на борьбу. Из «Поднятой целины» мы узнали, что в СССР свершаются великие преобразования в деревне, которые потребовали огромных жертв и лишений советского народа, а также глубокой веры в победу дела социализма. И мы всей душой были на стороне пионеров новой жизни в советской деревне»[20].

А бывший секретарь одной из комсомольских организаций Варшавы, позже — узник фашистских концлагерей, а ныне активный строитель новой Польши, Станислав Ковальский в большом письме сообщает, что в середине 30-х годов они в подполье имели много книг советских писателей — Горького, Серафимовича, Шолохова, Фурманова, Панферова, Катаева и других. Он пишет далее: «Почему правительство «санации» разрешило издать у нас тогда «Поднятую целину» и «Тихий Дон» — не знаю... Так вот в 1935 году, по выходе из тюрьмы, в Варшаве,

на улице Дикой, в доме № 5, мы собирались на тайные читки (при керосиновой лампе!) книг Шолохова. Из 16 членов нашей подпольной ячейки только двое знали русский язык. Мы читали Шолохова и жили жизнью Давыдова и Бунчука, но мы не могли тогда понять Нагульнова и Мелехова. И в думах своих я бился над вопросом, почему Давыдов не заглянет в курень Островнова, не захватит живьем есаула Половцева? И понял я это позже, когда сам разыскивал на своей земле врага, а он скрывался у моего сослуживца, который втайне был врагом моим и всей Польши... Под воздействием шолоховского героя из «Поднятой целины» Макара Нагульнова (который, готовя себя к мировой революции, изучал английский!) наша подпольная ячейка тогда стала усиленно изучать иностранные языки. И если бы вы знали, как позже, в концлагерях, пригодились мне знания основ украинского, немецкого и французского языков! Закалка и революционное сознание героев Шолохова придавали нам стойкость в битвах с исконным врагом — фашизмом в Польше, а затем — с гитлеровскими оккупантами... Я имею произведения М. Шолохова и на украинском языке и часто их перечитываю. В давние годы Шолохов помогал мне бороться в подполье, а теперь помогает строить новую Польшу. Нагульнов из «Поднятой целины» — это мой любимый герой, борец за коммунизм»[21].

О влиянии произведений Шолохова на умы людей довоенной Польши хорошо сказала литературовед Ядвига Урбанская 26 января 1966 года, выступая в Краковском филиале Польской академии наук:

«В лице Шолохова мы приветствовали самого выдающегося представителя советской литературы, достойного продолжателя великой классической традиции. В Шолохове польские читатели видели зрелого, преданного коммунизму художника, умеющего с высоким мастерством воспроизвести судьбу близкой ему среды и борьбу широких народных масс, пафосом и драматизмом своих произведений взволновавшего умы и воображения не только советских читателей, но также и представителей других народов. Все это убедительно говорит нам о том, что даже тогда, когда политические условия не всегда благоприятствовали справедливому подходу к достижениям советских писателей, творчество Шолохова в довоенной Польше оценивалось самой высокой мерой — мерой писателя-классика»[22].

IV

Правящие круги Польши в своей внешней политике вскоре взяли курс на сближение с фашистской Германией вопреки призыву знаменитого поэта Юлиана Тувима: «С любой Россией против любой Германии»[23]. С 1936 года цензура варшавской

«санации» вновь повела решительную борьбу против всего советского. Роман «Чапаев» Д. Фурманова был изрезан цензурой, «Бруски» Ф. Панферова конфискованы в магазинах, а «Хлеб» А. Толстого (в 1939 г.) запрещен к изданию!

Длительное время мы не могли разыскать в Польше образца первого издания «Поднятой целины» в переводе Г. Пилиховской. Но вот Владислав Мергель, польский журналист из Гданьска, посетив Ростов, написал о шолоховской выставке (в газетах «Культура» и «Политика» — Варшава), и через две недели из-под Кракова (Мысленица) учитель Эмиль Бель и ученик средней школы Марюш Мруз из Быдгоща прислали нам совершенно уникальные, ветхие и зачитанные экземпляры этого романа. На одной из книг сохранился штамп довоенных времен Библиотеки комиссариата пограничной охраны Камень-Поморски. Марюш Мруз сообщает: «Камень-Поморски стоял (в 1939 г.) на польско-немецкой границе и подвергся первому удару войны. Гитлеровцы сразу же подожгли библиотеку городка и ее книги горели. А моя мама со своим братом тогда с риском для жизни спасла некоторые книги, вырвала из огня, между прочим, и два томика «Поднятой целины» М. Шолохова, которые я вам дарю на выставку»[24].

* * *

Только после освобождения Польши Советской Армией широкие массы читателей наконец получили свободный доступ к советским книгам.

В 1948 году в издательстве «Читатель» вышел в свет в четырех томах роман «Тихий Дон» (перевод А. Ставара и В. Роговича). После войны «Тихий Дон» издавался десять раз общим тиражом 225 000 экземпляров, а «Поднятая целина» (первая книга) в переводе А. Ставара столько же раз при тираже в 308 000 экземпляров.

Со временем были переведены и изданы массовыми тиражами «Донские рассказы», «Судьба человека», главы из романа «Они сражались за Родину», вторая книга «Поднятой целины», сборник очерков и публицистики М. Шолохова «Слово о Родине».

В послевоенные годы польская пресса уделяла много внимания творчеству Шолохова. Самые ранние журнальные статьи (1947—1948) принадлежали советским авторам И. Лежневу («Михаил Шолохов» в «Кузнице») и С. Машинскому («Автор «Тихого Дона» М. Шолохов» в «Дзенник литерацке»). Позднее в журналах появляются крупные статьи Анджея Брауна «Казачья эпопея»[25], Романа Карста «М. Шолохов»[26], Здислава Врубеля «М. Шолохов»[27]. В названных и многих других статьях

польские критики дали высокую оценку «Тихому Дону» и всему творчеству советского классика. Вместе с тем они характеризовали трагическую судьбу Григория Мелехова как судьбу «отщепенца», падшего и гибнущего человека.

Потребовались годы и годы, чтобы новые польские критики, наконец, заговорили о шолоховской эпике иначе.

Пожалуй, самое большое звучание в польской Шолоховиане в конце пятидесятых годов приобрела статья Ержи Ленарчика «Спор о «Тихом Доне», напечатанная в журнале «Славия Ориенталис», в которой он знакомит польских читателей с интерпретацией образа Мелехова в советской критике (1957—1959).

Во-первых, Е. Ленарчик отметил антинаучность концепции о том, что Григорий Мелехов — «отщепенец», «ренегат», «ландскнехт», что это слишком упрощенная трактовка образа Мелехова. Во-вторых, Ленарчик заявил, что между сторонниками концепции «отщепенства» и защитниками концепции «исторического заблуждения» гораздо больше принципиального сходства, нежели различий. В-третьих, судьба наказала Мелехова, высказывает собственные положения критик,— это обобщенный образ «судьбы простого человека, которого мучит вечная тоска по правде и справедливости и который активно ищет своє место в жизни». По мнению Ленарчика, «образ Григория Мелехова выходит далеко за рамки узко понятой критиками «типичности», его судьба становится обобщенной историей «маленькой песчинки»... которая бурей событий загоняется в центр больших сражений современности за преображение мира». Но это, в свою очередь, приводит Ленарчика к ошибочному положению: «Извечный конфликт «человек и история», который в переломные времена жестоко врывается прежде всего в человеческую жизнь, стал центром внимания Шолохова»[28].

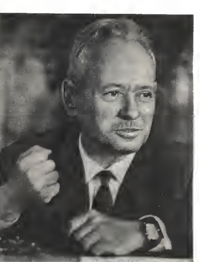
Значительный интерес представляла и яркая статья писателя Богуслава Когута («Жице литерацке», июнь 1955 г.), в которой он попытался дать ответ на вопрос, почему же «Тихий Дон» так актуален и читаем во всем мире. По его мнению, «шолоховская правда выходит далеко за пределы среды и народа, в котором она родилась», она приобрела всемирное звучание, международный вес, стала мерилом идейных и нравственных ценностей для читателей и писателей. «Тихий Дон»,— писал Б. Когут,— почти на каждой странице заставляет грустить и размышлять. Мир Шолохова — это мир, мимо которого нельзя спокойно проскользнуть и пронести нетронутым и неомраченным зеркало собственных представлений. Здесь, как у истоков человеческого бытия — у любви и ревности, у радости и горя, у героической или трусливой смерти,— над всеми этими делами (о которых каждый мыслящий имеет свое понятие) приходится

Одно из первых изданий «Тихого Дона» в Москве с портретом М. Шолохова (1929).

«Неудачник Щукарь» (главы из «Поднятой целины» в переводе на немецкий язык Л. Мареш). Ростов-на-Дону, Азчериздат, 1934.

НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В БЕРЛИНЕ (1964)

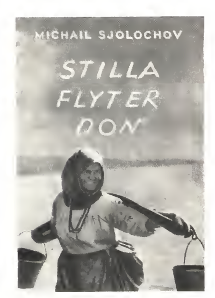
Шолохов доказывает...



Шолохов возмущается...

Шолохов предупреждает .

Шолохов доволен...

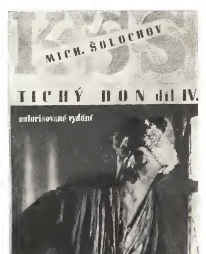


Первое шведское издание «Тихого Дона». (Стокгольм, «Тиден», 1930)

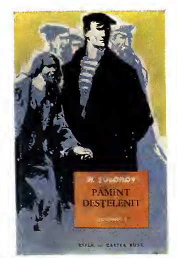
М. А. Шолохов беседует с французскими крестьянами в предместье Парижа (1959).

Генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез и Михаил Шолохов на XX съезде КПСС.

М. А. Шолохов в Праге (1959).



Седьмая часть «Тихого Дона», выпущенная издательством «Сфинкс» (1940) в оккупированной фашистами Праге.

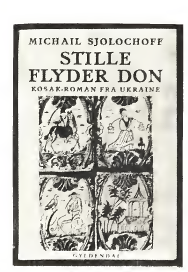


Румынское издание «Поднятой целины». Бухарест, «Картеа Руса», 1960.

Болгарский литературовед Спас Попов
у М. А. Шолохова. 1974.

Первое болгарское издание
второй книги «Тихого Дона»
(София, 1934)

Профессор Мерилендского университета (США) О. Феррер в гостях у М. А. Шолохова. 1964.



Первое датское издание «Тихого Дона». («Гюльдендаль», 1932).

М. А. Шолохов в костюме доктора прав Сент-Эндрюсского университета (Англия, 1962).

Испанское издание «Тихого Дона» (Барселона, «Хосе Ханес», 1966).

приостановиться и думать снова и снова! Думать? Не только это. Надо ревизовать собственные представления о формировании человеческих чувств, ревизовать и понятия о деяниях, ушедших в небытие... И мы задумываемся уж в который раз, не по-бухгалтерски, а по-человечески, каких жертв стоила революция, та самая революция, о которой так легко говорят сегодня, как о деянии завершенном...»[29].

Интересные мысли высказал и критик Ришард Пшибыльский в польской «Современной энциклопедии» (т. 2, 1959), в статье «Шолохов М. А.». Называя «Тихий Дон» эпопеей, в которой «подытожен опыт величайшего исторического события XX века — Советской Октябрьской революции», критик далее подчеркнул, что «шолоховский роман заключает в себе огромное богатство человеческих впечатлений», «правду художественного обобщения», «комплекс рождения новых условий» и что «Тихий Дон» «надо рассматривать как «Одиссею» нашего века». Однако там же Р. Пшибыльский допускает ошибку, когда пишет, что «тема романа лучше всего выражается словами: «трагическая борьба человека с историей», которая «уничтожает казачьи обычаи, любовь, покой»[30].

В связи с тем что Лепарчик и Пшибыльский под «историей» подразумевают в конечном счете и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, мы считаем их тезис неприемлемым. Дело в том, что Человек с большой буквы — рабочий и крестьянин — труженик, в ходе революции сбрасывающий с себя ярмо эксплуататоров, не может вступать в конфликт с революцией, которая дает ему в руки впервые в истории власть, все средства производства, достижения культуры для построения нового мира и оружие для защиты своих завоеваний от посягательств сил реакции и контрреволюции. К тому же революция уничтожает не абстрактные «казачьи обычаи, любовь и покой», а обычаи реакционные, любовь — продажную, покой — богачей-эксплуататоров. Наша революция рассматривала и решала все вопросы политики, экономики, права, морали и обычаев с классовых, интернационалистских позиций, с учетом местных условий и национальных особенностей.

Польские шолоховеды пытаются разрабатывать философские аспекты проблематики «Тихого Дона», определить его общечеловеческое значение. Так, например, критик Анджей Киёвский в статье «Тихий Дон» — после переделок», отмечая глубокий гуманистический пафос романа, писал: «Философия Шолохова распространяется дальше, чем только на близкие цели. В революции он видит больше, чем только столкновение двух враждебных классовых сил. Он прежде всего видит моральное испытание человека. Мир должен перенести и выдержать это испытание...»[31]

В 1965 году в Польше вышла в свет книжка Збигнева Бараньского «Тихий Дон» Михаила Шолохова» для нужд средней школы.

В книжке З. Бараньского заслуживает внимания раздел «Григорий Мелехов и его интерпретация», в котором кратко изложены взгляды советских и польских критиков.

З. Бараньский во всем придерживается точки зрения Е. Лепарчика и более распространенно рассуждает о «столкновениях Григория Мелехова с историей». По его мнению, первое столкновение «человека с историей» произошло в 1914 году на войне. Цитируя Шолохова (глава IV четвертой части), З. Бараньский подчеркивает, что там, на войне, Григорий «бесповоротно утратил то сочувствие к человеку, которое угнетало его в первые дни войны», что Григорий «бунтует против царящих обычаев и традиций, но этот протест касается только узкой сферы личной жизни», что Григорий «не в состоянии порвать со всем укладом казачьей жизни, опирающимся на право частной собственности», что у этого героя будет много столкновений с историей, которые еще более «усугубят его одиночество и чувство противоречия», что он будет пытаться «повернуться спиной к этому враждебному, непонятному, кипящему ненавистью миру», будет искать себе тихую гавань, но история ему в этом откажет, так как «во время великих бурь и исторических потрясений укрытия нет»[32].

И далее, цитируя высказывания критика Ришарда Пшибыльского, Бараньский утверждает: «...пропадает мир, в котором человек имел возможность отгородиться от исторических событий. Становится легендой время, когда безнаказанно пренебрегали деятельностью... Шолохов в «Тихом Доне» рассеивает мечты героя, он говорит об ответственности человека перед историей, которая не признает субъективных соображений одиночек. В конечном счете берутся в расчет только факты, только объективные результаты поступков. За ошибки надо отвечать и платить высокой ценой... Такова логика истории... И в этом одна из историко-философских концепций романа»[33].

В то же время критик З. Бараньский высказывает мысль о том, что «Григорий Мелехов не только виновник, но одновременно и жертва истории, которая не облегчила ему нахождения своего места в мире... В Конармии Буденного к нему отнеслись с недоверием, в хуторе Татарском Мишка Кошевой смотрит на него с подозрительностью. Мелехов не встретил на своем пути ни одного человека, который с готовностью протянул бы ему руку помощи, понял бы его колебания и душевный разлад. И это усугубляет трагедию героя, запутывает и без того запутанную его судьбу»[34].

Мы не можем принять выводы польских критиков о Мелехо-

ве, который якобы столкнулся с историей после революции, который является «жертвой истории». Эпоха, история меньше всего повинны в колебаниях середняка-труженика Мелехова. Но критик прав, конечно, когда он говорит о конкретных обстоятельствах: Григорию действительно не протянули руку в тех случаях, когда он нуждался в этом, когда он был на нашей стороне. Колебания Григория постепенно привели его к той подозрительности, которая ярко изображена в романе. Правда, некоторые критики не хотят почему-то замечать этого.

И критик Бараньский правильно пишет, что «выводы и размышления героев в «Тихом Доне» обобщаются лирическими авторскими отступлениями, играющими важную роль в подчеркивании философской проблематики романа, в постижении дум о жизни человека, ее мимолетности, ее запутанности и неизведанности...» Словами Шолохова «Кто зайдет смерти наперед?» заканчивает свои раздумья над «Тихим Доном» З. Бараньский: «Кто разгадает конец человечьего пути?»[35]

* * *

Польские критики и литературоведы посвятили творчеству Шолохова много статей. Важно отметить, что в них все шире исследуется и разрабатывается богатая и неисчерпаемая, как сказал один из критиков, «золотая жила» новой русской литературы — философская и психологическая глубина, историзм, метод писателя, язык и стиль.

V

В наше время творчество М. А. Шолохова завоевало огромную популярность в польском народе, оказывает влияние и на творчество польских писателей.

В статье «Сквозь призму величественной эпики» Мелания Керчиньская в 1958 году в «Новой культуре» писала: «Поднятую целину» Шолохова всюду ценят и принимают как испытанного друга», «этот роман летописца современности помогает нам объяснить и понять множество трудных для нас идеологических и художественных проблем»[36]. А критик Вальдемар Кивилжо в статье «Шолоховская школа эпики» в 1960 году в журнале «Знание и жизнь» говорил о значении опыта и мастерства писателя для польских литераторов: «Книги Шолохова до сего дня сохраняют не только ценность исторических свидетельств, они имеют столь живое содержание, что остаются для нас открытыми книгами жизни»[37].

7*

* * *

В связи с 60-летием М. А. Шолохова редакция «Польского обозрения» в 1965 году обратилась к своим писателям с вопросом: «Какие достоинства автора «Тихого Дона» поставили его творчество в ряд величайших явлений мировой литературы?»

Вот выдержки из некоторых ответов:

«Творчество Михаила Шолохова,— пишет известный польский поэт Станислав Гроховяк,— а в особенности его главное произведение — «Тихий Дон» поражает современного писателя не только эпическим размахом, не только огромной писательской изобретательностью, но и смелостью самого замысла... Успех Шолохова должен научить нас смирению, когда мы размышляем о так называемом новаторстве... Я думаю, что молодые писатели не перестанут искать новые средства выражения, способы революционизирования писательской техники и, думаю, что всегда, когда охватит их чувство пустоты, чувство поражения, всегда испытываемое смелыми, они обернутся и возвратятся хотя бы ненадолго к опыту Шолохова, как возвращаются к великому, неисчерпаемому морю. Назовем его Морем мудрости»[38].

«Каждый раз, когда я думаю о Шолохове,— ответил писатель Анатоль Стерн,— передо мной возникает облик писателя, не согласившегося в трудные годы истории своей родины пойти на компромисс... Он не предал свое художественное видение мира, показал нам без прикрас потрясающую эпопею рождавшегося в муках Советского государства, когда самые близкие люди, братья становились врагами. Есть в этой казачьей трагедии что-то от античной трагедии, есть в ней что-то и от его великого земляка Гоголя... Для нас, писателей, автор «Тихого Дона» есть и остается великолепным примером творца, верящего в свою историческую и общественную миссию, глубоко убежденного, что эта миссия налагает на него прекрасную обязанность помогать человеку на его трудном пути»[39].

«Двумя качествами, как мне кажется, открывает Шолохов сердца читателей,— отвечает писатель Станислав Зелиньский,— изумительным знанием вещей и людей, а также искренностью чувств. У Шолохова все правдиво: блеск сабли и топот коня, чувства и страсти. Шолохов плачет над каждым казаком, вместе со своими героями переживает поражения и победы. Шолохов любит свой край, делит с ним все радости и горести. И, наверное, поэтому так хорошо понимают его, даже далеко от Дона, читатели, которые никогда не видели ни казаков, ни великой реки. Несмотря ни на что, современный человек тоскует по искренним чувствам, по горькой правде»[40].

В 1965—1966 годах был проведен всепольский читательский

конкурс «Золотой колос», организованный редакцией газеты «Дзенник людовы», Министерством культуры, Союзом сельской молодежи и Варшавским Домом книги. Редакция «Дзенник людовы» разослала подписчикам, в сельские клубы, библиотеки и читальни огромный плакат с портретами и биографическими справками 20 польских и 8 знаменитых иностранных писателей. По условиям конкурса читатель должен был не просто назвать любимого писателя и понравившееся ему произведение, но в своем письме обосновать, почему этот автор и его произведение так дороги ему. По всей Польше проходили читательские конференции с участием писателей и артистов, которые читали отрывки из произведений.

Редакция газеты «Дзенник людовы», проводя огромнейшего масштаба (пожалуй, невиданную в других странах) организаторскую и просветительную работу по пропаганде творчества своих и зарубежных писателей, систематически печатала отчеты о конференциях. И всюду, где заходила речь о Шолохове, самые широкие круги читателей давали его творчеству исключительно высокую оценку. В номере газеты от 21 ноября 1965 года конкурсу «Золотой колос» посвящена была целая страница под аншлагом «Сердечно о Шолохове».

«...Как мы уже информировали читателей (главным образом участников «Золотого колоса»),— сообщает «Дзенник людовы»,— 14 ноября в двух селах Люблинского воеводства состоялись вечера-дискуссии, посвященные творчеству Шолохова. Первая встреча состоялась в Яновце. Яновец — это старый, более чем 500-летний городок. Войчех Жуковский говорил о Шолохове и о себе. После него Войчех Семен читал отрывки из «Тихого Дона». Была тишина, какую трудно описать. В этой тишине умирала Аксинья на руках Мелехова. Тишина окончилась, когда слово предоставили зрительному залу.

С чувством гордости мы узнали, что жители Яновца читали и знают не только «Тихий Дон», но и «Поднятую целину», «Судьбу человека» и «Донские рассказы». Ежеминутно выдвигались такие сравнения: Сенкевич и Шолохов. Сходство и различие. А в итоге — кто из них и чем велик. Поскольку Нобелевская премия была присуждена обоим, это помогло поставить писателей в один ряд. В зале возникали вопросы за вопросами»[41].

Вот еще одна заметка из газеты «Дзенник людовы» с отзывами читателей:

«...После полудня мы встретились с жителями Гардзенииц,— сообщает корреспондент этой газеты.— Гардзеницe — это лауреат нашего конкурса... Здесь активно действует народный университет. В его большом зале собрались слушатели. Половина зала — ученики. Другая половина — местные жители,

крестьяне и их жены. Все были под впечатлением недавно прочитанных книг и недавно просмотренного кинофильма «Тихий Дон».

Вот кратко о ходе дискуссии. Станислава Мерская: «Врезалось мне все в память. Очаровало. Книжки Шолохова не читаются, а проглатываются». Станислав Винярский: «Тихий Дон» — это правда о классовой борьбе. Правда, поэтому она всем близка». Данута Пискорская: «Судьба человека» так волнует, что не хватает слов об этом сказать». Казимеж Шинкарук: «Я читал «Тихий Дон». Тихий Дон... Это звучит так спокойно. Но внутри — кровь, борьба, казни. И слезы. Этот контраст держит в напряжении, приковывает внимание. Я парень, но при чтении у меня были слезы на глазах...» Секретарь советского посольства сказал: «Ваш конкурс длится уже четыре года. Он является доказательством того, что в наших социалистических странах книга стала настоящим другом человека». Заведующая местной библиотекой просила передать сердечный привет и благодарность Шолохову от Гардзениц за его творчество»[42].

В мае 1966 года были подведены итоги этого невиданного читательского конкурса «Золотой колос — творцу, серебряный — читателю».

19 мая 1966 года «Дзенник людовы» на первой странице сообщила о том, что в конкурсе приняли участие 401 276 читателей и что победителями-лауреатами конкурса читатели признали советского писателя Михаила Шолохова и польскую писательницу Софью Налковскую.

На первой странице этого номера газеты под портретом нашего земляка-писателя опубликован «Лист до Шолохова», перевод которого мы ниже и публикуем:

«Товарищу М. А. Шолохову

СССР. Станица Вешенская.

С искренней радостью сообщаем Вам, дорогой и уважаемый товарищ М. А. Шолохов, что в конкурсе текущего года, в котором приняло участие свыше 400 000 сельских читателей, 160 533 признали «Тихий Дон» близким их сердцу и более других заслуживающим пальмы первенства среди многих произведений современной зарубежной литературы, переведенных на польский язык.

На втором месте оказалась книга Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» — 81 000 голосов, на третьем — «Седьмой крест» А. Зегерс — 38 000 голосов, на четвертом — «Чума» А. Камю — около 31 000 голосов.

Мы не можем Вам переслать эти свыше 160 000 отзывов и обоснований, почему они так любят «Тихий Дон». В большин-

стве своем читатели единодушно отмечают такие черты Вашего мастерства: силу таланта, реализм в описании фактов, явлений жизни и людей, умение ярко и тонко выразить человеческие чувства, глубокий патриотизм, уважение и любовь к человеку. Всюду в отзывах повторяется: «Шолохов пишет правду... Это писатель, который может растрогать... Это писатель, которому веришь».

Статуэтку «Золотого колоса», как символ признания Вашего творчества более чем ста шестьюдесятью тысячами польских читателей, передаем Дому советской культуры в Варшаве. с просьбой вручить Вам лично в соответствующем месте и в соответствующее время.

Горячо просим, чтобы Вы, во время своих зарубежных поездок, посетили и Польшу, куда мы Вас от всего сердца приглашаем.

Знайте, у Вас тут, в Польше, особенно в польской деревне, очень много друзей и почитателей Вашего таланта»[43].

БОЛГАРИЯ

I

Тернисты были пути проникновения «Тихого Дона» и «Поднятой целины» М. Шолохова в Болгарии, придавленной монаршим троном...

Коммунисты Германии, выпустив в свет книгу — первый зарубежный перевод «Тихого Дона», затем печатали его в 20 окружных газетах с осени 1929 до лета 1930 года. Французская коммунистическая «Юманите», представив читателям Шолохова как «писателя-революционера, создавшего чудесный шедевр века», также публиковала его роман с 25 марта 1930 года из номера в номер.

В большой прессе Парижа, Праги, Стокгольма и других столиц Европы литературоведы уже «ломали копья» над судьбой Григория Мелехова и Аксиньи, сравнивая «Тихий Дон» с «Войной и миром» Льва Толстого, немецкие, французские, испанские издания романа Шолохова, ранее русских, проникая в другие страны, будоражили студенчество, прогрессивную интеллигенцию. К 1931 году слава «Тихого Дона» — «романа о красной буре» — достигла Японии и Китая, США и Индии; европейские политики, генштабы и разведчики уже изучали новый роман Шолохова — «Поднятую целину», выискивая в ней экономическую и военную уязвимость СССР, а в Болгарии, как и в других странах Балкан, «Тихий Дон» все еще был под запретом.

И тем не менее в этих тяжелейших условиях царского террора и политических преследований книги советских писателей — Горького, Шолохова, Серафимовича, Фурманова, Фадеева, Новикова-Прибоя и других — все же пробивались к людям борьбы и труда. Их несли в народ коммунисты, которые всюду — в Европе, Азии и Америке — были переводчиками, издателями и распространителями советской литературы.

Так было и в Болгарии. Как гласят документы истории, именно коммунисты — узники Софийской центральной тюрьмы — были первыми читателями и ценителями «Тихого Дона» в оригинале, на русском языке. Старый революционер Стоян Комбов в начале 1929 года, находясь в заключении, был свидетелем незабвенного события, когда к ним в тюрьму, тайными

путями, из красной Москвы, от члена ЦК БКП Николы Кофарджиева был доставлен пакет с советской литературой. Среди полученных книг оказались и два тома «Тихого Дона». Тяжко больной узник Антон Пруткин, коему выпала честь первому прочитать «Тихий Дон», пишет Стоян Комбов, «был потрясен романом и всех уверял, что он подобен «Войне и миру» Толстого» и что «когда роман Шолохова переведут на болгарский, то его красотою насладятся массы читателей»[1].

В 1960 году, приступив к сбору зарубежных документов для выставки «Тихий Дон» сражается с мировой реакцией и фашизмом», я неожиданно получил от ветерана завода «Ростсельмаш» П. К. Кузьмина пачку писем коммунистов-политэмигрантов, работавших в тридцатые годы на этом заводе. Одно из них сообщает любопытные сведения о «Тихом Доне» в Болгарии.

«Дорогой Мет!—писал венгерец Людвиг Сюч в марте 1935 года из Москвы в Ростов-Дон мастеру высокой культуры труда, члену Американской компартии, сербу Мету Бланчу.— Начну с самого главного. В твоей Югославии о «Тихом Доне» еще никто ничего не знает. А пресса будто в рот воды набрала. Понял? В Италии, Румынии и Греции — такая же картина. Монархам и фашистам «Тихий Дон» страшен больше землетрясения. И потому в мире идет (говоря по-твоему) — borba pro et contra Шолохов*.

В Болгарии в прошлую осень одна газета (в Софии) печатала главы из «Тихого Дона». Вскоре ее закрыли. В наших кругах полагают, что от страха. Чего страшится реакция? 1. Правды о советской революции. 2. Что «Тихий Дон» вселит нейтральность в белых казаков. А этот резерв Антанты есть порох, ударный кулак против СССР. 3. И что «Тихий Дон» заполонит сердца болгар. Кстати, первый советский посол Ф. Раскольников — красный адмирал и писатель,— говорят, повез с добрым умыслом в Софию кинофильм «Тихий Дон».

В коминтерновских верхах роман Шолохова котируют очень высоко. Считают, что у славян он может делать пропаганду большей мощи, чем в Париже.

Мой товарищ серб (недавно прибыл из Югославии через Грецию и Францию) сидел в Плевене в тюрьме. Там видел, как узники из каравая хлеба (полученного с воли) вынимали хитро скрытую московскую речь Георгия Димитрова (от 17 мая 1934 года) и вестник с главами «Тихого Дона». Болгары жаждут узнать, как это братья Иваны — русские — сбросили с трона царя в шахту и почему казаки брали атамана Каледина за жабры, а он застрелился? В этом гвоздь интереса к роману «Тихий Дон». Все хотят знать, как большевики делали револю-

* Борьба «за» и «против» Шолохова.

цию... Итог, Мет, ясен. Не только Болгарии и славянам, но и другим народам «Тихий Дон» несет свет с земли обетованной!»[2]

Невелико это письмо, но как много в нем сказано о революционном воздействии «Тихого Дона» на читателей за рубежом, об отношении к нему в коммунистических и прогрессивных кругах, а также в лагере реакции. Из этого же письма мне впервые стало известно, что бывший командующий Вешенским восстанием на Дону (1919) Павел Кудинов (действия которого в «Тихом Доне» отражены в 16 главах!) в 30-е годы проживал в Болгарии и что тогда же московское издание «Тихого Дона» греки-контрабандисты через Стамбул переправляли в Болгарию казакам-эмигрантам. И эти сообщения были по-своему ценны для истории.

В царские времена в Болгарии «ведущая роль в пропаганде советской литературы принадлежала компартии, ее прессе и литераторам-активистам Георгию Бакалову, Марко Марчевскому, Людмилу Стоянову и другим»,— писал мне старый коммунист-подпольщик Стоян Стоименов, директор Музея революционного движения в Софии[3].

Сборник материалов, воспоминаний и документов «Советская литература в Болгарии» (София, 1961) дает нам множество ценнейших подтверждений огромной роли компартии в ознакомлении болгарского народа с произведениями А. М. Горького, В. В. Маяковского, А. С. Новикова-Прибоя, Н. А. Островского и многих других советских писателей. В этом сборнике опубликовано также много документов о проникновении в Болгарию книг М. А. Шолохова.

В частности, там сообщается о торжественном собрании прогрессивной общественности Софии (август, 1934), посвященном установлению дипломатических контактов между Болгарией и СССР, где был показан кинофильм «Тихий Дон», позже открыто демонстрировавшийся в кинотеатре «Роял».

«То был праздник для всех, с жадностью смотревших советский фильм,— писал в 1964 году свидетель этого триумфа Чудомир Петров, заместитель председателя Комитета дружбы и культурных связей Болгарии.— Шолохов еще не был известен у нас, но тематика и проблемы романа взволновали всех... Я дважды смотрел картину с величайшим восторгом... То был успех не только фильма О. Преображенской и И. Правова, но также и автора романа М. Шолохова»[4].

С этого, собственно, и началось вступление прославленной книги на болгарскую землю. Но чтобы издать «Тихий Дон» в те годы в Болгарии, надо было преодолеть много препятствий.

Вот за это трудное дело и взялся коммунист, выдающийся болгарский критик, публицист, член-корреспондент Академии наук СССР Георгий Бакалов. «Страстно влюбленный в творчество Шолохова,— пишет партийный подпольщик тех лет Стоян Стоименов в книге «Страницы их жизни»,— Георгий Бакалов первый проявил тут инициативу, «пробил брешь» в цензуре и открыл путь к изданию «Тихого Дона», как его первый переводчик и редактор»[5]. Георгий Бакалов нашел и издателя — Стоичко Василева, имевшего кустарную типографию, в которой он сам был наборщиком и печатником.

Как сведущий современник тех событий, Стоян Стоименов в своей книге «Страницы их жизни» утверждает, что роман Шолохова «Тихий Дон» сперва выпускался брошюрами (по 16 страниц каждая), которые «распространяло газетное агентство «Курьер», где Бакалов пользовался глубоким уважением главы акционерного общества Паскалева», и что софийской общественности было «хорошо известно о подготовке Г. Бакаловым издания трех книг «Тихого Дона»[6].

Но неожиданно в это дело вмешались анархисты. «Руководствуясь спекулятивными соображениями,— отмечает в указанной книге Стоян Стоименов,— вопреки практике, принятой во всех цивилизованных странах, газета «Ново време» (как-то оперецив Бакалова) начала печатать подвалами сразу второй том «Тихого Дона» в переводе Г. Жечева, бывшего редактора-издателя анархистской газеты «Мысль и воля»[7].

Фотодокументы болгарской прессы свидетельствуют о том, что «Ново време» приступило к публикации «Тихого Дона» 2 сентября 1934 года с книги 2-й (часть четвертая).

В беседе со мною поэт и переводчик Георгий Жечев в марте 1965 года, как и в своей статье в журнале «Септември» (1958, № 11), заявил, что они тогда печатали роман Шолохова с четвертой части потому, что хотели «поскорее дать читателям хотя бы отрывки, обрезанные цензурой главы «запрещенной книги», «дать самое животрепещущее — свержение царя»[8].

Несомненно, этот довод Г. Жечева убедителен. Однако страницы «Ново време» от 19 августа и 1 сентября 1934 года, в которых редакцией газеты дана реклама на предстоящую публикацию «Тихого Дона», вызывают недоумение[9]. Во-первых, почему редакция скрыла от читателей тот факт, что начинает публикацию романа не с первой, а с четвертой части? Во-вторых, почему редакция отступила от общепринятой литературной практики и не сообщила читателям ничего о замысле Шолохова, о судьбе главных персонажей, о содержании первой

книги, которая в переводе Г. Бакалова (брошюрами в 16 страниц) уже распространялась в Софии газетным агентством «Курьер»?

Все это дает основание сказать: Стоян Стоименов прав, утверждая, что анархисты, не считаясь с литературными нормами, преследовали одну цель — вырвать из рук Георгия Бакалова и Компартии Болгарии инициативу первооткрывателей и издателей знаменитого советского романа.

Необходимо отметить благородство Георгия Бакалова, который, «пробив брешь» в цензуре и организовав с печатником Стоичко Василевым выпуск первой книги «Тихого Дона», затем (руководствуясь соображением объединения сил) установил деловой контакт с поэтом Георгием Жечевым, привлек его для перевода второй и третьей книг романа.

— Георгий Бакалов был у нас не просто крупнейшим авторитетом в литературе,— подчеркнул в беседе со мной в 1965 году Г. Жечев.— Он обладал колоссальной энергией. Когда цензура закрыла наш вестник «Ново време», запретив нам печатать последние десять глав второй книги «Тихого Дона», я думал, что все пропало... Но вот тут-то коммунист Бакалов и проявил свою железную волю, и в «Контролата по печати», то есть в цензуре, сумел отстоять право на издание (с некоторыми сокращениями) всех трех книг «Тихого Дона». Он нашел и Стоичко Василева. Это был коммунист, законспирированный под мелкого собственника-издателя. Светлая фигура в рабочем движении, скромный и неистовый в работе, Стоичко был истинным героем подполья! Без коммуниста Стоичко Василева мы, пожалуй, нескоро смогли бы выпустить первое издание романа Шолохова. На улице Царь Шишман, 24, у него была хатка на курьих ножках, а в ней помощник-мальчишка и типография, в которой он печатал на потребу базара рекламы, афиши, прейскуранты... Он был наборщик, корректор, машинист-печатник, переплетчик и издатель. Сам носил в цензуру рукопись перевода по главам до набора и в верстке... И в цензуре боролся за каждое слово Шолохова, когда там рубили текста больше, чем было условлено Георгием Бакаловым с главным цензором!..

— Что же «рубила» цензура? — спросил я переводчика.

— Всего не перечтешь,— ответил Жечев.— Все антицаристские, антивоенные суждения. Помните, в первой книге «Тихого Дона» горячие споры Гаранжи с Мелеховым, посещение их больницы императорской особой с иконками,— так вот эти сцены, и всё, что осуждало войну, царизм, правителей-грабителей,— все это тщательно изымалось. Во второй книге вычеркнули высказывания Бунчука о диктатуре пролетариата в споре с есаулом Листницким. Полностью изъяты цитаты Ленина о революционной ситуации, большевистское воззвание к солдатам

и вся тридцатая глава — расправа белых палачей с отрядом Подтелкова... Курьезно было то, что цензоры уже в верстке рубили не только политический текст, но и художественный или пейзаж, в коих не таилась никакая тенденция.

Зная по статье самого Г. Жечева в «Септември» (1958, № 11) о его распрях с Бакаловым, я спросил переводчика:

— Что же вы считаете самым отрадным в совместной работе с первооткрывателем Шолохова в Болгарии?

— Прежде всего то,— задумчиво ответил Георгий Жечев,— что, вопреки препятствиям реакции и нашим разногласиям, мы к весне 1935 года издали трехтысячным тиражом три тома «Тихого Дона», который был нужен народу, как воздух и солнечный свет! Да, да! Шолохов своим романом принес нам Ex Oriente Lux — с Востока свет! Среди болгар и казаков-эмигрантов роман имел колоссальный успех. Казаки благодаря «Тихому Дону» переосмысливали свою судьбу, а болгары с верой и надеждой вдыхали ветер Октябрьской революции...

III

Выпуск в свет с ноября 1934 по март 1935 года — за пять месяцев — трех томов «Тихого Дона» — беспримерный подвиг! Полученные нами первоиздания книг Шолохова почти со всего мира свидетельствуют, что до войны такого быстрого издания, как в Софии, нигде не отмечалось!

Успех «Тихого Дона» в самых широких слоях читателей оказался поистине сенсационным. Каким было восприятие романа в народе, пожалуй, лучше других определил известный писатель Камен Калчев: «Я был просто ошеломлен, когда впервые прочел «Тихий Дон». Я был в восторге не только от художественного и эмоционального воздействия этого романа, но и от самого факта, что такую поэтическую книгу написал советский автор. Это наполнило меня благодарной гордостью, которую я не скрывал. «Нет, думал я, не пропало дело Толстого, не прервалась нить русских традиций, оставленных великими реалистами... Живы и Тургенев, и Чехов, и Короленко!» И как будто из огня революции возникло оно — как птица Феникс! — волшебное русское слово, и сияет алмазным блеском, с неповторимой красотой, наперекор всем пессимистам и самозванным пророкам, которые предрекали гибель культуры и искусства в Советской России»[10].

Буржуазная пресса, безудержно клеветавшая на молодую советскую литературу, «единодушно замолчала, пораженная изумительным мастерством Шолохова», умолкла, по словам газеты «Литературен фронт», от зависти и ярости. В это время стражи трона — прокуроры, полиция, цензоры — вновь стали

так «закручивать гайки», что в левой прессе о «Тихом Доне» пробилось в свет лишь три отклика.

Первый из них (с фотоснимком Шолохова) напечатал Г. Жечев в декабре 1934 года в своем журнале «Мысль и воля», где назвал роман «Тихий Дон» «шедевром» и «эпохальным произведением» и сравнил его с «Войной и миром» Л. Толстого[11].

По сообщению Г. Жечева, «цензура было запретила печатать эту статью о Шолохове и его фотоснимок». И только после подачи «прошения шефу — директору цензуры — и настойчивого протеста удалось добиться разрешения на публикацию этих документов об авторе «Тихого Дона»[12]. Затем в «Литературен преглед» (1934, № 12) неведомо как прорвалась испорченная цензурой статья советского критика В. Гоффеншефера. И наконец, в феврале 1935 года левый журнал «Нова литература» (редактор Г. Бакалов) опубликовал небольшую статью, в которой дана высочайшая оценка роману*: «Тихий Дон» представляет собою широкое полотно казацкой жизни до войны, в революцию и после нее. Повествование в стиле Толстого принесло молодому автору мировую славу великого романиста. Размах его «Тихого Дона» — гениален, образы смелы и необычны, язык сверкает изобилием нюансов. По богатству языка Шолохов напоминает Шекспира!»[13]

Вот, собственно, и все, что было напечатано о «Тихом Доне» в Болгарии к весне 1935 года. Но именно эти авторитетные и верные оценки большевистского романа привели в ярость реакцию. Ведь столько раз царская и буржуазная пресса твердила об упадке культуры и искусства в красной России. И вдруг — Шолохов! Да еще ставится в ряд с Толстым и Шекспиром!

В подобных статьях левой прессы власти увидели крамолу, грозящую устоям трона. Поэтому новое (монархо-фашистское) правительство спешно издало «Приказ № 14» от 7 марта 1935 года об искоренении коммунистических идей. Архивы Софии хранят документы о том, как уже 8 апреля 1935 года политическая полиция учинила погром в типографии Стоичко Василева, конфисковав весь тираж «сомнительной русской книги «Тихий Дон» Шолохова»[14].

В сборнике «Советская литература в Болгарии» (София, 1961) опубликована «Мольба-прошение издателя Стоичко Василева к прокурору» от 18 апреля 1935 года, в которой разоблачается произвол властей.

«Как мелкий собственник,— писал Стоичко Василев,— я вложил в издание «Тихого Дона» все свои сбережения... И книга «Тихий Дон» М. Шолохова не может попасть под удар «Закона о защите государства», так как, прежде чем переводить

* Согласно болгарским библиографическим источникам автором этой статьи был сам Г. Бакалов.

роман, его оригинал был представлен на просмотр в учреждение по контролю за печатью. И каждая брошюра (глава) перед сдачей в печать снова представлялась в цензуру, где все снова просматривалось и что не нравилось — «зачерква» (изымалось)»[15].

Как видим, хотя все было соблюдено в соответствии с законом, «Тихий Дон» Михаила Шолохова все-таки оказался в полиции. Апелляционный суд в Софии, разобрав жалобу мелкого собственника-издателя Стоичко Василева, отменил незаконные действия полиции.

Софийский прогрессивный вестник «Литературен преглед» 19 апреля 1935 года по этому поводу опубликовал краткую, но в высшей степени важную заметку, которая прозвучала на всю страну как мощный удар по реакции и как победа прогрессивных сил на фронте культуры. Вот ее полный текст:

«**Освобожденная книга.** Роман Мих. Шолохова «Тихий Дон» прокурором освобожден в дирекции полиции, и третья книга снова все же пущена в продажу. Ищите его брошюры, как обычно, в киосках. Пропущенные брошюры второй и первой книг вам доставят из типографии — ул. Ив. Вазов, 13»[16].

Так шолоховский роман, израненный цензорами, побывавший под арестом в полиции и перед грозными очами прокурора и судей в Софии, наконец, вырвался на свободу, к людям труда и борьбы, для которых он был действительно светочем.

О том, насколько велик был интерес болгарских читателей к «Тихому Дону» и его автору, свидетельствует болгарская газета «Кормило», напечатавшая в конце 1935 года разъяснение своим подписчикам:

«...Многие читатели запрашивают издательство: когда же появится четвертая книга знаменитого романа «Тихий Дон». Сообщаем, что четвертая книга еще не вышла в свет и в России. Автор Михаил Шолохов еще работает над ее завершением. Как только она будет издана там, сразу же будет переведена и у нас»[17].

IV

О выходе в свет в России романа М. Шолохова «Поднятая целина» в болгарской прессе первая весточка промелькнула в декабре 1932 года в коммунистическом журнале «Звезда»[18]. Но издать этот роман тогда было очень трудно. Лишь через год газета «Рабочий литературный фронт» протащила через рогатки цензуры отрывок из XI главы «Поднятой целины» — о раскулачивании в Гремячем Логе. Затем в мае 1934 года эта газета напечатала начало IV главы — о собрании гремяченской бедноты [19], а немного позже в газете рабочей партии «Недельно эхо»

пробился еще один отрывок о споре Давыдова с секретарем окружкома о правом уклоне.

Как сообщает болгарский литературовед Христо Дудевски в книге «М. Шолохов» (София, 1965), даже одна буржуазная газета «Утро» в феврале 1936 года напечатала отрывок из «Поднятой целины» с описанием раздумий казака Кондрата Майданникова (начало XII главы). «Причины того, почему «Поднятая целина» нашла себе место в газете «Утро»,— писал Х. Дудевски,— объясняется прежде всего огромным интересом к Шолохову на Западе. В то время его имя не сходило со страниц буржуазной печати; его читали друзья Советского Союза и враги»[20].

Имя Шолохова гремело в Европе, Азии и Америке настолько звучно, что болгарские власти вынуждены были разрешить коммунисту-издателю Стояну Стоименову в 1936 году выпустить «Поднятую целину» в переводе писателя Марко Марчевского, разумеется, с цензурными сокращениями.

О характере этих «сокращений» уже после разгрома фашизма писатель Генчо Белев в одной из своих статей писал: «Поднятая целина» была изуродована цензурой до неузнаваемости»[21]. А сам переводчик М. Марчевский об этом сказал: «В начале романа красным карандашом цензора были вычеркнуты все реплики в споре Давыдова с секретарем окружкома партии, где упоминается имя Сталина. Были также полностью изъяты последние главы романа... Урезанный и изувеченный роман Шолохова пошел в печать. По тем временам это была наша большая победа»[22].

Литературовед, доктор филологических наук Христо Дудевски об этом сказал так: «Это был продуманный полицейский удар, направленный против романа... Сокращены были отдельные отрывки, выражения, изъяты из текста имена Ленина, Сталина, ВКП(б) и другие... Не давая авторского завершения первой книги и ставя «конец» на описании «бабьего бунта» (и избиения Давыдова), болгарская цензура хотела придать роману антисоветское звучание: выступают, мол, и крестьяне против колхозов... Но этими «соображениями» полиции и цензуры наш читатель 30-х годов не руководствовался. Он был счастлив и горд, что получил в руки уже второй крупный роман Шолохова, а вырезанные цензурой места читатель восполнял со страниц вестника «Поглед» или из советских изданий романа, все же проникавших в Болгарию»[23].

Мы можем к этому добавить, что цензоры Софии, вырезая последние семь глав из «Поднятой целины» и поставив «конец» на «бабьем бунте», равнялись на Париж! Ведь именно там белогвардейцы вместе с французской реакцией, в издательстве «Галлимар», еще в 1933 году выпустили в таком фальсифицированном виде этот роман!

Издатель Стоян Стоименов, опасаясь, как бы в цензуре не «перерешили» вопрос, принял все меры к быстрейшему выпуску «Поднятой целины» в двух томиках тиражом 2500 экземпляров. Несомненно, тираж был крайне мал, так как спрос читателей на советские произведения и в особенности на книги Шолохова был исключительно велик. По словам Ст. Стоименова, «Поднятую целину» люди не просто читали, но и изучали, образно говоря, готовы были проглотить ее с переплетом». Огромный интерес читателей к новому роману Шолохова, писал Ст. Стоименов, «взбудоражил полицию, и она распорядилась конфисковать «Поднятую целину». Но было уже поздно! Почти весь ее тираж был распространен». Попытки издательства «Нов свят» выпустить до 9 сентября 1944 года второе издание «Поднятой целины» были пресечены цензурой[24].

Выход в свет переводов «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в Софии оказал плодотворное воздействие на болгарское литературное движение. В ту пору на Западе, да и в Болгарии, буржуазные критики всячески прославляли модернизм — различные антиреалистические, декадентские течения (кубизм, сюрреализм, авангардизм и пр.) — и в какой раз хоронили реализм!

Романы Шолохова явились убедительным доказательством неувядаемой силы и неисчерпаемых возможностей реалистического метода в литературе. Болгары так и восприняли их. Мы полагаем, что именно поэтому литератор Крум Григоров в газете «Заря» 25 февраля 1936 года и выступил с небольшой (сокращенной цензурой) статьей о новом советском романе, в которой писал: «В «Поднятой целине» раскрылись все возможности художественного реализма».

Известный прогрессивный писатель Георгий Караславов в газете «Лик» 26 февраля 1936 года, отмечая всемирно-историческое значение коллективизации в СССР, назвал «Поднятую целину» «грандиозным произведением», в котором запечатлен невиданный в истории социалистический переворот на селе.

«Все человечество,— писал Г. Караславов,— с затаенным дыханием следило за этой борьбой двух сил — старого и нового в русской деревне... Всех волновал вопрос: кто победит? И это был вопрос не праздный. Нет, это был вопрос о жизни или смерти одной из двух общественно-экономических систем. Шолохов великолепно справился с труднейшей задачей. Сюжет его романа построен весьма искусно (мастерски). И эта необычно трудная и, на первый взгляд, неинтересная материя (тема рождения колхоза) под его пером оказалась захватывающей». Рассматривая образы Давыдова и Половцева, писатель Г. Караславов в заключение говорит о том, что «по своей художественной

и общественно-политической значимости «Поднятая целина» окажется «Тихим Доном» в мирном строительстве, где две противостоящие армии дают свое последнее сражение»[25].

Рецензент журнала «Нов свят» Г. Жечев (переводчик второй и третьей книг «Тихого Дона») — отдадим ему должное — подверг серьезной критике редакцию советского журнала «Октябрь» и напечатанную в нем (1933, № 2) статью Галины Колесниковой, которая обвиняла Шолохова в «надпартийности» и «объективизме», считала одним из «отрицательных качеств в творчестве писателя — его гуманизм». Георгий Жечев совершенно справедливо отметил, что редакция «Октября» и Г. Колесникова «поторопились обвинить молодого писателя (Шолохова) в пренебрежении классовой борьбой и партийной линией, в то время как роман «Поднятая целина» дает нам картину большевистской перестройки жизни, коллективизации, работы партийных активистов» и что «в ней, как и в «Тихом Доне», писатель дает объективно события, народ и действительность со всеми положительными и отрицательными явлениями в советской деревне». Однако там же Г. Жечев высказал ряд ошибочных суждений, в частности, полагая, что «Поднятая целина» «в известной степени является сатирой на советское строительство» и что «в «Поднятой целине» и «Тихом Доне» у Шолохова народ, действительность и события даны с таким проникновением, которое невозможно вместить в тесные рамки «партийного искусства»[26]. Как видно, Г. Жечеву в те годы трудно было понять, что отличительная особенность творчества Шолохова, новаторство его метода и стиля заключались именно в партийности, народности и высокой художественности и что эти качества не стесняли автора, не вступали в противоречия, не диссонировали, а под пером Шолохова явили нам и всему человечеству шедевры социалистического реализма.

Но наиболее глубоко и всесторонне рассмотрел и оценил «Поднятую целину» сам переводчик Марко Марчевский в газете «Кормило». Если «Тихий Дон» создавался с десятилетней дистанции, отмечал М. Марчевский, то «Поднятая целина» была написана по живым следам событий коллективизации и «окончательно доказала всем самобытность и огромную силу эпического таланта Шолохова».

Известно, что буржуазные критики, пропагандируя теорию «аполитичности писателя», «надклассовость его позиций», утверждали, что марксистско-ленинское мировоззрение, партийность якобы оказывают отрицательное влияние на творческую самобытность и объективность художника. Писатель Марко Марчевский, критикуя эти взгляды, говорит, что Шолохов в «Поднятой целине» мастерски продемонстрировал преодоление дистанции во времени и благотворное влияние марксизма-ле-

низма на творческую работу. М. Марчевский утверждал: «Люди, которые думают, что советский писатель с определенной идеологией не может правдиво отразить реальную действительность в художественной литературе, после прочтения «Поднятой целины» убедятся в обратном». По его мнению, причина успеха Шолохова заключается в том, что он «хорошо усвоил практические советы Фридриха Энгельса о том, что «чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства» и что «тенденция должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать». И далее, подробно анализируя действия, поступки и характеры Давыдова и Нагульнова, Половцева и Островнова, переводчик М. Марчевский называет их «классическими образами, которые навсегда останутся в памяти читателя»[27].

V

Царская цензура и полиция вели ожесточенную борьбу против Шолохова и его книг. Подтверждение этому мы находим в интересной переписке переводчика «Тихого Дона» Г. Жечева с вешенским чародеем художественного слова.

Так, 4 апреля 1938 года Жечев из Софии отправляет в ст. Вешенскую Шолохову заказной бандеролью три книги болгарского издания «Тихого Дона» и большое письмо. Спустя почти два месяца переводчик получает ответ из России:

«Уважаемый товарищ Жечев!

Ваше письмо от 4. IV я получил, но книги — к моему глубокому огорчению — нет. На мою телеграмму Международный почтамт в Москве мне сообщил, что ими будут предприняты меры к розыску книг. Для установления по документам пути прохождения посланной вами бандероли Межд. почтамту необходимо знать номер бандероли и дату отправления из Софии. Очень прошу Вас сообщить мне эти сведения. Одновременно с этим прошу Вас обратиться к Вашему почтовому ведомству, так как книги могли быть задержаны в Болгарии.

4-ю книгу «Тихого Дона» по выходе из печати пошлю Вам, а что касается книги Кубанина — думается мне, что достать ее будет довольно трудно ввиду того, что книги у нас в Союзе не лежат в магазинах больше нескольких часов. Во всяком случае, будучи в Москве, постараюсь ее найти.

С искренним приветом —

Ст. Вешенская *М. Шолохов*
25.V. 38 г.»[28]

— Что же случилось с книгами? — спросил я по телефону Георгия Жечева в 1965 году.

— А то, что и предполагал Шолохов,— ответил наш друг из Софии.— Они были задержаны в Болгарии на почте. Царская цензура не хотела, чтобы Шолохов видел, как в Софии изувечен текст «Тихого Дона». И начали мы с Шолоховым писать, звонить, искать пропавшие книги. И только в декабре 1938 года Шолохов, наконец, получил наше издание «Тихого Дона» и сообщил об этом мне в письме.— И Георгий Жечев зачитал мне этот документ: — «Книги получил. Большое спасибо. Четвертую книгу «Тихого Дона», которая выйдет из печати в январе—феврале 1939 года, вышлю Вам, как только получу авторские экземпляры. Еще раз спасибо за книги. С искренним приветом! М. Шолохов. Ст. Вешенская, 3.XII.38 г.».

— И вы получили от Шолохова четвертую книгу «Тихого Дона»?

— Нет. Я не знал, что она вышла в середине 1940 года,— ответил Жечев.— Но к этому времени в Болгарии цензура и полиция так зажали нас в тиски, что получить из СССР книгу даже от Шолохова было невозможно. Я думаю, что она была задержана полицией и уничтожена. Ведь в 1940 году цензура объявила книги Горького, Шолохова, Маяковского, Фадеева и других советских авторов вне закона, полиция изъяла их из всех библиотек.

— Значит, четвертый том у вас до войны так и не был издан?

— Нет. Но русский текст четвертого тома «Тихого Дона» в единичных экземплярах все же проник в Болгарию,— ответил Жечев.— И писатель Гьончо Белев, раздобыв книгу, перевел ее и готовил к изданию, но цензура запретила роман в корректуре!

— Это была последняя схватка «Тихого Дона» с реакцией в Болгарии?

— Нет, что вы?! «Тихий Дон» и «Поднятая целина», уйдя в глубокое подполье с коммунистами и молодежью, продолжали сражаться против царских приспешников и германских фашистов,— сказал Г. Жечев.

Действительно, как явствует из многих документов той эпохи и воспоминаний подпольщиков-коммунистов, герои книг Горького — Павел Власов, Шолохова — Бунчук, Штокман и Давыдов, Фурманова — Чапаев, Островского — Павел Корчагин вошли в сознание и сердца болгарского трудового народа столь крепко, что в партизанских отрядах их имена давались храбрейшим воинам как высшая награда.

Любопытный факт рассказывает Марк Марчевский. Загнанный властями в 1941 году в Кристопольский концлагерь, он там неожиданно встретился со своим переводом «Поднятой целины», искусно спрятанным под переплет романа «Морской волк» Джека Лондона.

«Однажды,— вспоминал М. Марчевский в газете «Народная культура» 30 октября 1959 года,— в бараке ко мне подошел новый заключенный. Его пригнали в концлагерь прямо из Свищевской гимназии. «Нет ли чего почитать?» — спросил он у меня. Я подал ему книгу «Морской волк». «Это я читал еще в школе,— ответил парень.— А нет ли чего советского?» Я объяснил ему, что у него в руках «Поднятая целина». «Разораната целина?!» — воскликнул парень и стал быстро листать книгу.— А знаешь ли, друг, что за этот роман меня и загнали сюда? На воле я взял у одного приятеля томик Шолохова и пошел с радостью домой, думая его прочесть. Но в этот вечер ко мне явились два агента, сделали обыск, забрали роман Шолохова, а заодно и меня... Вот теперь-то я его прочту...» Так, вопреки драконовским законам и преследованию полиции, советские книги и тогда проникали через тюремные решетки и колючую проволоку концлагерей, будили прекрасные чувства и надежды наших читателей»[29].

VI

В годы самоотверженной борьбы болгарского народа против фашистской диктатуры (1941—1944) книги советских писателей — Горького, Шолохова, Фадеева, Фурманова, Серафимовича, Островского — ценились бойцами партизанских отрядов дороже хлеба насущного.

Партизан Моис Аврамов из отряда Коста Петрова свидетельствует об огромном значении советских книг в длительной и героической борьбе: «На образах русской литературы (Павел и Андрей из «Матери» Горького) учились мы товариществу и преданности, самоотверженности и дружбе. От ее героев мы вдохновлялись на малое и большое, черпали смелость и силу, чтобы устоять в случае захвата в плен. Образ Бунчука из «Тихого Дона» и имя Чапаева были для нас олицетворением смелости и героизма, особенно в тяжелые годы вооруженной борьбы (1941—1944). Многие партизаны, батальоны и отряды носили их имена, и носили с честью, не страшась ненавистной фашистской власти, носили со славой, поднимая народ на вооруженную борьбу»[30].

«При всеобщей нехватке книг,— пишет Г. Георгиев в газете «Литературен фронт» 20 мая 1965 года,— в походных библиотеках Среднегорской бригады имени В. Левски, и в Родопской — имени Г. Димитрова, и в отряде Антона Иванова — самое почетное место занимали произведения классика советской литературы М. Шолохова — «Тихий Дон» и «Поднятая целина»... Партизаны единодушно подтверждают, что любимейшим у них был образ Ильи Бунчука, имя которого они присваивали

храбрейшим, с этим именем они и остались в памяти друзей и своего народа...»

Для выставки «Тихий Дон» сражается с мировой реакцией и фашизмом» мы получили из Болгарии много документов прессы и книг. Народная библиотека имени Кирилла и Мефодия прислала нам фотографии первых переводчиков, библиографию, журналы и газетные статьи; Союз писателей Болгарии подарил четыре тома «Тихого Дона» издания 1947 года и «Поднятую целину»; Софийское издательство «Народная культура» презентовало Собрание сочинений М. А. Шолохова в 8-ми томах 1962 года издания...

Но, к сожалению, мы долго не могли разыскать книг самого первого издания «Тихого Дона». И когда я обратился по телефону с этим вопросом к директору Народной библиотеки Орлину Василеву, он ответил, что найти такую реликвию можно только в народе.

Мысль эта вдохновила меня надеждой. И я послал письмо в газету «Литературен фронт» и переводчику Г. Жечеву с призывом к партизанам подарить нам на выставку в Ростовский музей краеведения экземпляр «Тихого Дона» 1934—1935 гг. издания.

25 марта 1965 года «Литературен фронт» опубликовал нашу просьбу... Велика была наша радость, когда буквально через 10 дней почта принесла нам первую и третью книги «Тихого Дона» издания Стоичко Василева из города Хасково от учительницы Ольги Продановой, а затем — и вторую книгу этого романа — от Орлина Василева...

«Дорогой друг! — писала Ольга Проданова.— Посылаю Вам «Тихий Дон» первого болгарского издания в ответ на Ваше письмо в газете «Литературен фронт». Я одна из тысяч болгарок, для которых СССР — Ваши дерзания пионеров в утверждении нового социалистического общества — был путеводной звездой. В юные годы я была членом рабочего союза молодежи (наш комсомол), а с 9 сентября 1944 года я член Болгарской компартии. Роман «Тихий Дон» я купила в то время, когда он впервые появился в продаже. В годы фашизма эти книги переходили из рук в руки, тайно читались и возвращались ко мне, чтобы опять отправиться в путь — к людям. Прочитав «Тихий Дон», каждый навсегда остается с его героями. И часто в тесном кругу сельской молодежи и учителей я устраивала обсуждение книги. «Тихий Дон» вдохновлял нас, крепил веру в то, что, вопреки всем нашим трудностям, еще придет светлое будущее!»[31]

Какие чудесные реликвии! Ветхие, зачитанные — они прошли через тысячи благодарных рук рабочих и крестьян. История каждой из этих книг звучала для нас как легенда. И в бес-

ценных подарках Ольги Продановой и Орлина Василева мы еще раз ощутили всю силу бескорыстной братской любви народа Болгарии к России.

* * *

Шолохов оказал могучее творческое влияние на болгарских писателей. Это чувствуется в романе «Септемврийцы» Е. Коралова, в книгах «Своя земля» С. Даскалова, «Мертвая зыбь» И. Петрова и многих других.

Велика и безгранична любовь болгарского народа к творчеству М. А. Шолохова. В известной мере она нашла свое выражение в телеграмме Союза болгарских писателей к Шолохову по случаю его 60-летия. Вот ее полный текст, взятый нами из газеты «Литературен фронт» от 27 мая 1965 года:

«Товарищу Михаилу Александровичу Шолохову.

Ст. Вешенская. Ростовская область. СССР.

Наше уважение к Вам возникло с тех лет, когда, вопреки фашистской цензуре и полицейскому террору, мы читали, переводили и издавали первые книги Ваших бессмертных романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина». В годы вооруженной борьбы против монархо-фашизма (1941—1944) Ваши книги были настольными у болгарских партизан, политических узников и революционной молодежи. И отношение к ним было как отношение бойцов к своему оружию.

В годы народной власти интерес к Вашему творчеству увеличился стократно. Мы не можем себе представить успешной коллективизации болгарского села без примера и уроков, кои почерпнул наш крестьянин в «Поднятой целине». Эта книга стала истинным учебником, явила нам школу, в которой учились наши крестьяне, партийные и государственные деятели.

София. 22 мая 1965 г. Союз болгарских писателей».

* * *

Огромное патриотическое воздействие оказал «Тихий Дон» в Болгарии и на русскую эмиграцию. После длительных розысков мне удалось узнать, что в одном из болгарских колхозов трудится донской казак, бывший руководитель Вешенского восстания (1919) Павел Назарович Кудинов, которому Шолохов в «Тихом Доне» уделил много глав.

Хорунжий из Вешек, П. Кудинов в народной Болгарии стал ударником колхозного труда. В 1961 году председатель Михайловградского стопанства (колхоза) тов. Ненчо Найденов на мой запрос о Кудинове дал следующий ответ: «Ваш донской казак

из Вешек Павел Назарович Кудинов живет и робит у нас добре. Робит в садах и огородах колхоза с 1956 года. Имея уже преклонный возраст, а паки надкий до работы, как ударник, и никой оплоши за ним неме. А письмо Ваше я получил и Павлу Кудинову передал. И все осветлани исторически събития он помнит крепко и скоро ден Вам напишет...»[32]

На мой вопрос, какое впечатление произвел «Тихий Дон» на донских казаков в эмиграции, Павел Назарович Кудинов ответил так:

«Роман Шолохова «Тихий Дон» есть великое сотворение истинно русского духа и сердца. Впервые я пробовал читать его по-болгарски, но плохо понимал. Позже выписал себе из Белграда русское издание. Читал я «Тихий Дон» взахлеб, рыдал, горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано, и страдал-казнился, до чего же полынно-горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки — батраки-поденщики — собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались «Тихим Доном» до слез. И пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту. И многие рядовые и офицеры — казаки — допытывались у меня: «Ну, до чего же все точно Шолохов про восстание написал. Скажите, Павел Назарович, не припомните, кем он у вас служил в штабе, энтот Шолохов, что так досконально все мыслью превзошел и изобразил?» И я, зная, что автор «Тихого Дона» о ту пору был еще отроком, отвечал полчанам: «То все, други мои, талант, такое ему от бога дано ви́дение человеческих сердец и талант!» Скажу вам, как на духу: «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова «Тихий Дон» как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких было тысячи!) — эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера—«Дранг нах Остен!»— был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине многих тысяч темных казаков благодаря «Тихому Дону» и передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон»[33].

* * *

В Болгарии, близ знаменитого курорта Золотые Пески, находится крошечное село Казашка Махала, в котором проживают потомки казаков-некрасовцев — бунтарей петровской эпохи. Большинство из них в 1956 году возвратились на Родину, а оставшиеся давно уже породнились с болгарским народом.

В центре села стоит большой клуб с пятиконечной красной звездой на фронтоне и вывеской «Народно читалище М. Шолохов». Здесь, в библиотеке, имеется много книг на русском и болгарском языках, и на самом видном месте в рамке висит телеграмма из станицы Вешенской, датированная 1961 годом:

«Дорогие станичники, сердечно тронут присвоением вашему клубу моего имени. Но надо же и совесть иметь, хотя бы пригласили в гости. От всей души желаю Вам, сынам Тихого Дона, счастья и благополучия. Ваш Михаил Шолохов»[34].

Многие писатели и журналисты, рабочие и колхозники Болгарии имеют автографы любимого писателя. Но эта телеграмма, клуб «Народно читалище М. Шолохов», да и 250-летняя история села Казашка Махала являют нам ярчайшие свидетельства истинно братской, извечной неугасимой дружбы народов Болгарии и нашей страны.

АНГЛИЯ

I

В начале 30-х годов в Англии упорно не замечали появления «Тихого Дона» М. Шолохова, несмотря на огромный успех романа в Берлине и Вене (1929), Париже, Праге, Стокгольме, Мадриде и Амстердаме (1930), в Токио и Копенгагене (1931—1932), несмотря на споры о творчестве писателя, его методе, стиле, которые велись в большой прессе Европы. Однако время все же заставило лондонских книгоиздателей обратить внимание на советский роман «Тихий Дон» и выпустить его в свет на английском языке. Правда, трудности в переводе поэтического слова Шолохова и большой объем романа испугали не одно издательство Лондона. Как сообщает переводчик Стефан Гарри, первая и вторая книги «Тихого Дона» «долго путешествовали от одного издательства к другому, и все они его отвергли»[1]. И лишь издательство «Путнам» проявило к нему более других внимание, и 1 апреля 1934 года наконец в книжных магазинах Лондона появился том в 755 страниц (I и II кн.) «Тихого Дона» под заглавием «И тихо течет Дон»[2]. По словам переводчика Ст. Гарри, «издательство «Путнам» отважилось на большой риск, так как тогда советские романы в Англии и США принимались очень плохо»[3].

Но вот «Тихий Дон» пошел в продажу и, к удивлению первого издателя Константа Хантингтона и всей прессы Англии, сразу же приобрел большую популярность в самых различных кругах читателей. В письме от 20 июня 1966 года директор издательства «Путнам» Джон Хантингтон сообщил, что «Тихий Дон» в 1934 году был выпущен десятью изданиями общим тиражом 98 150 экземпляров»[4].

Первое сообщение — анонс — было напечатано в Лондоне 27 марта 1934 года в «Паблишерс циркуляр» под заголовком «Михаил Шолохов». В нем говорилось: «Издательство «Путнам» извещает о том, что роман Михаила Шолохова «Тихий Дон» всюду пользуется огромным спросом. Он имеет большой успех на континенте, где уже продано больше миллиона книг. Роман Шолохова дает правдивую картину жизни донского хутора. Книга содержит больше 700 страниц»[5]. Там же был помещен портрет М. Шолохова и напечатана его автобиография,

присланная из ст. Вешенской и датированная 10 марта 1934 года.

Первая рецензия на «Тихий Дон» появилась в «Таймс литерери саплемент» — литературном приложении к крупнейшей английской газете «Таймс». Официально она считается независимой, но по существу является рупором консервативной партии, отражающей интересы монополистических кругов Англии. «Таймс» занимала позиции рьяно антисоветские, и на ее страницах не было недостатка в клевете на советскую литературу. Но в этом случае газета опубликовала редакционную статью «Тихий Дон» с весьма положительным отзывом о романе.

«В Советской России,— читаем мы в литературном приложении «Таймс»,— есть три выдающихся пролетарских романиста — Фадеев, Гладков и Шолохов. Последний из них наиболее символизирует собою пролетарский культ зрелости в искусстве. Будучи казаком донского края, Шолохов изобразил в «Тихом Доне» широкую, необычайно мощную картину казачьей жизни в годы мира, войны, революции и гражданской войны. Первый том романа появился в 1929 году*. Его творение полно великой жизненности, жестокости, красоты, строгого реализма и истинной поэзии казачьих традиций. В его романе слышатся отзвуки былин, внутреннее сходство с легендарной повестью Гоголя «Тарас Бульба»... В изображении жизни, ужасов войны и дикости, страстей и жестокости, личных невзгод и насилий Шолохов поражает беспощадной прямотой и честностью»[6]. (Рядом с этим, однако, весьма резко говорилось о том, что «роман Шолохова бесформен», что в нем есть «утомительные отрывки».)

В те годы мнение «Таймс» было весьма авторитетно в английском обществе. Возможно, поэтому и другие крупные газеты Англии дружно признали силу таланта Шолохова и дали самые похвальные отзывы о его романе. Еженедельник «Обсервер» в апреле 1934 года заявил: «Тихий Дон» есть книга, которая возвысилась среди тысячи... Герои Шолохова — это живые люди. Реализм Шолохова выгодно выделяет «Тихий Дон» из массы сентиментальных и лживых современных романов». Газета «Эвримен» писала: «Великой силой наполнен «Тихий Дон» Шолохова. Его читаешь залпом, не отрываясь, а прочтя — не остаешься с пустыми руками»[7].

Отзывы эти вовсе не означают, что имело место полное единодушие мнений. Многие авторы английских газетных и журнальных рецензий в то время оценивали советскую литературу с весьма предвзятых и примитивных позиций.

Известный журнал либеральной интеллигенции «Нью стейтсмен энд Нейшн» 14 апреля 1934 года выступил с тенденциозной статьей, утверждавшей, что «Тихому Дону» «не хватает

* «Тихий Дон» (I и II кн.) был опубликован в журнале «Октябрь», 1928, № 1—10.

личного (внутреннего) проникновения, которое каждый читатель стремится найти в художественной литературе», что «Тихий Дон» остается в сущности сверхдостаточным уроком истории»[8].

Писатель Грэхэм Грин в журнале «Спектейтор», отмечая «огромное литературное мастерство Шолохова», ставил, однако, ему в пример модерниста... Джеймса Джойса, упрекал Шолохова в «отсутствии единства времени и места», в «неясности, почему «Тихий Дон» начинается так, а не иначе»[9].

Наиболее враждебную позицию к «Тихому Дону» занял орган лейбористской партии — газета «Дейли геральд», напечатав вздорную статью некоего Р. П. «История неистовой жестокости казаков». В рецензии нет ни слова о содержании романа и главных персонажах, о стиле Шолохова, его гуманизме и проблематике «Тихого Дона». Здесь цель другая — запугать читателя «жестокостью русских», «ужасами революции» и т. д. Главный тезис, продиктованный антисоветской настроенностью «Дейли геральд», гласит: «Если бы одно описание жестокостей могло бы сделать роман великим, то длинное повествование М. Шолохова о жизни казаков «Тихий Дон» было бы шедевром из шедевров». А так как «Дейли геральд» ничего, кроме жестокостей и ужасов, в «Тихом Доне» не нашла, то следует вывод: это не настоящее искусство.

Из статьи видно, что эта редакция не собиралась всерьез анализировать «Тихий Дон». Но так как в европейской прессе прозвучало авторитетно и весомо о «Тихом Доне» доброе слово Максима Горького, то литературные стражи «Дейли геральд» всполошились и решили немедленно его опровергнуть, очернить роман Шолохова. «Максим Горький,— читаем мы в «Дейли геральд»,— считает, что «Тихий Дон» представляет собою новую фазу в литературе и что его можно сравнить только с «Войной и миром» Толстого». Редакция лейбористской газеты, разумеется, возмущена столь высокой оценкой советского романа и категорически, без каких-либо доводов твердит свое: «Горький неправ в отношении этой «новой фазы»... «Тихий Дон» обязан во всем старой, темной, безразличной земле и ничем не обязан новой эпохе»[10].

II

Видимо, в связи с огромным успехом «Тихого Дона» и нехваткой его в продаже лондонская газета «Санди график» в мае 1934 года в воскресном приложении начала печатать главы из этого романа. Популярность книги, очевидно, заставила редакцию газеты 27 мая дать аншлаг: «Тихий Дон» — это книга, которая удивила мир!», а в аннотации говорилось следующее:

«Сегодня «Санди график» начинает публикацию выдающегося, одного из наиболее сенсационных, правдивых и очаровательных романов, когда-либо написанных. Книга эта удивила мир! В последние годы ни одно произведение не приблизилось к этой величественной саге о русской жизни по своей силе, взволнованности и безжалостному реализму. «Тихий Дон» завоевал похвалу самых известных критиков-литературоведов, и его успех поразил всю Англию. За два месяца потребовалось четыре издания романа, но они не удовлетворили спроса. В США и на континенте Европы уже продано 1,5 миллиона книг Шолохова...»[11]

В номере от 3 июня 1934 года «Санди график» снова дает крупный аншлаг на две страницы: «Тихий Дон» — чарующий роман, который обсуждают все!» Отметив, что еще «никогда не было написано более ужасного обвинения войне, чем то, которое содержится в этом мощном и животрепещущем романе, являющемся сенсацией года», редакция «Санди график» далее подчеркнула: «Тихий Дон» повсюду признан более потрясающей книгой, чем знаменитый роман Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»[12].

В аннотации к главам о Бунчуке сказано совершенно новое для Запада слово о гуманизме Шолохова и русской революции: «Бунчук, выдающаяся личность, вступает добровольцем в русскую армию во время первой мировой войны для того, чтобы получить опыт и потом сражаться за революцию, которая (так он верит) неминуема... Мучительная история Бунчука и Анны заключает нашу серию отрывков из замечательного романа «Тихий Дон»... Это одна из самых странных любовных историй в современной литературе... Не говоря уже о ярко выраженном гуманизме этого отрывка, он проливает свет на характер русской революции в ее начальной стадии и на путь мышления революционеров»[13].

В те годы в Англии издавалось около ста утренних и столько же вечерних газет и почти каждая из них откликнулась на появление «Тихого Дона». Однако рецензенты газет, в том числе «Таймс», «Дейли геральд», «Санди график» и другие, единодушно отмечая высокое качество перевода Стефана Гарри, не потрудились заглянуть в русский оригинал и не заметили неглaсной издательской расправы над текстом «Тихого Дона». Вопрос этот имеет принципиальное значение и умолчать о нем нельзя. К тому же в наших архивах обнаружена на этот счет интересная заметка, которая была напечатана в мае 1935 года в стенгазете «Коминтерновец» (клуб иностранных рабочих завода Ростсельмаш).

Вот ее полный текст:

«Со дня залпа «Авроры» английская пресса чернила Совет-

ский Союз. И когда М. Шолохов в 1928 году издал шедевр века «Тихий Дон», английская пресса, набрав в рот воды, упорно молчала пять лет, хотя вся Европа уже именовала его новым Толстым. Лишь в 1934 году Англия вынуждена была нарушить заговор молчания, издать перевод «Тихого Дона» и высказать свое мнение о Шолохове. Издательство «Путнам» выпустило первую и вторую книги «Тихого Дона» в одном томе (755 страниц) стоимостью 7,5 шиллинга (очень дорогой).

Неожиданно «Тихий Дон» в Англии сразу же приобрел сенсационную популярность. Впервые после Конан-Дойля и его «Записок о Шерлоке Холмсе» Лондон охватила литературная лихорадка. «Тихий Дон» взбудоражил всю Англию. Издательство «Путнам» не успевало выпускать в продажу новые тиражи...

Газета «Дейли геральд» назвала Шолохова советским Диккенсом *. «Таймс» была вынуждена впервые сквозь зубы процедить слово правды о красных — дала высшую аттестацию роману Шолохова. Заботясь, видимо, о здоровье аристократов (держателей акций русских займов!), газета «Таймс» отмечала, что «для прочтения романа читателям надо иметь мужество и крепкие нервы». А еженедельник «Санди график» целые страницы заполнял шолоховскими главами и приобрел популярность самой либеральной, просоветской газеты.

Издание «Тихого Дона» в Лондоне поражает тем, что он изуродован множеством произвольных сокращений. Из романа вычеркнуты десятки глав, в том числе страницы, связанные с именем Ленина, эпизоды, разоблачающие немецких, английских и французских интервентов на Дону; изъяты многие исторические документы и почти все казачьи песни. В таком виде «Тихий Дон», пожалуй, пришелся бы по душе и самому Муссолини, который еще в 1930 году в Риме запретил издание романа о красной буре.

Нам ясно одно: японские самураи в 1931 году изуродовали «Тихий Дон» менее, чем издательство «Путнам» в Лондоне! Любопытно, знает ли об этом варварстве писатель Шолохов?

Завод Ростсельмаш
Май 1935 г.

Мет Блаич
член Компартии США.
Мастер высокой культуры труда
в СССР»[14]

---

* В начале 1935 г. в связи с визитом М. А. Шолохова в Англию. — *К. П.*

Судя по откликам прессы, «Тихий Дон» действительно «взбудоражил всю Англию». Внимание читателей настолько возросло, что директор издательства «Путнам» Констант Хантингтон в 1934 году вынужден был обратиться к Шолохову с просьбой написать предисловие к очередному изданию его романа. Писатель откликнулся на эту просьбу. Сдержанно возражая тому, что в Англии его роман воспринимается как «экзотическое произведение», Шолохов писал:

«Я был бы счастлив, если бы за описанием чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель-англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции».

Английскую прессу смущал «жестокий» показ действительности, она много говорила о «жестокости русских нравов». На это Шолохов ответил:

«Что касается первого, то, принимая этот упрек, я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб правде и щадил бы чувствительность читателя из ложного желания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда, единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению. А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость другой нации... И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918—1920 годах посылали свои войска на мою измученную Родину и пытались вооруженной рукой навязать свою волю русскому народу?

ст. Вешенская. *М. Шолохов*»[15]
10 июня 1934 г.

Надо полагать, что в конце июня 1934 года предисловие Шолохова уже было в Лондоне у директора «Путнам» Константа Хантингтона. Однако в июльском, августовском, сентябрьском английских изданиях «Тихого Дона» оно не появилось. Мы можем предполагать, что намек Шолохова в предисловии на разбой «культурных наций» — интервентов в России — пришелся не по душе издателю. Это обращение к английским читателям, как официально подтвердила нам библиотека Британского музея в письме от 27 июля 1965 года[16], не опубликовано в Англии до сих пор.

Сообщение Мета Бланча о сокращении «Тихого Дона» весьма заинтересовало нас. Как выглядит «Тихий Дон» в английском переводе? Знают ли об этих сокращениях романа англий-

COMMUNIST PARTY OF GREAT BRITAIN

EXECUTIVE COMMITTEE 16 KING STREET, LONDON, W.C.2

Telephone Temple Bar 2151-5

Telegrams: Communist Rand London

[redacted]

General Secretary John Gollan

27th March, 1963.

Comrade Konstantin Ivanovitch Priyma.
U.S.S.R. ROSTOV-DON,
10 K. Marx Str. No. 50/87 Apt. 198.

Dear Comrade.

It took me a little time to find out some of the answers to the questions raised in your interesting letter of January 26th. May I say how much I welcome the preparation of a Monograph on the works of Comrade Sholokov. Some of your questions I can give a fairly detailed answer to: others I cannot.

Anyway, I have of course, read Comrade Sholokhov's novels and I would like to say the following:

Comrade Sholokhov's novel 'And Quiet Flows the Don' is generally regarded in Britain as a modern classic and its successors 'Virgin Soil Upturned' and 'The Don Flows Home to the Sea' are scarcely less wellknown. What impressed me most about Comrade Sholokhov's books is their breadth and humanity. Once you have read his descriptions of the Don country, that part of the Soviet Union with its vast rich plains and broad calm river, can never be forgotten. But it is not, of course, just the natural features of the country that Sholokhov has painted, it is a human landscape. His people are real people who belong to the Don country, and to whom, as the story develops, the Don country comes in time to belong to. They change the country and as it changes, they change. Sholokhov doesn't idealise his characters; they are not a lot of plaster saints, but human beings with big faults as well as big virtues. That is why their tragedies move us and their triumphs impress us. We feel we are watching life itself, in all its complexity, change and develop.

In connection with the details regarding the first editions of Comrade Sholokhov's novels, unfortunately the bourgeois publisher would not give us any detailed facts. Perhaps Comrade Sholokhov himself has some facts regarding the size of the editions.

Письмо Генерального секретаря Компартии Англии Джона Голлана (1963).

In connection with the interest shown in the novels, the publishers assure us that they had found over the years that the novels had appealed to all sections of the population.

We did not reprint any of Comrade Sholokhov's work in the Daily Worker for the simple reason that under the bourgeois publishing laws, the printing of these works was the exclusive right of the publisher.

*Under separate cover

*I have great pleasure in enclosing a copy of "And Quiet Flows the Don", with an appropriate inscription.

I hope this helps you in your worthy and important work.

Best wishes,
Yours fraternally,
John Gollan
GENERAL SECRETARY.

ские коммунисты? Публиковала ли коммунистическая газета «Дейли уоркер» когда-либо главы из «Тихого Дона»? Выяснить любой из этих вопросов было не так-то просто. Библиотеки Москвы не располагали образцами первых английских изданий «Тихого Дона», по которым можно было бы сравнить переводы с оригиналом. Поэтому мы решили обратиться за помощью к английским коммунистам. Генеральный секретарь Компартии Великобритании товарищ Джон Голлан прислал нам письмо. Вот его полный текст:

«Дорогой товарищ! Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти ответы на те вопросы, которые Вы подняли в Вашем интересном письме от 26.I.1963 года. Я горячо приветствую подготовку выставки о творчестве товарища Шолохова. На некоторые из Ваших вопросов я могу дать достаточно подробный ответ, на другие — не могу.

Как бы то ни было, я, конечно, читал романы товарища Шолохова и хотел бы сказать следующее.

Роман товарища Шолохова «Тихий Дон» обычно считается в Британии современной классикой и последующие его произведения — «Поднятая целина» и «Дон неотвратимо течет к морю»* — являются не менее интересными.

* Под таким названием в Англии публикуются в одной книге III и IV тома «Тихого Дона».

Что на меня производит наибольшее впечатление в книгах Шолохова — так это их масштабность и гуманность. Если Вы уж раз прочитали его описание донского края, этой части Советского Союза с ее обширными, богатыми равнинами и величественной рекою Дон, то такое уже незабываемо. Но Шолохов живописует не только природу этого края, а и человеческий ландшафт. Его герои — это живые люди, которые принадлежат донскому краю и которым по мере развития сюжета этот край со временем начинает тоже принадлежать. Они преобразуют край и по мере того, как он изменяется, они сами также изменяются. Шолохов не идеализирует своих героев, они не являются святыми, вылепленными из гипса, нет, это живые люди со своими большими недостатками и достоинствами. Вот почему их трагедии так волнуют нас, а их успехи производят на нас такое глубокое впечатление. Мы чувствуем, что наблюдаем самую жизнь, во всем ее многообразии, как она изменяется и развивается.

Относительно Вашего вопроса о первом издании романа Шолохова в Англии. К сожалению, буржуазный издатель не хочет дать нам какие-либо конкретные ответы. Возможно, что товарищ Шолохов сам имеет сведения о сокращении объема его романа у нас?

Что же касается интереса читателей к его роману, издатели уверяют, что, как это видно на протяжении ряда лет, романы Шолохова вызывают большой интерес во всех слоях населения.

Мы не перепечатывали произведений товарища Шолохова в газете «Дейли уоркер» по той простой причине, что по буржуазным издательским законам перепечатка является исключительным правом издателя.

В отдельном пакете я с удовольствием посылаю Вам экземпляр «Тихого Дона» на английском языке с соответствующей надписью. Я надеюсь, что это поможет Вам в Вашей достойной и важной работе.

С наилучшим пожеланием и братским приветом

Джон Голлан, генеральный секретарь»[17].

Подарок тов. Джона Голлана представлял собой уникальный экземпляр книги — «И тихо течет Дон» 7-го лондонского издания, августа 1934 года, в переводе Стефана Гарри.

Несколько позже директор книжной фирмы «Путнам» мистер Джон Хантингтон в порядке взаимообмена книгами прислал нам образцы послевоенных выпусков «Тихого Дона» и в том числе новейшее, 25-е издание 1966 года. Все они являются фототипической перепечаткой первого издания романа 1934 года.

Сверка английских выпусков «Тихого Дона» 7-го (1934 г.) и 25-го (1966 г.) с русским оригиналом первого (1928—1929 гг.) издания (издательство «Московский рабочий») и текстом в Собрании сочинений М. А. Шолохова (М., ГИХЛ, 1956—1957 гг.) дала нам возможность наконец выяснить, что же собою представляет «путнамское» издание.

Сопоставление вскрыло беспрецедентную ломку структуры эпопеи. Как известно, у Шолохова в оригинале «Тихий Дон» имеет восемь частей. Однако переводчик Стефан Гарри, директор издательства «Путнам» Констант Хантингтон и его редакторы произвольно расчленили роман на одиннадцать частей, дав каждой части свой заголовок — «Мир», «Война», «Революция» и т. д. Затем переводчик и редакторы «Путнам» сняли шолоховскую нумерацию глав и, объединив по 15—20 страниц в одну главу, раздробили текст на параграфы (?). Кроме того, переместили некоторые события, изъяли многие главы и эпизоды. Всего из романа «Тихий Дон» выброшено свыше ста страниц текста без объяснения этого факта на титульной странице.

Что же сокращено? Прежде всего многие чрезвычайно важные и строго документальные главы, в которых Шолохов, используя архивные документы, показал злодейский замысел генерала-палача Корнилова, всю безнадежность заговора монархистов против революции и переход на сторону Ленина и большевиков не только солдатских масс, но и казаков, ранее считавшихся самой надежной опорой царизма.

В английских изданиях «Тихого Дона» мы не находим главы XIII (четвертой части романа), в которой описано, как в главной ставке русской армии летом 1917 года верховный главнокомандующий генерал Корнилов с генералами Лукомским, Романовским и Крымовым плели нити заговора для захвата власти в Петрограде с целью «расправиться с большевиками» и «перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов»[18]. Из 227 строк XIII главы шолоховского оригинала редакторы оставили лишь последние 18 строк, где сообщается об отъезде Корнилова в Москву на государственное совещание (словно Корнилов никакого заговора и не организовывал). Кстати, в книге «И тихо течет Дон» этим «невинным» отрывком издательство «Путнам» на 490-й странице начинает § 8 своего перевода[19], прилепив к нему обрезки изуродованной XIV главы романа, и подает английскому читателю заговорщика-палача Корнилова как ниспосланного богом спасителя России от большевиков!

В главах XVI и XVII четвертой части Шолохов приводит полные отчаяния телеграммы Корнилова на Дон войсковому

атаману генералу Каледину, комкору 3 генералу Крымову и командиру Туземной дивизии князю Багратиону, из которых явствует жестокость и безнадежность всей затеи генералов, пытавшихся утопить в крови красный революционный Петроград[20]. Однако переводчик Стефан Гарри, вычеркнув XVI главу, продолжает повествование (на стр. 512) искаженным до неузнаваемости началом главы XVII. Причем редакторы «Путнам» вырезали из XVII главы приказ Корнилова комкору 3 (телеграмму из главной ставки от 27 августа 1917 г.) и приказ-резолюцию Корнилова князю Багратиону во что бы то ни стало двигаться на Петроград «походным порядком до Луги, где поступить в полное подчинение генералу Крымову»[21], который, как уверял Корнилов, в случае необходимости не задумается над тем, чтобы «перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов».

Приведем еще один пример. В XX главе четвертой части Шолохов повествует о пребывании Корнилова (смещенного с поста главковерха) под арестом в здании женской гимназии г. Быхова, о его попытках снова сколотить блок из верных ему генералов и двинуть армию на красный Петроград. В «Тихом Доне» полностью публикуется важнейший архивный документ — письмо Корнилова Духонину о перегруппировке войск для наступления на Петроград. Это очень важное письмо. На нем рукою Духонина сделаны пометки, подтверждающие полный крах кровавых планов Корнилова и всей контрреволюции, так как армия и казаки перешли на сторону большевиков, Ленина и Советского правительства. В этой же главе сообщается о том, как Духонин помог Корнилову и его окружению бежать из-под ареста на юг, к Каледину[22].

В изданиях «Путнам» нет этой главы. Издательство, как видно, исходило из тех соображений, что английским читателям не обязательно знать всю правду. В Англии — стоит заглянуть хотя бы в Британскую энциклопедию — до сих пор твердят о том, что зачинщиками гражданской войны в России были не капиталисты, помещики и царские генералы, а большевики.

Переводчик и издатели «Путнам» не только вырезали неугодные им страницы и главы, но и коверкали текст Шолохова. Примером может служить X глава пятой части, в которой Шолохов рассказывает о приезде делегации казачьего Военревкома во главе с Подтелковым и Кривошлыковым в Новочеркасск для предъявления ультиматума атаману Войска Донского Каледину. Издательство в этой главе из 375 строк шолоховского текста вырубило 175. К тому же редакторы политически извратили принципиальное выступление Кривошлыкова против контрреволюционной кадетской «Партии народной свободы». В романе Кривошлыков говорит: «Казаки не потерпят такого органа, в который входят представители «Партии народной сво-

боды»[23]. А в книге «И тихо течет Дон» на 600-й странице дан следующий перевод этой фразы: «The cossacks will not condemn any government in which there are representatives of the parties of national freedom»[24] («Казаки не осудят никакого правительства, в котором есть представители партии национальной свободы»). «Казаки не потерпят», «Казаки не осудят» — разница, конечно, заметная. Извращен весь смысл выступления Кривошлыкова.

* * *

Общеизвестно участие немецких оккупантов и англо-французских интервентов в 1918—1920 годах в грабеже России и борьбе против революции.

Шолохов на основе документов разоблачает организаторов империалистической интервенции в России, которые вдохновляли царских генералов, финансировали этот разбой, снабжали русских белогвардейцев оружием, танками, самолетами, боеприпасами, обмундированием и продовольствием, посылали свои линкоры, войска, генералов и офицеров-инструкторов для войны с русским народом. Однако в «Тихом Доне», выпущенном в «Путнам», все главы, страницы и эпизоды, в которых Шолохов изобличает действия немецкой и англо-французской военных миссий на Дону, продажу Дона генералом Красновым немецкому императору Вильгельму, также старательно изъяты!

Из мемуаров царских генералов известно, что весною 1918 года правители Англии и Франции через свои военные миссии на Юге России заставили генералов Деникина, Алексеева, Романовского встретиться на Дону в ст. Манычской с донским атаманом генералом Красновым, чтобы выработать единый план действий по разгрому Советской республики.

Шолохов в IV главе шестой части показывает, как честолюбивые взаимные распри, зависть и ненависть генералов друг к другу не дали им сговориться: «Разъехались преисполненные вражды и неприязни. С этого дня отношения между Добрармией и Донским правительством резко ухудшаются, ухудшение достигает апогея, когда командованию Добрармии становится известным содержание письма Краснова, адресованного германскому императору Вильгельму»[25]. И там же Шолохов публикует этот позорнейший документ генерала-предателя Краснова, продавшего Дон Вильгельму и пригласившего германскую военную миссию для координации усилий по борьбе с большевиками[26]. В английском издании «Тихого Дона» IV главы шестой части мы не находим[27].

Известно, что в конце 1918 года, после падения кайзеровской империи, генерал Краснов быстро переметнулся к Антанте. Уже

в декабре 1918 года Краснов принимал в Новочеркасске союзническую военную миссию во главе с британским генералом Пулем и французским генералом Франше д'Эспере, чтобы выработать новый план и «окончательно искоренить большевизм»[28]. Шолохов в «Тихом Доне» этой встрече посвящает XI главу шестой части. Однако в лондонском издании и эта глава оказалась вырезанной. Черные дела английских и французских империалистов, поддержка ими на Дону генерала Краснова, а также сообщение о расстреле в эти дни белыми шахтинских большевиков-железнодорожников вычеркнуты[29].

В 1919 году контрреволюцию на юге возглавляет Деникин. Генерала Краснова прогоняют с Дона. Войсковым атаманом избирают Богаевского, а во главе Донской армии ставят генерала Сидорина. Шолохов в VII главе третьей книги «Тихого Дона» пишет о том, как белыми генералами «совместно с представителями английской и французской военных миссий уже разрабатывались широкие планы похода на Москву, ликвидации большевизма на всей территории России... Английские и французские офицеры-инструкторы, прибывшие на Дон и Кубань обучать казачьих офицеров и офицеров Добровольческой армии искусству вождения танков, стрельбы из английских орудий, уже предвкушали торжества вступления в Москву»[30]. Этой главы в английском издании тоже нет[31].

В тексте XII главы седьмой части сообщается о присутствии британского полковника в хуторе Татарском при награждении Дарьи Мелеховой медалью за убийство большевика Ивана Котлярова[32]. Однако издательство «Путнам» в своем переводе вычеркнуло эти места[33]. Изъяты все упоминания о сговоре англо-французских и немецких империалистов с русской контрреволюцией, политически извращены факты истории и идейный замысел автора. Это особенно касается тех мест романа, где должны содержаться многие исторические документы, но их в английском издании «И тихо течет Дон» нет. Вычеркнуты историческая телеграмма (№ 449 от 19 января 1918 г.) Донского казачьего Военревкома в Петроград Совету Народных Комиссаров о признании центральной государственной власти Российской советской республики[34] (XV глава пятой части романа), документ-ответ генерала-атамана Каледина и Донского правительства на ультиматум делегации Подтелкова (XI глава пятой части)[35]; постановление белогвардейского суда о казни отряда Подтелкова (XXVIII глава пятой части)[36]; описание разброда в Войсковом круге и самоубийства генерала Каледина (XV глава пятой части)[37].

И еще многие главы «Тихого Дона» не увидели света в Англии, например: «Дневник» убитого в бою с немцами казака-студента, любившего Лизу Мохову (XI глава третьей ча-

сти)[38], описание трагедии казака-песенника Лиховидора, сошедшего с ума в бою (III глава четвертой части)[39], пленение белыми в станице Вешенской команды красных трубачей, которые по приказу пьяного есаула перед неминуемым расстрелом с вдохновением исполняют «Интернационал» (VII глава седьмой части)[40].

«Тихий Дон» обесцвечен изъятием большинства казачьих песен, множества поговорок и пословиц. Между тем фольклор в эпосе Шолохова является не просто фоном, а художественным и философским выражением души русского народа. В казачьих песнях и пословицах таятся не только заветы предков, остроумие, традиции и думы народа, но также и любовь к свободе и Родине, в них запечатлены не только тоска по родным куреням и семьям, но также и мужество перед лицом грозных событий, искрящаяся алмазами народная мудрость, неувядаемый казачий юмор.

Тенденциозность проявилась также в сокращении текста глав, посвященных Листницким и Моховым. Здесь чувствуется стремление облагородить и приукрасить этих господ.

Английский перевод романа Шолохова пестрит грубыми ошибками. Например, в XXIII главе (третьей части романа) солдат-большевик Гаранжа, разъясняя Григорию Мелехову, что такое царизм и кто наживается на войне, говорит: «Царь — пьянюга, царица — курва, панским грошам от войны прибавка, а нам на шею... — удавка»[41]. В английском переводе во всех изданиях это дословно читается так: «Царь — ничтожество (nobody — ничто, «не все дома»), царица — цыпленок (chicken), но оба они — груз на наших спинах»[42]. В русском оригинале — в VII, VIII и IX главах третьей части романа Шолохов рассказывает правду о дутом «подвиге» Козьмы Крючкова[43]. Издатели «Путнам» из 22 страниц этих глав выбросили семь, ввели новое действующее лицо — казака Мрыхина[44], до неузнаваемости извратили мысль автора.

Подобных примеров с сокращениями текста «Тихого Дона» в английском издании не перечесть!

Таким образом, издательство «Путнам» нанесло «Тихому Дону» огромный ущерб не только тем, что нарушило авторскую структуру. Издательство обеднило идейный замысел автора, изображение правды жизни и всей военно-политической обстановки в России в 1917—1920 годах, опустошило роман в художественном отношении.

Английская пресса ничего об этом не писала. Советские критики и литературоведы также оставались в неведении. Да и сам Шолохов, отправляясь в январе 1935 года в Англию, не знал об этом.

IV

В начале 1935 года М. А. Шолохов впервые посетил Англию. Все лондонские газеты сообщили о приезде всемирно известного молодого писателя из красной России.

«Как заявил писатель Шолохов, — сообщала 6 января 1935 года «Санди график», — он прибыл в Лондон, чтобы обсудить в «Путнам» вопрос об издании нового романа о коллективизации...»[45]

Журнал «Букселлер» напечатал небольшую статью Шолохова «Книги и авторы в Советской России», в которой он удивил англичан сообщением о том, что в «СССР произведения Горького вышли тиражом 18 миллионов экземпляров, Новикова-Прибоя — 2,5 миллиона, Панферова, Ал. Толстого, Фадеева от 1,5 до 3 миллионов экземпляров», что «выпуск книг в СССР по сравнению с дореволюционной Россией вырос стократно» и что, «вероятно, ни в какой другой стране к писателям не относятся с такой любовью и уважением, как у нас!» Подчеркнув, что «читательские конференции на заводах, фабриках и в колхозах являются наиболее живой, интересной формой дружеского общения писателей со строителями социализма», Шолохов рассказал, что в течение 1934 года он «получил более 50 приглашений, на читательские конференции из разных концов СССР, начиная с Минска и кончая Владивостоком», и что однажды, «прибыв в Ростов-на-Дону, на паровозоремонтный завод имени Б. И. Ленина, он поселился не в гостинице, а в доме токаря при заводе, где и жил в течение недели, знакомясь с буднями завода и имея возможность на читательской конференции и в личных встречах с рабочими и техническим персоналом понять их отношение к «Тихому Дону» и выслушать их критику и их пожелания»[46].

Поездка Шолохова в Англию была весьма плодотворной. Его интервью в прессе, встречи с писателями Лондона в нашем посольстве и в Королевском обществе, его выступление в печати — все это имело огромный резонанс в Англии.

* * *

Как сообщила мне библиотека Британского музея, «Поднятая целина» в Англии до войны была издана лишь один раз, в сентябре 1935 года, в переводе Стефана Гарри.

Английская буржуазная пресса встретила роман о коллективизации в СССР статьями, горько оплакивающими ликвидацию кулачества как класса. И снова «Таймс литерери саплемент» своей статьей о «Поднятой целине» задала тон в прессе. Статья была написана без знания социально-экономической

и политической обстановки в России, без желания разобраться в авторском замысле и его художественном исполнении. Политика коллективизации и ликвидации кулачества для газеты была далекой и непонятной. Не зная, что тогда представляли собой в России люди вроде Островнова, Титка Бородина и есаула-белогвардейца Половцева, редакция упрекала Шолохова в «архивымысле», считая, что «архиконспиратор Половцев показан как автомат» и что его образ «навевает скуку». А ведь о том, что образ есаула Половцева — один из сильнейших, монументальных типов и вылеплен ярко, правдиво, убедительно, в то время писала не только советская пресса, а и зарубежная, когда хотела подойти к роману непредубежденно.

Редакция «Таймс литерери санлемент» не смогла удержаться на позициях объективной оценки, ее внимание привлекали теневые стороны жизни хутора Гремячий Лог — «бабий бунт», избиение Давыдова, и то, что в романе нет сообщения «о дальнейшей судьбе кулаков, чье имущество передано колхозу»[47].

Журнал «Нью стейтсмен энд Нейшн» в статье «Новые романы», отметив образность языка и стиля, мастерский пейзаж, далее писал о «фанатизме и мании разрушения», которым дышат советские люди — герои Шолохова. Автор рецензии запугивал английских читателей, утверждая: «Два выселяемых из Гремячего Лога кулака могут явиться причиной самых худших снов для женщин-читательниц, в том смысле, что такое может случиться, когда и к нам придут красные, когда они станут врываться в дома, забирать меховые пальто и все остальное... Если же вы свободны от имущества, тогда читайте «Поднятую целину» и благодарите бога, что у вас нечего взять»[48].

Тенденциозность позиции автора этой статьи настолько очевидна, что комментарии здесь излишни.

V

В годы войны «Тихий Дон» в Англии был переиздан в «Путнам» дважды. Всего с 1934 по 1967 год «Тихий Дон» выдержал 25 изданий, а «Поднятая целина» — 11. И это лучше всего свидетельствует об их огромной популярности в Англии.

Вторая книга «Поднятой целины» в издательстве «Путнам» (1960) получила заглавие «Жатва на Дону», перевод Гарри Стивенса (Стефана Гарри).

Реклама издательства «Путнам» в газетах и на цветной суперобложке первой книги «Поднятой целины» производит весьма отрадное впечатление. Начинается она с цитаты М. Горького: «Творчество Шолохова открывает новую фразу в литературе...» Затем приведен отзыв известного английского литератора А. Макдонелла, взятый из старейшей и влиятельной воскрес-

ной газеты «Обсервер»: «Поднятая целина» — это великая книга, самая значительная о сердце Юга России, появившаяся после старых классиков». Далее идет цитата из довоенной газеты «Морнинг пост»: «Шолохов еще раз показал необычайной силы реализм, у него редкий дар делать свои персонажи живыми при отсутствии бросающегося в глаза пропагандизма» и, наконец, отзыв критика Говарда Спринга из весьма авторитетной вечерней газеты «Ивнинг стандарт»: «Поднятая целина» — хорошая, живая книга, полная юмора и глубокого знания жизни».

Но вот мы вчитываемся в издательское (унылое и бессвязное) предисловие ко второй книге «Поднятой целины». Образы строителей социализма, рождение новых производственных отношений и новый социалистический гуманизм, прекрасный тип казака, колхозника Кондрата Майданникова, вступающего в партию, романтический образ Вари Харламовой, преображение влюбившегося в нее большевика — организатора колхоза Давыдова — все это вне поля зрения авторов предисловия. Они акцентируют внимание на «хвастуне Щукаре», «безнадежном отступнике Островнове», «красавице Лушке» и в заключение отмечают «особую роль непокорной донской натуры в борьбе между коммунистической догмой и глубоко укоренившимися инстинктами крестьян»[49].

В таком же духе даны и другие аннотации и предисловия к произведениям Шолохова. Так, например, редакторы «Путнам» в своем вступлении к сборнику «Донские рассказы» М. Шолохова (перевод Г. Стивенса, 1961) дают им положительную оценку: «Здесь Шолохов — в апогее своей юношеской силы, здесь он впервые проявил свою зоркость к деталям, дар к типизации и яркому изображению донских казаков». Но там же мы находим различные домыслы: «казаки-крестьяне совершенно не имеют понятия о природе демократии», «коммунисты к высоким идеалам бредут в потемках»[50]. Их повторяет и книгоиздательство «Фор сквэйр бук»[51], выпустившее в 1964 году «Донские рассказы».

В аннотации к очередному — одиннадцатому изданию «Поднятой целины» издательство «Путнам» дало несколько иную, но все же одностороннюю аннотацию:

«...В 1965 году Шолохов награжден Нобелевской премией за художественную силу и целостность в своем эпосе о Доне, в котором дано неповторимое изображение героической фазы в истории русского народа. В «Поднятой целине» Шолохов запечатлел современную Россию в точных деталях, изобразив коллективизацию сельского хозяйства — борьбу, горести и жадность, кровопролития и грубость, ревность и идеализм и не в меньшей мере — юмор сельской жизни в Советской России»[52].

В 1966 году, выпустив 25-е издание «Тихого Дона», редакторы на суперобложке третьей и четвертой книг романа (они изданы в одном томе под названием «Дон неотвратимо течет к морю») сочли необходимым еще раз бросить тень на русскую революцию и гражданскую войну в России, взяв для этого большую цитату из газеты «Филд»: «В «Тихом Доне» гремит братоубийственная война — деревня сражается с деревней, брат восстал против брата. Несомненно, это дело такое жестокое и ужасное, что маловероятно, чтобы оно выявило наилучшие качества в человеке. Вследствие этого (и так как Шолохов запечатлел истинную картину эпохи) «Тихий Дон» — мрачная, ужасно мрачная книга. Но она в то же время является и великой книгой, потому что М. Шолохов — один из ведущих писателей в Советской России — остается верен традиции великих русских романистов»[53].

И не признать роман нельзя и признать полностью нельзя! Английские издатели и редакторы «Путнам», будучи верны своей классовой позиции, систематически, упорно и целенаправленно вколачивают в сознание читателя свое враждебное отношение к социалистической революции в России. Впрочем, создавая видимость объективности, издатели «Путнам» в этой же рекламе поместили цитату из коммунистической газеты «Дейли уоркер»: «Казачьи традиции являются солью этой книги, ее музыкой, ее поэзией... На глубоких ритмах этих традиций, охватывая взором донской край, Шолохов выбрал для своей темы самый важный поворот в истории человечества».

VI

В 1962 году М. А. Шолохов был избран почетным доктором прав Сент-Эндрюсского университета в Шотландии.

«Дейли уоркер» об этом событии писала: «Тысяча студентов Сент-Эндрюсского университета, одетых в красные мантии, приветствовала Шолохова бурными овациями и пением русских песен «Стенька Разин» и «Красный флаг». Автор «Тихого Дона», являющийся депутатом Верховного Совета СССР — первый советский писатель, так чтимый британским университетом со времени получения И. Тургеневым почетной степени доктора Оксфордского университета в 1879 году...

...Шолохов был глубоко тронут, и на его загоревшем лице появилась смущенная улыбка, когда он (согласно традиции) преклонил колено перед почетным помостом, где канцлер университета герцог Гамильтон возложил на него шапочку доктора права. Жена Шолохова, сын и дочь с нескрываемой любовью и гордостью смотрели с балкона на его небольшую коренастую фигуру, облаченную в черную с красными пугови-

цами мантию... Декан факультета профессор А. Дж. Макдональд с кафедры сказал:

— Михаил Шолохов — простой человек, упорный, независимый и высокой художественной чистоты. Его герои — простые люди... рабочий, солдат, крестьянин — заполняют страницы его книг, простые, но великолепно изображенные, полнокровные, земные, живые... Он создал для нас и потомков произведения суровой красоты и несравненного величия в великих традициях классического русского реализма...»[54]

Диплом Сент-Эндрюсского университета гласит: «Ректор, префекты-коллеги, деканы факультетов и все преподаватели, приветствуя достойнейшего мужа Михаила Александровича Шолохова, члена советской Академии, знаменитейшего в области литературы, избрали его доктором права и увенчали его знаком почета, который полагается всем докторам права всех народов... И в подтверждение этого скрепили диплом подписями каждого и печатью Сент-Эндрюсского университета.

Апрель, 1962 г. Сент-Эндрюсский университет»[55]

* * *

Крупнейшие современные писатели Англии Чарльз Сноу, Джек Линдсей и Джеймс Олдридж высоко ценят творчество нашего земляка.

В одной из книг, полученных на шолоховскую выставку в 1964 году, имеется следующий автограф:

«Тихий Дон» М. Шолохова я впервые прочитал в начале 30-х годов, когда он только появился у нас на английском. С тех пор я читал его несколько раз.

О качестве его стиля я, конечно, не могу судить так, как могут русские. Но и в переводе стиль сохраняет свежесть, живость и лирическую красоту. Диалог много теряет своей соли, хотя все-таки ее остается достаточно, чтобы представить себе, как он прекрасен. Мы должны читать эту книгу главным образом из-за ее эпической широты и страстной жизни ее героев.

Как я уже говорил в своих публичных выступлениях в Англии, у меня нет никаких сомнений в том, что это — самый блестящий роман последних сорока лет.

Ростов-Дон. *Чарльз Сноу*»[56]
1. 9. 1964 г.

Несколько позже Чарльз Сноу в статье «Он обогащает жизнь» писал о Шолохове следующее: «Из всех русских писателей со времен Чехова он достиг наиболее широкой популярности

на Западе. В моей стране и в Америке его читают больше, чем любого из его младших современников... Михаил Александрович Шолохов — великий писатель. Огромный талант и историческая обстановка позволили ему создать великолепные произведения... Он необычайно обогащает нашу жизнь»[57].

А вот письмо другого английского писателя, полученное нами в январе 1965 года:

«...Я несколько раз перечитывал «Тихий Дон» Шолохова и всякий раз на меня производили все большее впечатление его огромная сила, великий окоем и его богатая, шекспировская щедрость. В течение последних 50 лет мы жили в мире огромных событий, глубоко знаменательных для добра и зла; и в такой трудный век нам следовало ожидать появления могучего эпоса. И хотя в СССР и других странах мира за это время было написано много прекрасных книг о борьбе, «Тихий Дон» М. Шолохова выделяется, как исключительно великий и удачный эпос.

Со времени его первого издания в Англии «Тихий Дон» с уважением был принят критиками всех направлений и мнений и получил всеобщее признание, как мастерское произведение.

Я часто делал восторженные комментарии о шолоховских произведениях в своих статьях, но я еще не написал о нем полного анализа. Я давно чувствую, что мне надо это сделать, и я надеюсь, что однажды я вернусь к этому. Мне хотелось бы исследовать детально слияние тех качеств, широты и сложности структуры, которые позволили Шолохову охватить и запечатлеть во всем объеме величественный конфликт эпохи и человеческого преображения. Мне хотелось бы проникнуть в тот художественный метод, при помощи которого Шолохов достиг изумительного совершенства и создал нечто такое, к чему мы все можем постоянно возвращаться для вдохновления и совета.

Однако я не могу обещать сделать это сейчас. Тем не менее я благодарен за возможность выразить мое глубокое восхищение и мою любовь к шолоховскому творчеству. Я приветствую высокое уважение, выражаемое ему соотечественниками на родной земле, которой он всегда был исключительно верен, сохраняя свою близость и связь с народом.

Англия *Джек Линдсей*»[58]
25 января 1965 г.

Летом 1968 года мы получили письмо прогрессивного английского писателя Джеймса Олдриджа, который писал:

«Тихий Дон» Шолохова был для большинства людей моего поколения первым знакомством с новым родом литературы о новом роде общества, и мы никогда не забудем этого знакомст-

ва. «Тихий Дон» вырос, как буйные травы, из событий 1917 года, и его самородный пыл и социалистическое понимание точно соответствовали тому волнующему моменту. Мы узнали из этой книги не только, что значит революция, но и то, что она сделала с жизнью людей, и как невероятное противоречие между старым и новым создало конфликт, который в действительности был настоящей проблемой в первые двадцать лет Советской власти.

«Тихий Дон» остается таким же, каким он был! В Советском Союзе нет такой же другой книги, и ее можно перечитывать снова и снова и каждый раз открывать новые качества, пропущенные прежде. Это подлинное советское искусство, и оно будет служить новым поколениям так же, как оно служило тем из нас, кто был рожден с революцией и рос с ней»[59].

VII

Редакторы Британской энциклопедии, рекламирующие свое издание как «самое свободное и независимое», более тридцати лет упорно не замечали появления на небосклоне мировой литературы Шолохова и не пропускали его имя на страницы своих изданий. Однако жизнь и мировое общественное мнение прогрессивных сил, как известно, подтолкнули Шведскую академию на свершение справедливого акта — присуждение М. А. Шолохову Нобелевской премии в 1965 году. После этого редакторы-издатели Британской энциклопедии в 1968 году посвятили автору «Тихого Дона» крохотную заметку[60], которая свидетельствует о том, что круги, определяющие политику на книжном фронте, продолжают придерживаться жесткого курса по отношению к Шолохову. Подтверждением этого может служить тот факт, что английские издательства «Путнам» и «Фор сквэйр бук» и в наши дни выпускают в продажу «Тихий Дон» в извращенном виде.

Мы попытались выяснить, кто же в Англии повинен в сокращении текста шолоховского романа. Генеральный директор мистер Джон Хантингтон в письме от 3 марта 1966 года (поблагодарив за полученные от нас советские иллюстрированные издания «Тихого Дона», «Поднятой целины», книжку В. Закруткина «Цвет лазоревый» и юбилейный московский сборник «Шолохов») откровенно и честно признался: «...перевод романа «Тихий Дон» М. Шолохова был сделан задолго до того, как я возглавил издательство «Путнам»... Сокращения в романе были сделаны, конечно, нами или по нашим указаниям»[61].

Я списался с переводчиком Стефаном Гарри (Гарри Стивенс), который прислал нам номера газеты «Санди график» (1934) с главами из «Тихого Дона», свою брошюрку «М. Шолохов и его романы донского цикла» (США, Нью-Йорк, 1960) и пе-

опубликованную статью «История перевода «Тихого Дона» в Англии» (1965).

По словам Г. Стивенса, он «журналист левой прессы», ему принадлежат «новые переводы почти всех романов И. Тургенева и около тридцати книг советских писателей — «Хлеб» А. Толстого, «Бруски» Ф. Панферова, «Кочубей» А. Первенцева, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «На юге» А. Калинина и другие.

О переводе романа Шолохова Гарри Стивенс дал такую справку:

«...Оригинал первой книги «Тихого Дона» содержит описание событий до середины первой мировой войны, а издательство «Путнам» хотело издать роман с охватом исторического периода и революции. Но это (у Шолохова.— *К. П.*) было во второй книге романа. Издатели «Путнам» всерьез размышляли над тем, чтобы издать первую и вторую книги отдельно. Но в то время в Англии и США советские романы принимались не особенно благоприятно. И тогда издательство решило пойти на риск: опубликовать две книги «Тихого Дона» в одном томе. Правда, размер столь толстого тома «Тихого Дона» мог принести издательству убытки, если бы книга плохо покупалась. Вследствие всего этого издатели («Путнам») обратились к представителям Шолохова в Лондоне (к советской торговой делегации или к советскому атташе по вопросам культуры), чтобы получить разрешение сократить в «Тихом Доне» описание различных обстоятельств. После переговоров советской стороной было дано разрешение (так, по крайней мере, мне тогда это объяснили!) — и для сокращения в двух книгах «Тихого Дона» путь был открыт... Мне было поручено сократить материал примерно до 200 000 слов, выбросив все, что казалось мне ненужным, чтобы представить читателям главную любовную интригу. Вся работа по сокращению текста легла на меня. Я старался, насколько возможно, избежать политических пристрастий при сокращении, хотя, как Вы, может быть, видите, мое пристрастие (сочувствие) было ясно направлено к советской революции, а не против нее. Можно спорить о заслугах и недостатках усекновения текста, но факт остается непреложным — первый том нашего издания «Тихого Дона» был продан тиражом свыше 100 000 экземпляров только в Британии, чего не имел ни один из советских романов»[62].

В неопубликованной статье Гарри Стивенса «История перевода «Тихого Дона» в Англии» (1965 г.) мы находим следующее: «...когда после 1945 года узнали, что английский текст романа «Тихий Дон» значительно сокращен, власти и критики начали жаловаться, что, мол, издатели «Путнам» в Англии и «А. Кнопф» в США скрывают факт сокращений в романе. Но эти критики не учитывают того, что в 1934 году едва ли было известно (? — *К. П.*) о том, что на титульном листе книги надо указы-

вать, если она переведена с сокращениями. В то время редко кто упоминал (? — *К. П.*) такие детали, так как издатели не могли рисковать, ибо подобная информация могла снизить спрос на книгу». Г. Стивенс далее снова подчеркивает: «Сокращая роман Шолохова, я руководствовался исключительно литературным критерием. Мой критерий мог быть ошибочен, но он был свободен от идеологической предвзятости»[63].

При всей нашей признательности Г. Стивенсу за переводы на английский книг Тургенева, многих произведений советских писателей и «Тихого Дона» М. Шолохова мы не можем согласиться с его заверениями, что роман сокращен с самыми «благими» намерениями.

Во-первых, Г. Стивенс умалчивает о том, почему он разрушил структуру романа, заменив шолоховскую нумерацию частей и глав нелепым расчленением текста на мелкие параграфы. А между тем этот произвол в разрушении структуры «Тихого Дона» потребовался переводчику и издательству «Путнам», чтобы скрыть от своих читателей следы изъятия исторических документов, писем, «Дневника» убитого казака, казачьих песен и целых глав романа.

Во-вторых, Г. Стивенс до сих пор делает вид, что не понимает, что вся канитель, затеянная директором «Путнам» Константом Хантингтоном с изданием двух книг «Тихого Дона» в одном томе, таила и коварный умысел — идейно и политически опустошить роман. В самом деле, из письма Г. Стивенса явствует, что директор «Путнам» К. Хантингтон очень «хотел издать роман с охватом исторического периода и революции» и что поэтому было решено объединить две книги романа в один том. Затем издателя К. Хантингтона встревожила «опасность» того, что объединенный том (две книги «Тихого Дона») будет очень толстым и может застопориться в продаже.

Но эта «опасность» роману «Тихий Дон» не угрожала. Издателю К. Хантингтону несложно было выяснить, как на книжном рынке Европы и Азии котируется имя Шолохова, которое уже гремело рядом с именами М. Горького, Р. Роллана и Т. Драйзера. К тому же не только «Тихий Дон», но и «Поднятая целина» во многих странах мира уже имела колоссальный успех у читателей самых разных кругов.

Все это дает нам основание утверждать, что мистер К. Хантингтон опасался не толстого объема «Тихого Дона», а правды революции и, в частности, разоблачения злодеяний немецких оккупантов и англо-французских интервентов на Юге России, чему в романе Шолохова было посвящено немало впечатляющих страниц.

В-третьих, добропорядочные буржуа-издатели и в давние времена при сокращениях текста книг всегда на титульной

странице или на контртитуле ставили пометку, что, мол, роман печатается в сокращенном виде. Поэтому заверение Г. Стивенса о том, что в просвещенной Англии книгоиздателям это железное правило «в 1934 году едва ли было известно», выглядит наивно и неубедительно.

Хорошо понимая зависимость переводчика Г. Стивенса от капиталистического издательства, мы и не стали его критиковать в статье «Куда исчезли в Англии 100 страниц «Тихого Дона», а подчеркнули, что в этом, конечно, повинен бывший директор «Путнам» Констант Хантингтон и что все его «опасения» представляли лишь ширму, «дымовую завесу для идейного опустошения «Тихого Дона», выдающегося произведения эпохи»[64].

VIII

Вопрос о превратностях судьбы «Тихого Дона» в Англии на этом можно было бы считать исчерпанным. Но Г. Стивенс, ознакомившись с моей статьей в «Огоньке» (1968, № 38), очень встревожился. Боясь того, что правда о фальсифицированном издании «Тихого Дона» станет (по его словам) достоянием «многих британских и американских студентов, изучающих советскую литературу», он выступил в приложении к газете «Таймс» (Лондон, «TLS», 3.4.1969) с письмом в защиту К. Хантингтона и своего перевода. Умалчивая об ущербе, нанесенном «Тихому Дону», Стивенс тщится доказать, что он в переводе правильно представил позицию Кривошлыкова, якобы заявившего: «Казаки не осудят «Партию народной свободы». Но во всех изданиях «Тихого Дона» на русском языке в этой сцене Кривошлыков говорит: «Казаки не терпят такого органа, в который входят представители «Партии народной свободы». Почему? Да потому, там же поясняет Шолохов, что это была «контрреволюционная партия кадетов» (см.: М. А. Шолохов. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, стр. 245).

Но Стивенс, чтобы запутать читателей, пишет: «Прийма не принял во внимание тот факт, что Шолохов делал много изменений в своем первоначальном тексте, по мере того как шли годы; отрывок, из которого взят этот пример, особо экстенсивно претерпел (был изменен) от авторских ревизий. Мистер Прийма знает об этих ревизиях, поэтому можно милосердно предположить, что он проглядел этот пункт»[65]. И даются ссылки на статью «Эволюция текста «Тихого Дона» и монографию «Михаил Шолохов» американского профессора Давида Стюарта.

Но, во-первых, за истекшие 40 лет Шолохов не подвергал эту главу каким-либо изменениям, не вычеркнул из нее ни одной строки. Авторский текст 1929 года без изменений дан в первом Собрании сочинений М. Шолохова (М., ГИХЛ, 1956—1957 гг.)

и во втором, юбилейном Собрании сочинений писателя (М., «Художественная литература», 1965). Переводчик же Г. Стивенс, как выше было отмечено, из 375 строк авторского текста этой самой главы действительно выбросил 175 строк, превратив Кривошлыкова в друга кадетов.

Во-вторых, ссылка на труды Давида Стюарта совершенно неуместна, так как он не обратил внимания на извращение позиции Кривошлыкова в переводе Г. Стивенса.

Так же несостоятельно в этом письме утверждение Г. Стивенса о том, что Шолохов якобы доволен его переводом.

Судя по фотокопиям писем в издательство «Иностранных рабочих в СССР», М. А. Шолохов еще в 1934 году весьма интересовался английским изданием «Тихого Дона» и просил специалистов написать ему, «как выглядит перевод». А по возвращении из Англии в письме тому же издательству в октябре 1935 года он прямо высказал свое пожелание: «По вопросу о переводе могу сказать следующее: неточности, допущенные Ст. Гарри, безусловно должны быть исправлены, так как весьма часто они искажают смысл...»[66]

28 августа 1966 года я привез М. А. Шолохову в Вешенскую образцы английских и американских изданий «Тихого Дона» 1934, 1941 и 1966 годов. После знакомства с переводом Стефана Гарри М. А. Шолохов сказал:

«...Еще до войны я знал, что «Тихий Дон» грубо сокращен и что в переводе имеется много неточностей. Но я не знал, что мой роман там, в Англии и США, так изуродован и опустошен. Я не думал, что в странах, которые так кичатся «свободой слова и печати», возможен такой разбой и игнорирование воли автора...»

В августе 1966 года ростовская областная газета «Комсомолец» напечатала мою статью «Шедевр века. К вопросу о расправе над «Тихим Доном» в Англии». Ознакомившись с ней, М. А. Шолохов выразил свое отношение в автографе, который оставил на газетной странице:

«Благодарю за ревностное отношение к целостности «Тихого Дона».

28. 8. 1966 г. *М. Шолохов*»[67].

Что же касается клятвенных заверений Г. Стивенса все в том же письме в «Таймс литерери саплемент», что он был «единственным ответственным за сокращение «Тихого Дона», что он был «абсолютно свободен» и что ему «никто из «Путнам» не давал инструкций идеологического и политического характера», так как он «отказался бы принять любые из этих инструкций», мы можем сказать одно: Констант Хантингтон, видимо,

т. Кадишев!

Простите за мое невольное (был в отсутствии) молчание. Посылаю обе книги «Тих. Дона». По вопросу о переводе могу сказать следующее: неточности, допущенные Ст. Гарри, безусловно должны быть исправлены, т. к. весьма часто они искажают смысл. Что касается сокращений, — то этот вопрос пусть решает ред. В конце этого м-ца я буду в Москве и тогда будут разрешены все остальные вопросы, в частности и то, о чем писала т. Литвинова (проверка перевода Гарри по главам).

IV кн. будет готова не раньше конца этого года.

14-I-35 г. С прив. Шолохов

P.S. Спасибо за присланные книги.

Шол

Автограф письма М. Шолохова в издательство «Иностранных рабочих в СССР» (1935).

хорошо знал «угол левизны» переводчика и не ошибся в нем.

Достойно сожаления, что и после присуждения М. А. Шолохову Нобелевской премии в Англии и США «Тихий Дон» продолжают издавать в том же извращенном виде. Очевидно, какие-то влиятельные силы в Англии все еще давят на издательство «Путнам» так же, как и на редакцию Британской энциклопедии, — силы, кои не могут смириться с правдой жизни шолоховской эпопеи и с ходом истории.

Надо надеяться, что прогрессивные люди Англии — писатели, журналисты, общественные деятели, группирующиеся вокруг коммунистической газеты «Морнинг стар», все же создадут полный и точный перевод «Тихого Дона».

ВЕНГРИЯ

I

В начале 30-х годов на заводе Ростсельмаш судьба свела меня со многими иностранными рабочими. Среди них один был из Венгрии — комсомолец Людвиг Сюч, токарь по металлу. Волевой, вдумчивый, необычайно начитанный, он поразил меня своей любовью к Шолохову и его творчеству. Мы жили в одном доме, работали в инструментальном цехе и крепко дружили.

У Людвига было много зарубежных изданий «Тихого Дона», он собирал статьи советской и иностранной прессы и на досуге составлял «Szòtár» — словарь трудных слов из романа. Жил он мечтой — перевести хотя бы одну шолоховскую книгу на венгерский язык. Людвиг бывал в Берлине, Праге, Стокгольме и знал много любопытного о впечатлении, которое производил «Тихий Дон» за рубежом.

Среди книжных богатств Людвига Сюча имелась совершенно уникальная вторая книга «Тихого Дона» сброшюрованная из глав, напечатанных в журнале «Октябрь» (М., 1928). Людвиг от матери с детства знал чешский и немецкий языки, а в юности основательно взялся за русский. В 1929 году, работая в Берлине металлистом, он читал Ленина, Горького, знал наизусть на русском «Песнь о Буревестнике», увлекался «Записками охотника» Тургенева.. Был участником пролетарской первомайской демонстрации в Берлине, которую расстреливала полиция, в числе многих тысяч юнгштурмовцев отстаивал баррикады в районе красного Веддинга.

Архивы сохранили интересные заметки Людвига Сюча о его встречах с книгами Шолохова за рубежом. Вот одна из них, помещенная в стенгазете «Коминтерновец» клуба иностранных рабочих Ростсельмаша (май, 1935):

«...В мае 1930 года на книжный рынок Берлина поступил третий выпуск первой книги «Тихого Дона». На цветной суперобложке очарованные читатели увидели портрет Шолохова — молодого, голубоглазого донского казака в серой шапке. На этот раз роман был издан так роскошно, как издавали в Германии Гёте и Л. Толстого. Повсеместно — в трамваях, на стадионах, в библиотеках Берлина — кипели споры о «Тихом Доне», пацифизме Ремарка и новой России. О первой мировой войне уже

было издано немало книг. Шолохов всему человечеству сказал новое слово о России, всю горькую правду о муках рождения нового мира!

Повторяю: Шолохова я впервые читал на баррикадах красного Веддинга. Страницы из «Тихого Дона» о ленинском понимании сущности революционной ситуации, о братании русских и немецких солдат в окопах (вспомните, как солдат Валет отпускает немца: «У меня к тебе злобы нету!»), и коварство палачей, казнящих большевистский отряд Подтелкова, и романтическая драма Бунчука и Анны, и трагические заблуждения Григория Мелехова, и скорбный, но жизнеутверждающий реквием Шолохова (в финале II книги) над могилой Валета («И еще — в мае бились возле часовни стрепета...») — все это вошло в мое сердце на всю жизнь.

Людвиг Сюч, венгерец,
член берлинского юнгштурма»[1]

В моем дневнике 1935 года сохранилась следующая запись рассказа Людвига Сюча: «Начал я читать «Тихий Дон» на баррикадах в Берлине, а закончил в Праге. Пришлось бежать на время в Чехословакию, так как полиция вылавливала юнгштурмовцев, которые сражались за честь и свободу... В первом чтении роман Шолохова был для меня букварем художественного русского слова. При втором чтении я был потрясен трагической любовью Григория и Аксиньи, описанием казачьей жизни и шолоховским пейзажем. Третье чтение «Тихого Дона» открыло мне поэзию борьбы и философию духа большевизма».

Я привел эти документы для того, чтобы сказать: простые люди труда на Дунае, Хуанхе, Миссисипи и всюду, когда к ним в руки попадал «Тихий Дон», разбирались в его сущности порою быстрее и глубже, чем некоторые известные критики. Людвиг Сюч говорил: «...я верю, что придет еще время, и «Тихий Дон» будут читать на Дунае и Тиссе!..»

Как давно это было! Но время, о котором мечтал мой друг, пришло. Работая над этой книгой, я познал радушие наших друзей в Венгрии, братскую сердечность и внимание к моим письмам и разысканиям.

* * *

В 1962 году от журналиста А. И. Лукина, участника освобождения Будапешта, я услыхал романтическую легенду об издании «Тихого Дона» в Венгрии в годы войны. Я даже не поверил журналисту, но он клятвенно уверял: «Как это там было — не знаю, но я сам держал в руках все четыре тома в цвет-

ных суперобложках. Венгры говорили мне, что, когда за романом в магазины ринулись сотни покупателей, хортисты отнимали у них книги и там же, на улицах сжигали на кострах. Цензура и полиция прозевала прорыв «красного» романа на книжный рынок. Издателя взяли под арест. Весь тираж конфисковали. В Будапеште в архиве начальника генштаба Сомбатхея или Сомбархая лежит судебное «дело» — «Акция против «Тихого Дона». Я сам его видел! Даже кое-что себе позаписал...»

Меня это очень заинтересовало. В Москве я обратился в Институт мировой литературы имени А. М. Горького и получил там веские подтверждения. Позже я направил письма в Будапешт — в архивы, к литераторам, в ЦК партии венгерских коммунистов и получил редкие издания книг Шолохова, фотокопии статей из прессы, архивные документы. Венгерские журналисты в Москве Габор Сатмари и Шандор Пирити помогли мне найти будапештские адреса первого переводчика «Тихого Дона» Шандора Бенами и книгоиздателя Имре Черепфалви, выпустившего в 1942 году роман в четырех книгах.

Шандор Бенами и Имре Черепфалви оказались давними и верными друзьями Советского Союза, буквально влюбленными в «Тихий Дон». После разговора с ними по телефону я решил обязательно съездить в Будапешт.

II

«Потребовались годы, чтобы наконец «Тихий Дон» на немецком, чешском или французском языке отдельными экземплярами проник в Будапешт».

Этими словами начал свой рассказ Шандор Бенами — организатор первого издания (1935) и переводчик второй и третьей книг «Тихого Дона», когда я встретился с ним 19 декабря 1965 года в Будапеште в редакции журнала «Ország Vilag» («Весь мир»).

— Мой перевод уже устарел, — говорил Шандор. — Устарел так же, как и я. Вам, видимо, надо обратиться к новому переводчику «Тихого Дона», к Имре Макаи — прекраснейшему знатоку русского языка. Он с Карпат. Поверьте, он подарил Венгрии переводы ста русских книг — от Гоголя и Толстого до Горького и Шолохова. Вам к нему надо идти...

Маленький, седой Шандор Бенами был смущен и даже растерян. Но я пояснил ему, что мне крайне важно знать историю первого издания. Мне известно, что теперь издавать Шолохова легко, а вот как было в 30-е годы?

Шандор подал мне ветхий томик «Тихого Дона» (в переводе

Рене Суран) 1935 года издания и заговорил, медленно подбирая русские слова:

— Венгерская рапсодия о «Тихом Доне» будет печальна. Мне трудно вам ее передать, как бывает трудно взять в руки букет роз, где ни ступень — острые шипы, глубоко ранят, и боль эта ноет в моем сердце и в эти дни. Но, конечно, чувствуешь и великую радость — гордость, что в то далекое и тяжелое время мы с Рене Суран, беспартийные люди, горячо любившие Советскую Россию, смогли дать Венгрии одну тысячу экземпляров «Тихого Дона». Рене Суран страстно говорила тогда: «В этот дымный, мрачный, буржуйский Будапешт надо бросить адскую бомбу или само солнце».

В начале 1934 года мой учитель, коммунист Ласло Уйвари (настоящий борец, позже умерший на Кипре), сообщил мне, что в Будапешт непостижимо как проник советский роман «Тихий Дон» на немецком языке. И продается в центре города у книготорговца Мюллера. День и ночь я читал эту книгу. Рене Суран и я решили ее перевести и издать. Но чтобы переводить с немецкого на венгерский, надо было для контроля найти русское издание романа. Уже тогда я знал немножко русский язык. И я поехал в Вену к букинистам, у них за хорошие деньги всегда можно было купить даже черта.

В лавке «Книга-кириллица» я нашел роман Шолохова. Обрадовался и огорчился: в таможне псы-чиновники отберут. Но французское слово на титульной странице — Paris — обнадежило. Книга была издана в Париже. Может, это слово окажется пропуском на кордоне? Спрятал «Тихий Дон» в рюкзаке и контрабандой по Дунаю провез его в Венгрию.

Но радость была преждевременной. Великие испытания были еще впереди. Никто из издателей не желал печатать роман «красных». Рене Суран приступила к переводу первой книги романа, а я безуспешно бегал по издательствам. И в то время, когда мы были без гроша, когда отчаяние уже охватывало нас, директору фирмы «Рожавёльди» Мано Маутнер понравились первые главы перевода Рене Суран, и он взялся издать и распространить одну тысячу экземпляров первого тома. Он даже выдал нам небольшой аванс, но отказался поставить марку своей фирмы на титульной странице романа Шолохова. Побоялся полиции. А цензура-прокуратура — у нас прокуроры были и цензорами — уже требовала марку фирмы, кто будет нести политическую ответственность за издание романа. Тогда я снял в отеле «Континенталь» во дворе комнатку и у входа прибил вывеску «Новое издательство «Эпоха». И дал заявку в цензуру с предъявлением паспорта. Все сошло великолепно. В Будапеште появилась новая книжная фирма «Эпоха». Я — ее директор. Цензура разрешила к печати первый том «Тихого Дона» тира-

жом в одну тысячу экземпляров. И мы были счастливы, как никогда, хотя у нас не было денег на оплату рекламы в газетах.

Первый том «Тихого Дона» сразу же вызвал отклики. Прогрессивная и коммунистическая пресса нас хвалила, а буржуазная и социал-демократическая — проклинала. И тут однажды встретил меня мой профессор Ласло Уйвари. Он был в восторге. Уйвари тряс меня за плечи и допытывался: «Сколько сотен книг выпустил? И как это тебе удалось?» Я сказал: «Всего одну тысячу». — «Великолепно! — ликовал Ласло Уйвари. — Ты держись! Не падай духом. Я уже пишу рецензию в защиту тебя и «Тихого Дона». И действительно, эта защита понадобилась, потому что в буржуазных газетах стали появляться статьи, искажавшие главную идею Шолохова. В них умалчивалось о революции, «Тихий Дон» представлялся как «любовный» роман — и только. А оголтелый реакционер Фридрих, бывший в 1919 году премьером-душителем революции, в своей профашистской газете «Вперед» посвятил роману целую полосу, требуя от прокуратуры закрыть издательство «Эпоха», а меня, как директора, упрятать в тюрьму. В это время Ласло Уйвари в журнале «Корунк» дал крепкий ответ всем реакционным рецензентам, смело заявив, что «Тихий Дон» — это роман социалистический и что он превзошел все романы о крестьянах в мировой литературе». Ласло уже нет в живых, но я хорошо помню эти слова моего учителя[2].

Второй и третий тома «Тихого Дона»,— рассказывал дальше Шандор Бенами,— я переводил сам. Пошел в фирму «Рожавёльди», чтобы продлить контракт, а ее хозяин закрыл уши: «Все, мой друг! Что там у Шолохова дальше? Война и революция? Не могу! Посадят. А я хочу жить и дышать на свободе». Моя «Эпоха» горела от безденежья. Шел второй месяц, как я уже не платил отелю «Континенталь» за аренду комнатки для моего издательства. И вдруг «Бюро налогов» прислало счет за уплату в трехдневный срок налога за выпуск в свет тысячи экземпляров «Тихого Дона». А денег у меня не было ни одного форинта. Деньги, полученные от продажи тысячи книг, с трудом покрыли типографские расходы. Всю неделю я бегал по издательствам и книжным магазинам и всюду мне совали в нос газету премьера-вешателя Фридриха и разводили руками: «Не можем. Сверхопасно!» Однажды прихожу я к себе в контору «Эпохи» и встречаю в коридоре людей, выносящих из моей комнаты пишущую машинку и стулья. «Что вы делаете?» — закричал я им. «Ваша «Эпоха» обанкротилась. Имущество конфискуется за неуплату налогов». Вслед за ними я пошел в «Бюро налогов». Каково же было мое удивление, когда застал там начальника, читающего «Тихий Дон». Он выслушал меня и спросил: «Так это вы издали такой прелестный роман и про-

горели?» В отчаянии я упал на стул: «Да, это я». — «А вторая книга романа скоро выйдет в свет?» — «Нет,— ответил я.— Она еще лежит у меня в портфеле. Я лишь заканчиваю перевод. Но никто не хочет ее печатать. Все боятся». — «А книга великолепная! Они, эти русские, всегда умели брать человека за сердце... И мне хотелось бы прочесть до конца». Начальник закурил, позвал своих людей и распорядился отвезти в контору «Эпохи» пишущую машинку и стулья. Порвав ордер на конфискацию, он пожелал мне процветания и попросил не забыть прислать ему второй том: «Очень уж увлекательный роман!»

И все же я нашел свободомыслящего человека, который взялся продать тысячу экземпляров второго тома «Тихого Дона». Это был книготорговец Роберт Рожняи, с большой лавкой на улице Музеев. Но здесь аванса я не получил. Вместе с женой мы вынуждены были все наши скромные сбережения отдать хозяевам типографии. Мы питались с женой в столовой на улице Фё, и никто из обедавших там бедняков не подозревал, что рядом с ними делится одной тарелкой овощного рагу со своей женой директор крамольного издательства. Наконец и второй том я отнес в прокуратуру. Война и революция озадачили прокурора. И тогда началась «обработка» красным карандашом цензора. За обитой толстой дверью беззвучно выпадали из романа фразы, страницы и целые главы. Я спорил. Доказывал. Приносил статьи из французской прессы о «Тихом Доне». И все же добился, что вторая книга пошла в печать. В продаже второй том имел еще больший успех. Узнав о цензурных сокращениях, люди стали выписывать книгу из Парижа, Праги, Вены. А я продолжал бедствовать, так как и эта фирма отреклась от меня. Третью книгу «Тихого Дона» мне помог издать книготорговец Ласло Бургер, а распространяли — безработный левый профессор Берталан Сикл, рабочие Оровец и Ковач. Когда Берталан Сикл случайно заглянул к книготорговцу Андору Дёзе и предложил его магазину 100 экземпляров, богач выгнал его: «Как вы смели зайти ко мне с книгой большевика Шолохова!»

В 1939 году, после заключения договора о ненападении между Москвой и Берлином, в венгерской цензуре несколько улучшилось отношение к советской литературе. Теперь уже многие издатели готовы были заработать на романе Шолохова. Право второго издания «Тихого Дона» я передал фирме Имре Черенфалви. Было решено выпустить роман большим тиражом с иллюстрациями. Но тут началась война, и Черенфалви сумел выпустить роман лишь в январе 1942 года. Издание это вызвало в Будапеште переполох. В дело вмешался начальник генштаба Сомбатхеи. Переводчица Рене Суран оказалась за решеткой, меня сдали в солдаты. Черенфалви отправили в военную тюрьму. Писатель Лёринц Кован, переведший четвертую книгу рома-

на, скрылся. Фашисты в парламенте сделали запрос премьеру: «Как и почему «Тихий Дон», роман красного офицера Михаила Шолохова, сражающегося против нас и фюрера, мог выйти в Будапеште?» Но что там было — вам лучше меня расскажет сам Имре Черепфалви, потому что я тогда с автоматом, в солдатских ботинках месил грязь в Трансильвании...»[3]

Такова «венгерская рапсодия» о «Тихом Доне», которую рассказал мне Шандор Бенами — простой, скромный и очень давний друг нашей Родины.

III

В прессе Венгрии первое слово о Шолохове появилось весной 1929 года на страницах коммунистического журнала «100%» в статье «Новый Толстой в русской литературе», которая, как теперь стало известно, принадлежала перу коммуниста-писателя Бела Иллеша[4].

«Советская печать, — читаем мы в этой статье, — почти единодушно приветствует как «нового Толстого» одного молодого казака Михаила Шолохова. Главная причина беспримерного успеха Шолохова заключается в изменениях, происшедших в российских литературных кругах... И самое глубокое изменение таится в том, что читательские массы интересуют не фрагменты о революции, не отдельные эпизоды, а революция в целом. Если в первые годы после гражданской войны пальма первенства принадлежала писателям, рисующим отдельные эпизоды, то теперь читательская общественность требует крупные произведения, романы, которые отобразили бы весь путь «от мира и до мира» — от царской России до строительства социализма. Так вот роман Шолохова «Тихий Дон» наиболее отвечает этому требованию... Молодой казак-писатель создал исключительно ценное произведение...»

Отмечая огромный рост культурного уровня читательских масс в СССР, Бела Иллеш писал, что «русского рабочего уже не удовлетворяют книги, воспевающие отдельные подвиги в гражданской войне, и даже «производственный роман» Гладкова «Цемент» — уже пройденный этап, и лишь тот настоящий пролетарский писатель, кто поймет и сумеет отобразить революцию в целом. Этот тип писателя и открывается «новым Толстым»[5].

Надо здесь отметить, что эта статья Бела Иллеша была первой столь высокой оценкой романа «Тихий Дон» в прессе не только Венгрии, но и всей Европы (март 1929 г.).

Пресса Компартии Венгрии в трудных условиях полулегального существования была активным пропагандистом советской литературы и, в частности, творчества М. А. Шолохова (журналы «100%», «Тарнадалми семле», «Шарло эш Калапач» и др.).

До выпуска Шандором Бенами перевода первой книги «Тихого Дона» о Шолохове появилось всего две статьи: одна маленькая рецензия в мартовском номере (1930) газеты «Форраш» и другая в декабрьском номере (1930) коммунистического журнала «Корунк», выходившего в г. Клуж (Румыния) на венгерском языке. Автор последней статьи «Новые русские романы», талантливый журналист Золтан Фабри, ранее других дал высокую художественную оценку «Тихому Дону» как произведению «нового гуманизма» и отметил одну из важнейших его проблем, имевшую всемирное звучание: прямо заявил о том, что гуманизм Шолохова зиждется «на марксистско-ленинском тезисе о превращении войны империалистической в гражданскую» и что «в Тихом Доне» этот социальный переворот на наших глазах становится живой действительностью»[6]. З. Фабри предсказывал, что «роман Шолохова станет гордостью мировой литературы».

В то время журнал «Корунк» имел небольшой тираж, но пользовался в Венгрии популярностью. По свидетельству еженедельника «Элет э иродалми» («Жизнь и литература», 1959), в Венгрию «попадало лишь несколько сот экземпляров этого журнала. Но вместе со словом замечательного журналиста Золтана Фабри к нам приходили добрые вести о новинках советской и эмигрантской венгерской коммунистической литературы»[7].

Именно из статьи журнала «Корунк» венгры впервые в декабре 1934 года могли узнать об огромном успехе в СССР, Франции и Чехословакии «Поднятой целины». И здесь снова мы видим смелую и ясную аттестацию. «Проблемы коллективизации русского села, — писал автор этой статьи Эде Матраи, — вскрыты и изображены Шолоховым столь зримо, глубоко и всесторонне, что роман воспринимается как откровение. «Поднятая целина», написанная в духе лучших традиций русских классиков, является крупнейшим достижением новой, современной литературы»[8].

Чтобы оценить силу и значимость статей журнала «Корунк», надо еще раз напомнить, что в ту пору в Венгрии говорить правду об СССР избегали, что власти старательно укрепляли «санитарный кордон» на своих границах против проникновения «идей Коминтерна».

Разрешив Шандору Бенами издание «Тихого Дона», власти и цензура спохватились и категорически запретили публикацию «Поднятой целины». На венгерском языке (перевод писателя Аладара Тамаши) книга вышла лишь в 1938 году в Чехословакии под названием «Новая борозда, вспаханная плугом»[9] и ввозилась в Венгрию нелегальным путем. Тем не менее революционное влияние «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в Венгрии было чрезвычайно велико.

Летом 1935 года редакция прогрессивного литературного журнала «Вилагиродалми семле» («Обзор всемирной литературы») опубликовала статью Ромена Роллана «О роли писателя в современном обществе», в которой Шолохов был назван продолжателем «великой реалистической традиции предшествующей эпохи, составляющей душу русского искусства». Столь высокая оценка получила в Венгрии широкий резонанс и вдохновила многих прогрессивных литераторов на выступления в прессе со статьями о литературе социалистического реализма. Одной из первых и лучших является статья профессора коммуниста Ласло Уйвари в сентябрьском номере журнала «Корунк» (1935), в которой он спокойно и толково объяснил, почему «Тихий Дон» Шолохова, повествующий о казачестве Дона (а значит, о крестьянстве!), о трудной судьбе казака-правдоискателя Григория Мелехова, все же надо признать произведением социалистического реализма. Не тема, не эпоха, не социальная принадлежность персонажей определяют главную идею произведения, говорит Ласло Уйвари, а метод, точка зрения художника, его идейная позиция: «Социалистическим может быть и роман о личной судьбе человека, если он открывает те связи и обстоятельства, которые характеризуют место человека в обществе». А все это зависит от мировоззрения художника. Шолохов же в «Тихом Доне» поведал миру не только судьбу одного человека — казака Григория Мелехова, но и судьбу целого народа, открыл нам «старые связи, их разрушение и рождение новых». «Тихий Дон» — это летопись о том, «как с приближением революции 1917 года прояснились головы в народе», как революционные идеи овладевали массами.

Ласло Уйвари, анализируя мастерство Шолохова, развитие им лучших традиций русских классиков, показывает, как под пером писателя-новатора «рождается социалистический роман, как старая повествовательная форма наполняется новым содержанием... Писатель так просто ткет из слов свое повествование, что в нем нет ни агитации, ни пропаганды. Но это — настоящая литература, мастерское искусство и вместе с тем ясная социалистическая устремленность». Вот это мастерство Шолохова критик называет новаторским, коему надо учиться.

По мнению Ласло Уйвари, «Тихий Дон» настолько богат и неисчерпаем по содержанию, что превосходит (буквально заткнет за пояс!) крупнейшие крестьянские романы мировой литературы»[10].

Буржуазные критики Венгрии решительно выступили против основных тезисов Ласло Уйвари (особенно в журнале «Саза-дунк»), перепевали наветы реакционной прессы Парижа, Лондона, Нью-Йорка: в «Тихом Доне» нет, дескать, ничего нового по сравнению со старыми классиками.

Писатель Лайош Кашшак в ноябрьском номере журнала либеральной буржуазии «Ньюгат» за 1935 год называет «Тихий Дон» «истинно русским романом, становящимся рядом с творениями Толстого, Гоголя и Гончарова», но при этом обходит идейную направленность романа, который будто бы родился «сам по себе». «Это не современная идейная литература,— пишет Л. Кашшак. — Во всяком случае, в большей своей части это просто цветущая, здоровая ветвь великой русской литературы прошлого, одно из настоящих ее звеньев и, может быть, именно поэтому исполненная не только внутреннего благородства, но и удивительной молодости и новизны»[11].

Однако, наряду с этими односторонними выступлениями, даже в буржуазной и социал-демократической прессе изредка появлялись статьи весьма прогрессивного звучания. Так, в том же журнале «Ньюгат» в 1935 году была напечатана яркая и правдивая статья журналиста Золтана Фабри «О казаках Шолохова — в третий раз!» (в связи с выходом в свет в Вене на немецком языке третьей книги романа).

«Вышел третий том всемирно известного романа Шолохова «Тихий Дон», а ему все еще нет конца! — писал Золтан Фабри.— У «Тихого Дона» хватит содержания еще на один том, он неисчерпаем, полон людьми, полон горечи и впечатлений. Но он не может надоесть! Не может надоесть жизнь, показанная без остатка, во всей ее полноте, со всеми ее взлетами и падениями... Великий казачий эпос Шолохова!... Поймать жизнь в фокус увеличительного стекла и изобразить ее во всем богатстве! Как мало среди писателей, кто умеет это делать. А Шолохов умеет только это, и в этом секрет его большого писательского искусства... Речь идет об изменении людей, об изменении мира, и, как мы уже писали пять лет назад, Шолохов избрал для показа этого изменения самый трудный материал — казачество... Идет самая ожесточенная борьба, но постепенно умы все же проясняются, и казаки, вступившие в союз с контрреволюцией, переходят на сторону красных, которые борются за то, чтобы лучше жили все!»[12]

В социал-демократической газете «Непсава» также изредка прорывались статьи весьма доброжелательные. Так, в 1935 году критик Сп. А. в статье «Душа народа», называя «Тихий Дон» «выдающимся романом новой русской литературы», пророчил ему «долгую жизнь»[13]. Того же мнения был журнал «Пешти напло», утверждавший, что «Шолохов словно кистью написал этот народ с толстовской силой»[14].

IV

Еще раз отметим, что с середины 30-х годов пресса подпольной Компартии Венгрии наиболее последовательно и разносторонне пропагандировала советскую литературу — творчество М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева и других писателей.

Ведущая роль в этом принадлежала коммунистическому журналу «Гондолат» («Мысль»), на страницах которого выступали видные критики и писатели. Особого внимания здесь заслуживают статьи крестьянского писателя Петера Вереша. В своей первой рецензии на «Тихий Дон» в «Гондолате» в мае 1935 года он писал: «Я всегда беру с интересом русское произведение, так как оно приносит мне много более полезного и откровенного, чем западная литература... В «Тихом Доне» Шолохова мы получили настоящую русскую литературу. «Тихий Дон» — это больше чем роман в обычном литературном смысле. Шолоховский «Тихий Дон» — это сама жизнь, изображенная так ярко, выпукло, впечатляюще, как ни в одном самом достоверном повествовании»[15].

Вторая статья Вереша о «Тихом Доне», напечатанная там же в 1936 году, сообщает нам об огромном влиянии Шолохова на мировоззрение этого писателя. Рассматривая проблемы историзма, правдивости изображения и позиции художника по отношению к действительности, Вереш после прочтения двух томов «Тихого Дона» писал: «Я побежден! Я потрясен тем, как Шолохов схватил и изобразил рождение нового мира, новых людей и новых мыслей в окопах войны, на Дону и в ходе революции. Люди у Шолохова — живые... И как это своеобразно схвачено и запечатлено! Законы движения жизни в ходе революции и своеобразную логику революционного действия — вот что открыл Шолохов». В этой статье Вереш, детально анализируя образ Бунчука «революционера-большевика, человека совершенно нового типа, неизвестного европейской литературе», отметил, что «Шолохов показал нам этого героя в движении, росте и борьбе, сделав понятным для всех. Бунчук — это рыцарь, символ добровольной дисциплины в революции»[16].

И двадцать лет спустя Петер Вереш еще вернется к этой теме и скажет следующее: «...читая «Тихий Дон», мы поняли, что в России нет места для реставраций: там действительно рождался новый мир, где не могло быть ни соглашения, ни примирения, ни дороги назад, ни третьего пути. Ленин и его солдаты — Бунчуки, Миши Кошевые, Нагульновы и Давыдовы — были совершенно иными людьми, чем революционеры 1789 и 1848 годов. Они были революционерами-большевиками!»[17]

В редакционной статье журнала «Гондолат» (1936) «Тихий Дон» был оценен как «выдающийся образец социалистического

реализма», открывший читателям Запада «движущие силы жизни и революции», как советский роман, «воздействующий на боевое развитие зарубежного пролетариата». Писатель назван «выдающимся мастером советского эпоса, продолжателем великих традиций М. Горького»[18].

Статьи о Шолохове систематически печатаются, кроме этого журнала, в других изданиях коммунистической прессы. К ним относятся «Келет непе», «Корунк», «Шарло эш Калапач» (который печатал в 1937 г. главы из IV книги «Тихого Дона»), московский журнал «Уй ханг» и другие. Для венгерских критиков и писателей-коммунистов, для многих представителей демократического движения «непи прок» — народных писателей, — как Петер Вереш, Дюла Йеш (приезжавший на I съезд советских писателей в 1934 г.), творчество Шолохова становится образцом новой социалистической литературы.

* * *

Давно работающая в Будапештском университете на кафедре славистики доцент Эржебет Каман — исследователь творчества Шолохова и активная пропагандистка его творчества — в беседе со мною рассказала:

— В Венгрии М. Шолохов, наряду с М. Горьким, оказал сильное влияние на развитие социалистической литературы и разработку важнейших проблем теории искусства. Он привлек к себе внимание венгерского читателя, особенно прогрессивной интеллигенции и рабочего класса. В этом большую роль сыграла целенаправленная деятельность Компартии Венгрии и левых кругов интеллигенции. Популярность книг Шолохова была необычайно велика. В то время о нем писали Л. Уйвари, З. Фабри, Б. Иллеш, П. Вереш, Л. Немет, Фея Геза, М. Радноти, Матэ Залка, Л. Кашшак и многие другие. А переводом его книг, кроме Рене Сурап и Шандора Бенами, занимались писатели Томаш Аладар, Лапп Шаролта, Ковач Лериц. Критические статьи о его романах были напечатаны в журналах «100%», «Гондолат», «Сабад праш», «Шарло эш Калапач», «Ньюгат», «Литература», «Келет непе», «Социализмуш», в газете «Непсава» — т. е. в важнейших периодических изданиях того времени. О глубине влияния его книг свидетельствует тот факт, что венгерская литературная критика в связи с произведениями Шолохова ставила важные принципиальные вопросы. Так было, когда в 1936 году журнал «Гондолат» вел дискуссию о «новом реализме» (цензура запрещала термин «социалистический реализм»), и в начале 40-х годов, когда журнал «Келет непе» начал обсуждение проблем пролетарской литературы. Романы Шолохова проникали к коммунистам даже в тюрьмы.

V

Еще до отъезда в Будапешт я получил на шолоховскую выставку от первого секретаря ЦК ВСРП тов. Яноша Кадара ценнейший подарок — четыре книги «Тихого Дона» (издания 1942 г.)[19], фотокопию «Акции к запрещению распространения книги «Тихий Дон» М. Шолохова» и другие фотодокументы из архивов.

Книги были изданы хорошо, в черных коленкоровых переплетах, на плотной бумаге. Титульная страница первого тома яркая, цветная: на фоне пожарища над Доном — черный силуэт скачущего на коне Григория Мелехова.

Однако содержание книг было изуродовано. Фашистские прокуроры выбросили из «Тихого Дона» не только отдельные абзацы и страницы, но даже целые главы. Так, например, в первой части романа изъята IV глава. Это одна из чудесных, поэтических глав о грозе над хутором Татарским и памятном для Григория и Аксиньи лове рыбы в Дону. Непонятно, что крамольного нашли здесь цензоры? Во второй части изъята VII глава — о хуторском сходе, где Иван Авдеич Брех, рассказывая комическую байку о ловле «первого злодея империи», насмешливо отзывается о царе. Сокращено, видимо, по политическим соображениям. Всего изъятого цензурой не перечтешь.

Наиболее жестокой расправе подверглась четвертая книга. Из 47 глав цензоры сократили 15! Во многих буржуазных странах цензоры, всяк на свой лад, кромсали текст «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Но такая расправа, какую учинили в Будапеште, была под стать только «просвещенным» издателям Англии и США. Цензоры поставили «конец» на III главе восьмой части, где изображается смерть Ильиничны, матери Григория Мелехова[20]. А все последующие 15 глав (164 страницы) — возвращение Григория Мелехова из Первой Конармии в родной хутор, его столкновение с зятем Мишкой Кошевым, пребывание Григория в банде Фомина, побег Аксиньи с Григорием, возвращение Григория в хутор Татарский — изъяты.

Но даже в таком истерзанном виде «Тихий Дон» вызвал опасение в высших военных кругах Венгрии. Вследствие чего и появилась пресловутая «Акция к запрещению распространения книги «Тихий Дон» М. Шолохова», предпринятая в 1942 году начальником венгерского королевского генерального штаба Сомбатхеи. Вот полный текст этого архивного документа в переводе на русский язык:

«Начальник
венгер. королев. генштаба

52. 152

Его превосходительству
г-ну Радочаи Ласло,
венгер. королев. тайному советнику,
венгер. королев. министру юстиции

Будапешт, 1942, 2 мая.

Имею честь обратить Ваше уважаемое внимание на книгу «Тихий Дон», автор которой, Михаил Шолохов, является самым выдающимся писателем Советского Союза. Я считаю сомнительными и многие места этой книги, которые перечисляю подробно в «Приложении», так как они протаскивают тайную большевистскую пропаганду: говорят о справедливости большевизма, о его гуманности, представляют большевиков как людей, верующих в бога, добрых и справедливых, которые помогают бедным и даже к врагам не относятся бесчеловечно, тогда как, напротив, белые жестоко относятся к красным; кроме всего этого, в романе есть антимилитаристические, пацифистские выступления.

Роман, пожалуй, столько же хорошего говорит о белых, как и о красных, но и плохое рассказывает об обоих лагерях. Таким образом, на первый взгляд, одинаково говорит об обоих, скрывая коммунистическую пропаганду, чтобы легче рассеивать семена деструкции*. Этой же цели служит и то, что слишком откровенный стиль романа лишен вкуса, а грубые выражения и описания популяризируют порочную мораль коммунистов.

Книга появилась в издательстве «Черепфалви», владелец которого (еврейского происхождения), как и остатки тиража, сейчас находится под арестом.

На основании всего этого я считаю нежелательным разрешать дальнейшую продажу книг и поэтому прошу, Ваше Превосходительство, обдумать средства к запрещению дальнейшего распространения книги, т. е. ее конфискации, тем более что книга, помимо скрытой большевистской пропаганды, как, впрочем, хорошо написанная книга, представляет русскую литературу в благоприятном свете.

Также, с уважением к Вам, прошу запрещения издания последнего (IV) тома, могущего быть продолжением.

Сомбатхеи»[21]

В «Приложении» начальник генштаба ставит в вину Шолохову, что он «восхваляет Маркса — глашатая коммунистических идей»[22]. Генерал-критик имеет в виду главу романа, в которой

* Разрушения.

Христоня рассказывает хуторянам и Штокману комический эпизод из его службы в царском дворце, когда студенты подарили казакам «патрет заглавного смутьяна немецкого роду» — Карла Маркса! (т. 2, стр. 163*). Сомбатхеи возмущается тем, что Шолохов пишет о «деспотизме царского самодержавия» (т. 2, стр. 248 — в сцене ареста Штокмана), что русский писатель смеет писать о «грабеже немцев, бегстве венгров перед казаками и об ужасах войны» (т. 2, стр. 268, 335, 374—376) и что Шолохов «высмеивает персону царя и царицы» (т. 2, стр. 389). Сомбатхеи в «Приложении» отмечает, что вторая и третья книги романа возбуждают антимилитаристические настроения солдат, что «Тихий Дон» проповедует справедливость и гуманность большевизма и революции», «воспевает свободу и равенство в красной России». Страницы героической борьбы Красной гвардии с белыми на Дону заставили Сомбатхеи в «Приложении» особо подчеркнуть: «Шолохов убеждает, что правда на стороне красных! Большевизм справедлив!» И далее, отметив еще многие страницы и главы «Тихого Дона», в которых Шолохов «воспевает торжество Советов и свержение власти богатых», Сомбатхеи делает заключение: «Тихий Дон» М. Шолохова — опаснейшая книга, рассеивающая семена деструкции»[23].

Как же реагировал на эту «Акцию» королевский тайный советник и блюститель правопорядка?

Министр юстиции Радочаи Ласло почему-то затормозил ход «Акции» и лишь два месяца спустя направил запрос в королевскую прокуратуру, ведавшую делами цензуры. Вот этот документ:

«Господину главному прокурору. Будапешт.

Дело: Акция начальника венгер. королев. генштаба о запрещении распространения книги М. Шолохова «Тихий Дон»

Господин начальник генштаба сообщает, что оставить в продаже книгу «Тихий Дон» он считает опасным с точки зрения интересов защиты родины, так как она проводит порочную коммунистическую пропаганду и способна представить русскую литературу в благоприятном свете. Просит нас обсудить вопрос о запрещении распространения книги и воспрепятствовать в дальнейшем выпуску возможного продолжения романа.

Пересылая Вам заявление венгер. королев. начальника генштаба вместе с «Приложением», прошу, Ваше Превосходитель-

* Для ориентации читателя нумерация томов и страниц дана соответственно Собр. соч. М. Шолохова. М. ГИХЛ, 1956—1957.

ство, чтобы Вы высказались по вопросу о целесообразности судебного процесса в связи с вышеупомянутой книгой «Тихий Дон» и дали бы указание королевской прокуратуре, чтобы могущая иметь продолжение вышеупомянутая книга была проверена с повышенным вниманием.

Будапешт — *Радочаи Ласло*»[24].
24 июля 1942 г.

Фашистская пресса и военные с яростью доказывали опасность шолоховского романа, требовали возбуждения судебного процесса против переводчика и издателя. В то же время в правительственных верхах были лица, кои почему-то сомневались в целесообразности передачи дела в суд. Они были за запрещение романа, за цензурную проверку IV тома «Тихого Дона» «с повышенным вниманием», но без большой огласки и без суда.

В это время фашисты в парламенте сделали официальный запрос министру юстиции о причинах выхода в свет «Тихого Дона». А чиновники «Отдела новых законов» спешно разрабатывали любопытный проект закона. Вот одна из страничек, проливающая свет на причину переполоха в правительственных кругах:

«Его Превосходительству г-ну Радочаи Ласло,
венгер. королев. тайному советнику,
венгер. королев. министру юстиции
Будапешт

Имею честь известить Ваше Превосходительство о том, что я запросил мнение будапештского королев. главного прокурора относительно пересылки нам книги («Тихий Дон») и возбуждения судебного процесса.

Сообщаю также Вашему Превосходительству, что я представил господину премьер-министру (приложение № 2) проект постановления с той целью, чтобы в интересах ведения военных действий или с целью защиты других важных интересов государства можно было бы воспрепятствовать распространению не только «Тихого Дона», но и таких печатных трудов, против которых, между прочим, нельзя возбудить судебного процесса, которые были изданы до вступления в жизнь распоряжений о цензуре печатных произведений или на размножение и распространение которых властями дано было разрешение.

Июнь, 1942 — *Тамаши*,
начальник IV отдела (проектов новых законов)»[25]

Теперь обратимся к рассказу об этом самого издателя романа «Тихий Дон» Имре Черепфалви, который в то время томился в будапештской военной тюрьме в ожидании суда.

VI

В Москве венгерский журналист Шандор Пирити, организовавший мне по телефону разговор с издателем Имре Черепфалви, говорил: «Старина Имре — старый сокол. Дальнозоркий. И прогрессивных взглядов. До войны он издал у нас много книг русских классиков. И когда к нему заглянули Рене Суран и Шандор Бенами с «Тихим Доном», он, конечно, сразу оценил будущее этой книги. Поверьте, чтобы в Будапеште в январе 1942 года выпустить «Тихий Дон», надо было иметь смелость! Да, соколиную смелость...»

Благодаря стараниям и заботам Йожефа Короди, сотрудника журнала «Орсаг-Вилаг», 20 декабря 1965 года я встретился в Будапеште с Черепфалви. Он приехал в редакцию, и я за чашкой кофе долго говорил с ним как с другом-шолоховедом.

Высокий, с приподнятыми плечами и острым взглядом черных глаз, Имре Черепфалви внешне действительно был похож на старого сокола.

— Спасибо за привет от благословенного тихого Дона! — медленно подбирая русские и немецкие слова, сказал он, обнимая меня. — Но какими ветрами занесло вас на Дунай?

Выслушав мой ответ, Имре Черепфалви задумался и сказал:

— Да, в 1942 году я издал «Тихий Дон» Шолохова. Горжусь этим делом! Выпуск «Тихого Дона» в то время — это был мой взлет в издательской работе! Все мои друзья рассматривали это как удар по фашизму! Какова моя биография? Самая обычная...

Он родился в 1900 году. В 1918 был призван в солдаты. Конечно, был против войны. Когда Франца Иосифа свергли с трона, поступил в университет. Защищал революцию с оружием в руках. До падения Венгерской советской республики был в рядах ее Красной Армии. Затем перешел на нелегальное положение. Бежал в Париж. Там окончил университет, работал в различных издательствах. В 1928 году возвратился в Будапешт и с помощью друзей основал издательство и книжную торговлю.

— Были деньги, чтобы начать серьезное дело, — говорит Имре Черепфалви. — С 1936 по 1942 год десять раз привлекался фашистами к суду за издание прогрессивной литературы. В 1939 году я издал учебник русского языка для венгров десятитысячным тиражом. И за три месяца все продал. Таков был интерес у нашего народа к России. И сам я по этому учебнику учился русскому. Хотелось прочесть в оригинале и «Тихий Дон». Ведь Шолохов — и наш писатель! «Тихий Дон» — это лирическая и героическая песнь. И ради того, чтобы венгры в самые

черные годы читали советский роман, можно было посидеть в военной тюрьме...

— И как долго? — спросил я.

— Немножко. Это был не Освенцим! Нет! И не Майданек! Я был в военной тюрьме всего лишь девять месяцев. Дело в том, что я представил в цензуру заявку на издание «Тихого Дона» еще до начала войны. Главному прокурору мы показали ворох европейских газет: лондонскую «Таймс», парижскую «Монд», берлинскую «Фоссише цайтунг» с великолепными отзывами европейской прессы о Шолохове. И так как в Венгрии это было уже второе издание «Тихого Дона», то королевская прокуратура разрешила печатать. Конечно, были придирки, было сокращение текста. А тут — война. Главная прокуратура запрета на «Тихий Дон» не прислала...

— Как же так?

— Да просто забыли. Я этим воспользовался и в январе 1942 года выпустил в продажу одновременно первую, вторую и третью книги. В Будапеште начался переполох. «Черепфалви» продает «Тихий Дон»! Советский роман «Тихий Дон»! В дело вмешались военные власти — сам начальник генштаба Сомбатхеи. На рукопись перевода и тираж «Тихого Дона» был наложен арест. Активистов распространения романа — профессора Сикла, рабочих Ковача и Лебела — отправили в штрафной батальон. А меня загнали в тюрьму и там взяли за душу: «Где переводчики?» А их у меня было трое: Рене Суран перевела первый том, Шандор Бенами — второй и третий, а Лёринц Кован — четвертый том. Где была Суран — не знаю. Бенами был сдан в солдаты. Лёринц Кован скрылся. Фашистские газеты подхватили «Акцию» Сомбатхеи и завыли на все лады: «Это — рука Москвы и Коминтерна! «Тихий Дон» — красный факел!» Позже от адвокатов, которые взялись меня защищать, узнаю, что военные власти добиваются судебного процесса, что полиция ищет переводчика Леринца Кована и что в фашистском парламенте был поднят вопрос о «Тихом Доне».

— Что же было в парламенте?

— Кто-то из депутатов-хортистов подал запрос министру юстиции: «Почему в Будапеште издан и продается красный роман «Тихий Дон»? Ведь автор — Михаил Шолохов, офицер Советской Армии — сражается против доблестных войск фюрера!» «Акция» Сомбатхеи получила поддержку в реакционных верхах и фашистской прессе. И по всем данным быть бы Имре Черепфалви в Освенциме. Но тут возникли некоторые обстоятельства, которые вынудили главную королевскую прокуратуру защищать честь мундира. Дело оказалось в следующем. Коль скоро Сомбатхеи потребовал судебного процесса против «Тихого Дона», главному прокурору (с ведома которого роман был раз-

решен в печать) надо было подавать в отставку. Заместитель главного королевского прокурора доктор Пал Бароти и министр юстиции Ласло Радочаи извели немало чернил и бумаги, чтобы выгородить главную прокуратуру. Влиятельные силы в высших сферах приняли меры, и «Акцию» Сомбатхеи замяли...

Вскоре мои адвокаты выручили меня из тюрьмы.

— Каков был тираж «Тихого Дона»?

— Десять тысяч экземпляров.

— А почему четвертая книга романа так мала по объему?

— Прокуратура зарезала восьмую часть, — ответил Имре Черепфалви. Задумавшись на минутку, он добавил: — Нет, это не то слово. Цензоры, выполняя приказ министра юстиции, прочли финал романа «с повышенным вниманием». Один из прокуроров возомнил себя соавтором Шолохова и переработал восьмую часть «Тихого Дона» до неузнаваемости! Я не мог печатать эту фальсификацию! Поэтому первые три главы восьмой части романа, не исковерканные фашистской рукой, я присоединил к седьмой части и выпустил в свет четвертой книгой «Тихого Дона». На запрос главной прокуратуры, где же текст восьмой части, я ответил: «Моя фирма трещит по швам. Нет бумаги. Нет коленкора. Я разорился, пока сидел в тюрьме. А восьмую часть я издам позже...» И, знаете, она была издана полным шолоховским текстом!

— Как же это удалось? В подполье?

— Нет. Ваши солдаты помогли. Но это было уже весной 1945 года, после освобождения Красной Армией Будапешта. Вот вам и вся история с «Тихим Доном»...

VII

«В Венгрии, — пишет мне Эржебет Каман, — Шолохов был любим не только прогрессивной интеллигенцией, но и рабочими, в особенности пролетарской молодежью, которая зачитывалась «Тихим Доном», восхищалась стойкостью русских коммунистов, их преданностью революции. На вечерах рабочей художественной самодеятельности читали вслух и даже инсценировали главы из романа. В январе 1945 года рабочие Пешт-Эржебета (промышленный район Будапешта) нелегально отмечали годовщину смерти великого вождя Коминтерна и Советской России В. И. Ленина, и после доклада и художественной части вечера молодежью были показаны драматические сцены из «Тихого Дона»[26].

Андрей Иванович Лукин подтвердил, что в апреле 1945 года на одной из торжественных встреч рабочих Будапешта с частями Красной Армии он видел венгерскую художественную инсценировку из «Тихого Дона» — предъявление Подтелковым ультима-

туму казачьему атаману Каледину. «Это была великолепная постановка! — рассказывал Лукин. — В ее финале — самоубийство Каледина — венгры, да и наши бойцы, видели и слышали много созвучного краху фашистов-хортистов в осажденном Будапеште. Кстати, в своих бумагах я нашел один интересный документ, свидетельствующий о глубоком уважении венгров к Шолохову». — И Лукин подал мне будапештскую газету «Szabad Szó» весны 1945 года. «Что же это такое?» — «Письмо от Тиссы к Дону», — ответил Лукин. «Из осажденного Будапешта?» — «Нет, уже из освобожденного».

Андрей Иванович взял венгеро-русский словарь и продиктовал мне вольный перевод этого документа.

«Письмо от Тиссы к Дону.

Вступление. От редакции «Szabad Szó»: После бесконечных гонений и горьких страданий освобожденный из неволи Красной Армией известный писатель, а в прошлом простой крестьянин Пал Сабо снова среди нас, борется вместе с нами за создание новой, демократической, народной Венгрии. И его, Пала Сабо, первая статья, написанная после раскрепощения, «Письмо от Тиссы к Дону» — Михаилу Шолохову — предлагается, читатель, вашему вниманию».

«Дорогой Михай Шолохов!

На трагических распутьях прошлых лет мне так часто хотелось написать тебе письмо. Хотелось написать, как пишет человек человеку, как писатель писателю. Но нельзя было написать ни так, ни по-другому. Нельзя было нам писать с берегов Тиссы... Куда бы ни шел писатель — везде муки, кровь и пот, были безрадостные солнечные дни и росистые рассветы.

И лишь только на языке широких просторов, в музыке ветров и в напевах рек мог я тогда поговорить с тобой. Сейчас, Михай Шолохов, наши просторы обнялись как равные. Наши ветры сеют те же бури, яблони наши приносят те же мирные плоды. О, мысль распростерлась теперь над нашим народом здесь так же, как и там, у Дона! И даже наши реки несут на себе одни мечты, хотя зовут их Доном или Тиссой...

Далее скажу я, во-первых, о том, что ты, Михай Шолохов, чудесным образом принадлежишь нам, находишься среди нас, венгерских писателей, а мы принадлежим тебе. Как будто бы та же река и те же просторы были у наших колыбелей.

Заблуждения, добродетели и страдания наших народов настолько похожи, как радуги или ночные призраки над болотом.

Но там, у тебя на родине, со времени написания «Тихого Дона» страдания бедняков утихают, здесь же, у Тиссы, только сейчас освобождается от многовековой судьбы колонии, от господской хитрости мой народ, бедный крестьянин.

Он еще весь в лохмотьях, в глазах еще дрожит мучительный ужас прошлого. Спина его еще болит от побоев, на нем проклятия господского суда. Ему памятна еще грубая ругань, но рука его перебирает уже звенья землемерной цепи. Той цепи, которая связывала его руки на протяжении шести столетий и которой он теперь измеряет и делит бесконечные графские земли. Цепи, слезы, кровь и проклятие были прежде, а теперь — смех, веселье, благоденствие. Звенит цепь, ударяет в землю лопата, раскрывается борозда и прорастают семена по следам...

Далеко на Западе сражаются бойцы с Дона, пробуждают крестьян других наций, и за все это, Михай Шолохов, отсюда, с берегов Тиссы, от имени моей земли и моего народа благодарю тебя.

Благодарю, что верным остался «Тихий Дон» и все великие русские книги. Как верны остались наши души, вера и любовь к этим книгам. Я передаю тебе благодарность маленького, но много страдавшего народа. Однажды мы, может быть, встретимся вдвоем здесь или там, на берегу какой-нибудь реки, среди счастливых крестьян, как писатели, представляющие великую веру в революцию, живущую в вашем и нашем народах.

Будапешт *Сабо Пал*»[27].
15 апреля, 1945 г.

* * *

После войны в Венгрии книги Шолохова изданы стотысячными тиражами. Появились новые переводчики, среди которых лучшим признан талантливый Имре Макаи. Написано немало хороших статей.

Мне же в заключение хочется сказать, что, когда я под диктовку моего друга записывал беглый перевод «Письма от Тиссы к Дону», я все время видел перед собой когорту романтиков — отважных пропагандистов книг Шолохова за рубежом. Чернявая красавица Рене Суран за тюремной решеткой и загнанный в солдаты переводчик Шандор Бенами, организовавший первое издание «Тихого Дона», и старый Имре Черепфалви, в душе которого по сей день шелестят и поют шолоховские страницы, и писатель Лёринц Ковач, в мрачные годы подаривший своему народу перевод четвертого тома «Тихого Дона», бывший крестьянин, седой старик Пал Сабо, выбившийся в писатели и поведавший нам сокровенную думу Венгрии о Шолохове, и распространители «Тихого Дона» — разжалованный из университета за левые взгляды профессор Берталан Сикл, простые рабочие Ковач, Оровец и Лебел, погибшие в штрафном батальоне,— все они служили бессмертному делу интернационального братства между народами.

ЮГОСЛАВИЯ

I

Длительное время мои попытки путем взаимообмена через друзей-сербов получить из Югославии томик первого довоенного издания «Тихого Дона» были безуспешны.

Между тем это издание представляло большой научный интерес. Уроженец г. Сипь, сербский коммунист Мет Блаич еще в 1937 году в одном из своих писем отметил, что «издатель и переводчик «Тихого Дона» в Загребе были крепко зажаты цензурой, вследствие чего на титуле книги и выставлен (приписан) подзаголовок — дымовая завеса: «Крестьянский роман из предвоенной жизни донских казаков», что в предисловии к роману умышленно поставлена цитата из статьи московского критика-рапповца («...Шолохов стоит очень далеко от метода пролетарской литературы»), видимо, для отвода глаз цензуре, а может быть, и как политический аванс к изданию второй книги романа». По мнению Мета Блаича, «Тихий Дон» — это редкая, таинственной силы книга», которую «еще будут читать, читать и читать во всем мире...»[1].

Такое письмо о «Тихом Доне» нельзя было предать забвению. К тому же, в свое время работая на Ростсельмаше, я хорошо знал Мета Блаича как новатора-мастера термической обработки металла и как борца-интернационалиста. Он составлял словарь трудных слов для перевода «Тихого Дона» на сербский язык. Это был человек скромный, необычайно приветливый с рабочими, огромного обаяния. Вот это письмо коммуниста-серба Мета Блаича и позвало в дорогу — в длительный розыск материалов и документов о судьбе книг Шолохова в Югославии.

* * *

Редакция ростовской областной газеты «Комсомолец» помогла нам установить контакты с Народными библиотеками Белграда и Загреба, и вскоре мы получили от наших друзей фотокопии многих статей (30-х годов) югославской прессы о Шолохове, письма второго переводчика «Тихого Дона» Милоша Московлевича, отклики журналистов и наконец современные издания шолоховских романов от президента тов. Иосипа Броз

Тито, который, в частности, отметил, что «большие достижения Михаила Шолохова в литературном творчестве очень хорошо известны и ценятся в Югославии»[2].

Давний друг России, переводчик Милош Московлевич прислал нам образец второго издания «Тихого Дона» (I кн., 1940, изд-во «Космос», Белград) и в большом письме сообщал:

«...первое издание нигде нельзя найти. И в Народной библиотеке, которую немцы рано утром 6 апреля 1941 года сожгли до основания, уничтожив бесценные наши древние книги и рукописи, его нет... «Тихий Дон» я читал впервые на русском языке в начале 1941 года. Первый том перевел, скрываясь в чужих домах от оккупантов, для которых моя фамилия была очень сомнительной. Роман произвел на меня сильнейшее впечатление, равное воздействию «Войны и мира» Л. Толстого, который я перевел в 30-х годах. Особенно силен Шолохов своим реализмом, объективным описанием быта донских казаков и правдой исторических событий. Переводить Шолохова было нелегко (я перевел позже и «Поднятую целину», второй том). Это потому, что у него много слов, которых нет в словарях»[3].

И все же мы не теряли надежды получить из Загреба первое издание «Тихого Дона». Верилось, что где-то в народе еще хранятся уникальные экземпляры романа Шолохова. Поэтому 18 февраля 1965 года мы послали письмо в Загреб, в редакцию газеты «Вестник», с просьбой к читателям поискать у себя на полках среди старых книг довоенное издание шолоховского романа. Взамен мы гарантировали отправку четырех книг «Тихого Дона» юбилейного иллюстрированного русского издания.

Через некоторое время две югославские женщины откликнулись на наше письмо. Это были Любомира Ружич из г. Загреба и журналистка Весна Швец из г. Копривницы, приславшие книги Шолохова загребского издания (1936), пронесенные через горнило войны («нимцы-фашисты сналювали все книги советских писателей и запрещали их сохранять»)[4].

II

Впервые «Тихий Дон» на сербско-хорватском языке был выпущен издательством «Забавна библиотека» в переводе Ник. Николаевича (Петровграда)[5]. Отметим здесь, что профессор Нови-Садского университета Витомир Вулетич допускает ошибку в своем ценном труде «М. Шолохов у сербов и хорватов» (1966 г.), утверждая, что «первая книга «Тихого Дона» в «Забавна библиотека» (Загреб, 1936) вышла в переводе С. Ковачича[6], так как на последней странице этого издания романа написано: «С русского перевел Ник. Николаевич (Петровград)»[7].

Факт издания «Тихого Дона» в «Забавна библиотека» примечателен во многих отношениях. Оно пробивало брешь в той каменной стене, которой правящие круги королевства отгораживали свой народ от СССР. Ведь югославские власти, по словам известного словенского писателя и литературоведа Братко Крефта, считали «советскую литературу настолько опасной, что издали закон, согласно которому запрещались все без исключения книги, напечатанные в СССР». «Тихий Дон» на русском языке в Белград, Загреб, Любляну мог быть ввезен «лишь контрабандой»[8].

Предисловие к «Тихому Дону» в загребском издании говорит о том, что издатель Н. Андрич правильно оценивал значимость романа. «Тихий Дон», — по его мнению, — это выдающийся социально-психологический роман, который вырастает в настоящую народную эпопею, созданную рукою первоклассного художника. И сюжет романа, и основная тема, и ее решение, как и изобразительные средства, — все это объясняет необычайный успех, вызванный этим произведением во всех странах, где его уже перевели. Шолоховым созданы скульптурно зримые крестьянские типы. Они влекут к себе читателя древней, естественной жизнью степняков, извечной дикой игрой человеческой судьбы. И это — первейшее в шолоховском искусстве — украшает и показывает глубокую славянскую эмоциональность, которая скрывается под внешней грубостью его бессмертных героев...»

Отмечая влияние традиций Л. Толстого на творчество Шолохова, издатель подчеркивает, что в «Тихом Доне» так же, как и в «Войне и мире», есть много побочных сюжетов, по в основе — «полотна времени», «куски жизни», которые текут свободно, и что такие романы в Европе называются «романом-рекой». А главное заключается в том, что «Шолохов имеет свой особенный стиль, свой неповторимый внутренний тон» и что «уже первая книга величественной эпопеи делает Шолохова выдающимся певцом славянского крестьянства и непременно ставит его в ряд с Толстым и Реймонтом... С какой естественностью Шолохов умеет перейти от простодушных, обыденных картин к ужаснейшим преступлениям, нашнежнейшие чувства показать рядом с кровопролитием в мирной жизни и на войне, складывая простые предложения в бескрайнюю человеческую Библию... И по всему видно, что в самом названии «Тихий Дон» кроется некая ирония. Lucus a non Lucendo! Тихий Дон, но нет на нем тишины, как ни в одном закутке земного шара! Жизнь всюду течет своим руслом, спотыкаясь на гребнях и подводных камнях»[9].

Есть в этом издании цензурные изъятия. Достаточно сказать, что из XXIII главы третьей части тщательно изъят весь спор большевика Гаранжи с Григорием Мелеховым в больни-

це о причинах войны, о царе, солдатской доле, о том, что надо повернуть оружие против царя и тех, кто посылает людей на бойню. Все это изъято без отточий, которые говорили бы читателю о следах сокращения.

* * *

В Югославии на сербско-хорватском языке первую статью о Шолохове напечатал в 1930 году критик Марк Слоним в белоэмигрантском журнале «Руски архив» (Белград). В обзоре «Новые произведения советской литературы» М. Слоним отмечал, что лучшие традиции русской классики нашли свое достойное продолжение в творчестве Шолохова. Наряду с этим, он писал:

«Тихий Дон» целиком сконструирован по схеме «Войны и мира»: жизнь донских казаков до 1914 года, мировая война, описание бойни и психологии военных масс, наконец, революция и гражданская война... В центре романа — любовная интрига, связь замужней казачки Аксиньи и молодого казака Гриши. Этот роман не может быть назван отличным, он однообразен и несамостоятелен, но все же хорошо и добросовестно написан, с удачными типами казаков и описаниями жизни донских станиц»[10].

Вот и все, что сказал М. Слоним. Как видим, критик мало что понял в «Тихом Доне». И мы не можем согласиться с профессором Нови-Садского университета Витомиром Вулетичем, который в своем исследовании о Шолохове вдруг нашел, что М. Слоним «в основном точно отметил существенные особенности творца «Тихого Дона»[11]. Какая же здесь точность?

Шолоховское слово в Югославии впервые прозвучало в 1931 году со страниц антологии «Савремена рузка проза», где был напечатан его рассказ «Семейный человек» под новым заглавием «Отец»[12]. Уже в июле 1931 года в журнале «Живот и рад» о рассказе Шолохова было сказано, что он отличается «свежестью замысла — исповедью казака с множеством пережитых горестных аккордов»[13].

О романе «Тихий Дон» наиболее важным и глубоким было в то время выступление профессора Стевана Янича в загребском журнале «Савременик». Отмечая, что «Шолохов молниеносно прошел в первые литературные ряды и стал одним из наилучших современных русских писателей», профессор Ст. Янич (как бы отвечая критикам белоэмигрантского «Руски архива») говорит, что в Советской России появилось много учеников Льва Толстого — это Серафимович, Шолохов, Фадеев, Панферов и учеников Достоевского — Леонов, Федин, Пильняк. И что «волнение душ и духа человека, постоянное колебание ума и отпечаток, который они принимают, вечное смятение

исконных искателей «За что?», глубина мысли, которая из философских сложностей извлекает новые объяснения, свойственны той и другой плеяде молодых русских писателей»[14].

По утверждению Ст. Янича, в «Тихом Доне» необычайно ярко и художественно правдиво изображены не только «магистральная картина первых боев на огромном фронте», но и «гигантский напор одной страны, чтобы выйти из положения, в которое поставила его История». Видимо, по цензурным условиям Ст. Янич не мог сказать слова «Октябрьская революция». Далее критик, всесторонне анализируя роман, образы героев, делает глубокое обобщение, обращая на него внимание современных историков, философов, литературоведов. «Типы, характеры, весь огромный жизненный материал, которым оперирует Шолохов, — утверждает Ст. Янич, — совершенная беспристрастность в изложении фактов недавнего прошлого, знание народа и солдат — все это помогло писателю дать эпическое творение эпохи, в котором будущие историки литературы найдут благодатный материал для своего научного синтеза»[15].

Ст. Янич заканчивает свою статью двумя важными тезисами. Во-первых, рекомендует поскорее перевести «Тихий Дон», который «принес бы нашему образованию бо́льшую пользу, чем длинные (километровые) и бессмысленные романы генерала Краснова», и, во-вторых, высказывает надежду, что «роман Шолохова, быть может, развил бы чувства и желания у наших талантов взяться за перо и осветить наше недавнее прошлое». «Тихий Дон», по мнению Ст. Янича, это «настоящий художественный образец, по которому и в нашей литературе можно открыть эпоху»[16].

Статья Ст. Янича была тепло принята прогрессивными кругами Югославии. Хорошо об этом сказал Витомир Вулетич: «Вопреки твердолобой логике и несмотря на историческую ситуацию, сербы и хорваты оценили творчество Шолохова по достоинству»[17].

III

Как сообщает Национальная библиотека Хорватии, в 30-е годы «вследствие зажима цензурой статьи о романе «Тихий Дон» Шолохова были редким явлением, а пресса правящих кругов о нем ничего не писала»[18].

30-е годы в Югославии памятны в литературных кругах идейным разбродом, ожесточенными выступлениями реакции, эстетов и модернистов против «социальной литературы» Ивана Поповича, Радована Зоговича и других прогрессивных писателей. Издание переводов советской литературы также приводило в ярость мракобесов. В 1934 году Милош Црнянский, один из

столпов модернизма тех лет, стал выпускать еженедельник «Идеи», который призывал «уничтожить чуждые элементы в литературе, политике и общественной жизни». Црнянский писал: «Несмотря ни на что, борьба против коммунистической литературы должна стать нашей национальной волей»[19]. Особенно неистовствовал Црнянский в нападках на СССР и советскую литературу.

В эти годы в Югославии были запрещены к изданию и конфискованы «Виринея» Сейфуллиной, «Города и годы» Федина, «Новая земля» Гладкова, «Как закалялась сталь» Островского и другие произведения. В Белграде власти запретили проведение траурного собрания деятелей культуры по случаю смерти М. Горького (1936).

В труднейших условиях подполья литераторы-коммунисты Югославии пропагандировали и отстаивали марксистско-ленинские идеи в эстетике, литературе, критике. Опираясь на опыт советской литературы, на творчество М. Горького, М. Шолохова, А. Толстого, В. Маяковского, прогрессивные литераторы вели борьбу против реакции и модернизма.

Коммунисты Август Цесарец, Веселин Маслеша, Отокар Кершовани, Стеван Галогажа (погибшие в годы народно-освободительной войны с гитлеровцами) внесли заметный вклад в развитие прогрессивной литературы Югославии.

Здесь уместно отметить, что Август Цесарец (1893—1941), участник IV конгресса Коминтерна, один из организаторов Компартии Югославии, писатель и критик, защитник Мадрида, в 1936 году (после поездки в СССР) издал книгу «Современная Россия» под псевдонимом Вук Корнели, которая сразу же была запрещена и конфискована властями. В 1964 году она переиздана в Загребе, мы можем почерпнуть из нее любопытные сведения.

«Советская литература, — писал Август Цесарец в 1936 году, — еще более, чем кино и театр, известна всему миру, по крайней мере, в тех странах, где правительства не возводят против нее китайской стены. Во всех отношениях было бы разумнее, если бы такая стена разрушалась. Но, к слову сказать, в Америке мне приходилось слышать нелепейшие разговоры о том, что советская литература представляет собою дидактику и журналистику, только пропаганду, притом якобы без должной художественности. Однако литературные произведения «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Петр I» А. Толстого, «Железный поток» А. Серафимовича, «Капитальный ремонт» Л. Соболева и другие свидетельствуют совсем о противоположном. Глубокая идейность содержания, а также высокая художественная форма — вот что наиболее характерно для этих и многих других советских произведений... Советские

писатели находятся на передовой позиции мировой литературы, и как творцы социалистической литературы они сильны своим высоким классом художественности»[20].

Литературовед Братко Крефт в одной из своих статей писал о том, что в ту пору в Югославии книги советских писателей воспринимались трудящимися и прогрессивной интеллигенцией, как «луч света в темном царстве», а «Тихий Дон» Шолохова — как великая книга, вобравшая в себя все героическое величие человека в революции, горькую трагику отдельных людских судеб». По словам Б. Крефта, «Тихий Дон» — это «русская Илиада», произведение, которое «навсегда останется одним из лучших и монументальнейших образцов революционного искусства вообще»[21].

Югославская пресса тех лет хотя и была зажата цензурой, но все же дает нам возможность проследить, как воспринимался «Тихий Дон» в различных кругах читателей.

Гиацинт Петрис в загребском «Обзоре» (сентябрь, 1936) отмечает, что роман Шолохова имеет сенсационный успех на Западе, подчеркивает поэтическую символику романа, которая молча, тихо или динамично открывает нам яркую, бурную казачью жизнь. «Хороший психолог, — пишет Г. Петрис о Шолохове, — тонкий наблюдатель, имеющий дар увиденное передать скупыми словами, но очень точно и выразительно... Материалом овладел великолепно. В этом и кроется успех его «Тихого Дона»[22].

Вслед за «Обзором» и «Хорватски дневник» выступил с яркой рецензией, в которой выражалась благодарность издателю «Забавна библиотека» Н. Андричу за «Тихий Дон»: «Вышел, наконец, и у нас замечательный роман Шолохова (том I) из довоенной жизни донских казаков, который уже давно переведен на все культурные языки. Что самое важное в шолоховском искусстве, так это выявление и показ глубоких славянских чувств, которые скрыты под грубой внешностью крестьян-казаков», картины «грандиозных битв на русско-германском фронте», «страшные и впечатляющие страницы о первой мировой войне... «Тихий Дон» — это мощный социально-психологический роман, который можно смело назвать действительно народной эпопеей... Книга эта заслуживает похвалы и рекомендации. В дни, когда село (крестьяне) берет в свои руки судьбу своего культурного и экономического будущего, «Тихий Дон» намного расширяет новые горизонты»[23].

В 1936 году в журнале «Савременик» за подписью К-п* появилась еще одна большая статья о «Тихом Доне» — доброжелательная, но путаная и противоречивая. Не понимая идей-

* По сообщению В. Вулетича, это известный критик Иво Козарчанин.

ных основ советской литературы (по мнению автора, «социалистический реализм — это творческий синтез натурализма и западноевропейского модернизма со старым реализмом Тургенева, Гоголя и мрачным, аскетическим, азиатским гуманизмом Достоевского»)[24], этот критик пытался определить место Шолохова как крестьянского писателя в русской и мировой литературе. Наряду с этим, критик верно сказал о «живом, сильном, динамичном стиле» Шолохова, о его темпераменте, который «не часто бывает у авторов всемирного звучания», правильно оценил эпическую силу романа и могучее, символическое течение Дона: «Дон Степана Разина и Пугачева — течет, шумит, искрится на солнце, и люди, которые живут возле него,— работают, любят, мучаются, умирают, но не покидают свой Дон. По этой земле веками ступала История... Шолохов настолько могучий и динамичный талант, что даже Л. Толстой мог бы принять некоторые черты его творчества»[25].

Последний отклик на появление «Тихого Дона» на сербскохорватском языке был напечатан в первом номере загребского журнала «Книжевни хоризонти» за 1937 год. Автор статьи Ладислав Жимбрек называет роман крупным вкладом в переводную литературу. Восхищаясь «изумительной техникой Шолохова», критик повторяет тезис Стевана Япича о том, что «это произведение может служить нам примером для создания эпической прозы». Наряду с этим, Л. Жимбрек, не заметив цензурных сокращений в последних главах первой книги «Тихого Дона», писал, что в конце романа «нет ни глубоких мыслей, ни художественного стиля»[26]. Это вызывает недоумение. А еще больше то, что тридцать лет спустя профессор Нови-Садского университета Витомир Вулетич, имея под рукой русский оригинал «Тихого Дона» и загребское издание романа, в своем научном труде о Шолохове (1966), цитируя последний тезис Л. Жимбрека, соглашается с ним, также умалчивая о цензурных изъятиях шолоховского текста в Загребе (1936)[27].

IV

Во второй половине 30-х годов в Югославии «активизировали свою деятельность фашистские партии и организации — «Збор», «Усташи» и другие. Правящие круги Югославии все больше сближались с фашистскими Германией и Италией... В январе 1937 года был заключен договор о «вечной дружбе» с монархо-фашистским правительством Болгарии. В марте 1937 года состоялось подписание «договора о дружбе между Италией и Югославией»[28].

Все эти действия властей вызывали протесты в широких кругах народа.

Июнь 1940 года памятен тем, что, наконец, под давлением народных масс, руководимых из подполья Компартией Югославии, правительство Белграда установило дипломатические отношения с СССР. Это была крупная победа демократических сил страны. Надо полагать, что признание СССР, приезд в Белград советского посла, первые контакты на культурном фронте двух братских народов положительно сказались и в литературной жизни.

В Белграде в издательстве «Космос» выходит первая книга «Тихого Дона» (перевод Н. Николаевича), а в Загребе в издательстве «Библиотека независимых писателей» — роман «Поднятая целина» (перевод С. Ковачича).

«Тихий Дон» вышел в Белграде с большим портретом Шолохова в ноябре 1940 года, в серии «Эпос. Библиотека великих романов» под редакцией Борислава Павича, который в предисловии писал: «Наисильнейший талант в новой русской литературе после М. Горького, академик М. А. Шолохов недавно завершил роман «Тихий Дон». По своему творческому размаху, широте концепции и художественной форме — это крупнейшее произведение новой русской литературы».

Сколько потрачено было усилий и бумаги реакцией Югославии на клевету против СССР, против советских писателей, и вот шолоховский эпос (в который раз и в какой по счету стране!) утверждает славные традиции великой русской и советской литературы!

Редактор Б. Павич далее отмечал, что завершением четвертой книги «Тихого Дона» Шолохов поднялся на вершину новой русской литературы, и читающей публикой всего мира он признан как наследник таланта Льва Толстого. Широкая и единственная фреска казачьей жизни на Дону в годы мира, войны, революции и мятежа дана с эпическим масштабом в романе-реке, в мощном движении и ярких красках. «Тихий Дон» — единственное произведение новой русской литературы, которое сильнее и гениальнее, чем какое-либо другое, в котором изображается исторический поворот в жизни казачества»[29].

Издательство «Космос» предполагало «в середине февраля 1941 года выпустить вторую книгу «Тихого Дона»[30], но уже в январе 1941 года правительство премьера Цветковича вступило в тайные переговоры с фашистскими правительствами Берлина и Рима и вскоре, 25 марта, подписало в Вене договор о присоединении Югославии к «Антикоминтерновскому пакту». Если учесть, что в Италии издание «Тихого Дона» еще в 1930 году было запрещено, а в фашистской Германии предано сожжению, то станет ясным, почему второй том шолоховской эпопеи так и не увидел света в Белграде.

Журналистка Весна Швец (г. Копривница), подарившая нам

загребское издание «Тихого Дона», в письме 11 марта 1965 года сообщила любопытную деталь: «Как говорил мой отец, вторую книгу «Тихого Дона» Шолохова невозможно было купить. Видимо, она была уничтожена (сожжена) еще в типографии»[31].

Отклики в прессе на белградское издание «Тихого Дона» не успели появиться вследствие разбойничьего вторжения гитлеровских армий в Югославию.

* * *

Народная библиотека «Медвежчак» г. Загреба подарила нам уникальный экземпляр первого выпуска «Поднятой целины» в двух книжках, изданной «Библиотекой независимых писателей» (Загреб, 1940) в переводе писателя С. Ковачича.

Сличив перевод с русским оригиналом, мы обнаружили, что югославская цензура в пятнадцати местах произвела серьезные сокращения текста по политическим мотивам. В главах XXIV и XXVI изъято упоминание о пролетарском гимне «Интернационале»[32]. В XIX главе, повествующей о радостных и горестных раздумьях Кондрата Майданникова в ночь перед вступлением в колхоз, цензура вырезала слова: «И мнится Кондрату ликующее зарево огней над Москвой, и видит он грозный и гневный мах алого полотнища, распростертого над Кремлем, над безбрежным миром, в котором так много льется слез из глаз вот таких же трудяг, как и Кондрат, живущих за границами Советского Союза». Изъят в той же главе чудесный отрывок о том, что «Кондрат в 1920 году рубил белополяков и врангелевцев, защищая свою, Советскую власть», что «Кондрат давно уже не верит в бога, и верит в коммунистическую партию», что он «накрепко, неотрывно прирос к Советской власти» и что «осталась в нем жалость-гадюка к своему добру». И там же сняты слова Кондрата — его обращение «к тем рабочим Запада, которые не за коммунистов: «Продали вы нас за хорошую жалованью», включая последние слова: «...и сделать бы такой высоченный столб, чтобы всем вам видать его было, взлезть бы мне на макушку этого столба, то-то я покрыл бы вас матерным словом!..»[33]

Югославские цензоры исказили в XXV главе рассказ Ванюши Найденова об истязаниях жандармами комсомольца в Румынии, в XXXII главе сократили объяснение Нагульнова другу Андрею Разметнову, зачем он изучает английский язык, в XXXVII главе изъяли разъяснение Нагульнова «ветхим людям» о том, что не следует «с иконами по степи таскаться, хлеба вытаптывать»[34], в XIII главе — все доброе, что говорится Разметновым о Сталине[35]. Сделаны сокращения и во многих других главах.

О выходе в свет «Поднятой целины» в Москве югославская

пресса писала еще в 1932—1934 годах. Но лучшими статьями (в середине 30-х годов) надо признать выступления Божо Ловрича*.

В белградском журнале «Живот и рад» в конце 1935 года Божо Ловрич печатает статью «Михаил Шолохов в Праге» по поводу театральной постановки «Поднятой целины» чешским режиссером Яном Бора. Это было смелое и яркое выступление. Отметив, что благодаря Шолохову весь мир слышит и видит, как «русский народ, перенесший родовые муки, с новой силой и верой указывает всем народам Востока и Запада путь в будущее», Божо Ловрич говорит о новом романе:

«Поднятая целина» — это эпос, наполненный драматическим содержанием подобно гекзаметрам греческой «Илиады». Различие лишь в том, что греки боролись ради красивых женщин, а донские казаки ведут борьбу за кусок насущного хлеба... В новом государстве не должно быть бедняков и кулаков, ибо каждый, кто рожден, должен работать и имеет право на то, чтобы быть сытым и обеспеченным в случае болезни и старости. Вот эта великая, гуманнейшая идея там (в Советской России.— *К. П.)* осуществляется на практике, узаконивая социальную реформу успешно и прочно!»[36]

В другом журнале в 1937 году Божо Ловрич, анализируя постановку «Поднятой целины» в Праге, писал: «Драматизация Яном Бором «Поднятой целины» во всех отношениях чудесна. Каждая сцена — это маленькая драма, которая живо, пластично, незабываемо дает возможность зрителю Европы понять главные проблемы русской революции. Это было не просто театральное представление, а настоящая, страстная стихия жизни, которая нашла свое высшее выражение в идее труда, самоотверженности и справедливости. У Шолохова нет украшательства и нет лжи, а полным голосом глаголет сама Истина!»[37]

В декабре 1940 года загребские «Новости», сразу же после выхода в свет у них «Поднятой целины», опубликовали глубокую по содержанию рецензию Ивана Буяновича «Борьба за крестьянина». Сообщая о том, что этот роман Шолохова уже давно «вызвал за границей сенсацию и нашел у самых серьезных (и даже у правых) критиков неподдельное признание», Иван Буянович утверждал, что «выразительность доведена до художественной кристаллизации, без слабости мещанина, но и без партизанского своеволия...». Везде и во всем шолоховский роман — это действительно «настоящий эпос коллективизации», полнокровный образец динамичной жизни села и крестьянина. Финал этой статьи примечателен тем, что И. Буянович (не он

* Хотя он и допустил ошибку, назвав «Поднятую целину» первой частью трилогии «Тихий Дон».

первый!) высказал мысль о возможном воздействии романа Шолохова на «творческую урожайность писателей Югославии»[38].

Как сенсацию восприняли югославские читатели в марте 1941 года (в тяжелое и драматичное время для этой страны) совершенно неожиданное появление в загребском журнале «Тридцать дней» статьи советского критика В. Гоффеншефера «Михаил Шолохов». В ней сообщалось для югославов очень много нового о Шолохове и его романах. Нам нет необходимости ее пересказывать, но мы отметим лишь, что она с трудом пробилась через цензуру в Загребе. В своем «Вступлении» редакция журнала говорит о «плохом переводе» статьи, о том, что «многие хорошие места в ней изменены или изъяты» и что все это надо назвать «настоящим позором... издательства»[39]. Редакция журнала не могла сказать, что затея с сокращениями — дело обанкротившегося режима, и приняла вину на себя.

В 1941 году в Югославии появилась крупная статья о качестве перевода «Поднятой целины», напечатанная в третьем номере журнала «Израз». Ее автор Мариан Юркович, придерживаясь принципов перевода, разработанных советскими литературоведами, ссылаясь на Максима Горького, ратует за введение в Югославии института редактуры, чтобы пресечь произвол переводчиков да заодно и цензуры.

Критик М. Юркович обращает внимание на два аспекта перевода: «на социальную природу (убежденность) переводчика» и «на слух (чутье) переводчика». Произведя тщательный анализ перевода «Поднятой целины», критик установил, что переводчик С. Ковачич (И. Буянович) во многих случаях политически обеднил авторский текст[40].

Так, например, М. Юркович обращает внимание на то, что в XII главе «Поднятой целины» Шолоховым изображена сцена в «кулацком штабе» хутора, где Островнов, подбивая казаков готовиться к мятежу, как бы «вскользь заметил, что к весне ждется десант»[41] интервентов. А переводчик Ковачич, заменив слово «десант» на «восстание»[42], политически извращает главную мысль кулака Островнова. Ведь он-то свою агитацию подкрепляет надеждой на интервенцию! Сняв слово «десант», Ковачич обеляет интервентов и подчеркивает, что к весне казаки сами поднимут восстание, что, мол, интервенты тут ни при чем. В конце XIX главы Давыдов, объясняя Нагульнову существо их ошибки с обобществлением птицы, говорит: «Я бы на твоем месте (ты провел это и нас сагитировал) с большевистской смелостью признал бы эту ошибку и приказал разобрать кур и прочую птицу по домам»[43]. Но Ковачич в переводе опускает предыдущую строку, идейно обедняя позицию Давыдова[44]. В VI главе Шолохов, повествуя о том, что кулак Титок «обстроился на

вечность», подкрепил это незабываемой деталью: «С крашенного охрой карниза смотрела на улицу затейливо сделанная маляром надпись славянского письма: «Т. К. Бородин. Р. Х. 1923 год»[45]. В переводе Ковачич опускает две буквы: «Р. Х.» (от Рождества Христова)[46]. Казалось бы, это мелочь. Но критик Мариан Юркович справедливо отмечал, что «эти две буквы возле имени кулака значат очень много... За этими буквами встает еще одна колоритная фигура эпохи... И не заметить эти две буквы, исключить их из текста — значит быть переводчиком другой социальной природы, нежели автор романа». Критик приводит другие примеры ошибок в переводе, которые нанесли идейный и смысловой ущерб шолоховскому тексту. «Не замечать этих погрешностей,— писал М. Юркович, — все равно, что обворовывать писателя и читателя»[47].

В конце статьи указано: «Окончание следует». Однако оно не последовало в связи с нападением фашистской Германии на Югославию. Статья М. Юрковича ценна не только тем, что он вступился за точность перевода «Поднятой целины», но и тем, что уже в те годы привлек внимание югославских литераторов к вопросу об ответственности переводчика.

В. Вулетич сообщает, что 5 апреля 1941 года, в канун вероломного и злодейского нападения фашистских банд Гитлера, Муссолини и Хорти на Югославию, радио Загреба передало юмористический отрывок из «Поднятой целины» под названием «Как дед Щукарь получил свое прозвище»[48]. Это было первое открытое звучание слова Шолохова в эфире Югославии.

В дальнейшем, с приходом гитлеровцев-оккупантов, с наступлением черной ночи фашистского разбоя, художественное слово Шолохова, принятое на вооружение Компартией Югославии, звучало со страниц коммунистической газеты «Борба», у партизанских костров и в глубоком подполье.

«Нападение фашистских банд на Югославию 6 апреля 1941 года, — заявил профессор А. Флакер на шолоховском симпозиуме в Лейпциге (1965), — конечно, затормозило дальнейшее знакомство югославских читателей с произведениями Шолохова... Впрочем, в юбилейном номере газеты «Борба», посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7.11.1941), был опубликован небольшой очерк Шолохова «Военнопленные»[49].

Книги М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, Ф. Панферова и других советских писателей, которые были изданы перед войной ограниченными тиражами, бережно хранились в народе и передавались из рук в руки, как символ братства с великим русским народом. Подтверждение этому мы находим в письме Весны Швец, которая пишет из г. Копривницы: «Первую книгу «Тихого Дона» Шолохова (Загреб, 1936) отец успел спрятать

сразу, как только началась война, потому что немцы сжигали все книги советских писателей и запрещали их сохранять... Вскоре мой отец ушел в партизаны, а в 1943 году наш городок Чазма был освобожден от фашистов, и мы сразу же вытащили спрятанные книги («Тихий Дон»), и люди их с радостью читали. Затем опять пришли фашисты, и «Тихий Дон» снова ушел в подполье... Я с радостью посылаю вам эту заветную книгу Шолохова (загребского издания) из глубокого уважения к знаменитому писателю, который каждому из нас хорошо знаком и дорог»[50].

Любомира Ружич из Загреба, также подарившая нам томик «Тихого Дона» 1936 года издания, в своем письме от 6 мая 1965 года сообщила: «Эту книгу «Тихий Дон» сохранил в войну мой (уже покойный) отец Иосиф Пазель. Он был учителем и воспитывал нас, детей, в общеславянском и свободолюбивом духе. Приложив много труда и забот, он сохранил от фашистов книгу «Тихий Дон» и полное югославское издание сочинений М. Горького. Мои братья и сестры, а нас было шестеро, читали эти произведения и во время второй мировой войны. И вообще, чем сильнее был фашистский гнет, тем больше люди сопротивлялись и читали Шолохова и Горького. На культурном горизонте человечества литературные гении русских и французов — Л. Толстой, Горький, Шолохов, Золя и Ромен Роллан — сияли нам, как звезды, и во время войны, и ничто не могло потушить или уменьшить силу учения этих великих гениев о братстве всех людей и народов, о стремлении к истине, о мирном и плодотворном развитии народов и каждого человека. Ничто — даже война! Люди возвращались из тюрем и лагерей и вновь читали книги этих писателей, читали их также партизаны, когда была возможность. Так рассказывает мне мой муж, который был среди них»[51].

V

После разгрома фашизма произведения М. Шолохова получили широкое распространение и всенародное признание. До 1966 года книги Шолохова были выпущены 20 изданиями на сербско-хорватском и 10 изданиями на словенском и македонском языках.

Насколько велик был интерес общественности к творчеству Шолохова, можно судить по тому факту (о чем также пишет Витомир Вулетич), что после войны его «произведения заново переводились и издавались, их можно было встретить всюду — на книжных выставках, на полках библиотек и в руках наших читателей»[52].

Огромный успех приобрело новое произведение Шолохова «Судьба человека», а затем и одноименный кинофильм, поставленный С. Бондарчуком. Первый перевод рассказа был сделан

Милицей Милидрагович и напечатан 3—12 февраля 1957 года в газете «Освобождение» (г. Сараево). Затем в 1957 году «Судьба человека» печатается в «Савременике» (перевод Миры Чеховой), а в 1960 году выходит в нови-садском «Прогрессе» книгой (с отрывками из романа «Они сражались за Родину») в переводе Дж. Язича и печатается еще в девяти издательствах. «Рассказ «Судьба человека» покорил югославскую критику и литературную общественность,— пишет В. Вулетич,— как выдающееся произведение Шолохова, как значительная веха в развитии советской литературы и перворазрядное событие в мировой литературе... Философско-моральная идея рассказа вызвала у нас беспокойство за судьбу Человека нашего времени и указала надежду, находящуюся за горизонтом безнадежности»[53].

Но особенно активные споры в прессе Югославии вызвала вторая книга «Поднятой целины». Первые восемь глав романа в переводе Витомира Вулетича были напечатаны в сараевском журнале «Жизнь» осенью 1957 и в начале 1958 года. А полностью вторую книгу опубликовал на сербско-хорватском языке переводчик Божо Булатович в газете Социалистического Союза трудового народа Югославии «Борба» (с 1 мая по 25 июля 1960 г.). И в том же году вторую книгу «Поднятой целины» выпустили в свет в г. Сараево издательство «Светлость» (перевод В. Вулетича), а в Титограде издательство «Графички завод» (перевод Б. Булатовича).

Критические статьи о второй книге романа были разноречивы. Так, например, А. Флакер в загребской «Республике» счел возможным назвать вторую книгу «Поднятой целины» «производственным романом, который останется в истории русской литературы»[54]. Известный критик Миливой Йованович в «Книжевне новине» обвинил Шолохова в «поучении читателей», «трусости и лакировке» действительности[55], а критик Назиф Кустурица в журнале «Израз» (Сараево, 1961) в статье «На вырубленном месте» пишет о своем разочаровании романом, так как в нем «все ужасно скучно повествуется» и «создается иллюзия эпического в драме эгоизма и человечности»[56].

Однако среди югославских рецензентов, конечно, нашлись и более дальнозоркие люди. Очень хорошо в предисловии к избранным произведениям М. Шолохова (Сараево, изд-во «Светлость», 1961) высказался переводчик романа Витомир Вулетич. Он подчеркнул следующее: «Первую книгу «Поднятой целины» писал двадцатипятилетний юноша, полный энергии, сил духовных и физических, человек, который не чувствовал, где кончаются возможности, где будет предел взлета. Вторую книгу писал человек пятидесяти лет, полный огромной жизненной мудрости, человек угомонившихся страстей, уравновешенный,

но с целостной жизненной философией, глубокий и спокойный, смотрящий не только в сегодня, а гораздо дальше — в будущие дни — ясные, но еще неизвестные... В первой книге больше темперамента, во второй — вечного равновесия и поэзии»[57].

Критик Миодраг Сибинович в 1962 году в журнале «Стремления» в статье «Различные течения одной жизни» писал, что в первой книге в центре повествования стоит «судьба коллективизации, как историческое начинание, а во второй — личная судьба героя, который в историческом движении, а иногда и мимо него ищет свое личное счастье... Главная сила «Поднятой целины» заключается в том, что Шолохов языком искусства говорит о вопросе старом и в то же время современном и важном для будущего человечества — о коллективизации, над которой люди еще долго будут ломать себе голову (пока, наконец, его не решит История), и в том, что автор убедительно и глубоко разрабатывает сложнейшую тему отношений человека и общества, единицы и коллектива, личного и общественного»[58].

История на примере СССР решила вопрос: коллективная форма земледелия является самой передовой, прогрессивной и неизбежной формой. Сила и актуальность «Поднятой целины», как это признают многие практики в странах, где строится новая жизнь, как раз и состоит в том, что она отразила неодолимую тенденцию современного развития общества, является обобщением большого опыта.

* * *

Однако возвратимся к «Тихому Дону». В Югославии наиболее плодотворно (при некоторых оговорках) обращались к шолоховской тематике Братко Крефт, Милослав Бабович, Радован Лалич, Витомир Вулетич и др.

Известный писатель, академик Словенской академии наук и искусств Братко Крефт в книге «Портреты» посвятил Шолохову большую главу. Называя автора «Тихого Дона» великим мастером в изображении новой жизни и справедливым судьей ее противников, Б. Крефт высказал интересные суждения о личности автора «Тихого Дона»:

«Шолохов состоит из крепкого, стального казацко-революционного и, откровенно говоря, ленинского сплава! Этот сплав в нем прекрасен, человечен и художественно звонок, что чувствуется с первой и до последней страницы «Тихого Дона». По мнению Б. Крефта, советская литература благодаря «Тихому Дону» заняла «первое место в современном мировом романе». Еще в 1956 году Б. Крефт вдохновенно писал: «Да, первое место, ибо в «Тихом Доне» столько здоровья и силы, которые поднимают в человеке радость, надежду и убеждают нас в смысле человеческого труда и борьбы, а этого нельзя найти ни в каком дру-

том современном романе в такой мере, как в этом. У Шолохова бурлит человеческая энергия, его прометеевская борьба и жизнь, потому что в упорных боях и исканиях в его творчестве нашел свое выражение вообще весь мир... И поэтому общечеловеческая и всенародная сущность является ядром подлинного реализма и социалистического гуманизма Шолохова»[59].

Однако после войны в югославской прессе в статьях о «Тихом Доне» и Шолохове большинство критиков, начиная с Дж. Богоевича (1948), утверждало, что Григорий Мелехов — это «отщепенец»[60].

В 1957 году Милослав Бабович в статье «Судьба Григория Мелехова» высказал новую мысль о том, что Григорий Мелехов «прошел жизненный путь прямо, честно, но несчастливо... И поэтому в то утро, когда он сам себя разоружает и свое проклятое оружие бросает в глубины Дона, он только грешник (которого ждет наказание), но не преступник»[61]. Говорит об этом критик и в другой крупной работе — «Тихий Дон» — роман-трагедия»[62].

А Витомир Вулетич в статье «Драматическая бездна М. Шолохова» проводит мысль о том, что трагедию Григория Мелехова надо рассматривать прежде всего как литературное выражение шолоховского ви́дения мира. «Опирающийся на противоречия эпохи, образ Григория Мелехова дал Шолохову неожиданную возможность увидеть революцию во всей ее сложности, в вечных драматических столкновениях, увидеть пропасти, которые вызывают эти столкновения. Шолохов создал личность выразительную, сильную, несломленную, как поэтический синтез не только казачества, а всех тех людей, которые невольно по природе своей всегда находятся в центре событий»[63].

О судьбе Григория Мелехова пишет и профессор Белградского университета Радован Лалич в своем предисловии к «Тихому Дону», вышедшему в издательстве «Просвета» в 1964 году. Он критикует многих советских литературоведов за то, что они судьбу Григория Мелехова объясняют по социологической схеме: «Мелехов — типичный представитель среднего крестьянства, представитель мелкобуржуазного класса, и его жизненный путь отражает колебания этого класса между революцией и контрреволюцией». Но эта схема и характеристика, по словам Р. Лалича, «не только ничего не объясняют, но еще больше затуманивают проблему Мелехова, как литературного героя...» Сводя все к этой схеме, говорит Р. Лалич, «советские критики умалчивают о других объективных моментах революции, без которых невозможно объяснить личность Мелехова, они не вскрывают то, что было специфично для Дона, а существо вопроса состоит в том, что поведение Григория Мелехова зависело в конечном счете от тех факторов, которые были типичны для Дона... Пренебрегая

этими факторами, советские критики судьбу Григория Мелехова охарактеризовали как «предательство» и «отступничество», а не как трагедию».

Профессор Р. Лалич считает позицию некоторых наших критиков ошибочной и, ссылаясь на известное письмо М. Шолохова к А. М. Горькому, подчеркивает, что Вешенское восстание 1919 года — «это центральный вопрос в романе, без объяснения которого нельзя понять массовый переход донских казаков да и неказачьего населения на сторону контрреволюции». А многие советские литературоведы обходят этот вопрос или трактуют его субъективно, не вскрывая коренных причин.

Надо сказать, что в этих суждениях профессора Р. Лалича есть рациональное зерно, и нашим шолоховедам пора бы извлечь из архивов документы истории и сказать правду о причинах Вешенского восстания, о виновниках политики «расказачивания» на Дону.

Р. Лалич прав, когда отмечает, что некоторые наши критики напрасно приукрашивают образ Мишки Кошевого, видят в нем «воплощение наилучших человеческих качеств», «идеала коммуниста» и даже находят «трогательность» любви Кошевого к Дуняше Мелеховой, «хотя в этой любви, — уверяет Р. Лалич, — нет ничего трогательного». Подчеркивая далее, что эти критики «совершенно слепы к отрицательным чертам в характере Мишки Кошевого», Лалич пишет, что объяснять поступки Кошевого высокой классовой сознательностью, тем, что он — новый человек, у которого из прежней жизни остались только некоторые «безобидные смешные черты», — нельзя. Разве убийство деда Гришаки — «безобидно смешной поступок»? Чем он может быть оправдан? И разве классовая сознательность выражается в войне Мишки Кошевого со скотиной или в том, что он предлагал матери своей будущей жены (а она и мать Григория Мелехова!) принести ей что-нибудь из «буржуйского имущества»?

Несомненно, в этих поступках Кошевого нет ничего «принципиального» и «революционного», они свидетельствуют не о классовой сознательности воина Красной Армии Кошевого, а о его излишней озлобленности. И Радован Лалич, думается, прав, когда говорит: «Мишка Кошевой — это великолепный образ, но только как пример художественной объективности Шолохова и его последовательного реализма, а не как пример человечности, не как идеал коммуниста. Шолохов нигде в романе этого не показал и в этом смысле его не выделяет»[64].

Статья Р. Лалича имеет и спорные замечания и наблюдения, с которыми мы согласиться не можем. В частности, в оценке «Поднятой целины» Р. Лалич допускает ошибку, когда первую книгу романа называет «истинным произведением критического реализма в советской литературе», а во второй книге предвзято

усматривает «ослабление активного критического отношения автора к действительности колхозного села»[65].

Эти тезисы Р. Лалича крайне субъективны, ущербны и, по существу, принижают историческую значимость и художественную ценность романа. Термин Лалича «критический реализм в советской литературе» — это свидетельство непонимания критиком существа советской действительности и исторической миссии советской литературы. Лалич увидел и оценил в первой книге «Поднятой целины» лишь критический аспект эпохи коллективизации и акцентирует внимание на запечатленных в романе ошибках, перегибах, негативных сторонах действительности. А первая книга «Поднятой целины» сильна не только беспощадной правдой жизни и критикой наших ошибок и недостатков, но прежде всего изображением рождения коммунистической нови, нового отношения к земле, новых взаимоотношений людей в колхозе. Термин «критический реализм» узостью своего диапазона заранее ограничивает возможности критика всесторонне осмыслить социалистический переворот в советской действительности и его воплощение в художественном произведении. Его упреки автору «об ослаблении критического отношения» не имеют оснований.

Более того, критическое изображение Шолоховым действий Давыдова, Нагульнова и Разметнова, сосредоточение внимания на «мелочах жизни», требование постичь характер и душу каждого труженика, мудрый совет писателя партийным организаторам искать в каждом человеке его страсть — «чудинку» — весь шолоховский текст дает нам основание сказать, что суждения критика Р. Лалича о позиции автора в «Поднятой целине» ошибочны.

Шолохов романом «Поднятая целина» доказал, как можно, используя опыт великих мастеров критического реализма, создать свой стиль, свое видение мира, идя в ногу со временем. Руководствуясь принципиально новым методом и мировоззрением, Шолохов не только по-новому объяснил все беды и тяготы русского крестьянства, не только показал наши ошибки и промахи в период коллективизации, но запечатлел и рождение в народе новых мыслей и чувств новой общественной формации, возникновение великих, исторических по своей значимости действий, коренным образом изменяющих весь уклад жизни, экономику деревни, культуру, запечатлел процесс изменений мира с новой исторической перспективой, которая стала заманчивой для крестьянства в других странах.

Как видим, при анализе «Поднятой целины» Радовану Лаличу изменило его чутье, и он не охватил взором критика всей сложности и глубины романа, всех трудностей борьбы и исторической перспективы, философской мудрости автора и красоты

правды нового мира. Но другие критики — В. Вулетич, М. Сибинович, — как мы отмечали, исторически правдиво оценили «Поднятую целину», признав ее новаторство и значимость для всего человечества, как произведения, в котором художественно обобщен опыт СССР, как руководство к действию, изменению и преобразованию мира.

VI

Выше мы отмечали как весьма положительное явление публикацию второй книги «Поднятой целины» в органе Социалистического Союза трудового народа Югославии — газете «Борба». Однако в те годы в некоторых газетах и журналах появлялись статьи, дезориентирующие читателя уничижительными высказываниями против литературы социалистического реализма и против Шолохова.

Так, например, редакция журнала «Летопис матице српске» в ноябре 1966 года сочла возможным опубликовать статью о «Тихом Доне» явно дискриминационного характера. Ее автор, небезызвестный критик-модернист профессор Драган Недељкович, конечно же, ничего нового и правдивого не сказал о Шолохове, да и не мог сказать, так как является яростным экзистенциалистом — проповедником буржуазных взглядов в литературе и критике.

Вызывает недоумение тот факт, что на этот выпад против Шолохова (с нелепым тезисом: «Гуманизм казака сильнее всего проявляется в его отношении к коню, нежели к людям»[66]), в югославской прессе так никто и не дал достойной отповеди.

В последующие годы как заметное явление в югославском литературоведении следует отметить два эссе молодого талантливого доцента Нови-Садского университета Богдана Косановича о «Судьбе человека» М. Шолохова, напечатанные в «Ежегоднике» этого университета (1970 и 1971 гг.). Однако при многих хороших качествах оба эти эссе, к сожалению, не лишены недостатков. Так, Б. Косанович, соотнося «Судьбу человека» Шолохова с рассказом «Старик и море» Хемингуэя, на наш взгляд, очень суженно и однозначно говорит «об очевидной духовной близости Соколова и старика Сантьяго»[67]. Близость у них одна — они честные люди труда. Но ситуации борьбы, в которых они проявляют свои характеры и человеческое достоинство, — очень далеки в пространственном и нравственно-физическом измерении. И этого нельзя забывать! Право же, нельзя забывать и замалчивать тот факт, что судьба Соколова сложнее, тяжелее и трагичнее, чем у старика Сантьяго, да и весь замысел Шолохова по нравственному испытанию героя и философским обобщениям автора масштабнее и величественнее, чем у Хемингуэя.

В рассказе «Старик и море» дана ожесточенная, на пределе человеческих сил борьба рыбака-одиночки в океане со стихией и акулами, пожирающими его богатый улов — рыбу-мечту. А в «Судьбе человека» идет борьба не со стихией. Нет! Герой Шолохова находится в эпицентре борьбы с врагами цивилизации и человечества — с коричневой чумой фашизма, которые у Соколова и миллионов людей забрали и уничтожили все — землю, города, села, родителей, жен, детей. И чтобы выстоять против этого натиска и вынести на своих плечах груз этих утрат, надо было иметь (по сравнению со стариком Сантьяго) нечто иное — качественно новые нравственные особенности характера — характера советского человека. А вот об этом качественно новом явлении XX века в жизни народов и в художественной литературе наш друг Б. Косанович почему-то и забыл сказать.

В другом же эссе «Место шолоховской «Судьбы человека» в развитии русского советского рассказа» Б. Косанович допускает серьезную ошибку, когда пишет, что Шолохов в этом рассказе для отражения проблем современности пользовался «средствами эзоповского языка»[68]. Право же, этот тезис Б. Косановичем выдуман и не имеет отношения к тексту «Судьбы человека».

В 1967 году в Югославии появилась первая книга «О «Тихом Доне» Михаила Шолохова» профессора Драгана Недельковича. Она оказалась как бы продолжением его статьи, упомянутой нами выше (журнал «Летопис матице српске», ноябрь, 1966).

По словам известного югославского критика и шолоховеда Витомира Вулетича, «белградский профессор и компоративист Драган Недельковнч рассматривает «Тихий Дон» как роман-трагедию. Анализ образа Григория Мелехова носит резко полемический характер. Недельковнч полемизирует с некоторыми взглядами на революцию, отстаивая ее гуманную сущность. Однако его полемика носит декларативный характер и сводится к противопоставлению одних общих идей другим, а анализ романа как-то остается вне данных заявлений и деклараций». (Мы можем добавить к этому, что анализ Др. Недельковича сделан предвзято и тенденциозно в целях дискредитации авторской позиции М. Шолохова, о чем еще речь впереди.)

В. Вулетич в обзорной статье «Изучение русской литературы в Югославии» полагает, что Др. Недельковичу «удалось проследить, как равновесие между жизнью и смертью, страданием и радостью, счастьем и несчастьем, геройством и преступлением, без которых немыслима жизнь, перерастает у Шолохова в композиционный принцип и из этического жизненного начала превращается в эстетическую сущность романа. Но Недельковнч в своей книге изменяет провозглашенному им самим принципу — рассматривать литературу как искусство, сам он часто говорит на языке этики и политики»[69]. Книга Др. Недельковича,

по справедливому замечанию В. Вулетича, пестрит спорными тезисами, методологическими недоразумениями и идейной непоследовательностью.

В 1973 году профессор Др. Неделькович издал в г. Нови Сад новую книгу «Универсальные традиции русской литературы», в которой даны своеобразные эссе о творчестве Н. Гоголя, И. Тургенева, И. Гончарова, Л. Толстого, А. Чехова, и «Пессимизм писателя и трагедия героя в романе «Тихий Дон» Михаила Шолохова».

Последняя глава представляет собою попытку проанализировать «Тихий Дон» с позиций экзистенциализма.

Следует отметить, что в этом труде профессора Др. Недельковича есть некоторые наблюдения, заслуживающие внимания. Это, прежде всего, его акцент на реалистическую символику и фольклор, которыми столь щедро пользуется Шолохов в своем эпосе. Это и его попытки разобраться в «гуманной сущности революции» (которую он, однако, не понимает и не приемлет!). Это и его критика Мишки Кошевого (если от нее отсечь язвительность и злорадство). Это и некоторые суждения о Григории Мелехове. В частности, тезис Др. Недельковича о том, что Шолохов не случайно отправил Григория в банду Фомина. Шолохов сделал это «не для того чтобы морально унизить главного героя,— справедливо пишет профессор Др. Неделькович, — как это объясняют некоторые критики, а чтобы подчеркнуть его ценность, которая не ржавеет. Некоторые и в добре малодушны, тогда как исключительные люди, к которым принадлежит Григорий Мелехов, и в большом несчастье те же — верны себе. Григорий брошен в грязь (в банду), чтобы подтвердить свою человеческую ценность»[70]. И, добавим мы, чтобы на фоне Григория развенчать до конца Фомина, Капарина и иных белогвардейцев, которых литературоведы-антисоветчики в США, ФРГ, Англии и других странах до сих пор пытаются представлять как носителей «третьего пути» для казачества в революции.

Это, наконец, и тезис о том, что «Шолохов не мог допустить, чтобы Григория кто-нибудь разоружил или он сам кому отдал оружие». Поэтому, чтобы не разрушить цельности образа и характера Григория и чтобы придать ему еще величия, несмотря на весь трагизм его положения, писатель находит единственно правильный акт — сбросить оружие в Дон, «который течет в бесконечность и является свидетелем людской радости и несчастья, — верно пишет профессор Др. Неделькович. — Так этот последний жест Григория делается поэтической вершиной в «Тихом Доне»[71].

Все это справедливо. Но, на наш взгляд, поэтическим апофеозом в развитии образа Григория является не просто акт саморазоружения, а и сбрасывание оружия под лед, и переход

реки его жизни — Дона — с чистыми руками (без камня и ножа за пазухой!), и внутренняя, духовная решимость быть справедливым во всем до конца!

В целом же эта работа профессора Др. Недельковича в своем заглавии уже выдала главный замысел автора — дискредитировать позицию писателя Шолохова, его «Тихий Дон», Великую Октябрьскую социалистическую революцию и всю нашу действительность. Для этого придумывается «глубокомысленный» тезис. «В «Тихом Доне» пессимизм писателя — это один из живых источников трагического понимания жизни, — пишет Др. Неделькович.— Источник пессимизма, однако, не столько революция — так как писателю в 1917 году было всего 12 лет,— сколько, в значительно большей и решающей мере, — эпоха, в которую написан «Тихий Дон»[72]. Более того. По мнению профессора, «Тихий Дон» — «это не что иное, как месть художника и искусства, но не эпохе триумфа «музыки» (как назвал А. Блок революцию), а позднейшему времени, в которое свобода и достоинство были задушены»[73].

Что можно сказать об этих домыслах и выдумках профессора Др. Недельковича?

Во-первых, что они, эти домыслы, в частности о мести писателя, позаимствованы (правда, без указания на источник) за океаном. Восполним этот пробел и напомним профессору Др. Недельковичу, что это взято им из книги профессора Мичиганского университета Д. Стюарта «Михаил Шолохов» (Анн-Арбор, 1967 г., см. в этой книге главу «США»). Все это выдумано в целях дискредитации нашего писателя.

Во-вторых, все творчество Шолохова — глубоко гуманистично, оптимистично и жизнеутверждающе. Именно в этом сила и жизненность шолоховского социалистического гуманизма. Это — аксиома, не требующая доказательств. И только критики с извращенными представлениями о сущности искусства социалистического реализма могут сочинять выдумки о пессимизме Шолохова.

В-третьих, эссе профессора Др. Недельковича направлено против Шолохова и «Тихого Дона» с той целью, чтобы идейно пошатнуть и ниспровергнуть большевизм, чтобы очернить Великую Октябрьскую социалистическую революцию и победу Советской власти.

Предвзятость и спекулятивный характер доводов Др. Недельковича заключаются в том, что он тщится доказать, будто в «Тихом Доне» Шолохов запечатлел... «абсурд жизни, загубленной по дешевке, оборванной раньше времени», и «абсурд любви, которая, откровенно говоря, побеждает, но... утверждается смертью»[74]. Столь извращенная трактовка шолоховского эпоса, грубое искажение художественной правды жизни в «Тихом

Доне» придуманы Др. Недельковичем, чтобы внушить читателям гибельность революции, бесперспективность человеческого бытия, духовную опустошенность и бесплодность борьбы угнетенных за свое освобождение. Именно поэтому Др. Недделькович пытается дискредитировать русскую революцию, утверждая, будто Шолохов в «Тихом Доне» изобразил и «абсурд революции, которая наступает во имя труда и мира, но приносит опустошение, а не мир, требует жертв лучших, а жизнь дарует и доверяет будущее самым худшим среди революционеров»[75].

Отвергая революцию, как неизбежный и закономерный ход истории, не задумываясь над вопросом, что же дала революция трудящимся и что отобрала у тунеядцев-эксплуататоров, критик-модернист стращает читателей Югославии воистину абсурдными домыслами об «опустошении» революцией души человека труда и мира.

В-четвертых, доводы и приемы Др. Недельковича стары, как буржуазный мир, и во всем повторяют мотивы заокеанской реакции.

В сущности своей, проф. Др. Неделькович ничего нового не говорит. Все его рассуждения о различиях эпоса Гомера и Шолохова, Л. Толстого и Шолохова, наветы о том, что в «Тихом Доне» «нет жизненной мудрости», что «герои Шолохова исключительно заземлены, примитивны до аномальности», что «герои «Тихого Дона» редко добывают метафизические размеры», что «человек не измеряется по отношению к вечности»,— все это у Др. Недельковича также чужое, взятое из «трудов» американского профессора Е. Мучник (см. в этой книге главу «США»).

Во всем мире идет борьба идей. И в какие бы одежды ни рядились апологеты декаданса, модернизма или авангардизма, читатели, знающие текст «Тихого Дона», хорошо разбираются в истинных явлениях искусства, в достижениях литературы социалистического реализма и в истинном назначении книжек Е. Мучник, Г. Ишрейта, Др. Недельковича и им подобных прислужников империалистической реакции.

10 Заказ 37

НОРВЕГИЯ

I

В Норвегии «Тихий Дон» М. Шолохова впервые был издан в 1956 году. Но это не означает, что норвежцы ничего не знали об этом романе. Прогрессивные люди Норвегии еще в 30-е годы знакомились с «Тихим Доном» по иностранным изданиям и в своей прессе тепло приветствовали нового русского классика.

Так, например, литератор В. Муберг в газете «Нурланпостен» (г. Будё, Северо-Западная Норвегия) писал следующее: «Читатели нового русского романа «Тихий Дон» с первой страницы оказываются в плену у этого божественного писателя М. Шолохова»[1]. В другой газете «Даг-постен» (г. Осло) критик Л. Ос в 1932 году, рекомендуя норвежским книжным фирмам поскорее перевести и издать «Тихий Дон», высказался так: «Воистину этот роман читается с неугасимой радостью, и его всегда надо иметь в своем книжном шкафу... Наши читатели должны поскорее получить перевод «Тихого Дона», так как Шолохов — это лучший продолжатель традиций русской классической литературы»[2].

Однако этому доброму пожеланию в Норвегии суждено было осуществиться не скоро. Ценное признание по этому поводу (хотя и весьма одностороннее) сделала редакция газеты «Бергенс арбейдерблад» 26 октября 1956 года в большой статье «Русский шедевр на норвежском языке», которая была посвящена первому изданию «Тихого Дона» в Осло.

«Несколько лет назад, — читаем мы в этой статье, — в нашей литературной жизни произошло нечто удивительное, вызывающее размышления. После окончания второй мировой войны появился повышенный интерес к русской литературе. Событие это было связано как с нашей доброй волей к великому союзнику во время войны, так и с жаждою знать новое о новом мировом гиганте (СССР). Через два-три года у нас появились переводы советских романов, а некоторые издательства выпустили Собрания сочинений Достоевского и Горького. Затем началась «холодная война». То, что доброе отношение к русским привело к «многоточию» в интересе к новой советской литературе, было не совсем приятно. Нам это объясняли тем, что советские романы часто были пронизаны воинствующим патриотизмом и что это создавало огорчения в конфликте Восток — Запад.

Поэтому не удивительно, что 28 лет читающая публика Норвегии не знала такого великолепного произведения советской литературы, как «Тихий Дон» М. Шолохова. В первые послевоенные годы Шолохов был назван, и не без основания, достойным кандидатом на Нобелевскую премию, но «холодная война» заморозила эту идею, и о нем умолкли»[3].

Во многих странах власти воздвигали всевозможные препятствия, чтобы задержать проникновение советских газет, журналов и книг к своим читателям. Очевидно, так было и в Норвегии.

Но тем не менее и в этой стране наступили времена, когда под давлением прогрессивной общественности стали издавать переводы советских произведений. Появился на норвежском языке и роман «Тихий Дон» благодаря настойчивости известного антифашиста-переводчика Ивара Дигернеса.

По сообщению директора издательства «Тиден» Кольбёрна Фёльда, с 1956 по 1964 год они выпустили в продажу три издания этого романа общим тиражом 60 000 экземпляров.

На суперобложке первой книги романа издательство дало следующую аттестацию: «Тихий Дон» — это безбрежная и яркая летопись выдающегося эпика-поэта Шолохова, чье реалистическое искусство выдвинуло его в первый ряд мировых писателей. «Тихий Дон» — это самобытный, сверкающий всеми цветами радуги роман революционной эпохи, великий эпос, вдохновенно озаривший жизнь... Как исторический роман, «Тихий Дон» в мировой литературе занял место рядом с «Войной и миром» Л. Толстого». Издательство «Тиден» называет шолоховский роман «жемчужиной мировой литературы».

Норвежская пресса активно откликнулась на выход в свет «Тихого Дона». Подавляющее большинство газет тепло приветствовало издателя К. Фёльда и в особенности переводчика И. Дигернеса. Однако в Норвегии нашлись оруженосцы «холодной войны», которые сочли необходимым выступить со статьями против Шолохова. Так, например, критик Арне Хапиевик в реакционной газете «Верденсганг» в статье под заголовком «Грандиозный роман», отметив «исключительную лиричность в описании природы», «свежесть, правдивость в изображении персонажей» и «объективность Шолохова», высказал сожаление о том, что симпатии писателя находятся на стороне красных. И там же неожиданно пускается в домыслы о том, что якобы «роман «Тихий Дон» при первой публикации в журнале «Октябрь» был задержан властями, но после вмешательства Горького в 1928 году Шолохов смог выпустить свой первый том»[4].

На деле же, как известно, М. Горький не имел никакого отношения к изданию первых книг «Тихого Дона», и они печатались в «Октябре» без задержек и срывов.

Как видим, редакции «Верденсганг» и ее критику не до фактов истории. Перепевая чужие наветы, критик в своей статье пытался доказать, что «Шолохов не видит персонажей так глубоко, как его предшественник Л. Толстой», что «и психолог он небольшой», что «этически, нравственно действия героев Шолохова индифферентны к ходу истории», что «он довольно щедр в описании простых, примитивных, созданных из страданий людей» и что «поэтому гибель героев «Тихого Дона» не трагична и грандиозный роман Шолохова не имеет внутреннего подъема, того символического толкования человека и истории, который мог бы поднять его на уровень великих русских шедевров прошлого столетия»[5].

Своим последним тезисом критик Ханневик выдал себя как соратника заокеанских реакционных литературоведов, которые в антисоветской пропаганде используют расистский тезис о «примитивности» русского народа.

Вопреки этим злостным сентенциям и наветам большая часть норвежской прессы отнеслась к «Тихому Дону» доброжелательно. Так, даже главный орган консервативной «Партии центра» — газета «Нашунен» — 20 октября 1956 года опубликовала положительную статью критика Нильса Бреггера «Великий роман». Редакцию этой газеты никак нельзя заподозрить в симпатиях к СССР хотя бы потому, что на ее страницах в свое время печаталось множество статей в защиту квислинговцев — предателей норвежского народа, в защиту агрессивности Атлантического блока, против миролюбивой советской внешней политики. И все же эта статья о «Тихом Доне» написана тепло, дружественно и словно бы специально для ответа разным клеветникам. По мнению Н. Бреггера, «книжная фирма «Тиден Норск» сделала большое благородное дело, издав всемирно известный роман «Тихий Дон», в котором шолоховская кисть и полотно мощны так же, как у Л. Толстого»[6].

Газета «Арбейдербладет» — центральный орган рабочей партии — 25 октября 1956 года напечатала статью о «Тихом Доне» под названием «В войне и любви». Ее автор, известный критик Турольф Эльстер, писал:

«Тихий Дон» принадлежит к великим романам нашего столетия и является единственным, где русская революция для нас предстала действительно живой... Но одновременно «Тихий Дон» Шолохова и нечто большее: это роман о людях, о человечестве, о тех силах и внешне случайных событиях, которые формируют его судьбу. Старая тема и одновременно новая. «Тихий Дон» — это большой роман о столкновении мировой истории и разных, простых людей. Это описание той стороны истории, которая до сих пор была от нас скрыта, неизвестна!.. В «Тихом Доне» нет ничего сконструированного, он течет от своей собст-

венной тяжести, непреклонно, как сам тихий Дон. То там, то здесь заходит он в тихие заводи, где ничего значительного не происходит, но он и не скучен, ибо такова сама жизнь, и пока мы его читаем — он наша жизнь... Романы могут быть написаны по-разному, и все они могут быть хорошими. Но действительно великими могут быть лишь такие и никакие другие!»[7]

Основа успеха Шолохова заключается не только в его таланте, но и в жизнеутверждающем методе социалистического реализма, видении мира в поступательном движении и изменении. Повествуя о великом преображении земли русской и в годы революции, Шолохов показал, в каких трудностях происходило впервые в истории это рождение нового.

Заслуживает внимания статья «Эпос о донском казачестве», напечатанная в солидной буржуазной газете «Афтенпостен» 5 ноября 1956 года. Ее автор, доктор философии Эгиль Расмуссен, стремится сохранить исторический подход к проблемам, разобраться в сложностях противоречий русской жизни в великое десятилетие — 1912—1922 годы: «Мы пристально вглядываемся во внутренний конфликт «Тихого Дона», проявляющийся в войне и революции, которые затянули в свой водоворот и донских казаков. Мы переживаем не только его внешние драматические события, но прежде всего те изменения, которые происходят со встречающимися в романе людьми. Война вскрывает застарелые противоречия между казачьей аристократией, казаками, крестьянами и рабочими; революция и гражданская война усугубляют противоречия между соседями; родственники и друзья становятся друг против друга с оружием в руках...»

Как бы отвечая газете «Верденсганг» и отвергая тезис Ханневика об отсутствии трагического в судьбах героев, Э. Расмуссен обстоятельно доказывает, что «Григорий Мелехов несет в себе трагические черты переходного периода. Он знает, что борется за проигранное дело. Но в его крови — лояльность к товарищу по оружию и прежде всего глубокая, почти горькая, любовь к родной земле. Домой он возвращается, наконец, как пораженец. Конец «Тихого Дона» подобен концу романа «Преступление и наказание» Достоевского: жизнь, надежда, но Шолохов оставляет вопрос открытым... Произведение Шолохова отличается широким и объективным покоем эпоса. Он поэт, а не пропагандист. ...И жизнь природы в его романе представляет собой величественную, живую канву повествования, она органически сливается с человеческой жизнью, придавая роману настроение цветущей жизненности. «Тихий Дон», бесспорно, одна из великих книг нашего столетия, она достойна своих великих классических предшественников по широте охвата жизни, по силе и дарованию и будет и в дальнейшем жить в литературе»[8].

Можно бы привести еще много других ярких и сердечных высказываний о «Тихом Доне» из норвежской прессы... Но мы ограничимся отрывком из письма норвежского прогрессивного критика Мартина Нага, которое мы получили в январе 1965 года: «Советская литература — самая интересная в мире. Я читаю лекции в университете о советских писателях при переполненных аудиториях. Лекции о Шолохове пользуются исключительно большим интересом. Шолохов — наиболее популярный писатель в Норвегии. Его знают и читают все! Его поэтическое творчество у нас стало народным чтением. Шолохов — это не модное имя, а друг, любимейший писатель-реалист, мудрый собеседник; его светлый ум, острый взгляд, видящий насквозь человеческие души, спокойная мощь и голос, звучащий на весь мир, таят в себе огромнейшую силу»[9].

Так честные люди Норвегии — читатели, критики, представители прессы — воспринимают творчество нашего земляка.

II

Роман «Поднятая целина» в Норвегии был издан в 1935 году (в переводе Ивара Дигернеса) тем же издательством «Тиден» под названием «Новая земля».

Генеральный директор книгоиздательства «Тиден Норск» Кольбёрн Фёльд в мае 1965 года писал нам: «Дорогие друзья! К сожалению, прислать Вам экземпляр первого норвежского издания «Поднятой целины» 1935 года мы не можем. В годы фашистской оккупации здание нашей фирмы было захвачено германской полицией, а все наши архивы, библиотека — превращены в пепел, и мы сами не имеем ни одной книги первого издания этого романа. Но у нас уже тогда, читая «Поднятую целину», высоко оценили талант Шолохова, который в своих произведениях открыл нам душу народа новой, Советской России»[10].

Второе издание первой книги «Поднятой целины» появилось лишь осенью 1960 года. В Норвегии и после разгрома фашизма в Европе еще долго свирепствовали ветры «холодной войны», и это чувствительно сказывалось на литературном фронте.

Надо полагать, что «Тихий Дон» силой своей правды все же проложил путь через льды норвежских фиордов и для «Поднятой целины». Во всяком случае, вторая книга этого романа сразу же была замечена издательством «Тиден Норск». В конце 1960 года издательство выпустило первую книгу в переводе И. Дигернеса и вторую — в переводе Натали Фредриксен.

Издательство «Тиден Норск», назвав М. Шолохова «давним и бесспорно первейшим кандидатом на Нобелевскую премию», рекомендовало «Поднятую целину», как «новое, сочное и яркое полотно, в котором народный художник с увлекающим юмором

и сердечностью показал нам на новом этапе истории незабываемую, очаровательную галерею живых людей, которых мы знали по «Тихому Дону». В России было создано уже много колхозов, а мир о них ничего не знал. Но вот один из них, пусть самый первый, перенесший тяжелые испытания, попал к Шолохову в «Поднятую целину» — и весь мир пришел в изумление»[11].

Почти вся пресса страны приветствовала роман как крупное событие. Три издания «Поднятой целины» (по 20 000 экз. каждое) — показатель популярности в народе.

Редакция газеты «Арбейдербладет» 25 ноября 1960 года выступила в числе первых со статьей Турольфа Эльстера «История человеческая». В ней есть некоторые положения, с которыми мы не согласны. Но в целом в ней искренне и правдиво сказано о Шолохове.

«Роман «Поднятая целина», — по убеждению Т. Эльстера, — в двойном смысле роман о коллективе. Собственно, его главным героем является сам колхоз. И писательский триумф Шолохова в том, что этот колхоз выступает перед нами живыми людьми, с плотью, кровью и изменчивостью их взглядов. Каждый из них изображен без сентиментальностей, тепло, причем так, что мы видим, запоминаем их — вспыльчивых и веселых, полных страданий и отягощенных заботами. Бо́льшая часть романа — это встречи, другая — полна дискуссий о сельском хозяйстве и политике. Обсуждаются правые и левые уклоны в близкой связи с личной жизнью людей, в завораживающей смеси юмора и критики, болтовни и здравого смысла. Это, конечно, не протокол встреч, но эти дискуссии — настоящая драма, как сами человеческие судьбы, старые и нынешние. В романе благодаря фантастической хватке Шолохова перед нами встает сама жизнь»[12].

В некоторых газетах, конечно, были иные рецензии, но, повторяю, даже буржуазные и консервативные газеты проявили серьезный подход к роману. Так, например, газета «Афтенпостен», орган правой консервативной партии «Хейре», в октябре 1960 года откликнулась на выход в свет первой и второй книг «Поднятой целины» статьей Эгиля Расмуссена. Называя «Поднятую целину» «эпическим продолжением «Тихого Дона», доктор философии Э. Расмуссен считает образы Давыдова, Нагульнова, деда Щукаря и Лушки «огромным достижением Шолохова»[13].

В газете «Даген» 18 ноября 1960 года была помещена статья критика Антона Мейера «Художественное произведение высокого ранга», в которой было сказано о мастерстве и новаторстве Шолохова: «Конечно, надо отметить, что «Поднятая целина» в чисто стилевом отношении представляет то литературное направление, которое обычно называют «социалистическим реализ-

мом». Но этого не следует бояться, ибо в действительности «Поднятая целина» является романом традиционно европейского стиля с эпическим спокойствием и широтой, характерной для русского романа от Достоевского и Толстого до наших дней. «Поднятая целина» — это роман о новых людях, которые увидены и описаны с глубоким пониманием и знанием их силы и слабости. Все персонажи так ярко индивидуализированы, что воздействуют на нас, как лично известные, хотя условий их жизни мы до этого и не знали. Молодость и любовь в гуще революционного энтузиазма пионеров новой жизни занимают также достойное место в книге и, в сущности, являются благословенным свидетельством не только того, что в политической борьбе советского общества 30-х годов значительное место занимала человечность, но также и того, что и сегодня за «железным занавесом» живут люди... Только бы нам суметь проникнуть к ним. В этом нам помогают такие писатели, как Шолохов, и за это ему большое спасибо»[14].

«Железный занавес» — это из терминологии наших идейных противников, к которой критик обращается по сложившейся, видимо, инерции мышления. Мысли о социалистическом реализме тоже довольно зыбкие. Но главная суть его рассуждений, как мы видим, не в этом.

* * *

Знаменитый рассказ Шолохова «Судьба человека» был издан в Норвегии в 1960 году и получил горячее одобрение. Некоторые буржуазные газеты в своих рецензиях даже давали отповедь западногерманским реваншистам, которые обвиняли Шолохова в ненависти к немецкой нации. Так, критик Юхан Борген в газете «Дагбладет» 14 декабря 1960 года писал: «...в моих глазах «Судьба человека» является документом, направленным не против немцев, а против войны, войны, которой политики добились после пятнадцатилетних разглагольствований о мире!.. Книга эта — настоящий рождественский подарок Шолохова! Она пахнет порохом таланта и исторгает мир»[15].

«Донские рассказы» появились в Осло в конце 1964 года в переводе Олафа Руттера. Вот краткие отзывы прессы:

«Афтенпостен»: «Сборник удивительно талантлив. Его воздействие велико, и тем более книга действует потрясающе, что 20-летний автор собрал так много свидетельств силы человеческого разума, что он смог дать жизнь таким, как дед Гаврила («Чужая кровь») и Трофим с его жеребенком. Захватывает больше всего особая сила описания»[16].

«Фрихетен»: «Уже в «Донских рассказах» Шолохов выступил как поэт... В них изображена столь правдивая картина

страны, начавшей строить с голого места, показана жизнь великого русского народа, вышедшего из состояния вековой спячки, в свете учения Ленина осознавшего свое собственное достоинство, — и затем взявшего свою судьбу, свою несчастную судьбу, в собственные руки и приступившего к переделке самого себя и своей Родины. К переделке, которая одновременно меняла весь мир и продолжает изменять его и сегодня. Такова ближайшая перспектива полных напряженности и драматизма «Донских рассказов», написанных двадцатилетним юношей»[17].

III

В Скандинавии вокруг Шолохова и его произведений давно идет напряженная и упорная борьба прогрессивных сил с реакцией. И в Норвегии находятся критики, которые в своих статьях противопоставляют Шолохова нашей партии и народу, иные клевещут, что Шолохов якобы сердцем сочувствует Островнову и Половцеву, а не Давыдову и Нагульнову. Реакционная газета «Верденсганг» 10 марта 1960 года опубликовала рисунок-портрет Шолохова, исполненный художником Педро на пресс-конференции. В углу этого рисунка автор «Тихого Дона», видимо по просьбе художника, поставил собственноручную роспись: «М. Шолохов. 8. III. 1960 г.»

И вот редакция газеты «Верденсганг» на этом рисунке «чуть-чуть подправляет» глаза Шолохова, придавая им измученное, жесткое, пугающее выражение. Затем уже в газетной полосе над этой фальшивкой редакторы ставят издевательскую строку: «Писатель с нежным взглядом», а под рисунком — типично гангстерский комментарий: «Наш Педро, не обращая внимания на окружающих на пресс-конференции, приковал себя к глазам выдающегося советского русского писателя Михаила Шолохова, стремясь в рисунке на чертежной бумаге запечатлеть чудесного писателя в Осло. Наш великий гость выглядит кротко и примиренчески, но взгляд его глаз... не всегда соответствует приятной внешности...»[18] Так клеветники редакции «Верденсганг» представляли Шолохова своим читателям.

Однако рабочий класс, литераторы, прогрессивная пресса видят и ценят в Шолохове писателя-новатора, борца, гуманиста. И поэтому именно в Норвегии прогрессивная общественность неоднократно выдвигала кандидатуру М. А. Шолохова на соискание звания лауреата Нобелевской премии.

Издательство «Тиден Норск» и его генеральный директор Кольбёрн Фёльд в своих аннотациях на книги Шолохова выступали за присуждение автору «Тихого Дона» Нобелевской премии. Одна из них так и начиналась словами: «Нобелевскую премию — Шолохову!»

Отмечая, что после войны Михаил Шолохов многократно был назван достойнейшим кандидатом, книжная фирма «Тиден Норск» на суперобложке «Тихого Дона» напечатала ответ известного шведского писателя Ивара Лу-Юханссона на анкету влиятельной шведской газеты «Дагенс нюхетер».

«Если бы меня все же однажды попросили просто назвать имя писателя, который, по-моему, в первую очередь, как никто другой, заслужил получение Нобелевской премии в литературе, то я предложил бы Михаила Шолохова. Он подарил нашему поколению чудесный эпос «Тихий Дон» о наступлении новой эры в истории, оставаясь скромно самим собой среди великих исторических романистов. В «Тихом Доне» война и кровь нашего времени, словно в озерной глади, нашли ярчайшее отражение. И, как в зеркале, мы видим современника с его лирикой и нежностью. В Шолохове поражают самобытность художника, высокое мастерство и раскованность мыслителя. Поэтому в лауреаты Нобелевской премии первое и достойнейшее имя — Михаил Шолохов»[19].

Норвежский критик Мартин Наг 25 января 1965 года писал нам: «Шолохова — частого гостя Норвегии — у нас многие знают по походке. Всегда и всюду его встречают дружески тепло и приветствуют, как выдающегося художника слова. Норвежский народ, конечно, очень сожалеет, что Шолохов еще не получил Нобелевскую премию. Но мы, норвежцы, глубоко верим, что в один прекрасный день справедливость восторжествует и Шолохов станет нобелевским лауреатом»[20].

15 октября 1965 года Шведская академия присудила М. А. Шолохову Нобелевскую премию.

В эти дни мы позвонили в Осло, чтобы поблагодарить книгоиздателя Кольбёрна Фёльда за присланные книги.

К телефону подошла переводчица второй книги «Поднятой целины» Натали Фредриксен. Беседуя с ней, мы узнали, что она — русская, родилась в 1918 году, в Москве, но уже 40 лет живет в Норвегии. Она взялась перевести вторую книгу «Поднятой целины» в 1960 году по просьбе издательства.

— На жизненном пути Ивара Дигернеса было много трудностей, — сказала Натали Фредриксен. — Кое-кому не понравилось, что он работает над переводами писателя-коммуниста. Но тысячи читателей, начиная с 1935 года, признательны ему за чудесный перевод романа о колхозе.

— Каков был первый тираж «Поднятой целины»? — спросили мы переводчицу.

— По словам сидящего рядом Кольбёрна Фёльда, всего три тысячи экземпляров, — ответила Фредриксен. — Но для нашей страны по тем временам это был большой тираж.

— Были ли в романе цензурные сокращения?

— Директор фирмы говорит, что не было, — ответила Фредриксен. — Но фашисты, захватив Норвегию, конфисковали и сожгли все советские книги, в том числе и роман Шолохова. И Ивару Дигернесу, как переводчику «Поднятой целины», была одна дорога — в концлагерь. Но он счастливо нашел другую тропу... Ивар бежал в Швецию и продолжал бороться против фашизма, так же, как и «Поднятая целина», оставшаяся на руках у наших читателей. Норвежцы верили, что спасение и свобода придут, как солнце, с Востока.

— А почему лишь в 1956 году был издан «Тихий Дон»?

— Были причины, — ответила Натали Фредриксен. — Ивар Дигернес долго болел. Да и никто другой не отважился на это великое и трудное дело.

— Жив ли Ивар Дигернес?

— Нет, он умер в 1962 году. Но он прочел мой перевод второй книги «Поднятой целины» и благословил в печать.

Затем к телефону подошел директор издательства «Тиден» Кольбёрн Фёльд:

— Однажды меня спросили, какая книга в моей жизни произвела самое сильное впечатление на мою мысль? И я им ответил так же, как говорю и вам: «Тихий Дон» Михаила Шолохова! Это — шедевр мировой литературы. Волнующее очарование шолоховского пейзажа, драматические судьбы людей, сильные страсти, дыхание времени, удивительная лиричность, жизнелюбие и нежность Шолохова к печалям и радостям казаков перед лицом великих свершений давно пленили весь мир и меня. «Тихий Дон» — это вдохновенный подвиг Шолохова, который не затмить никому другому из писателей современности».

Я спросил директора фирмы, как норвежская пресса встретила присуждение Шолохову Нобелевской премии.

— Портретами Шолохова и большими статьями о нем на первых страницах, — ответил Кольбёрн Фёльд. — Достойнейший кандидат получил должное — Нобель-приз 1965 года! Мы — это я, как директор, и мои переводчики «Поднятой целины» Натали Фредриксен и «Донских рассказов» Олаф Руттер — счастливы! Вы, конечно, видели в наших изданиях и знаете, как наша фирма выступала за присуждение Шолохову Нобелевской премии. Справедливость хоть и с опозданием, но восторжествовала. Мы поздравляем Шолохова с заслуженной наградой и с волнением ждем завершения его работы над романом «Они сражались за Родину». В телеграмме в Вешенскую я поздравил лауреата Нобелевской премии Шолохова и пригласил его с супругой навестить еще раз страну голубых фиордов.

ИТАЛИЯ

I

В Италию я не собирался писать. От политэмигрантов мне давно было известно, что «Тихий Дон» там запрещен в 1930 году. И, видимо, поэтому правительство Муссолини не разрешило М. Шолохову приехать в Сорренто к Максиму Горькому осенью 1930 года. Но однажды из беседы с журналистом А. И. Лукиным я узнал, что в Милане «Тихий Дон» был издан в 1941 году.

«Тихий Дон» в Милане! Да еще летом 1941 года? Невероятно!

«Впервые я услышал об этом на Дону, — вспоминал Лукин. — Армия Паулюса уже была разбита, мы гнали немцев на запад. Где-то возле Миллерово мне пришлось допрашивать двух пленных итальянских солдат. Один из них родом из Милана, печатник по профессии, после допроса спросил меня: «А жив ли ваш писатель Шолохов?» — «Конечно, — говорю ему. — Жив-здоров. На фронте». Пленный миланец и говорит: «А гитлеровцы в газетах хвастались тем, что разбомбили станицу Вешенскую и дом Шолохова. Верно ли это?» — «Не знаю», — ответил я, чтобы закончить разговор. Я тогда действительно не знал, что это была правда и что какой-то летчик-изверг из пулемета расстрелял на пороге дома мать Шолохова. А солдат-миланец и говорит мне: «Да, великий это писатель у вас, Шолохов. В Европе сейчас таких нет. Разве что Ромен Роллан, сидящий в Везеле под домашним арестом у гитлеровцев. Но он уже очень стар. А «Тихий Дон» вашего Шолохова — просто чудо». И давай нахваливать роман. Я и спросил пленного: «А ты его читал?» — «Да, — говорит. — Еще в гранках, в типографии». Оказывается, роман Шолохова был издан в Милане летом сорок первого года под названием «Иль плачидо Дон», но сразу был запрещен, а набор второй и третьей книг рассыпан. — Андрей Иванович Лукин помолчал и добавил: — Вот тебе и борьба вокруг «Тихого Дона» в Италии. Я очень советую: копни Милан! Там ты найдешь интереснейшие документы».

Вот тогда я решил написать в Италию: к пресс-атташе нашего посольства в Риме, и в Национальную библиотеку Италии, и в общество «Италия — СССР», и в редакцию коммунистической газеты «Унита».

1 марта я написал депутату Национального собрания Италии тов. Пальмиро Тольятти. И уже 21 марта получил следующий ответ:

«Партия коммунистов Италии
№ 553, Рим, 10. 3. 1964

Дорогой товарищ Прийма!

Товарищ Тольятти в ответ на Ваше письмо посылает Вам современное итальянское издание «Тихого Дона» с кратким своим отзывом.

Примите, пожалуйста, его и наше пожелание счастливой встречи 60-летия товарища М. Шолохова, которого все мы любим, как великого советского писателя.

Сердечно —
Луиджи Амадези
Канцелярия Секретариата»[1]

Полгода спустя пришло письмо из «Национального центра библиографической информации» Национальной библиотеки Рима[2], в котором сообщалось, что первая книга романа «Тихий Дон» действительно впервые была издана в Милане в 1941 году книжной фирмой «Бомпиани» в переводе М. Раковской и Е. Фабиетти и в том же году, почти одновременно, — издательством «Гарцанти» в переводе Н. Бавастро.

II

Где и как найти образцы этих изданий? Насколько все это было трудно, можно судить по письму, полученному мною из редакции коммунистической газеты «Унита» в феврале 1965 года:

«Дорогой товарищ! Мы переслали в Милан издательству «Унита» Ваш запрос и Ваши письма к переводчикам «Тихого Дона» 1941 года. Мы уверены, что будет сделано все возможное, чтобы разыскать их, но мы сомневаемся в положительном исходе дела. Отдаленность во времени (1941!) делает эти поиски лишенными всяких надежд на успех.

Разыскать экземпляр старого издания «Тихого Дона» 1941 года — это безнадежное дело. В Риме этой книги нет ни в одной библиотеке. Нам не удалось достать ни одного экземпляра «Поднятой целины» 1945 года. Я нашел вам издание «Донских рассказов» (1957), которое и посылаю с этим письмом... Надеюсь, что в издательстве «Унита» в Милане Вам помогут в розыске просимых документов.

С сердечным приветом

Онорио Дольчетти»[3].

И снова я посылаю письма переводчикам, издательствам, в газету «Унита». Коммунисты Милана проявили исключительную активность и нашли в архивах важный документ.

«Дорогой товарищ! — писал мне из Милана секретарь редакции «Унита» К. Бонаццола. — Мы получили Ваш запрос и пересмотрели архивы в нашем городе. Нам удалось разыскать фотокопию письма фашистского министерства «народной» культуры от 17 октября 1941 года, которое приказало прекратить публикацию «Тихого Дона» в Милане после выхода в свет первого тома романа. Сообщаем, что переводчица «Тихого Дона» издательства «Гарцанти» готовит Вам важные документы... Мы рады, что смогли принять участие в Вашем розыске и шлем Вам наш сердечный привет!»[4]

С волнением я извлекаю из пергаментного конверта фотокопию распоряжения фашистских властей Италии о «Тихом Доне».

На этом документе в левом углу оттиснуты герб с крестом и короной и полный титул правительственного учреждения. Вот его перевод:

«Министерство народной культуры
Главная дирекция службы
итальянской печати

№ 9194

Рим. 17. 10. 1941

Запрещение № 111

Кому: Полицейской префектуре Милана.
Предмет: «Тихий Дон» М. Шолохова.
Зачем: Для ознакомления: 1. Издательства «Гарцанти». Виа Палермо, 10. Милан. 2. Издательства «Бомпиани», Корсо Порта Куова, 18. Милан.

В ответ на документ № 6139 от 2 мая 1941 года книжные издательства «Гарцанти» и «Бомпиани» представили на просмотр министру культуры гранки второго тома «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Настоящим сообщается, что, учитывая вспыхнувшую войну, необходимо быть максимально осторожным в распространении книг, которые могут вызвать депрессию морального духа гражданских и военных лиц.

Вследствие этого считаем необходимым отложить до лучших времен рассмотрение вопроса об издании второго и третьего томов романа, которые, как и первый том, при всех своих высоких художественных качествах и достоинствах, однако, все же представляют (даже после изъятия подрывных купюр, эпизодов и диалогов) мрачную и отвратительную картину разброда армии и народа, охваченных красной бурей революции.

Мы верим, что и в этом случае руководители издательств «Гарцанти» и «Бомпиани» правильно поймут деликатные причины, которые заставили министерство решить вопрос так, как сказано выше.

За министра —
(подпись)»[5].

Документ этот не нуждается в комментариях.

III

Долго шли розыски переводчиков «Тихого Дона». Но вот наконец из предместий Турина, из дома призрения для неимущих престарелых, получаю письмо — ответ на русском — от первой переводчицы романа Марии Раковской. Родилась она в 1881 году, в Калуге, детство и юность провела в Одессе, до 1925 года жила в Риге, затем переехала в Италию, в Милан, где зарабатывала себе на жизнь уроками и переводами. Она перевела на итальянский почти все романы Ф. Достоевского, Собрание сочинений А. Куприна, много рассказов Л. Андреева, И. Бунина и других.

«Уже недели две, — писала мне Мария Раковская, — как я получила Ваше письмо и книгу «Тихий Дон», русское, иллюстрированное издание. Очень Вас благодарю... Трудно мне отвечать на Ваши вопросы... Я очень больна, к тому же мне 86 лет и память изменяет мне... Многое забыла... Помню, что первые три тома «Тихого Дона» для перевода в 1941 году мне дали в издательстве «Бомпиани». После войны я выписала из Москвы через литературный отдел Итальянской коммунистической партии в Милане полный комплект четырех книг романа.

В 1941 году первый том «Тихого Дона» был издан без предисловия... Совсем не помню также, были ли отклики в официальной фашистской прессе и в других газетах на мой перевод. Но думаю, что откликов не было, слишком уж это был острый момент, и половина Милана вскоре лежала в развалинах, и все, кто мог, бежали из города... Я, во всяком случае, ничего не читала...

Прислать Вам экземпляр моего перевода «Тихого Дона» я не могу, так как вся моя библиотека и вообще все, что я имела, сгорело во время бомбардировки. Купить Вам современное издание «Тихого Дона» и переслать его, извините, я не могу: это для меня непосильная трата. Да я и не могла бы заняться этой пересылкой, так как уже давно не выхожу из дома: у меня катаракта обоих глаз и я почти слепая (это письмо я пишу Вам уже почти неделю, по одной фразе в день).

Выполняя Вашу просьбу, посылаю Вам свою фотографию 1941 года»[6].

Затем редактор издательства «Гарцанти» Паола Далай сообщила, что, так как в войну в Милане дом издательства и его магазин были разбиты бомбами, они не имеют в запасе книг. «Но все же в Россию один экземпляр нашего выпуска «Тихого Дона» 1941 года Вам будет любезно отправлен нашей переводчицей»[7].

С этим же письмом Паола Далай прислала из архива «Гарцанти» фотокопию запрещения, которое я привел.

Вскоре авиапочта доставила из Милана еще одно письмо:

«Дорогой товарищ! Синьора Н. Бавастро, переводчица «Тихого Дона» в издательстве «Гарцанти», поручила нам переслать редкий экземпляр этого романа Шолохова (выпуск 1941 г.) в Ваш адрес.

Сердечный привет!

К. Бонаццола,
Секретарь «Унита» в Милане»[8]

IV

В Италии, освобожденной от фашизма, в самых широких кругах читателей был очень велик спрос на советскую книгу.

Как сообщил нам «Национальный центр библиографической информации Италии», книжные издательства «Бомпиани» и «Гарцанти» в 1945 году сразу же издали книги М. А. Шолохова. Однако эти издания «Тихого Дона» в переводе М. Раковской и Е. Фабиетти («Бомпиани», 1945) и «Поднятой целины» в переводе Н. Бавастро («Гарцанти», 1945) получить не удалось.

Нам прислали фотокопию обложки и аннотацию ко II книге «Тихого Дона» (вышла 10 ноября 1945 г. в Милане).

«Книга эта,— читаем мы в аннотации издательства «Бомпиани»,— есть продолжение «Тихого Дона» М. Шолохова, знаменитого во всей Европе. В ней мы видим казаков в их знакомой среде на Дону, на фронте, верных старым традициям... Молодого казака Григория разрывают на части любимая, но неверная Аксинья и нелюбимая Наталья. Кипение страстей достигает высшего накала, и все это происходит на фоне постепенной деформации казачества, которое война бросает от преданной верности царю — к революции, в ожесточенном и бурном вихре, последствия коего трудно представить»[9].

Цензура изъяла в этой книге страницы, где речь идет о документах Ленина. Так, например, из первой главы четвертой части романа снят эпизод, когда Бунчук зачитывает офицерам отрывок из статьи Ленина о революционной ситуации[10].

Цензура сняла в этой главе даже упоминание имени Ленина. Видимо, ленинская трактовка сущности революционной

ситуации, его призыв к пролетариям повернуть оружие войны против организаторов бойни «для освобождения рабочего класса», его призыв к рабочим и солдатам «пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии»[11],— в Италии тогда еще рассматривались, как крайне опасные.

Во II главе четвертой части этого издания романа («Бомпиани», 1945) мы не обнаружили почти трех страниц шолоховского текста с новыми, рожденными в окопах, казачьими песнями антивоенного содержания: «Ой, да разродимая моя сторонка, не увижу больше я тебя», «Просвистела пуля свинцовая, поразила грудь она мою» и др.[12]

* * *

Через год в Италии были сняты все запреты на издание произведений советской литературы. Стали свободно распространяться книги Горького и Маяковского, Шолохова и Леонова, Фадеева и Паустовского. Издательства не успевали удовлетворять спрос на советские произведения.

Новый журнал «Лингуе модерне» № 1 за 1946 год сообщал: «Из писателей, которые привлекли внимание итальянских переводчиков, первое место занимает Михаил Шолохов. Его роман «Поднятая целина» (под двумя названиями «Терре диссодата» и «И диссодатори») уже выпущен в свет несколькими издательствами и вот-вот появится в продаже долгожданный второй том «Тихого Дона»[13].

Паола Далай в письме к нам в 1965 году сообщала, что после войны «первый и второй тома «Тихого Дона» в Милане вышли в свет в декабре 1945 года, третий том — в январе и четвертый том — в феврале 1946 года и сразу же полностью были распроданы».

«Лингуе модерне», пожалуй, ранее других выступил с большой серией научно аргументированных статей о советской литературе. В очерке «Шолохов — певец степи» А. Монти писал:

«Выпустив в свет «Донские рассказы» и «Лазоревую степь», Шолохов приступил к работе над своим шедевром — «Тихим Доном»... В начале 30-х годов Шолохов под впечатлением грандиозности первого в мире эксперимента с коллективизацией сельского хозяйства, ознаменовавшегося созданием колхозов и ликвидацией земельных собственников (кулаков), создает «Поднятую целину», произведение меньшее по размерам, чем «Тихий Дон», но одинаковой значимости с исторической точки зрения. И если в действительности «Тихий Дон» оказался эпопеей русской революции, то «Поднятая целина»,

без всякого сомнения, есть поэма о коллективизации, прославлении события, которое полностью изменило лицо земледельческой страны и открыло новую эру в жизни России»[14].

Национальная библиотека Италии сообщила нам, что книги Шолохова издавались в Риме и Милане многократно. Вслед за издательствами «Гарцанти» и «Бомпиани» все чаще стали появляться советские книги, издаваемые книжной фирмой Компартии Италии — «Эдитори Риунити». В 1957 году это издательство выпустило «Донские рассказы» Шолохова (перевод А. Вилла), в 1959 году — «Поднятую целину» (перевод Е. Баццарели), «Судьбу человека» (перевод Г. Грина и А. Вилла), «Они сражались за Родину» (перевод А. Вилла), в 1960 году — вторую книгу «Поднятой целины» (перевод Е. Баццарели), в 1963 и 1965 годах массовыми тиражами — «Тихий Дон» (перевод М. Раковской и Е. Фабиетти). Перевод всего романа, как сообщила нам М. Раковская, «Эдитори Риунити» выкупило у графа Бомпиани.

V

В одиннадцатом томе «Итальянского энциклопедического словаря» (Рим, 1960) о нашем писателе дана очень краткая, но верная информация[15].

В «Универсальном словаре современной литературы» (Милан, 1960) в четвертом томе помещен фотоснимок (Шолохов за рабочим столом) и большая статья на 5 колонок с внушительной научной библиографией. Сообщаются не только краткие биографические сведения, но дается оценка общественной и литературной деятельности, с прогрессивных позиций анализируется «Тихий Дон». Автор статьи, критикуя и опровергая тенденциозные и клеветнические суждения буржуазного литературоведения, высказывает много точных наблюдений: «Уже в первой книжке «Донские рассказы» (которая долгое время оставалась вне поля зрения критики) имели место все те достоинства, которые показали, что в лице Шолохова появился выдающийся писатель нашего времени. Успех романа «Тихий Дон» (1928) был колоссальным. «Тихий Дон»... без сомнения является не только шедевром Шолохова, но также и самым значительным произведением русской литературы XX века». Автор статьи подчеркивает, что в четвертом томе «Тихого Дона» прозвучал наиболее тонкий мотив о «новой силе в обществе, которая способна ассимилировать любую социальную категорию людей, включая и казацкое бунтарство», и что в «Тихом Доне» «сквозь кризис души Григория Мелехова видно, как дух казацкого бунтарства покоряется, и в людях рождается уверенность за будущее мира... «Тихий Дон» — это эпопея «великого испытания»,

N 145

Comp. PRIIMA KONSTANTIN
Rostov-Don. 10.
USSR

Roma, 10 marzo 1964

Questo romanzo ha fatto
conoscere al popolo italia-
no la grande epopea
della rivoluzione e della
costruzione socialista,
nella sua realtà e veri-
tà intera. Per questo
lo apprezziamo e lo
amiamo, come uno dei
capolavori della lettera-
tura di tutti i tempi.

Palmiro Togliatti

1961-1972
Из архива журналиста
К. Приймы
г. Ростов-Дон

Автограф-отзыв о «Тихом Доне» Генерального секретаря ЦК Итальянской компартии Пальмиро Тольятти (1964).

пережитого Россией во время революции. Как никто другой из современных русских писателей, Шолохов убеждает читателя не искусной аргументацией, а волшебством своего стиля, искусством своей кисти, музыкальностью слова. Главная сюжетная линия никогда не закрывает фона романа, т. е. общую картину жизни во всех ее противоречиях и борьбе. И вот эта широта фона и дает роману право на сравнение с великим творением Л. Толстого»[16].

* * *

Весной 1959 года М. А. Шолохов посетил Италию, встречался с писателями, журналистами, представителями прессы.

Прогрессивная общественность тепло приветствовала писателя.

«Унита» 7 апреля 1959 года в статье Джана Карло Ферретти «Шолохов намерен увидеть больше людей, чем памятников» дала ему весьма оригинальную характеристику:

«Михаил Шолохов в Милане имеет вид славного ломбардского крестьянина, лет 50, который празднично, но просто приоделся для поездки в город. Низок ростом и коренастый, с малыми, но сильными руками, с большой гривой седых волос и такими же усами, в костюме из простой серой ткани, он вовсе не был похож на знаменитого писателя. В его внешности нет лоска «деревенского джентльмена» Фолкнера, нет благообразной святости Хемингуэя, нет и холодной беспристрастности Эренбурга. И если бы не дымящаяся папироса, трудно было бы догадаться, что это лицо настоящего донского казака... Великий писатель прост и скромен, но вовсе не боязлив, с его прямым взглядом; таким его знают и земляки в ст. Вешенской, на Дону, и бурные улицы Москвы, и толпы поклонников в итальянских городах. На вопрос журналиста: что советского писателя интересует в Италии? — Шолохов ответил: «Хочу видеть больше людей, чем памятников, но обязательно посещу миланский Кремль»[17].

Вот некоторые отзывы прогрессивной и демократической прессы Италии о творчестве Шолохова.

«Унита»: «После Максима Горького Шолохов является не только самым крупным русским романистом, но и, безусловно, одним из великих европейских писателей. Несмотря на то, что его жизнь протекает в донской станице, он оказывает огромное влияние на весь Советский Союз и широко известен за рубежом»[18].

«Многие из нас сразу же полюбили Шолохова, как только прочли роман «Тихий Дон» — шедевр, который ярко и откровенно повествует о рождении советского человека... «Поднятая

целина» как нельзя лучше показывает нам, какое место занимает советская действительность в развитии человечества, делает из нас новых людей с мировоззрением, которое уже состоит не только из груза прошлого, а обращено к действенному социализму с надеждой и верой в будущее мира... «Поднятая целина» — это человеческая земля, на которой вырастает социализм... Эта книга углубляет и укрепляет в нас, коммунистах, идеалы, за которые мы боремся. Эта книга показывает нам общество будущего — строителей коммунизма»[19].

«Вие пуове»: «Не только советская, но и западная критика считает Шолохова великим писателем современной мировой литературы...»[20]

VI

Большинство итальянских газет с удовлетворением приветствовало решение Шведской академии о присуждении М. А. Шолохову Нобелевской премии. Так, во влиятельной буржуазной газете «Мессаджеро» 16 октября 1965 года Констанцо Константини писал: «В «Тихом Доне» Шолохов углубляет и расширяет в грандиозном историко-эпическом полотне тему, с которой мы встречаемся в «Донских рассказах». Это «Одиссея» казацкого хутора, драматическая попытка крестьянского мира разрешить исторический конфликт между революцией и контрреволюцией, вступление казачества в новый мир. Шолохов — это писатель, который принадлежит всему миру, его произведения глубоки и чарующи, несмотря на их идеологическую окраску»[21].

Газета «Аванти» — орган итальянской социалистической партии — в статье «Тихая» Нобелевская премия» 16 октября 1965 года подчеркивала, что «Шолохов — самый популярный писатель нашего века... И Нобелевская премия запоздала, по крайней мере, на 20 лет, когда к славе писателя уже нечего прибавить или отнять... Несомненно, литературная премия присуждена одному из самых выдающихся писателей нашего времени»[22]. Газета сообщила об открытии в Ростовском музее шолоховской выставки.

Коммунистическая газета «Унита» 16 октября 1965 года в большой редакционной статье «Шолохов — поэт Дона», давая глубокую характеристику его творчества, говорит о том, что это писатель эпической мощи, что он запечатлел в своих книгах «великое преображение России». «Четыре тома «Тихого Дона» — это эпопея о победе диктатуры пролетариата над крестьянским и казацким индивидуализмом, над анархией собственничества и царскими традициями»[23].

Но раздавались и другие голоса. Газета «Стампа» в октябре 1965 года напечатала лживую статью своего московского кор-

респондента Массимо Конти, который утверждал, будто «зимой 1930 года Сталин приказал политической полиции арестовать Шолохова за... жестокое, правдивое изображение коллективизации в книге «Поднятая целина»[24]. Другая крупная газета — «Джорно» также публикует в это время странную критика Альфреда Барбериса о «гневе Сталина по поводу «Поднятой целины»[25]. Далее в настоящей книге в главе «Соединенные Штаты Америки» мы подробнее останавливаемся на всех этих измышлениях прессы.

Эту главу хотелось бы закончить прекрасными словами из аннотации на «Тихий Дон», предпосланной книге издательством «Гарцанти»:

«Главным героем «Тихого Дона» является живописная, жестокая и горестная земля, которой Шолохов отдает всю свою любовь и свой талант. Об этом очаровательном романе прекрасно сказал другой великий писатель XX века Алексей Николаевич Толстой: «Тихий Дон» по своему языку, сердечности, человечности, пластичности — произведение общерусское, национальное, народное»[26].

На изящно изданной в Италии книге «Тихого Дона», полученной от Генерального секретаря Компартии Италии, имеется автограф:

«Рим 10 марта 1964.

Роман этот ознакомил итальянский народ с великой эпопеей революции и социалистического строительства в полной реальности и правдивости. Поэтому мы его ценим и любим, как один из шедевров литературы всех времен.

Пальмиро Тольятти»[27].

ИСПАНИЯ

I

В фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве имеется экземпляр первого испанского издания «Тихого Дона» (Мадрид, 1930) в переводе Виценте Медина и Хосе Карбо[1].

Но кто они — переводчики? Живы ли? Как сложилась их судьба? Отправляем в Мадрид руководству Национальной библиотеки фотокопию обложки и титула этой книги, фотоснимки первой и последней страниц, а ответа все нет и нет.

Жорж Ру — переводчик «Поднятой целины» на французский язык — сообщает, что не знает этого перевода, но в годы войны «слышал от фронтовиков, что у кого-то из пленных солдат испанской «Голубой дивизии» был найден томик «Тихого Дона» на испанском».

И я обратился в «Землячество испанских республиканцев». Ветераны республиканской армии, ныне переводчики шолоховских произведений — Хосе Венто Молина и Анхель Эррасе радушно отнеслись ко мне. Оказалось, что они ничего не знают о переводчиках первого испанского издания «Тихого Дона» 1930 года, но хорошо помнят «Поднятую целину» с рисунком на обложке — трактор прокладывает борозду. Анхель Эррасе вспомнил, что были изданы главы из «Тихого Дона» в бордовой обложке с изображением всадника.

— В Испании во время боев книги Шолохова выдавались командирам вместе с патронами и гранатами,— сказал Хосе Молина.— В тяжелые дни боев за Теруэль я сам читал в окопах бойцам главы из «Тихого Дона» о Бунчуке. А «Поднятая целина» на нашем участке фронта была полностью прочитана по радио для защитников Теруэля.

— Кто из шолоховских героев был наиболее любим вашими соратниками — бойцами народной Испании?

Хосе Венто Молина ответил:

— В «Тихом Доне» — это Анна, Бунчук и Подтелков, а в «Поднятой целине», не удивляйтесь,— Макар Нагульнов. Матрос-большевик Давыдов — хорош, умен, силен, но по характеру и темпераменту нам, испанцам, был ближе всего, более симпатичен, горячий и страстный Макар Нагульнов. Большевик-партизан Макар Нагульнов для наших солдат был символом бес-

страшия, храбрости и неиссякаемой веры. Поверьте, что наши командиры храбрейшим бойцам, отличившимся в жестоких схватках, давали имя Макар!

Анхель Эррапс, председатель землячества, бывший начальник штаба обороны в Альмерии, добавил:

— В Альмерии я тоже читал бойцам в окопах главы из «Поднятой целины». Солдаты наши были восхищены образом Макара Нагульнова и от души смеялись над превратностями судьбы деда Щукаря. Ах, если бы вы знали, как в труднейших ситуациях нужен человеку юмор!

— Михаил Шолохов нашел своих первых и верных читателей на испанской земле, в окопах, среди бойцов республики,— говорил Эррапс.— Уже тогда я тоже был очарован Шолоховым. А позже, в Советском Союзе, который стал для меня второй родиной, я изучил русский и читал с наслаждением его произведения в оригинале. В книгах Шолохова меня более всего привлекли его самобытный стиль, особенное видение мира и гуманизм. Зная, что Ледесма и Мария-Тереза Леон для испанского издания переводили «Поднятую целину»[2] в основном с французского и что в их переводе кое-где были пробелы и неточности, мы с Хосе Венто Молина, как солдаты революции, решили заново перевести «Поднятую целину». И вот вам наши переводы московского издания 1965 года; мой — первой книги и Хосе Молина — второй книги. Кстати, прогрессивное барселонское издательство «Планета» приняло к печати наш перевод этого романа...

Хосе Венто Молина на титульной странице второй книги «Поднятой целины» написал по-русски:

«Многое хотелось бы сказать о Михаиле Шолохове, но нет слов, чтобы выразить чувства, наполняющие сердце. Пусть этот скромный труд, о свершении которого я мечтал так долго, будет моей данью восхищения и любви к великому писателю земли советской, человеку необъятной души, прекрасному учителю жизни»[3].

О том, какой отклик вызвали книги Шолохова среди бойцов революционной Испании, ярко свидетельствует стихотворение немецкого поэта Эриха Арендта, сражавшегося за Пиренеями против фашистов. Оно написано на поле боя в Сиерре у Алькуборы и Тардиенты, в 1937 году:

...Когда под звездами, что стоят над Сиеррой,
мы, облаченные в шинели,
бодрствуем, руку на ствол положа,
и наши глаза готовы смежиться от усталости,
когда приходят на ум нам ночью великаны —
пламенные братья наши,
о которых читали мы и слышали.

Приходят ночи, наполненные
храпом коней Буденного
и песнями крестьян, что
в красных вечерних травах тонули.
А также стук копыт
горячих коней на земле Дона...

Да, мы нашли друзей
в прекрасной книге,
в могучем «Тихом Доне».
Друзья победили безумие,
прошли через трясины и горы,
разбив врага, угрожавшего
будущему — «Поднятой целине»!..[4]

Испания... Героическая многострадальная страна, обильно политая кровью лучших сынов человечества — кровью бойцов интернациональных бригад. Далекая и такая близкая нам...

* * *

Длительное время на письма, адресованные в Мадрид Академии наук, Национальной библиотеке, в университет,— ответа не было. После присуждения М. А. Шолохову Нобелевской премии мы снова обратились с письмом в Национальную библиотеку Мадрида и, наконец, получили ответ:

«Национальная библиотека.
Мадрид
25.10.1965

В результате разысканий, предпринятых в соответствии с вашим письмом, мы должны вас огорчить. Служба информации Национальной библиотеки сообщает, что ни в наших списках, ни в других книжных каталогах, коими мы пользуемся, никакие произведения М. Шолохова изданными в Испании не значатся. Мы проконсультируемся еще в Институте испанской книги, и, если ответ будет удовлетворительным, я вам напишу снова. Найти что-либо о Шолохове в испанской прессе 30-х годов — невозможно. Взамен мы постараемся прислать Вам статьи из современной прессы. С приветом и уважением Мигуэль Бордонау»[5].

В конце 1965 года Национальная библиотека Испании в другом письме сообщила:

«а) действительно, в 1943 году, в Барселоне, издатель Хосе Ханес в серии «Аретуза» выпустил в свет первое испанское издание первого тома «Тихого Дона» в переводе Педро Камачо; б) недавно в Мадриде и Барселоне в книжных лавках появился «Тихий Дон» в переводе М. Комореро, К. Кастресано и А. Гавальда, выпущенный издательством «Матео»; в) в печати Мадрида и провинциях было различно освещено известие о присуждении Нобелевской премии М. Шолохову»[6].

Однако о первом издании «Тихого Дона» (1930) Национальная библиотека Испании ничего сообщить не смогла. Статьи современной прессы из этой библиотеки к нам не поступили — какие-то неведомые нам силы задержали их за Пиренеями.

Вскоре книжная фирма «Плаца и Ханес» из Барселоны сообщила печальную весть: «Ваше письмо от 12 декабря 1965 года к переводчику «Тихого Дона» Педро Камачо опоздало, так как он внезапно скончался в начале декабря»[7].

Позже это издательство любезно прислало нам четыре тома нового издания «Тихого Дона» в одной книге, полный перевод «Поднятой целины» выпуска 1965 года и фотокопию обложки издания «Тихого Дона» 1943 года, полагая, что они являются первооткрывателями этого романа в Испании. Оказывается, и в Барселоне о мадридском издании «Тихого Дона» 1930 года также ничего не знали.

II

Как испанские издатели представили своим читателям Шолохова в наши дни?

Книжная фирма «Плаца и Ханес», очевидно, более других проявила заботы и активности. Раньше многих, в ноябре 1965 года. ею было выпущено в продажу карманное издание «Тихого Дона» в красивых цветных обложках, первый том в переводе П. Камачо, второй — Д. Пруна, третий — Ф. Альгантара и четвертый — Б. Лосада и Д. Пруна. На суперобложке была помещена следующая краткая аннотация:

«Тихий Дон» М. Шолохова — это огромная панорама эволюции казачества в критический момент его истории (1910—1920). В реалистической манере, сдобренной ароматом диалектизмов, автор рисует богатую картину человеческой жизни, в которой мастерски найденные детали образуют гармоническое, совершенное по музыкальности произведение. Есть в этом романе неповторимые уподобления переживаний персонажей вечному круговороту сил природы, сходство, которое в своих бесчисленных проявлениях дает нам ключ к познанию его величия»[8].

В Барселоне в конце 1965 и начале 1966 года «Тихий Дон» вышел в свет сразу в трех издательствах.

Текст романа дан полностью, за исключением одной фразы. В I главе второй книги «Тихого Дона» всех испанских изданий[9] романа срезана строка: «И он прочитал слова Ленина...» Причем ленинская цитата дается полностью.

Другое издательство — «Матео» — также в конце 1965 года «молнией» выпустило первую книгу «Тихого Дона» в 24 тетра-

дях под девизом: «Михаил Шолохов — лауреат Нобель-приза 1965 года».

В предисловии переводчик и литературный редактор издательства Антонио Гавальда отмечает три особенности романа. Во-первых, гуманизм писателя, «любящего людей и землю своего народа, и эта любовь незабываемо отражена в его романе, так как Шолохов вложил всю свою душу в «Тихий Дон», который лишь кажется, что течет так безмятежно!» Во-вторых, Шолохов изобразил величайший в истории человечества переворот. «Мы убеждены,— пишет А. Гавальда,— что «Тихий Дон», как и все великие произведения искусства, пленит внимание читателей своим сюжетом, действующими лицами и обстановкой. История мировой литературы не может обойти молчанием это произведение, в котором изображена целая эпоха — самая глубокая духовная перемена в современном мире — появление коммунизма». В-третьих, «Тихий Дон» велик «сочетанием и борьбой противоречивых начал, изумительной музыкой языка, особой манерой письма и стиля, которые глубоко проникают в человеческую сущность. Читая Шолохова, мы не знаем, чем более восхищаться — поэтичностью языка или экспрессией повествования. Все достоинства чудесно воплощены в «Тихом Доне», все занимает свое истинное место во времени и пространстве потому, что эта эпопея — сама История и ее Герои»[10].

Обстоятельная характеристика творчества Шолохова дана в предисловиях и рекламных листовках барселонской книжной фирмы «Планета», которая с ноября 1965 по февраль 1966 года выпустила три издания «Тихого Дона».

«Шолохов сумел показать нам русского человека — донского казака, ввергнутого в великое историческое потрясение, каким была Октябрьская революция. Он сделал это с точностью, с пониманием, как умеют это делать только гениальные художники»[11],— говорится в аннотации «Планеты». Редактор Х. М. Вальверде в предисловии отмечает, что «в лице Шолохова Нобелевская премия 1965 года, наконец, досталась настоящему русскому советскому писателю, одному из величайших, если не первому среди современных русских художников слова»[12].

А в выпуске серии «Русские мастера», в интродукции, критик Хосе Мариа Вальверде говорит о том, что многие зарубежные литературоведы напрасно занимаются «поисками сходства «Тихого Дона» и «Войны и мира». По его мнению, более полезно «подчеркнуть различие между этими романами». Персонажи, сюжет, исторический фон Шолохова неповторимо самобытны. «К тому же,— пишет далее Х. М. Вальверде,— у Шолохова нет длинных рассуждений о философии и истории, как у Льва Толстого. Шолохов тщательно избегает всякого доктринерского теоретизирования, несмотря на свое искреннее согласие с рево-

люционерами. И поэтому в Шолохове должно бы видеть наследника других линий в развитии русской прозы. Эти линии таковы: критическое сознание, объективность искусства Чехова, новизна стиля... Язык Шолохова удивительно прост и сдержан, а метафорические искры столь же ярки, как и смелы»[13].

В отличие от многих литературоведов Европы, Азии и Америки Хосе Мариа Вальверде по-своему трактует финал «Тихого Дона»: «Ключ произведения таится на его последней странице: Григорий оставляет позади мир мертвых, чтобы вступить в новый этап своей жизни — и жизни вообще,— неся в руках своего сына, как единственное свое достояние. Ничего более не объясняется, ничто не решается, не связываются нити, чтобы закончить произведение, как это было в эпилоге «Войны и мира»... Итог «Тихого Дона» в том, что с прошлым покончено, как бы начиная с ничего, отец и сын входят в новое время»[14].

Мною собрано свыше 400 экземпляров зарубежных изданий произведений Шолохова. Надо отметить, что среди всех этих книг издание романа «Тихий Дон» барселонской фирмы «Планета» (май, 1966 г.) под редакцией Аугусто Видаль и Хосе Вальверде в переводе Хосе Лаин Энтральго в полиграфическом отношении является лучшим.

Цветная листовка «Планеты» с портретом М. А. Шолохова, краткой биографической справкой, прекрасными гравюрами, отзывами испанской прессы о «Тихом Доне» и небольшой, но правдивой и волнующей статьей — обращением к читателю — также производит отрадное впечатление. В ней ярко продемонстрированы глубокое понимание великого русского эпоса, уважение к автору и русскому народу, прокладывающему новые пути в истории человечества: «Через всю книгу «Тихий Дон» проходит прошлое, которое должно быть вычеркнуто из памяти Григория, потому что наступило новое время — большевизм, коллективизация, коммунизм — как последствие великого потрясения, самого большого после введения христианства, как историческое изменение, которое представляет собою Октябрьская революция для русского человека, для донского казачества и для легендарных донских равнин»[15].

III

Почти тридцать лет фашисты, а также официальная пресса, радио, в школах и даже в проповедях в церквах и монастырях твердили о том, что в большевистской России нет литературы и искусства. И вот... Нобелевская премия Шолохову — писателю-коммунисту, которого знает и приветствует весь мир!

Вопрос «Кто же таков Шолохов?» вызвал интерес не только среди студенческой молодежи и интеллигенции, но и в католи-

ческих кругах, где в последнее время стал чувствоваться сдвиг влево по многим вопросам внутренней и внешней политики Испании.

Под напором прогрессивной общественности вопрос этот прорвался в прессу и неожиданно приоткрыл завесу времени и расстояний. Одна из провинциальных газет Испании — «Диарио рехиональ» (г. Вальядолид) 19 октября 1965 года поместила интервью своего корреспондента с членами Мадридской академии наук под заголовком «Бессмертные сдают экзамен по предмету «Шолохов».

Вначале автор статьи Хуан Хосе Кальехас подчеркивает, что, «по сообщению «Института испанской книги», произведения Шолохова — лауреата Нобель-приза 1965 года — были изданы в Испании дважды: в 1936 году «Поднятая целина» и в 1943 году «Тихий Дон» *. В связи с этим, сожалеет автор, Михаил Шолохов практически неизвестен в нашей стране. Крупнейшая в мире литературная премия в 1965 году присуждена Шолохову, совершенно неизвестному в испанских культурных центрах. Шведская академия признала заслуги русского писателя. Очень редко приходилось наблюдать столь единодушное одобрение справедливости этой награды американскими и европейскими критиками и читателями. Михаил Шолохов, по признанию всей мировой критики, достоин Нобелевской премии»[16].

Для того «чтобы сгладить наше незнание о Шолохове, незнание, которое присуще всей Испании», редакция «Диарио рехиональ» поставила перед шестью «светилами» — филологами Испанской академии наук — вопросы о новом лауреате Нобелевской премии: «1. Знакомы ли вы с творчеством Михаила Шолохова? 2. Что вы о нем думаете? 3. Согласны ли вы с присуждением Нобелевской премии Шолохову? 4. Если бы вы входили в жюри, за кого бы вы голосовали? 5. Участвуют ли мотивы, чуждые литературе, в присуждении Нобелевской премии?»

Ниже следовали ответы. Вот их полный и точный перевод:

«I. Академик Педро Лаин Энтральго: Все, кто получил Нобелевскую премию, ее заслуживают. 1. Нет, не знаю. 2. Чтобы высказать свое мнение о ком-либо, надо его знать. Или лучше ничего не говорить. 3... 4... 5 Думаю, что нет.

II. Академик Мануэль Алькон: У меня нет данных для суждения о Шолохове. 1. Нет, я не знаю Шолохова. 2. Ничего не могу сказать о нем. 3... 4... 5...

III. Академик Херардо Диего: Я не знаю его основательно. 1... 2... 3... 4... 5...

---

* Как видим, в Испании даже журналисты и литераторы не знают, что в 1930 г. в Мадриде была издана первая книга «Тихого Дона» в переводе В. Медины и Х. Карбо.

IV. Академик Сунсунегп: Неважно, что он коммунист. 1. Нет. 2... 3. По сообщениям, которые я имею, мне кажется, что премия присуждена правильно. Я полностью согласен с ними (Шведской академией), что в расчет не принимались политические взгляды Шолохова. Если он заслужил — как я верю — Нобелевскую премию, то неважно, что он коммунист!

V. Академик Висенте Алейксандре: Я полагаю, что было всеобщее согласие. 1. Нет, я не знаю его глубоко. 2 и 3. Из того, что мне известно, считаю, что эта Нобелевская премия вызвала всеобщее одобрение литературных кругов Америки и Европы. Творчество М. Шолохова одобрено во всем мире...

VI. Академик Мартинес Кляйзер: Может быть, имели место мотивы, чуждые литературе. 1. Нет. Я не знаю творчества Шолохова. 2... 3. Определенно, да! 4... 5. Есть люди, которые полагают, что действительно здесь косвенно влияют другие мотивы, чуждые литературе»[17].

Неосведомленность о творчестве Шолохова представляется странной. Но почти единодушное мнение, что чуждые литературе мотивы не должны мешать в оценке художественных достоинств, делает честь академикам.

Официальная пресса Испании встретила присуждение премии Шолохову с неприязнью. Вот один из примеров. Газета «Вердад», публикуя фотоснимок М. Шолохова, сопроводила его большой статьей Винтила Ория под заголовком: «Крупнейшее произведение последнего лауреата Нобелевской премии — типичное литературное творчество, подчиненное политическому диктату»[18].

Однако такие статьи в современной Испании уже не пользуются успехом. Несмотря на строгую цензуру, прогрессивные литераторы стали находить возможность вносить ясность в ложно трактуемые проблемы русской и советской литературы.

Один из видных критиков — Аугуст Видаль в январе 1966 года в журнале «Серра д'Ор» (Барселона) выступил с биографическим очерком «М. Шолохов — лауреат Нобелевской премии». В очерке радуют честность автора и глубокое уважение к Шолохову, который «вместе с Фурмановым и Фадеевым пошел по пути великих писателей XIX века (Гоголя, Толстого, Чехова), открыв новую страницу в литературе». Отмечая богатый словарь «Тихого Дона», пластичность и редкую метафористичность, критик А. Видаль говорит о том, что «Шолохов старался писать правду жизни, несмотря на всю ее горечь». Присоединяясь к словам Луначарского о том, что «Тихий Дон» «напоминает лучшие образцы русской литературы всех времен», А. Видаль пишет, что «юный Шолохов сразу стал классиком, академиком, депутатом Верховного Совета СССР, избирался делегатом всех последующих съездов партии, лауреатом Ленинской

¿Porque "Campos Roturados" de Mijail Shólojov, siempre conmueve y emociona? Porque él es un cuadro vivo, real de la situación en el campo ruso en el periodo de la colectivización.

Porque el autor, nuestro gran escritor Shólojov, vive y siente con los héroes de su obra. Y sólo así, cuando se es capaz de sentir y de vivir plenamente con el pueblo, se pueden escribir obras que siempre son jóvenes, como permanentemente joven, es el pueblo cuyos sentimientos y pasiones ha sabido reflejar tan maravillosamente en "Campos Roturados".

Dolores Ibarruri

г. Москва.
Апрель. 1965.

1961-1972
Из архива журналиста
К. Прийма
г. Ростов-Дон

Автограф-отзыв Председателя ЦК Компартии Испании Долорес Ибаррури о «Поднятой целине» (1965).

(1960) и Нобелевской (1965) премий, но не покинул родной станицы Вешенской, остался жить среди народа, который вдохновил его на подвиги в литературе... И поэтому дверь его дома всегда остается открытой для посетителей. А их необычно много: колхозники, шахтеры, металлурги, солдаты, писатели, студенты, артисты, журналисты, иностранные гости. Шолохов верен слову о том, что писатель должен быть связан со своим народом».

Далее А. Видаль сообщает испанским читателям массу фактов из жизни Шолохова: о его дружбе с рабочими Грознефти, о приезде к нему воспитанников новочеркасского детдома № 3, которым он дает в «Аллею любимых писателей» деревца из своего сада и дарит экземпляр «Поднятой целины», и о том, что «в апреле 1960 года, когда дети и учителя Вешенской школы первыми пришли поздравить его по случаю присуждения ему Ленинской премии за «Поднятую целину», писатель, не задумываясь, всю сумму премии подарил на постройку новой школы в его родном хуторе»[19].

Среди многих правдивых статей барселонской прессы о Шолохове особого внимания заслуживает статья Ф. Г. де Кастро в журнале «Индисе». Автор сурово осуждает Шведскую академию за то, что она «в 1933 году, присудив Нобелевскую премию Ивану Бунину, обошла Максима Горького, как друга Сталина, и не заметила Михаила Шолохова с его «Тихим Доном» и «Поднятой целиной».

Критик Ф. Г. де Кастро, отвечая Виттиле Ория («Вердад») и ему подобным рецензентам официальной прессы, наносит удар антисоветчикам всех мастей замечательным прорицанием Льва Толстого (в письме к Н. Н. Страхову 3.3.1872 года) о путях развития русской литературы: «После Пушкина, Лермонтова и Гоголя одна ветвь нашей литературы увяла в декаденство, а другая ветвь находится в народе, под землей, и если бог захочет, то она однажды пробьется на поверхность. Счастливы будут те, кто будет участвовать в ее появлении». Цитируя это высказывание Льва Толстого, де Кастро далее говорит, что «Шолохов является вот этой могучей народной ветвью новой русской литературы» и что его романы «мастерски запечатлели рождение нового мира в истории человечества»[20].

Романы Шолохова вызвали в Испании необычайно большой спрос. Достаточно сказать, что в Барселоне с ноября 1965 до мая 1966 года книжные фирмы «Матео», «Планета», «Плаца и Ханес» выпустили 9 изданий «Тихого Дона» и 6 изданий «Поднятой целины».

Летом 1966 года испанская пресса сообщила, что «по опросу, проведенному Национальным институтом испанской книги в 115 книжных магазинах 43 провинций, самый большой спрос

у покупателей был на «Документы 2-го Ватиканского собора» (очевидно, в связи с резолюцией против ядерной войны), «Библию», «Хороший дикарь» Кальдерона, «Тихий Дон» Шолохова, «Сверху земля» Вентура...»[21].

Реакционные газеты, выступавшие в октябре 1965 года со злопыхательскими статьями против Шолохова, теперь (когда «Тихим Доном» стала зачитываться вся Испания) вынуждены были «бить отбой». Так, в частности, ранее упоминавшаяся редакция газеты «Вердад» в связи с выпуском в «Планете» романа «Тихий Дон» напечатала новую рецензию под заголовком: «Наилучшее произведение «Нобель-призера». И теперь уже в спокойном и доброжелательном тоне сообщала о том, что «после присуждения Шолохову Нобелевской премии в Барселоне с невиданной быстротой выходят одно издание за другим в трех книжных фирмах, и этот роман превращается в «бестселлер» 1966 года. Перед нами действительно классический «роман-река»... И нам приходится капитулировать перед грандиозностью этой книги, перед эмоциональным напряжением, которое пронизывает весь роман, давая возможность почувствовать отражение духа казацкого племени и драматическое изображение одной из самых страшных гражданских войн нашего века... Перед нами невиданной красоты панорамное изображение советской революции»[22]. Кстати, редакция в этой статье отреклась от злопыхателя Виитила Ория: «Он в нашей газете преуменьшил значимость «Тихого Дона»[23]. Покаяние газеты «Вердад» — поразительный случай в испанской прессе. Он свидетельствует о том, что широкие читательские массы оказывают давление на прессу и заставляют «Вердад» и другие редакции считаться с мировой известностью Шолохова.

IV

В моем блокноте сохранилась запись беседы с Анхелем Эррансом, издавшим в 1965 году, в Москве, свой перевод первой книги «Поднятой целины». Он сказал:

«Трагичен для Европы XX век. Трагичен не менее, чем судьба нашего поколения и детей наших. Сколько мы понесли утрат в боях с фашизмом в Испании! И во что обошлись Европе все акции Гитлера, Муссолини и Франко!

Но, несмотря на колоссальные жертвы, поверь, мой друг, наши дети, оставшиеся в плену у палача Франко, продолжают начатое нами дело. Вот письмецо, полученное моим другом — ветераном боев за Мадрид. Его сын и дочь, выросшие в неволе, как сироты, стали коммунистами и лишь недавно узнали (втайне от полиции Франко!), что их отец тоже жив. А мой друг тридцать лет горевал, думая, что дети погибли... Так вот этот

ветеран-старина неведомыми путями послал своим детям московское издание «Поднятой целины» в моем переводе на испанский. И его дети получили нашу книгу. Послушай, что они пишут ему в ответ. Ты, конечно, учти, что фамилии и даже имени этого ветерана и его детей предавать гласности нельзя!»

Анхель Эррапс положил передо мной на стол крохотный листочек папиросной бумаги, исписанный черной тушью, и прочитал его содержание: «Дорогой, далекий и незабвенный отец наш! Спасибо за чудесный подарок — вестник весны! До нас все же дошла изданная в Москве в переводе Анхеля Эрранса «Поднятая целина» Шолохова — изображение величайшего переворота на Востоке. Со страниц «Поднятой целины» на нас повеял живительный ветер Русской революции... Ты знаешь, отец, как нам трудно. Но и мы знаем, что Время, так же, как вода каплями, медленно, но неотвратимо долбит и рушит камни. Мы верим, что и над нашей многострадальной землей еще пробьют часы Истории. И присланная тобою шолоховская «Поднятая целина» (она уже пошла тайком по рукам!), и ваши давние жертвы, и мы, в подполье, — приближаем то Время, когда наш народ снова поднимется, чтобы перевернуть вековую целину в жизни Испании.

Март 1965. Привет тебе и Анхелю Эррансу!
Испания. Х. и У.»

* * *

Среди собранных нами книг есть уникальный экспонат — «Поднятая целина» в переводе Анхеля Эрранса с автографом-отзывом героической Пассионарии:

«Почему «Поднятая целина» Михаила Шолохова всегда потрясает и волнует?

Потому что это — живая, реальная картина трудностей борьбы, которые преодолела русская деревня в период коллективизации.

И потому что автор, наш великий писатель М. Шолохов, живет и чувствует вместе с героями своего произведения.

И только так, только будучи способным целиком жить и чувствовать с народом, можно написать произведения всегда юные, как вечно юным является народ, чувства и страсти которого писатель сумел так прекрасно запечатлеть в «Поднятой целине».

Апрель 1965 г. *Долорес Ибаррури*»[24]
Москва

РУМЫНИЯ

I

Летом 1967 года после публикации в «Литературной газете» статьи «Тихий Дон» сражается» (по документам Германии, Болгарии, Италии и других стран) почта доставила нам интересное письмо с Кубани.

«...Вспоминается мне мимолетная встреча с «Тихим Доном» на дорогах войны, — писал нам директор школы Г. П. Стареньский. — Было это в деревне близ г. Черновцы, где мне пришлось заночевать в домике старого учителя, которого наша Красная Армия освободила из фашистской тюрьмы. Старик сидел в ней за распространение «крамолы» посредством «Тихого Дона» Шолохова. Дело в том, что он имел запрещенные в Румынии русские и французские издания «Тихого Дона» и тайком давал их читать. А кто-то донес властям. Ну, его и загнали в тюрьму. Так вот я был свидетелем, когда старик, веселый и радостный, показывал эти книги нашим воинам. Было у старого учителя и румынское издание шолоховского романа, но под иным заглавием и с множеством цензурных сокращений. Это был выпуск, кажется, 1943 года»[1].

Весть эта меня очень заинтересовала.

И я послал письмо в Румынию. А вскоре, совсем неожиданно для нас, в Ростов заехал (возвращаясь из ст. Вешенской на родину) научный сотрудник Бухарестского университета Георг Барбэ, который подтвердил, что в Бухаресте в 1943 году в издательстве «Букур чобанул» вышла в свет первая книга «Тихого Дона».

Важно отметить, что в годы войны этот роман Шолохова был издан и в Будапеште и в Мадриде. Несомненно, выход в свет «Тихого Дона» во враждебном стане надо рассматривать как результат напора прогрессивных сил, для которых всемирно известный советский роман становился знаменем борьбы и выражением их симпатий к СССР.

Георг Барбэ сообщил, что первый переводчик «Тихого Дона», известный поэт Юлиан Веспер (Теодор Гроссу) завершил свою работу по переводу осенью 1930 года. Но, по словам Веспера, издатели отказались печатать первый том романа, потому что не знали, когда Шолохов закончит свою эпопею.

Георг Барбэ сказал, что, по его мнению, причиной задержки с выпуском в свет перевода «Тихого Дона» был страх издателей перед фашистами.

— У нас в то время,— заявил Г. Барбэ,— ужасно свирепствовала реакция. В наших архивах есть много документов королевской цензуры, из которых явствует, что произведения советских писателей тогда были запрещены к ввозу в нашу страну. В одном из документов, адресованном издателям, цензоры, возводя клевету на советских писателей, утверждали, будто они пишут книги «непосредственно под диктовку ГПУ»...

II

Как известно, из всех стран Малой Антанты (Чехословакия, Югославия, Румыния) правящая клика Бухареста «занимала наиболее враждебную антисоветскую позицию»[2].

Политическая обстановка в боярской Румынии была сложной. Татарбунарское восстание крестьян (1924), знаменитые стачки железнодорожников и нефтяников (1932—1933), рост влияния в массах коммунистической партии — все это напоминало о нарастании революционных сил.

Компартия Румынии в трудных условиях подполья вела большую пропагандистскую работу, подтверждение чему можно найти на страницах центрального органа «Скынтейя», которая издавалась нелегально с 15 августа 1931 года.

Статьи о Ленине и Советском Союзе в «Скынтейя», выход в свет в 1931 году трех брошюр «Аграрный вопрос», «Национальный вопрос» и «Организационный вопрос» с отрывками из работ В. И. Ленина и документами Коминтерна[3] свидетельствовали о ленинской направленности партийной работы в массах.

Коммунисты использовали все возможности для пропаганды ленинских идей в легальной прогрессивной прессе. Примером может служить публикация известным антифашистом Скарлатом Калимаки в газете «Клопотул» (от 10 ноября 1933 г.) своего перевода большого отрывка из очерка М. Горького «В. И. Ленин», прекрасные публицистические статьи (по разным вопросам внутренней и международной жизни) выдающихся журналистов Н. Коча, А. Сахия и др.

В то же время правители Румынии, военная монархическая клика, дипломаты и реакционная пресса настойчиво прославляли свой «санитарный кордон» против влияния Москвы и Коминтерна как самый надежный на Востоке.

По сведениям, полученным нами из Центрального госархива Молдавской ССР (Кишинев), оказывается, еще в 1929 году министерство иностранных дел и дирекция печати румынского правительства ввели в действие тайный «Приказ № 103» (имев-

ний силу закона), согласно которому «запрещалось ввозить и распространять в стране любые издания (газеты, журналы, книги) из Советского Союза, в том числе и беллетристику». В цензурных списках 1931 года на книги, запрещенные в Румынии, значились многие произведения М. Горького, А. Серафимовича, А. Толстого, Ф. Гладкова, Вс. Иванова и других советских писателей. В том числе «Тихий Дон» М. Шолохова, а в списках 1932 года — «Поднятая целина»[4].

В 1932 году власти издали «Приказ № 693» о строжайшем запрещении ввоза «Тихого Дона» на румынскую землю. «В случае обнаружения романа «Тихий Дон» в библиотеках или читальных домах,— гласил другой документ,— он подлежит немедленной конфискации». В журнале «Румынская литература» литературовед Г. Барбэ отмечал, что в то время даже деятели румынской культуры «знакомились с романами М. Шолохова по зарубежным переводам, чаще всего — французским»[5].

И все же в 20-е и 30-е годы, вопреки запретам властей, интерес трудящихся масс и прогрессивной интеллигенции Румынии к жизни в СССР и советской литературе все возрастал, и в прессе хотя и очень редко, но все же печатались вести из Москвы, рецензии на литературные новинки. Примером этого может служить рецензия на роман Ф. Гладкова «Цемент» в журнале «Вяца ромыняскэ» (1928). Ее автор, литератор Р. Лука, отмечая динамичность, яркую реалистичность новой русской литературы, утверждал, что «она более близка к народу» и что «новый роман, суровый, лишенный сентиментализма, необычайно своеобразен, чем выгодно отличается от западного романа — застойного и зачастую пресыщенного»[6].

Стараниями прогрессивных литераторов Бухареста в переводе на румынский язык все же были изданы некоторые произведения Вс. Иванова, Ф. Гладкова, К. Федина, П. Романова, М. Зощенко и др. Это вызвало большие опасения реакционеров, и, чтобы пресечь дальнейшее проникновение советских произведений в страну, дирекция печати Бухареста приказом № 8292 от 28 декабря 1931 года потребовала от полиции конфисковать роман Ф. Гладкова «Цемент», а в другом секретном документе в соответствии с «Приказом № 103» 1929 года в целях прекращения в стране коммунистической пропаганды запрещала издания переводов советских книг. Так, например, в управление полиции г. Сороки 8 августа 1931 года поступил секретный «Бюллетень № 14» за июль 1931 года, в котором «Дирекция печати при президиуме совета министров, будучи информирована о ввозе и распространении в стране запрещенных книг, издаваемых за рубежом», потребовала «принять энергичные меры, чтобы впредь повсюду конфисковывались и не достигали адресатов книги А. Толстого, М. Шолохова, Вс. Иванова, Ф. Гладкова,

А. Серафимовича, Б. Лавренева, И. Эренбурга, Н. Богданова. № 115312. 3 июля 1931»[7].

А так называемый субсекретариат по делам печати при канцелярии совета министров 8 мая 1933 года разослал в полицейские управления письмо № 7636, которое гласило: «В связи с тем что наши издательства занимаются переводом произведений коммунистических романистов и выпускают их в продажу, а также потому, что румынское министерство внутренних дел, руководствуясь интересами государственной безопасности, решительно запрещает издавать русскую коммунистическую литературу, просим вас соизволить принять меры на территории вверенной вам полиции (в целях строгого контроля за издательствами, книжными магазинами и библиотеками), чтобы установить, нет ли там русской коммунистической литературы в подлинниках или переводах. При этом прилагается «Бюллетень» — список советских книг, подлежащих изъятию. Учтите, конечно, что список не полный и будет дополнен...» В списке среди многих произведений советских писателей значится и «Тихий Дон» М. Шолохова[8].

Однако в мире нет таких сил, которые остановили бы естественное стремление людей труда к миру, братству и обмену своими достижениями в науке, культуре и искусстве. Так и в боярской Румынии, несмотря на варварские усилия властей, одна из таких книг — парижское издание «Тихого Дона» — попала в руки крестьянскому парню, студенту Бухарестского университета, хорошо знавшему французский язык, Теодору Гроссу. И он взялся за ее перевод на румынский. Мотивы к этому были глубокие. Письмо Т. Гроссу, теперь известного румынского поэта (Юлиана Веспера), ко мне осенью 1967 года проливает свет на многие процессы в духовной жизни Румынии, на отношение людей труда к нашей стране.

«Еще в годы первой мировой войны, — пишет Юлиан Веспер, — в нашем доме квартировал молодой русский прапорщик-сибиряк Иванович, который обращался со мной исключительно тепло, проявляя ко мне любовь и большое внимание... И теперь он встает передо мною, с галунами на груди; вспоминаю, как он держал меня на руках и учил произносить отдельные русские слова, чтобы я их мог лучше понять. И это, как бесценный дар, я ношу в моей памяти уже полвека... Позже, осенью 1916 года, я с матерью убирал в поле картофель, и неожиданно мы оказались свидетелями трагедии — расстрела русскими своего же солдата... Безымянный крест на его могиле и по сию пору стоит перед моими глазами. Будучи учеником лицея, а затем студентом, я часто ходил к этой могиле. Мои глаза наполнялись слезами, иногда я горько рыдал. Я был почему-то убежден, что в ней покоится молодой русский революционер, расстрелянный

незадолго до революции. Именно там, у этой безымянной могилы, и зародилось во мне чувство любви к русскому народу, и то, что произошло позже — мое знакомство с русской и советской литературой,—было следствием этого чувства. Помню, еще в детстве я читал вместе с отцом рассказы Льва Толстого, среди которых неизгладимое впечатление произвела на меня потрясающая новелла «Сколько земли необходимо человеку»* и многие другие. Позже я читал в румынском или французском переводе книги М. Горького, Л. Леонова, С. Есенина... Я был глубоко потрясен рассказом М. Шолохова «Отец» («Семейный человек»), в котором угадывался уже тогда незаурядный талант автора. Появление на французском языке первой книги «Тихого Дона» прозвучало для меня, как призыв: переведи его на румынский язык! Это я и сделал летом 1930 года...

А издали мой перевод лишь в 1943 году, т. е. через 13 лет после перевода... Трудно передать словами ту огромную радость, которую доставило мне знакомство с «Тихим Доном», мое наслаждение в процессе перевода, радость познания этого величественного произведения искусства...»[9]

III

Характерно, что и в Румынии коммунисты и близкие к ним люди были первыми пропагандистами советской литературы и, в частности, произведений Шолохова. Так, известный поэт Александр Тома (близко стоящий к компартии, а затем вступивший в ее ряды) с 1925 года издавал библиотечку «Лектура. Цвет иностранных литератур», которая пользовалась большим успехом. В 1929 году А. Тома выпустил маленький сборник рассказов советских писателей, в числе которых была и новелла Шолохова «Семейный человек» под новым заглавием «Кричащая кровь» (в переводе И. Фара)[10]. Любопытно, что рассказ «Семейный человек» почти одновременно был напечатан (в переводе А. Мибасхана) под заглавием «Отец» и в популярном журнале «Адеврул литерар ши артистик»[11]. Директор-издатель журнала К. Милле, тесно связанный с румынским рабочим движением, придерживался демократической ориентации, и его публикация перевода рассказа Шолохова тоже является свидетельством симпатии к Советской России.

В то время как в большинстве стран Европы уже вышли в свет три книги «Тихого Дона», королевская цензура Бухареста, зажав в тиски прессу и издательства, не разрешала издание романа.

---

* Так в Румынии озаглавлен известный рассказ Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно».

Передовые литераторы, читавшие «Тихий Дон» в иностранных переводах, сразу же признали в Шолохове выдающегося художника слова. И в своих выступлениях о советской литературе (как, например, Д. И. Сукьяну в статье о «Цементе» Гладкова) уже в 1930 году ставили имя Шолохова в один ряд с корифеями русской классики—Л. Толстым, И. Тургеневым, М. Горьким[12].

Крупнейший прозаик (а после войны и переводчик произведений М. А. Шолохова) Чезар Петреску вспоминает, как в 1931 году, будучи в Париже, два дня запоем читал на французском языке «Тихий Дон». «Когда на другой день поздно вечером, — читаем мы в его статье в газете «Контемпоранул», — я вышел из гостиницы, взволнованный и невыспавшийся, захваченный шолоховским миром, в котором я жил, как участник событий, мне все в этом Париже показалось нереальным — эти вереницы автобусов, зданий, площади, кинотеатры, витрины. Подлинная реальность осталась там, в чужой гостинице, в двух томах романа «Тихий Дон», лежавшего на столике у изголовья кровати»[13].

Другой известный писатель Захария Станку (ныне председатель Союза румынских писателей), говоря о тяготах жизни при фашистском режиме, подчеркнул, что тогда советские произведения и, в частности, «Тихий Дон» были «настоящим бальзамом для наших сердец»[14].

А поэт и переводчик Юлиан Веспер (Теодор Гроссу) в письмах к нам писал: «Бессмертный «Тихий Дон» Шолохова был неоценимым советчиком моей юности и впредь останется для меня источником самой тонкой поэзии... Я не ошибусь, когда скажу, что все наши писатели глубочайше очарованы красотою творчества Михаила Шолохова»[15].

* * *

В бухарестской прессе за 1931 год имеется единственная статья о Шолохове — отклик известного критика и публициста Д. Сукьяну (в либерально-демократическом журнале «Вяца ромыняскэ») на французское издание «Тихого Дона».

Если коммунистическая пресса Берлина, Парижа, Праги обращала внимание читателей «Тихого Дона» на изображение Шолоховым русской революции, на зарождение в сознании солдат и казаков новых революционных взглядов, на изучение опыта русских большевиков, то в статье румынского критика Д. Сукьяну об этом не говорится ни слова. Его статья затрагивает эстетические и антивоенные аспекты романа. Высоко оценив «изумительную реалистичность «Тихого Дона», силу его воздействия, «впечатление того, что будто ты сам участвуешь

в событиях», Д. Сукьяну подчеркнул, что «в романе Ремарка «На Западном фронте без перемен» содержатся зыбкая искусственность, порой предвзятость, наивный пацифизм и абстрактный гуманизм... А в романе Шолохова открывается обнаженная истина о войне... Шолохов воскрешает перед нами целый мир, существующий той же предметной осязаемостью, как я или вы!.. Здесь вы найдете ту истину, которую когда-либо можно было сказать о войне».

Критик Д. Сукьяну справедливо отметил недостатки романа Ремарка и противопоставил ему «Тихий Дон», заявив, что в нем дано «наиболее истинное представление о войне, созданное кем-либо из художников до сих пор»[16].

Тому, что эта статья о «Тихом Доне» появилась в журнале «Вяца ромыняскэ», помог только авторитет критика Д. Сукьяну. Дело в том, что редакция этого журнала хотя и выдавала себя за либерально-демократическую, однако часто выступала против коммунизма и советской литературы. Для примера можно сослаться на редакционную статью «Вяца ромыняскэ», в которой, в частности, утверждалось, что советская литература строго придерживается «принципов коммунистической веры», а «один из принципов коммунистического евангелия — это уничтожение души личности и обязательное изображение души коллектива: обезглавливание индивидуума в пользу массы»[17]. Предвзятость и абсурдность этих суждений об эстетических принципах советской литературы убедительно опровергалась и «Цементом» Гладкова, и «Разгромом» Фадеева, и, наконец, великим эпосом — «Тихим Доном» Шолохова.

IV

В январе 1934 года правительство боярской Румынии заявило о готовности (с каким запозданием!)... признать СССР. Вскоре между Москвой и Бухарестом были установлены дипломатические отношения. Прогрессивные круги Румынии приветствовали этот шаг. В их прессе стали появляться доброжелательные статьи о Советском Союзе. Известный румынский антифашист Скарлат Калимаки в интервью газете «Реформаторул» заявил о том, что «только в одной стране нет упадка культуры—в СССР. Там культурный уровень масс растет. Новые народы вносят свой вклад в культуру. Ряды писателей множатся, литература обогащается шедеврами М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Панферова»[18].

Прогрессивный писатель Камил Балтазар в статье «Мы и Советы» призывал «к изучению великих преобразований на Востоке», к познанию «опыта, выкованного в лаборатории советской литературы»[19].

В румынской прессе все чаще стали появляться статьи о Шолохове. В феврале социал-демократический журнал «Шантьер» печатает рецензию на запрещенную к ввозу «Поднятую целину», в которой социал-демократы, признав «могучее полотно деревенской жизни в новых политических и экономических условиях», высказались против главного героя романа — большевика Давыдова[20]. Газета «Гласул Буковины» в апреле осмеливается дать первую публикацию отрывка из (запрещенного к ввозу) «Тихого Дона» в переводе Юлиана Веспера. Это был фрагмент из дневника убитого казака-студента, где с потрясающей силой звучит проклятие мировой войне. В крохотной аннотации редакция сообщала, что «Шолохов — молодой русский романист, казак, известный благодаря трем томам романа «Тихий Дон» (который переведен на все европейские языки), — выпустил новый роман «Поднятая целина», недавно изданный на французском языке»[21].

Вслед за этим журналы «Кувынтул либер», «Адевэрул литерар ши артистик», «Критика» посвящают французскому изданию «Поднятой целины» свои восторженные статьи, именуя ее «классическим произведением советской литературы»[22].

Тем не менее позиция цензуры по отношению к Шолохову и другим советским писателям, по существу, оставалась прежней. Издание романов Шолохова на румынском языке было запрещено. Но Дирекция печати Бухареста сделала уступку: разрешила ввоз в страну «Тихого Дона» на русском языке в 1935 году и на немецком языке в 1936 году. Ввоз «Поднятой целины» по-прежнему был запрещен. А в это же время, не без благословения цензуры, реакционная газета «Универсул» в своем новогоднем сборнике «Народный календарь» опубликовала большой антисоветский очерк «Коллективные петухи»[23], составленный якобы по тексту одной главы «Поднятой целины».

В эти годы прогрессивные писатели снова предприняли попытки пробить брешь в железной стене, которой власти, Дирекция печати и цензура отгораживали народ Румынии от советской литературы.

Писатель Захария Станку в марте 1939 года в своем журнале «Азь» поместил фотографии «новых русских академиков-писателей Алексея Толстого и Михаила Шолохова» и статью К. Вылкована, в которой они характеризуются как «писатели нового типа». Статья эта примечательна тем, что в ней вкратце изложены принципы нового художественного метода советских писателей, подчеркнуто отличие их произведений от тех, которые написаны методом критического реализма. Избрание М. Шолохова и А. Толстого в академики К. Вылкован оценил, как «официальное подтверждение начала нового периода в раз-

вити советской литературы, а именно: периода ее зрелости». По утверждению К. Вылкована, «созданные Шолоховым персонажи стоят в одном ряду с наиболее художественно совершенными героями русской литературы» и «Аксинья — это первая крестьянка, свободно вошедшая в русскую литературу наравне с Анной Карениной»[24].

Писатель Д. Трост, ранее напечатавший в коммунистическом журнале «Эра ноуэ» интересную статью о советской литературе и Шолохове («Возвращение к эпике»), в 1939 году публикует в журнале «Адевэрул литерар ши артистик» отрывок из «Тихого Дона» и две свои статьи «Романист Дона» и «Романист, пишущий о крестьянстве». Д. Трост высказал в них много верных и тонких наблюдений, оценил мастерство Шолохова — его умение изобразить «зарождение новых взглядов и распад старых форм бытия», «запечатлеть в движении прозрение политического сознания крестьянства» и заявил, что поэтому «романиста с Дона» надо рассматривать как «одного из крупнейших художников современной Европы»[25].

И хотя писатель Камил Балтазар уговорил было руководителей издательства «Букур чобанул» взять у Юлиана Веспера его перевод первой книги «Тихого Дона», чтобы в дальнейшем совместно бороться за ее издание,— роману Шолохова на румынском языке в 30-е годы не суждено было выйти в свет.

Вследствие дальнейшей фашизации страны правящая клика продолжала свой жесткий курс во всех сферах общественной жизни против демократии и прогресса, против культурных контактов с Москвой, против русской классической и советской литературы. В связи с этим и появилось новое распоряжение генеральной дирекции полиции Румынии в конце 1939 года о конфискации «Тихого Дона» во всех библиотеках, так как «его содержание касается многих аспектов революционной жизни, которые считаются вредными»[26]. Кстати, в том же циркуляре был наложен запрет на поэму Н. А. Некрасова «Мороз — Красный Нос» и другие произведения.

И все же вопреки нажиму реакции прогрессивные писатели нередка находили возможность в обход цензуры давать правдивую информацию о СССР. Так, редактор журнала «Азь» Захария Станку летом 1940 года напечатал сообщение о завершении Шолоховым работы над «Тихим Доном» и перевод главы о гибели Аксиньи[27].

Несомненно, всюду, куда проникал глаз полиции, «Тихий Дон», как и книги других советских писателей, изымался, а в дальнейшем подвергался сожжению. Но интерес к советской литературе и к романам Шолохова от этого не угасал. И в статьях, кое-где появлявшихся в печати, в спорах-дискуссиях писа-

телей, в сознании тех, кто читал «Тихий Дон» и «Поднятую целину» в иностранных переводах, произведения Шолохова оценивались как образец, как классика советской и мировой литературы.

V

Из Будапешта мы получили фотокопии титула (заглавия) и многих страниц румынского издания «Тихого Дона» (кн. 1), которое было выпущено издательством «Букур чобапул» в 1943 году в переводе Ю. Веспера под названием «Донские казаки». Георг Барбэ прислал нам из Бухареста в подарок уникальный экземпляр этой книги[28] и фотокопии многих статей с переводами.

«Новое заглавие — «Донские казаки» — роману Шолохова дал издатель М. Друмеш, — писал мне переводчик Юлиан Веспер. — В те годы надо было обладать большим воображением, чтобы мечтать об опубликовании «Тихого Дона». Поэтому я был удивлен, когда в 1943 году, т. е. через 13 лет после перевода, наконец роман Шолохова вышел в свет тиражом 5 тысяч экз. Книга читалась с большим интересом»[29].

Мы сверили румынский текст книги «Донские казаки» с французским изданием «Тихого Дона» 1930 года и русским оригиналом романа («Московский рабочий», 1928—1929).

Прежде всего хочется отметить, что румынская цензура в 1943 году в переводе Ю. Веспера произвела много сокращений и фальсификаций, которые идейно опустошили роман. К тому же, вопреки традициям культурных стран, в Бухаресте цензоры, вырубая шолоховский текст, нигде не ставили общепринятых отточий, скрывая таким образом следы своей расправы.

Идейное опустошение начато с авторского эпиграфа, которым Шолохов открывает роман. Две старинные казачьи песни: «Не сохами-то славная землюшка наша распахана» и «Ой ты, наш батюшка тихий Дон!» — чем-то не понравились цензорам, их нет в румынском издании романа.

Далее в тексте книги «Донские казаки» фашистские цензоры изъяли все упоминания о русской революции. Так, в III главе второй части вычеркнуты вещие слова рабочего Валета, который грозит богачам: «На них одной революции мало. Будет им тысяча девятьсот пятый год, тогда поквитаемся! Поквитаем-ся!..»[30] В I главе третьей части романа вместо наименования «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия» появилось тенденциозно безликое название: «партия социал-демократов»[31].

В IX главе второй части изуродован текст в том месте, где

казак Христоня рассказывает, как в Петербурге, при охране царского Зимнего дворца, им, казакам, студенты подарили портрет Карла Маркса[32]. И там же, в первой части, в XVIII главе цензурой убраны детали, в сатирическом плане рисующие царя Николая II[33].

В IX главе третьей части романа Шолохов развенчал так называемый «подвиг» донского казака Козьмы Крючкова, убедительно показав, что в той пограничной схватке не было ничего героического. «А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать руки на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались нравственно искалеченные.

И это назвали подвигом»[34].

Цензоры вычеркнули весь этот абзац.

Там же Шолохов зло и тонко высмеивает генерала фон Ренненкампфа за помпезную шумиху вокруг «подвига», за то, как он возил в воинские части мундир убитого немецкого офицера и «произносил зажигательно-казенные речи»[35]. Цензоры и тут внесли свою поправку, фальсифицируя текст следующим образом: «...фон Ренненкампф... произносил пламенные речи»[36]. И на этом ставят точку.

В XI главе третьей части «Тихого Дона», в дневнике убитого казака-студента, Шолохов сурово осуждает и проклинает мировую войну. Гитлеровские цензоры в Бухаресте вычеркнули все относящееся к этому из текста дневника, а кульминационную фразу — проклятие войне в записи от 2 сентября 1914 года — «Вот оно, великое безумие!» извратили таким образом: «Вот великий переполох!»[37]

В конце XV главы третьей части Шолохов пишет, что есаул Листницкий, услыхав от Бунчука поговорку «Сеющий ветер — пожнет бурю», подумал: «Что он оригинальничает или просто человек с чудинкой»[38]. А румынские цензоры «слегка исправляют» эту фразу, называя офицера-большевика Бунчука «малость придурковатым»[39].

В завершении цензоры изъяли полностью XXIII главу третьей части — о встрече Григория Мелехова в госпитале с большевиком Гаранжой и затем о столкновении (там же, в госпитале) Григория с особой императорской фамилии[40].

Несомненно, эти сокращения идейно и художественно опустошили «Тихий Дон». Но сам факт издания советского романа во вражеском стане в декабре 1943 года, в ту пору, когда гитлеровская грабармия (в том числе итальянские и румынские дивизии) была разбита Красной Армией под Сталинградом и на Курской дуге,—этот факт весьма знаменателен и свидетельст-

вует о том, что в то время произошло некоторое оживление в либеральных и демократических кругах Бухареста.

Как и следовало ожидать, официальная пресса Румынии обошла молчанием появление на книжном рынке первой книги всемирно известного романа Шолохова. И лишь одна газета «Экоул» 5 января 1944 года поместила заметку, в которой предсказывалось, что «труд переводчика, буковинского поэта Ю. Веспера, будет вознагражден большим успехом, так как творчество Шолохова уже давно оценено в других странах в соответствии с его высоким качеством. Книга будет принята хорошо, хотя это и неполный перевод»[41] (очевидно, имелись в виду цензурные сокращения).

Но, как мы отметили выше, бухарестская цензура (1943 г.) сократила текст «Тихого Дона» не в двух-трех местах, как утверждают румынские исследователи, а на десятках страниц, вопреки воле переводчика-поэта Юлиана Веспера. Кстати, если заглянуть в газету «Гласул Буковины» от 19 апреля 1934 г., где Ю. Веспер впервые напечатал отрывок из Тихого Дона» (странички из дневника убитого казака), то там в переводе кульминационной фразы — проклятия войне (запись от 2 сентября) мы прочтем точный перевод текста Шолохова: «Iatâ marea nebunie!» (Вот великое безумие!)[42]. Между тем в книге «Донские казаки» (издательство «Букур чобанул», 1943) цензура переделала эту фразу вот как: «Iatâ marea învâlmâşeala!» (Вот великий переполох (беспорядок, суматоха!)[43]. Сопоставление газетной публикации Ю. Веспера с книжным текстом дает нам основание сказать, что перевод был сделан правильно, но цензура в 1943 году подвергла текст романа Шолохова идейной фальсификации. В связи с этим действия Советской военной администрации в Бухаресте (1945), направленные на защиту романа «Тихий Дон», были вполне справедливы и закономерны.

Литературовед Г. Барбэ в своем докладе Ассоциации славистов Румынии 30 июня 1969 года заявил, что «первый перевод «Тихого Дона» представляет собой один из светлых моментов интеллектуального и культурного развития Румынии в прошлом»[44].

Если Г. Барбэ имел в виду рукопись перевода Юлиана Веспера (без цензурных сокращений), то с этим можно согласиться.

Мы с уважением относимся к поэту Ю. Весперу и воздаем должное ему как переводчику. Известно, что и автор «Тихого Дона» высоко оценил его любовь и внимание к советской литературе, послав ему из Вешенской в подарок прекрасное русское иллюстрированное издание «Тихого Дона» с автографом: «Юлиану Весперу с добрыми чувствами. Михаил Шолохов. 11. 4. 1969 г.»[45]

Разгром гитлеровского вермахта Советской Армией, а также вооруженное восстание румынского народа летом 1944 года открыли новую эпоху в истории Румынии. Во всех сферах деятельности народа — в военной и политической, экономической и культурной — наступила пора доверия к СССР, установления дружеских связей, интернациональной солидарности и взаимопомощи.

Как сообщала демократическая пресса Румынии в конце 1944 года, первой советской книжкой, появившейся в Бухаресте после разгрома фашизма, были главы из романа Шолохова «Они сражались за Родину». И тогда же в Бухаресте вышел в свет перевод знаменитого шолоховского очерка «Наука ненависти». Обе книги Шолохова были восприняты с глубоким интересом трудящимися и прогрессивной интеллигенцией.

В 1947—1948 годах в Румынии выходят в продажу четыре тома «Тихого Дона» в переводе замечательного прозаика Чезара Петреску (в сотрудничестве с А. Ивановским). В 1949 году появляется впервые на румынском языке «Поднятая целина» (перевод писателя Михаила Севастосу). Читательский спрос на книги Шолохова все время возрастал. Роман «Тихий Дон» издавался пять раз массовыми тиражами. «Поднятая целина» выдержала девять массовых изданий. В 1957 году вышли в свет на румынском языке «Донские рассказы», «Судьба человека» (перевод Ч. Петреску и А. Ивановского) и также приобрели огромную популярность.

«После Максима Горького, — пишет Георг Барбэ, — автор «Тихого Дона» — самый читаемый у нас советский писатель»[46]. Многие рассказы Шолохова, главы из второй книги «Поднятой целины» печатались в журналах и газетах. Выступления Шолохова на партийных и писательских съездах, статьи «Слово о Родине», «Свет и мрак», его интервью, речь в Стокгольме при получении Нобелевской премии — все это находило глубокий отклик в сердцах румынских писателей, критиков и читателей.

В Румынии о Шолохове опубликовано свыше ста критических статей, рецензий, литературно-биографических очерков и кратких этюдов, которые свидетельствуют о высоком авторитете создателя «Тихого Дона», о большом интересе к его творчеству знатоков литературы и миллионов читателей.

И всюду — в домах рабочих и крестьян, среди интеллигенции и студентов — книги Шолохова стали постоянными друзьями и спутниками их жизни.

Крупнейший румынский прозаик нашего времени Михаил Садовяну в большой статье «Мировое значение советской литературы» в октябре 1948 года писал о том, что западная литера-

тура XX века поражает нас «разочарованием, скукой и пессимизмом, смятением и разложением», а советская литература «развивается и вдохновляется трудом созидания... От «Чапаева» до «Тихого Дона» и «Молодой гвардии» советская литература развивается полнокровно, могуче, служа Человеку и социалистическому государству»[47].

Писатели и критики в статьях обращают внимание на русскую самобытность таланта Шолохова. И, пожалуй, ярче других это выразил писатель Эуджен Барбу.

«Шолохов, — читаем мы в его статье в «Лучафэруле», — это прежде всего то, что называется национальный писатель, который воплощает в себе все характерные черты культуры и лицо нации... «Тихий Дон» — это не просто «казацкая эпопея», как его часто очень узко понимают. Четыре тома богатейшей прозы воплотили в единое целое грандиозность видения пророка из Ясной Поляны, гоголевский юмор и эпос старых Боянов России, которые, странствуя босыми по стране, воспевали в своих песнях и былинах подвиги великого народа. История продиктовала ему с дантевской тщательностью описание чистилища нации, воскресшей через кровь и смерть, через колоссальные жертвы, положенные в основание нового мира... Шолохов хотел и сумел сказать многое. Как каждый великий национальный писатель, он отлично знает русскую душу, ее стремление к чистоте, тягу к идеальному, к той грани, без достижения которой нации, как и личности, ничего не значат. В жизни народов бывают долгие ночи оцепенения, сумерки духа и даже времена морального упадка. Но бывают и годы мучительного пробуждения, бурного искупления, когда массы познают самих себя и сами решают свою судьбу. Таким временем была гражданская война в России, и ей нужен был потрясающий певец, беспощадный наблюдатель, талант, гений! И она нашла его в простом и великом гражданине станицы Вешенской... Шолохов положил в основу своего романа постоянное стремление русского человека к справедливости, его тягу к правосудию и правде, и в этом, в сущности, и заключается смысл его «Тихого Дона»[48].

Румынские писатели с благоговением говорят о колоссальной силе шолоховского таланта, о его гуманизме и ненависти к войне. Писатель и переводчик «Тихого Дона» Чезар Петреску в предисловии к третьему изданию романа писал об этом следующее: «Творческий гений крестьянского сына из станицы Вешенской — это единственное в своем роде и исключительное явление... В самом деле, в 23 года он — еще совсем молодой писатель — дал советской и всей мировой литературе два тома романа «Тихого Дона», с которым нельзя было сравнивать ни одну современную книгу о войне!»[49]

Шолохов оказал и продолжает оказывать плодотворное вли-

яние на румынских писателей и их творчество. Писатель Петру Винтела в статье «Место Шолохова в моем сердце» сказал: «Сколько раз в минуты мучительных сомнений я находил утешение и ответ, полный теплоты и мудрости, на страницах книги этого донского казака... Одобрение Шолохова, его задушевное слово, пример неутомимого титана литературы всегда были воодушевляющими. С первого чтения и навсегда «Тихий Дон», как самое дорогое произведение, заполнил все мое сердце»[50].

О величии и бессмертии «Тихого Дона», о его соотнесении с шедеврами мировой литературы и значении творчества Шолохова для всего человечества великолепно сказал писатель Иона Лэкрэнжэп 22 мая 1965 года в «Слове о Шолохове»:

«Пройдут годы и годы, мир изменит свой облик. Люди станут более торопливы и озабочены, более заняты. Но они — живущие здесь или на берегу Ганга, в Южной Америке или в Европе — всегда будут задумываться над историей Григория Мелехова, такой суровой и обладающей таким глубоким смыслом, такой простой и сложной, такой потрясающей, прекрасной и ни с чем не сравнимой, каких очень немного в мировой литературе. Мысль сразу ведет нас к великим вершинам — к Гамлету и Ричарду III, к Ивану Карамазову и Пьеру Безухову — и хочется сказать, что у Григория Мелехова есть что-то от каждого из них, несмотря на огромную разницу между этими героями, хотя Григорий Мелехов вносит больше сложности и достоверности, чего-то неизмеримого, относящегося к своеобразию шолоховского искусства. Это неопровержимое своеобразие (самобытность), печать большого мастерства и искусства затемнялись иногда ссылками на традиции, на Чехова, Тургенева и особенно на Толстого, и упускался из виду тот факт, что великий писатель Дона давно вышел из-под сени своих знаменитых предшественников, прокладывая для собственной прозы и для литературы своей страны — а может быть, и всего мира — новое и обширное русло. Пройдут годы и годы, в литературе появятся свежие и обновляющие веяния, но бессмертное дыхание шолоховской прозы — пахнущей полынью и чабрецом, сверкающей необозримой степью, любовью и болью,— не померкнет никогда!»[51]

ФИНЛЯНДИЯ

I

На литературной выставке «Тихий Дон» сражается» (Ростов/Дон, 1968) были представлены и финские послевоенные издания: «Поднятая целина» (Хельсинки, 1953), «Тихий Дон» (1956), «Донские рассказы» (1960), присланные мне переводчиком Юхани Конкка. В письме от 2 января 1965 года он сообщал о встречах с М. А. Шолоховым в Финляндии, тиражах его изданий и своих выступлениях с лекциями и статьями в прессе и по радио, в которых «всегда высказывал мнение о том, что Шолохов давно достоин Нобелевской премии». На мой вопрос о первых изданиях книг Шолохова Юхани Конкка ответил, что на финском языке «самые ранние переводы «Тихого Дона» и «Поднятой целины» (I том) появились вскоре после войны»[1].

Последние слова переводчика Ю. Конкка ввели меня в заблуждение, и я был уверен, что в Финляндии до войны книги Шолохова не издавались. Однако вскоре финские туристы, посетившие нашу выставку, решительно заверили в том, что финны читали «Поднятую целину» в середине тридцатых годов.

«У нас в библиотеках,— говорила мне по-русски, но с легким акцентом туристка из города Котка,— имеются переводы книг Шолохова не только Юхани Конкка, который, чтобы вы знали — есть русский. Тому подтверждение дает и его фотоснимок на вашем стенде. Верно говорю! А самый первый переводчик книг Шолохова у нас есть финн — Элиас Сиппайнен!

Туристка энергично стала доказывать свою правоту:

— Именно Сиппайнену принадлежит честь перевода и издания «Поднятой целины» где-то в 1935—1936 годах, а «Тихого Дона» — в 1944—1945 годах. Да! То были тяжелые времена. Тогда «Поднятую целину» было опасно держать в доме... Да, да... Верно вам говорю... До войны у нас пути советских книг к читателям... были усеяны розами и шипами... Ведь нет розы без шипов, так гласит русская пословица?.. Розами потому, что величественная «Поднятая целина» нашим читателям открыла естество ароматов степей Дона, глубокие страсти простых людей и правду... Да, волновавшую весь мир правду о коллективизации! А шипами пути были усеяны потому, что тогда в Финлян-

дни выпуск в свет красной книги рассматривался властями как закладка динамита под устои режима... Перевод, издание и чтение книг власти оценивали как сочувствие Советам!.. «Поднятая целина» была очень опасной книгой... Но она имелась у наших соседей в деревне, и я ее читала еще в отрочестве в переводе Элиаса Сиппайнена. Все в ней было очаровательно! Мне и моей подружке-соседке особенно врезалось в память из «Поднятой целины» описание Мавзолея и красного флага над Кремлем. Как-то зимой мы с подружкой на лыжах поднялись на высокий берег моря у нашей деревни и увидели во льдах ваш ледокол с красными всплесками над мачтой... Подружка воскликнула: «А красный флаг, как у Шолохова в пургу над Кремлем! Какая красота!» У меня тогда дух захватило... Поверьте, уже тогда «Поднятая целина» Шолохова вошла в наше сознание, как ваш могучий краснофлагий ледокол, кажется «Ермак», ломающий и пробивающий льды... Да, сокрушающий льды не только в Финском заливе, но и в финских сердцах...»

Разговор с финской туристкой приоткрыл для меня еще одну новую страницу истории проникновения книг Шолохова в страну Суоми. Но мои попытки разыскать первые финские издания «Поднятой целины» не увенчались успехом. Помогавшие мне в этом известный финский писатель Мартти Ларни и сотрудник АПН Алексей Бородавкин в письмах из Хельсинки подтвердили факт издания «Поднятой целины» в переводе Элиаса Сиппайнена в 1935 и 1938 годах, однако образца книги они не смогли приобрести даже у букинистов[2]. Кроме того, Национальная библиотека Финляндии сообщила, что «Поднятая целина» в Хельсинки вышла из печати якобы только в 1938 году и что «рецензий на это произведение в прессе не обнаружено»[3].

Но архивы ТАСС внесли существенную поправку в это сообщение Национальной библиотеки. «Издание «Поднятой целины» на финском языке,— сообщал корреспондент ТАСС 3 февраля 1939 года,— явилось большим событием для литературного мира Финляндии. Финская печать отмечает это издание с особым удовлетворением. В рецензиях, появившихся в ряде газет, дается высокая оценка художественного реалистического мастерства Шолохова»[4].

Значит, рецензии все-таки были!.. Внимательно просматривая в Москве в библиотеках подшивки советской и (весьма скромные) финской прессы, нахожу в газете «Известия» (1939 г.) ссылку на газету мелких землевладельцев «Суомен пиэнвильелия», в которой отмечалась значимость появления перевода «Поднятой целины» в Финляндии. Не скоро, но все же мне удалось получить из Финляндии ксерокопию этой газеты.

«Поднятая целина» Шолохова,— писал в газете «Суомен

низвильелия» от 26 января 1939 года рецензент, скрывшийся под инициалами «Э. Ю.»,— является первым русским советским романом, изданным на финском языке. Поэтому его перевод, сделанный Элиасом Сиппайненом, следует считать своего рода литературным событием... В отличие от нашего предвзятого представления о советской литературе (как сугубо пропагандистской.— *К. П.*), «Поднятая целина» производит впечатление беспристрастное и объективное». Рецензент Э. Ю. там же признается, что в его стране имеют превратные суждения о жизни Советской России и ее литературе. Шолоховская правда жизни, его острая критика недостатков и ошибок в ходе коллективизации вызывают изумление финского рецензента, и он сознается: «Поднятая целина» написана столь потрясающе правдиво, что не раз задаешься вопросом, как подобное (искусство) вообще возможно в стране диктатуры». Рецензент растроган тем, что в романе Шолохова «противникам, как и сторонникам системы, дают выговориться вдосталь», что в тексте «нет тенденциозной навязчивости» и что «автор как раз в том и виртуоз, что его агитация не производит впечатления проповеди и не вызывает отвращения даже у тех, кто не является сторонником его системы». «Повествование,— пишет в заключение рецензент Э. Ю.,— художественно величавое, красочное, реалистичное... Диалоги — естественны, в репликах, наряду с мудростью, сверкает славянский юмор, да и во всем романе дается неприкрыто правдивая новая картина русского народного характера»[5].

Важно отметить, что и газета социал-демократической партии «Суомен Сосиалидемокраатти» в конце 1938 года в литературном обозрении «Рождественские книги рабочей семьи», рекомендуя новинки переводной литературы, писала следующее: «Пожалуй, наиболее интересным среди новинок является обширный роман выдающегося советского писателя Михаила Шолохова «Поднятая целина», повествующий в сильном эпическом жанре о проведении коллективизации на земле казаков. Среди трудящихся роман встретит большое число благодарных читателей»[6].

Роман «Тихий Дон» на финском языке в переводе того же Элиаса Сиппайнена впервые вышел в свет после падения профашистского режима. Издательство «Сиия» под символическим грифом «Октябрьская серия» выпустило первую книгу в 1944, а вторую — в 1945 году. «Некоторые книголюбы утверждают,— писал мне из Хельсинки А. Бородавкин,— что в 1945 году еще была выпущена третья книга «Тихого Дона» и «Поднятая целина» (третье издание), но найти их в продаже невозможно: они стали антикварной редкостью»[7].

Так, до сих пор у нас в музее нет образцов довоенных и послевоенных изданий книг Шолохова в переводе Э. Сиппайнена.

Но мы не теряем надежды с помощью финнов — поклонников таланта Шолохова и наших друзей из города-побратима Каяни со временем заполнить и эту белую страничку Шолоховского фонда города Ростова-на-Дону.

II

В 50—60-е годы на книжный рынок Финляндии произведения Шолохова выпускали четыре издательства: «Смия», «Кансанкульттуури», «Вернер Зёдерштрём» и «Кирьяюхтюмя». Роман «Тихий Дон», например, выдержал три издания в переводе Ю. Копкка и семь изданий в переводе Э. Синипайнена. В аннотациях издательства давали высокие оценки творчеству Шолохова и его общественной деятельности на Родине и за рубежом.

«Шолохов мастерски запечатлел в «Поднятой целине» яркие характеры, природу родного края, великие перемены, происходящие в общественном укладе старого казачьего хутора,— гласит аннотация на суперобложке этого романа, изданного в 1953 году издательством «Кансанкульттуури».— Сочный юмор, глубокая мудрость, поэтические описания природы, незабвенные драматические ситуации — таков этот крестьянский эпос. М. Шолохов — один из самых видных представителей советской культуры».

Называя Шолохова «гениальным писателем-академиком, коммунистом — депутатом Верховного Совета СССР, делающим немало для своей родной станицы», чьи «публичные выступления имеют огромный общественный резонанс», издательство подчеркнуло, что «и в Финляндии его хорошо знают и им восхищаются как человеком и великим писателем»[8].

Другое книжное издательство «Вернер Зёдерштрём» к выпуску «Тихого Дона» (перевод Ю. Копкка) предпослало большую и обстоятельную аннотацию на суперобложке: «Михаил Шолохов — продолжатель литературных традиций русских классиков, выдающийся писатель, рожденный Октябрьской революцией... Он достиг всемирной славы «Тихим Доном» и «Поднятой целиной»... В своем эпосе Шолохов сохраняет неподкупную позицию летописца, изображая людей со всеми их достоинствами и недостатками... Шолохов занимает самое почетное место в современной мировой литературе»[9].

Выход в свет «Тихого Дона» и «Поднятой целины» всегда были событиями литературной жизни Финляндии. Подтверждение этому нам дают газеты различных общественных кругов, которые считали своим долгом сказать слово о Шолохове — доброе и правдивое, с раздумьями и путаницей, или злобное и клеветническое, в зависимости от классовых позиций редакции.

Отношение к творчеству Шолохова в целом всей финской

прессы в эти годы можно охарактеризовать, на мой взгляд, как удивление чуду. Для коммунистических «Тюэкансан саномат», «Кансан Уутисет» и демократических «Вапаа сана» и «Ракентая» это было радостное удивление — приобщение к художественным богатствам великого эпоса о революции и рождении нового мира. Рецензент Майя Савутие в газете «Вапаа сана» 24 мая 1955 года, давая восторженный отзыв о «Тихом Доне», писала и сокрушалась о великой несправедливости: «...Имя Шолохова уже многие годы было среди первых кандидатов на Нобелевскую премию, но высшая западноевропейская литературная награда не выпадает на его долю!»[10]. Для рецензентов буржуазной газеты аграрного союза «Маакансa» и академического журнала «Валвоя», длительное время пребывавших в классовых шорах предвзятости, «Тихий Дон» явился откровением: «Это невероятно! — восклицал «Валвоя».— Такое могучее, полностью объективное и свободное произведение о гражданской войне красных с белыми разве можно было создать в СССР»[11].

А редакции газет «Ууси Суоми» (центральный орган коалиционной партии), «независимой» «Хельсингин саномат» или эстетствующего журнала «Парнассо», удивляясь тому, что в финской прессе печатается все больше и больше разумных и положительных отзывов о большевике, огорчаясь тем, что соотечественники зачитываются его книгами в автобусах и поездах, в офисах и даже на лекциях в университете, и что финское радио стало говорить добрые слова о «русском красном писателе», выступали, уподобляясь академику-реакционеру В. А. Коскенниеми, с очернительными статьями о Шолохове и «Тихом Доне».

В статье академика Коскенниеми («Ууси Суоми», 25. 6.1956) нет художественного и композиционного анализа романа. Из текста явствует, что рецензент-академик мало сведущ в истории России, имеет весьма превратное представление об Октябрьской революции и абсолютно ничего не знает о гражданской войне на Дону. Но зато он был хорошо осведомлен о всех напевах и наветах заокеанских антикоммунистов «шолоховедов» Мучник, Струве и К° и по их нотам бойко твердил, что, мол, роман «Тихий Дон» — это всего лишь «собрание отдельных, часто повторяющихся эпизодов — казней, грабежей, любви и пьянства — в голом натурализме», что в нем «нет юмора» и что «Аксинья — лишь соблазнительница». Узость мышления и классовая ограниченность не позволяли академику и редакции «Ууси Суоми» высказать ни слова об изображении народа и его роли в разгроме Наполеона в романе Льва Толстого «Война и мир», а также о силе и величии народа в свержении царизма, разгроме русской контрреволюции и интервентов — в романе Шолохова «Тихий Дон». Как и некоторые рецензенты других

буржуазных газет, академик не заметил разницы в мировоззрении классиков двух различных социальных эпох, в изображении ими правды войны и поэтому не увидел ничего нового в гуманистической позиции Шолохова, не заметил того, что он делает шаг вперед по сравнению с гуманизмом Льва Толстого.

Верно следуя заокеанским «советологам», Коскенниеми в своей статье стремился навязать читателю затасканные тезисы, взятые напрокат из арсенала оруженосцев «холодной войны»: Лев Толстой и Шолохов — «заклятые русские националисты», Октябрьская революция и гражданская война — это «затянувшаяся история болезни народной души»; Россию надо спасать от «коммунистического империализма», а «спасти ее может только Запад»[12].

Мы прокомментировали эту статью как напоминание о живучести в буржуазном мире всевозможных маньяков — «спасителей России», вынашивающих бредовые замыслы. Но, благо, в это время и в Финляндии уже не они определяли политический климат и курс внешней политики.

Для демократической общественности, прогрессивной интеллигенции и либеральной буржуазии произведения советских писателей и в особенности книги Шолохова становились могучим средством сближения и взаимопонимания. Приносимые в страну Суоми из-за океана (с ветрами «холодной войны»), антисоветские лозунги не получали поддержки не только среди трудящихся, но и в деловых, реалистически мыслящих кругах буржуазии. Наступили новые времена во взаимоотношениях между СССР и Финляндией, и с ними и более вдумчивый и доброжелательный подход в понимании культурных ценностей. Поэтому большинство буржуазных газет вынуждено было писать о творчестве Шолохова правдивее и проникновеннее, чем это было в прежние годы.

Так, редакция журнала «Валвоя» в 1956 году напечатала большую статью ректора Хельсинкского университета, профессора Эдвина Линкомиесса: «Шолохов. «Тихий Дон». В ней есть суждения, с которыми мы не согласны, когда, например, он говорит, что «некая плановая догматичность в СССР наложила свой отпечаток на книги советских писателей». Конечно же, он предвзято полагает, что «в высших кругах Советской власти в свое время к «Тихому Дону» Шолохова относились в какой-то степени враждебно»[13].

Наши авторитетные документы говорят обратное. Давно известно из 12-томного собрания сочинений Сталина, что в его письме к Феликсу Кону еще в 1929 году была дана высокая оценка «Тихого Дона», а Шолохов назван «знаменитым писателем нашего времени»[14] и что, вопреки разным наветам и помехам со стороны рапповцев, Сталин оказал поддержку в публи-

кации III тома «Тихого Дона» и первой книги «Поднятой целины». И Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин в беседе с молодыми крестьянскими писателями 15 мая 1934 года также великолепно отозвался о творчестве Шолохова: «...Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением»[15].

На фоне этих оценок тезис профессора о враждебности высших кругов Советской власти к «Тихому Дону» является нелепым вымыслом. Решительно отклоняя эти ошибочные суждения Э. Липкомиесса, мы должны отметить, что в его статье высказано много ценных мыслей, опровергающих сентенции рецензента-академика, о котором речь шла выше.

«Шолохов,— писал Э. Липкомесс,— это несомненно большой врожденный талант. Тайна силы воздействия Шолохова — в глубоком знании жизни. Он знает корни всего того, что изображает, к тому же он еще умеет и отобрать то, что является характерным и самым важным для художественного обобщения... Роман «Тихий Дон» воистину велик не только по своим масштабам, но и по своему значению. Безусловно, его можно отнести к тем значительнейшим романам, которые когда-либо были созданы». Называя Шолохова «большевиком по своему мировоззрению», критик подчеркивает, что он — реалист, глубоко народен и «воспитал в себе художественную дисциплину», что он «никогда не заблуждается на счет безвкусицы», что «искать пустые слова в его тексте — тщетно» и что его повествование дает «ощущение подлинной действительности, хотя действие развивается в трудной среде крестьян и солдат». Григория Мелехова он именует «типичным казаком революционного времени, который вынужден колебаться», называет его «человеком морально высокого уровня», выражающим собой «гуманизм, который (в условиях гражданской войны) не унижается до варварства, благодаря чему читатель чувствует к нему очень большую симпатию»[16].

Для финской прессы 1956 года эта статья профессора Э. Липкомиесса означала совершенно новый и плодотворный подход к оценке явлений советской литературы. Это было действительно свежее, яркое, во многом правдивое слово о Шолохове и его «Тихом Доне», в котором критик, хотя и допускает некоторые ошибочные суждения, высказал много ценных, заслуживающих внимания положений, стремясь по-научному, объективно разобраться в существе великого эпоса об Октябрьской революции и гражданской войне в России.

Вскоре крупная газета «Маакански» также выступила (11 июля 1956 года) в защиту «Тихого Дона» с большой статьей «Мастер русской прозы». Отмечая огромный резонанс, вызванный романом во всем мире, и тот непреложный факт, что уже «мно-

где считают Шолохова кандидатом на получение Нобелевской премии», критик этой газеты писал: «Шолохов — одновременно летописец, фиксирующий с точностью жизнь, и художник слова, который буквально расточает краски на создание богатых событиями сцен. Он мастерски может несколькими точными словами создать запоминающийся портрет... Реалистический, художественно завершенный, яркий казачий эпос Шолохова — достижение высокого класса».

Наперекор некоторым рецензентам, в том числе и академику из «Ууси Суоми», критик газеты «Мааканса» писал о прекрасном изображении Шолоховым страстной и горестной любви Григория и Аксиньи, о том, что «любовная интрига романа удивительно реалистична и беспощадна настолько, что порой кажется — любовь в «Войне и мире» Л. Толстого с трудом может быть взята в сравнение»[17].

Да, для финской прессы тех лет это были действительно новые веяния, новые оценки литературы социалистического реализма, хотя эти газеты тогда о нашем методе в искусстве положительного еще ничего не писали.

Наиболее ценные статьи о Шолохове в 1956 году были напечатаны в коммунистической газете «Тюэкансан саномат». По словам поэтессы и критика Айры Синерво, в статье «Памятник времени и человеку» шолоховский эпос художественно ярко подтвердил известное изречение Льва Толстого: «Мировая история судит о каждой эпохе, а мировая литература судит о мировой истории». И Шолохов, поставив в «Тихом Доне» главным героем Григория Мелехова — негативный персонаж,— сказал этим новое слово в русской и мировой литературе. «Трагичность Григория,— пишет А. Синерво,— состоит в том, что он колеблется, сражается в различных лагерях... Но в конце книги судьба Григория остается «открытой». Он возвращается домой, и читателю предоставляется право поразмыслить над его судьбой. Символична заключительная сцена — встреча Григория с сыном Мишаткой. Жизнь продолжается, и будущее важнее прошлого!»[18]

Вот эта мысль — новая трактовка А. Синерво и редакции «Тюэкансан саномат» финала «Тихого Дона» и судьбы Григория Мелехова — примечательна тем, что дает решительную отповедь реакционным рецензентам, именовавшим Григория «до конца белым», не признающим революцию и Советскую власть, и тем критикам, которые называли его «бандитом» и «погибшей личностью», а также ответом и критику профессору Э. Линкомиессу, который, высоко оценив гуманизм личности Григория, вопреки тексту романа, пишет о неминуемой гибели героя[19].

«Тихий Дон»,— разъясняет Айра Синерво,— принадлежит

к тем произведениям, для постижения которых требуется известное напряжение мысли. Читатель не получает итог «даром». Автор заставляет читателя сопережить-перечувствовать трагизм эпохи рождения Советов. Произведение это многосложно и ярко, как сама жизнь, но одновременно оно и тяжело, как землетрясение, как то время, которое в нем отражено... «Тихий Дон» — это величественный памятник бурному, переломному этапу в истории. Это эпос о силе и слабости человека, его стойкости и колебаниях, его падении и постоянном стремлении вперед, так как самое дорогое у человека — жизнь»[20].

III

«Донские рассказы», «Судьба человека» и вторая книга «Поднятой целины» появились на финском языке в конце 50-х и начале 60-х годов. Многие критические статьи о них являют нам положительные сдвиги во взглядах критиков.

Правда, и в эти годы среди рецензентов можно было встретить недоброжелателей и пустые опусы, вроде статьи «Казачья кровь» некого К. Рантасало в реакционном журнале «Суомалайнен Суоми» о сборнике Шолохова «Рассказы». Не умея сказать что-либо толковое о «Тихом Доне» и «Донских рассказах», проявив непонимание сущности этих явлений искусства, рецензент пишет о них с пренебрежением и походя противопоставляет им «Судьбу человека», которая для него «как воспоминание о войне, более правдоподобна, но также безвкусна»[21]. В подобных рецензиях мы сталкиваемся с невежеством рецензентов и неосведомленностью редакторов.

Однако другие газеты, как «Хельсингин саномат» например, в своих статьях теперь уже по-иному аттестовали Шолохова, называя его «всемирно известным продолжателем традиций русского реализма» и «несомненным кандидатом в лауреаты Нобелевской премии». Любопытно, что поводом для этих высказываний послужил тот же самый сборник Шолохова «Рассказы» в переводе Ю. Конкка издательства «Кирьяюхтюмя».

Критик Майя Тикка 20 ноября 1962 года в газете «Хельсингин саномат», именуя Шолохова «правоверным русским писателем», считает, что уже в юности этот большевик «в своих новеллах о трагичности судеб сумел показать оптимизм жизни», «в малом — отразил великое», что характеризует его как гуманиста-интернационалиста. И для вящего убеждения критик ссылается на его великолепную новеллу «На одном языке», в которой рассказывается, как русские и австрийцы в 1915 году на фронте нашли общий язык с помощью запутавшегося в колючей проволоке лося. Критик с восхищением пишет о богатстве и точности шолоховского языка, об огромной впечатляющей

сле эпизода с лосем, которого солдаты двух враждебных армий, сообща, бережно освобождают из тенет колючей проволоки, и тем временем сами неожиданно постигают смысл своей неволи, своего горестного бытия: «вступив в контакт, мозоль чувствует мозоль, и тогда солдаты начинают говорить о войне на одном языке: долой войну!»

Важно отметить, что Майя Тикка вступается за непреходящую ценность, общечеловеческую значимость и новеллы «Судьба человека». Цитируя ее заключительный аккорд: «Тут самое главное — не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза», критик еще раз напоминает о великом гуманистическом звучании слов Шолохова, зовущего читателя к разумным выводам и действиям[22].

Некоторые позитивные сдвиги в критических статьях мы находим на страницах других газет и журналов. Так, «Суомен Сосиалдемокраатти» (главный орган социал-демократической партии) порадовал объективностью в рецензии на сборник «Рассказов» Шолохова (перевод Ю. Конкка), аттестуя нашего писателя «великим мастером-гранильщиком слова», с юных лет «в совершенстве владеющим новеллой»[23]. Однако каково в те годы было отношение этой газеты к «Тихому Дону» и «Поднятой целине», нам установить не удалось... В журнале эстетов «Парнассо» известный критик Пекка Луопела, отвергая метод социалистического реализма, нашу коллективизацию и даже юмор деда Щукаря, задумывается над образом Давыдова и признается: «Две толстые книги «Поднятой целины» я прочел в один присест и не считаю время потерянным понапрасну!»[24]

Добрая весть! Не он, Пекка Луопела, в подобном признании первый и последний! Ведь не случайно, скажем, известный французский писатель-католик Миклош Батори, яростно критикуя «Поднятую целину» в главной католической газете «Круа» в 1960 году, под конец изрек: «А все же это — шедевр!»[25] Видимо, уж так велика и неотразима сила шолоховского слова, что многие наши идейные противники начинают пересматривать свои взгляды и оценки!

В статье П. Луопела имеется немало путаницы и предвзятости в оценке творчества Шолохова, но он, пожалуй, первый в финской прессе отклонил клевету корреспондента «Нью-Йорк таймс» Гарри Солсбери (1960 г.), приписывавшего Шолохову иной финал «Поднятой целины», будто Давыдов гибнет в тюрьме, как жертва чистки 30-х годов. «Заключение американца (Г. Солсбери.— *К. П.*) было ошибочным,— пишет П. Луопела,— во второй книге «Поднятой целины» не видно следов чистки 30-х годов... Роман заканчивается серьезным потрясе-

нием, в котором главные герои — Давыдов и Нагульнов — погибают... Но колхоз в этот период справился с «детскими болезнями», окреп, хотя еще и не принес людям благоденствия». Вопреки клеветническим домыслам в западной и финской прессе, будто Сталин мешал Шолохову творчески работать, критик П. Луонела подчеркивает, что «вмешательство самого Сталина в дело (речь шла о «Тихом Доне».— *К. П.*) спасло произведение»[26].

Учитывая постоянную дезинформацию в буржуазной прессе, мы оцениваем подобные проблески в статьях зарубежных авторов, как приближение к истине, как поворот к более объективному, исторически правдивому познанию и освещению вопросов нашей истории и современности. Процесс пересмотра ошибочных представлений о наших писателях, литературе и жизни, процесс разрушения и выветривания буржуазных догм и понятий о Стране Советов, как и рождение новых взглядов, требует своего времени, терпения и доброй воли.

Жизнь подтверждает каждодневно, что этот исторический процесс развивается. Шолохов находится на передовых позициях века, оказывая огромное и плодотворное воздействие на читателей: в деревне и городе, в редакциях буржуазных газет и профсоюзах, в колледжах, университетах и литературных кругах.

Об этом хорошо рассказала Сиркка Лассила в репортаже на страницах журнала «Кува пости» в августе 1962 года о встрече М. А. Шолохова с большой группой финских писателей и журналистов. Деловито, уважительным тоном сотрудник редакции разъясняет, каков автор «Тихого Дона» как человек: «...Он очень спокойный, очень дружелюбный, очень мягкий, чуждый бравады и суеты. Бравада и Шолохов — не уживаются. Человек этот никогда не заботился о шуме барабанов славы, также о претенциозной жизни. Он — скромный человек. И тем не менее он находится в авангарде писателей мира! В настоящее время он первый писатель Советского Союза»[27].

Достойное признание! Редакция заверяет своих читателей, что «вечерняя беседа шла свободно, бодро, с юмором», что «Шолохов выразил надежду на визит финских писателей в СССР».

Видимо, Шолохов произвел на финских писателей колоссальное впечатление, и у них между собой возникли споры о нем, ибо в конце репортажа Сиркка Лассила сочла необходимым об этом сказать так: «Возможно, не одному финну во время беседы пришла в голову мысль, высказанная несколько позже критиком Тимо Тиусанен: «Как велик мог бы быть Шолохов, если бы он жил на обетовáнном Западе!» И редакция «Кува пости» на эти суетные восклицания, свидетельствующие о совершенном непонимании величия Шолохова, дала ясный и многозна-

чащий ответ: «Напрасное предположение! Казак не может вырасти в Конго или на Кунгсгатан*, и если не Шолохов, то кто-то другой должен был бы воспеть родной край, свой народ, его нравы и судьбы последних десятилетий!..»[28]

Да, такова закономерность истории. Народ-исполин в великих борениях выдвигает и своих бессмертных Боянов!

Новые веяния и суждения о нашей литературе и Шолохове мы находим и в журнале кооперативного движения «Кулуттая» (1963 г.). Неоднократно выступая со статьями о «Тихом Доне» и «Поднятой целине», редакция журнала в 1963 году опубликовала большое интервью М. А. Шолохова о встречах с финскими писателями и его решительном осуждении моды на модернизм и порнографию в искусстве Запада. Редакция «Кулуттая» в своем вступлении к интервью, полностью поддерживая позицию Шолохова, дает глубокое определение значимости творчества советского писателя и его вклада в мировую литературу: «Стиль Шолохова,— читаем мы в «Кулуттая»,— отличается могучим реализмом. Его герои — это плоть и кровь людская, а их сложные и трудные судьбы обрамлены нежной лиричностью, погружены в трепетную, искрящуюся ароматную природу и своеобразную безграничность во времени... «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — это эпосы, автор которых останется навсегда в «академии бессмертных»[29].

IV

Пути прояснения истины всегда трудны и тернисты... И в Финляндии за 40 лет со времени появления первых переводов книг Шолохова было истрачено много чернил и бумаги на опровержение всей советской литературы и метода социалистического реализма! Непризнание нашего метода в искусстве было, как говорится, альфой и омегой в статьях буржуазной прессы и радио.

Но вот в Стокгольме 15 октября 1965 года состоялось присуждение М. А. Шолохову Нобелевской премии. Это решение Шведской академии ничего нового не открыло, как об этом справедливо писали многие коммунистические газеты, в том числе аргентинская «Нуэстра палабра»[30] и французская «Юманите»[31], а лишь подтвердило выдающиеся достижения Шолохова, которые уже раньше получили мировое признание. Тем не менее вот это присуждение Шолохову Нобелевской премии внезапно подвело черту литературным спорам и вызвало новую полемику вокруг «Тихого Дона» и метода социалистического реализма на страницах газет всех стран мира, в том числе и Финляндии.

* Кунгсгатан — Королевская улица, главная улица Стокгольма.

Как же отнеслась финская пресса к этому событию?

Коммунистическая «Кансан Уутисет», приветствуя присуждение Шолохову Нобелевской премии, заявила: «...Великий Шолохов... мог бы ее получить еще в 1928 году, когда вышли в свет первые книги «Тихого Дона»... но присуждение затянулось на десятки лет из-за дискриминации...»[32]

Редакция главной газеты социал-демократов «Суоми Сосиалдемокраатти» не выразила каких-либо чувств и ни слова не сказала о факте длительной дискриминации советских писателей.

Стараясь соблюсти приличие перед читателями, редакция «Суоми Сосиалдемокраатти» поместила на 6-й странице отклики писателей Э. Суолахти и М. Ларни и бесталанную, лживую статью с бесцветным заголовком «Новейший нобелист» некой Анниты Конкка. Мимоходом назвав Шолохова «продолжателем традиций классиков», в том же абзаце критик повторяет тезисы заокеанских «шолоховедов», что, мол, все же «он не смог создать такие остающиеся в памяти образы, как его великие предшественники». Ничего не поняв в эпосе о русской революции, А. Конкка извращенно трактует «Тихий Дон» всего лишь как «универсальный протест против войны». Она приписывает Шолохову некую внеклассовую позицию «над схваткой», будто в романе он «не выступает ни за белых, ни за красных». Критик полагает, что в «Тихом Доне» заложен «универсальный протест» советского писателя и против войны... красных, то есть против революционной, справедливой, освободительной гражданской войны трудового народа России. Но это уж прямая фальсификация! Тезис А. Конкка об «универсальном протесте» — типично социал-демократический, навеянный каутскианским отвержением нашей пролетарской революции, Советской власти и социалистического гуманизма. И там же критик пишет, будто в «Тихом Доне» «Шолохов строго не придерживается социалистического реализма», а «в романе «Они сражались за Родину» — вернулся к простому реализму»[33].

Главная газета коалиционной партии «Ууси Суоми», трезво оценивая сложившуюся ситуацию, без обиняков приветствовала решение Шведской академии (которое для многих было совершенно неожиданным) крупным ошеломляющим аншлагом: «Первая Нобелевская премия социалистического реализма!»

В большой статье авторитетного буржуазного критика Пекка Таркка, написанной со знанием предмета, подчеркнута историческая важность присуждения премии писателю-коммунисту. «...Значение награды Шолохова,— читаем мы в «Ууси Суоми» 16 октября 1965 года,— заключается в том, что Шведская академия впервые признает представителя направления искусства, называемого социалистическим реализмом!!!» Автор статьи

далее высказывает ряд интересных мыслей о преемственности традиций русского реализма, о народности искусства Шолохова и своем понимании нашего метода в литературе.

«Главный герой эпоса «Тихий Дон» Григорий Мелехов,— пишет П. Таркка,— не является последовательным человеком, так как он все время колеблется... Тем не менее социалистический реализм представлен в его образе, посредством коего «персонифицирован» решающий поворот общественного развития... Если Мелехов попадает в тупик, то это является следствием соответствующего исторического периода, в котором он живет. То, что является изъяном его жизни, компенсируется в фигуре Давыдова, который энергично ведет людей в будущее на основе марксистского мировоззрения». И П. Таркка разъясняет финским читателям, что в настоящее время именно «так в большей части мира понимают значение романов Шолохова и повсюду признают их достижения». Более того, по мнению П. Таркка, теперь «понятие социалистического реализма, его позитивный герой вызвали на Западе новый интерес. И в том, в чем раньше видели только спрятанную смирительную рубашку литературной политики, теперь обнаруживают определенную сферу искусства, которая, вне сомнения, не очень сильно ограничена». В заключение П. Таркка говорит, что «у Шолохова чаяния народа и мысль обновления неразделимы друг от друга» и что «в тематике донского эпоса, во всей его атмосфере воплощается тот союз народа и идей, о котором мечтал Лев Толстой»[34]. В статье П. Таркка есть некоторые неточности, но в главном он проявил похвальную зоркость, честность и демократичность своей позиции.

Крупнейшая газета Финляндии «Хельсингин саномат» в эти дни уделила много места материалам о Шолохове с доброжелательными откликами. Так, 16 октября под заголовками «Присуждение премии Шолохову встречено положительно» газета публикует приветствия писателей Мартти Ларни, Эйно Суолахти, Карл-Фредрика Санделина и Вяйне Линна. В своем комментарии редакция пишет: «В литературных кругах явно рады и вовсе не удивлены тому, что Нобелевская премия по литературе в этом году присуждена Михаилу Шолохову»[35]. Однако редакция этой газеты сочла возможным в этом номере поместить статью писателя Вяйне Кристина, в которой он расписывается в своем непонимании сущности «Тихого Дона» и «Поднятой целины» и тщетно пытается доказать превосходство «Гроздьев гнева» Стейнбека над шолоховским эпосом. Пустое и неблагодарное занятие!..

Наряду с этим в Финляндии нашлись газеты, вовсе обошедшие вопрос о значении награды, как, например, «Аамулехти» (г. Тампере), которая (в статье критика У. Лагеркранца) опу-

бликовала «открытие» — якобы роман «Тихий Дон» автором так много раз переделывался, что лишь к 1965 году — «к своей двадцать пятой годовщине (со времени выхода в свет IV тома) стал образцом искусства»[36], и его, наконец, наградили.

Как говорится, комментарии излишни!..

Наиболее правдиво и объективно, с глубокой любовью к Шолохову по этому поводу откликнулась финская коммунистическая газета «Кансан Утисет». В номере от 16 октября 1965 года редакция газеты опубликовала большую статью критика Маргариты Ромберг и портрет М. А. Шолохова с кратким сообщением о присуждении ему Нобелевской премии, подчеркивая, что «в литературных кругах всего мира эту награду ожидали в течение 15—20 лет!» А в номере этой газеты от 17 октября 1965 года напечатаны отклики писателей: *«СССР.* Илья Эренбург: «Я рад. Мне нечего к этому добавить!...», *«Франция.* Академик Анри Труайа: «Безгранично восхищаюсь Шолоховым...», *«Финляндия.* Мартти Ларни: «На этот раз Нобелевская премия досталась заслужившему ее человеку. Михаил Шолохов, безусловно, является одним из тех мастеров прозы, которые по достоинству стоят в когорте бессмертных...», *«Финляндия.* Эйно Суолахти: «Тихий Дон» относится к серии великих романов мира. Шолохов — выдающийся современник — продолжатель традиций великих русских реалистов. Я уже много лет желал присуждения ему Нобелевской премии...», *«Финляндия.* Майя Савутие (издательство «Каксанкульттуури»): «Этого события ждали много лет... Бесспорно, Шолохов является одним из самых ярких, самобытных и сильных художников слова. Я рада!»[37]

«Эстетики меняются,— писала в яркой, полемической статье Маргарита Ромберг,— и классический роман, по мнению современных читателей, является уже анахронизмом,— а Шолохов остается! И его славе не видно конца! Стефан Цвейг, современник Шолохова, тоже известный, по мнению многих читателей нашего поколения, уже запылился, не говоря уже о романистах прошлого века, традиции которых Шолохов — надо с этим согласиться! — продолжил. Почему же так? — ставит вопрос критик и отвечает: — Потому, что «Тихий Дон» — это эпос казачьего народа, лирика пейзажей Дона, драма кровавых классовых битв и чудовищных столкновений буржуазного и социалистического мировоззрений. В этом смысле он не имеет себе равных в мировой истории... Он написал правду о начале Советской власти!.. И он проживет дольше, чем «отражатели» разных времен и обществ!»[38]

* * *

Известный финский писатель Мартти Ларни, не раз встречавшийся с М. А. Шолоховым в Финляндии и в станице Вешенской, много сделал у себя на родине для пропаганды его творчества как в прессе, так и по радио. В ноябре 1965 года в финской и советской печати появилась статья М. Ларни «Достойный восхищения», в которой знаменитый сатирик, защищая нашего земляка-лауреата от нападок реакционной прессы и лживых обвинений в шовинизме, заявил: «Михаил Шолохов — человек-патриот, и поэтому он так хорошо понимает и мой патриотизм. А это, в свою очередь, приводит нас к взаимопониманию и уважению национальных ценностей»[39].

Подводя итог всем спорам и суждениям в финской прессе, Мартти Ларни назвал Шолохова посланником советской культуры, провозвестником нового реализма, по-своему определив значение его творчества в развитии мировой литературы: «Главный герой его произведений — сама правда... Жизнь он видит и воспринимает как реалистическую драму, в которой главная роль отведена человечности... В этом одно из объяснений его мировой славы. Произведение, несущее на себе печать национального колорита, имеет право на международное признание. «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», по сути дела, уже не являются достоянием одного Советского Союза, это — дар всему миру»[40].

12 Заказ 37

ШВЕЦИЯ

I

В конце лета 1930 года в Стокгольме появилась новинка — «Тихо течет Дон»[1]. На ее обложке была изображена русская женщина с коромыслом на плечах на фоне искрящейся под солнцем величественной реки. Книга эта была выпущена издательством «Тиден» в переводе Давида Белина тиражом 3000 экземпляров.

Буржуазная газета «Дагенс нюхетер» (в ту пору — не то что ныне — известная своим либерализмом), пожалуй, первая выступила 21 октября 1930 года с заметкой «Эпос о казаках». Ее автор, следуя древнеримскому изречению «multum, non multa», сказал многое в немногих словах.

«Я не знаю, кичится ли Михаил Шолохов титулом революционного писателя,— отмечал некий «С. А. В.».— И все же очень хорошо, что неведомый нам творец «Тихого Дона» М. Шолохов не только коммунист, но и поэт!.. Шолохов — это эпик, писатель-летописец, унаследовавший силу и свежесть старой русской прозы. Его роман — это казацкий эпос, широкая, сочная история Дона, живое и красочное изображение жизни донского казачества, с его буднями и праздниками, полевыми работами, сватовством и свадьбами, с казачьей лагерной службой, с танцами и драками между казаками и украинцами. Величаво и спокойно течет русский тихий Дон через весь эпос, он безразличен к переменам времени, он символ сущности жизни: вечно человечной и вечно бесчеловечной...»[2]

В этой заметке есть спорные, неясные суждения, но оценка эта, несомненно, доброжелательная и весомая.

Другая влиятельная газета — «Свенска дагбладет», орган консервативной партии — в ноябре 1930 года напечатала статью «Выдающийся роман о казаках». Автор рецензии «Е. В. О.», «проглотив книгу с необычайным наслаждением», полагал, что «первая книга «Тихого Дона» Шолохова является предисловием к истории того, как новая Россия родилась из старой», что «главная линия романа дает представление о неуравновешенности и сильных страстях народа, одинаково влюбленного и в соху, и в саблю», что «самое сильное в книге — это описание казачьих будней». По своей наивности, а может, из неприязни

к советской революции, рецензент утверждал, что в романе «Тихий Дон» абсолютно неестественными являются главы о революционном огне, воспламенившем известные слои русского общества, огне, который заставил казака Григория Мелехова (после бесед с большевиком Гаранжой! — *К. П.*) возненавидеть помещиков и буржуев»[3].

Самым вдумчивым и глубоким является, на наш взгляд, выступление некоего «И. П.» в газете «Социаль-демократен» 27 ноября 1930 года.

«Открыть книгу неизвестного до этого автора и обнаружить, что перед тобою великолепное произведение искусства, сверкающее жизнью, почти что самой грубой действительностью, и открыть для себя врата к жизни и существованию почти неизвестного тебе народа — это событие, которое бывает не ежедневно. Изумительный роман о казаках Михаила Шолохова «Тихий Дон» дает нам это событие в руки! — так начинается рецензия «Донские казаки» в «Социаль-демократен».— Реализм Шолохова наг и неприкрашен, но он свеж, и в нем нет болезненной сенсационности».

И, словно предвидя горестную судьбу «Тихого Дона» в Лондоне, этот критик, между прочим, сказал: «В Англии этому роману будет горько от цензуры!» Далее критик тонко подметил, что «в окопах первой мировой войны казак Григорий открывает в себе идеи и душевные движения, которые дома, на хуторе Татарском, ему были чужды», что именно «на фронте у него раскрываются глаза на то, что он воюет во славу богачей, чтобы буржуев сделать еще более богатыми», что «его прежние понятия о царе, родине, казацком долге — ломаются», что он «начинает понимать ужасную бессмысленность войны и терзается от революционного огня (пожара), который пробивается в его душу и не дает ему спать... И где будет стоять полюбившийся нам герой Григорий, когда грянет буря,— нам понятно!..»[4]

II

Вторая книга «Тихого Дона» вышла в свет на шведском языке год спустя (в переводе того же Давида Белина, в том же издательстве «Тиден») и вызвала в прессе весьма разноречивые суждения и оценки.

Все тот же критик «С. А. В.» выступил 1 декабря 1931 года в газете «Дагенс нюхетер» со статьей «Казацкая хроника», в которой отметил невиданный успех «Тихого Дона» у шведских читателей. Восхищаясь яркой художественной самобытностью, подчеркивая историческое содержание романа, критик полагает, что во второй книге «эпоса меньше, преобладают документы и хроника об участии казаков в революции... Вторая книга

«Тихого Дона» не вызовет интереса у людей с нервами барышни — казаки теперь не ухажеры! Но тот, кто, несмотря ни на что, интересуется главой всемирной истории, носящей название «Русская революция», никогда не пройдет мимо этой книги, где так много самой живой истории. Здесь и Корнилов с его неудавшимся заговором против Керенского, здесь и Каледин, казацкий генерал, кончающий самоубийством, здесь и кровавые бои между казаками и большевиками... Великий пафос Михаила Шолохова — сама действительность, а она стала более жестокой»[5].

Консервативная же газета «Свенска дагбладет» 21 октября 1931 года в рецензии «Восстание на Дону» предупреждает читателей, что «вторая книга романа их разочарует», так как в ней изображен «кошмар заражения России большевизмом», когда «силы Керенского ослабли, а казаки начинают верить Ленину, возвратившемуся в Петроград». Автор рецензии упрекает Шолохова в «историзме и подчинении официальной точке зрения большевиков». Хотя «в этой книге есть сцены, написанные с необыкновенной зоркостью и захватывающей силой», но в целом, рассуждает автор, «подобный гибрид — роман-история, чтобы иметь успех, требует большого писательского блеска». Отсюда Шолохов — «жертва тенденциозного творчества, живое доказательство того, что искусство гибнет, когда его взбадривают партийной программой»[6].

Прогрессивные люди искали правду о романе в других источниках. Например, в рабочей газете «Арбетарбладет».

«Тихий Дон»,— читаем в редакционной статье от 18 декабря 1931 года,— надо рассматривать, как великий эпос о казаках. Их мирная жизнь, как земледельцев, в своеобразно сложившихся общественных условиях, их участие в первой мировой войне, выколачивание зерна из скупой земли женщинами и стариками в поле у любимого Дона — поражают!.. Книга прежде всего приковывает внимание богатейшим запасом глубокой человечности... Первая книга так тщательно закончена, что можно лишь удивляться тому, что писатель сумел высечь из своего сердца новые описания. Они получили иной характер... Но оригинально здесь то, что новая книга посвящена массам и это уже эпос о революции, а не об отдельных героях, что свидетельствует о сильно развитом чувстве коллективизма в Советской России»[7].

К этому мы можем добавить заметку венгерского политэмигранта Людвига Сюча, который летом 1931 года был проездом в Швеции, а позже, в мае 1935 года, писал, что в шведском издании «Тихого Дона» изъяты некоторые главы и казачьи песни. Есть и беллетристическая, не совсем обычная заметка, что 1 августа 1931 года в Стокгольме у него произошла встре-

ча с «Тихим Доном» на антивоенной демонстрации. «Одна колонна демонстрантов,— писал Л. Сюч,— несла плакат «Требуем выезда в СССР!». Эти люди шли с вилами и косами и пели «Интернационал». Я присоединился к ним. Я не мог их обойти. Они говорили по-шведски и по-русски. И там я у некоторых увидел в руках шведское издание «Тихого Дона». Это были шведы, кажется, со времен Петра I жившие возле г. Херсона, на Днепре. В 1929 году, как я от них узнал, они бежали от коллективизации, а теперь рвались в СССР. Организатор демонстрации батрак Петр Кнутас, который в Швеции вступил в компартию, сказал мне: «Два года мы тут ходили в заколдованном круге — в ярме. Нужда. Бесправие. Безземелье. А там, у Днепра, мы бросили истинно золотой берег, прекрасные черноземы и красный флаг на своем сельсовете. Как нас черт занес сюда — не спрашивай. Сдуру, бросив живое на берегу Днепра, мы пошли искать в Швецию мертвое. В нужде буржуи хотели согнуть нас в бараний рог. Но двое русских помогли нам опомниться».— «Кто же эти русские?» — «А это Гоголь с его «Тарасом Бульбой» и Шолохов — с «Тихим Доном»,— ответил Петр Кнутас.— Вот тут, в ярме и неволе, заново вчитались мы в эти книги, и потянуло нас домой, на истинную нашу родину — в СССР...»* Они действительно вернулись на советскую землю.

Людвиг Сюч»[8].

III

Книги Шолохова расходились очень быстро. Первый том в 1930 году был издан пять раз, второй — в 1931 году — четыре раза. Как сообщил нам доктор Стаффан Даль из Королевской библиотеки, «Тихий Дон» у них с 1930 по 1943 год был издан 11 раз[9].

Социал-демократическая газета «Стокгольмс тиднинген — Стокгольмс дагбладет» еще в 1934 году писала об авторитете Шолохова в Швеции так: «Этот великий писатель новой России достиг у нас наибольшей популярности. Его роман «Тихий Дон» вышел здесь огромными тиражами. У себя дома Шолохов стоит сразу после М. Горького»[10].

Появление в продаже третьей книги казачьей эпопеи в 1934 году и «Поднятой целины» в 1935 году еще больше подняло авторитет писателя, о нем уже говорила пресса всего мира.

---

* 19 августа 1931 г. батраки-колонисты прибыли в Ленинград, а затем выехали на Украину, в свое Старошведское село близ Херсона и создали колхоз. Об этом событии в конце 1931 г. издательство «Прибой» выпустило брошюру Мих. Васильева «Два года в Европе».

Вопреки некоторым тенденциозным выступлениям безвестных рецензентов реакционных газет против Шолохова в либеральной и социал-демократической прессе мы находим много статей в его защиту.

Так, например, редакция газеты «Арбетет» 18 октября 1934 года в рецензии на третью книгу перед самым приездом Шолохова в Швецию писала: «Тихий Дон» значителен не только по своим качествам эпоса и реалистического романа, но и по своим глубоким психологическим описаниям, богатым чудесными, разящими наблюдениями как в отношении особой психологии казаков, так и человека вообще. Уже сейчас еще неоконченный роман представляется одним из самых важнейших вкладов в новую русскую литературу»[11].

Выступавшие тогда в прессе писатели и критики отмечали самобытный эпический талант Шолохова. Известный поэт Йоханнес Эдфельт в статье «Казачий эпос» восхищался третьей книгой: «Это широкая и сочная хроника сразу же открыла врожденного эпического поэта, реалистическое искусство которого сравнимо с искусством многих великих русских писателей. «Тихий Дон» характерен спонтанно гениальной радостью повествования»[12].

Шведские писатели в своих высказываниях о «Тихом Доне» всякий раз подчеркивали его гуманизм, объективность и народность. Йоханнес Эдфельт в другой статье «Тихий Дон» не стареет», давая оценку седьмой части романа и прослеживая мучительные колебания Григория Мелехова, отмечает: «Остро, сильно и больно он сознает свою связь с народом и чувствует отвращение к белым снобам-генералам... Образы Григория, Натальи и Аксиньи глубоко народны и неповторимы. И в этой части романа Шолохов еще раз показал, какой он большой жизнеспособный художник. Он, как никто, может проникнуть в сознание определенной группы народа, понять и показать его во всех закутках и раскрыть самые приглушенные голоса с изумительными оттенками. Об этом уже говорено не раз. Но это заслуживает того, чтобы быть подчеркнутым еще раз»[13].

Литератор Стиг Альгрен начинает богатую тонкими наблюдениями и сопоставлениями статью так: «Шолохов вдохновил нашего писателя Ивара Лу-Юханссона написать роман «Спокойной ночи, земля». И вдохновит еще многих... Чрезвычайно редко встречаются книги с таким огромным регистром. Мастерская лепка характеров, точность и удивительная новизна метафоры и детали, объективность в изображении противоборствующих сил, кровь и желчь на каждой из сторон, но это кажется естественным, ибо писатель дает нам почувствовать, что из этой кровавой бойни выйдет новое, живое... Григорий — хороший степной язычник, сын природы. Его конфликты — нераз-

решимы... У Шолохова все это дано так страстно, по-язычески обнаженно и невыносимо, как у Шекспира»[14].

Известный писатель Ивар Лу-Юханссон в большой статье о четвертой книге «Тихого Дона» в газете «Моргон дагбладет» (1940) отмечал «исключительную человечность романа Шолохова»; «сцена встречи Григория с вдовой-зовуткой, побег с Аксиньей, ее гибель и похороны делают эту книгу одним из великих описаний любви в современной литературе». «Тихий Дон» — один из самых живых эпических романов нашего времени»...»[15].

Мы хотим еще раз отметить, что социал-демократическая пресса Швеции, в отличие от немецкой, австрийской, голландской, высказывалась о творчестве Шолохова с глубоким уважением и признанием его значимости для всего человечества.

В ноябре 1942 года, когда в Швеции вышло в свет четырехтомное издание «Тихого Дона», газета «Социаль-демократен» напечатала большую и яркую статью своего критика «И. П.» под названием «Законченный шедевр». Давая решительный отпор некоему критику Фредрику Бёеку и ему подобным, которые именовали советскую литературу и «Тихий Дон» «красной пропагандой», газета «Социаль-демократен» находит, что «Шолохов блестяще объединил в «Тихом Доне» объективизм реализма с истинной русской лирикой, которая придает описанию действительности особое звучание и поднимается до великих человеческих перспектив. В будущем замечательное творение Шолохова займет место рядом с романом Толстого «Война и мир». «Тихий Дон» является человеческим и историческим документом, который нельзя будет обойти, когда в грядущие годы люди спросят, как жили страдавшие, мужественные люди южнорусских степей во времена тяжелых испытаний от первой мировой войны до начала 20-х годов»[16]. В спокойных тонах, по-научному деловито анализирует путь Григория Мелехова, как «труженика земли, искателя правды, как честную и храбрую душу».

Важно отметить, что эта же газета «Социаль-демократен» наперекор многим буржуазным органам печати в 1935 году решительно выступила в защиту первой книги романа «Поднятая целина».

В статье Эрика Бломберга «Новый роман Шолохова о жизни крестьян» (пожалуй, впервые в шведской прессе) благожелательно ведется речь о «социалистическом реализме, изображающем коллективные творческие силы общества и обязывающем писателя активно вторгаться в дело социального преобразования... Так вот роман о коллективизации «Поднятая целина» и называется выражением нового дыхания, творческого содружества между землею, трудом и творчеством людей — социалистическим реализмом в действии»[17].

IV

В конце 1934 года М. А. Шолохов посетил Швецию. Как сообщили «Известия» (21 декабря 1934 г.), «шведская печать проявила большой интерес к писателю Шолохову», публикуя его интервью и подчеркивая в своих статьях популярность писателя не только в СССР.

Казалось, визит Шолохова и тот интерес, который вызвало его творчество за рубежом, заставят шведских литераторов — знатоков русского языка — обратить внимание на качество перевода «Тихого Дона» и на соответствие его русскому оригиналу. Однако этого не случилось. Видимо, все рецензенты были довольны переводом «Тихого Дона». Писатель Ивар Лу-Юхансон в газете «Ню Даглигт Аллеханден» заметил: «Интуитивно веришь в то, что перевод сделан человеком, который является значительным писателем... Подобный перевод сам по себе бо́льшее художественное произведение, нежели многие обычные шведские романы в оригинале»[18].

Мнение это с годами укрепилось, и текст перевода Давида Белина канонизировали. Между тем в нем есть серьезные изъяны. В упомянутой выше заметке венгра Л. Сюча было отмечено, что в шведском переводе «Тихого Дона» сокращены многие песни и некоторые главы романа. Проверить текст перевода было трудно из-за отсутствия в библиотеках Москвы первых шведских изданий. На мой запрос заместитель директора Королевской библиотеки в Стокгольме Стаффан Даль, доктор русской филологии и переводчик «Лазоревой степи» Шолохова на шведский язык, в письме от 9 января 1965 года подтвердил, что «перевод «Тихого Дона» сделан умело, но немножно своевольно. Так, например, в нем нет казачьих песен, пословиц и кое-где переводчик сделал сокращения»[19].

На мои запросы по этому поводу генеральный директор «Тиден форлаг» мистер Бент Кристель весной 1966 года прислал образцы новых изданий книг Шолохова и сообщил: «Переводчик «Тихого Дона» Д. Белин жив и отрицает, что он сделал какие-то исключения (сокращения) из первого издания «Тихого Дона»... Мы в принципе против сокращений, но считаем, что в отдельных случаях они все же оправданы... Однако и в таких случаях их, конечно, надо делать с разрешения писателя. Мы считаем неприемлемым любое произвольное вмешательство в работу писателя. Мы использовали самый первый текст Михаила Шолохова, а последующие издания «Тихого Дона» были просто перепечатками первого выпуска»[20].

Несомненно, мы были рады установлению контактов с издательством «Тиден» и весьма признательны директору Б. Кристелю за присланные книги и статьи. Но его ответ нас не

удовлетворил. Пришлось продолжить литературный розыск, чтобы выяснить, в каком же виде шведы издают «Тихий Дон». В связи с этим я послал Королевской библиотеке в Стокгольм советское иллюстрированное издание романа и попросил их прислать давно разыскиваемое 12-е издание 1957 года. Роман был прислан. В нем — предисловие М. Шолохова, вот его полный текст:

«К моим шведским читателям.

Давным-давно, еще будучи юным гимназистом, я мечтал побывать в Скандинавии. Тогда, в отличие от моих сверстников, меня не искушали тропические страны — меня более влек к себе Север. Ведь уже тогда я зачитывался и был восхищен книгами Лагерлеф, Стриндберга, Гамсуна, а через них — и самой Скандинавией.

Впоследствии, уже взрослым человеком гостя в Швеции, я всегда оставался влюбленным в вашу суровую природу, в вашу флору и в ваш храбрый и трудолюбивый народ. И теперь, когда я во второй раз посетил вашу прекрасную страну, во мне вновь ожили те самые чувства. Дорогие для меня эти воспоминания, конечно, останутся со мной до конца моей жизни.

Покидая вашу страну, я чувствую легкую грусть, которая всегда сопутствует расставанию с тем, что крепко любишь. Но в то же время я ощущаю и радость. Ведь в ваших руках остаются мои книги, которые расскажут вам о людях России, живущих далеко от вас, о людях, которые тоже страдают, тоже любят, тоже ненавидят, и каждый из них был также несчастлив или счастлив, как и люди вашей земли.

Частица моего сердца, моей мысли и моего труда остается с вами, и это смягчает грусть и скорбь моего расставания со Швецией и ее дружественным народом.

Я желаю вам мира и счастья!

Стокгольм, Ваш *М. Шолохов*»[21].
2 июля 1957 г.

На яркой цветной суперобложке помещены фотография писателя, краткая биографическая справка и аннотация к роману.

«Тихий Дон»,— сообщает своим читателям издательство «Тиден»,— это классическое, огромной силы реалистическое произведение... Шолохов мастерски изображает, как в наше время новые идеи незаметно проникали в человеческие сердца, находя свое проявление в чувствах и песнях, как среди развалин старого мира появлялись ростки новой жизни... Свидетельством величия реализма Шолохова является и то, что он не выдумывает своих врагов и героев в «Тихом Доне», а живописует их из своей жизни. Это — исповедь человеческая»[22].

* * *

Приятно было держать в руках эти прекрасно изданные томики «Тихого Дона» с иллюстрациями русского художника О. Верейского. Радовало предисловие с факсимиле писателя. Заслуживала внимания и одобрения правдивая издательская аттестация «Тихому Дону» и его автору. Внушительно выглядела строчка — 12-е издание романа!

Вскоре, по просьбе переводчика Д. Белина, директор Стокгольмской городской библиотеки Ларс Тюнель подарил нам совершенно уникальный экземпляр первого шведского издания «Тихого Дона» (1930). И теперь мы смогли, наконец, достоверно сличить перевод Давида Белина с шолоховскими оригиналами 1928 и 1956 годов.

Прежде всего отметим, что шведские 1-е и 12-е издания «Тихого Дона» фототипически идентичны, строка в строку. Сверка оригинала с переводом подтвердила правоту венгерского политэмигранта Л. Сюча: издательство «Тиден» в «Тихом Доне» произвело значительные изъятия.

Действительно, в первой части романа мы не находим IV и VI глав русского оригинала. У Давида Белина первая часть имеет 21 главу и заканчивается сценой пляски Мирона Григорьевича Коршунова со свахой Ильиничной (матерью Григория). Последняя фраза перевода Д. Белина выглядит так: «И еще люди пили и плясали до самого утра следующего дня»[23].

Но в русском оригинале первая часть имеет 23 главы и в тексте Шолохова завершается яркой сценой воспоминаний деда Гришаки и вахмистра Богатырева о том, как они воевали с турками[24]. Однако в шведских изданиях этот эпизод вычеркнут.

Во второй части романа изъяли: VII главу — сход в хуторе Татарском и рассказ Авдеича Бреха, как он в «Санкт-Петербурге разбойника споймал»; XV главу — тоскливое житье Натальи в родительском доме; XVII главу — охота пана Листницкого на волка и неожиданная встреча там Григория со Степаном Астаховым[25].

В пятой части из XXVIII главы изъяты постановление белогвардейского военно-полевого суда от 27 апреля старого стиля 1918 года и список бойцов отряда Подтелкова, казненных в хуторе Пономареве.

Как уже упоминалось, в тексте романа сокращено или оборвано на полуслове много пословиц, изъяты почти все служивские, бытовые и обрядовые песни. Так, например, в III главе первой части есть песнь «Колода-дуда, иде ж ты была?» В шведском переводе более половины ее текста со слов «А иде ж твой конь?» и до конца выброшено[26].

В переводе имеются и сокращения политического характера.

Например, во второй части, в IX главе Христоня рассказывает Штокману эпизод, как однажды в Петербурге студенты подарили казакам портрет Карла Маркса[27]. В шведском издании переводчик, в последней фразе Христони, вычеркнув имя «Карл», политически извратил ее смысл[28].

И это далеко не полный перечень сокращений и изъятий, что никак нельзя считать доблестью переводчика и издательства «Тиден».

К тому же им следовало знать о том, что много поправок в текст романа, особенно во вторую книгу «Тихого Дона», внес сам Шолохов. В частности, в четвертой части романа автор изъял в главе I ссылку на Маркса и во многом сократил цитату из статьи Ленина[29]. Из пятой части Шолохов давно изъял XXV главу, в которой Анна Погудко признается Бунчуку в своей беременности, из XXVI главы убрал последний абзац, снижающий образ Бунчука в его скорби после гибели Анны, из XXVII главы убрал «сцену с Зинкой»[30], а также добавил в начало IX главы пятой части обнаруженную в архивах документальную запись речи Подтелкова на митинге в ст. Каменской, где он сказал: «Выходит, значит, что и я большевик, хотя в партию большевиков и не записан»[31].

Надо было ожидать, что руководители шведского издательства «Тиден», задумав в 1957 году выпустить 12-е издание «Тихого Дона» с предисловием М. Шолохова, исправят свои ошибки и внесут поправки автора. Но мы этого, к сожалению, не обнаруживаем.

V

В послевоенный период полемика вокруг творчества Шолохова приобрела особую остроту в связи с вторжением на Скандинавский полуостров циклонов «холодной войны». Буржуазные газеты «Дагенс нюхетер», «Свенска дагбладет», «Экспрессен», социал-демократическая «Стокгольмс тидниген» и другие стали яростно выступать против литературы социалистического реализма.

Но в это время в Швеции появились и новые творческие люди, которые с прогрессивных позиций защищали достижения советской литературы. В 1947 году в Стокгольме критик Свен Сторк выпустил книгу «Современные русские писатели», один из очерков в ней посвящен автору «Тихого Дона».

«Шолохов,— пишет С. Сторк,— крупнейший талант, которого выдвинул русский народ в мировую литературу после М. Горького. Никто из современных русских писателей не завоевал такой известности у себя на Родине и за границей, как Шолохов». По мнению С. Сторка, главные особенности его твор-

чества — народность, гуманизм, историческая перспективность. «Для Шолохова характерно то, что в своем творчестве он сосредоточил внимание на решающих исторических событиях последних десятилетий русской истории — первая мировая война, революция, гражданская война, затем, в начале 30-х годов,— коллективизация русской деревни и, наконец, немецко-русская война, события которой взяты в основу еще не законченного эпоса «Они сражались за Родину».

Отмечая новаторское развитие Шолоховым эпических традиций русской классики (Гоголя, Л. Толстого), С. Сторк тонко подмечает философскую новизну и глубину «Тихого Дона», в котором писатель-коммунист «не ограничивается изображением и анализом общественных и личных конфликтов, а указывает пути к их разрешению. Несмотря на трагическую судьбу главных героев, роман «Тихий Дон» весь озарен глубоким и жизнеутверждающим оптимизмом».

Касается С. Сторк и судьбы главных героев «Тихого Дона». «Русские женщины в «Тихом Доне»,— по его мнению,— являются достойным продолжением незабываемых женских образов Льва Толстого и Тургенева...»[32]

* * *

Здесь нелишне отметить, что впервые «Поднятая целина» (кн. I) в переводе Давида Белина была выпущена издательством «Тиден»[33] в 1935 году крошечным тиражом — 2150 экземпляров. Тогда же литератор Эрик Бломберг выступил со статьями о Шолохове в газетах «Социаль-демократен», что отмечено выше, и в «Ню даг», где писал: «Михаил Шолохов, как никто другой, достоин Нобелевской премии, которая должна присуждаться как за художественные достоинства, так и за высокую идейность»[34].

С. Сторк, в свою очередь, отмечал следующее: «Поднятая целина» бесспорно лучший и наиболее полнокровный из многих советских романов о коллективизации, это ценнейшее произведение советской литературы». Цитируя отзыв шведского поэта и публициста Эрика Бломберга («Ню даг», 1935)), С. Сторк подчеркивал, что «Поднятая целина» есть наилучший образец социалистического реализма в литературе»[35].

Но буржуазная пресса в рецензиях решительно выступила против романа о коллективизации. А с годами давление реакционных кругов на литературном фронте Швеции так возросло, что издательство «Тиден» осмелилось выпустить второе и третье издания этого романа лишь после разгрома фашизма — в 1945 году общим тиражом 7650 экземпляров, четвертое издание — в 1948 году и самое большое по тиражу — 20 000 экземпляров — 1959-м.

Вторая книга «Поднятой целины» под названием «Жатва на Дону»[36] вышла в том же издательстве в 1961 году благодаря выдающейся переводчице советских произведений в Швеции — Карин де Лаваль. Кстати, в декабре 1967 года правительство СССР наградило Карин де Лаваль за плодотворную деятельность в переводах и пропаганде советской литературы орденом «Знак Почета».

Издательство «Тиден» в 1959 году на суперобложке первой книги «Поднятой целины» по-новому аттестовало Шолохова как крупнейшего представителя советской литературы, который «бесстрашно и объективно изображает действительность, когда русское земледелие только встало на путь коллективизации и когда русская белогвардейщина пыталась нанести свой удар Советам изнутри. Но казаки Гремячего Лога ликвидируют кулачество не физически, а экономически, конфискуя их имущество в колхоз... Коммунист Давыдов, прибывший в хутор, чтобы организовать колхоз, не специалист и не знаток земли. Но он преданный большевик, умный человек, решителен, как зверь, находчив в сумятице событий, ставит шайку контрреволюционеров под угрозу разоблачения. «Поднятая целина» повествует о трудном переломном периоде в русской истории. И Шолохов, владея богатейшим запасом юмора, создал жизнерадостный и увлекательный роман»[37].

Представляя читателям и вторую книгу «Поднятой целины», издательство «Тиден» в аннотации на суперобложке указывало: «Жатва на Дону» — это роман, вросший глубокими корнями в русскую народную жизнь и продолжающий традиции русской классики... Шолохов мастерски владеет своим материалом, разнообразнейшими средствами изображения и снова доказал, что он — выдающийся эпический поэт в современной советской литературе»[38].

Статьи Свена Сторка и аннотации к «Тихому Дону» и «Поднятой целине» издательства «Тиден» вызвали в Швеции в 1959—1961 годах немало откликов в социал-демократической буржуазной прессе.

Так, например, ряд статей напечатала социал-демократическая газета «Стокгольмс тидиинген». При всем внешне восторженном отношении к таланту писателя статьи проникнуты скепсисом, когда речь касается советской литературы в целом. Возьмем, к примеру, большую статью критика Сванте Фоерстера «Гигант Шолохов», напечатанную в этой газете 4 марта 1960 года. Он начал с измышлений о том, что знаменитый совхоз «Гигант» на Дону «потускнел и перестал быть знаменитым». Ему, как видно, неизвестно, что этот совхоз в 1942 году был сожжен и разорен фашистами и что после войны рабочий коллектив совхоза вновь занял место в строю лучших и пере-

довых хозяйств страны. Достаточно сказать, что в 1960 году «Гигант» собрал урожай в три с половиной миллиона пудов зерна при средней урожайности 23,3 центнера с гектара, а в 1970 году собрано зерна три миллиона восемьсот шестьдесят тысяч пудов при урожайности 27,3 центнера с гектара.

В этой статье критик С. Фоерстер откровенно пишет, что «прочел «Поднятую целину» с удивлением и восхищением». И там же сразу ставит знак сомнения: «Откуда и как мог появиться в красной России такой писатель?» Всякими домыслами критик старается оторвать «Тихий Дон» и «Поднятую целину» от нашей литературы, чтобы противопоставить Шолохова советским писателям. Анализируя действия Давыдова и сложность обстановки в период коллективизации, он вынужден признать, что коммунист-двадцатипятитысячник — «это отнюдь не одноплановый герой плакатного покроя» и Макар Нагульнов и хитроумная Лушка — заслуживают быть причисленными к разряду классических».

Порой С. Фоерстер высказывается реалистично, когда говорит, что «Поднятая целина» — это «роман о чистке Дона от кулаков и контрреволюционных заговоров», что в нем «много тепла, юмора и просто нежности» и что здесь «речь идет о большом настоящем искусстве, единстве противоположностей, самостоятельном мире добра и зла и переходе из одного в другое, об изменении, объединении и обновлении». Однако антисоветский тезис, что, мол, «у красных нет и не может быть шедевров искусства», выдает замысел критика, когда он в конце статьи восклицает: «А является ли «Поднятая целина» собственно коммунистическим романом?»[39]

Правдивость Шолохова, глубокое и всестороннее изображение борьбы нового со старым, смелую критику наших ошибок в деревне социал-демократы не первый раз пытались использовать против коммунизма, против СССР. Были такие попытки и у центрального органа шведских социал-демократов «Стокгольмс тиднинген». Газета, печатая небылицы о Советском Союзе, теряла все больше свой авторитет в массах и, наконец, утратив доверие в рядах рабочего класса, обанкротилась в феврале 1967 года и канула в Лету!

Публикация в России второй книги «Поднятой целины», присуждение М. А. Шолохову за этот роман Ленинской премии в 1960 году и намерение шведской фирмы «Тиден» издать роман вызвали злопыхательство буржуазной газеты «Дагенс нюхетер».

Не дожддаясь появления шведского перевода второй книги «Поднятой целины», этот орган, после войны ставший рупором американской пропаганды, выступил 2 мая 1960 года с огромной статьей Свена Вальмарка, который называл первую кни-

гу «Поднятой целины» «неудачной, сырой и трудночитаемой», так как в ней изображено «бессовестное наступление коммунистов на деревню». А вторая книга «Поднятой целины», по мнению Вальмарка, это «пестрое лоскутное одеяло». Он не верит, что передовые деревенские активисты, вроде Майданникова, могли вступать в партию. Собрание, на котором принимают в партию, кажется критику неестественным. Образ Давыдова, его энтузиазм, преданность партии, умение достучаться до казачьего сердца, организовать и направить к заветной цели простых людей — все это возмущает Свена Вальмарка, и он иронизирует, что, мол, под пером Шолохова «к концу романа «Поднятая целина» коммунисты становятся все благороднее и сердечнее». Вальмарк с тоской обращает свой взор к есаулу Половцеву и признается, кто ему ближе всего: «Белогвардейцы в романе вызывают к себе почти что сострадание своими неудачами в конспирации, обреченной на провал. Их судьбы — это настоящая трагедия, и отважные ситуации придают им черты величия»[40]. Вальмарк умалчивает, какие «отважные ситуации» приводят его в восхищение. Уж не убийство ли бедняка Хопрова и его жены и не голодная ли смерть (в сыновьем доме!) старухи Островновой озаряют в его воображении ореолом величия портреты есаула Половцева и кулака Островнова? Во всяком случае, его упрек издательству в том, что оно собирается выпустить на шведском языке роман Шолохова, с исчерпывающей ясностью показал, кем была продиктована эта статья.

VI

И все же вопреки этим «предупреждениям» вторая книга «Поднятой целины» в переводе Карин де Лаваль была издана в «Тиден». В столичной и провинциальной прессе отклики преобладали доброжелательные.

На наш взгляд, наиболее интересные и глубокие суждения об этой новинке высказал в 1961 году прогрессивный критик Стиг Карлсон в социал-демократической газете «Арбетет» (г. Мальмё) в статье «А Дон все течет». Вдумчиво анализируя столкновение нового и старого в романе, «кровавую родовую хронику старого казака Аржанова», осуждая «террористов — царских офицеров и кулаков, организующих восстания», Стиг Карлсон подчеркивает, что «со всем этим мраком должен был покончить советский режим». Скажем сразу, что столь резкие и смелые суждения об историческом значении и необходимости коллективизации в СССР прозвучали в литературно-критической статье в Швеции, пожалуй, впервые.

Шолохов, по мнению Стига Карлсона, обладает изумитель-

ной способностью представлять даже самые незначительные, самые обычные случаи как очень важные: трудовой день пахаря у него достоин песни; любовная встреча двух молодых сердец заставляет его создать хвалебную песнь жизни; и даже чудачества деда Щукаря с козлом Трофимом превращаются в сверкающую прозу. «Самым праздничным во всем романе, — заверяет Стиг Карлсон, — является партсобрание хутора, где несколько человек принимаются в партию. Это собрание вот-вот провалится из-за того, что дед Щукарь не может сдержать свой язык. Дед этот совсем не коммунист, но он неприступно лоялен и все его разговоры идут на пользу партии — любимой партии!»

В отличие от многих западных рецензентов и критиков Стиг Карлсон правильно понял художественную ценность XXII главы романа и народную мудрость юмора деда Щукаря. «Жатва на Дону,— пишет далее С. Карлсон,— не кончается, как многие советские романы, розовым счастьем в раю. Наоборот, он имеет жестокий, глухой тон, доходящий почти до отчаяния». И в то же время, когда люди ожидают с таким трудом добытого, хорошего и первого коллективного урожая, «лучшие из них — Давыдов и Нагульнов — должны пасть жертвами... И в этом — сила, правда и безжалостный реализм Шолохова. Это — искусство прозы высшего ранга, в которой вряд ли кто силен больше Михаила Шолохова»[41].

* * *

Как свидетельствует прогрессивная пресса и, конечно, тиражи изданий, Шолохов — любимый писатель в Швеции. Подтверждение этому мы находим в статьях того же Стига Карлсона в социал-демократической газете «Моргон тидинген». Они далеко не безупречны, в них есть многое, с чем нельзя согласиться, но главное он подмечает и пропагандирует правильно:

«Михаил Шолохов — не первый русский писатель, которого я читал, но он один из тех, к кому я чаще всего обращаюсь. Прошло уже более 20 лет, как я впервые прочел «Тихий Дон» — фантастическое (по таланту) произведение, которое, как мне кажется, объединяет многие из основных черт русской литературы— грустно-тоскующее, героическое, юмористическое, философское, психологически углубленное. Для меня «Тихий Дон» был бо́льшим событием, чем гоголевский «Тарас Бульба», и более потрясающим социальным протестом, чем «Фома Гордеев» Горького! «Тихий Дон» стал моим спутником на все эти годы, я часто снимаю его с книжной полки и всегда с неугасимым желанием перечитываю и переживаю».

Трагические образы Григория и Аксиньи этот критик счита-

ет выдающимся достижением Шолохова. В отличие от многих рецензентов С. Карлсон более правильно трактует в своих статьях финал романа: «В ясных глазах сына Григорий видит контуры нового мира, в котором он должен будет жить. Он не имел права уходить от обязанностей будущего. Несмотря на все просчеты и ошибки, его жизнь принадлежит будущему». И, наконец, С. Карлсон говорит: «Михаил Шолохов принадлежит к тем спутникам в жизни, которых не предают»[42].

В 1961 году издательство «Тиден» выпустило сборник рассказов Шолохова «Лазоревая степь» в переводе доктора русской филологии Стаффана Даля. В письме ко мне от 9 января 1965 года Стаффан Даль писал: «Из рассказов Шолохова самое сильное впечатление на меня произвел «Жеребенок». Это, помоему, совершенный рассказ, заключающий в себе все то, что типично для Шолохова-гуманиста: сочувствие к беззащитным и ненависть к деспотам»[43].

В издательской аннотации к книге «Лазоревая степь» отмечается, что «Шолохов в своих рассказах изобразил революционные годы, богатые драматическими событиями, когда над лазоревой степью неистовствовали битвы, и Советская власть понемногу утверждала себя, хотя многие пытались ее саботировать. С ярким, сильным реализмом передал нам писатель это жестокое и кровавое время, рассказав о простой и жестокой правде этих боев...»[44]

Издательство «Тиден» за истекшие десятилетия, несомненно, проделало колоссальную работу по пропаганде и продвижению книг Шолохова и многих других советских писателей. И мы могли бы приветствовать еще один сборник шолоховских рассказов на шведском языке — «Судьба человека» («Тиден»), который вышел в свет в 1965 году. Но нас смущает тот факт, что в сборник попал очерк под заголовком «Хозяин» («Husbonden»)[45]. У Шолохова нет очерка или рассказа под таким названием. Переводчик смонтировал его из текста очерка «Слово о Родине».

Самое дорогое и заветное, что Шолохов писал в этом вдохновенном очерке о Родине, партии, ратных подвигах Красной Армии в разгроме германского фашизма, о колхозниках и их самоотверженной борьбе с засухой 1946 года — все это вычеркнуто. Изъяты также и все пылающие гневом страницы, в которых Шолохов разоблачал американских империалистов. Переводчик Н. Нильсон оставил лишь рассказ возницы Прокофьевича о том, как он «не спешил» вступать в колхоз в 1930 году. Очерку придана, таким образом, совершенно новая идея — безысходная тоска крестьянина-хозяина по утраченной собственности. Фальсификация оказалась столь грубой, что даже газета «Дагенс нюхетер» осудила ее в статье Свена Вальмарка

в августе 1966 года. «Удивляешься тому, насколько шведский перевод «Хозяина» представляет собою крайне дерзкую переработку оригинала с огромным количеством сокращений и изъятий из шолоховского текста. Неужели писатель действительно авторизовал подобный обман?»[46]

VII

Вопрос о присуждении М. А. Шолохову Нобелевской премии уже давно поднимался в прессе Парижа (1930), Копенгагена (1933), Стокгольма (1935), Лондона (1935).

После второй мировой войны европейские писатели Луи Арагон (Франция), Олдридж (Англия), Лундквист, Лу-Юханссон (Швеция) и другие вновь выдвигали кандидатуру М. Шолохова. Однако Шведская академия долго игнорировала эти предложения крупнейших авторитетов мировой литературы.

И вот, наконец, 15 октября 1965 года Нобелевский комитет, рассмотрев 89 кандидатур на соискание премии по литературе, принял решение присудить ее советскому писателю-академику Михаилу Александровичу Шолохову.

Председатель Нобелевского комитета доктор Андерс Эстерлинг в тот же день в Стокгольме объявил официальное решение Шведской академии и заявил представителям всемирной прессы, что роман Шолохова «Тихий Дон» является «во всех отношениях могущественным произведением и совершенно достаточным основанием для награды, которая присуждается ему поздно, но, к счастью, не слишком поздно, пополняя список лауреатов Нобелевской премии по литературе именем одного из самых выдающихся писателей современности»[47].

Прогрессивная пресса и общественность всего мира, а также и подавляющее большинство буржуазных газет приветствовали это решение Шведской академии. В самой Швеции вся пресса (за исключением архиреакционной газеты «Экспрессен») с энтузиазмом поддержала эту высокую награду.

Известный шведский писатель Артур Лундквист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», заявил: «Выбор академии хорош, хотя он сделан очень поздно. Уже давно мне было совершенно ясно, что Шолохов должен получить премию. Если бы это произошло десять лет назад, то было бы значительно интереснее. Академия только исправила свою ошибку»[48].

Коммунистический еженедельник «Ню даг» в статье «Михаил Шолохов — поэт донского казачества» писал: «Шедевр Шолохова «Тихий Дон» есть произведение многолетнего труда... Уже в ранних рассказах Шолохов блеснул талантом яркого многогранного изображения людей, гуманизмом и нежностью в пси-

хологических сцепах, смелостью и краткостью в диалоге, своим вúдением природы. В «Тихом Доне» эти качества достигли совершенства и гениальных обобщений, и его автор, как поэт, занял достойное место среди великих мастеров эпоса»[49].

Редакции крупнейших буржуазных газет Швеции «Дагенс нюхетер» и «Свенска дагбладет» (после войны не раз выступавшие против Шолохова) теперь отводили целые страницы для статей, фото, интервью.

Так, «Дагенс нюхетер» 16 октября 1965 года на самом видном месте напечатала отклик финского писателя Вяйнэ Линна, который сказал: «Я считаю, что кандидатура Михаила Шолохова является лучшей из всех возможных для Нобелевской премии в этом году. Шолохов всегда был наилучшим кандидатом. Я считаю, что если даже не учитывать эпос «Тихого Дона», то и тогда Шведская академия имела достаточно оснований для присуждения Шолохову Нобелевской премии»[50].

А газета «Свенска дагбладет» в этот же день напечатала большую статью секретаря Нобелевского комитета писателя Карла Гиерова, в которой мы читаем: «Тихий Дон» — любимейшая книга русского народа. Это — национальный эпос о рождении нового государства. «Тихий Дон» явился огромным триумфом творчества Шолохова, триумфом правды, которую он вкладывал в свои произведения. И правда эта проникает далеко за пределы его Родины. Человек, написавший величайший исторический роман русской литературы после «Войны и мира»... занимает сегодня место среди классиков мировой литературы»[51].

В адрес лауреата Нобелевской премии М. А. Шолохова поступили тысячи поздравлений из-за рубежа и от соотечественников.

19 октября 1965 года в газете «Правда» было опубликовано письмо М. А. Шолохова в адрес Королевской шведской академии:

«Сердечно благодарю за высокую оценку моего литературного творчества и присуждение Нобелевской премии. Также с благодарностью принимаю Ваше любезное приглашение прибыть в Стокгольм на Нобелевский праздник.

Михаил Шолохов»[52]

23 октября 1965 года газета «Правда» напечатала интересную статью своего специального корреспондента Юрия Лукина «У М. А. Шолохова». На вопрос спецкора «Правды» «Как Вы относитесь к присуждению Вам Нобелевской премии?» Михаил Александрович ответил:

«Разумеется, я доволен присуждением мне Нобелевской

премии, но прошу понять меня правильно: это не самодовольство индивидуума, профессионала-писателя, получившего высокую международную оценку своего труда. Тут преобладает чувство радости от того, что я — хоть в какой-то мере — способствую прославлению своей Родины и партии, в рядах которой нахожусь больше половины своей жизни и, конечно, родной советской литературы. Это важнее и дороже личных ощущений и это, по-моему, вполне понятно.

Есть и еще одно чувство удовлетворения: жанр романа, сама закономерность существования которого в современных условиях некоторыми литераторами ставилась под сомнение — получил как бы свое утверждение. Добротно написанная книга живет долго, а все живущее нельзя отвергать без достаточных к тому оснований»[53].

29 октября в советской прессе было опубликовано приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

«Ростовская область, станица Вешенская.
Товарищу Шолохову
Михаилу Александровичу.

Дорогой Михаил Александрович!

Сердечно поздравляем Вас с присуждением Нобелевской премии.

Расцениваем это как еще одно свидетельство мирового признания Вашего выдающегося таланта, неоспоримых достижений литературы социалистического реализма.

От души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов.

ЦК КПСС
Совет Министров СССР»[54]

В декабре 1965 года М. А. Шолохов прибыл в Стокгольм для получения Нобелевской премии. Это событие привлекло внимание прессы всего мира.

Издательство «Тиден» устроило большой прием в честь М. А. Шолохова, на котором его директор Бент Кристель выступил с яркой речью.

«Ваш роман, — заявил Б. Кристель, — быстро нашел путь к сердцам тогдашних молодых шведских писателей. В «Тихом Доне» они почувствовали устремления, родственные целям их собственного творчества. Вполне естественно, что шведские пролетарские писатели 30-х годов питали стихийный интерес к новому советскому государству и его литературе, несмотря на языковые трудности. Вполне понятно, что они зачитывались книгами молодого гения русской литературы, который оказал

огромное влияние на писателей Вильгельма Муберга, Ивара Лу-Юханссона, Яна Фридегора, Эйвина Йонссона и других»[55].

Вся шведская пресса в эти дни была заполнена материалами и статьями о М. А. Шолохове.

Редакция «Дагенс нюхетер» 11 декабря 1965 года на первой странице своей газеты поместила огромное фото: король Густав-Адольф в присутствии советского посла Н. Д. Белохвостикова перед началом банкета в Золотом зале ратуши Стокгольма поздравляет писателя Михаила Шолохова с высокой наградой. Под фотоснимком на шесть колонок был дан аншлаг: «Требовалось мужество, чтобы писать, как он!»

А страница 23-я «Дагенс нюхетер» открывалась крупным аншлагом: «Поздно, но не совсем поздно! Кроваво-красный литературный диплом пожалован за мужество в молодости»[56]. Под ним — отчет о нобелевских торжествах, а внизу — фотокопия багряно-золотистого Нобелевского диплома М. А. Шолохова.

Скажем правду, газеты «Дагенс нюхетер» и «Свенска дагбладет», вынужденные публиковать подробные отчеты о нобелевских торжествах, не выдержали дипломатического такта и стали проявлять нервозность и необъективность.

Яркую программную речь Шолохова эти газеты скомкали, напечатав из нее по три-четыре абзаца. Основные высказывания Шолохова о том, что присуждение Нобелевской премии является «косвенным, еще одним утверждением жанра романа», его заявление о сущности и своеобразии социалистического реализма, его думы о задачах и честности художника в современном мире и о величии советского народа-созидателя новой жизни, — в «Дагенс нюхетер» не попали. Но редакция нашла место для упрека в том, что, получая Нобелевский диплом из рук короля, Шолохов не расшаркался перед ним, не склонил, соответственно ритуалу, своей головы, а ограничился лишь «одним сдержанным воинским кивком и сразу же повернулся спиной к королю, еще более сдержанно поклонился публике и понес на свое место с дипломом, но не с зеленым или голубым, как у других лауреатов, а совершенно конгениальным... кроваво-красным»[57].

Пресса империалистической реакции эти два месяца неистовствовала. Американская «Нью-Йорк геральд трибюн» 16 октября 1965 года в клеветнической статье «Победитель Нобель-приза — красный» называет решение Шведской академии «позорным», так как «лауреатом Нобелевской премии объявлен Михаил Шолохов — ярый советский коммунистический романист»[58]. Французская «Комба» в статье Габриэля Матцнева разразилась проклятиями, тщетно пытаясь доказать, что Шолохов якобы «не является идеальной кандидатурой в лауреаты»[59]. Аргентинская газета «Ла пренса» со злостью тешила своих читате-

лей домыслами корреспондента ЮПИ из Стокгольма о том, что «среди 18 шведских академиков не было единодушия при обсуждении кандидатуры Шолохова»[60]. А крайне реакционная шведская газета «Экспрессен» 10 декабря 1965 года опубликовала пасквиль под видом «Протокола заседания Нобелевского комитета», в котором клеймила «старцев-академиков» за их «капитуляцию перед Шолоховым»[61].

Заокеанская реакция и вдохновители «холодной войны» в Стокгольме пытались организовать эксцессы против Шолохова.

Коммунистический еженедельник «Ню даг» 17 декабря 1965 года в статье «К нам приехали рыцари «холодной войны» так разоблачал эти провокации. «Мы ожидали, — писал там Густав Юханссон, — что антикоммунисты дадут о себе знать в связи с приездом Михаила Шолохова для получения Нобелевской премии... Они прислали в Стокгольм одного англичанина — издателя антисоветской литературы, заполучили для него номер в гостинице «Гранд-отель», как можно ближе к номеру Шолохова, чтобы тот смог провоцировать Шолохова уже на первой же пресс-конференции в Швеции. Шведское телевидение также отличилось. Показав прекрасный репортаж о Шолохове и его родной станице, оно вслед дало слово приехавшему в Стокгольм английскому издателю с провокационным чтивом. Когда Шолохов выступал на Нобелевском банкете в Золотом зале, Шведское телевидение (из-за его спины) нашептывало своим зрителям и слушателям, что, мол, многие присутствующие «поднимают брови» во время некоторых (им неприятных) частей его речи»[62].

Однако вопреки провокациям «рыцарей «холодной войны» часы Истории отбивают новое время, с которым приходится считаться всем. Об этом же внушительно гласил и текст Нобелевского диплома, опубликованный в прессе всего мира:

«Михаилу Александровичу Шолохову.

1965 года Нобелевская премия по литературе присуждена в знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа»[63].

АЗИЯ

КИТАЙ

I

Тернисты были пути проникновения русских книг в Китай в годы гоминдановского режима. «В то время, — по свидетельству великого китайского писателя Лу Синя, — одного только слова «русский» было достаточно, чтобы вызвать смятение и панику»[1].

И судьбы смельчаков-переводчиков, редакторов, издателей советских книг были порой трагичны. Веские доказательства этому — подготовка фашистами-синерубашечниками покушения на Лу Синя, призывы властей провинции Чжэцзян в марте 1930 года, обращенные к Чан Кай-ши, — посадить в тюрьму Лу Синя, провокационные сообщения тянь-цзиньских газет о «...состоявшейся казни... вождя Красной Армии (?) Лу Синя»[2], расстрел в Шанхае пяти его учеников — членов «Лиги левых писателей»* и, наконец, «карательные походы» полиции и охранки против «левых», погромы в их квартирах, в прогрессивных издательствах с конфискацией русских книг и массовые расстрелы «красных»[3].

Можно представить, каким был путь еще одной «красной» книги в Китае — «Цзин цзинды Дунь хэ»[4] — романа «Тихий Дон», если переводчик скрыл свое имя под псевдонимом Хэ Фэй, а редактор Лу Синь в Шанхае более года вел борьбу с цензурой, чтобы ее издать. Причем из 402 страниц первого тома чанкайшисты разрешили опубликовать лишь 236, а остальные были изъяты.

«Тихий Дон» проник в Шанхай из Германии на немецком языке в начале 1930 года. Это была одна из новинок, выпущен-

---

* В ночь с 7 на 8 февраля 1931 г. в Шанхае были расстреляны 23 революционера и среди них пять писателей: Бай Ман, Жоу Ши, Ху Е-пинь, Фын Кэн и Ли Вей-сэнь.

ная берлинским коммунистическим издательством «Литератур унд политик» (перевод Ольги Гальперн). К Лу Синю это издание «Тихого Дона» пришло в трудное время, когда он, находясь буквально в осаде гоминдановской охранки, работал над переводом романа Фадеева «Разгром» (с японского и немецкого текстов). Узнав из немецкой прессы о появлении в Европе романа Шолохова, Лу Синь решил издать его на китайском языке в серии «Библиотека современной литературы». Для работы над переводом был привлечен, по предположению профессора Ленинградского университета В. В. Петрова, известный писатель Ху Фынь[5].

Выдающийся переводчик Цзинь Жэнь, прошедший все круги шанхайского ада при Чан Кай-ши и недавно пропавший в Китае без вести, опубликовал в пекинской газете «Дружба» очень ценные сведения: «...«Тихий Дон» появился в Китае в годы реакции. В свет вышли только первая и вторая части. Было много трудностей, помешавших полностью издать первую книгу. В переводе Хэ Фэя «Тихий Дон» выпустило издательство «Шэньчжоу Гогуаншэ» под редакцией Лу Синя, который не только сам вносил исправления в перевод, но дал свой вариант названия роману — «Цзин цзинды Дунь хэ» и написал к нему послесловие. Все это убедительно показывает, как высоко ценил Лу Синь творчество Михаила Шолохова... В то время Лу Синь сравнивал первую и вторую части «Тихого Дона» со знаменитым классическим произведением великого китайского писателя-реалиста Цао Сюэ-цинь «Сны юности». И в этом сравнении, — подчеркивал Цзинь Жэнь, — был глубокий смысл»[6].

Подготавливая к печати «Тихий Дон», Лу Синь старался как можно полнее и лучше представить китайскому читателю творчество и личность Шолохова — «совсем юного и нового писателя России». Лу Синь сам перевел с немецкого краткую биографию Шолохова и опубликовал ее в качестве приложения в конце «Цзин цзинды Дунь хэ». В «Послесловии» Лу Синь цитирует аннотацию немецкого издательства «Литератур унд политик», полностью приводит взятый из немецкой коммунистической прессы небольшой, но не утративший своего значения и до наших дней отзыв известного писателя-антифашиста Фр. Вайскопфа о молодой советской литературе и Шолохове. Кстати сказать, Фр. Вайскопф ранее других критиков на Западе дал наиболее точную, всестороннюю оценку «Тихому Дону». Его краткая, но яркая статья в журнале «Линкскурве» (№ 3, 1929) и рекламные листки о «Тихом Доне» издания «Литератур унд политик» проникли в 30-е годы во все страны Европы, в Китай и Аргентину, в США и Японию. И Лу Синь вынес на обложку из статьи Франца Вайскопфа цитату: «Тихий Дон» величием своей концепции (грандиозностью замысла), многогранностью

жизни, проникновенностью своей формы напоминает нам «Войну и мир» Льва Толстого»[7].

Называя Шолохова «писателем совсем новым, вышедшим из народных масс», отмечая «всемирную известность» его романа, Лу Синь сообщил китайским читателям о том, что полный текст первой книги «Тихого Дона» можно прочесть в немецком издании и что вторая книга романа выйдет в свет в Берлине осенью 1930 года. «Мы можем предложить нашим читателям перевод лишь первой половины первого тома «Тихого Дона» (сделанный с немецкого перевода Ольги Гальперн). В публикуемых главах мы еще не находим той ненависти, которая явилась предзнаменованием приближающейся бури — революции, но авторский стиль в описании и своеобразного ландшафта и сложных, необычных человеческих чувств и характеров — такой ясный, такой сжатый и так непохожий на дурные привычки других литераторов, пишущих витиевато и заумно, — дает основание полностью согласиться с Фр. Вайскопфом: в России появилась новая, исполненная первобытной силы литература, которая уже сегодня горит ярким факелом. И когда появится полный перевод «Тихого Дона», наша литература, конечно, шагнет вперед, появятся и у нас новые писатели. Суждено ли этому сбыться — во многом зависит от энергии читателей нашей древней страны»[8].

«Послесловие» Лу Синя датировано 16 сентября 1930 года, а книга «Цзин цзинды Дунь хэ» (первая и вторая части) появилась в Шанхае (октябрь, 1931) в черную годину третьего похода Чан Кай-ши (против китайской Красной Армии), который сопровождался массовым террором и ожесточенной клеветнической кампанией против СССР[9].

Отметим здесь, что вслед за Лу Синем высоко оценил «Тихий Дон» и выдающийся китайский революционер, литератор и переводчик Цюй Цю-бо (переведший на китайский язык «Интернационал», статью Ленина о Толстом, поэму «Цыганы» Пушкина, многие произведения Горького). В большой статье «Европеизированная литература» (май, 1932, журн. «Большая медведица»), выступая за новую письменность, за создание новых литературных форм, доступных широким массам, Цюй Цю-бо призывал китайских писателей учиться на опыте «русской пролетарской литературы».

«Если бы китайская революционная европеизированная литература, — писал Цюй Цю-бо, — могла воспользоваться такой же простой формой, как это имеет место в «Тихом Доне», ее влияние, вне всяких сомнений, гораздо быстрее распространилось бы на широкие массы народа»[10].

II

30-е годы в истории Китая памятны злодейским вторжением японских милитаристов в Маньчжурию, распрями генеральских группировок, позорными военными походами армий Чан Кай-ши против революционных баз Красной Армии, разгулом гоминдановской реакции во всех сферах жизни страны.

Но самым главным и жизнеутверждающим было пробуждение национального самосознания в широких слоях китайского народа, требовавшего от Чан Кай-ши и Гоминдана установления единого национального фронта для отпора японским оккупантам. Между тем диктатор Чан Кай-ши и правящая клика Гоминдана в сговоре с зарубежными империалистами продолжали политику раскола национальных сил, уступок японским агрессорам. В ставке Чан Кай-ши и в ЦИК Гоминдана политика антикоммунизма и антисоветизма стала доминирующей. Все русское и советское было поставлено вне закона. Заветов Сунь Ятсена вроде бы никогда и не существовало.

Соратник Лу Синя, переводчик книги «Железный поток» А. Серафимовича (1930) Цао Цзин-хуа, говоря о значении русской литературы для китайской молодежи 30-х годов, писал в 1957 году в журнале «Иностранная литература»: «Чан Кай-ши запрещал издание книг, в которых встречались такие «опасные» слова, как «Россия», «Советский Союз», «классы»... Не допускались обложки красного и красно-черного цветов, а также обложки с серпом и молотом»[11].

С каждым годом реакция в Китае все более наглела. Фашистский переворот в Берлине, заявление Гитлера об искоренении коммунизма, массовые сожжения книг в Германии в 1933 году «вызвали бурные восторги» в правящих кругах Гоминдана[12]. Наконец в декабре 1933 года и Центральный комитет пропаганды Гоминдана отдал приказ о запрещении и сожжении 149 названий книг. «В список попали, — писал об этом Лу Синь, — большей частью произведения китайских писателей левого крыла, но запрещение распространялось и на переводы. Были изъяты произведения Горького, Луначарского, Серафимовича, Фадеева, Федина и даже Эптона Синклера, Метерлинка, Сологуба, Стринберга»[13]. В списке книг, подлежащих сожжению, был и «Тихий Дон».

Однако ни публичная казнь выдающегося революционера и писателя Цюй Цю-бо* (18 июня, 1935), ни полицейские по-

---

* Цюй Цю-бо (1899—1935) — один из создателей Компартии Китая, видный теоретик марксизма, быв. генеральный секретарь ЦК Компартии. В отместку за критику Мао, по указанию его жены Цзян Цин, хунвэйбины разрушили памятник Цюй Цю-бо и его могилу в Пекине.

громы в библиотеках, издательствах и квартирах прогрессивных деятелей культуры, ни запреты и сожжения крамольных изданий не истребили влечения революционной молодежи к советской культуре.

19 октября 1936 года внезапно умер Лу Синь. Китайская литература понесла тяжелую утрату. Но его борьбу за сближение с советским народом, за овладение опытом революционных традиций нашей литературы продолжали другие.

В том же году выходят вторая книга «Тихого Дона» в переводе Чжао Сюня и Хуан И-жэня (в Шанхае)[14] и первая книга «Поднятой целины» под названием «Бэйкай кэньди чунюй-ди» в переводе Ли Бо в Яньани и Шанхае[15].

Переводчики Чжао Сюнь и Хуан И-жэнь не знали русского языка и переводили второй том «Тихого Дона» с английского. «Многие страницы и главы этого выпуска сильно отличаются от оригинала, — пишет Цзинь Жэнь. — Я не пойму, то ли здесь сказалась примитивность английского перевода, то ли это результат безответственного обращения с английским текстом у нас, в Китае...» Сопоставив перевод второго тома «Тихого Дона» с русским оригиналом, Цзинь Жэнь обнаружил в нем множество грубейших ошибок[16].

Несомненно, это шло от английского издания «Тихого Дона» (Лондон, «Путнам», 1934). Но не исключено, что к переводу Чжао Сюня и Хуан И-жэня в Шанхае приложила руки и гоминдановская цензура.

Как издательство «Гуанмин шуцзюй» представило читателям вторую книгу «Тихого Дона» и какие были отклики в прессе,— нам неизвестно. Но самое отрадное в указанной статье Цзинь Жэня, знавшего русский язык, является то, что он уже тогда смело подверг в печати критике английский и китайский переводы «Тихого Дона», дал своим друзьям клятву, «несмотря на отсутствие творческого подъема среди китайских переводчиков, создать новый и полный перевод русского шедевра»[17].

* * *

Первую публикацию фрагмента из романа «Поднятая целина» в Китае сделал переводчик Чжао Цзя-би в мае 1936 года в журнале «Вэньсюэ цунбао». Это была десятая глава первой книги романа, озаглавленная «Расставание» — о вступлении в колхоз Кондрата Майданникова[18]. Однако дальше этого отрывка Чжао Цзя-би не пошел...

Но роман, по свидетельству его переводчика, известного писателя Чжоу Ли-бо, вышел полностью «еще в период антияпонской войны (1936), в сердце революции — Яньани, в условиях нехватки типографских средств и бумаги»[19].

Из «Послесловия» Ли Бо (а это был псевдоним Чжоу Ли-бо) мы узнаем, что перевод был сделан с английского издания (Стефан Гарри, «Путнам»), в котором были «преднамеренные сокращения и пробелы», но Ли Бо удалось восстановить «полный текст «Поднятой целины» по японскому выпуску»[20].

В этом «Послесловии» коммунист-переводчик писал: «Трудно добавить что-либо новое к многочисленным восторженным отзывам об этом могучем произведении советской литературы, авторитетно возвестившем миру о силе социалистического реализма! Читая эту книгу и переводя ее, я все время чувствовал, что улыбаюсь. Эта улыбка — теплая, доброжелательная — исходила от самой книги. По-видимому, присущий русской литературе, традиционный для нее «смех сквозь слезы» успел за эти годы преобразиться в новое качество. Улыбка — радостное восприятие жизни, которой отданы все моральные и физические силы. Кануло в прошлое то время, когда человек смеялся через силу, потому что уже ничего не мог поделать. Следовательно, слезы теперь тоже принадлежат прошлому. Трагической была жизнь русского народа до Октябрьской революции — об этом говорят и авторские ремарки, посвященные горестному прошлому почти всех основных персонажей романа. Теперь все они радуются жизни, все свои силы они отдают будущему человечества и поэтому могут смеяться открыто, от души, могут, как Давыдов, уверенно и гордо говорить: «Все принадлежит нам, все в наших руках». А мы этого сказать не можем, мы еще живем в их прошлом, где одни лишь слезы и только.

Когда же, наконец, мы сможем, как и они, радостно смеяться?

Шанхай. *Ли Бо*»[21].
Сентябрь 1936 г.

* * *

Наше письмо, посланное Чжоу Ли-бо (лауреату советской Государственной премии за роман «Ураган») в январе 1964 года, видимо, не дошло. Из китайской прессы известно, что Чжоу Ли-бо репрессирован. И для нас остается загадкой, как же удалось ему издать «Поднятую целину», минуя чанкайшистскую цензуру, да еще с таким боевым послесловием.

III

В 1940 году ежемесячник «Вэньсюэ юэбао» (г. Чунцин) напечатал статью известного переводчика Гэ Бао-цюаня — «Шолохов и его «Тихий Дон». Автор рассказал о методе работы писателя (по материалам европейской прессы), призвал молодых лите-

раторов учиться у Шолохова. Так как в Китае было переведено менее половины «Тихого Дона», он призвал знатоков русского языка «как можно быстрее дать читателю полный текст великого эпоса Шолохова»[22].

Полный перевод и издание «Тихого Дона» были осуществлены в 1936—1941 годах в Шанхае неким литератором Чжан Цзюнь-ти, который выступил под псевдонимом Цзинь Жэнь.

В 30-е годы Цзинь Жэнь был чиновником в пограничном с СССР городе Н. Однажды, прочитав на русском языке первую книгу «Тихого Дона», он сказал себе: «Отдать жизнь за идею — это девиз нашего времени». И взялся за это труднейшее дело.

Значительно позже, в 1955 году, Цзинь Жэнь в пекинской газете «Дружба» писал: «Трудно переоценить важность и значение «Тихого Дона» в воспитании китайских литераторов и революционных кадров. В период гражданской и во время антияпонской войны в Китае герои «Тихого Дона» и жизнеутверждающий пафос романа вдохновляли революционных борцов на великий подвиг во имя родины»[23].

Эта великая идея и вдохновила его взяться за перевод, несмотря на исключительно трудные условия. В «Послесловии» ко второй книге «Тихого Дона» (Шанхай, 1940) Цзинь Жэнь писал: «В течение более чем трех лет мои друзья, проявлявшие большой интерес к моему переводу второй книги «Тихого Дона», волновались за меня, искали способы, чтобы книга была издана и скорее попала к читателям. Моя страна сейчас переживает огромные трудности. И мой перевод «Тихого Дона» тоже встретил на своем пути к выходу в свет много терниев и препятствий. В самом деле, я начал перевод второй книги романа 1 января и закончил его 20 ноября 1936 года. Но потребовалось три с половиной года, чтобы мой перевод «Тихого Дона» вышел в свет. Это действительно очень долгий срок. В это время жизнь моя была очень жестока и полна лишений. Я много работал, многое пережил и передумал. Чего только я не пережил? Но вера в свою работу над «Тихим Доном» делала меня сильным»[24].

Владея немецким, английским и русским языками, Цзинь Жэнь обнаружил в европейских и китайских переводах «Тихого Дона» множество «преднамеренных» и «непостижимых» изъятий и сокращений и сразу же выступил по этому поводу со статьей в журнале «Вэньи бао».

Из «Послесловия» Цзинь Жэня мы узнаем, что издательства опасались брать и печатать роман советского писателя. Но его это не остановило. Несмотря на дороговизну бумаги, вместе со своим неизвестным нам другом Цзинь Жэнь вынужден был все расходы по изданию перевода романа взять на себя, и издательство «Гуанмин шуцзюй», наконец, выпустило в свет вторую книгу «Тихого Дона» в Шанхае, оккупированном японцами.

Воистину это был подвижнический труд! Цзинь Жэнь проявил железную волю, выполняя заветы Лу Синя. В своем предисловии от 4 августа 1940 года Цзинь Жэнь писал: «В полной мере я испытал горечь, которую пьет писатель от общения с нашими издателями... Я даже сомневался, хватит ли у меня духа перевести роман в 1 500 000 иероглифов. Однако я верил в «Тихий Дон». К тому же я помнил, что сказал о нем Лу Синь: «В будущем, когда будет совершен полный перевод «Тихого Дона», он сможет помочь росту наших писателей. И непременно поднимет силу духа читательских кругов нашей древней родины...» Вот это и вдохновило меня на завершение работы... Что же касается того, чтобы способствовать развитию и росту новых писателей, то не смею думать, что смогу сыграть в этом какую-то роль. Однако я смею думать: разве мало будет пользы для писателей периода, наступившего после войны сопротивления*, вследствие появления на китайском языке такого шедевра, как «Тихий Дон»?»[25].

Цзинь Жэню принадлежит перевод третьей и четвертой книг «Тихого Дона», которые вышли в свет в Шанхае в 1941 году.

В послесловии к четвертой книге романа от 14 июля 1941 года, когда на большей части Китая власть принадлежала Чан Кай-ши, а в приморских провинциях и крупнейших городах (Шанхай, Мукден, Пекин, Нанкин и др.) хозяйничали японские империалисты, в это трудное время переводчик Цзинь Жэнь доверительно сообщил читателям о своей жизни и работе: «Нужда, голод и болезни одолевали меня в это время так, что перо валилось из рук, однако мысль об огромном жизненном значении этого эпоса сделала меня непреклонным, и я завершил перевод последней книги «Тихого Дона»[26]. Выражая неудовлетворенность своей работой и тем, что гоминдановская (чанкайшистская и ванцзинвеевская) пресса упорно замалчивала или чернила советскую литературу, Цзинь Жэнь писал: «Тогда у меня возникло убеждение, что литературный мир Шанхая превратился в болото. Но я не сожалел о проделанной мною работе над русским романом, я не сожалел о той энергии, которую вложил в перевод этого эпоса, всюду называемого «новой «Войной и миром». Как боец литературного фронта, я принимал активное участие в жизни нашей эпохи»[27].

* * *

Разбойничье вторжение японских империалистов в Китай, захват Мукдена, Пекина, Шанхая, Нанкина, Кантона и других крупнейших городов и провинций надолго парализовали куль-

* В условиях японской оккупации. — *К. Н.*

турную жизнь страны. Тем не менее среди литераторов не утихал интерес к Шолохову. Более того, в журнале «Ецао» в сентябре 1941 года переводчик Би Шань[28] опубликовал очерк Шолохова «На Дону» (из «Правды» от 4 июля 1941 г.). Любопытно, что и журнал «Вэньи чжэньди» в апреле 1942 года напечатал этот же очерк в переводе Ван Юй-цзиня[29], а в ноябре 1942 года в журнале появился и очерк «Ощущение жизни» («В казачьих колхозах»), взятый из «Красной звезды» от 3 июля 1941 года в переводе Цзя Чжи[30].

Но это были случайные публикации из России. И лишь после разгрома Квантунской армии в Маньчжурии и Корее, после капитуляции Японии в гоминдановском Китае стали снова печататься переводы из советской литературы. В конце 1945 года в Чунцине (тогда столице чанкайшистского правительства) вышел сборник рассказов советских писателей «Смертный враг» (издательство «Вэнь гуан шудянь», перевод Цао Цзинь-хуа, профессора Ленинградского университета). В этом сборнике были опубликованы рассказы Шолохова «Смертный враг», «Нахаленок», «Пастух», «Предреввоенсовета республики», Эренбурга — «Трубка коммунара», Неверова — «Андрон Непутевый».

В 1946 году в Китае были сняты все ограничения на издание переводов произведений советских писателей. Книгоиздательства стали активнее выпускать произведения Горького, Фадеева, Серафимовича, Гладкова, Шолохова, Эренбурга, Симонова, Федина и многих других писателей.

Шанхайское издательство «Шэнхо шудянь» дало в прессу рекламу о выпуске серии «Шедевры мировой литературы» и открыло ее «Поднятой целиной» (перевод Ли Бо с его «Послесловием», 1936 г.). Книга издана с портретом писателя. Вслед за этим, в 1946 году, «Поднятая целина» переиздается в Пекине («Саньлянь шудянь»), в Дальнем («Чжун су юхао сехуэй» в двух книгах), в Кантоне, Мукдене, Нанкине, Яньани и других городах.

В 1950 году массовыми тиражами — в Пекине, Шанхае, Нанкине. В 1954 — снова массовыми тиражами в пекинском издательстве «Цзоцзя» («Писатель») с иллюстрациями советского художника А. Лаптева и вторым послесловием Чжоу Ли-бо. В нем он писал: «Когда эта книга переводилась мной, Китай переживал мрачную эпоху чанкайшистской тирании. Сейчас, когда я заново редактирую свой старый перевод, наша страна находится в преддверии 5-й годовщины существования Китайской Народной Республики, созданной Коммунистической партией... Мы живем, как и Советский Союз, в счастливое время. В 1936 году в своем «Послесловии переводчика» к этой книге я говорил: «Мы еще живем в их прошлом, где одни

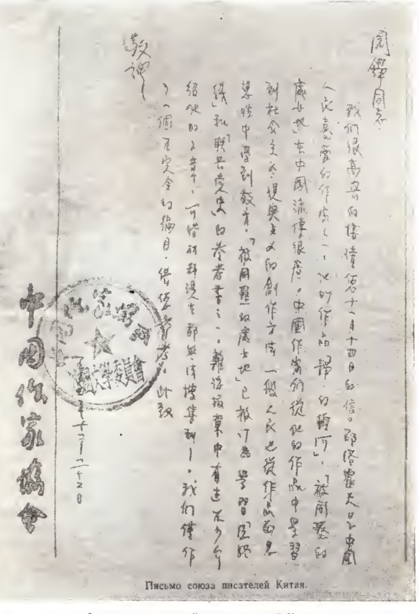
лишь слезы». Сегодня это время стало и нашим прошлым!»[31]

В эти годы Китай вступил на путь преобразований в деревне. Из сообщений прессы известно, что «Поднятая целина» директивными органами Компартии Китая была рекомендована всем партийным работникам на селе для изучения опыта коллективизации в СССР. Участники проведения аграрной реформы, писал из Пекина в «Литературную газету» в 1954 году известный профессор, депутат Всекитайского собрания народных представителей Цао Цзин-хуа, рассматривали роман как руководящее пособие, ценный источник опыта. «Где бы мы ни находились во время этой напряженной борьбы, каждую свободную минуту мы старались использовать для того, чтобы еще раз внимательно изучить эту книгу»[32].

Много раз за эти годы издавался и «Тихий Дон». В 1950 году в Пекине вышло восьмое издание «Тихого Дона» с послесловием Цзинь Жэня. В 1957 году роман выходит снова (с иллюстрациями советского художника О. Верейского).

Послесловие переводчика Цзинь Жэня к четвертой книге этого издания «Тихого Дона», датированное июлем 1957 года, представляет огромный политический интерес, так как в нем мы впервые обнаруживаем тревожные сигналы. Цзинь Жэнь сообщает, что в Китае появились начетчики и догматики, которые «недовольны главным героем романа «Тихий Дон» Григорием Мелеховым и ставят вопрос, является ли этот роман Шолохова произведением социалистического реализма». Будучи весьма эрудированным переводчиком и знатоком советской литературы, Цзинь Жэнь там же смело и уверенно высказал свою точку зрения: «Тихий Дон» — произведение социалистического реализма... И хотя Шолохов в качестве главного образа избрал крестьянина-середняка Григория Мелехова — человека колеблющегося, неустойчивого, чья трагедия пронизывает всю эпопею, — в романе «Тихий Дон» тем не менее отчетливо вырисовывается победа социализма, величие Советской власти, успехи руководимой коммунистами революции. В книге огромное количество глав и страниц, где автор воспевает героическую борьбу большевиков. Разумеется, роман, который воспевает социализм, Коммунистическую партию и Советскую власть, есть произведение социалистического реализма, и иначе быть и не может».

Вдумчиво и обстоятельно анализируя сложный и противоречивый образ Григория Мелехова, Цзинь Жэнь говорит о том, что «возвращение Григория в финале романа в хутор Татарский вовсе не символизирует его смерть, напротив, оно как бы символизирует его новое рождение, новую жизнь. Многие читатели наши не согласны со мною, но я сейчас не могу изменить своё



周纲同志：

我们很高兴的接读您十一月十四日的信。肖洛霍夫是中国人民喜爱的作家之一，他的作品「静静的顿河」、「被开垦的处女地」在中国流传很广。中国作家们从他的作品中学习到社会主义现实主义的创作方法，一般人民也从作品的思想性中得到教育。「被开垦的处女地」已被订为学习「政经」和「联共党史」的参考书之一。杂志报章中有过不少介绍他的文章，可惜材料过去都无法搜集到了。我们仅作了一个不完全的书目，供你参考。此致

敬礼

中国作家协会

年十二月二十日

Письмо союза писателей Китая.

Фотокопия письма Союза писателей Китая
в Ленинградский университет с отзывом о творчестве М. Шолохова
(1954).

точки зрения». И далее, ссылаясь на богатый опыт Коммунистической партии России в годы революции и верное решение в СССР сложнейшей проблемы взаимоотношений с крестьянином-середняком — вообще с середняком и в частности с заблудившимся и сражавшимся против Советов, — Цзинь Жэнь пишет: «Если я утверждаю, что Шолохов, с одной стороны, сурово критикует Григория, а с другой — полон к нему сочувствия, у меня нет никаких оснований делать вывод, что в конце концов этот человек должен быть казнен. Собственно, такова же и точка зрения нашей партии, политика которой состоит, во-первых, в том, что врага, сложившего оружие и сдавшегося нам, мы не уничтожаем, во-вторых, что нужно переделывать непролетарскую идеологию, непролетарское сознание, что процесс этот крайне сложный. Причем это вовсе не новая политика нашей партии и не сегодня мы стали проводить ее в жизнь. ВКП(б) избрала эту политику еще в 1922 году!»[33] (Год в этом случае назван приблизительно.— *К. П.)* Политика в отношении средних слоев в России была определена намного раньше. Но важно, что Цзинь Жэнь правильно определил ленинский подход к этой проблеме.

В 50-е годы были изданы фрагменты из романа «Они сражались за Родину» (издательство «Шидай» («Эпоха»), перевод Линь Лина), «Наука ненависти», «Донские рассказы», «Судьба человека» и другие очерки и статьи (издательство «Вэньи чубань-шэ», перевод Цао Ина). Цао Ин успешно работал и над переводом второй книги «Поднятой целины», публикуя многие главы в журнале «Ивэнь» с декабря 1955 по ноябрь 1959 года. Однако ее полный перевод так и не вышел.

IV

Каково же было отношение китайских писателей, критиков и трудового народа к творчеству Шолохова после победы революции в Китае?

Мы не имеем возможности дать даже перечень важнейших рецензий и отзывов: так много их было. Вкратце скажем, что центральный орган Компартии «Жэньминь жибао», все газеты и литературные журналы с 1949 по 1958 год давали самую положительную, а зачастую и восторженную оценку творчеству писателя Шолохова.

Знаменитая писательница Дин Лин в статье «Учиться у Советского Союза» (газета «Дагун бао») говорила в 1949 году: «На произведениях Шолохова я училась писать о крестьянской жизни. Метод работы Шолохова — тщательная отделка им каждой детали — приводил меня в восхищение»[34].

В 1950 году, когда корейский и китайский народы вели

героическую борьбу против американской агрессии в Корее, переводчик Цзинь Жэнь в послесловии к восьмому изданию «Тихого Дона» отмечал, что «великий эпос Шолохова дает возможность китайскому читателю видеть, какие трудности стояли перед русским народом в годы революции, как героически сражались за победу Красная Армия и русские коммунисты, как они, разгромив всех внешних и внутренних врагов, укрепляли Советскую власть. Китайский народ непременно должен учиться этому духу беззаветной борьбы, который присущ советскому народу... Корейскому и китайскому народам в их битвах против американских агрессоров «Тихий Дон» дает ценнейший опыт борьбы»[35].

Известный писатель Кан Чжо в статье «Об одной книге Шолохова» (журнал «Вэньи бао» — «Литература и искусство») писал в 1954 году о том, что «Поднятая целина» вдохновляла крестьян и руководителей на борьбу за социалистическую перестройку в деревне: «Герои этого произведения пережили много трудностей. А разве наши партийные работники на селе и крестьяне не претерпевают их сейчас? Но герои «Поднятой целины» во имя великой задачи построения социализма преодолевали все трудности, и мы идем по этому пути. Они показали, как надо это делать, безгранично вдохновляли нас, наполняли нашу борьбу еще большей отвагой и верой в победу»[36].

Кан Чжо приводит высказывания многих читателей о «Поднятой целине», которая оказала им огромную помощь в практической деятельности на селе. В заключение Кан Чжо отмечает, что творчество Шолохова плодотворно влияет на китайских писателей. В частности, работа Чжоу Ли-бо над переводом «Поднятой целины» вдохновила его на создание прекрасного романа «Ураган».

Комитет зарубежной литературы Союза писателей Китая в 1954 году в своем письме в Ленинградский университет сообщал: «Шолохов — один из любимых писателей китайского народа. Его произведения «Тихий Дон», «Поднятая целина» получили широкое распространение в Китае. Китайские писатели учатся на его произведениях методу социалистического реализма. Широкие народные массы воспитываются на идеях его произведений. «Поднятая целина» рекомендуется в качестве дополнительного пособия для изучения «Генеральной линии» (КПК) и «Истории КПСС»[37].

«Поднятая целина» была настольной книгой у всех работников партии на селе при проведении коллективизации в Китае, изучалась в деревенских партийных организациях. И, хотя она была издана стотысячными тиражами в крупнейших городах, этого не хватало. Ее издают в Харбине, Пекине и других городах в кратком изложении Мэн Фаня с фрагментами шолохов-

ского текста (о Давыдове, раскулачивании Титка Бородина, о Кондрате Майданникове)[38].

В китайской прессе до 1959 года были напечатаны сотни статей, которые давали высшую оценку «Поднятой целине». Достаточно назвать только заголовки: «Чему учит нас «Поднятая целина»[39], «На пути к новой жизни. О Майданникове»[40], «Деревенские работники должны учиться у Давыдова»[41].

В статье «Учиться революционному духу Давыдова» редакция шаньской газеты «Цюнь-чжун жибао» писала: «Сегодня, когда мы осуществляем генеральную линию нашего государства, направленную на социалистическое преобразование сельского хозяйства, изучение одного из лучших произведений советской литературы имеет особенно большое значение. Образ Давыдова, вожака коллективизации на Дону, — это пример для учебы и подражания нашим партработникам... Учитесь у Давыдова принципиальности и непримиримости ко всему, что наносит вред народу»[42].

...За эти годы М. А. Шолохов получил из Китая много писем. Читатели просили его поделиться раздумьями об уроках коллективизации в СССР. Шолохов ответил через газету «Жэньминь жибао», которая и опубликовала его письмо в номере от 5 января 1955 года. «Коллективизация, если она захватит народные массы,— писал Шолохов,— становится неизбежной, неотвратимой и могучей, подобно силам природы... Коллективизация — процесс сложный, труднейший (в СССР по значимости равный Великой Октябрьской революции), и ее осуществление в различных краях СССР имело свою специфику. Вот об этой специфике (особенностях) всегда и надо помнить. Примерно так же обстоит дело и в Китае... Я не могу себе представить, чтобы в Китайской Народной Республике процесс перехода к коллективному ведению хозяйства был одинаков в районах, которые были опорными базами Народно-освободительной армии Китая, и в районах, которые еще лишь недавно освобождены от гнета чанкайшистской клики».

Отвечая на вопросы, касающиеся его творческого метода, наш писатель сказал: «Каждый советский литератор по-своему решает свою творческую задачу, но цель у нас единая — служить великому делу коммунизма».

В заключение Шолохов заявил: «Хочу сказать вам от всей души: мы крепко любим вас, мы пристально, с любовью следим за вашими героическими успехами на трудовом фронте и горячо приветствуем ваши достижения. Желаем великому китайскому народу новых трудовых успехов и счастливой жизни в новом году. Желаю моим соратникам по перу новых творческих успехов и смелых дерзаний»[43].

В 1957 году журнал Союза писателей «Вэньи бао» в ознаме-

нование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции организовал среди своих читателей конкурс «На лучший отзыв о произведениях советских писателей». Отзывы печатались в этом журнале, а затем в августе 1958 года были изданы в сборнике «Спасибо советской литературе за помощь мне».

...Юноша, партийный агитатор Фэн Цзянь-нань из Чжанцзякоу в 1957 году был послан партией в деревню Большая Гэда уезда Чжанбай (пр. Хэбэй) для участия в коллективизации. Будучи образованным и большим любителем советской литературы, он принял участие в конкурсе журнала «Вэньи бао» и 22 сентября 1957 года прислал в редакцию этого журнала «Открытое письмо к товарищу Шолохову». Оно было опубликовано под символическим заголовком: «Вместе со мною участвовать в большом споре на село отправился и Давыдов»[44].

Письмо партийного агитатора Фэн Цзянь-наня — это не только отзыв о «Поднятой целине», но также исключительной важности литературный, интернационалистский и патриотический документ эпохи. Выражая Шолохову «сердечную благодарность» за его роман, Фэн Цзянь-нань пишет: «Товарищ Шолохов, сейчас все китайское крестьянство втянуто в большой спор: идти по социалистическому пути или же по капиталистическому. Спорят все, спорят до того, что лица багровеют и горят уши... Могу прямо вам сказать — ваш Давыдов вместе со мной пришел в деревню Большая Гэда и вместе со мной принял участие в большом споре. Я считаю, что Давыдов — один из самых любимых героев в нашей жизни и в произведениях современной литературы. Крепкая партийность, непреклонная решительность и энергия, близкие связи с массами, горячая любовь к делу коммунизма и самоотверженность характеризуют его как замечательного коммуниста».

Предостережения Давыдова о борьбе с «левыми» и правыми «очень полезны и у нас здесь, для наших некоторых партийцев и кадровых работников на селе». В действиях Давыдова, отмечает Фэн Цзянь-нань, ценных советов больше, чем в «директивах ЦК и циркулярах провинциального и местного парткомов». «Вдохновленный образом Давыдова», этот партийный агитатор «участвовал вместе с крестьянами в уборке урожая, научился жать пшеницу, копать картофель и на работе не был немым!». В письме он откровенно признавался: «Я пишу вам, товарищ Шолохов, чтобы вы знали, как помог мне, как поддержал меня созданный вами образ Давыдова».

Из второй книги он прочел лишь несколько глав, очень хочет поскорее прочитать весь роман и приглашает Шолохова в Китай «погостить, пожить в сельскохозяйственном коопера-

тиве. Мы будем, товарищ Шолохов, приветствовать вас от всего сердца!»[45].

Другой партийный работник — Ян Цзи-яо из Тайшаня — в «Письме к М. А. Шолохову» от 9 февраля 1959 года, присланном в редакцию журнала «Советско-китайская дружба», сообщал о «народных волнениях, которые были в некоторых районах Китая весной 1957 года», о том, что, «когда критиковали товарищей, которые допустили ошибки (порочные методы преодоления противоречий внутри народа), ваш герой Давыдов явился для нас эффективным средством воспитания и примером подражания...». Приглашая М. А. Шолохова к себе в гости, Ян Цзи-яо подчеркивал: «Необычайно велика вдохновляющая роль ваших произведений для социалистического строительства в нашей стране и для воспитания народа. Именно поэтому я и, конечно, не только я, а все знающие вас китайцы относятся к вам с особенным уважением и будут приветствовать ваш приезд в Китай»[46].

V

Так было до 1958 года. Затем, как известно, во внутренней и внешней политике правителей Пекина произошел крутой поворот, вскоре приобретший явно великоханьскую, националистическую и антисоветскую тенденцию. А это сразу же сказалось и на культурных связях с СССР. В Китае была запрещена популярная песня «Москва — Пекин», появились запреты на издания переводов советских книг, задержано издание второго тома «Поднятой целины», запрещено переиздание «Тихого Дона», произведений Л. Леонова, И. Эренбурга, А. Твардовского, К. Симонова и других.

Активные пропагандисты советской литературы — Дин Лин, Кан Чжо, Чжоу Ли-бо, Цзинь Жэнь, Цао Цзин-хуа и многие другие — были отправлены в трудовые батальоны «на перевоспитание».

Над бесстрашными борцами-коммунистами, которые сражались за свободу и независимость Китая, над писателями-интернационалистами, над всеми друзьями СССР и пропагандистами советской книги в Китае, над теми, кто был гоним и преследуем охранкой Чан Кай-ши и кто остался верен заветам Сунь Ят-сена, Лу Синя и Цюй Цю-бо, — над всеми этими подвижниками навис меч Мао Цзэ-дуна.

И снова все, что так высоко ценят коммунисты и прогрессивное человечество в советской науке, литературе, искусстве,— все это в Китае (как и при режиме Чан Кай-ши!) было предано проклятию, запрету и огню.

Выражая определившуюся за эти годы великоханьскую ли-

нию, Цзян Цин, жена Мао Цзэ-дуна, потребовала «покончить со слепой верой в китайскую и зарубежную классическую литературу», «сбросить на свалку истории Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Станиславского как буржуазных идеологов» и, наконец, изъять из библиотек Китая все советские книги и прежде всего произведения «родоначальника ревизионистской литературы и искусства Шолохова», который «оказал большое влияние на некоторых китайских писателей и читателей». В решении этих задач китайская армия объявлялась «главной силой и опорой»[47]. Все это привело к тому, что в наши дни произведения М. Горького, А. Толстого, В. Маяковского, А. Фадеева, М. Шолохова и многих других писателей по приказу Мао Цзэ-дуна изъяты из всех личных и государственных библиотек и сожжены.

В 1966—1968 годах китайская пресса была запружена великим множеством ругательных статей против советских писателей и в особенности против Шолохова. Ведущая газета маоистов «Жэньминь жибао» задала тон, предоставляя целые страницы фальсификациям и грубой брани. Так, например, 22 октября 1967 года редакция газеты «Жэньминь жибао» отдала всю 5-ю, «Литературную страницу» некоему Ши Хун-ю, который взялся «разоблачать подлинное контрреволюционное обличье Шолохова». В своей аннотации к этой «Литстранице» редакция «Жэньминь жибао» впервые цитирует «директиву Линь Бяо товарищу Цзян Цин в связи с «Всеармейским совещанием по вопросам литературы и искусства» (Шанхай, февраль 1966 г.). Она гласит: «Борьба против иностранного ревизионизма в литературе и искусстве не может ограничиваться лишь тем, чтобы хватать за горло мелкую сошку, вроде Чухрая. Пора хватать крупных, хватать Шолохова, и в схватке с ним быть достаточно смелыми. Он — родоначальник ревизионизма в литературе и искусстве»[48].

Редакция «Жэньминь жибао» к этой директиве дала комментарий, в котором сказано, что «распространение яда, источаемого Шолоховым, Симоновым, Эренбургом, Твардовским и иже с ними, особенно произведениями Шолохова, родоначальника советской ревизионистской литературы, чрезвычайно велико», а посему «министр обороны и преемник Мао маршал Линь Бяо ставит чрезвычайно важную боевую задачу всем — вести борьбу на фронте литературы и искусства против современного ревизионизма, центром которого является ревизионизм Советского Союза»[49].

Ши Хун-ю «просвещал» китайский народ: «На каждом ключевом этапе истории Шолохов всегда был на стороне антипартийных групп троцкистов и зиновьевцев. Он первым из литераторов поднял черное знамя ревизионизма, знамя измены пути Октябрьской революции»[50]. Однако эти лживые вымыслы не

имеют никакого отношения к Шолохову. Тем не менее Ши Хун-ю ссылается на «Донские рассказы». Излагая сюжет рассказа «Путь-дороженька» (из эпохи борьбы с бандитизмом на Дону), он называет главного героя — комсомольца Петра Кремнева — «отщепенцем, капитулировавшим перед врагом». Но в рассказе Шолохова юнец Петя, сын бедняка, убитого белыми мародерами, конечно же, не отщепенец, а смелый и отважный солдат, добровольно вступивший в отряд красных. В бою, будучи контужен, он попадает в плен к махновцам и на допросе ведет себя самоотверженно, а на угрозу расстрела убежденно отвечает: «Всех не перестреляете». Мужество Петьки, поставленного к стене для расстрела, приглянулось одному бандиту — «хохлу белоусому», который упросил взводного отдать ему юнца кучером на тачанку. Не скоро махновцы столкнулись с красными, но за это время Петька хорошо прощупал отряд, изучил людские души и в первом же бою, застрелив сотника, сагитировал махновцев сдаться красным.

О какой же «капитуляции» пишет «Жэньминь жибао»? И к чему эта фальсификация? Оказывается, лживая трактовка потребовалась «Жэньминь жибао» для того, чтобы возвести еще один поклеп: «Уже в 1921 году Шолохов изменил Октябрю»[51].

А ведь в послесловии переводчика Цао Ина к книге «Дуньхэ гуши» («Донские рассказы»), изданной в Шанхае в 1959 году,— а он понимал в советской литературе куда больше, чем хупвейбин Ши Хун-ю,— можно прочесть вот что: «В «Донских рассказах» авторская позиция предельно ясна: он горячо воспевает благородство характера и замечательные качества революционеров и безжалостно разоблачает реакционную сущность контрреволюции, ее хищный, бесчеловечный облик. Красной нитью через все рассказы проходит одна мысль: пусть враг злобствует, пусть борьба становится все более острой и сложной, пусть обстановка, в какой временами оказываются революционеры, исключительно тяжелая — победит справедливая революция, окончательно и бесповоротно разобьет вдребезги контрреволюцию»[52].

Такова неувядаемая правда «Донских рассказов» Шолохова, в которых воспета романтика утверждения коммунистической нови на русской земле.

* * *

23 октября 1967 года «Жэньминь жибао» опубликовала инсценировку «Борьба с ревизионизмом на экзамене. Наш студент, обучавшийся в СССР, громит Шолохова», без указания ее автора. Время действия — январь 1964 года, место действия — советский вуз, тема экзамена — «Судьба человека» Шолохова.

Главное действующее лицо — студент-китаец, который на экзамене «громит» Шолохова и советского профессора-экзаменатора, легко «доказывает», что Шолохов якобы был «против Отечественной войны и что он вообще против антифашистских, революционных, справедливых войн»[53].

В рассказе «Судьба человека» Шолохов, как известно, поведал о горечи и тяжести наших утрат на войне, о величии ратного труда советских воинов, о трудной судьбе солдата Соколова и еще раз напомнил миру о злодеяниях гитлеровцев, чьи последыши вновь поднимают голову в ФРГ. Известно это и китайцам-интернационалистам. К примеру, Чжан Ли-юнь в газете «Гуанмин жибао» от 16 марта 1957 года требовал скорейшего перевода на китайский язык этого рассказа — «памятника героизму русского народа в Великой Отечественной войне»[54]. А критик Фан Шу-минь в статье «Прославление русского характера», опубликованной в газете «Чунго циннянь бао» в 1957 году, сказал: «Великий советский писатель Шолохов создал замечательный образ советского человека!»[55] В апреле 1957 года «Судьба человека» была опубликована журналом «Ивэнь» (перевод Цао Ина), затем она была издана в Шанхае, Пекине, Нанкине... Но после поворота курса в политике Пекина против Советского Союза, разгромившего в 1941—1945 годах фашизм в Европе и Азии, «прославление русского характера» становилось делом запретным, а клевета против Шолохова поощрялась.

В 1966—1967 годах «Жэньмин жибао» напечатала свыше двадцати специальных страниц против «Поднятой целины». Так, например, в номере газеты от 22 октября 1967 года Ши Хун-ю называет первую книгу «Поднятой целины» «гимном правооппортунистическому пути» и клевещет, что этот роман «воспевает курс Бухарина, бьет во все колокола, расчищая дорогу для реставрации капитализма»[56]. 5 ноября 1967 года газета отводит целую полосу «разоблачениям» романа и образ Давыдова объявляет «предельно фальшивым»[57]. 11 ноября 1967 года публикуется статья «бойца Н-ской части Ли Цина», в которой Шолохов называется «защитником кулачества»[58], а в номере от 22 ноября 1967 года отдана еще целая страница Фань Доа-ди и Сян Дун-гую, которые пишут о том, что в «Поднятой целине» беднейшее крестьянство якобы «не обладает никакой активностью» и «служит главной силой реставрации капитализма» и что «Поднятая целина» — это «ода кулачеству, написанная Шолоховым в целях ниспровержения власти пролетариата»[59]. И этому нет конца!

В буржуазной прессе нам приходилось читать всевозможные домыслы и выдумки. Но столь бредового извращения главной идеи романа о коллективизации еще никогда не было.

Да, так и поступают ныне новоявленные китайские «теоретики», вовсю трубят: «Григорий Мелехов — бандит», «Тихий Дон» — это ядовитая трава», «Шолохов — враг ленинского принципа партийности в литературе», «Шолохов против отображения героических образов рабочих, крестьян и солдат», во второй книге «Тихого Дона» он (по словам «Жэньминь жибао») изобразил казнь отряда Подтелкова и цитирует приговор белогвардейского суда со списком казненных красногвардейцев только для того, чтобы «высказать лютую ненависть самого Шолохова к Красной Армии и Советскому Союзу»[60].

Статьи китайской прессы, и в особенности «Жэньминь жибао», о Шолохове за последние годы поражают лживостью, вульгарностью и невежеством. Рассчитанные на темных, отсталых людей, бредовые измышления «Жэньминь жибао» свидетельствуют о политическом маразме маоистов, их измене принципам марксизма-ленинизма.

Советский народ и все прогрессивное человечество знают истинную цену книгам Шолохова. Поэтому сожжение хунвейбинами на кострах произведений Пушкина и Толстого, Горького и Шолохова, Маяковского и Есенина, Твардовского и других русских классиков и советских писателей мы рассматриваем как акции вандализма, как временное затмение сознания великого и трудолюбивого китайского народа.

ЯПОНИЯ

I

В Стране восходящего солнца «Тихий Дон» появился в начале 1931 года, в пору наивысшего подъема литературного демократического движения, которое развивалось под флагом «Сэнки» («Боевое знамя») — легального революционного журнала Всеяпонской федерации пролетарского искусства (НАПФ).

В конце 20-х годов редакция этого журнала провела большую организаторскую и творческую работу среди левых литераторов, сплотив их в федерацию. Огромное значение имели идейный рост критиков и выработка метода пролетарского реализма, который был сформулирован Курахара Корэхито и обнародован в мае 1928 года в журнале «Сэнки»[1].

В эти годы редакция «Сэнки» вдохновила переводчиков на издание Собрания сочинений М. Горького, «Железного потока» А. Серафимовича, «Разгрома» А. Фадеева, «Чапаева» Д. Фурманова, «Цемента» Ф. Гладкова, «Бронепоезда № 14-69» Вс. Иванова...

В 1929 году издательство «Рэймэй-ся» выпустило в трех томах избранную прозу и поэзию 30 советских писателей. В первом из них, наряду с произведениями В. Маяковского, Н. Тихонова, А. Толстого, А. Неверова и других, был опубликован рассказ Шолохова «Семейный человек» под заголовком «Отец»[2].

Выход в свет с 1928 года в нелегальных условиях центрального органа Компартии — газеты «Сэкки» («Красное знамя»), сплочение вокруг журнала «Сэнки» большой группы талантливых писателей, вступление крупнейших литераторов Кобаяси Такидзи, Курахара Корэхито, Накано Сигэхару* и других в нелегальную Компартию, официальное признание (в апреле 1930 г. на II съезде Союза пролетарских писателей Японии) метода пролетарского реализма главной доктриной прогрессивных художников — все это всполошило правящие круги Японии. Они забили тревогу, решив, что наступил час

* В Японии принято фамилию ставить на первом месте, а имя — на втором. В данной главе автор придерживается этого принципа.

укрепить трон и его тыл путем разгрома демократических организаций, в том числе и литературных.

Еще в 1927 году премьер-министр, генерал Танака, в своем секретном меморандуме японскому императору писал: «В программу нашего национального роста входит необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией... Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет быстро пойти вперед»[3].

В 1928 году парламент, приняв закон «Об искоренении опасных мыслей», запретил деятельность «Родо номинто» — рабоче-крестьянской партии, японского совета профсоюзов и Союза пролетарской молодежи, которые идейно примыкали к нелегальной Компартии. В тюрьмы были брошены десятки тысяч «красных», тайная полиция начала составлять списки «красных» интеллигентов, которых лишали права на работу. Летом 1931 года правительство начало судебный процесс над лидерами Компартии, а 18 сентября японский генштаб двинул свои войска в Маньчжурию, начав грабительскую авантюру в Китае.

Над Токио и всей Японией, в Порт-Артуре и Корее, на кораблях, аэродромах и полигонах, на сборищах самураев утром и вечером, как клятва императору, гремел воинственный вопль: «Урару-э-но дзэнсин!»*

Вот в это время, как ни покажется странным, в Токио, окутанном шовинистическим угаром, в магазинах «Тэтто сёин» и появилась книга, озаглавленная «Сидзукапару Дон»[4] («Тихий Дон») Михаила Шолохова.

II

Национальная библиотека японского парламента дала справку, что «переводы Сотомура Сиро «Тихого Дона» (Токио, «Тэтто сёин», 1931) и Уэда Сусуму «Поднятой целины» (Токио, «Наука-ся», 1933) считаются в Японии самыми первыми»[5].

Приходилось слышать от японцев, что первым переводчиком «Тихого Дона» был Баба Кэйя. В одном из японских изданий «Тихого Дона» (перевод профессора Йокота Мидзухо), в послесловии к шолоховскому роману, выпущенному 25 ноября 1960 года издательством «Кавадэ сёбо синся», имелось сообщение о том, что Йокота «30 лет назад**, будучи студентом, читал первую книгу «Тихого Дона» у своего учителя Баба Тэ-

* Вперед, до Урала!
** В 1930 г.— *К. П.*

цуя (Кзйя), который готовил перевод романа Шолохова для издательства «Тэтто сёин»[6].

Кто же этот Баба Тэцуя (Кзйя)? И почему его имени нет в библиографии, которую я получил из Национальной библиотеки? Был ли издан его перевод? Сотрудник журнала «Совэто бунгаку» Мураи Такаюки (из университета г. Кагава) разъяснил: «Баба Тэцуя (1891—1947) — это наш выдающийся критик и знаток русского языка. Как переводчик произведений Горького, Фриче, Шолохова, он (Баба Тэцуя) выступал под псевдонимом Сотомура Сиро»[7].

Реклама на обложке японского издания книги В. М. Фриче «Очерк развития западных литератур» (декабрь 1930 г.) указывает, что издательство «Тэтто сёин» готовило к выпуску «Тихий Дон» Шолохова в переводе Сотомура Сиро[8].

Итак, переводчиком «Тихого Дона» в Японии был Баба Тэцуя. И Япония была не первой, как полагают иногда, а седьмой страной по времени его издания за рубежом.

Иероглифы на титульной странице книги «Сидзуканару Дон» («Тихий Дон» в переводе Сотомура) сообщили нам еще одну весьма важную новость. Оказывается, роман Шолохова появился под грифом: «Научно-исследовательский институт пролетарской науки. Книга подготовлена научно-исследовательским обществом советской литературы»[9]. Известно, что эти общественные организации были разгромлены полицией летом 1931 года, когда в Токио шли массовые аресты революционных рабочих, прогрессивных писателей, журналистов и вообще людей с «опасными мыслями».

Гриф этот свидетельствует о творческих связях Сотомура Сиро с Союзом пролетарских писателей и редакцией революционного журнала «Сэнки» и дает основание предполагать, что Компартия Японии, будучи в глубоком подполье, проводила работу через близкие ей пролетарские организации, продвигая в массы и новинки советской литературы.

III

Библиотеки Москвы не имели образцов первых японских изданий шолоховских романов. Национальная библиотека Японии почему-то не смогла прислать фотокопии трех названных нами глав из второй книги «Тихого Дона» для сверки их с оригиналом. Попытки известной пропагандистки творчества Шолохова в Японии Абэ Иосиэ приобрести фотокопии этих глав в Национальной библиотеке также оказались безуспешными.

В письме ко мне от 2 февраля 1965 года Абэ Иосиэ писала: «...вчера я получила из Национальной библиотеки парламента

ответ господина Хаями с отказом отснять для вас фотокопии страниц «Тихого Дона» по причине очень сложных формальностей. Найти у букинистов Токио «Тихий Дон» в переводе Сотомура 1931 года издания невозможно. Бывший директор издательства «Тэтто сёин» Кобаяси Исаму и профессор университета «Васэда» Йокота Мидзухо обошли все букинистические лавки Токио и ничего не нашли. Также безнадежны розыски первого издания «Поднятой целины» 1933 года в переводе Уэда Сусуму. О переводчиках скажу кратко.

Сотомура Сиро (1891—1947) окончил русское отделение института иностранных языков, преподавал русский язык в университете «Васэда». Талантливый критик. Был консультантом в министерстве иностранных дел Японии. В 1940 году призван в армию, служил при посольстве в Маньчжоу-Го. В войну был взят Красной Армией в плен и умер в Сибири.

Уэда Сусуму (1907—1947) окончил филологический факультет университета «Васэда» в 1931 году. Прекрасный знаток русского языка, переводчик Пушкина, Шолохова и других. С 1945 года Уэда — член Компартии Японии. В 1933 году он перевел и издал «Поднятую целину», а в 1935 году — «Тихий Дон». Он был так очарован Шолоховым и всей душой отдавался переводу «Тихого Дона», что назвал свою единственную дочь в честь шолоховского романа «Сидзукапа Дон» — Сидзуэ, что значит: «Тишайшая». Он умер в феврале 1947 года от туберкулеза легких. А его дочь Сидзуэ недавно покончила жизнь самоубийством (при загадочных обстоятельствах) на знаменитом озере Тавата, о чем много писали все наши газеты...

Токио. Япония. *Абэ Иосиэ*»[10].

Вскоре профессор Йокота Мидзухо прислал мне второй том «Тихого Дона» (издания 1935 года, «Микаса сёбо», Токио) в переводе Сотомура Сиро с многочисленными цензурными изъятиями в тексте. Затем из редакции журнала «Совэто бунгаку», от Мураи Такаюки, я получил томик первого издания «Хиракарэта сёдзёти» («Поднятая целина», издания 1933 г., «Наука-ся», Токио) в переводе Уэда Сусуму. Надпись на ее титульной странице гласила: «Это подарок известному слависту профессору Курода Тацуо от знатока и переводчика 70-томного Собрания сочинений Л. Н. Толстого профессора Хара Хасаитиро»[11]. Заметим, кстати, что выдающиеся переводчики профессора русской филологии Хара Хасаитиро и Курода Тацуо в декабре 1967 года Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденом «Знак Почета» за многолетнюю и плодотворную работу в области переводов советской художественной литературы.

Так с помощью наших друзей-переводчиков удалось установить, что первое издание обоих романов Шолохова вышло без предисловий и каких-либо комментариев. Несомненно, научно-исследовательский институт пролетарской науки, да и критик Сотомура Сиро и поэт Уэда Сусуму могли бы многое сказать японским читателям о русской революции и новой литературе в России. Но в ту пору в Японии чрезвычайный закон запрещал употребление в печати таких «опасных» слов, как «Советы», «революция», «Красная гвардия», и многих других. Писать о России надо было с осторожностью, иначе можно было попасть в тюрьму. Лишь в 1935 году, когда Сотомура Сиро в издательстве «Микаса сёбо» предпринял второе издание своего перевода, ему удалось опубликовать крохотное «маэгаки» — предисловие. Вот его полный текст:

«Роман Шолохова «Тихий Дон» — монументальное литературное произведение, которое заняло видное место в мировой и советской литературе... Прежде в русских повестях «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя и «Казаки» Л. Н. Толстого казачество изображалось в романтическом стиле, розовыми красками. Однако в романе «Тихий Дон» впервые изображена жизнь казацкой общины, раздираемой внутренними противоречиями и классовой борьбой, на фоне неповторимо красивой природы Дона. Сердечно и просто, без замысловатых сюжетных хитросплетений, величественно и спокойно, подобно течению батюшки Дона, автор повествует о том, как в условиях первой мировой войны и пролетарской революции разрушаются вековые традиции, сложившиеся в своеобразных исторических условиях царской империи... Ознакомившись только с первым томом романа, читатель уже убедится, что Шолохов обладает достаточно большими способностями, чтобы справиться с грандиозным замыслом и порадовать литераторов всего мира четвертой книгой «Тихого Дона», завершающей монументальное произведение эпохи.

6 мая 1935 года. *Сотомура Сиро*»[12].

IV

Мы не располагаем сведениями о том, как Сотомура удалось выпустить второе издание шолоховского романа. Но трудности, очевидно, возникли большие. В то время в Японии, наряду с полицией и самураями, свирепствовала так называемая главная прокуратура по идеологической охране трона, которая вела беспощадную борьбу с носителями «опасных» мыслей.

Японские издания «Тихого Дона» 1931 и 1935 годов пестрят множеством пробелов (в III части снято девять глав — с XVI по XXIV), которые появились в результате цензорских вычеркиваний. Особенно грубо расправилась японская цензура со вторым томом: цитаты из ленинских работ изуродованы, извращены все большевистские воззвания, острые политические высказывания персонажей романа — Бунчука, Гаранжи, Подтелкова, Лагутина и других. Например, в I главе второй книги «Тихого Дона» большевик Бунчук в фронтовой землянке ведет острый политический спор с офицерами. Бунчук говорит: «Русско-японская война породила революцию тысяча девятьсот пятого года — эта война завершится новой революцией. И не только революцией, но и гражданской войной»[13].

В японском издании «Тихого Дона» этот отрывок цензурой представлен так: «Русско-японская война породила... тысяча девятьсот пятого года»[14]. И все! Изъяв из текста четырнадцать слов, цензура вытравила важнейшую мысль большевика Бунчука о перспективе выхода России из войны, о превращении империалистической войны в войну освободительную, революционную.

Далее, в той же сцене офицер Калмыков спрашивает Бунчука: «Ну хорошо, допустим, что *эта война превратится в гражданскую войну...* потом что? Ну, *свергнете вы монархию...* Какое же, по-вашему, должно быть правление? Власть-то какая?

— Власть *пролетариата*.

— Парламент, что ли?

— Мелко! — улыбнулся Бунчук.

— Что же именно?

— Должна быть рабочая *диктатура*»[15].

Цензоры изъяли из этого шолоховского текста все выделенные слова[16]. Как видим, мысль о свержении монархии и установлении рабочей диктатуры привела цензуру в трепет.

В той же главе большевик-офицер Бунчук зачитывает своим однополчанам-офицерам документ Ленина — отрывки из его статьи, напечатанной в Женеве в журнале «Коммунист»:

«...Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку,— бери эти орудия *смерти* и разрушения, не слушай сентиментальных нытиков, боящихся войны, на свете еще слишком много осталось *такого*, что должно быть *уничтожено* огнем и железом *для освобождения рабочего класса*, и, если в массах нарастает *злоба* и отчаяние, если налицо *революционная* ситуация, готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные

орудия смерти и разрушения *против* своего *правительства* и своей *буржуазии*»[17] (курсив мой.— *К. П.)*.

Японская цензура сняла выделенные слова[18]. И примеров этих по страницам японского издания романа не перечесть.

Современный талантливый переводчик Хара Такуя* прислал нам на семнадцати страницах перечень изъятий в первой и второй книгах «Тихого Дона» издания 1931—1935 годов Цензура искромсала роман, вычеркнув все критические и сатирические замечания в адрес русского царя и царицы, в адрес генералов, помещиков и буржуазии. Во второй и третьей книгах «Тихого Дона» трудно найти страницу, где не было бы пробелов в иероглифических столбцах. Буквально все страницы «Тихого Дона» пестрят многоточиями.

В примечаниях к перечню Хара Такуя пишет: «В «Тихом Доне» повсюду вычеркнуты фразы и слова: «Солдаты, братайтесь!», «Долой самодержавие!», «Долой империалистическую войну!», «Фабрики — рабочим, землю — крестьянам», «народная власть», «партия большевиков», «прижали нас цари», «царь-кровосос», «всю землю разделить на души», «Красная гвардия», «военно-революционный комитет», «Советы», «революция», «красные», «гражданская война», «комиссар», «убивают офицеров», «армия разбегается», «душители революции» и бесчетное множество других цитат»[19].

Подобные цензорские изъятия разрушили и идейно ослабили текст. Но даже в таком ущербном виде роман, выпущенный издательством «Микаса сёбо» (Токио, 1931—1935), привел в ярость самураев главной прокуратуры по идеологической охране трона. Отправив к тому времени в тюрьмы свыше сорока тысяч коммунистов и демократов (в том числе прогрессивных писателей, журналистов и профессоров), главная прокуратура распорядилась изъять из продажи вторую книгу «Тихого Дона».

Нам не удалось получить из Японии фотокопию распоряжений цензуры о сокращениях в «Тихом Доне». Национальная библиотека японского парламента хранит об этом молчание. Но в одном из послевоенных японских изданий «Тихого Дона», выпущенном в 1952 году фирмой «Микаса сёбо», в большом и интересном послесловии известного литератора-критика Курахара Корэхито от 19 февраля 1952 года мы обнаружили весьма

---

* Хара Такуя перевел на японский язык Собр. соч. А. П. Чехова в 16-ти т., «Воскресение» и «Анну Каренину» Л. Н. Толстого, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М. А. Шолохова и произведения других авторов.

важное сообщение о том, что «до войны вторая книга романа «Тихий Дон» ...по выходе в свет была властями запрещена к продаже и изъята»[20].

Как сообщает там же Курахара Корэхито, в 1952 году при переиздании «Тихого Дона» фирма «Микаса сёбо» пригласила Эгава Таку*, который сделал тщательную сверку текста «Тихого Дона» с оригиналом Шолохова и восстановил все, что прежде было вырублено имперской цензурой.

V

За далью лет и расстояний очень трудно выяснить, как же был воспринят «Тихий Дон» в Японии и каковы были на него отклики в прессе. Наш друг энтузиаст Мураи Такаюки, сотрудник редакции «Совэто бунгаку», в одном из писем сообщает: «Революционный журнал «Сэнки» у нас найти невозможно, чтобы его послать вам. Многие мои друзья — А. Миякава (Вада), Ясуи (консультируясь с профессорами Курода Тацуо и Йокота Мидзухо) — ищут в архивах первые отклики прессы на «Тихий Дон». Беда в том, что в Токио после яростных бомбардировок американских штурмовиков во время второй мировой войны архивы газет и журналов сгорели»[21].

Национальная библиотека японского парламента на мой запрос по этому поводу ответила, что в комплектах ведущих газет того времени в Токио нет рецензий, относящихся к выходу в свет в 1931 году «Тихого Дона» и в 1933 году «Поднятой целины»[22].

Тем временем наши друзья в Японии продолжали розыски и по крупицам присылали свои находки. Вот одно из писем, характеризующих существо наших взаимоотношений. Мураи Такаюки писал нам: «...большое спасибо за письма от 15 мая и 4 июня 1966 года и посылки, в которых вы прислали нам по 3 экземпляра юбилейных книжек о великом писателе М. А. Шолохове — «Цвет лазоревый» В. Закруткина и «Вешенское лето» А. Калинина. Книги эти я уже передал профессору Курода Т. и сотруднице Миякава А.

Весьма приятно узнать, что мое письмо от 10 августа 1964 года помогло вашему важному делу, жаль, что моя посылка от того же числа получена вами не полностью... Ну что ж, не нужно горевать напрасно. Кстати, у нас в Японии есть такая поговорка: «Нана короби я оки», что значит: «Семь раз упал — восьмой раз вставай!» Конечно, мы, сотрудники редак-

* Эгава Таку — сын первого переводчика «Тихого Дона» Баба Тэцуя (Сотомура Сиро).

ции журнала «Советская литература» на японском языке (ответственным редактором которого является профессор Курода Тацуо), с удовольствием окажем помощь столько раз, сколько вам понадобится. Помните, и в Японии М. А. Шолохов является одним из самых любимых писателей!..

Да здравствует дружба народов Японии и СССР!»[23]

* * *

О том, как был воспринят в 30-е годы роман Шолохова студенчеством, впечатляюще высказался Йокота Мидзухо, теперь профессор университета «Васэда», в своем послесловии к переводу «Тихого Дона».

«В 1930 году,— пишет Йокота Мидзухо,— будучи студентом, я прочел первую и вторую книги «Тихого Дона», и ужасы войны, революции и чувство трагического глубоко запали в мое сердце. Глаза писателя Шолохова поразили меня — пристальные и холодные, как линза,— они видели все! Я почувствовал жгучую ревность к Шолохову, который был моложе меня всего лишь на один год, но обладал таким необыкновенным, таким безжалостным взглядом. Произведение его в самом деле было выдающимся! Но так как роман еще не был завершен, у меня закралось сомнение: а станет ли «Тихий Дон» шедевром в полном смысле этого слова? Мне пришлось долго ждать. Но вот после войны, когда я прочел в оригинале (на русском) четвертую книгу «Тихого Дона» (в Японии до капитуляции ее нигде нельзя было найти!), а потом заново прочел на русском языке все четыре книги романа, я сложил оружие перед Шолоховым и говорю: «Да, он создал истинный шедевр!»[24]

В конце 20-х и начале 30-х годов на литературном фронте в Японии происходила острая борьба двух главных направлений — пролетарского и буржуазного. Подобно тому как в Европе творческая интеллигенция переживала глубокий духовный кризис, в Японии буржуазные литераторы также не видели просвета. В Токио появились свои литературные группы неоромантиков, неореалистов и другие, и каждая из них на свой лад повторяла и перепевала мотивы бардов западноевропейского декаданса. Увлечение жанрами «ватакуси сёсэцу» (повесть о себе), «симпэн сёсэцу» (рассказы о том, что мне близко) и «синкё сёсэцу» (новеллы о душевном мире) привело буржуазных писателей в тупик. Поэтому не удивительно, что шолоховский эпос оказался для многих эстетствующих писателей непонятным.

Надо отметить, что в 1931 году в Союзе пролетарских писателей Японии к «Тихому Дону» отнеслись весьма сдержанно (видимо, не без оглядки на рапповскую критику). И лишь вы-

дающийся пролетарский писатель Кобаяси Такидзи понял и оценил эпическую мощь, философскую глубину и новаторскую силу Шолохова.

В большой статье «Четыре интереса», напечатанной в газете «Иомиури» от 20 июня 1931 года, Кобаяси Такидзи писал: «...наряду с абсолютно необходимыми нам темпераментными, быстрыми, как скачущий конь, произведениями, нам нужны спокойные, неторопливые, как течение большой реки, произведения, которые раскрывали бы нам тайны долгой ночи*. ...Недавно я прочел «Тихий Дон» Шолохова... В пролетарской литературе я еще не встречал такого великолепного, такого поразительно замедленного, как течение большой реки, произведения, не выносящего на поверхность всех подробностей маленьких чувств (говорю об этом с завистью!). Мы, японские пролетарские писатели, еще не доросли до таких произведений. Я еще никогда не чувствовал такой зависти, какую испытываю к этому произведению. У нас до сих пор нет ни одного замедленного в этом смысле произведения пролетарской литературы. Но если предположить, что в Японии родится такое произведение, то скорее всего наши ограниченные критики разделаются с ним двумя-тремя словами — «непролетарская литература»[25].

В Союзе пролетарских писателей Японии, как и предполагал Кобаяси, некоторые критики, не поняв эпического размаха «Тихого Дона», не смогли оценить и новаторства Шолохова. В связи с этим в японской пролетарской прессе появились статьи против Кобаяси и шолоховского «Тихого Дона». Эта полемика имела принципиальное значение, и Кобаяси Такидзи уже в августе 1931 года снова выступил в одной из либеральных газет («Кокумин симбун») с большой статьей «Чему учит «Тихий Дон»?» в защиту шолоховского реализма. Статья эта представляет ценность и в наши дни. Как пишет Кобаяси, многие его соратники после II съезда Союза писателей (февраль 1930 г.), где главной задачей творческих работников были признаны метод пролетарского реализма и необходимость идейно обогатить содержание литературных произведений, шарахнулись в догматизм, прямолинейно и без меры набивая свои произведения партийными лозунгами.

«Произведения наших писателей,— писал тогда Кобаяси,— почти все стали до тошноты одинаковы сюжетно и с одинаковыми концовками. То же надо сказать и о персонажах наших произведений. Какой бы новый тип человека мы ни создавали, он всегда изображается как абсолютно удобная для нас креа-

---

* Подразумевается мрак монархо-фашистского режима Японии.— *К. П.*

Автограф М. А. Шолохова, адресованный известной японской пропагандистке его творчества Абэ-сан Иосиэ (1936).

тура... Судя по нашим произведениям, в японской действительности все очень уж быстро улаживается. Поэтому я и поставил всем в пример шедевр Шолохова «Тихий Дон» с замедленным повествованием... Чему учит нас «Тихий Дон»? Существование социалистической страны есть не просто факт. Сущность его подсказывает ясную, определенную цель пролетарскому движению в других странах, приближает ее. И в этом смысле «Тихий Дон» сокращает путь развития нашей японской пролетарской литературы... Первое, что я почувствовал, когда сравнивал «Тихий Дон» с моей «Фабричной ячейкой», это то, что мой рассказ подобен наибольшему общему делителю. Я обнаружил, что почти все наши произведения не дают описания живой реальной действительности, а выбирают из нее лишь «наибольший общий делитель»... Мне, как пролетарскому писателю, это очень обидно, мне хочется, чтобы все мы, и пусть самостоятельно, в одиночку, изучили «Тихий Дон» и сообща взялись поднимать нашу отсталую литературу»[26].

В 1931 году, в сентябрьском номере левого журнала «Сэн-

ки», в статье «Прочтите эти книги», Кобаяси снова выступает с высокой оценкой второго тома «Тихого Дона»[27]. Кстати сказать, этот девятый номер журнала был последним. Он вышел 17 сентября 1931 года, а на следующий день власти и полиция запретили издание «красного и опасного» журнала, конфисковав его тираж. Поводом к этому послужило начало японской интервенции в Китае.

* * *

В 30-е годы в Японии «Тихий Дон» был издан в переводе Сотомура трижды и в переводе Уэда — дважды, а «Поднятая целина» впервые была выпущена в свет (без цензурных сокращений!) в переводе Уэда в сентябре 1933 года, затем в переводе Ионэкава Масао — в 1935 году.

Это было время, когда репрессии против прогрессивных писателей, критиков и журналистов в Японии приняли массовый характер. Так, например, в 1932 году в тюрьмы было брошено свыше четырехсот членов Всеяпонской федерации пролетарского искусства. Десятки коммунистов, в том числе члены ЦК Компартии Ватанабэ, Уэда, Ивата, были злодейски убиты, а выдающийся писатель Кобаяси Такидзи, скрывавшийся в подполье, был выслежен и 21 февраля 1933 года схвачен тайной полицией и замучен насмерть.

В условиях террора издание переводов произведений советских писателей в Японии прекратилось. Даже статьи о советских писателях в японских журналах стали редкостью.

Но все же в середине 30-х годов в журналах «Кайдзо» и «Бунгэй» появились очерки о Шолохове, которые оставили заметный след. Автор их — арфистка Абэ Иосиэ (ученица нашей Ольги Эрдели) — в большом очерке «Встреча с Шолоховым на Дону» (журнал «Кайдзо», Токио, февраль 1936 г.) писала о том, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в Японии вызвали большую сенсацию». Абэ рассказала японским читателям много интересного о Шолохове, писателе и человеке, о его семье, о «поэтической обители в станице Вешенской», о жизни казаков-колхозников. Осенью 1935 года Абэ посетила Вешенскую, вместе с Шолоховым гостила у колхозников на празднике «дня урожая». Абэ была потрясена всем виденным и в особенности тем, что казаки — стар и млад — величали «молодого писателя Шолохова отцом своего колхоза».

В богатом фактами и документами очерке Абэ с восхищением и удивлением подчеркнула главнейшую особенность в характере писателя: «Во всех его суждениях и поведении ощущается благородный характер, который трудно выразить словами. Трудно понять, откуда у молодого писателя такая сдержан-

ность и простота в характере. Особенно нас поражает его скромность. Сколько с ним ни разговаривай, он не выскажет ни малейшего намека на самодовольство. Остается только преклонить голову перед такой скромностью... Повсюду с удивлением говорят о Шолохове. Неожиданно, подобно комете, появился он на литературном небосклоне СССР, опубликовал такое крупное произведение, как «Тихий Дон», а вслед за ним «Поднятую целину». Был вознесен на вершину социалистического реализма, молодым встал рядом с Горьким, весь мир славит его гений, а он... не гонится за славой, не упивается ею, нетерпеливо отмахивается от потока славословия и продолжает вести скромный образ жизни в глухой провинции»[28].

* * *

Разгром японской военщины и самураев у Халхин-Гола (1939), подписание договора о ненападении между СССР и Германией (1939), наконец, обсуждение японскими представителями в Москве с правительством СССР проекта пакта о нейтралитете (1940) смягчили обстановку. Переводчики книг Шолохова Сотомура Сиро и Ионэкава Масао немедленно воспользовались этим и в 1940 году выпустили: первый — три тома «Тихого Дона» (в издательстве «Микаса сёбо»), а второй — «Поднятую целину» (в издательстве «Кавадэ сёбо»).

Перед войной — этой долгой черной ночью — на книжном рынке Японии шолоховские книги были последней ласточкой из Страны Советов...

VI

В первые годы после капитуляции издание переводов произведений советских писателей в Токио тормозили американская военная администрация и ветры «холодной войны». За первые семь лет американской оккупации (с 3 сентября 1945 по 1952 г.) шолоховские романы там были изданы дважды: «Тихий Дон» в 1947 («Кавадэ сёбо», перевод Сотомура Сиро) и в 1950 году («Наука-ся», перевод Уэда Сусуму и Йокота Мидзухо), а «Поднятая целина» в 1950-м («Бунко хёрон-ся», перевод Уэда Сусуму и «Минсю хёрон-ся», перевод Ионэкава Масао).

В этих изданиях нет ни предисловий, ни комментариев. Лишь издательство «Наука-ся» на суперобложке дало смелую аннотацию, которая заслуживает внимания и наших читателей: «Тихий Дон» Шолохова можно сравнить только с «Войной и миром» Толстого. Это величественная эпопея. Дон в ней течет тихо и мощно, как естественный поток истории. Изображая всевозможные жизненные перипетии и страдания людей, вызван-

ные войной и революцией, автор утверждает смелую и дерзкую идею: народные массы бессмертны, а те, кто идет против народа, непременно погибнут! Вдохновленный этой идеей, автор выступает против буржуазной литературы и, поднявшись на недосягаемую высоту, пытается разобраться, в чем заключается главная тревога современности»[29].

* * *

Японское радиовещание, уделяя достаточно внимания мировым шедеврам, многие годы замалчивало имя Шолохова. Впервые литературно-драматическая радиопередача «Тихий Дон» прозвучала в Токио лишь 2 июля 1956 года, т. е. через одиннадцать лет после капитуляции.

Абэ Иосиэ по этому поводу писала мне следующее: «Литературно-драматический отдел «Нихон хосо кёкай» (японской радиовещательной корпорации) давно и решительно отказался дать в эфир «Тихий Дон» Шолохова, так как Япония и СССР — страны с различными государственными системами. Но я неустанно продолжала писать письма в радиоцентр, посещала члена руководства литдрамвещания — писателя, критика и знатока русской литературы Дзиндзай Кёси — и наконец добилась победы. «Нихон хосо кёкай» согласилась дать в эфир «Тихий Дон». Вместо одночасовой передачи «Театра шедевров» нам для Шолохова дали два часа! Профессор Йокота Мидзухо (переводчик «Тихого Дона» и «Поднятой целины») приготовил для радиослушателей интересное вступление — «Слово о Шолохове». Ведущим был приглашен выдающийся актер Такудзава Осаму, которого можно сравнить только с вашим Качаловым. Музыку к спектаклю написал наш лучший композитор, большой поклонник Шолохова, Хасэгава Йосиво. На исполнение ролей Григория, Аксиньи, Натальи и других были приглашены мастера — актеры театра «Мейсаку», весь оркестр радиовещания, а я на арфе исполняла старинные казачьи песни. Кое-кому в верхах очень не нравилось то, что «Тихий Дон» будет передан по японскому радио, и возникли опасения, как бы в последнюю минуту ветер «холодной войны» не сорвал нам радиопередачу. Поэтому все мы пришли в радиостудию с заранее заготовленными заявлениями протеста (для прессы) в защиту «Тихого Дона». Я это пишу вам, чтобы вы знали, в какой рискованной обстановке мы готовились к выступлению по радио. Но все обошлось благополучно, передача прошла с большим успехом, и вся Япония два часа слушала «Тихий Дон» Шолохова!»[30]

На фоне жесткого курса американских оккупационных властей в Японии ко всему советскому выпуск в свет «Тихого

Дона» в 1952 году двумя издательствами («Микаса сёбо», апрель, и «Кадокава сётэн», ноябрь) надо считать почти подвигом. Каждое из них было привлекательно не только своим изяществом, портативным форматом, невысокой ценой, но и тем, что в них не было прежних цензурных изъятий.

Издательство «Микаса сёбо» дало к первому томику «Тихого Дона» (в переводе Сотомура) послесловие члена ЦК Компартии Японии, выдающегося критика-марксиста Курахара Корэхито. За истекшие 20 лет со времени появления «Тихого Дона» в Японии это был первый случай, когда к роману Шолохова открыто был дан комментарий коммуниста.

Отмечая, что Шолохов в «Тихом Доне» продолжает классические традиции Льва Толстого и Максима Горького, Курахара подчеркивает, что «роман-эпопея Шолохова таит в себе великие идеи и не случайно занимает первое место в мире по тиражам».

Курахара пытается объяснить и самый сложный образ романа: «Конечно, Григорий не контрреволюционер и не человек, способный к предательству. Выходец из простого народа, он ощущает кровную связь с людьми труда и старается быть вместе с народом. Человек очень чуткий, впечатлительный, огромной воли и энергии, с цельным характером, Григорий, однако, не смог предвидеть настоящей судьбы своего народа и отчизны, не смог постичь перспективу будущего и поэтому не смог искренне стать воедино с теми, кто представлял собою глубинную (верную) волю народа и страны, и идти с ними до конца. Вот почему он испытывал частые колебания и в конце концов, отступив от народа, обрекает себя на гибель. В этом и заключается трагедия гуманизма, выразителем которого был Григорий Мелехов».

Курахара Корэхито считает, что Шолохов, «следуя логике действительности, повествует о правде жизни и поднимает один из наиболее серьезных и сложных вопросов современности: что станется с искренним человеком, если он попытается сотрудничать с контрреволюцией?».

Отмечая выдающиеся художественные достоинства «Тихого Дона», Курахара Корэхито в заключение говорит: «Шолохов своей эпопеей показал нам, как в условиях сложной и трудной революционной действительности народные массы под руководством большевиков преодолели и победили сопротивление помещиков и кулаков и какому жестокому суду истории должны были подвергнуться те, кто, не веря в будущее своего народа и отчизны, противопоставили себя им. В этом смысле мы можем с уверенностью сказать, что роман «Тихий Дон» является глубоко партийным, типичным произведением социалистического реализма»[31].

Выпуск «Тихого Дона» издательством «Кадокава сётэн» в переводе Дзюгэ Такаси также примечателен послесловием к шестой части романа. Автор этой статьи Дзюгэ Такаси сообщает читателям, что «четвертая книга «Тихого Дона» в России была издана в 1940 году и что она должна была быть давным-давно опубликована и в нашей стране. Но в силу тогдашней политической обстановки в Японии она оставалась неизвестной (японцам) до сих пор... Хочу вместе с читателями порадоваться, что наконец в этом издании «Тихий Дон» будет опубликован полностью».

Эти строки Дзюгэ — горькое свидетельство того, что для продвижения четвертой книги «Тихого Дона» к японскому читателю потребовалось 13 лет!

И здесь же Дзюгэ высказывает любопытное признание: «Для познания облика и сущности событий до, во время и после Октябрьской революции в России лучше всего прочесть роман «Тихий Дон». В романе Шолохова изображены пласты людей в различных сложнейших ситуациях. ...Мы, японцы, удивляемся тому, что ситуации и поступки людей Дона напоминают нам период неразберихи в послевоенной Японии... Одним словом, некоторые эпизоды романа мы как бы переживаем заново в их реальности»[32].

VII

Курахара Корэхито и Дзюгэ Такаси совершенно по-новому открыли японскому читателю «Тихий Дон». Спрос на его романы в Японии стал так велик, что вскоре все искусственные преграды были сломлены и буржуазные издательства, конкурируя между собой, начали издавать «Тихий Дон» и «Поднятую целину» стотысячными тиражами. В 50-е и 60-е годы Шолохов стал самым популярным писателем в Японии, завоевал сердца миллионов читателей.

Как сообщила Национальная библиотека японского парламента, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова с 1931 до мая 1965 года были изданы свыше 20 раз в семи издательствах, причем каждое из них имело свои варианты переводов. Кроме того, издательство «Кадокава сётэн» в 1956 году выпустило брошюрой «Они сражались за Родину» и сборник «Судьба человека»*, а издательство «Синтёся» в 1955 году — сборник рассказов «Жеребенок» и «Наука ненависти»[33].

---

* В него вошли рассказы «Судьба человека», «Двухмужняя», «Шибалково семя», «Лазоревая степь» и «Чужая кровь».

Один из талантливых современных переводчиков — Кудо Юкио сказал в 1966 году на семинаре в Союзе писателей СССР: «Вас, конечно, интересует, кто из советских писателей наиболее популярен у нас. Любой японец назовет вам Горького и, конечно, Шолохова. Его «Тихий Дон» переиздавался несколько раз, причем общий тираж книги достиг миллиона экземпляров»[34].

Надо особо отметить прекрасное полиграфическое оформление книг Шолохова во всех издательствах Японии, научную точность комментариев и в большинстве издательств — объективность в оценке.

Заслуживают внимания японские «Энциклопедические словари». Например, в словаре «Дай хякка дзитэн» можно было еще в 1938 году найти следующее: «Шолохов — современный пролетарский писатель Советской России. Стал известен благодаря роману «Тихий Дон» — монументальному шедевру советской пролетарской литературы. Недавно вышел в свет роман «Поднятая целина», который расценивают как многообещающее произведение в развитии молодой пролетарской литературы»[35].

А в 1957 году словарь «Сэкай дай хякка дзитэн» поместил фото писателя и краткую биографическую справку, рекомендуя его романы как «самые представительные произведения социалистического реализма»[36].

В нашу задачу не входит определение качества переводов современных изданий романов Шолохова в Японии, но, как утверждают некоторые наши и японские авторитеты, предпочтения заслуживают переводы профессора университета «Васэда» Йокота Мидзухо (его перевод «Тихого Дона» издан 6 раз, а «Поднятой целины — 3 раза). Вступительные статьи и комментарии профессора Йокота Мидзухо к произведениям Шолохова примечательны своей искренностью, научной точностью, прогрессивной направленностью, неподдельным уважением к предмету исследования. Выше уже цитировались его высказывания о творчестве Шолохова, но тем не менее следует привести еще один его отзыв о «Тихом Доне».

«В советской литературе,— пишет Йокота Мидзухо в послесловии к первой книге «Тихого Дона» в 1960 году,— нет ни одного произведения, которое в таком масштабе, с такой силой, глубиной и проникновением поведало бы нам правду о революции. Если бы только это! Если бы Шолохов в этом произведении только лишь живо рассказал о жестокой, беспощадной классовой борьбе среди казаков, сражавшихся на Дону в годы революции, то это произведение не выходило бы за рамки просто романа, замечательно отобразившего историю революции в среде донских казаков.

Но что же превратило это произведение в шедевр? Я считаю, что об этом можно судить по двум моментам. Первое. Автор очень честно изображает правду революции. Второе. Автор успешно рисует в романе сильный образ главного героя Григория, который обладает достоинствами, и в то же время ему присущи многие недостатки. Григорий человечен и очарователен. Он ищет дорогу, по которой должны идти казаки, но ошибается и встает на трагический путь, превратившись в противника революции. Однако есть ли такие, кто мог бы всем сердцем ненавидеть его, как врага революции?

Каждый раз, когда я перечитываю этот роман, я, сам того не замечая, чувствую, что иду рядом с Григорием. Когда закрываешь последнюю книгу романа, то чувствуешь... как тебя охватывает невыразимая скорбь... И не только это. Еще есть одно, что сильно чувствуется после прочтения романа,— это дикая, подобно бурному потоку разлившегося Дона, первобытная энергия, которую несут в себе казацкие массы и, говоря в более широком смысле, русский народ... В «Тихом Доне» потрясающе изображена трагическая судьба личности, но читателя не охватывает чувство безнадежности. Причина этого таится в том, что писатель сумел из самых глубин извлечь народную энергию»[37].

VIII

Большой популярностью в Японии пользуются также переводы Хара Такуя, молодого, энергичного и плодотворно работающего в одном из крупнейших издательств «Синтёся». Ему принадлежит честь первого полного издания «Тихого Дона». Он перевел театральную инсценировку «Поднятой целины» (П. Демина), которая в 1965 году была поставлена в токийском театре «Мингэй» и имела огромный успех. Хара Такуя многое делал для рекламирования книг Шолохова через японскую прессу. В крупнейших буржуазных газетах Токио — «Асахи», «Майнити», «Иомиури» — в 60-х годах можно было видеть подготовленные Хара Такуя огромные рекламы на «Тихий Дон» с фотоснимками Шолохова.

Несомненно, энергичный Хара Такуя сделал многое как переводчик Шолохова в пропаганде его творчества, и за это мы ему весьма признательны. Но, справедливости ради, надо сказать, что его послесловия к романам Шолохова, статья в словаре «Сэкай бунгаку сёдзитэн» и высказывания в издательских бюллетенях тенденциозны, а оценка образа Федора Подтелкова (которого он называет выскочкой) глубоко ошибочна. Кстати, выскочки живут и заканчивают свою жизнь не так, как ее прожил и закончил 11 мая 1918 года в хуторе Пономареве казак-

пахарь, батареец, вожак революционного казачества Дона, бесстрашный борец за народное дело Федор Подтелков.

Хара Такуя опубликовал в японском «Малом словаре мировой литературы» («Сэкай бунгаку сёдзитэн», издательство «Синтёся», 1966 г.) большую статью о Шолохове. Подробно изложив биографию и творческий путь Шолохова, Хара справедливо говорит о том, что «проблема поисков истины во время революции — эта поднятая Шолоховым тема — актуальна и сейчас, его произведение переросло рамки исторического романа и имеет непреходящее значение в современном мире»[38].

Все это верно. Однако в целом статья Хара Такуя очень абстрактна. К тому же в ней преувеличено влияние Л. Толстого и Н. Гоголя на творчество Шолохова.

В Токио каждое книгоиздательство выпускает бюллетень со статьями, рекламирующими книгу-новинку. Бюллетеней, посвященных книгам Шолохова, издано так много, что нет возможности их даже перечислить. В некоторых из них переводчики и критики выступают крайне субъективно и тенденциозно. Так, например, в «Ежемесячном бюллетене» к 43-му тому «Полного собрания мировой литературы» издательства «Кавадэ сёбо синся» за 1960 год критики Ара Масато и Сасаки Кинти в статье «Отображение жестокостей» тенденциозно утверждают, что Шолохов в «Тихом Доне» и «Судьбе человека» «питает особый интерес к жестокости» и что «жестокость — это одна из черт славян»[39]. Эти тезисы японских критиков не отражают истины. Общеизвестно, что в «Тихом Доне» запечатлены Дон и Россия накануне и в годы первой мировой войны, в революцию и гражданскую войну. Да, это было суровое, жестокое время вооруженной борьбы народа против белогвардейщины и интервенции. Однако Шолохов не «смакует жестокости», не проявляет к ним «особого интереса». Нигде не теряя чувства меры и всюду оставаясь благородным гуманистом, сострадающим людям земли и труда, певцом жизни и любви к человеку, Шолохов изобразил правдиво, без прикрас и идеализации величайший социальный переворот. Роман «Тихий Дон» — это эпическая песнь о любви и нелегкой жизни людей труда, песнь о красном Октябре, о трудном поиске правды и рождении (в муках и крови) нового мира — Советов в России.

Таким же предвзятым является утверждение Сасаки Кинти и Ара Масато и о том, что у Шолохова интерес к жестокости «особенно звучит в «Судьбе человека». Предвзятым потому, что лейтмотивом этого рассказа является не воспевание жестокости, а проклятие фашистам, которые, утратив облик человеческий, творили жесточайшие зверства во всей Европе. И критики Сасаки и Ара напрасно умалчивают о разоблачении писателем фашизма.

Издательство «Кавадэ сёбо синся» в «Ежемесячном бюллетене» к 44-му тому «Полного собрания мировой литературы» — третьей книге «Тихого Дона» в переводе Йокота Мидзухо — исправило свою ошибку, опубликовав примечательную по глубине мысли и научной аргументации статью «Тихий Дон» и социалистическая литература», которая проливает свет на существо борьбы, идущей вокруг «Тихого Дона» в Японии. Автор ее — Ямадзаки Хатиро, профессор немецкой литературы университета «Васэда»,— пишет, что в Японии существует много противоречивых суждений о социалистической литературе. Одни уверяют, что в странах социализма нет литературы, которую можно назвать художественной. Другие твердят, что социалистическая литература неинтересна. Третьи клянутся, что из всей этой литературы заслуживает внимания лишь «Тихий Дон». Однако, пишет Ямадзаки, «люди стран социализма посвоему правы, когда говорят, что литература пессимизма, охватившего современную Японию и Запад, тоже неинтересна».

Кто же прав? Как в этом разобраться? По мнению Ямадзаки, проблема заключается не в том, чья литература интереснее и лучше, а в том, «какая литература будет иметь будущее? Пойдет ли развитие литературы по пути социалистическому или ее сущностью станет именно пессимизм, и такой она войдет в будущее?».

Ямадзаки Хатиро говорит о том, что на этот сложный вопрос ответ дает Шолохов. «Люди, считающие, что господство современной западноевропейской литературы будет продолжаться вечно, оценивают «Тихий Дон» всего лишь как подражание «Войне и миру» Толстого, но не достигающее его высоты. Однако такое утверждение далеко от исторической правды. Шолохова надо сравнивать и с Бальзаком, и с Р. Ролланом... И если говорить высоким стилем о «Тихом Доне», то надо признать, что это великая эпопея, воспевающая «муки рождения народа», стремящегося впервые в истории человечества создать социалистическое общество. Роман этот подобен эпосу Гомера. ...«Тихий Дон» — это не психологический роман о душевных страданиях героев и не тенденциозный политический роман, как утверждает кое-кто на Западе. Это — эпос, трудная, мучительная борьба русского народа, строящего новый мир».

Ямадзаки далее пишет, что впечатление об этой борьбе может быть двояким: «Одни — приверженцы капитализма — скажут: «Революция зиждется на жестокости». Другие — склонные к социализму — скажут: «Это неизбежно». И хотя казак Григорий Мелехов не был бойцом революции, но именно сила, ловкость, жизненность, присущие ему, и победили в революции.

И то, что Советы смогли противостоять интервенции иностранных держав (и Япония посылала свои войска в Сибирь!) и затем Советы дали отпор фашизму во второй мировой войне, все это было возможно благодаря силе, ловкости и жизненности, проявившимся у Григория Мелехова! И мы не можем этого не чувствовать — настолько могуча энергия народа, проявляющаяся в этом романе. И мне кажется, что тот факт, что «Тихий Дон» является могучим народным эпосом и что социалистическая эпоха родила подобный шедевр эпической литературы,— все это имеет большое значение для новой литературы»[40].

IX

В 1965 году в прогрессивном токийском театре «Мингэй» («Народное искусство») выдающийся режиссер Уно Дзюкити поставил пьесу «Поднятая целина». Ранее театр «Мингэй» показал японскому зрителю три советские пьесы: «Иркутскую историю», «Первую любовь» и «В поисках радости».

Руководство театра «Мингэй» в своей театральной программе-брошюре, посвященной постановке «Поднятой целины», пишет: «Нетрудно заметить, что герои названных выше современных советских пьес — по человеческим отношениям в обществе и по своему пониманию жизни — во многом отличаются от нас, японцев, живущих в капиталистической стране. Но как родились эти герои? Мы решили заглянуть в историю, когда происходило становление современного советского человека. Мы решили узнать радости, горести и муки людей той эпохи, когда осуществлялась переделка общества и человека, причем в таком важном месте, как деревня, которая решала тогда судьбу революции. Как боролись крестьяне — люди по натуре консервативные — в переходный период к социализму? Как проходила перестройка сознания людей в ходе быстрого прогресса общества? Эти проблемы не ограничиваются одной страной — Советским Союзом, они крайне близки нам, живущим в современной Японии. Вот почему мы и взялись за инсценировку «Поднятой целины» — классического произведения Шолохова»[41].

Крупнейшие газеты Японии в своих рецензиях называли этот спектакль замечательным событием театральной жизни.

Газета «Токио» 19 февраля 1965 года писала: «Постановка «Поднятой целины» режиссером Уно Дзюкити впечатляюща, хотя театральная сцена была тесна. Весь ансамбль театра достиг прекрасного успеха в показе героев с их проблемами личными и коллективными»[42].

Газета «Майници» отмечала: «В этом спектакле все чудесно — и люди, и события, и декорации. Массовые сцены были

потрясающи. Зрители ахнули... Перед режиссером Уно стояли колоссальные трудности, но его стараниями весь коллектив актеров сделал этот спектакль значительным явлением сезона»[43].

Влиятельная буржуазная газета «Асахи» писала: «Спектакль очень сложен, интересен и по-настоящему заставляет зрителя волноваться. Один из привлекательнейших образов — это Макар Нагульнов. И артист Горо Таруми сумел раскрыть и передать нам душу этого героя революции, как живого человека, с юмором и грустью. А дед Щукарь великолепен и незабываем в исполнении Асао Сано»[44].

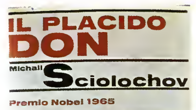
Японский театральный критик Сато Киоко в статье, присланной для ростовской газеты «Молот», писал: «...со спектаклем «Поднятая целина» познакомились не только жители столицы. Его видели любители театра почти всех крупных городов Японии. Ведь он идет каждый вечер на протяжении четырех месяцев. Такой большой успех «Поднятой целины» и огромный интерес к нему в Японии вполне закономерны. Это же живое воплощение любимейших в Японии шолоховских героев»[45].

Поэт Накано Сигэхару в программе-брошюре театра «Мингэй» заявил: «Для меня незабываемы просторы донской степи. Как живых, я вижу Нагульнова, и бабий бунт, и Давыдова в разорванной одежде, избитого бабами. Все это было живой историей России. Я думаю, что самое большое своеобразие творчества Шолохова заключается в изображении правды русской жизни... Произведения Шолохова — это не просто литературное описание войны, революции, строительства социализма, но это сама жизнь со всеми ее противоречиями и многообразием»[46].

В 1965 и 1966 годах состоялось 300 спектаклей «Поднятой целины». Для театров Токио это невиданно крупный успех!

* * *

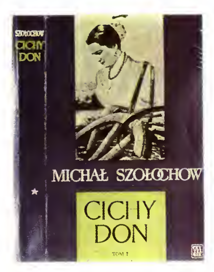
Присуждение М. А. Шолохову Нобелевской премии осенью 1965 года было встречено японской общественностью и прессой весьма одобрительно. В газете «Асахи» (16 октября 1965 г.) по этому поводу выступил Эгава Таку со статьей «Мир Шолохова — подлинный гуманизм революционной эпохи»: «На этот раз Нобелевская премия присуждена поистине крупнейшему писателю, которым перед всем миром гордится Советский Союз. Несколько запоздалая, но давно заслуженная награда повышает авторитет самой Нобелевской премии в области литературы. «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова — это действительно такая литература, которую заслуживает народ,



Карманное издание «Тихого Дона» (Милан, «Гарцанти», 1966).

Испанское издание «Поднятой целины» (Барселона, «Плаца Ханос», 1966).

Кубинское издание «Поднятой целины» («Нац. изд-во Кубы», 1962).



Польское издание собрания сочинений М. А. Шолохова. «Тихий Дон», т. I (Варшава «Чительник», 1965).

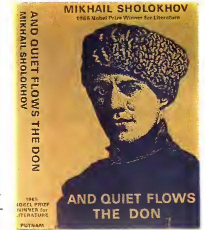
Сербское издание «Тихого Дона» (Белград, «Просвета», 1964).

Индийское издание «Донских рассказов» М. Шолохова на бенгальском языке (Калькутта, 1965)

Шведский король Густав Адольф поздравляет М. А. Шолохова с присуждением ему Нобелевской премии (Стокгольм, 1965).

Шведское издание второй книги «Поднятой целины» (Стокгольм, «Тиден», 1961).

Фотокопия диплома о присуждении М. А. Шолохову Нобелевской премии.



Английское издание «Тихого Дона» с фотопортретом М. Шолохова тридцатых годов («Путнам», 1966).

М. А. Шолохов с Марией Петровной
и младшей дочерью Машей. 1974.

Японское издание «Тихого Дона» (Токио, «Кавадэ сёбо синся», 1966).

Ю. А. Гагарин в гостях у М. А Шолохова.

Последнее китайское издание «Тихого Дона» (Пекин, 1958).

М. А. Шолохов. 1968 г.

М. А. Шолохов в своем саду (ст. Вешенская, 1974).

совершивший в нашем веке величайший в истории человечества опыт революции и социалистического строительства»[47].

В этом же номере «Асахи» опубликованы еще два интересных интервью. Такасуги Итиро, профессор университета «Сидзуока», называя Шолохова «наиболее ярким представителем эпической советской литературы», отметил, что «на сей раз, когда Нобель-приз присужден Шолохову, я так же, как и писатели всего мира, воспринимаю этот выбор как нечто совершенно естественное». А лектор университета «Тюо дайгаку» Онума Фумихико заявил: «Я считаю, что Шолохов в некотором смысле превзошел даже Льва Толстого. Роман «Тихий Дон», хотя и появился на свет очень давно, но, что ни говори, он и в настоящее время еще очень актуален. Факт присуждения Шолохову Нобелевской премии является естественным и закономерным».

Газета «Майници» в эти дни писала: «Присуждение Шолохову Нобелевской премии имеет важное значение в том отношении, что впервые после революции писатель, представляющий основное направление советской литературы, получил официальное признание в западном мире, несмотря на существование идеологического барьера»[48].

Шолохов как художник-гуманист пользуется в Японии исключительно большой популярностью. О его творчестве написано много статей. Выше мы отмечали важные и интересные статьи авторов старшего поколения — писателя-коммуниста Кобаяси Такидзи и литературного критика, члена ЦК Компартии Японии Курахара Корэхито, а также представителей среднего поколения — профессора университета «Васэда» Йокота Мидзухо и Ямадзаки Хатиро, которые в своих трудах дают глубокий научный анализ творчества Шолохова и его значение для развития мировой литературы.

В конце 60-х годов в Японии появились новые исследователи, которые плодотворно разрабатывают проблемы творчества Шолохова.

В октябре 1966 года «Бюллетень японского общества исследователей русской литературы и языка» № 9 опубликовал интересную работу «Особенности ранних рассказов Шолохова» Оно Митико, которая, изучив русский язык и донской говор, проникновенно прочла и дала весьма точный анализ «Донских рассказов». Оно Митико пишет, что «как по содержанию, так и по форме эти рассказы имеют полное право на существование как самобытные произведения искусства»[49].

Работа Оно Митико действительно новое слово в японском шолоховедении. Она не только ясно определила позицию Шолохова и классиков русской литературы в изображении крестьянина, но также точно и убедительно сказала, что же каче-

ственно новое принес Шолохов «Донскими рассказами» в русскую литературу.

«Все «Донские рассказы»,— пишет далее Оно Митико,— пронизаны непоколебимой волей, ясной позицией Шолохова — он «за революцию». Лев Толстой идеализировал русское крестьянство. Иван Бунин считал его темной силой. И в начале 20-х годов в оценке крестьянства было немало путаницы и тумана. А Шолохов в «Донских рассказах» изобразил русское крестьянство (казачество) реалистически, причем не как некое застывшее единое целое, противостоящее городу, а как общество развивающееся, подобно городу, таящее в себе классовые антагонизмы, как общество, в котором происходит постоянная борьба... Проникновение идей революции в гущу казачества встречало ожесточенное сопротивление. Шолохов с его крепкими мужицкими нервами пристально проследил эту реальность и воплотил в образы реакционность казаков-собственников и красоту народного энтузиазма... Именно поэтому следует исключительно высоко оценить значение «Донских рассказов» в литературе 20-х годов России. К натурализму же они не имеют никакого отношения»[50].

В статье Оно Митико дана не только идейная оценка, но и художественно-эстетический анализ раннего творчества Шолохова. Ее суждения о стиле рассказов «Чужая кровь», «Коловерть», «Червоточина» и критические замечания о финале рассказа «Семейный человек» свидетельствуют о глубоком знании предмета исследования, точности наблюдений и чувстве ответственности автора за свое слово.

X

В мае 1966 года по приглашению Ассоциации японских литераторов М. А. Шолохов посетил Японию.

Прогрессивная общественность Токио и многих других городов встречала его исключительно радушно и гостеприимно.

Либеральная газета «Майници» в связи с этим писала: «Михаил Шолохов завоевал широчайшую популярность у японских читателей своими романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Поэтому множество людей горит сейчас желанием хоть раз увидеть великого русского писателя»[51].

Визит Шолохова в Японию превратился в крупное событие литературной общественности страны.

«Самые различные газеты — «Майници», «Иомиури», «Асахи», «Джапан таймс», «Токио симбун», «Нихон кэйдзай» и многие другие,— писал журналист Юрий Лукин в «Литературной России»,— подробно сообщали своим читателям о пребывании советского писателя в Японии, печатая статьи, информа-

Дорогие, маленькие японские читатели.

Дети любой страны в тяжелые годы войн и революций живут особой, не совсем детской жизнью. Об этом я и написал рассказы, когда был еще молодым и детские воспоминания мои были ярче и стояли ближе ко мне во времени.

Если эти рассказы вам понравятся, — я буду счастлив; а вам, надеюсь, они принесут некоторую пользу в познавательном отношении.

Ваш Михаил Шолохов

10. 10. 69.

Автограф письма М. А. Шолохова к японским детям — читателям его книг. (Издательство «Обанся», 1973, Токио.)

ционные заметки, снимки, сделанные фоторепортерами, которые сопровождали Шолохова всюду, где он появлялся. Фоторепортажем открывали свои номера популярные иллюстрированные журналы. Специальные мотоциклисты доставляли киноленты в телестудии, которые включали этот материал в программы выпусков новостей. Состоялось несколько выступлений писателя по телевидению»[52].

24 мая на приеме, устроенном в честь М. А. Шолохова Ассоциацией японских писателей, с приветствием выступил ее президент Нива Фумио. Как сообщал корреспондент ТАСС из Токио, президент Нива, рассказывая о популярности М. А. Шолохова в Японии, «отметил, что семь крупных издательских компаний переиздавали неоднократно шолоховские произведения миллионными тиражами»[53]. А 26 мая в Токио состоялся большой прием в честь М. А. Шолохова, организованный социалистической партией, генсоветом профсоюзов и Обществом японо-советской дружбы. На приеме присутствовали представители демократической общественности, деятели культуры, писатели, а также генеральный секретарь социалистической партии Нарита, заместитель председателя партии Коно, генеральный секретарь генсовета профсоюзов Иван. «Советского писателя тепло приветствовал председатель правления Общества японо-советской дружбы Мацумото, подчеркнувший важное значение визита М. А. Шолохова в Японию»[54].

Шолохов, кроме Токио, посетил города Осака, Киото, Нара, Никко, Гифу, встречался с писателями, артистами театра «Мингэй», поставившими пьесу «Поднятая целина», журналистами, с рабочими и крестьянами-рисоводами. И повсюду эти встречи были самыми радушными, искренними, дружественными.

Перед отъездом из Японии на последней пресс-конференции советский писатель через журналистов передал привет и добрые пожелания народу Японии.

«Я очень благодарен,— сказал Шолохов,— за ту теплоту сердец, которую я ощутил, общаясь с моими японскими читателями. Всем им желаю самого лучшего. Прошу поверить, если я говорю добрые слова привета читателям и всей Японии, то не по обязанности уезжающего, не из приличия, а совершенно искренне, от души, от сердца»[55].

Визит Шолохова оставил неизгладимое впечатление в кругах прогрессивной общественности, среди простых людей Японии. И ученица Еко Сан, пять часов ожидавшая Шолохова у храма Тосёгу, чтобы получить заветный автограф, и крестьяне-рисоводы, и поэт Сибуйя, поклонник нашего Тараса Шевченко, и писательница Сата Инэко, задавшая Шолохову вопрос: «Считаете ли вы важнейшей задачей писателя борьбу за

предотвращение угрозы войны?», на что Шолохов ответил: «Да. Для писателя нет задачи более благородной»,— для каждого из них взгляд, улыбка и слово Шолохова останутся незабываемы.

Очень хорошо об этом сказал 23 мая 1966 года Хара Такуя, выступая в газете «Асахи»: «Шолохов — человек необычайно сильного, глубокого и самобытного обаяния. Кажется, и я стал одним из пленников его обаяния. В результате дружеского общения с Шолоховым во время поездки по Японии наши отношения вышли за рамки гида-переводчика и автора — я полюбил его безоговорочно, как человека»[56].

А писатель Такэда Я. выступил в газете «Майници» 27 мая со статьей «Впечатления о Шолохове». Называя «Тихий Дон» величественным эпическим произведением, подчеркивая, что «автор недвусмысленно стоит и действует на стороне революции» и что «его никогда не покидала вера в то, что после разрушений наступит пора нового строительства», Такэда удивляется «смелости и глубине изображения противоречий революции». «Шолохов,— пишет Такэда,— когда работал над «Тихим Доном», был, наверное, переполнен глубокими думами о страданиях и прогрессе русского народа, и ему было тогда не до легкого юмора. Но вот он перед нами, и мы потрясены его обаянием и юмором. Обманчивая ли это дипломатия улыбок или приветливость лауреата Нобелевской премии? Нет, это не так. Человек, который так честно не отводил глаза от страданий, виденных им в ожесточенной борьбе соотечественников, никогда не станет лукавить. Выдающийся практик реалистической литературы прекрасно знает тщетность подобной конъюнктуры. «Человек совершает жестокие поступки... Но не будем отчаиваться в человеке! Почему человек не может быть мягким по отношению к другим людям?» — так, вероятно, думает писатель Шолохов и, как бы стыдясь успеха, выпавшего на его долю, стремится быть как можно более дружелюбным по отношению к простым людям другой страны. Я думаю, что это стремление и нашло отражение в приветливости и улыбке Шолохова»[57].

* * *

В дни пребывания Шолохова в Японии фирма «Кавадэ сёбо синся» выпустила в свет новое великолепное издание романа «Тихий Дон» с цветным портретом автора, перевод профессора университета «Васэда» Йокота Мидзухо. На суперобложке первой книги написано: «Шолохов. «Сидзукана Дон» («Тихий Дон»). Произведение, завоевавшее Нобелевскую премию в 1965 году. Шедевр социалистического реализма»[58].

Как же был велик и труден путь у этой книги от берегов тихого Дона до Тихого (Великого) океана, путь в самом Токио от грифа «Научно-исследовательский институт пролетарской науки» (1931) до рекламы «Шедевр социалистического реализма» (1966)!

И прав был Ямадзаки Хатиро, когда в своей статье «Тихий Дон» и социалистическая литература» писал: «Современная литература пессимизма — основной мотив которой есть отчаяние и одиночество — это «печальная песнь» человечества, оказавшегося в отчаянном положении... Но человечество пытается вновь стать здоровым. Время «печальных песен» уходит в прошлое, и постепенно вступает в свои права время «эпоса новой ступени». Я думаю, что мы уже можем говорить об этом. Я хочу признать большое историческое значение «Тихого Дона», который возглавляет авангард этой эпохи нового эпоса!»[59]

ИНДИЯ

I

В 1920—30-е годы в Индию книги советских писателей проникали в очень малых количествах и только в иностранных переводах. Препятствиями к книжному обмену были и дальность расстояний, и отсутствие прямых торговых и культурных контактов между СССР и Индией (как английской колонией), и недостаток с обеих сторон кадров переводчиков, и репрессии колониальных властей против рабочего движения (Мирутский процесс 1929—1933 гг.), и запрет Компартии Индии летом 1934 года[1], и антисоветская пропаганда Запада, да и индийской реакционной и буржуазной прессы против Советской России и нашей литературы, и многое другое.

Однако даже в тех тяжелых условиях колониального гнета великие идеи нового, социалистического гуманизма все же становились достоянием прогрессивно мыслящих людей благодаря нашей художественной литературе, с которой индийцы знакомились за рубежом, в иностранных переводах. Так на английском языке в Индию проникали книги Горького. Буревестник русской революции и в этой стране оказался могучим и авторитетным проповедником социалистического гуманизма. Роман «Мать», переведенный на бенгальский в 1925 году (впервые напечатан в журнале «Лангал»), а затем — на хинди, урду, панджаби и другие языки, принес Горькому огромную популярность, и, как пишет известный писатель Гопал Халдар, «оказал такое влияние в Бенгалии на литературу и революционное движение, какое до него не оказывало ни одно произведение»[2].

Середина тридцатых годов на литературном фронте Индии хорошо памятна появлением «Тихого Дона» М. Шолохова. По существу это был первый советский роман, благодаря которому индийцы (хотя и на английском языке) впервые в художественном обобщении узнали многое о социалистической революции и каких усилий и жертв она потребовала от народа в его борьбе против помещиков, капиталистов и интервентов!

Индийский писатель Ахмад Аббас в 1954 году в нашей «Правде» по этому поводу писал следующее: «Великие русские писатели были известны в Индии еще до Октябрьской революции. Однако именно Великая Октябрьская революция вызвала огромный, небывалый интерес к русской и советской литерату-

ре во всей Индии... Я прекрасно помню, какое глубокое волнение испытывали мы, студенты университета, читая в начале 30-х годов (в переводе на английский язык) «Мать» Горького и ранние произведения Шолохова, особенно его «Тихий Дон»[3]. И это суждение не единственное.

В 1966 году в журнале «Индиан литературе» секретарь Национальной академии литературы и искусств Кришна Крипалани об этом же высказался так: «...Имя выдающегося русского романиста Михаила Шолохова давно известно индийским читателям. Я помню, как в 30-х годах зачитывался его «Тихим Доном» на английском и был увлечен величественной масштабностью эпопеи и даром зрелого реализма. Целыми днями я жил вместе с казаками и разделял их жажду жизни, их неистовую любовь и ненависть, их безрассудное мужество среди ужасов гражданской войны... Я никогда не мог читать романов Джеймса Джойса и Марселя Пруста. Я засыпал после нескольких страниц... Но шолоховский «Тихий Дон» — эпопея героического народа в критический период его национальной истории — незабвенна»[4].

Как видим, даже сокращенный английский перевод Ст. Гарри (в котором издатель Констант Хантингтон вырезал свыше 100 страниц текста в первой и второй книгах романа «Тихий Дон») имел огромное революционизирующее воздействие на прогрессивную интеллигенцию Индии. Яркое подтверждение этому дает статья, помещенная в буржуазной индийской газете «Таймс оф Индиа» (1934), которая о шолоховском романе писала следующее: «Невозможно дать сжатое изложение этого романа, но, к счастью, в этом нет надобности, так как ценность книги заключается не в ее сюжете, а в событиях, в ней показанных, и в методе воплощения этих событий. «Тихий Дон» не только исключительно интересный роман, необычайно человечно описывающий жизнь с силой и убедительностью самой правды. По нашему мнению, «Тихий Дон» окажет услугу человечеству многих стран, не знающих в настоящее время, куда им идти»[5].

Действительно, уже тогда в порабощенной Индии «Тихий Дон» воспринимался, так же как и коммунистической прессой Германии, Франции, Чехословакии, США, Японии и Китая,— как художественное обобщение русского революционного опыта, как руководство к действию в грядущих битвах рабов за национальное освобождение от ига империализма.

* * *

Закономерен вопрос: кем же, где и когда впервые в Британской Индии был переведен и издан «Тихий Дон» Шолохова?

Как ни странно, Индийская национальная библиотека (Каль-

кутта) и Пакистанская национальная библиотека (Карачи) не смогли мне ответить на эти вопросы в 1964 году.

Между тем к нам поступила весть о том, что в Британской Индии первым переводчиком «Тихого Дона» на язык урду был революционер Саид Матлаби Фаридабади и что он впервые издал свой перевод «Тихого Дона» в Лахоре в 1941 году.

Национальная академия литературы и искусств Индии (Нью-Дели) и писательская гильдия Пакистана об этом издании шолоховского романа также нам ничего не смогли сообщить.

И даже Гупад Мукерджи, преподаватель Делийского университета, автор крупной монографии «Михаил Шолохов», в ответ на наши вопросы в 1965 году писал: «В Индии читатели впервые познакомились с «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» (Шолохова) по английским изданиям. Потом эти романы были переведены на разные языки Индии. Сейчас я не располагаю документами, чтобы сказать точно: Саид Матлаби Фаридабади является первым (в старой Индии) переводчиком «Тихого Дона» или кто другой»[6].

II

Велико расстояние от тихого Дона до могучих рек Инда и Джамны... Но тем не менее и через горы Памира к нам дошло романтическое предание о первом переводе и издании «Тихого Дона» в бывшей Британской Индии.

Предание это глубоко символично и заслуживает внимания. Я услышал его от известного советского профессора Александра Григорьевича Никонова, который в 1958 году выезжал в Пакистан на борьбу с холерой.

«Было это в Лахоре,— рассказывал А. Г. Никонов.— Мы ужинали в ресторане, и кто-то из лахорцев — высокий, худой и седой,— обращаясь ко мне на смешанном англо-урду, сказал: «Мистер Никон, а верно ли, что вы прибыли к нам с берегов тихого Дона, который бела рыбица мутит?» Я не сразу сообразил, что лахорец в данном случае имел в виду эпиграф из шолоховского «Тихого Дона», и ответил ему: «Да, из града Ростова-на-Дону». Тогда лахорец встал, разлил всем вино в бокалы и сказал: «Дорогой друг! Запомните и передайте писателю Шолохову, что наш город Лахор и ваш тихий Дон — побратимы». Я был очень удивлен этим открытием и осторожно спросил: «А в чем же проявилось это братство?» Седой лахорец, окинув взором своих земляков, сказал: «Да, дорогой друг! Еще при британском владычестве в Индии, именно в Лахоре, осенью 1941 года впервые был выпущен в свет прекрасный русский роман «Тихий Дон» Шолохова о Великой Октябрьской револю-

ции. Под заглавием «Бахта Дарья» вышел в свет этот роман». Старик сделал паузу, извлек откуда-то из своего халата уже обветшавшую книгу и, протягивая ее мне, добавил: «Позвольте, дорогой друг, подарить вам эту книгу «Тихий Дон» на языке урду, подарить как символ братства». Все пакистанцы поддержали тост. Я, конечно, с благодарностью принял эту редкую книгу, а седой лахорец, усевшись рядом со мной, рассказал любопытную историю появления «Тихого Дона» на языке урду.

История эта была такова,— продолжал свой рассказ профессор А. Г. Никонов.— В 1941 году в Гуджратскую тюрьму (в провинции Панджаб) к заключенным борцам национально-освободительного движения случайно попали две книги. Толстые, потрепанные, на английском языке. Одна из них была Библия, а другая — без заглавия. Узники-магометане Библию употребили на курево, а книгу цивильную разорвали на десять частей и по ним, как по букварям, стали учить своих друзей английскому чтению и письму. Однако вскоре, вчитавшись в эти «буквари», узники разобрались, что эта книга о России. Какой-то роман. Он был настолько интересен, столь много нового в нем было о красной России, что узники сложили десять «букварей» воедино и прочли эту пленительную книгу от начала до конца. Она явилась для них откровением о русской революции. И тогда книга эта пошла по камерам тюрьмы. Во мраке казематов русская книга окрыляла узников и вдохновляла на борьбу. Она рассказывала им, в каких муках, с какими жертвами и потоками крови рождалась Советская власть в России. Книга эта называлась «И тихо течет Дон» — это был «Тихий Дон» Шолохова!

И там, в тюрьме, тяжело больной узник, журналист Саид Матлаби Фаридабади, якобы сказал заключенным: «Колонизаторы давно прячут эту книгу от индийцев. Прячут правду о России. Но индийцы должны знать правду о Советах». Журналист Фаридабади перевел роман «Тихий Дон» с английского на язык урду, тайно передал рукопись в Лахор, где роман Шолохова и издали с небольшим его напутствием...»

Слушая профессора, я, конечно, ожидал, что он вот-вот покажет эту удивительную и редчайшую книгу «Бахта Дарья». Но он медлил-медлил и, наконец, сказал с грустью: «А книги-то этой драгоценной я и не сберег. Нет ее у меня!» — «Как же так? Забыли в Пакистане? Потеряли? Или кому-то уже отдали?» — «Нет,— ответил Александр Григорьевич.— Нет, ее сожгли! Да, мой друг, сожгли соответственно древнему обычаю... В горном ауле мы гасили последний очаг холеры. И вот в доме, где я жил, умер старик жрец, завещавший сжечь его прах на костре. По обычаю, положено было сжечь и все, что есть в его доме. Вот так в костер полетел и мой чемодан с вещами. Таков

у них «капун-дада» — закон предков! А меня утешили тем, что по «канун-дада» подарили дойную буйволицу! И сказали: «На счастье и удачу!»...»

Профессор А. Г. Никонов дал мне с десяток пакистанских адресов, по которым я пытался установить контакты с букинистами Лахора и переводчиком «Тихого Дона» Саидом Матлаби Фаридабади. Однако на посланные мною в Пакистан письма, книги и альбомы «М. А. Шолохов» я не получил ни одного ответа. Администрация тирана Аюб-Хана не позволяла пакистанцам вступать в контакты с гражданами СССР.

Позже, в Москве, из фондов Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы мне удалось получить фотокопию титульной страницы и предисловия лахорского издания «Тихого Дона» 1941 года, которое гласило:

«...Говорят, что политическим деятелям пребывание в тюрьме дает возможность заниматься литературой и пополнять свои знания. В этом я убедился на собственном опыте.

Находясь в тюрьме, я много читал. Среди большого числа политических брошюр мне попалась ветхая, зачитанная английская книга объемом 750 страниц. Чем дальше я читал ее, тем яснее становилась необходимость перевести эту книгу на язык урду. И действительно, начав 14 апреля в Гуджратской тюрьме эту работу, я 18 июля 1941 года закончил ее перевод. Настоящее название этой книги «Тихий Дон»...

Шолохов в этом романе дал такую широкую и полную картину жизни русского крестьянства, какой не встретишь в литературе других стран. И это понятно. Еще Гоголь, Толстой и Горький были блестящими создателями реалистических произведений. И естественно, что Шолохов является продолжателем их традиций...

Прочитав этот роман, сразу трудно понять, кто в нем главные герои. Григорий и Аксинья или Бунчук и Анна. Но в конце концов становится ясно, что главный герой — народ, поднявшийся на революционную борьбу... Люди урду! Когда вы прочтете этот роман «Бахта Дарья» о революции в русской деревне, вы поймете, что это живой рассказ и о вашей деревне, и ее жителях. Поверьте, подобно тому, как сейчас на берегах Инда и Джамны разгорается борьба с колонизаторами, двадцать лет назад русские вот так же боролись против белых армий, помещиков и интервентов, сражались и страдали, любили и умирали, чтобы обрести свободу, правду и счастье. И они победили!

Гуджратская тюрьма. Панджаб. *Саид Матлаби Фаридабади.*
1.9.1941 г.»[7].

III

По сообщениям переводчиков, издателей и пресс-атташе Советского посольства в Нью-Дели с 1958 по январь 1965 года в Индии произведения М. А. Шолохова были переведены и изданы на 10 языках: хинди, бенгали, каннада, орня, панджаби, тамили, гуджарати, малаялами, телугу и ассами.

Прогрессивная общественность Индии высоко ценит творчество М. А. Шолохова. В аннотациях, предисловиях и рецензиях переводчики, издатели и критики признают Шолохова выдающимся художником-гуманистом нашего времени.

Директор книжной фирмы «Пудуман надиппахам» (г. Мадрас) А. Л. Натараджан в предисловии к тамильскому переводу первой книги «Поднятая целина» (1958) сообщает, что его издательство подготовило к печати этот роман в переводе учителя Д. Пандиана, а «Тихий Дон» — в переводе самого директора фирмы и что этими романами они открывают выпуск большой серии «Избранные русские книги».

На титульном листе тамильского издания «Поднятой целины» над заглавием — рубрика: «Выдающийся русский роман».

А. Л. Натараджан в предисловии подчеркивает: «...считаю своим долгом напомнить читателям, что русский народ под руководством Ленина в 1917 году совершил победоносную революцию, последствия которой и принесенное ею преображение земли и запечатлены в «Поднятой целине» Шолохова». Давая правдивые характеристики образам Давыдова, Нагульнова, Половцева, издатель А. Л. Натараджан в заключение представляет Шолохова как «Льва Толстого нашего времени» и говорит «об огромной общественной значимости его творчества не только в России, но и во всем мире»[8].

А в письме к нам от 3 марта 1965 года А. Л. Натараджан сообщает: «Я не знаю русского языка. Но интерес тамильского народа к русским советским авторам так велик, что мы вынуждены делать переводы их произведений с английских изданий. Я сам перевел тамилам с английского «Воспоминания о Ленине» Н. Крупской, «Детство» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова и другие книги. Произведения Шолохова восприняты тамильцами тепло, с большой симпатией, как и книги Л. Толстого и М. Горького»[9].

Книги Шолохова пользуются огромным успехом в самых широких кругах молодежи и интеллигенции Индии. Об этом написал нам секретарь Союза тамильских писателей (г. Мадрас), в прошлом учитель, а теперь публицист-писатель и видный общественный деятель Д. Пандиан. Знаток английского языка, большой любитель, переводчик и пропагандист советской литературы, Д. Пандиан сообщал, что его коллеги-учите-

ля, друзья по совместной работе в школе, зачитывались «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» на английском и что это по их настоянию в 1958 году он отважился взяться за перевод романа о коллективизации на родной язык тамилов. Первую книгу «Поднятой целины» он выпустил в свет в издательстве большого ценителя советской литературы и переводчика «Тихого Дона» А. Л. Натараджана (1958), а вторую — также в прогрессивном издательстве «Нью сенчури бук хауз» в Мадрасе (1964). Буржуазная пресса воздержалась от каких-либо комментариев к «Поднятой целине», писал мне Д. Пандиан. «Но среди писателей и учительства книга получила одобрение, как выдающийся образец реалистического романа».

По имеющимся у нас сведениям в газете «Джана Сакта» (орган Компартии Индии на тамильском языке, которую редактировал выдающийся деятель коммунистического движения Дживанандама), «Поднятой целине» была посвящена большая статья, рекомендующая роман Шолохова не только трудящимся, но и руководителям различных общественных организаций, как возможную перспективу решения крестьянских проблем Индии.

«...Я влюблен в Шолохова и его творчество,— откровенничал мне в письме Д. Пандиан.— В работе над переводом у меня были трудности в понимании суровой атмосферы Гремячего Лога. Но по мере продвижения в глубь романа я почувствовал себя так, как будто я сам жил в Гремячем. Персонажи романа — Давыдов, Нагульнов, Щукарь, Разметнов и другие стали моими друзьями и товарищами. И я стал ненавидеть Половцева больше, чем сам Нагульнов. Я плакал по Нагульнову и Давыдову и радовался искоренению сил зла... Мое заветное желание — встретиться с Шолоховым, который создал незабываемые образы моих любимых друзей Давыдова и Нагульнова. Мне также хочется, чтобы визиты советских писателей в Индию были более частыми. ...Товарищ Шолохов широко известен в здешних литературных кругах наряду с Львом Толстым, Максимом Горьким и Маяковским. ...Мы, тамильские писатели, желаем товарищу Шолохову долгих лет жизни и творческих успехов»[10].

* * *

«Поднятая целина» в Индии впервые была переведена на язык панджаби поэтом Моханом Сингхом и издана в 1945 году. Однако в 1961 году известный публицист, редактор коммунистической газеты «Наван Замана» Джагджит Сингх Ананд выпустил в издательстве «Прит-Нагар Шан» новый и лучший перевод первой книги романа, который приобрел еще большую популярность.

В своем предисловии к I книге романа Д. С. Ананд называет Шолохова «самым крупным романистом советской эпохи». Давая исторически правдивую оценку коллективизации в СССР, автор предисловия отмечает, что «движение за колхозы, описанное в романе «Поднятая целина», справедливо называется второй Октябрьской революцией в России».

Писатель-коммунист Джагджит Сингх Ананд проводит в предисловии любопытные параллели и сопоставления между Россией и Индией, подчеркивая, что «Поднятая целина» весьма поучительна и для индийского народа.

«Вопрос о переводе аграрных отношений на новую базу в Индии и других странах,— пишет Д. С. Ананд,— является животрепещущей проблемой. И в этом отношении «Поднятая целина» Шолохова, нисколько не уступая самым лучшим научным трудам, художественными средствами учит, с какими трудностями приходится сталкиваться и сколько ошибок надо преодолеть, чтобы успешно решить эту труднейшую проблему современности»[11].

В 1964 году на языке панджаби появился и роман «Тихий Дон», который перевели четыре видных поэта: I книгу — Харибхаджан Сингх, II книгу — Пиара Сингх Сахиран, III книгу — Кришанджит Сингх и IV книгу — Сукхбир. В 1966 году в этом же издательстве вышла в свет снова первая книга «Поднятой целины» в переводе Д. С. Анжда и вторая книга — в переводе известного поэта Сукхбира.

Журнал «Арси» в январе 1966 года, сообщая об этом издании, писал: «Шолохов в своем романе «Поднятая целина» выступил таким суровым подвижником в литературе, отдал столько крови своего сердца созданию персонажей, что все они стоят перед читателем, как живые!..»[12] А несколько позже, в статье, посвященной изданию «Тихого Дона», редакция этого журнала писала: «Шолохов, сражаясь подобно воину (чтобы смыть черные пятна прошлого и просветлить лик будущего), проникает в заповедные глубины человеческой души, дает самое впечатляющее изображение великой русской революции. Наряду с «Войной и миром» Толстого и «Матерью» Горького роман «Тихий Дон» — это совершеннейшее реалистическое произведение великой русской прозы»[13].

* * *

На языке бенгали сперва появился роман «Тихий Дон» (изд-во «Нэшнл бук эдженси», 1959) в переводе Аванти Саньяла. Бенгальская прогрессивная газета «Свадхината» тогда писала о нем следующее: «Шолоховская эпопея о Доне заслужила всеобщее признание. Этот роман открывает читателю новый мир,

огромный и красочный. ...Если Октябрьская революция стала началом новейшей истории человечества, то «Тихий Дон» Шолохова — художественное обобщение первой главы этой истории»[14].

«Поднятая целина» (книга I и II) на бенгальском языке была издана в 1961 году и приобрела широкую популярность. Упоминавшийся нами писатель Гопал Халдар в своем эссе о Шолохове пишет, что он «является сыном советской эпохи и как писатель верен лучшим традициям русского романа. По существу — это традиции Льва Толстого, которые советский художник мудро развивает в своем творчестве». Давая высокую оценку роману «Поднятая целина», Г. Халдар акцентирует внимание на мировом значении «коллективизации в СССР, принесшей в историю человечества новый социальный порядок, за который русский народ заплатил кровью, трудом и потом. В «Поднятой целине» Шолохов предстает во всеоружии своих творческих сил. Его роман пропитан бурным юмором, язык насыщен местным диалектом и передает колорит ландшафта и запах перевернутой целины»[15].

Прогрессивные писатели, интеллигенция Бенгалии восторженно относятся ко всему творчеству Шолохова. Переводчик его произведений на бенгальский язык писатель Р. Бошу из Калькутты прислал нам большой и волнующий отклик, который мы предлагаем вниманию читателей с некоторыми сокращениями:

«Дорогой мистер Прийма! Я благодарю вас за письмо, пересланное мне Советским посольством из Нью-Дели... Да, наша Бенгалия хорошо знает Шолохова благодаря его «Тихому Дону». Где я впервые услышал имя Шолохова? Не помню точно. Но, конечно, в Калькутте. В 1942 году я покинул свою деревню и прибыл в огромный город Калькутту в поисках хлеба насущного. «Революция» было то слово, которое воспламеняло молодых. Я был одним из них. Город наш представлял собой бушующее море, когда протестовал против фашизма. И для всего мыслящего социальная революция была путеводной звездой. Я уже читал Горького, и мое юношеское любопытство нашло «Тихий Дон» Шолохова (на английском языке) не только для того, чтобы остаться очарованным им. «Тихий Дон» открыл мне новый горизонт, воспламенил мое воображение и сейчас еще распространяет на нас свое лучистое пламя.

Невзирая на огромную разницу в языке, обычаях, традициях и ландшафте, я сразу же сжился с Григорием Мелеховым: в нем я увидел себя! С волнением я следовал за героями романа через успехи и невзгоды, от контрреволюции к революции, от распада к целостности... Я не видел ваших обширных степей. Также я не видел и поднятой целины. Я не слышал никогда певучего голоса нежного и могучего Дона, который бела ры-

бица мутит, но я все это перечувствовал, все это вошло в меня благодаря «Тихому Дону» Шолохова. В реакционной прессе говорят, что тех казаков уже на Дону нет. И что они уже не возьмут оружие против Советов. Что вся масса их прошла через горнило трансформации. Да, это так. Шолохов, проведя нас через это горнило, своим романом переделал и нас тоже! И в этом — его величайший вклад в души иностранных читателей... Передайте ему мой привет из далекой Индии. И пусть русские люди знают, что Шолохов — выдающийся писатель XX века — и его «Тихий Дон», продолжающий великие традиции русских романистов, продвинули на шаг дело освобождения человечества во всем мире.

Калькутта, Индия. *Рам Бошу*»[16].
25.2.1965 г.

IV

Выход в свет первой книги «Тихого Дона» на языке хинди в 1965 г. в г. Дели (перевод Гопикришна Гопеш, изд-во «Раджкамал пракашан») совпал с присуждением М. А. Шолохову Нобелевской премии.

Пресса всей Индии и прогрессивная общественность широко и темпераментно откликнулась на это событие. Большинство обозревателей в газетах отмечало, что эта премия Шолохову одновременно есть признание заслуг всей литературы социалистического реализма.

«Хиндустан таймс» 16 октября 1965 года писала: «Шведская академия присудила Нобелевскую премию Шолохову — 60-летнему ветерану социалистической реалистической прозы за художественную силу и целостность изображения поворотного этапа в истории русского народа»[17].

Газеты «Таймс оф Индиа» и «Хинду», приветствуя решение Шведской академии, обращали внимание на тот факт, что Шолохов в свое время критиковал Нобелевский комитет за политическую предвзятость в выборе кандидатов в лауреаты и невнимание к писателям стран Востока и Латинской Америки.

Секретарь Национальной академии литературы и искусств Кришна Крипалани выступил в журнале «Индиан литературе» с большой статьей «Нобелевская премия и ее причуды», в которой он, одобрив награду Шолохову, подверг суровой и справедливой критике Шведскую академию за беспринципность, проявленную уже в 1901 году, когда «самую первую Нобелевскую премию присудили никому неведомому французскому поэту Сюлли Прюдому (теперь уже всеми забытому), обойдя таких гигантов, как Лев Толстой и Антон Чехов, равных коим не было

среди современников». Кришна Крипалани с возмущением пишет о том, что в 1946 году, под давлением империалистов, премию присудили Уинстону Черчиллю за его «блестящее красноречие», обойдя великих борцов национально-освободительного движения Махатма Ганди и Джавахарлала Неру[18].

Газета «Бхарат Джоти» в статьях 17 и 24 октября 1965 года подчеркивала, что «Нобелевскую премию получает русский коммунист Шолохов — искренний борец за мир на земле и за счастье тех, чьим трудом создаются все блага жизни»[19].

Коммунистическая газета «Нью эйдж» («Новый век») сдержанно и тактично отметила, что «Нобелевский комитет присуждением награды Шолохову исправил долго державшуюся несправедливость к советской литературе в целом».

В газете опубликовано приветственное послание Шолохову от индийских писателей.

«М. А. Шолохову.

Мы считаем, что это присуждение премии должно было состояться давным-давно, так как все, кто лелеет наивысший гуманизм и ценит эстетические качества в литературе, были убеждены в заслугах Вашего творчества.

Индийские писатели независимо от своих политических убеждений признают Вас как самого выдающегося из живущих советских писателей. Ваши книги переведены у нас на многие языки, повсюду читаются и высоко ценятся.

В Вас мы признаем достойного продолжателя традиций великих мастеров русского реализма — Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова и Горького.

Саджод Захир»[20].

* * *

В 1966 году в журнале Нью-Делийского университета «Индийская литература» опубликована первая крупная научная работа — «Михаил Шолохов».

Автор ее — профессор Г. Мукерджи — с прогрессивных позиций рассматривает творчество Шолохова. В Индии, пишет Мукерджи, еще нет своих знатоков русского языка, которые переводили бы книги Шолохова с языка оригинала. С сожалением приходится отметить, что читатели Индии еще не знают полного текста «Тихого Дона», так как все переводы романа (на 8 языках) сделаны не с русского, а с английского текста (перевод Ст. Гарри, издательство «Путнам», Лондон), в котором, как мы выше отмечали (см. гл. «Англия»), имеются недопустимые сокращения шолоховского текста.

Книжный рынок Индии завален «трудами» и «исследования-

ми» американских «советологов», которые, каждый на свой лад (но в угоду реакции), трактуют роман «Тихий Дон» и взгляды Шолохова на вопросы искусства и политики.

К чести индийского ученого Г. Мукерджи надо сказать, что в своем исследовании «Михаил Шолохов» он не поддался «поучениям» американской профессуры — Мучник, Симмонса, Брауна, а занял свою независимую и объективную позицию. Г. Мукерджи честно и правдиво трактует проблематику «Тихого Дона» и идейную позицию Шолохова.

«Если мы в Индии хотим правильно понять автора «Тихого Дона»,— пишет Г. Мукерджи,— то мы должны прежде всего уяснить для себя главный тезис речи Шолохова, произнесенный на Втором Всесоюзном съезде советских писателей (1954). Вдумайтесь в эти слова: «Каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и народу, которым мы служим своим искусством». И далее Г. Мукерджи пишет: «Шолохов видит и пишет только правду жизни. И мне более всего в нем нравится то, что он вскрывает перед нами закономерности народной жизни... «Тихий Дон» — это поистине исторический эпос жизни и судеб людей поворотного (в истории человечества) десятилетия (1912—1922)».

Сопоставляя «Тихий Дон» с романом-эпопеей «Война и мир» Толстого, Г. Мукерджи дает весомый и аргументированный отпор американским «советологам», которые всячески стремятся принизить значение творчества Шолохова.

Индийский литературовед Г. Мукерджи пишет о самобытности таланта и стиля Шолохова, о том, что «панорамный размах повествования, мастерская лепка портретов, глубокое знание жизни народа дают все основания для сравнения «Тихого Дона» с «Войной и миром». Однако в отличие от Толстого, подчеркивает Г. Мукерджи, Шолохов воздерживается от философских обобщений, связанных с историей. Шолохов без мудрствования верен правде жизни. Он пишет правду, как бы она ни была горька, жестока и неприятна. «Ясно,— отмечает Г. Мукерджи,— что Шолохов является стойким последователем марксистско-ленинской концепции в литературе. И Шолохов прав, когда говорит, что искусство, которое служит интересам народа,— живет в массах и сохраняет право жить в будущем, а искусство деградирующее, угодное вкусам угнетателей и паразитирующих классов, не имеет исторической перспективы, обречено на гибель и забвение».

Ссылаясь на авторитет Ромена Роллана и его высокую оценку творчества Шолохова (1935), Г. Мукерджи в заключение пишет: «Я не сделаю ошибки, если скажу, что «Тихий Дон» Шолохова представляет собой один из самых полных и выразительных документов русской революционной эпохи... И поэтому

совершенно закономерно «Тихий Дон» называют шедевром социалистического реализма»[21].

V

В 1968 году Панджабский университет (г. Патиала) выпустил небольшой сборник «Михаил Шолохов. Литературные исследования» — первый индийский коллективный труд о творчестве советского классика.

В сборнике представлены доклады профессоров на литературном семинаре (16.3.1966 г.), посвященном присуждению М. А. Шолохову Нобелевской премии (октябрь 1965).

Семинар этот, как и вышедший сборник, примечательны во многом, и в особенности тем, что где-то там, за Гималаями, панджабцев волнует вопрос о «вкладе Михаила Шолохова в мировую литературу» и они, при всей скудости материалов и специалистов, собирают научно-исследовательский семинар о великом русском писателе.

В предисловии к сборнику ректор университета К. С. Наранга, отмечая народность творчества Шолохова, пишет: «Облик его героев близок облику простых панджабских крестьян и рабочих. Шолохов— органически слит с народом, живет его трудом и мыслями, заботами и радостями и именно благодаря такой слитности создает бессмертные произведения»[22].

Видный критик Д. С. Ахлувалия посвятил свой доклад творческому пути М. А. Шолохова. В докладе профессора С. С. Секхона рассматриваются переводы шолоховских произведений панджабскими поэтами и писателями от Мохана Сингха — первого переводчика «Поднятой целины» (1945) до Сукхбира, переведшего II книгу «Поднятой целины» и IV книгу «Тихого Дона». Профессор С. Секхон особо подчеркнул фундаментальное единство социальных процессов в среде донского казачества и в среде панджабского крестьянства. Он сказал, что это делает романы Шолохова необычайно близкими и понятными всем трудящимся Панджаба, что книга Шолохова учит и панджабцев революционному пониманию справедливости.

В сборнике самым интересным является доклад профессора Г. С. Талиба «Гуманизм творчества М. Шолохова», рассматривающий эту проблему как логическое развитие бессмертной гуманистической традиции великих русских реалистов — Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова и Горького. По мнению профессора Г. С. Талиба,— «великие русские реалисты были ведущим началом во всемирном литературном процессе». Важнейшей особенностью гуманизма Шолохова является **историзм,** пишет профессор Талиб, глубокое изображение переломной эпохи жизни народа. Анализируя в комплексе «Тихий Дон» и «Поднятую цели-

пу», профессор обращает внимание на единство, историческую взаимосвязь и преемственность великих социальных преобразований, произошедших в России с 1917 до 1930 года, на то, что Шолохов в своих романах «создал верную, достойную предмета эпопею русской революции, как всемирно-исторического события». Профессор Талиб считает, что отличительной особенностью гуманизма Шолохова является «историческая конкретность». По его мнению, гуманистический пафос Шолохова достигает наибольшего звучания в «Тихом Доне» в образах Подтелкова и Бунчука, а в «Поднятой целине» — в образах Нагульнова, Майданникова, Давыдова и Вари, и что сила реализма Шолохова не в доктринерских поучениях — их у него нет и в помине! — а в правде жизни, правде истории[23].

В заключительном докладе профессора С. С. Наруллы «Мастерство Шолохова-романиста» рассказывается о стиле и методе писателя, о его умении создавать скульптурно зримые, живые, из крови и плоти, типы из всех социальных пластов нации. И в этом, по мнению проф. Наруллы, «Шолохов достигает шекспировских высот», например, в образах Нагульнова, Давыдова, деда Щукаря. «Шолохов,— говорит профессор Нарулла,—может служить для индийских писателей великолепнейшим образцом художника-борца. Нам следует учиться у него правдиво показывать борьбу нового и старого, борьбу сил прогресса с реакцией и при этом всегда видеть перед собой идеалы гуманизма и социальной справедливости»[24].

Обобщенный итог панджабского семинара: Шолохов — достойный продолжатель лучших традиций великих русских классиков, оказывающий огромное плодотворное влияние на всемирный литературный процесс.

* * *

Семинар панджабцев — о вкладе Михаила Шолохова в мировую литературу — затронул важные вопросы современного литературоведения. Дело в том, что эта проблема имеет много аспектов. Это и творческое наследование лучших традиций великих русских реалистов, и защита романа как жанра, который уже сколько лет хоронят модернисты Запада и Востока, и утверждение мировой социалистической литературы, и соотношение в ней национального и интернационального, и овладение методом социалистического реализма, и вопрос о шолоховской школе в советской и мировой литературе и плодотворном творческом воздействии его на зарубежных писателей...

Кстати, этот последний вопрос давно находится в поле зрения индийских литераторов. И многие из них дали на него весьма обстоятельные ответы. Так, выдающийся индийский писатель

To
The authorities of
Sholokhov Exibition

I feel it a great joy and honour to write these few lines about comrade Mikhail Sholokhov, the world renowned writer. His monumental epic, "And quiet flows the Don" is a master-piece of Soviet art and literature and its Realism. This epic which deals with the life and role of the colourful people, the don Cossacks in the great civil war, was being read all the world over with interest and admiration. It is not an exageration to say that this epic has not only brought many young people into the fold of the International communist movement, but also attracted many writers nearer the ideal of socialism and Soviet Union.

C. Rajeswara Rao
29.IX.1971 General secretary, Communist Party of India

Автограф-отзыв Генерального секретаря Компартии Индии Чандры Раджешвары Рао о творчестве М. А. Шолохова (1971).

Мульк Радж Ананд в своем «Письме в Вешенскую» к Шолохову (1965) признавал благотворное влияние на него романа «Тихий Дон» еще с тридцатых годов.

«Ваша книга «Тихий Дон»,— писал М. Р. Ананд,— с ее широким, эпическим размахом воодушевила меня и вселила веру и в то, что и писатели Востока смогут войти в мировую литературу, рассказав в новых произведениях о далеких неизвестных народах, о которых Запад еще мало что знает... Это стремление к широким замыслам пришло ко мне и многим писателям нашего поколения от Вас. Но не только это извлекли мы из Ваших страниц. Быть может, важной истиной, вытекавшей для нас из эпопеи о Доне, была и следующая: для писателя психологическое чувство уверенности в справедливости общественного строя, в котором он живет, более необходимо, чем ощущение надежности своего физического существования...» И там же, говоря о новом гуманизме, который открыла миру социалистическая эпоха, Мульк Радж Ананд пишет: «Я верю в новаторскую силу этого нового гуманизма. Я считаю, что Вы внесли важный вклад в его становление»[25].

Писатель (переводчик «Поднятой целины») Д. Пандиан сообщал мне, что именно шолоховский роман вдохновил его «попытаться изобразить в литературном произведении реальную жизнь тамильского народа... И в этом я глубоко обязан товарищу Шолохову»[26]. Переводчик «Донских рассказов» в Калькутте, бенгальский писатель Рам Бошу в письме ко мне утверждает, что «Шолохов в Индии в большом почете», что «он высоко чтим каждым писателем, независимо от веры и убеждений», что писатели Калькутты «глубоко уважают талант Шолохова»[27].

Об этом же нам говорит и Генеральный секретарь Компартии Индии товарищ Чандра Раджешвара Рао в своем автографе-отзыве, присланном в музей:

«...С чувством огромной радости я пишу эти несколько строк о товарище Михаиле Шолохове — всемирно известном писателе. Его монументальное эпическое произведение «Тихий Дон» — это шедевр советского искусства и литературы. Это эпическое произведение, запечатлевшее жизнь и судьбы народа, донских казаков в великой гражданской войне, читается всем миром с интересом и преклонением. Не будет преувеличением сказать, что это эпическое произведение не только привело много молодежи в ряды международного коммунистического движения, но также придвинуло многих писателей ближе к идеалам социализма и Советского Союза.

Генеральный секретарь
Коммунистической партии Индии
Ч. Р. Рао»[28].

И нынешний секретарь Индийской академии искусств, профессор Прабхакар Мачве (1973) в статье «Дань индийского писателя», называя Шолохова «одним из титанов русской литературы», подчеркивает, что «многие индийские писатели находятся под могучим влиянием автора «Тихого Дона». Так, например, Джаверчан Мегхани написал на языке гуджарати в двух томах роман «О, река Сорат, текучие воды!», и ныне уже покойный Шивапросад Миша на хинди создал книгу о реке Ганге «Рудра Кашикея», и Рахул Санкритиян — книгу «Волга встречает Ганг». Все они во многом несут на себе печать воздействия Шолохова... Уже с 30-х годов, образно говоря, «Тихий Дон» стал источником вдохновения для многих из наших писателей»[29].

Профессор Прабхакар Мачве в этой статье, отмечая сложность и противоречивость образа Григория Мелехова, ставит с ним рядом романтическую фигуру Бунчука и утверждает, что «вот такой тип двух противопоставленных характеров стал часто встречаться в индийской литературе вследствие воздействия «Тихого Дона» Шолохова». И далее называет писателей Багавати Шарана Варма, Яшпала, Упендранахта Ашк (пишущих на хинди) и Хандекара, С. Н. Пендзе, Мальти Бедекира (пишущих на маратхи), в произведениях которых заметно шолоховское влияние.

Вопрос о вкладе М. Шолохова в мировую литературу находится в поле зрения наших друзей и под постоянным обстрелом идейных противников. А они имеются в Индии и выступают в печати. Для примера сошлемся на статью на языке маратхи профессора Бомбейского университета Ашока Ранаде (журн. «Махараштра Сахитья Патрика», 1972) уничижительно названную «Малый эпос М. Шолохова «Тихий Дон».

В статье этой нет ничего оригинального, так как она — отдадим должное профессору! — лишена анализа, ссылок на текст «Тихого Дона», аргументации и представляет собою перепев некоторых избитых тезисов зарубежных антисоветчиков. И только! Когда А. Ранаде пишет, что Шолохов «первые тома «Тихого Дона» написал методом критического реализма», а третий и четвертый — «методом социалистического реализма», вследствие чего в них «перехлест красных красок и тенденций»[30] и они не имеют художественной ценности, то мы ясно видим, что он, не разбираясь в сущности этих методов, лишен еще и эстетического чутья. Дело в том, что как раз в этих томах — III и IV — мы наблюдаем дальнейший расцвет могучего таланта Шолохова, о чем свидетельствует нам и всемирная пресса.

Между тем А. Ранаде не дано это видеть, и он, пытаясь прослыть оригиналом, выдает чужие тезисы, позаимствованные

в ФРГ у профессора-антисоветчика Г. Ишрейта («Нойе Дойче Хефте», 1960)[31], за свои. Когда А. Ранаде клевещет, что Шолохову «недоступно описание больших страстей», что «его изображение — это перечень эпизодов, мелких фактов, без философского осмысления бытия»[32], мы сразу же находим, что и это взято напрокат из книги американского профессора-антикоммуниста Е. Мучник[33]. (См. в этой книге главы «ФРГ» и «США».)

Но когда А. Ранаде пытается сказать нечто свое, например: «...И Григорий Мелехов умирает*, как человек, не понявший и не принявший эту новую жизнь»[34], то мы видим, что профессор — плохой литературовед, что он не точен в передаче финала романа.

Во-первых, Григорий Мелехов в «Тихом Доне» не умирает, а остается жив. И во-вторых, его поступки — разрыв с бандой, уход домой до амнистии, сбрасывание своего оружия под лед — полное разоружение перед родным хутором — свидетельствует о продуманных действиях человека, собирающегося вступить в новую жизнь. При всей трагичности сложившейся судьбы Григория Мелехова его возвращение, встреча на круче с сыном Мишаткой символизируют собою не смерть, не гибель героя, не уход в небытие, а бесповоротный шаг к нам.

Поэтому все, кто пытается живого Григория Мелехова объявить мертвым (павшим и погибшим), напрасно торопятся так жестоко и преждевременно решать его судьбу. У него еще есть достаточно сил, чтобы вместе с сыном войти в новую жизнь.

И профессор Прабхакар Мачве, конечно, прав, когда пишет, что грандиозный эпос «Тихий Дон» бессмертен, что своей гуманностью, войдя в сердца миллионов простых людей, он будет гореть неугасимо в грядущих временах»[35].

---

* В оригинале на языке маратхи так и написано «marto» — умирает.— *К. П.*

ВЬЕТНАМ

I

Жорж Ру, переводчик «Поднятой целины» на французский, говорил нам:

— Поздновато вы взялись за эту тему. Время уже унесло тех, кто мог бы рассказать вам многое. Вот, к примеру, Василий Васильевич Сухомлин. Сколько у него было собрано статей из прессы о «Тихом Доне»! В 30-е годы французские власти в Индокитае запрещали вьетнамцам привозить пекинские и парижские издания книг Ленина, Горького, Шолохова. Французы могли везти в Ханой книги этих авторов, а коренные жители, если они обучались в Париже или Шанхае, возвращаясь на родину, тщательно обыскивались. В 1930 году в связи с восстанием в ряде районов Вьетнама (где позже были созданы народные советы и произведен раздел помещичьих земель) колониальные власти Ханоя, Сайгона, Хайфона сжигали тюки коммунистической газеты «Юманите», в которой печатался «Тихий Дон». Колонизаторов пугали книги о русской революции. И французскому изданию «Поднятой целины» — наш с Алисой Оран перевод — также был запрещен путь в Индокитай. Разве теперь там найдешь архивные документы, когда через эту поистине многострадальную землю прошли с огнем и мечом самураи, затем французы-колонизаторы и вот уже многие годы там ведут разбой американцы?

* * *

Национальная библиотека Демократической Республики Вьетнам в письмах от 16 сентября 1964 года подтвердила, что «до 1945 года в Индокитае книги советских авторов были под запретом колонизаторов, не переводились и не издавались. Лишь после всеобщих выборов в Национальное собрание республики (6 января 1946 г.) народ Вьетнама получил право печатать и издавать то, что ему было необходимо»[1].

На вьетнамском языке первым из шолоховских произведений в 1946 году вышел в свет рассказ «Наука ненависти» в переводе Хок Фи в провинциальном издательстве «Ти Тыонг»[2].

Длительная и кровопролитная война с французскими, а за-

тем американскими империалистами создала огромные трудности в издании книг во Вьетнаме. И вторая попытка издать произведения Шолохова была осуществлена лишь в 1957 году, когда в журнале «Советская литература» был опубликован рассказ «Судьба человека» (перевод Манг Кама). В широких кругах общественности, в армии, среди молодежи рассказ был воспринят очень хорошо и вскоре трижды переиздан большими тиражами.

В те годы во Вьетнаме на идеологическом фронте шла сложная и напряженная борьба. Вопрос о месте художника в национально-освободительной борьбе среди писателей трактовался поразному. Известная буржуазная группировка писателей «Нянван-Зиай-фам», восхвалявшая зарубежную буржуазную литературу, увлекавшаяся детективом и эротикой, выступила против антифашистской направленности «Судьбы человека». Отвергая патриотический рассказ Шолохова, буржуазные эстеты и модернисты пытались отвлечь вьетнамскую молодежь от важнейшей задачи дня — борьбы за свободу и независимость.

Ханойский журнал «Литература и искусство» писал в ноябре 1958 года: «В этой обстановке «Судьба человека» Шолохова подверглась у нас жестким нападкам со стороны эстетов. Но время и развитие идейной борьбы показали правоту Шолохова и заставили наших литераторов и читателей задуматься и поглубже разобраться в новом произведении советской классики. А теперь «Судьба человека» ярко озаряет душу каждого, кто ее прочел. Хотя у нас еще многие люди не знакомы с всемирно известными романами Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина», но рассказ «Судьба человека» (изданный массовыми тиражами) дал возможность вьетнамцам ощутить силу и взлет таланта Шолохова. «Судьба человека» — это не просто рассказ, а великолепно спрессованный роман»[3].

* * *

Лишь в 1959 году, когда выросли новые кадры переводчиков и окрепла полиграфическая база, книгоиздательство «Культура» выпустило в свет «Тихий Дон» в восьми книгах в переводе Нгуен Тхью Ынг[4]. Тираж издания был невелик (всего 8 тысяч), но он сыграл важную роль.

На суперобложке первой части романа издательство познакомило своих читателей с отзывами выдающихся деятелей России и зарубежной прессы о Шолохове и его романе:

«Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. *Калинин*».

«Это одна из книг, в которых наиболее широко, правдиво и талантливо изображена гражданская война. *Горький*».

«Молодой орелик, а размахнул громаднейшие крылья. *Серафимович*».

«Тихий Дон» не только определяет направление развития литературы, но и влияет на изменение человеческих убеждений. *Из румынской прессы*»[5].

В предисловии переводчик Нгуен Тхью Ынг пишет, что Шолохов — это не тот писатель, кто любит копаться в мелочах, он не ковыряется в следах телеги, оставленных на пыльной дороге. Нет! Шолохов всегда берет животрепещущую современную тему, имеющую историческое значение. В своем творчестве Шолохов запечатлел крупнейшие повороты в истории России и всего человечества. Шолохов — писатель, умеющий глубоко проникать в явления жизни. Сюжеты его романов актуальны, несут в себе печать своего времени и дают перспективу читателю[6].

Переводчик Нгуен Тхью Ынг отмечает далее «глубокую народность творчества» писателя, которая «проявляется не только в том, что Шолохова волнуют судьбы простых людей-тружеников, не только в том, что он раскрывает нам все богатство и сложность духовного мира этих людей, но и в том, что он своим «Тихим Доном» прокладывает новые пути в искусстве своего времени»[7].

По мнению переводчика, «важнейшей особенностью народной прозы Шолохова является его активное вторжение в жизнь, превращение литературы в острое оружие в борьбе за великие идеи коммунизма. Шолохов решительно осуждает преступления феодальной и империалистической реакции, и тем он особенно дорог вьетнамскому народу, который борется за свое национальное освобождение»[8].

Нгуен Тхью Ынг пишет об огромных трудностях, которые возникли у него при переводе «Тихого Дона». В своей работе он пользовался русским оригиналом, французским переводом В. Сухомлина и С. Кампо, а также китайским переводом Ким Няна (который нам неизвестен). И все же во многих случаях для передачи ярких красок и оттенков шолоховского стиля, признается переводчик, он не смог найти во вьетнамском языке нужных слов и выражений.

II

Очень большой популярностью во Вьетнаме пользуется «Поднятая целина». Впервые она была издана в четырех книгах в 1959—1961 годах в переводе Чук Тхеина. В предисловии издательство «Культура» пишет о том, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» на французском языке уже давно были знакомы образованным вьетнамским читателям. В годы борьбы вьетнамского народа против французских колонизаторов за независи-

мость своей родины эти книги вдохновляли вьетнамских патриотов — рабочих и крестьян — на борьбу за свое светлое будущее. «Поднятая целина» уже тогда стала одной из самых любимых книг во Вьетнаме».

В этом же предисловии сообщается любопытная история проникновения «Поднятой целины» на французском языке (перевод Алисы Оран и Жоржа Ру) в Народно-освободительную армию Вьетнама в 40-е годы. Юноша вьетнамец привез из Франции «Поднятую целину» Шолохова и повесть В. Овечкина «С фронтовым приветом». Знающие французский язык записывались на очередь, чтобы прочесть эти книги. Но вскоре книга «Поднятая целина» обветшала, и ее отдали переплетчику. Внезапно оккупанты захватили этот городок. И тогда секретарь Союза писателей Хоай Тхань тайно прошел через линию фронта, проник в городок, забрал у переплетчика «Поднятую целину» и вернулся к бойцам Народной армии *. Этот экземпляр романа Шолохова не мог удовлетворить желающих его прочесть, поэтому книга была расшита на части и десятками рук переписана, и в рукописном виде она начала свою новую жизнь.

В конце 50-х годов по решению 16-го пленума ЦК Партии трудящихся Вьетнама по всей стране началось кооперирование сельского хозяйства. «Это была самая трудная революционная задача,— говорится далее в предисловии.— Наш народ нуждался в опыте СССР. Поэтому возникла необходимость перевода на вьетнамский язык «Поднятой целины» Шолохова, которая стала настольной книгой трудящихся, строящих социализм»[9].

* * *

В Ханое издается журнал «Изучение литературы». В нем систематически пропагандируются произведения советских писателей. В одном из номеров этого журнала со статьей «Познакомимся с Шолоховым — одним из великих деятелей искусства, жизни и времени» в 1960 году выступил переводчик и критик Хоанг Чинь[10].

В письме от 25 марта 1965 года Хоанг Чинь писал нам: «Поднятая целина» Шолохова будет вечно жить в сердцах вьетнамских людей, так же как и советских. Вьетнамский народ считает героев «Поднятой целины» Давыдова, Нагульнова, Разметнова своими сыновьями, мужественными борцами за победу социализма в деревне... У нас, во Вьетнаме, когда обсуждают на собраниях вопросы жизни, когда говорят о партийности и преданности революции, всегда вспоминают Давыдова и Нагульнова

* Об этом впервые в советской прессе сообщил И. Базаров в заметке «История двух книг» в «Литературной газете» за 13 октября 1951 года.

из «Поднятой целины», Павла Власова из повести Горького «Мать», Павла Корчагина из «Как закалялась сталь» Островского... Признаюсь вам, что в тиши глубокой ночи, когда я переводил финал «Поднятой целины» — страницы о гибели Давыдова и Нагульнова, я плакал, и останавливалось мое перо... Я часто выступаю с докладами перед народом и бойцами нашей армии о советской литературе. И всегда мне люди задают вопрос: «Ах, почему они погибли? Почему Шолохов сделал так?» Наши читатели в восторге от Щукаря, который всегда влечет за собой бурю смеха. Короче говоря, надо сказать вам, что «Тихий Дон» и «Поднятая целина» оставили в душе вьетнамских читателей глубокий след, неугасимое звучание. Революционная советская литература, вдохновляемая бессмертными идеями Ленина, может гордиться творчеством Шолохова»[11].

* * *

С 1959 по 1965 год произведения М. А. Шолохова издавались во Вьетнаме 14 раз. Переведены и изданы «Они сражались за Родину», «Путь-дороженька», «Жеребенок», «Чужая кровь» и другие донские рассказы. В 1962 году в Ханое для бойцов, сражающихся за свободу Южного Вьетнама, вышло в свет карманное (сокращенное) издание «Поднятой целины» в трех книжечках (перевод Хоанг Чиня).

Книги Шолохова, как об этом сообщают переводчики и Национальная библиотека Ханоя, не пылятся на полках. Их читают рабочие, интеллигенция, крестьяне, бойцы народной армии.

В другом письме, написанном по поручению группы переводчиков, Хоанг Чинь пишет: «Моя работа над переводом «Поднятой целины» навеки сроднила меня с Давыдовым, Нагульновым, Разметновым, Майданниковым и дедом Щукарем... Они стали дорогими друзьями всей нашей группы переводчиков, они кровно дороги мне самому, моей жене и моим детям, которым я читал каждую страничку перевода бессмертной «Поднятой целины». Вы спрашиваете, что же так крепко сблизило нас, вьетнамцев, с героями Шолохова и почему так велик спрос на его книгу у нас? Это, видимо, потому, что между нами возникло интернациональное товарищество (братство), родилась дружба между народами СССР и Вьетнама, дружба, которая помогает нам в труднейших условиях сражаться за честь, свободу и независимость нашей родины, за торжество правды на земле»[12].

«ТИХИЙ ДОН» В АРАБСКОМ МИРЕ

Египет, Иордания. Ирак. Ливан. Сирия.

I

На карте моих зарубежных литературных разысканий арабские страны длительное время оставались белым пятном. С 1964 года неоднократные попытки установить контакты с представителями этих стран в целях обмена книгами и документами прессы о Шолохове, были безуспешны. Национальные библиотеки, ассоциации (союзы) писателей, редакции газет и журналов Каира, Багдада, Бейрута и Дамаска, к сожалению, не откликнулись на мои просьбы и предложения. Поэтому в первом издании этой книги (Ростов-Дон, 1972) арабский мир не был представлен, да и для настоящего, второго ее издания, арабскую главу я не планировал.

Но неожиданное мое знакомство с одним арабом-аспирантом в Ростове-на-Дону заставило предпринять новые действия. Встреча эта произошла у знаменитого ростовского хирурга Шамиля Арафа Тенчурина, который, представив мне своего ассистента — врача Яхья Джамиль Абусара, сказал: «Яхья влюблен в творчество Шолохова. Свободно говорит по-русски. Может, окажется чем-либо вам полезен».

Яхья Абусара был из семьи палестинских беженцев, нашедших приют в Иордании (г. Зарка). Окончил колледж в Кувейте на английском, с 1966 года — студент Ростовского медицинского института, затем аспирант-хирург. В беседе со мною Яхья Абусара сказал, что в программах колледжа у них, конечно, не было имен советских писателей, но их учитель потихоньку рекомендовал учащимся «не пропускать книг Горького, Шолохова и других советских авторов».

— Советские писатели,— сказал Яхья Абусара,— открывали нам новый мир... Горький и Шолохов среди арабской интеллигенции звучат... Арабы любят красивые выражения. И я тоже скажу красиво, но это будет не только красиво, но и истинно: они — Горький и Шолохов — звучат у нас, как Анбийа аль-Шуюийа — пророки коммунизма. В 1962 году в Кувейте в журнале «Аль-Араби» я с упоением прочел «Судьбу человека» Шолохова. Признаюсь, я был, как это лучше сказать? Да, я был заворожен Шолоховым. Затем на экранах Кувейта шли ваши кинофильмы «Тихий Дон» и «Судьба человека». Они произвели

глубокое впечатление на многих и в особенности на меня. Позже в наш дом попал роман «Тихий Дон». И когда подошло время мне ехать в университет, я избрал не Францию или США, а Советский Союз. Мой брат преподает арабский язык и литературу, он пишет стихи и прозу. Он и его друзья-литераторы с восхищением относятся к Шолохову. По «Тихому Дону» они учатся — ятаалямун аль-вакийа — учатся реализму и правде жизни. Так говорит мой брат. Книги Шолохова на арабском появились недавно. Я видел «Тихий Дон» в продаже в Аммане и Зарке (Иордания), Дамаске (Сирия), Бейруте (Ливан) и Багдаде (Ирак). Есть хорошие издания, а есть сокращенные...

Я попросил палестинца написать брату, чтобы он прислал мне, пусть даже сокращенное, издание «Тихого Дона».

— Зачем же беспокоить брата,— ответил Яхья.— Почта идет долго. Там сейчас война. Сокращенное (бейрутское) издание «Тихого Дона» имеется здесь, в Ростове. Да, у одного из моих друзей-арабов. Я вам завтра его подарю.

На другой день Яхья Абусара принес мне толстую книгу. На яркой обложке были изображены Григорий и Аксинья, стоящие на берегу Дона. Арабская вязь заглавия гласила: «Аль-Дон аль-хади» («Дон спокойный») Михаил Шолохов».

— Роман перевел на арабский,— пояснил мне Яхья Абусара,— Ибрагим Джазини. Выпущен в продажу издательством «Дар аль-Камуз аль-Хадиз» в Бейруте. Переводчик Джазини — личность безвестная.— Яхья перевернул страницу и на контртитуле прочел оттиск: «Издание второе. Ноябрь, 1969 год»[1].

Мой гость подал мне эту книгу и застенчиво промолвил:

— Для вас на контртитуле я сделал — ихдаа бихат аль-муаллеф — дарственную надпись. По-русски ее текст гласит так: «Тихий Дон» Шолохова — это посол Советского Союза (и, в частности, посланник казачьей земли) во все страны мира. Не удивительно, что кое-где люди вынуждены были его читать и переводить втайне... По моему мнению, «Тихий Дон» был и — ябка манаран — остается маяком для угнетенных народов... освещая истинный путь к свободе... В романе выражена воля и решимость человека — мушбаун бельтумух эля аль-адаля — преисполненного стремлением к справедливости. Яхья Д. Абусара. Ростов-на-Дону»[2].

Подарок был уникален. Меня порадовала и дарственная надпись Яхья Абусара. Поблагодарив гостя, я спросил его, а помечено ли где-либо в книге, что это издание — сокращенное?

— Нет,— ответил Яхья Абусара.— Если это написать, кто же ее купит? Это сокращенное издание первой и второй книг «Тихого Дона». Это — дурной и плохой пересказ романа. В нем нет души — лайса фиха рух Шолохов уа набдех — нет дыхания и пульса Шолохова.

— Значит, и в Бейруте,— спросил я гостя,— дельцы бизнеса, в угоду реакции, опустошают «Тихий Дон» и при этом наживают прибыли?

— Да,— подтвердил Яхья Абусара.— Се ля ви — такова жизнь... Разбой за место под солнцем.

II

Книга «Аль-Дон аль-хади» в переводе И. Джазини (изд-во «Дар аль-Камуз аль-Хадиз», Бейрут, 1969) представляет собою неслыханное варварство и глумление над шолоховским шедевром советской и мировой литературы.

Прежде всего надо отметить, что для перевода на арабский язык был взят, как первоисточник, не русский оригинал «Тихого Дона», а его английский перевод Стефана Гарри (Гарри Стивенса).

Однако издания «Тихого Дона» — английское (изд-ва «Путнам») и американское (изд-ва «А. Кнопф») 1934—1974 годов в переводе Ст. Гарри являются грубо извращенными. В них, по воле первого издателя-директора «Путнам» Константа Хантингтона, в 1934 году переводчик Ст. Гарри вырубил свыше 100 страниц шолоховского текста и, чтобы скрыть это злодеяние, разрушил шолоховскую структуру великой эпопеи (см. об этом в настоящей книге главу «Англия»).

Осенью 1968 года, в статье «Куда исчезли в Англии 100 страниц «Тихого Дона»? («Огонек» № 38) я разоблачил английскую фальсификацию романа Шолохова[3].

«Огонек» знают и читают во всем мире, и библиографы национальных библиотек в цивилизованных странах хорошо осведомлены об извращениях в английских и американских изданиях «Тихого Дона». Поэтому арабский переводчик и издатель, если бы они с должным уважением относились к знаменитому писателю и международному авторскому праву, без труда могли навести в своих национальных библиотеках или в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина справку о том, какое издание романа «Тихий Дон» является наиболее точным в России и соответственно — за рубежом. В крайнем случае переводчику и издателю не грешно было бы обратиться по этому вопросу и к самому М. А. Шолохову.

Между тем переводчик И. Джазини и изд-во «Дар аль-Камуз аль-Хадиз» грубо пренебрегли общепринятыми нормами и авторским правом и, взяв за основу английский перевод «Тихого Дона», сделанный Ст. Гарри, выпустили роман Шолохова в еще более изуродованном виде!

Известно, что у Шолохова первая книга «Тихого Дона» состоит из трех частей (а в них — 68 глав), вторая книга имеет

две части (а в них — 52 главы), третья книга (часть шестая) имеет 65 глав. Весь текст первой, второй и третьей книг «Тихого Дона» по объему равен 61 печ. листу (при 40 000 знаков в 1 п. л.), или 1243 книжным страницам[4].

Бейрутский переводчик И. Джазини и издательство́ «Дар аль-Камуз аль-Хадиз» из 61 печатного листа шолоховского текста I, II и III книг романа оставили 11 печатных листов, а 50 — выбросили, без указания на титуле об этих чудовищных изъятиях!

Они разрушили шолоховскую структуру романа, стерев нумерацию частей и 185 глав произведения, вырезали из него исторические документы Ленина, воззвания большевистской партии, важнейшие политические споры Бунчука, Гаранжи, Подтелкова, изъяли все документы, разоблачающие коварство и злодейство царских генералов и англо-французских и немецких интервентов на Юге России.

Бейрутские издатели выпустили книгу «Аль-Дон аль-хади» объемом в 240 страниц, произвольно сделав в ней 29 глав. На обложке, в аннотации выдают эти обрезки за «одно из великих достижений современной мировой литературы», как «шедевр Шолохова, удостоенный Нобелевской премии»[5]. Через мои руки прошло 400 томов заграничных изданий «Тихого Дона». Но подобного лицемерия и варварства мы не встречали ни в одной стране!

Чтобы читатель мог судить о качестве перевода И. Джазини, приведу лишь один разительный пример. Всем хорошо памятен скорбный, высокопоэтичный и гуманистический финал второй книги «Тихого Дона». Там все изображено так ярко, скульптурно зримо, волнующе: и захоронение казаками в степи красногвардейца Валета, убитого белыми; и сооружение безвестным стариком у его могилы часовни, с мохнатой черной вязью славянских слов на карнизе навеса: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата», и величественный и жизнеутверждающий аккорд шолоховского реквиема: «И еще — в мае бились возле часовни стрепета, выбили в голубом полынке точок, примяли возле зеленый разлив зреющего пырея: бились за самку, за право на жизнь, на любовь, на размножение. А спустя немного тут же возле часовни, под кочкой, под лохматым покровом старюки-полыни, положила самка стрепета девять дымчато-синих крапленых яиц и села на них, грея их теплом своего тела, защищая глянцево оперенным крылом»[6].

Переводчик И. Джазини, ничего не поняв в гуманистическом пафосе писателя, скомкал до неузнаваемости эту одну из прекраснейших глав второй книги романа. Весь поэтически-философский реквием Шолохова переводчиком И. Джазини сведен в три строки: «...Весной того года в это место прилетели два

ворона* (?! — *К. П.)*. И они стали биться над могилой. Они бились из-за одной самки»[7].

И это — все! У Шолохова — какие глубокие раздумья над человеческими судьбами, на каких высоких и трагических нотах звучит гуманистический призыв ценить и любить человека, а в переводе И. Джазини — скороговорка, бестолочь и пустота. У Шолохова — какое емкое и неповторимое видение жестокости — одних, спокойствия и отрешенности — других и великого сострадания и скорби безвестного старика, ставящего в такое время часовню (над могилой большевика Валета!) со стреляющей в самое сердце читателя черной мохнатой вязью славянского письма, а в переводе И. Джазини — пустота! У Шолохова — какое богатое и яркое описание степи, со всеми ее красками и запахами, со стрепетами, символизирующими яростную, трепетную и неизбывную жизнь в сверкающем под солнцем разнотравье, а у переводчика И. Джазини — ни поэзии, ни раздумий, ни зримых примет донской земли и народа — три пустые, обессмысленные фразы — и... два ворона, как доказательство эстетической глухоты и безграмотности.

Но не только это мы находим в конце данной книги. Двадцать девятая — последняя — глава в переводе И. Джазини (стр. 232—240) являет нам отрывки из 2-й, 3-й, 5-й 12-й, 17-й, 27-й и 30-й глав третьей книги «Тихого Дона»[8]. В них — дурной пересказ тенденциозно подобранных эпизодов, в антисоветском плане трактующих события на Дону с весны 1918 по март 1919 года, до той поры, когда Григорий Мелехов становится одним из вожаков мятежников[9].

В девять страниц арабского текста переводчик И. Джазини, как в прокрустово ложе, вложил события 7 глав III книги романа! Читателю не понятно, в чем причина восстания? Почему Григорий Мелехов так себя повел? Какие проблемы вскрывает и решает Шолохов в третьей книге «Тихого Дона»? Какие уроки в крестьянском вопросе — труднейшем вопросе революции — для коммунистического движения в мировом масштабе мы извлекаем из «Тихого Дона»? Вопросы эти не волновали переводчика и издателей. У них были свои цели, денежные интересы. Ясно, что варварская расправа над текстом трех книг «Тихого Дона» была произведена для того, чтобы (в угоду националистической реакции в арабском мире и империалистической — за океаном) в извращенном свете представить читателям-арабам величественный эпос об Октябрьской революции и судьбах среднего крестьянства России.

---

* По-арабски написано «губаран», то есть два ворона.— *К. П.*

В 30-е и 40-е годы проникновение произведений советских писателей и, в частности, книг М. А. Шолохова в страны арабского мира было сопряжено с колоссальными трудностями. Главные помехи чинила цензура колонизаторов (европейских держав), местной реакции и духовных властей ислама. Произведения советских авторов в арабском мире не издавались. Они были под тройным запретом. Лишь в переводах на английском и французском они проникали в малом количестве к прогрессивно мыслящим людям. После разгрома фашизма появились — в 50—60-е годы некоторые сдвиги.

Весьма откровенно (хотя и односторонне) об этом высказался известный египетский писатель и литературовед Абд аль-Муним Собхи. «Если ознакомиться с перечнем книг, — писал Собхи в 1967 г., — изданных нашими издательствами (посвященных различным писателям мира), то этот список будет весьма значительным. И покажется очень странным, что книг Михаила Шолохова и о нем в этом списке нет (за исключением «Тихого Дона»[10], который, кстати сказать, переведен с извращенного английского издания «Путнам»). Причина этого небрежения к советскому классику всемирной известности таится в том, пишет там же Абд аль-Муним Собхи, что «Шолохов является родоначальником социалистического реализма», который «долгое время встречал ожесточенное противодействие со стороны Запада»[11]. И — добавим мы для ясности — местной арабской реакции. В Египте, странах Ближнего Востока и Иране властями, официальной прессой, в учебных заведениях и в мечетях все советское объявлялось враждебным по идейным и религиозным мотивам.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в арабской прессе Ближнего Востока первая статья о Шолохове и его творчестве появилась лишь в середине тридцатых годов. Как пишет мне член ЦК Ливанской компартии тов. Хусейн Мруэ, он впервые услышал имя Шолохова в Багдаде в 1936 году от лидера Иракской компартии (ныне уже покойного) К. М. аш-Шабиби в редакции журнала «Аль-Маджалла», где готовилась к печати крупная статья о «Поднятой целине» М. Шолохова[12].

Значительно позже, в мае 1943 года, в Бейруте в журнале антифашистской лиги Сирии и Ливана «Ат-Тарик» № 8 появилась первая публикация на арабском одного из произведений Шолохова — очерка «Наука ненависти». Важно отметить, что в этом же номере журнала «Ат-Тарик» напечатана статья писателя Л. Дейрани (ответ на опрос редакции) о месте художника во всемирной битве сил добра против зла, о роли литературы «в национальном возрождении». По мнению Л. Дейрани, писа-

тели должны быть «в авангарде борцов за освобождение человечества от фашистского порабощения»[13].

В аннотации к очерку «Наука ненависти» редакция журнала аттестует Шолохова как «известного русского романиста, депутата Верховного Совета СССР и воина Красной Армии», который своим служением народу «оружием слова и оружием огня»[14] в борьбе против фашизма может быть примером для арабов.

В 1945 году, публикуя статью, посвященную 40-летию М. А. Шолохова (с его портретом в форме полковника Советской Армии), редакция «Ат-Тарик» снова проводит мысль о том, что писатель должен быть всегда с народом и на переднем крае битвы. Подчеркивая, что Шолохов «с юности вступил в ряды Красной Армии» и сражался за народное дело, редакция вновь обращает внимание арабских литераторов на то, что высший писательский долг есть служение революции и раскрепощению народа. Сообщая о великих потерях советского народа в борьбе с фашизмом и о гибели от фашистской бомбы матери писателя летом 1942 года в ст. Вешенской, редакция в заключение цитирует (по ее мнению, очень важное и для арабских писателей) высказывание Шолохова: «...Я убежден, что во время войны мой долг заключался в том, чтобы идти в ногу с народом в его борьбе против иностранного господства»[15]. Как видим, редакция журнала «Ат-Тарик» уже тогда настойчиво и систематично использовала патриотическое слово Шолохова, как призыв к арабам подниматься на борьбу за национальное раскрепощение от иностранного гнета. Потому-то колонизаторы так ненавидели книги Шолохова и всячески препятствовали их распространению в Азии, Африке, Латинской Америке, да и у себя в метрополиях.

Но, как говорят арабы, — ляи юкеф агалат аль-тарих — не остановить колеса истории! Наперекор всему книги Шолохова проникали в арабский мир на французском, английском, турецком языках и делали свое великое и гуманное дело. Как это было, мне рассказали в недавней встрече в Москве сами арабы.

— Многие и многие годы английские колонизаторы, отгородив Ирак от всего мира глухой стеной, держали нас во мраке, — сказал нам известный иракский писатель Гаиб Тума Фарман. — Мы были лишены подлинной культуры. Цензура иракская и английская душила все. Для нас, заключенных в политические тюрьмы Багдада, Кута, Нукрат-Сулеймана, настоящим счастьем были книги, которые там имелись. Среди узников в Багдадской тюрьме оказалось двое русских солдат. В годы войны они, заблудившись в Иране, пришли в Ирак, а их у нас загнали на многие годы в тюрьму. Это были хорошие русские парни.

Они стали быстро от нас учиться арабскому языку, а нас учили русскому. В тюрьме от них я впервые услыхал, что в России есть великий писатель Шолохов. Позже, в 1957 году, за пределами Ирака я прочел на английском «Тихий Дон». И хотя он в сокращенном издании, как вы говорите, но для меня это была ценнейшая находка. Я был знаком с творчеством многих европейских писателей-реалистов. Однако реализм «Тихого Дона» был чем-то новым, он отличался от книг, к которым я привык. Реализм Шолохова заставляет читателя видеть жизнь воочию, ощущать своими руками ее пульс, видеть ее во всем многоцветье и в движении. Реализм Шолохова вскрывает душу не только у людей, но и у степей и полей, деревьев и камней, дает нам возможность потрогать их на ощупь, вкусить их аромат, смешаться с ними. И тебя наполняет вся их свежесть. И тебе хочется жить свободной и боевой жизнью — жизнью-симфонией...

— А я впервые услышал имя Шолохова, — вступил в беседу Сеид Хавранис, писатель-новеллист, директор Советско-сирийского центра культуры Дамаска, — в конце сороковых годов, когда учился в университете. Нам очень хотелось окунуться в советскую литературу, в особенности после великой победы советского народа над фашизмом и после того, как его колоссальные достижения разметали по ветру пыль лживой пропаганды, замутившей умы части нашей молодежи. Вот в это время я во французском журнале «Нувель литерер» в 1953 году наткнулся на статью Андре Стиля о «Тихом Доне» Шолохова. Для меня это было настоящее открытие Шолохова. Я нашел у друзей французский перевод «Тихого Дона». Меня поразили масштабы романа, богатство и жизненность картин. Но я еще был слаб во французском языке, не улавливал все нюансы и подтексты этого волшебного произведения... И я стал тогда уговаривать моих друзей, свободно владевших французским или английским, чтобы они занялись переводом «Тихого Дона» на арабский. Но никто не ухватился за эту идею. Огромный объем эпопеи Шолохова, и опасения издателей к очень уж красному роману, и политическая обстановка не благоприятствовали делу. Потребовались еще годы и годы, чтобы наконец «Тихий Дон» появился на арабском языке в Багдаде и Бейруте... Но это произошло уже после присуждения Шолохову Нобелевской премии. И Шолохов стал завоевывать сердца арабских читателей.

— Моя встреча с Шолоховым—это встреча с новой эпохой,— сказал Абу-Бакр Юсеф, литературовед-переводчик из Египта. — Она произошла в 1958 году в Москве, когда я приехал для поступления в МГУ. Я еще не знал ни одной русской буквы и пришел в кинотеатр посмотреть впервые советский фильм.

Как называлась картина — я не знал. Но то, что я увидел на экране — неистовую борьбу русского солдата Андрея с фашистами, — осталось в моей душе на всю жизнь. Впечатление было такое сильное, что я этот фильм — а это была «Судьба человека» — помню до сих пор. В 1960 году мне попала в руки книга на арабском языке «Поднятая целина». Со всей страстью я отдался ее чтению. И понял, что ее автор — великий художник, заставивший меня пережить коллективизацию советской деревни со всеми ее успехами, трудностями и радостями... В конце романа, когда Давыдов и Нагульнов погибают, я почувствовал, что потерял самых дорогих и близких мне друзей. Моя душа переполнилась горечью по поводу гибели этих двух солдат революции... Книга эта была издана в Ираке и, кажется, переведена на арабский с английского. Перевод был прекрасен. Но только позже, овладев русским языком, я оценил все богатство и красоту романа. И я понял, что ни один переводчик не в силах передать всю прелесть, все оттенки цвета, светотень в замечательной эпопее Шолохова, неповторимость его ярких и самобытных персонажей.

Затем в Каире мне попала в руки маленькая книжка, карманного формата, под заглавием «Тихий Дон», в роскошном переплете, — продолжал Абу-Бакр Юсеф. — Издание «Матбаут китаби» (директор-издатель Хильми Мурад). Это было краткое изложение романа «Тихий Дон». Плохое, низкосортное изложение, искажающее всю красоту шолоховского шедевра. Из всего романа в осколках дана лишь любовная линия Григорий Мелехов — Аксинья — Наталья. От романа ничего не осталось... Даны любовные сцены, противоречивые метания Мелехова, непонятные из-за искажения текста Шолохова. Издательство «Матбаут китаби» в погоне за легкой прибылью портит вкусы читателей, извращает художественные шедевры — «Тихий Дон», «Илиаду», «Войну и мир»... Вскоре я прочел великую шолоховскую эпопею на русском языке. Читая ее, я прожил незабываемые дни с героями «Тихого Дона». И теперь я с полной уверенностью утверждаю, что этот роман Шолохова — произведение исполинское, одно из самых замечательных творений человеческой мысли. Это, без сомнения, художественный шедевр, один из тех редких шедевров, которые не часто появляются на свете. Это роман — на века!

При этой встрече я показал арабским литераторам бейрутское издание «Тихого Дона» в переводе И. Джазини. И все они единодушно с возмущением осудили эту фальсификацию.

— В мире капитализма, — сказал иракский писатель Гаиб Фарман, — ради наживы идут на все — на выпуск карманных извращенных пересказов «Тихого Дона», о которых тут гово-

рил Абу-Бакр Юсеф, на любую диверсию. А если в ней заложен дух антисоветизма — то это считается ходким товаром и даже особой доблестью!

— Как на это реагирует прогрессивная общественность и пресса?

— Должна реагировать по-революционному,— пояснил Абу-Бакр Юсеф.— Но порой за всем не успевают, полагая, что читатель сам разберется... Литераторы в этом быстро ориентируются...

IV

В конце 50-х годов в переводе на арабский язык появляются крупные произведения М. А. Шолохова. Так, в Каире издательство «Ад-Дар ал-Мисрийа ли-д-кутуб» выпускает в 1958 году в переводе Мустафы аль-Хусейна и Унсии Абу аль-Наср первую и вторую книги «Тихого Дона» под заглавием «Ан Нахр ат-хади» («Река тихая»). В 1960 году в Багдаде издаются романы «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину». В 1960 году в каирском журнале «Кутуб ли-ль-джами» (№ 153) печатается перевод рассказа «Судьба человека». И хотя эти переводы были выполнены не с русских оригиналов, а с английских изданий, важно отметить, что в арабском мире Шолохов стал доступен не только высокообразованной элите страны (читавшей «Тихий Дон» и другие произведения на английском и французском языках), но и самым широким слоям трудящихся.

Мы не располагаем откликами-рецензиями арабской прессы на выход в свет шолоховских произведений. Но, как свидетельствуют арабские прогрессивные писатели, уже с конца 40-х годов в кругах литературной общественности Египта, Ливана и Сирии имя Шолохова стало весьма авторитетно. Выдающийся египетский поэт и драматург Абд ар-Рахман аль-Хамиси в беседе со мною 7 июля 1974 года об этом сказал так: «В литературных спорах среди арабов Шолохов всегда был вдохновителем наших сердец. Буржуазные идеологи — писатели и критики говорили нам: «Искусство стоит над классами, вне политики и борьбы» и что «социалистический реализм сковывает дух писателя, губит искусство». «А посмотрите, господа, на гения социалистического реализма Шолохова, — отвечали мы своим противникам. — За истекшие 30—40 лет из литературы Запада и Востока что вы можете противопоставить «Тихому Дону»? Великий шолоховский эпос является нашим могущественным оружием. Благодаря его бессмертному «Тихому Дону» мы стали завоевывать молодежь, студенчество. Шолоховский эпос — «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека» — это высшие

достижения социалистического реализма. И Шолохов — это не просто великий русский писатель, он уже давно принадлежит всему прогрессивному человечеству. Шолохов — одна из величайших вершин в современной мировой литературе. Сила и мощь Шолохова в том, что его искусство зиждется на неувядаемых лучших традициях культурного наследия человечества, на глубочайшем и страстном чувствовании и понимании боли, страданий и радостей человеческих. «Тихий Дон» Шолохова учит — и это хорошо понимают читатели во всех уголках планеты! — ценить в человеке гуманность, поиск истины и справедливость. Вот этим Шолохов покорил мир!»

Нобелевская премия по литературе 1965 года вызвала множество откликов в арабской прессе. Некоторые газеты, сердечно приветствуя автора «Тихого Дона», подчеркивали его верность социалистическому гуманизму и реализму. Так, например, каирская газета «Аль-Ахрам» 16 октября и позже в других статьях отмечала, что «присуждение М. Шолохову Нобель-приза есть большая награда социалистической литературе в целом»[16]. Сирийская газета «Ас-Саура» также акцентировала внимание на том факте, что решение Шведской академии фактически признает Шолохова как писателя социалистического реализма[17]. Другие, как например, тоже каирская газета «Аль-Джумхурия», лишь бесстрастно констатировала факт присуждения пятистрочной информацией[18], упорно замалчивая всемирное признание Нобелевским комитетом художественных достижений советской литературы. И в этом был свой смысл, своя политика.

Арабские журналы «Ат-Талиа», «Аль-Мусаввар» (Каир), «Аль-Улум», «Аль-Абад» (Бейрут) печатали объективные и доброжелательные статьи. Так, «Ат-Талиа» в редакционной статье «Михаил Шолохов — лауреат Ленинской и Сталинской премий, получает Нобелевскую» особо подчеркивает глубокую партийность и народность творчества нашего классика. «По мнению большинства литературных критиков мира, — утверждает и разъясняет «Ат-Талиа», — Михаила Шолохова следует считать писателем типичным для советского строя, твердым защитником своих политических убеждений... Его романы вскрывают сущность классовой борьбы, показывают борцов за дело революции, их душевное богатство, их героизм и гуманность, их полное самоотречение в борьбе за создание новой России... Объективно говоря, он является одним из самых великих писателей-гуманистов, проводников высших идеалов новой социалистической культуры»[19].

Редакция журнала «Аль-Мусаввар» в статье известного прогрессивного литературоведа Махмуда Амин аль-Алема справедливо подвергла критике Шведскую академию за дли-

тельное игнорирование левых литераторов западного мира и советских писателей.

«Нобелевская премия, — писал М. А. аль-Алем, — является орудием идеологических и политических маневров... При отборе кандидатур на премию доминируют предвзятость и необъективность критериев». Давая высокую оценку таланту Шолохова, критик отмечает, что «он принадлежит к тем писателям, которые своим творчеством способны масштабно запечатлеть родные места, эпоху, идеологию и одновременно завоевать сердце всего человечества», что «своими произведениями, идейными принципами, всей своей жизнью Шолохов являет образец настоящего Человека и художника»[20].

Наряду с этим в статье Махмуда Амин аль-Алема имеются высказывания, с коими мы и не согласны. В частности, его тезис о том, что присуждение Нобелевской премии Шолохову «надо рассматривать как результат пропаганды одного из зарубежных писателей»[21], является преувеличением роли одной личности в столь сложном, мирового значения вопросе. Мы располагаем документами всемирной прессы, которые в своем подавляющем большинстве рассматривают это событие как победу мирового общественного мнения. Да и в Египте многие прогрессивно мыслящие литераторы с этим также солидарны. Видный арабский журналист Ибрахим Амер в эти дни писал: «Нобелевская премия Шолохову — это победа справедливости и сил мира, победа международной общественности, выступающей против войны. Это победа великих идей мира и гуманизма»[22].

Очень глубоко высказался по этому поводу выдающийся египетский поэт Абд ар-Рахман аль-Хамиси в интервью агентству печати «Новости»: «Михаил Шолохов — один из основоположников социалистического реализма... Многочисленные ученики и почитатели таланта Шолохова во всем мире расценивают присуждение ему Нобелевской премии как победу гуманистического, реалистического искусства над теми, кто проповедует теорию «искусства для искусства»[23].

Заслуживают внимание суждения по этому вопросу и других арабских литераторов, полученные нами в Шолоховский фонд.

«Нобелевскую премию Шолохову надо было присудить еще в 1940 году, когда вышла в свет четвертая книга «Тихого Дона», — пишет нам известный иракский прозаик Гаиб Тума Фарман. — «Тихий Дон» — это поистине открытие во всемирной литературе. Достоинства романа и гениальность его автора значительно превосходят все требования, предъявляемые к награждаемым этой премией. Книга Шолохова «Тихий Дон» научила многие миллионы людей благородным делам. Шолохов открыл нам совершенно новый мир... Он — лучший апостол взаимопо-

нимания, согласия, добра и сотрудничества между народами мира, чудесный знаток природы человеческого духа. Так кто же еще более достоин Нобелевской премии, если не Шолохов, со всей его самобытностью, глубиной и гениальностью?!»[24]

«Теперь, после того как я познакомился с творчеством Шолохова в русском оригинале и даже перевел некоторые его рассказы («Наука ненависти», «Жеребенок», «Родинка») и напечатал их в «Советском военном обозрении» на арабском (1972) и «Амбу Моску» (1973), я должен заявить, что этот уникальный художник — русское чудо, явление из ряда вон выходящее, исключительное и в то же время — явление естественное,— пишет нам египетский литературовед-переводчик Абу-Бакр Юсеф. — Исключительное явление из-за потрясающей гениальности автора. И — естественное потому, что Шолохов рожден Октябрьской революцией, потрясшей весь мир и раскрепостившей творческую инициативу масс. И когда Шолохову присудили Нобелевскую премию, наконец, в 1965 году, то этот акт явился запоздалым признанием его давних прав на нее. Это запоздалое, но многозначительное признание! Мы привыкли к тому, что эта премия не присуждалась социалистическим писателям... Но вот она все же присуждена. Какими бы мотивами и целями Нобелевский комитет ни руководствовался, это ничего не меняет. И неоспоримой, ясной, как солнце, истиной остается тот факт, что гений Шолохова и его величественное творение «Тихий Дон» удостоены этой премии за то, что покорили сердца миллионов читателей (чего нельзя сказать о произведениях многих и многих лауреатов Нобелевской премии!!!) — миллионов читателей во всех частях света, а это и есть величайшая премия для любого художника»[25].

«...На мой взгляд, — пишет нам сирийский новеллист Сеид Хавранне, — «Тихий Дон» относится к тем немногим эпическим произведениям мировой литературы, которые рисуют жизнь эпохи во всей полноте, народ — в его совокупности; причем каждый персонаж выписан точно и превосходно. Для сравнения вспоминаются «Илиада» Гомера, «Дон-Кихот» Сервантеса, «Человеческая комедия» Бальзака, «Война и мир» Толстого... Все они создали свои шедевры в пору возмужалости. Поистине приходишь в замешательство, когда узнаешь, что «Тихий Дон» — великое эпическое произведение — появился в свет, когда автору было лишь 23 года, а его опыт уже был так энциклопедичен, широк, глубок и правдив. Его глаза, образно говоря, подобны радару, который засекает тончайшие сигналы издалека и с близкого расстояния и аккумулирует их в своей потрясающей памяти. Сердце его чувствует в глубине все боли и чаяния человека... Действительно, Шолохов — это удивительное, парадоксальное явление во всемирной истории романа»[26].

* * *

Среди множества газетно-журнальных откликов на присуждение Шолохову Нобелевской премии в арабской прессе, на наш взгляд, заслуживает похвалы наиболее популярная, со знанием предмета написанная статья ливанского поэта, прозаика и доктора Мишеля Сулеймана в журнале «Аль-Улум» № 10 1965 года.

Прекрасный писатель и переводчик многих произведений советской литературы, в том числе и четырех книг «Тихого Дона» (издан в Бейруте в 1966 году), Мишель Сулейман дал (по свидетельству писателя Гаиба Тума Фармана) самый лучший полный перевод шолоховской эпопеи, так как переводил не с извращенного английского, а с великолепного, весьма близкого к оригиналу, французского перевода Василия Сухомлина и Сюзанны Кампо (Париж, «Пайо»).

В отличие от каирского литературоведа Махмуда Амин аль-Алема, который в журнале «Аль-Мусаввар» ошибочно полагает, что Шолохов «не сказал нового слова в создании нового литературного метода и в области средств художественного изображения»[27], доктор Мишель Сулейман утверждает, что «уже первым произведениям Шолохова был свойствен стиль, который мы позволим себе назвать шолоховским».

По мнению доктора М. Сулеймана, Шолохов является новатором не только как самобытный стилист, как писатель-гуманист, поставивший и осветивший неизвестные для западных писателей проблемы русской революции, но и как художник, открывший миру новые пласты человеческие — духовное богатство простых людей.

«Вот Аксинья Астахова, женщина, способная любить, как любила мадам Бовари у Флобера или Анна Каренина у Льва Толстого, — пишет доктор Мишель Сулейман. — Мы находим, что и духовный облик Григория Мелехова не менее сложен, чем у Андрея Болконского в «Войне и мире»... Герои Шолохова предстают в вечном движении жизни: новое берет верх над старым. Гений Шолохова ведет читателя через все, чем была полна земля русская».

Давая краткие и точные оценки «Тихому Дону», «Поднятой целине», «Судьбе человека», Мишель Сулейман характеризует творчество Шолохова как продолжение в советской и мировой литературе лучших гуманистических традиций великих русских классиков[28].

V

Монография Абд аль-Муним Собхи «От Дона к Нобелевской премии (М. Шолохов — вожак социалистического реализма)» является крупным вкладом в дело советско-египетских культурных связей. На арабском языке это первое значительное исследование о творчестве Шолохова и советской литературе.

Мы получили в дар эту книгу от Абд аль-Муним Собхи с его автографом, в котором он автора «Тихого Дона» именует «пульсом эпохи»[29].

Во «Введении» А. Собхи справедливо критикует Шведскую академию за предвзятость в подходе к отбору кандидатов в лауреаты с 1901 года. Сурово осуждается тот факт, что Нобелевской премией были обойдены такие титаны литературы, как Толстой, Чехов, Гауфик аль-Хаким и Р. Тагор*, и что, руководствуясь политической предвзятостью, Шведская академия не дала этой премии М. Горькому, Н. Хикмету, П. Неруде и В. Маяковскому[30].

А. Собхи правильно подчеркнул, что присуждение Шолохову Нобелевской премии «означает признание метода социалистического реализма» во всемирном масштабе. Верна его мысль о том, что «в советской литературе, вслед за легендарным Павлом из романа М. Горького «Мать», стали появляться герои со сложными и противоречивыми чертами характера, действующие в различных и трудных ситуациях жизни, стоящие пусть еще не на зрелых идейных позициях, но ищущие свой путь в жизни».

Но далее А. Собхи, к сожалению, допускает принципиальную ошибку, когда пишет, что «социалистический реализм вышел из деревни»[31]. Общеизвестно, что провозвестником метода социалистического реализма в литературе является А. М. Горький и что его роман «Мать» есть первый фундаментальный вклад в теорию и практику этого метода.

А. Собхи пишет о том, что «после смерти М. Горького имя Шолохова стало первым в советской литературе». Силу Шолохова он видит в его таланте, в глубочайшем знании всех противоречий жизни. «Реальность героев Шолохова в том, — пишет А. Собхи, — что они из плоти и крови, как живые люди. Сила Шолохова не только в том, что он талантливо показал современную советскую жизнь, но, главное, в том, что он, как никто другой из советских писателей, сумел вскрыть внутренний (духовный) мир советского человека, и читатели всей планеты увидели: новый человек строит новую жизнь»[32].

---

* Явная ошибка. Рабиндранат Тагор удостоен Нобелевской премии в 1913 году.— *К. П.*

Деловито критикуя западных «теоретиков», провозгласивших смерть романа, А. Собхи доказывает, что роман жив. Подтверждение этому арабский ученый видит «в миллионных тиражах произведений Шолохова, Стейнбека, Моравиа, Грехэма Грина», «в наступлении эпохи нового романа», главнейшей особенностью коего является рождение нового литературного героя — труженика, борца, деятеля.

По мнению Собхи, «в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» читатели всего мира получили ответы на вопрос: что же произошло в России?». И сила этих ответов так впечатляюща и могуча, что «дает объяснение многим явлениям, которые важны не только для сегодняшнего дня, но и для завтрашнего». Более того. Художественные обобщения Шолохова и их очарование «становятся символом борьбы для любого человека во имя жизни миллионов людей». И «все эти моменты, — утверждает арабский литературовед А. Собхи, — дают основание сказать, что Михаил Шолохов является отцом современного советского романа... по всем его ипостасям — формы, метода, языка»[33].

В книге А. Собхи имеются любопытные суждения об источниках творчества Шолохова, который в отличие от Пруста и Фолкнера «черпает свое вдохновение в народе», о принципиальном отличии Шолохова, как певца «победившего поколения», от многих писателей Запада, в частности и Хемингуэя, у которого не было другого выхода, как оплакивать «потерянное поколение» той войны.

В главе «От романа к кино» арабский ученый пишет, что Шолохов является «одним из самых великолепных писателей не только в СССР, но и во всем мире, чье творчество скульптурно зримо и получает прекрасное воплощение в кинематографе», что, к сожалению, «режиссер Сергей Герасимов не сумел полностью передать на экране гениальность «Тихого Дона» Шолохова» и что его «творчество таит в себе гигантские, еще не использованные возможности для создания новых кинопроизведений»[34].

Рассматривая проблемы марксистской эстетики, А. Собхи дает отпор литературоведам Запада, которые распространяют наветы и домыслы, будто Шолохов «стоит весьма далеко от эстетики». Вне всякого сомнения, утверждает А. Собхи, «Шолохов является наиболее верным проводником марксистской эстетики в творчестве»[35].

В лице Абд аль-Муним Собхи мы обрели активного пропагандиста творчества Шолохова и всей советской литературы в арабском мире. Его книга «От Дона к Нобелевской премии» оставляет хорошее впечатление своей актуальностью, популярностью и демократичностью взглядов автора.

* * *

Творчество М. А. Шолохова принято на вооружение прогрессивными писателями арабского мира. Как сообщает нам член ЦК Компартии Ливана тов. Хусейн Мруэ, «благородная речь М. А. Шолохова о социалистическом гуманизме советской литературы (произнесенная в 1965 году в Стокгольме при получении Нобелевской премии) оказала могучее влияние на изменение хода нашей битвы против буржуазных идеологов, врагов советской литературы. И ныне многие из наших писателей-патриотов творят под впечатлением мужественных слов Шолохова об эстетических принципах советской литературы, крепчайше связанной с жизнью людей, строящих здание мира и прогресса»[36].

О глубоком внимании арабских литераторов к творчеству Шолохова пишут нам писатели Иордании. Прозаик Юсуф Салах Юсуф (г. Зарка) считает, что «Шолохов — прекрасный образец величия человеческого разума, которым бог одаряет только избранных», что «Шолохов близок ему, как Чехов, Горький и Станиславский». И там же Ю. С. Юсуф выражает свое возмущение «коммерческим, спекулятивным, негодным переводом «Тихого Дона» (пер. И. Джазини, бейрутское издание 1969 г.), в котором вырублено более половины текста Шолохова и полно мусора»[37].

И генеральный секретарь Ассоциации писателей Иордании Халиль аль-Савахры, поэт и прозаик из г. Аммана, давая положительную оценку «художественным шедеврам Шолохова» и жалуясь на искаженное бейрутское издание романа пишет: «Моя мечта, как и многих арабов, чтобы поскорее был выпущен полный и точный перевод «Тихого Дона» с русского, чтобы я мог его читать, как я уже читаю книги Федора Достоевского»[38].

Жажда арабских писателей и читателей видеть «Тихий Дон» в высококачественном переводе — насущная задача дня. Настало время приступить к ее осуществлению. По словам египетского литератора-переводчика Абу-Бакр Юсефа, «в арабском мире уже выросло много квалифицированных кадров переводчиков, способных взять на себя эту трудоемкую и вместе с тем прекрасную ответственность»[39].

ИРАН

I

Первая крупная публикация в иранской прессе о творчестве М. А. Шолохова появилась лишь после войны в журнале Общества ирано-советской дружбы — «Пейаме-ноу».

«Михаил Шолохов — известный и популярный представитель советской литературы, — писал в сентябре 1946 года в статье профессор Тегеранского университета Фатима Сийах. — Его следует отнести к числу выдающихся писателей мира, как одного из самых крупных прозаиков XX века. В то время как лучшие классики мира: Толстой, Достоевский, Диккенс, Бальзак, Флобер издавали свои шедевры в годы возмужалости, Шолохов поразил мир созданием своего шедевра «Тихий Дон» в возрасте 23 лет. Его врожденная гениальность, колоссальная впечатлительность и неистовая активность в совершенствовании своих знаний явили миру произведение высочайшего класса»[1].

Профессор, дав краткую биографическую справку, рассказывает о его творческом пути, правдиво анализирует проблематику «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

«Через все произведения Шолохова, — пишет Ф. Сийах, — красной нитью проходит борьба нового со старым в жизни, создание нового коммунистического общества, рождение и становление нового человека... Роман «Тихий Дон», как эпос о революции, по своей проблематике и художественному воплощению является не только шедевром Шолохова, но и самым наилучшим произведением всей советской литературы»[2].

В статье Ф. Сийаха радует глубина мысли, правдивость и демократичность взглядов в оценке советской действительности. Он подробно рассказывает о содержании III книги «Тихого Дона», запечатлевшей Вешенское восстание 1919 года, подчеркивая честность позиции Шолохова, который «с огромной зоркостью и невиданным мастерством изобразил трагические события, решавшие судьбу революции русского народа». По мнению профессора Ф. Сийаха, «главный герой эпопеи Григорий Мелехов, несомненно, является самым ярким и выдающимся персо-

нажем всей советской литературы. Григорий Мелехов, середняк-труженик, колеблется больше, чем другие, оказавшись на скользком распутье, так как богатые казаки присоединились к реакции, а беднота склонилась на сторону революции»[3].

Надо отметить, что для иранской прессы тех лет, зажатой в тиски монаршей цензуры, статья профессора Фатимы Сийаха звучала как откровение. Ведь длительное время в этой стране было запрещено употребление слов: «революция», «социализм», «диктатура пролетариата», «союз Серпа и Молота», нельзя было писать о свержении монархии в России и о ликвидации кулачества как класса в 1929—1930 годах. И вот из этой статьи иранские читатели впервые узнают, что у Шолохова, кроме «Тихого Дона», есть еще большой и выдающийся роман «Поднятая целина» — «о втором этапе великих преобразований, о борьбе нового со старым на крестьянской ниве, о ликвидации частной собственности на средства производства в деревне в целях прекращения дробления земельных наделов на все более мелкие участки, в целях перевода всей экономики крестьянства на социалистические принципы производства... И этим новым и невиданным проблемам жизни — рождению колхоза на земле — и посвящено лучшее произведение советской литературы— «Поднятая целина» Шолохова»[4].

Говоря о развитии Шолоховым в «Тихом Доне» лучших традиций реализма Л. Толстого, профессор Ф. Сийах обращает внимание на следующее: «Шолохов учится у народа, служит народу и учит жизни сыновей и дочерей своего народа. В своих думах о народе, в заботах о его нуждах и по тому, как много людей идет к Шолохову по личным вопросам, чтобы услышать мудрый совет, как им жить лучше, иранский профессор Фатима Сийах находит еще одно замечательное сходство автора «Тихого Дона» с Толстым... «Величие и слава Шолохова зиждятся на том, что он, являясь настоящим гением народа, не порывает с ним связи, живет в народе»[5].

В этом же номере журнала «Пейаме-поу» иранские читатели (пожалуй, впервые) познакомились с отрывком из романа «Поднятая целина», озаглавленным «Месть» — о трагической судьбе жены Андрея Разметнова, которую обесчестили и довели до самоубийства белогвардейцы... Перевод этот был выполнен с русского оригинала замечательным коммунистом — публицистом Керимом Кешаварзом.

Можно было ожидать, что после столь авторитетной аттестации творчеству Шолохова, которую дал профессор Тегеранского университета Ф. Сийах, романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина» заинтересуются иранские книгоиздатели и вскоре выпустят их на персидском языке.

Однако шли годы и годы, а книги М. А. Шолохова в Иране не издавались. И когда известный иранский писатель, тоже профессор Тегеранского университета, Саид Нафиси в своей речи на II Всесоюзном съезде советских писателей (декабрь, 1954) заявил, что «иранцы не отстали от других в деле ознакомления своего народа с лучшими произведениями советских писателей»[6], мы, истине следуя, должны сказать, что к тому времени самые выдающиеся произведения советской литературы — «Тихий Дон» и «Поднятая целина» все еще были неведомы иранскому народу. Причина этого таилась в политическом давлении властей и цензуры на книгоиздателей и переводчиков.

Лишь в начале 1960 года в Тегеранском издательстве «Н. И. Л.» появляется персидский перевод первого крупного произведения Шолохова «Судьба человека» (тиражом в 1000 экземпляров). В своем предисловии переводчик З. Форушани сообщает читателям, что «шедевром Шолохова (который в Иране еще ждет своего переводчика) является «Тихий Дон» — роман о первой мировой войне, Великой Октябрьской революции (слово «социалистической» пропущено, так как еще находится под запретом!) и гражданской войне в России». Давая самую высокую оценку творчеству Шолохова, переводчик подчеркивает, что «его имя является звездой в ряду таких литературных корифеев, как Л. Толстой, Достоевский, Горький»[7].

Затем, года три спустя, крупная буржуазная газета «Эттэлаат» неожиданно в 9 номерах опубликовала очерк Шолохова «Наука ненависти» (пер. Н. М. Назэр)[8].

Вот, собственно, и все, что из произведений Шолохова было издано ко времени, когда Шведская академия присудила ему Нобелевскую премию (октябрь, 1965 г.).

Крупные иранские газеты «Эттэлаат», «Кейхан», журнал «Ханданиха» сообщали о том, что «это событие встречено с большим одобрением во всех литературных кругах мира»[9].

Газета «Эттэлаат» 17 октября через всю страницу в аншлаг вынесла вопрос: «Кто таков автор «Тихого Дона»?» И в тексте дала ответ: «В настоящее время М. Шолохов, подобно М. Горькому, олицетворяет собою символ литературного гения русской земли»[10].

Многие газеты отмечали, что «Тихий Дон» переведен на все языки цивилизованных народов, умалчивая (но это явно сквозило в подтексте), что в Иране роман еще не издан.

И лишь литературный журнал «Сохан» в октябре сообщил новую весть: «Перевод «Тихого Дона» на персидский язык наконец-то сделан писателем М. А. Бехазиным, вскоре издатель-

ство «И. И. Л.» выпустит его в свет и иранские читатели смогут прикоснуться к миру поэтически неподражаемой прозы Шолохова». Там же редакция публикует отзывы Ромена Роллана и Алексея Толстого о «Тихом Доне» и в свою очередь подчеркивает «глубокую жизненность и правдивость его творчества»[11].

Редакция журнала «Пейаме-новин» — орган Иранского общества культурной связи с СССР,— поздравляя «великого советского писателя с присуждением Нобелевской премии», напомнила читателям, что в июньском номере у них печатался доклад известного иранского писателя и переводчика М. А. Бехазина, посвященный 60-летию М. А. Шолохова, а теперь публикуется отрывок из романа «Они сражались за Родину»[12].

Надо отметить, что статьи и заметки иранской прессы о присуждении Нобелевской премии Шолохову пестрели множеством неточностей биографического характера, неправильных дат и что лишь в журналах «Сохан» и «Пейаме-новин» не было досадных и грубых ошибок.

Конечно, самым крупным вкладом среди переводов многих советских произведений на персидский язык в 60-е годы оказался перевод и выпуск в свет писателем М. А. Бехазиным 4 книг «Тихого Дона» М. Шолохова в издательстве «И. И. Л.» в декабре 1965 года.

Предисловие М. А. Бехазина к этому переводу является необычайно смелым и аргументированным.

«Великий современный советский писатель Шолохов, несправедливо лишь недавно удостоенный Нобелевской премии, в Иране по-настоящему не известен, — с огорчением констатировал М. А. Бехазин. — Определенные общественные силы, влиявшие на правящие круги и организации в странах так называемого «свободного мира» с целью противодействовать популярности непревзойденных творений Шолохова (вопреки интересам миллионов читателей на Западе и Востоке!), действовали таким же образом, может, не столь лицемерно, но зато более успешно, и в Иране. Не удивительно, что спустя 37 лет после опубликования первого тома романа «Тихий Дон», уже переведенного более чем на 70 языков мира, в том числе на урду (1941 г.) и арабский (1958 г.), иранский читатель до сих пор не был знаком с произведениями Шолохова. Исключение составляют рассказы «Судьба человека», «Наука ненависти» и три-четыре главы из «Тихого Дона». И все же солнце неизменно встает над горизонтом!»[13]

Знаменательные слова!! Из них явствует, что в Иране, как и в Пакистане (где «Тихий Дон» был переведен на язык урду в Гуджратской тюрьме), роман Шолохова воспринимается про-

грессивно мыслящими людьми как восход солнца над миром угнетенных.

По мнению М. А. Бехазина, сила Шолохова заключается в том, что, изображая революцию и всенародное пробуждение, он не является бесстрастным свидетелем, а находится в гуще народных событий. «Искусство Шолохова в том,— разъясняет переводчик соотечественникам,— что он обнажает, глубоко и точно воспроизводит движение главных сил общества, то есть изображает простой народ, бережно показывает его смятение, его безыскусственность, его правдивость, стремится донести и сохранить сокровища его речи, сбереженные предками (подобно меду в улье), во всей ее красоте и истинности».

Цитируя известное высказывание А. М. Горького (1932 г.): «Мыслящие люди Европы обращаются к книгам Шолохова, как к источникам», иранский писатель подчеркивает, что Шолохов «повествует языком художественной правды об эволюции общественных отношений глубже и точнее самого научного изыскания; обнажает слепые силы, таящиеся в недрах общества, показывает, как эти силы в определенных условиях неизбежно приходят в движение, и тогда сооружение (читай: монархия.— *К.П.)*, казавшееся еще недавно незыблемым, внезапно дает трещину, как при землетрясении, и в хаосе столпотворения, жестокости и кровопролития появляются ростки новой жизни...»[14].

М. А. Бехазин прав, когда говорит, что «Григорий Мелехов— это истинный труженик земли, работящий и свободолюбивый»[15]. Но он вовсе не замечает главной его особенности — честности, справедливости и поиска правды жизни, благодаря которым Григорий Мелехов, несмотря на все свои заблуждения и метания, вошел в ряд бессмертных образов мировой литературы. Иранский переводчик неправ, когда говорит, что Шолохов изображает Григория Мелехова «как марионетку, мятущуюся меж сомнениями и потрясениями, которые приводят его к полнейшему и неизбежному поражению»[16].

На наш взгляд, Григорий Мелехов не марионетка, а трагическая фигура казака-труженика правдоискателя. И в финале романа он приходит не к поражению, а к победе над своими метаниями и заблуждениями, к победе над собой, к мужественному преодолению чувства страха за свою жизнь, к неуклонному и бесстрашному следованию своему главнейшему принципу— быть справедливым во всем и всегда! Поэтому он, попав в банду вопреки своей воле, тяготится пребыванием в ней и уходит от бандитов с облегчением, не дожидаясь амнистии, уходит, чтобы, разоружившись, с чистыми руками явиться на суд родного хутора. Вот это бесстрашие и способность быть

справедливым до конца, даже если это стоит ему жизни, — этот подвижнический шаг Григория и вызывает восхищение.

Говоря о гуманистическом пафосе «Тихого Дона», об «искреннем сочувствии Шолохова» Григорию Мелехову, переводчик подчеркивает, что в иранской литературе имеется «лишь один великий предшественник Шолохова, наш Фирдоуси с его поэмой «Шах-наме», который столь глубоко и прочувствованно пропел песнь своему герою»[17].

Несомненно, писатель и переводчик М. А. Бехазин прав, когда в заключительном абзаце говорит, что «в «Тихом Доне» Шолохова мастерски и незабвенно представлена величайшая историческая трагедия современности, трагедия, вызвавшая во всех концах мира огромный резонанс сочувствия или неприятия, которые уже десятки лет оказывают и еще долго будут оказывать влияние на судьбы человеческие»[18].

АМЕРИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

I

В июне 1934 года на книжном рынке Нью-Йорка появилась новинка под названием «И тихо течет Дон» объемом 555 страниц. Это были первая и вторая книги «Тихого Дона», выпущенные в свет издательством «Альфред А. Кнопф» в одном томе (в переводе Стефана Гарри)[1]. На суперобложке крупным шрифтом напечатано высказывание Максима Горького: «Его можно сравнить только с «Войной и миром» Толстого»[2].

Роман Шолохова и оценка, данная ему Максимом Горьким, в буржуазной прессе США немедленно были взяты под обстрел. Тон задала одна из влиятельных газет Америки — «Нью-Йорк геральд трибюн», опубликовав статью поэтессы Бабетты Дейч «Гигантская фреска жизни в советском царстве». Заголовок этот был поставлен в аншлаг страницы, а под ним также крупно дан главный ее тезис: «Широкому полотну Шолохова о донских казаках не хватает гуманизма Л. Толстого». Это утверждение перепечатали почти все газеты США, выступив с множеством статей.

Возмущаясь тем, что роман Шолохова «снискал себе невиданную популярность в Европе», Б. Дейч истолковала это посвоему: «Легко понять увлечение коммунистических критиков этим громадным и неуклюжим романом, написанным с большевистской точки зрения... Большевики — агитатор Штокман, пулеметчица Анна и даже Бунчук, мастер на все руки, — все они только пешки, суровые, нереальные апостолы революции»[3].

Нью-йоркский журнал «Нейшн» 11 июля 1934 года также выступил против. В статье «Ни Гоголь, ни Толстой!» критик Марк Ван Доррен «разъяснял»: «Шолоховские герои — это дикари... до этого неизвестные ни истории, ни литературе». Обвиняя писателя в изображении «жестокостей мирного времени» и «зверств эпохи революции», критик с видом знатока писал: «Тихий Дон», как роман о революции, мне кажется неудачей»,

потому что Шолохов «не сумел показать освежающего ветра «нового дня» революции, у него получился лишь слабый бриз»[4].

В отличие от многих газет «Нью-Йорк таймс» в 1934 году дала непредвзятую и вдумчивую оценку романа Шолохова. 15 июля 1934 года в большой статье «Русский роман огромного масштаба» ее автор утверждал: «Тихий Дон» — это одно из лучших и наиболее значительных произведений о событиях в Советском Союзе... Шолохов — это подлинный художник, завоевавший широкую славу в Европе... Шолоховский «Тихий Дон» буквально дышит поэзией, все его страницы пропитаны тончайшими запахами земли, ароматами весны, разноцветьем казацкой степи... Там, где нет помыслов, там нет и грехов — гласит старая русская поговорка. Ею можно подытожить картину, развернутую автором. У него под внешней грубостью живут настоящие человеческие чувства. И это тонкое чувство меры, с которым Шолохов отразил сочетание первобытности и человечности, придает особую правдивость всему повествованию... На протяжении всего романа Шолохов остается художником, а не пропагандистом, хотя он и не скрывал своей советской идеологии»[5].

Другая правдивая и аргументированная статья о «Тихом Доне» в 1934 году появилась в журнале «Нью рипаблик». Автор ее — публицист Эдвин Сивер — писал: «Тихий Дон» — это необычайно интересный роман. В этапах развития России — мир, война, революция, гражданская война — сама История дала Шолохову основу для симфонической структуры романа и марксистского толкования истории... В нем поражает глубокий реализм, изображающий исторические потрясения... Не будь Шолохова, потребовалось бы несколько поколений писателей, чтобы объективно разобраться в природе социалистического переворота. И Максим Горький прав, сравнивая «Тихий Дон» с «Войной и миром» Толстого. Кроме панорамной грандиозности, глубины характеров и исторического реализма, книга Шолохова значительна также изображением первобытной и уже почти легендарной жизни донских казаков»[6].

Наиболее глубокую оценку «Тихому Дону» (осветив обстановку, сложившуюся в США вокруг романа Шолохова) дала газета «Дейли уоркер» — орган ЦК Компартии США (июль 1934 г.) — в статье Леона Дэннена «Реалистическая картина жизни казаков в романе «Тихий Дон».

«Все революционные писатели США должны прочесть роман Шолохова внимательно», рекомендует этот автор, так как «Тихий Дон» дает нам пример того, что и великие социальные конфликты можно запечатлеть, не впадая в истерику, что и о классовой борьбе также можно писать, не прибегая к шаблону». «Дейли уоркер» разъясняла всем «недругам советской литера-

туры», что «Шолохов — художник-революционер, революционный живописец. И хотя он весь заполнен изображением революционной борьбы (которую буржуазные эстеты и критики, трепеща, шельмуют одним словом: «пропаганда»), Шолохов в романе ни на секунду не теряет из поля зрения человеческой стихии, живого народа, творца этой борьбы и истории. Откровенно говоря, его герои встают перед нами, как живые. А разве это не то, что мы называем настоящим искусством!»

«Дейли уоркер» отметила смелость позиции Шолохова, который «не побоялся завершить вторую книгу поражением красных на Дону, соответственно правде жизни». Разоблачая фальшь и лживость комплиментов буржуазных обозревателей в адрес Шолохова, «Дейли уоркер» подчеркнула, что не правда жизни и революции, нашедшие в «Тихом Доне» столь самобытное, национальное воплощение, радовали этих обозревателей, а то, что во второй книге романа показано временное поражение большевиков.

Высмеивая незадачливость критиков и рецензентов, редакция заключает: «Эта величественная эпопея опубликована (в Москве) в 1928 году, в то самое время, когда (как уверяли нас некоторые всезнающие американские критики!) в Советской России искусство считалось «задушенным»! А эта книга «Тихого Дона», мы уверены, является лишь началом исполинского произведения...»[7]

II

Национальная библиотека конгресса США (г. Вашингтон, 25) в письме от 23 июля 1964 года[8] сообщила, что третья и четвертая книги «Тихого Дона» вышли в Нью-Йорке в 1941 году под названием «Дон неотвратимо течет к морю»[9].

...Шло лето 1941 года. На огромном фронте от Мурманска до Черного моря советские войска вели кровопролитные бои против фашистских орд.

Как известно, английское правительство У. Черчилля 22 июня и президент США Ф. Рузвельт 24 июня 1941 года заявили о своей солидарности с Советским Союзом в войне против гитлеровской Германии.

Героическое сопротивление Красной Армии фашистскому нападению вызвало у всего прогрессивного человечества громадный интерес и симпатии к Советской России.

На фоне этих исключительной важности событий появление романа «Тихий Дон» на книжном рынке Нью-Йорка и всех штатов США в августе 1941 года имело особое значение и после джон-ридовских «Десяти дней, которые потрясли мир» как бы вновь открывало историю бурного времени.

В 1941—1942 годах многие газеты и журналы в США приветствовали издание романа Шолохова. Одной из первых 3 августа 1941 года выступила газета «Нью-Йорк таймс». В статье «Шолоховский эпос о борющихся казаках» было сказано: «Читатели, которые семь лет назад были очарованы «Тихим Доном», несомненно, оценят с еще большим восторгом продолжение и завершение этого прославленного романа, который появился в продаже под названием «Дон неотвратимо течет к морю». В этом новом огромном эпосе казацкой жизни времен революции Михаил Шолохов достиг еще большей (чем в первых книгах) силы повествовательного дара и волнующей человеческой правдивости... Известно, что Шолохов — коммунист. И между тем в романе нет привычной марксистской пропаганды. К своим персонажам — белым и красным — он относится объективно, с неподдельным проникновением в человеческие чувства... В наши дни, когда на просторах России закипела новая великая трагедия (битва с фашизмом), «Тихий Дон» Шолохова приобрел у нас особую актуальность и внушительность... Воздадим же отныне должное исключительному мастерству и чувству меры Шолохова, который столь прекрасно изобразил физически и духовно сильных, суровых, свободолюбивых казаков, что и составляет одну из главных заслуг автора этой книги»[10].

В прессе печатались не только рецензии на новинку книжного рынка, но и большие статьи, глубоко анализирующие творчество Шолохова. Лучшие из них принадлежат перу Малькольма Каули, Роберта Селливана, Сэмюэля Силлена, Эдвина Сивера. Вот краткие выдержки из их статей:

«Дейли уоркер»: «В задачу Шолохова входило нарисовать картину жизни и борьбы донского казачества, и он сделал это столь широко и перспективно, что картина выходит за пределы досягаемости человеческого зрения. *Роберт Селливан*»[11].

«Нью рипаблик»: «Тихий Дон» — величайший из всех романов о русской революции. У Шолохова есть чувство народа, что довольно редко встречается в литературе какой-либо другой страны, кроме России. Он не пытается представить своих героев лучше, чем они есть на самом деле... Они для него просто люди, он живет в казацкой станице, и они являются его соседями. *Малькольм Каули*»[12].

«Пост меридиэн»: «Шолохов — романист социалистического общества — возвратил художественной литературе достоинство и знание человека. Великие традиции русского реализма живы в романе «Тихий Дон». ...Герои Шолохова — патриоты, горячо любящие свою Родину... Казаки Дона не отличаются от остальных народов Советского Союза. Об этом хорошо узнали 20 лет тому назад интервенты, а сейчас это стало ясно и Гитлеру... *Эдвин Сивер*»[13].

«Нью-Мэссес»: «Тихий Дон» — это монументальное произведение, чья красота, широта и сила изображения должны быть прославлены всюду, где любят хорошую литературу... Шолохов — писатель-марксист — изображает все характеры с мастерским проникновением в их недостатки и в их силу. И это правдивое изображение жизни во всем ее многообразии и есть суть социалистического реализма... *Сэмюэль Силлен*»[14].

Американский ежемесячник «Хэрперс мэгэзин» обратился к 20 литературным критикам с анкетой, в которой был вопрос: «Назовите лучшую книгу, изданную в США за июль—сентябрь 1941 года». В пятнадцати ответах было сказано: «Лучшая книга — «Дон неотвратимо течет к морю» М. Шолохова (III и IV тома романа)[15]. «За Шолохова» высказались критики «Ассошиэйтед пресс», «Чикаго дейли ньюс», «Нью-Йорк таймс», «Провиденс джорнэл» и другие. И почти все критики писали о том, что шолоховский «Тихий Дон» можно сравнить с романом «Война и мир» Л. Толстого. Отметим здесь, что после войны анкета «Хэрперс мэгэзин» в США кое-кого лишила покоя и вскоре она исчезла из комплектов этого журнала в библиотеках университетов.

В течение пяти лет мы не могли получить ее фотокопию. И только в феврале 1970 года профессор Мэрилендского университета Ольга Феррер прислала нам ее ксерокопию в Шолоховский фонд. «Нашлась анкета о Шолохове! — писала О. Феррер.— Оказывается, в большинстве переплетов «Хэрперс мэгэзин» (в университетах) эта страница с анкетой вырвана. Мне объяснили, что ненумерованные страницы в переплет не вошли (?). Я очень рада, что, хотя и с опозданием, удалось найти документ, в котором нужные вам сведения не устранены»[16].

В американской прессе 1941 года было еще два ярких и памятных выступления о Шолохове. Критик Сэмюэль Силлен, проехав пол-Америки, прочел десятки статей в прессе о «Тихом Доне» и пришел к выводу, что «во многих крупных провинциальных газетах непредубежденные рецензенты, восхищаясь Шолоховым, безошибочно сравнивают его с Львом Толстым и Тургеневым, с Достоевским и Гоголем» и что «главной цитаделью реакции (мракобесов) в оценке советских книг является Нью-Йорк». Высмеивая предвзятость суждений о советской литературе в реакционной прессе, С. Силлен в журнале «Нью-Мэссес» писал о том, что «у них каждая редакция имеет своего Клаузевица, который твердит одно: книжную критику о Советах надо понимать как войну, т. е. как продолжение политики другими средствами», и только этим можно объяснить выступления в прессе против Шолохова.

С убийственным сарказмом С. Силлен развенчивает литературного редактора реакционного журнала «Нейшн» Маргарет

Маршалл, которая совместно «с кучкой литературных троцкистов» пыталась диктовать всем свои взгляды и оценки произведений советской литературы. С. Силлен называет ее статью о «Тихом Доне» в «Нейшн» «самой невежественной и лишенной разума», так как она «оплакивает отсутствие в советской литературе безответственности, богемы и художественного бунта против Советов, которые она с троцкистами именует авангардизмом».

По сообщению С. Силлена, многие прозревающие критики, прочитав «Тихий Дон», вынуждены скромно признаться, что «Советский Союз — это что-то большее, чем они прежде полагали». Так, например, «Блэйд» из Толедо и другие газеты подчеркивают тот факт, что «шолоховский роман показывает, против чего (и кого) пошел Гитлер». А «Санди юнион энд рипабликэн» (Спрингфилд) пишет о том, что «Тихий Дон» держит в чистой перспективе землю и народ, от чьего мужества и силы зависит в какой-то степени и наша судьба». Газета «Инквайэрер» в Филадельфии считает «Тихий Дон» «одним из прекраснейших, величайших и правдивейших романов всех времен». Стерлинг Норт в чикагской газете «Ньюз» писал о «гомеровском охвате событий и красоте изображения масс». Взгляд этот полностью разделяли также писатели из «Джорнэла» в Мильвоки, из «Фри пресс» в Детройте и ряда других газет.

В заключение С. Силлен отметил следующее: «И слова эти истинны. Они выражают оценку гения Шолохова, который признают большинство критиков, несмотря на свои оговорки. Американские читатели найдут у Шолохова в силе его художественного таланта те же волнующие качества, которые теперь они ежедневно открывают в героизме советских людей»[17].

А Эдвин Сивер в «Пост мэриднэн» писал: «У нас в США многими критиками так много было раздарено высоких эпитетов в адрес всевозможной литературной шелухи, что теперь при появлении первоклассного романа «Тихий Дон» мы находимся в затруднении. Все большие слова кажутся внезапно пустыми, и остается только тишина... В век, когда великие писатели пытались изобразить человеческие существа, как тени в ритуальном танце, и утопить себя в потоке времени, Шолохов, романист социалистического общества, вернул художественной литературе ее назначение и достоинство. Великие традиции русского реализма еще раз дали о себе знать всему миру!»[18]

Спрос на «Тихий Дон» в США был велик, и в 1942 году издательство «Кнопф» выпустило в свет весь роман в одной книге под названием «Безмолвный Дон»[19].

III

После войны вокруг имени Шолохова снова закипела ожесточенная борьба. Ее отражение мы находим в изданиях «Тихого Дона», в энциклопедиях и литературных словарях.

На обложках шолоховских книг по-прежнему печатались высказывание Горького, отзывы литератора Генри Сейдела Кенби («Это поистине великий роман современности») и известной писательницы Бернадин Китли («Это шедевр, которым вправе гордиться русские люди»).

В аннотации на обложке книги «И тихо течет Дон» (1959 и 1963 гг.) издательство «Кнопф» признает роман Шолохова «не только величественным повествованием о горькой судьбе казака Григория Мелехова в годы войны и революции, но так же и линзой, через которую мы, вероятно, можем по-иному взглянуть и на суету нашей жизни в этом мире»[20].

Кнопфовское издание «Тихого Дона», его оценки и эту часть рекомендации можно бы приветствовать, если бы не одно «но»...

Дело в том, что издательство «Кнопф» с 1934 года выпускает в продажу сокращенный текст романа Шолохова, без признания этого факта на титуле книги, как это принято в цивилизованных странах.

Мы сличили американские издания «Тихого Дона» с английским и установили, что они идентичны. Из неопубликованной статьи переводчика Гарри Стивенса[21], присланной нам в Шолоховский фонд, явствует, что книжный концерн «Кнопфа» (США) в 1934 году поскупился произвести затраты на собственный перевод романа и купил готовый английский перевод в издательстве «Путнам» (Лондон). Можно предположить, что редакторы издательства «Кнопф» тогда и не знали о сокращениях в тексте романа. Однако после войны в американской прессе появились статьи, отметившие бесчестность издательств «Путнам» и «Кнопф» по отношению к «Тихому Дону» и его автору. Издательству «Кнопф» не составило бы большого труда, чтобы восстановить полный авторский текст романа. Но по сию пору «Тихий Дон» издается в извращенном виде.

Для американских энциклопедий (в оценке творчества Шолохова) характерна пестрота суждений.

Независимая и либеральная «Энциклопедия Коллера» в большой статье Самнера Виллара называет Шолохова «выдающимся реалистом советской литературы». В правдивой биографической справке отмечается, что, «несмотря на материальную нужду семьи, Шолохов получил основы образования, которые позволили ему начать свой литературный путь в комсомольской прессе». Деловито и объективно здесь оцениваются

«Донские рассказы» — проба творческих сил Шолохова, который «в 1926 году начал писать свой «Тихий Дон» — грандиозный эпос о казачестве, о людях гордых, ярких своей самобытностью и колоритными традициями».

Автор статьи С. Виллар отмечает, что «Шолохов — художник прежде, чем пропагандист, у которого персонажи не простаки, а яркие типы», и что «его «Тихий Дон» преуспел в пробуждении среди всех русских нового и подлинного интереса к казачеству». Так же тепло и проникновенно этот критик пишет о «Поднятой целине», которая «получила всюду большое признание за правдивое изображение главного поля борьбы за жизнь казачьего колхоза...»[22]

Для 50-х годов, когда в США свирепствовала пресловутая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, когда все советское отвергалось и предавалось анафеме, оценка творчества Шолохова в «Энциклопедии Коллера» была своего рода лучом света в темном царстве доллара!

Редакция другого крупного издания — «Энциклопедия американа» в 1955 году не решилась, например, поместить у себя отдельную статью о Шолохове. И лишь в обзоре «Русская литература» (24-й том энциклопедии) мы находим несколько строк: «Шолохов — один из крупнейших советских романистов, автор великого эпоса «Тихий Дон», волнующего повествования о силе и слабости человеческой, в котором чувствуется влияние реализма и простоты Льва Толстого. Ему же принадлежит наилучший роман о коллективизации «Поднятая целина»[23].

И редакторы крупнейшей Британской энциклопедии (Чикаго—Лондон—Торонто, 1956) также не нашли у себя места для статьи о Шолохове. В обзоре «Русская литература» (19-й том энциклопедии) мы находим удивительно краткое упоминание: «Михаил Шолохов (1905) и Алексей Николаевич Толстой (1882—1945) написали романы — настоящие шедевры, соответственно «Тихий Дон» и «Петр Первый»[24]. И это все!

Для того чтобы редакторы Британской энциклопедии хоть немного уяснили себе, что такое «Тихий Дон» Шолохова, потребовалось еще двенадцать лет. Наконец, после присуждения Шолохову Нобелевской премии в Британской энциклопедии за 1968 год появилась краткая, в 20 строк, биографическая справка. Библиографическая ссылка только на устаревшие работы И. Лежнева (1948) и Э. Симмонса (1958)[25] лишний раз свидетельствует об ограниченности сведений редакторов энциклопедии о творчестве Шолохова. Между тем в СССР, Болгарии, Польше, ГДР, Румынии, Японии появилось много новых, заслуживающих внимания и рекомендации научных публикаций о «Тихом Доне».

Американская справочная литература о советских писате-

лях, и в частности о Шолохове, крайне тенденциозна, в ней отсутствует научная достоверность. Так, например, в статье Вильямса Харкинса (ныне профессора Колумбийского университета), помещенной в его «Словаре русской литературы», всемирно известный автор «Тихого Дона» именуется «областным бытописателем». Харкинса пугает огромная популярность Шолохова, он хотел бы «обсудить положение (и место), отведенное ведущему советскому писателю русской и зарубежной критикой», так как, по его мнению, «Тихий Дон» «имеет дефекты», «небрежное построение сюжета», «неполный анализ характеров» и является «не столь оригинальным в освещении гражданской войны, как, скажем, рассказы Бабеля»[26].

Вряд ли можно назвать плодотворным метод исследования, намеченный в статье В. Харкинса, попытки оценить эпос Шолохова, сравнивая его с миниатюрами Бабеля,— очень уж произвольное сопоставление. А в романе «Поднятая целина» Харкинс увидел лишь «превосходную картину препятствий на пути к коллективизации и трагедию крестьян, отправляемых в ссылку». Есть у Харкинса и неточности и грубые ошибки в изложении биографии писателя. Таков уровень научной информации и объективности создателей «Словаря русской литературы».

IV

В США колледжи и университеты, библиотеки и книжный рынок наводнены книгами Глеба Струве «Советская русская литература. 1917—1950», Эрнеста Симмонса «Русская литература и советская идеология», Веры Александровой «История советской литературы», Елены Мучник «От Горького до Пастернака» и другими. Авторы этих «трудов» претендуют на всестороннюю осведомленность. Все они — профессора американских университетов, и каждый уделил Шолохову внимание.

В книге эмигранта Г. Струве «Советская русская литература» глава «Шолохов» представляет собой унылую, бюрократическую справку, содержание которой изобличает профессора в откровенно тенденциозном анализе идеи, проблематики, жанра и стиля романа-эпопеи. Его главная цель — развенчать! Струве видит в романе лишь выражение течения «назад к Толстому». Эпопею он называет «бессюжетной хроникой войны и революции», в которой Шолохов «в отличие от Толстого, избегает философствовать об истории».

Струве не вникает в особенности эпического мастерства Шолохова, ни слова не говорит об изображении в романе народа — творца истории, о том, что же новое сказал советский гуманист-писатель о казачестве в войне и революции, о контрреволюции и англо-франко-германских интервентах. Он оказал-

ся не в состоянии оценить величие и художественную неповторимость трагической любви Григория Мелехова и Аксиньи... «Изначала этот роман, несомненно, перехвален,— пишет Глеб Струве,— многие его недостатки в стиле и композиции остались незамеченными, и поэтому его нельзя считать классическим»[27].

Другой критик — Эрнест Симмонс — в своих статьях 1944 года в нью-йоркском «Сатердей ревью» называл Шолохова «гением», у которого «налицо толстовский эпический размах и редкая сила реализма в «Тихом Доне»[28]. А после войны, став профессором Колумбийского университета, Симмонс, в угоду властям и реакции, в своей книге утверждает обратное: «Это русские критики теперь восторженно приравнивают его («Тихий Дон») к «Войне и миру» Толстого»[29]. И Симмонс, извращенно освещая революцию и современную советскую действительность, стремится принизить значение «Тихого Дона».

Особенно активно ополчились американские литературоведы в 1953 году, когда в Москве появилось «исправленное» издание «Тихого Дона» с послесловием К. Потапова. Нелепые сокращения и исправления текста, которые внес редактор Потапов[30], несомненно, печальная страница в истории романа.

Известно, что Шолохов, ознакомившись с этим выпуском «Тихого Дона», решительно от него отказался и уже в 1956 году в первом издании Собрания сочинений восстановил прежний текст.

Неудачное редактирование К. Потаповым «Тихого Дона» дало повод буржуазным литературоведам, например тому же Э. Симмонсу, сочинять домыслы об «обширных идеологических изменениях» в «Тихом Доне», которые якобы «серьезно компрометируют художественную целостность романа»[31]. А В. Александрова в своей «Истории советской литературы», тоже якобы ратуя за целостность «Тихого Дона», заявляет, что «политические переделки в тексте снижают художественную ценность произведения»[32]. Известный критик Морис Хиндус в послесловии к «Тихому Дону» (1964) также злорадствовал, что, мол, у них, в «свободной Америке, читатели получают в руки перевод «Тихого Дона» с предвоенного оригинала, который не пострадал от идеологического ремесленничества»[33]. Все эти и многие другие критики делают вид, будто они заботятся о целостности «Тихого Дона». И это в США, где вот уже 35 лет роман Шолохова выходит сокращенным!

Профессор Мичиганского университета Давид Стюарт в 1959 году в большой журнальной статье «Эволюция текста «Тихого Дона» сообщил, что существенные сокращения в шолоховском романе (сделанные К. Потаповым в 1953 г.) коснулись персонажей генералов Корнилова и Краснова, а дополнения сделаны в обрисовке Подтелкова, Кривошлыкова, есаула Чер-

нецова[34]. Однако упрек Д. Стюарта по поводу сокращений в характеристике генерала Краснова (кн. III, гл. I) ошибочен. Этот текст в «Тихом Доне» остался в неприкосновенности. Д. Стюарт также глубоко ошибается, высказав сомнение в достоверности письма И. Сталина к Ф. Кону (1929), где Шолохов был назван «знаменитым писателем нашего времени». Как известно, это письмо впервые было опубликовано Сталиным в 1949 году в его сочинениях[35]. Следуя правде, отметим, что профессор Давид Стюарт, пожалуй, единственный из литературоведов США, кто в те годы во всеуслышание заявил, что «Шолохов, к огорчению критиков, в 1956 году восстановил первоначальный текст во всех важных случаях», что «содержание романа и главные герои (в издании 1953 г.) не были изменены» и что «на основании изучения текста «Тихого Дона» было бы справедливо сказать, что Шолохов является непримиримым и необычайно честным реалистом»[36].

Здесь уместно сделать сопоставление. В советском издании «Тихого Дона» (1953) под редакцией К. Потапова (как подсчитал американский профессор Д. Стюарт) все поправки несравнимы с опустошением текста в переводе Ст. Гарри[37]. В американских изданиях «А. Кнопф» (1934—1964) и «Сигнет классик» (1959) в романе вырезано свыше 100 страниц! И ретивые «борцы» за целостность «Тихого Дона» об этом произволе издателя «Кнопф» не говорят ни слова!

Профессор Ольга Феррер в письме к нам от 6 марта 1967 года пишет: «Действительно является странным, что в Англии и США до сих пор довольствуются неполным текстом произведения, принесшего М. А. Шолохову Нобелевскую премию. Изуродованный текст «Тихого Дона» вызывает у меня чувство возмущения... Давно пора дать английским и американским читателям полный и достойный перевод шедевра М. А. Шолохова...»[38]

В 1956 году в Америке появилась единственная, научно аргументированная статья профессора Давида Стюарта «Тихий Дон» на английском». Сообщая о произвольных сокращениях в романе, которые сделаны издательством «Путнам» в 1934 году, Д. Стюарт пишет, что, «видимо, с одобрения доверенных лиц Шолохова английский редактор опустил более 100 страниц русского текста, изменил последовательность повествования, ввел новое деление частей, глав и параграфов»[39].

М. А. Шолохов на мой вопрос по этому поводу летом 1966 года сказал: «Ни англичанам, ни вообще кому-либо за рубежом я не давал согласия на сокращение «Тихого Дона».

Неверно и другое утверждение Давида Стюарта, что сокращение «Тихого Дона» было сделано без предвзятой мысли о политике и идеологии, а лишь «в силу эстетических и практиче-

ских соображений, улучшающих (? — *К. П.)* роман путем изъятия излишних (?!! — *К. П.*) персонажей, описаний...»[40]. В остальном же критические замечания Д. Стюарта о беспрецедентных сокращениях в английском переводе «Тихого Дона» справедливы. И здесь мы можем отослать читателя к главе «Англия» настоящей книги, где об этом говорится подробно.

V

«Поднятая целина» была издана книжным концерном «Кнопф» в переводе Стефана Гарри в конце октября 1935 года.

Отклики американской прессы на этот роман весьма разноречивы. Газета «Бостон транскрипт» выступила с позиций антикоммунизма и назвала «Поднятую целину» «отчетом Советскому правительству о трудностях, сопутствующих коллективизации, ее тупике и провале»[41]. Журнал «Нью рипаблик» в статье известного критика Кэннэт Уайта, утверждая, что «Поднятая целина» «делает значительный вклад в искусство социального романа», высказал недоверие к «влиянию решений красной Москвы на простых крестьян Дона»[42] (имеется в виду сцена, когда казаки, прочитав речь Сталина «Головокружение от успехов», отказались восставать под руководством есаула Половцева).

Однако в 1935 году самые крупные газеты США дали весьма трезвые и положительные отзывы на новый роман Шолохова:

«Нью-Йорк таймс»: «Поднятая целина» — это очень тщательное изучение маленькой деревни, охваченной революционной идеей коллективизации... После долгого пути и ошибок, после долгой борьбы с подрывными элементами жизнь колхоза начинает входить в колею. Это была напряженная борьба за сплочение всего населения Гремячего Лога, и Шолохов изображает это точно, как и было в действительности, без триумфальных фанфар и размахивания флагами... Колхоз — это такая же фабула книги, как и ее герой. Коммунизм — философия этой книги... События романа убедительны...»[43]

«Нью-Йорк геральд трибюн»: «Поднятая целина» — это один из немногих революционных романов с политической моралью и политической философией, который читается с волнением... Честность и теплота — вот что характеризует Шолохова при описании хутора Гремячий Лог, где разворачивается действие романа, который дает читателю возможность понять грандиозность проблемы и драматизм коллективизации... «Поднятая целина» — это прекрасное литературное произведение. Я не знаю ни одной книги, которая бы в период коллективизации с такой силой и с такой тщательностью раскрыла человеческие характеры...»[44]

* * *

В послевоенные годы американская пресса уделяла «Поднятой целине» мало внимания. Но в 1959 году в связи с публикацией в «Правде» новых глав второй книги американский журналист Гарри Солсбери выступил в «Нью-Йорк таймс» со статьей, в которой, ссылаясь «на слухи», заявил, что Шолохов, мол, давно завершил работу над второй книгой «Поднятой целины» смертью Давыдова в советской тюрьме и что именно поэтому так надолго задержано опубликование романа.

Осенью 1959 года М. А. Шолохов, будучи в США, ознакомился с этой статьей и не без иронии заявил представителям американской прессы, что к нему в соавторы набивается Гарри Солсбери со своим финалом романа.

В начале 1960 года, когда газета «Правда» опубликовала последнюю главу второй книги «Поднятой целины», редакция «Нью-Йорк таймс» сочла необходимым 13 февраля 1960 года выступить с новым клеветническим сообщением под заголовком: «Конец одного советского романа после пятилетней отсрочки». «Публикация последней главы,— писала газета «Нью-Йорк таймс»,— которая так загадочно долго отсутствовала, означает, что развязка романа соответствует требованиям официальных кругов. Но это вовсе не останавливает слухи на Западе, что конец романа был написан Шолоховым заново, чтобы удовлетворить требования Советского правительства. В заключительной главе герой, коммунист, председатель колхоза Давыдов убит белыми террористами. Но на Западе было известно, что по первоначальному замыслу герой арестован по ложному доносу во время чистки партии в 30-х годах и в тюрьме покончил с собой»[45]. А 18 февраля 1960 года эта газета еще раз предоставила место для клеветнической статьи Гарри Солсбери «Шолоховский герой умирает новой смертью», в которой он писал о художественном образе Давыдова как об исторической личности: «Давыдов был злонамеренно обвинен советскими властями, арестован и заключен в тюрьму, где, как говорят, он застрелился». Но Солсбери показалось мало этого, и он там же измышляет новую ложь о том, что якобы Советским правительством были предприняты «усилия убедить Шолохова пересмотреть финал своего романа летом 1959 года» и что «был момент, когда Шолохов угрожал... опубликовать свой роман за рубежом»[46]. Словом, что ни строка — то новые бредовые домыслы...

1 марта 1960 года М. А. Шолохов выступил в «Правде» с памфлетом «О маленьком мальчике Гарри и большом мистере Солсбери», в котором разоблачил клеветника газеты «Нью-Йорк таймс».

«...Что мистеру Солсбери до того, что сообщаемое им выгля-

дит явной пеленицей? —писал М. А. Шолохов.—Он, знай, гонит строку! А хотелось бы у него спросить, где он видел такую тюрьму, в которой заключенные расхаживали бы с пистолетами и сами чинили над собой суд и расправу? Все остальное в статье Солсбери на таком же уровне, и не поймешь, где у него кончается подлость и начинается глупость. Под конец, касаясь заключительной главы, Солсбери пишет: «Вместо цельного финала даны пять эпизодов, едва связанных между собой. Во втором эпизоде о смерти Давыдова рассказывается как бы мимоходом, случайным языком».

Это уже прямое вторжение в область искусства, и тут я должен прямо сказать мистеру Солсбери: «Посторонитесь! Здесь, мягко выражаясь, не ваша сфера деятельности. Если, по вашему мнению, язык у меня в последней главе случайный, то в вашей статье и язык, и само содержание далеко не случайны!..» Всерьез спорить с мистером Солсбери по вопросам искусства — значит не уважать само искусство, и не об этом идет речь. У меня возникает законный вопрос: если мистера Солсбери действительно интересовал конец книги, то почему он не обратился с таким вопросом ко мне, так сказать, к первоисточнику, хотя бы в 30-х годах, после выхода первой книги? Или почему он не спросил у меня об этом, когда я был в Америке? Ведь у него были все возможности увидеться со мной. Я в нескольких фразах сообщил бы ему о развязке. А эта развязка как была задумана в ходе работы еще над первой книгой, так и завершена теперь безо всяких изменений и переделок. Секрета из этого я никогда не делал»[47].

Да, М. А. Шолохов действительно секрета из этого не делал. Так, например, еще в феврале 1955 года, о чем я уже писал в своем очерке «Шолохов в Вешках», беседуя со мною в Вешенской, писатель сказал следующее:

— ...Содержание второй книги романа — это ожесточенная борьба двух миров, тьмы и света. В сущности — это последняя схватка в великой битве: кто — кого? Это будет ответ на вопрос, поставленный еще в «Донских рассказах». В этой схватке и с нашей стороны не обошлось без жертв. Но побеждает новое, побеждают колхозный строй, социализм. Могу сказать, что появление Половцева в Гремячем Логу вызвало некоторое беспокойство не только у Давыдова, но и у многих читателей. Ты спрашиваешь, чем закончится роман? Трудно сказать. Я сейчас размышляю над концовкой. Могу твердо сказать одно — финал будет драматичен, будут жертвы.

— Неужели Давыдов погибнет? — спросил я писателя.

— Не скажу этого. Но будет так, как велит правда жизни. Время то было суровое, борьба шла не на жизнь, а на смерть (старому миру), и жертвы были немалые[48].

И хотя Шолохов тогда прямо не сказал, что Давыдов и Нагульнов (по авторскому плану) должны погибнуть, но слова «будут жертвы», весь тон его беседы свидетельствовали о его намерении сделать драматический финал в романе, но не в том виде, как сочиняет Г. Солсбери. Как известно, «Поднятая целина» завершена так, как велела правда жизни.

VI

В США, в практике книгоиздательств, прессы и критиков, подвизающихся на «русском фронте», нередко встречаешь злостную тенденциозность. Так, например, издательство «Сигнет классик» в послесловии критика Мориса Хиндуса к «Тихому Дону» уверяет американских читателей, что якобы «партийные идеологи (Москвы) требовали от Шолохова счастливого конца в «Тихом Доне», чтобы Григорий Мелехов умер за дело красных», и что «сам Сталин требовал от Шолохова такого завершения в романе»[49].

В особенности же активизировались буржуазная пресса и критики США в связи с выходом в издательстве «Кнопф» второй книги «Поднятой целины» (в переводе Г. Стивенса). Журнал «Тайм» в феврале 1960 года напечатал статью под заголовком «Романист Шолохов. Индивидуализм против партийной линии. Сверхъестественно для России». Статья полна лживых выдумок о том, что «выпуск в свет второй книги «Поднятой целины» был задержан на два года из-за идеологических отклонений», что якобы «потребовалось, чтобы коммунист № 1, первый секретарь ЦК и премьер, побеседовал с упрямым автором, дабы заставить его пересмотреть окончание романа, хотя Шолохов и отрицает это...» «Поднятая целина»,— пишет далее «Тайм»,— открыто критична ко многому в советской жизни и воспевает в какой-то мере самобытно явную несовместимость с марксистской философией... В романе громко звучит шолоховский немарксистский тезис: «Человек является творением своей эпохи и к нему следует относиться с величайшей заботой»[50].

Не будем вступать в полемику по вопросу о том, какие тезисы надо считать марксистскими, а какие — буржуазными. «Тайм» не убедишь. Мы же обращаем внимание на явную ложь.

Другой американский журнал — «Ньюсуик» в феврале 1961 года в статье «Человек вне организации» писал: «Мистер Шолохов сумел преодолеть полицейские кордоны, окружающие современную русскую литературу, и показывает (в «Поднятой целине») западным читателям яркие, интересные характеры,

возбуждая симпатии к героям плохим, так же как и к хорошим. Удивительно то, что он еще остается на свободе» (?)[51]. В то же время «советолог» Вера Александрова в своей фальсифицированной «Истории советской литературы» (1963) печатает новую выдумку: «Издатели журнала «Новый мир» в 1936 году объявили о том, что рукопись второй книги «Поднятой целины» возвращена Шолохову для переработки»[52].

М. А. Шолохов 27 июля 1967 года на наш вопрос по этому поводу заявил: «В то время у меня была лишь черновая рукопись второй книги «Поднятой целины» (которая утрачена в годы войны), и я ее не посылал в «Новый мир».

Между тем буржуазная пресса не унимается. Так, например, редакция респектабельной газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» в статье «Нобелевский лауреат — красный» к вымыслу Александровой добавила свой, не менее лживый: «Вторая книга «Поднятой целины» была готова к печати в начале 30-х годов, но не появилась до 1961 года вследствие зажима литературы Иосифом Сталиным»[53].

В США, а также и в других странах частенько писали о намерениях Сталина «репрессировать» Шолохова, «зажать» его творчество.

Однако Сталин никогда не преследовал Шолохова. В письме к Феликсу Кону летом 1929 года Сталин, подчеркивая мысль о том, что ценность и значимость произведения определяются не отдельными частностями, а его общим направлением, привел пример с «Тихим Доном»: «Знаменитый писатель нашего времени товарищ Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и других, но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда негодная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?»[54]

Не анализируя, кто в этом вопросе более прав — политик Сталин или художник Шолохов, важно отметить, что Сталин ни в 1929 году, ни позже не делал в связи с этим никаких организационных выводов относительно творчества писателя.

В беседе со мною 27 июля 1967 года в станице Вешенской М. А. Шолохов разъяснил это так:

«...В 1949 году из двенадцатого тома сочинений Сталина я впервые узнал об этих его замечаниях в мой адрес. Тогда же я написал ему письмо, в котором просил его более конкретно назвать существо «моих грубейших ошибок» и «неверных сведений». Однако Иосиф Виссарионович мне не ответил».

Почему Сталин уклонился от ответа на письмо Шолохова, судить трудно. Вероятно, летом 1929 года он был кем-то предвзято информирован (о «грубейших ошибках» Шолохова), без

должных к тому оснований. Логика обстоятельств говорит о том, что если бы Сталин чувствовал свою правоту, то в 1949 году он не замедлил бы ответить Шолохову на его письмо.

В той же беседе с М. А. Шолоховым, имея в виду вышеназванные и многие другие статьи из прессы США и Европы, мы задали ему вопрос:

— Верно ли, что Сталин оказывал на вас давление в период работы над «Тихим Доном»? И правда ли, что Сталин намеревался вас репрессировать?

— Нет,— ответил М. А. Шолохов.— Все это досужие вымыслы буржуазной прессы. Сталин никогда не оказывал на меня политического давления. Это был внимательный, мудрый и терпеливый читатель «Тихого Дона». С гениальной памятью. Сталин несколько раз беседовал со мною по многим вопросам, в том числе и о «Тихом Доне». В этих беседах Сталин удивил меня своей памятью, цитируя отдельные сцены и целые страницы из моего романа, не заглядывая в книгу. Мы полемизировали с ним по многим проблемам «Тихого Дона». И всегда Сталин приятно поражал меня внутренним обаянием, глубиной мысли и своей корректностью. В беседах Сталина со мной не было и тени «нажима», «диктата» или «вмешательства» в мой творческий замысел... Да, наши взгляды на некоторые исторические личности (персонажи «Тихого Дона») были различны. Но Сталин в полемике о «Тихом Доне» проявил больше такта и понимания, чем ортодоксы-вожаки РАППа, которые, как известно, на полтора года задержали публикацию третьего тома романа в журнале «Октябрь», а затем препятствовали изданию его отдельной книгой».

Таково мнение М. А. Шолохова по этому вопросу.

Справедливости ради, надо сказать, что Шолохов в начале 30-х годов в труднейших условиях нападок и обвинений, исходивших от руководства РАППа, проявил огромную волю. Не прекращая работы над третьей книгой «Тихого Дона», он, собственно, в течение одного года написал первую книгу «Поднятой целины».

Сталин был одним из первых читателей этого романа. Мне уже приходилось писать в журнале «Советский Казахстан» в 1955 году, как однажды в Вешенской я задал М. А. Шолохову вопрос:

— Верно ли, что Сталин прочел «Поднятую целину» в рукописи?

— Да, читал,— ответил Шолохов.— Редакция журнала «Новый мир» в конце 1931 года (когда я предложил им роман) потребовала от меня изъятия глав о раскулачивании. Все мои доводы решительно отклонялись. Пришлось обратиться за советом и помощью к Иосифу Виссарионовичу Сталину.

— Как же он реагировал на это?

— Прочитав в рукописи «Поднятую целину», Сталин сказал: «Что там у нас за путаники сидят? Мы не побоялись кулаков раскулачить — чего же теперь бояться об этом писать! Роман надо печатать». И благословил «Поднятую целину» в свет[55].

К этому можно добавить и то, что в 1933 году, когда вследствие перегибов местных руководителей на Верхнем Дону сложилась исключительно трудная обстановка, М. А. Шолохов обратился в ЦК партии, к Сталину, с письмом, в котором просил об оказании помощи верхнедонским районам. Сталин ответил Шолохову резким письмом, но потом все же прислал в Вешенскую государственную комиссию во главе с Ф. М. Шкирятовым для расследования нарушений революционной законности. Более того, по распоряжению Сталина (в ответ на второе письмо Шолохова) колхозам Верхнего Дона были отпущены семена для весеннего сева и продовольственный хлеб.

В 1938 году, когда М. А. Шолохова пытались оклеветать, Сталин пресек эти попытки.

15 января 1969 года М. А. Шолохов по этому поводу сказал: «Сталин во всем глубоко разобрался, и обвинения против меня были разбиты в прах».

Таковы факты, проливающие свет на отношение Сталина к Шолохову в 30-е годы.

VII

Говоря о злобных и лживых выступлениях против Шолохова в прессе США, нельзя обойти молчанием и «труды» весьма опытного литературоведа, профессора Иельского университета Елены Мучник — «Шолохов и Толстой» (журнал «Рашен ревью», 1957) и «Михаил Шолохов» (в ее книге «От Горького до Пастернака», 1961), в которых она «исследует» различия между «Тихим Доном» и «Войной и миром».

Несомненно, проблема — Лев Толстой и Михаил Шолохов — многогранна и, при добросовестном к ней отношении, в высшей степени благодатна. Ведь не случайно Ромен Роллан назвал Шолохова лучшим продолжателем традиций Льва Толстого в русской литературе.

Известный американский критик Сэмюэль Силлен в 1941 году говорил так: «Различия между ними (Толстым и Шолоховым) весьма значительны. Но было бы бесполезным спорить о превосходстве одного романа над другим, ибо мысли и чувства, отличающие их, имеют своими корнями совершенно различные эпохи. Если роман Толстого является вершиной прогрессив-

ного искусства XIX века, то роман Шолохова показывает новые горизонты жизни, открывшиеся в современную нам эпоху»[56].

Вдумчивый исследователь, учитывая различия в мировоззрении Льва Толстого и Михаила Шолохова, различия в художественном восприятии и изображении ими действительности, мог бы выявить плодотворное развитие Шолоховым лучших традиций Толстого на новом этапе истории, выявить новое в «Тихом Доне», оригинальное в стиле и методе.

К сожалению, в «исследованиях» Е. Мучник мы ничего этого не находим. Обе статьи (вторая является более расширенным вариантом первой) написаны с позиций субъективного идеализма и антикоммунизма.

В своих работах Е. Мучник решительно выступает против мировоззрения Шолохова: «Его понимание человека является материалистическим. По его мнению, никакая свободная игра эмоций, никакой хаос чувств, ищущих форму и направление, не сталкиваются с миром... У него нет ничего интересного, разве только то, как развертывается действие. Его искусство опирается на этот материализм. Простой, конкретный, он производит эффект грубой непосредственности. Его эпос — это чередование эпизодов, его тема — это момент в истории, его замысел, в сущности, рассказ об отступлении и преследовании»[57].

Итак, героям шолоховских произведений совершенно чужды «свободная игра эмоций» и «хаос чувств». Видимо, чувств героев, изощренных в самоанализе, ущербных, с изломанной психикой. Уж не пресловутый ли «поток сознания» Дж. Джойса, Вирджинии Вульф, Марселя Пруста имеет она в виду?

Да, герои Шолохова — люди земли, люди труда, люди борьбы и действия — далеки от этой «игры эмоций». Смысл человеческой жизни на земле для них — революционное преображение мира, искоренение эксплуатации, поиск правды, обретение свободы, равенства, интернационального братства!

Самое характерное в «трудах» профессора Е. Мучник — это лицемерие и спекулятивный подход к проблеме. Понимая, что выступать против Шолохова и его «Тихого Дона» открыто — дело трудное и малопривлекательное, она пишет витиевато, даже разбрасывая комплименты в адрес Шолохова: он и «объективен», и «лирик в оценке человека», и «оптимистичен», и «спел легенду века», и т. п. Все это говорится лишь для видимой «объективности», для прикрытия иных намерений. Вот, например: «...реализм Толстого был результатом умелого анализа... А для Шолохова верно обратное». «Тихий Дон» «имеет качества примитивного эпоса». Герои Шолохова «действуют без внутренней борьбы», Григорий Мелехов «мог бы стать Великим Анта-

гоистом, Сатаной, Прометеем или во всяком случае Яго, но система Шолохова требует, чтобы восхвалялось незначительное... Любовная история Григория и Аксиньи не имеет смысла и значения, как толстовские любовные истории... Лучшие страницы и драматические сцены являются лишь кусочками жизни, разбитыми кусочками... Шолохов просто хроникер событий», который «довольствуется тем, что люди умеют выживать и терпеть»[58].

Насколько суждения Е. Мучник спекулятивны, видно хотя бы при сопоставлении их со статьями тех американских литературоведов, которые (в свое время без предвзятости!) всерьез, по-научному исследовали творчество Шолохова. Возьмем, к примеру, крупную статью профессора Давида Стюарта «Эпический замысел и значение «Тихого Дона», напечатанную впервые в Канаде в «Куинс Куортерли» (1960). Для него «Тихий Дон» — «это эпос в самом прямом смысле этого слова. Эпос не только потому, что включает в себя традиционные мотивы героической поэзии: любви, мести и личного героизма, это эпос по своему содержанию и по языку». И как бы в ответ на домыслы Мучник и многих других критиков с их рассуждениями о «примитивном эпосе», о чрезмерном привлечении исторических документов, профессор Давид Стюарт говорит, что все эти материалы (письма, дневник, телеграммы, воззвания, отрывки из статьи Ленина, казачьи песни) «обладают внутренним интересом и правомерно включены в эпос», что «Тихий Дон» был «написан для участников Великой Октябрьской революции и их потомков, так же как «Илиада» была пропета для тех греков, которые хотели иметь героическую песнь о делах их предков»[59].

Е. Мучник ни слова не говорит о народности эпоса Шолохова. А профессор Д. Стюарт, считая народность важнейшим элементом эпоса, утверждает, что «Тихий Дон» Шолохова так же, как и эпос Гомера, является отражением народной жизни и культуры, что он одновременно является великим и народным, что его эстетические и этические компоненты нерасторжимы — сочетание, которого почти никогда не достигали западные писатели XX века».

Не критикуя прямо Е. Мучник, профессор Д. Стюарт тем не менее опровергает именно ее «концепцию», когда пишет, что главный герой «Тихого Дона» Григорий Мелехов хотя и не блещет интеллектуальным развитием, но «в передаче духа противоречий и силы, которая делает Гамлета великим, подходит к нему ближе других современных героев... Григорий Мелехов является самой человеческой фигурой из всех, включая даже тех, кто столкнулся с относительно революционной ситуацией, как в книге Мальро «Судьба человека», в книге Силона «Хлеб

и вино» и «По ком звонит колокол» Хемингуэя. Шолохов создал такой сильный образ героя, что он глубоко волнует не только интеллигенцию, но и каждого простого человека, о чем свидетельствуют миллионные тиражи его книг на всех языках мира... Самый важный комплимент, который можно сделать Григорию Мелехову, заключается в том, что он стоит выше всех других литературных героев XX века, что он — человек зрелый, несовершенный, целостный. Он ничего общего не имеет с болезненными мелкими тварями, которые так сильно засорили современную литературу»[60].

В своей статье Е. Мучник противопоставляет Шолохова партии, Советской власти, социалистическому гуманизму. Е. Мучник пытается доказать, что Григорий Мелехов не признает и отвергает революцию, большевизм и советский строй жизни. Причем это подается критиком и как навет на самого Шолохова. «Григорий Мелехов,— пишет Е. Мучник,— как дает нам понять автор (Шолохов), был вынужден подавить в себе качества, которые могли бы сделать его полезным членом Коммунистической партии»[61]. Подавил и отверг большевизм, не признал Советской власти! Но эта трактовка образа Григория фальсифицированная. При всех заблуждениях и падениях, ошибках и преступлениях, при всем его, Григория, желании найти третий путь в борьбе двух миров он убеждается, что его, этого пути, нет! В финале своих борений, заблуждений и поисков Григорий Мелехов видит, что труженики, казаки Дона, уже признали Советскую власть и осуждают его... «Погибели на вас, проклятых, нету!» — слышит Григорий от старухи казачки и думает: «Они правильно рассуждают... На черта мы им нужны? Никому мы не нужны, всем мешаем мирно жить и работать. Надо кончать с этим, хватит!»[62] Надо кончать с поисками третьего пути, с идеями казачьего автономизма и пребыванием в банде Фомина, так как народ признал большевиков и Советскую власть, признал новую мирную жизнь. Не скоро еще, но все же будучи верным себе по характеру, Григорий осознает безнадежность борьбы, бесполезность ее для людей и для себя, и до амнистии разоружается, сбрасывает все оружие в Дон и мирным человеком возвращается в родной хутор.

Критика Е. Мучник не интересует анализ жизненного пути Григория Мелехова от момента его заступничества за несчастную Франю и первого убиения австрийского солдата до его раздумий над омерзительной сценой потехи бандитов над юродивым Пашей, когда Григорий Мелехов, «охваченный тоской, горечью и злобой на самого себя, на всю эту постылую жизнь», думал о банде: «И вот с такими людьми связал я свою судьбу»[63]. А ведь это важнейшие штрихи, характеризующие глубокую внутреннюю эволюцию Григория Мелехова, который, про-

ходя через дантовы круги ада жизни, в банде начинает прозревать. Будучи верен себе и своему пониманию справедливости, Григорий (когда у него созрело сознание невозможности дальнейшего пребывания у дезертиров) смело, не ожидая амнистии, идет к Советской власти мирным человеком, этим самым признавая ее единственным и справедливым вершителем его судьбы. Идет, не лукавя, не содрогаясь за свою шкуру, не задумываясь над приговором, который ему вынесет Советская власть. Идет так потому, что все черное прошлое, все заблуждения, связанные с ним, Григорий сбросил в глубины Дона под лед и готов с сыном начать новую мирную жизнь.

Однако Е. Мучник не интересует правда истории Дона, правда жизни и гуманистический финал «Тихого Дона». Она не понимает советского, социалистического гуманизма и его эпического звучания в «Тихом Доне»! Она не видит и не понимает всей эволюции чувствований, взглядов и прозрения Григория Мелехова, она извращенно их интерпретирует, чтобы очернить заодно и авторскую (шолоховскую) позицию в «Тихом Доне», бросить тень на его гуманизм и талант.

Как опытный фальсификатор, Елена Мучник начинает свой разнос Шолохова издалека: «Когда задумаешься над рассказом (это так уничижительно она именует эпопею «Тихий Дон»! — *К. П.*), рассказом, который занимается не чем иным, как коренной переоценкой концепций, то убедишься, что в нем нет той поэзии и противоречивых страстей, которые находишь в «Войне и мире», уже не говоря о романах Достоевского... Прагматизм Шолохова окрашивает все его произведение. Это есть философия того... как совершать действия, которые не по нутру, как приучать себя к безжалостности, как надо учиться убивать по обязанности и превозносить свои убийства, как оправданные»[64].

Вот, оказывается, во имя чего выступила Е. Мучник — чтобы приписать Шолохову философию ницшеанства, философию современной империалистической реакции. Но критик Е. Мучник напрасно пытается приписать Шолохову то, что не имеет к нему никакого отношения, напрасно, как говорится, валит все с больной головы на здоровую. Напрасны ее потуги и в желании принизить талант Шолохова, так как те, кому дано видеть, слышать, читать и разбираться в явлениях искусства, придерживаются иного мнения о «Тихом Доне» и его авторе.

Так, например, все тот же профессор Д. Стюарт в одной из своих ранних и добротных работ сказал о нем следующее: «Его гений лучше всего виден, во-первых, в его разумном выборе деталей и чувстве пропорции, во-вторых, в сострадании, которое пронизывает его произведение и оживляет его героев, в-третьих, в его поэтической дикции, достоинстве героев и описаний и, в последнем счете, в его самобытной силе, необычай-

ном диапазоне видения явлений, которое позволяет ему таить в себе и противоречия типа Достоевского в единой, уравновешенной концепции, т. е. толстовство без толстовского механического оправдывания. И именно ему, Шолохову, принадлежит первое величественное изображение русской сельской жизни с точки зрения самой сельской России, а не с точки зрения аристократии или интеллигенции»[65].

* * *

Мы цитировали высказывания профессора Давида Стюарта о «Тихом Доне» потому, что в американской прессе они являются наиболее объективными. Две работы Д. Стюарта — «Тихий Дон» на английском» (1956) и «Эпический замысел и значение «Тихого Дона» (1960) — при некоторых недостатках, присущих буржуазному литературоведению, на наш взгляд, представляют незаурядную научную ценность. Мы весьма признательны ему за присланные нам фотокопии многих статей из американской прессы.

Но вот перед нами его монография (первая в США) «Михаил Шолохов», которая состоит из работ, названных выше, и еще трех новых глав — о «Донских рассказах», «Поднятой целине» и творческом пути Шолохова[66].

В связи с тем, что Д. Стюарт в предисловии к монографии ссылается на консультации со мною в 1966 году и так как в ней он сделал крен вправо, утратив объективность в подходе к теме, я считаю необходимым дать свою оценку этой книге.

Во-первых, Д. Стюарт не понял главной идеи и содержания «Донских рассказов» Шолохова и трактует их неправильно. Он называет их «рассказами действия, а не мысли», утверждая, что «молодые герои Шолохова стремятся к идеям, но у них пока что еще нет идей», что на Дону «свирепствовали банды... не белой армии», что в «Донских рассказах» Шолохова «значение революции проявляется через три фактора: утраты (бессмысленная якобы гибель молодых людей.— *К. П.*), преследования и автономизм»[67].

Скажем прямо: эти основные аспекты Д. Стюарта не отвечают правде рассказов Шолохова. Действия любого персонажа «Донских рассказов» в стане красных или белых глубоко мотивированы классовыми интересами, политическими взглядами и конкретными обстоятельствами борьбы. Важнейшей пружиной фабулы и сюжета каждого рассказа является самая ожесточенная, вооруженная, кровавая борьба трудящихся за свою, народную, Советскую власть, за народную справедливость. Да, это рассказы о деянии — о величайшем в истории человечества социальном перевороте, о ниспровержении старого ми-

ра — помещиков, атаманов, белогвардейщины и кулаков. И шолоховские герои — солдаты, штурмовавшие Зимний дворец («Нахаленок»), красноармейцы, возвратившиеся в родной хутор («Смертный враг»), сыновья, восставшие против своих отцов («Родинка», «Бахчевник», «Червоточина»),— не имея университетских дипломов, были высокоидейными, хорошо знали, за что они сражаются, и своими действиями и героической смертью утверждали гуманистические идеи. К сожалению, профессор Д. Стюарт ничего этого не заметил и увлекся пустыми, бесплодными и тенденциозными сентенциями о превосходстве «Одесских рассказов» Бабеля над «Донскими рассказами» Шолохова, допуская при этом грубые ошибки в переводах шолоховского текста и в его истолковании.

Во-вторых, признавая как положительное явление некоторые тезисы в его статьях о «Тихом Доне», мы не можем одобрить в книге главу, посвященную «Поднятой целине». В ней Д. Стюарт вначале пытался как-то по-своему подойти к роману. В одном из тезисов (о котором с ним мы полемизировали летом 1966 г.) Д. Стюарт говорит: «Шолохов, когда писал первую книгу «Поднятой целины», стремился объяснить политику партии народу, а когда писал вторую книгу романа, то объяснял народ партии!! Первая книга «Поднятой целины» призывает к деятельности, а вторая — к размышлениям. Первая гласит: «Делай!», а вторая: «Думай!» ...Первая книга подчеркивает ту мысль, что точка зрения социалистического реализма требует изображения действительности в ее революционном развитии, а вторая книга вещает о том, что социалистический реализм должен заниматься и вопросами воспитания»[68].

Однако в дальнейшем, рассматривая «коллективизацию как катастрофу» и зачеркивая даже «самую возможность» существования в СССР «новых людей вроде Давыдова», профессор Стюарт не смог сказать ничего вразумительного о романе Шолохова. Между тем простое сопоставление, скажем, к примеру, крестьянских проблем в романах «Мужики» Реймонта, «Гроздья гнева» Стейнбека и «Поднятая целина» Шолохова дает каждому непредубежденному исследователю богатейший материал для философских раздумий и обобщений. И ни для кого не является секретом, что именно в «Поднятой целине» запечатлено самое справедливое прогрессивное и гуманное решение этих проблем. Но профессор Д. Стюарт не пошел по этому пути и, утратив чувство меры и научной объективности, подменил анализ художественных особенностей романа тенденциозными выпадами против второй книги «Поднятой целины» и социалистического реализма, как метода нашего искусства[69].

В-третьих, в книге Д. Стюарта есть глава «Путь Шолохова», которая в буржуазной прессе США уже получила одобре-

ние как «беспристрастное исследование, снабженное новыми фактическими данными»[70].

В связи с этим мы, следуя истине, должны сказать, что мичиганский профессор Д. Стюарт в этой главе ничего своего, нового и достойного внимания не дает.

Даже ценные документы из советской прессы о творческом пути Шолохова — цитаты из его писем и выступлений, отрывки из статей А. Серафимовича. В. Закруткина, А. Калинина и других советских литераторов — не помогли ему прикрыть его явно антишолоховскую тенденциозность.

Да и вся глава написана крайне пристрастно, без должного уважения к предмету исследования, с привлечением вульгарнолживых высказываний ренегата Ю. Рюле, О. Андреевой-Карлайль и других ненавистников творчества Шолохова. Измышления Д. Стюарта о том, что Шолохову якобы присущ «старый русский шовинизм и цинизм» (при этом он ссылается на клеветнический бред о нетерпимости к немцам, взятый из грязной книжонки «Голоса в снегу» Ольги Андреевой-Карлайль)[71], злостное приписывание Шолохову еще и «ненависти к американцам»[72] (в связи с его прекрасными публицистическими статьями 1950 года в защиту мира и с разоблачением империалистического разбоя американской военщины в Корее), нелепые домыслы Д. Стюарта о том, что «мстительность является навязчивой темой в творчестве Шолохова» и что образ Григория Мелехова в «Тихом Доне» Шолохов создал, чтобы «отомстить всему миру»[73], — все это с достаточной очевидностью говорит нам о полной научной несостоятельности и этой главы профессорской монографии.

VIII

Сообщение о присуждении писателю Нобелевской премии реакционеры, сторонники «холодной войны» в Америке встретили как удар.

В большой статье «Нобелевскую премию получил советский писатель» редакция газеты «Нью-Йорк таймс», извращенно трактуя идею «Тихого Дона», приписывала Шолохову, будто он «пытался объяснить и защитить дух бунтарства и независимости казачества»[74].

Редакция «Нью-Йорк геральд трибюн», ссылаясь на какого-то безымянного «эксперта по русской литературе», процитировала злобную тираду: «Позор, что Шведская академия решила наградить Шолохова». И вслед за этим — наветы по поводу «переделки» финала второй книги «Поднятой целины»[75].

Другие крупные газеты и журналы печатали перепевы этих выдумок, например, в еженедельнике «Нейшн» профессор-ан-

тисоветчик Эдвард Браун метал копья против Шолохова[76], всячески стремясь принизить значение «Тихого Дона».

И только агентство Ассошиэйтед Пресс (Нью-Йорк), по свидетельству нашего еженедельника «За рубежом», в своем сообщении о вручении М. А. Шолохову Нобелевской премии проявило такт и правдивость, которые достойны внимания: «На торжественном банкете в Стокгольме присутствовали семь лауреатов Нобелевской премии и члены их семей. Одним из этих лауреатов был советский большевик, который когда-то был в Красной Армии пулеметчиком и сражался с капиталистами. Шолохов вызвал сенсацию в этот вечер, когда, надев очки в тонкой оправе, в течение восьми минут читал свою речь, в которой он очень тонко подверг критике «литературных авангардистов»... За несколько часов до этого Шолохов принял премию из рук короля Густава Адольфа. Король, который ростом более чем на голову выше этого седого казака, кивнул в знак приветствия головой и обратился к нему по-английски. 60-летний русский — член Верховного Совета и преданный коммунист — стоял не шелохнувшись, смотрел королю прямо в глаза и не сделал никакого поклона. (Казаки не кланяются, поясняло агентство Ассошиэйтед Пресс, они никогда не делали этого и перед царями!)»[77].

* * *

Советский читатель вправе спросить: «Как читают книги Шолохова в США?»

Вот некоторые факты. В мае 1935 года на завод Ростсельмаш американскими сталелитейщиками с завода Джона Дира был прислан томик «Тихого Дона». На титульной странице американские рабочие написали:

«Тихий Дон» чернят в прессе США. Чернят потому, что он красен и великолепен. Чернят потому, что «Тихий Дон» подобно джон-ридовским «Десяти дням, которые потрясли мир», но с еще большим очарованием и вдохновением захватывает воображение рабов капитала...»[78]

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» (октябрь 1965 г.) в заметке «Трудно найти призовую книгу» сообщала: «... шолоховские романы в продаже идут нарасхват»[79].

В США читатели, мыслящие и разбирающиеся в литературе, не ограничиваются кнопфовским сокращенным изданием, а ищут полное советское издание «Тихого Дона» на английском. Так, например, студент Брендейского университета США Кеннет Аллан Кулкин в письме от 14 декабря 1968 года в издательство «Прогресс» пишет: «В настоящее время мы изучаем «Тихий Дон» Шолохова в переводе Стефана Гарри (издание

«Кнопф»). К сожалению, господин Гарри в переводе опустил (срезал) около 30% шолоховского текста (во второй книге романа, в 1934 г.!). И в последнем издании «Тихого Дона» в США («Кнопф», 1966) ничего не сделано для исправления грубых извращений, допущенных тридцать лет назад! Поэтому мне хочется приобрести ваше, советское (на английском) издание «Тихого Дона»[80].

А вот письмо от 1 марта 1969 года простого читателя из Нью-Йорка, мистера Лестера Д. Эзрати, также адресованное московскому «Прогрессу», в ответ на обращение издательства присылать свои отзывы на советские книги:

«Я только что прочитал замечательный роман «Тихий Дон» (Шолохова). Мне хочется поздравить вас с этим шедевром. Никогда еще ни одна книга не оказывала такого влияния на мои мысли по столь различным вопросам. Во-первых, я никогда не думал, что книга может вызвать у меня такие сильные эмоции. Над некоторыми страницами я просто плакал, особенно в конце книги. Во-вторых, эта книга совершенно изменила мое отношение к войне. К счастью, война не коснулась лично меня и моей семьи. И поэтому фактически я не знал войны. Я читал другие романы о войне, но я не видел в них влияния войны на семью, на домашний очаг. То, что я прочел о войне в «Тихом Доне», привело меня в ужас. Я очень благодарен Шолохову за эту книгу. В-третьих, чтобы вы поняли, какое огромное влияние оказал на меня «Тихий Дон» Шолохова, я должен признаться вам, что эта книга даже заставила меня изменить мои молитвы к богу. «Тихий Дон» оказал на меня столь благотворное воздействие, что у меня просто не хватает слов, чтобы выразить Шолохову свою благодарность. С искренним приветом

Лестер Д. Эзрати»[81].

* * *

Прогрессивные писатели и общественные деятели США давно и достойно оценили творчество М. А. Шолохова.

Известная американская писательница Лилиан Хеллман считает Шолохова «крупнейшим из всех живущих ныне писателей»[82].

Скупой на слова Эрнест Хемингуэй сказал о нем так: «Мне очень нравится русская литература... Из современных писателей мне нравится Шолохов»[83].

Эптон Синклер в книге, присланной нам, подчеркнул, что он относится «с благоговением к великому писателю и человеку Шолохову». А в письме от 19 июля 1964 года писал:

«Дорогие друзья... В прежние мои годы я читал Толстого, Кропоткина, Горького и других, включая и Шолохова. И я могу

сказать, что у этих великих я научился понимать и любить русский народ, наблюдать с интересом и надеждой его борьбу за свободу и социальную справедливость... С братским приветом *Э. Синклер*»[84].

А вот еще один документ от друга СССР, прогрессивного деятеля борющейся за свои права цветной Америки,— автограф в книге «Тихий Дон»:

«Большое спасибо М. Шолохову за эту величественную сагу о казаках. Несомненно, это один из великих писателей нашего времени.

Июнь 1964 г. Искренне — *Поль Робсон*»[85].
Нью-Йорк, 32.

На фоне этих высказываний и оценок творчества Шолохова, а также всего того положительного, что было сказано (в частности, с учетом и анкеты журнала «Хэрперс мэгэзин», 1941 г.!), весьма странным диссонансом в этом же журнале в сентябре 1969 года прозвучало выступление американского драматурга Артура Миллера. В статье, пропитанной яростными инсинуациями и воздыханиями, он походя, с ученым видом знатока советской литературы и творчества Шолохова, решил блеснуть своей разносторонней осведомленностью. Но явно нерестарался...

Во-первых, А. Миллер полагает, что «Тихий Дон» — это «трилогия». Во-вторых, без ссылок на текст романа он утверждает, что Шолохов якобы «ревизовал свой шедевр», в частности, главы о казачьем восстании 1919 года, и этим «ослабил свое произведение». Но ведь даже в издании «Тихого Дона» под редакцией К. Потапова (Москва, 1953) главы о Вешенском восстании остались нетронутыми! В-третьих, Артур Миллер в своем опусе решил гальванизировать, вернуть к жизни сорокалетней давности троцкистско-рапповскую сплетню о плагиате, будто «Шолохов не писал это произведение, но загадочно стал его автором, тогда как настоящий автор был ликвидирован»[86]. И этот бред А. Миллера печатается в 1969 году! Строкою ниже он делает оговорку, что, мол, последнее кажется маловероятным, но... тем не менее повторяет сплетню, чем и ограничивает свои «глубокие и разносторонние» сообщения о Шолохове.

* * *

В 1969 году в Москве, при встрече с председателем Национального исполкома Компартии США товарищем Генри Уинстоном, я поинтересовался его мнением о «Тихом Доне».

Генри Уинстон ответил: «Я слежу за советской литературой. Я прочел все крупные произведения Шолохова — «Тихий Дон»,

MICHAIL ŠOLOCHOV

TICHÝ DON

III-IV

To The Sholokov Fund, Rostov-Don 6/7 VI/69

I fondly recall reading Sholokov, my first Soviet novelist — The Soil Upturned — Quiet Flows the Don, and The Don Flows Down To the Sea. All these works are cherished by me, and helped me in understanding socialism — this despite the deletions.

Henry Winston

(Генри Уинстон)

Автограф-отзыв председателя Национального исполкома Компартии США Генри Уинстона о творчестве М. А. Шолохова (6. 7. 1969).

«Поднятую целину», «Судьбу человека». На мой взгляд, это — самые мощные произведения советской литературы. Художественное мастерство Шолохова, неповторимая оригинальность в стиле, глубокое проникновение в душу человека и гуманность покорили меня как читателя. «Тихий Дон» в США — это одна из наиболее читаемых и любимых книг. Благодаря «Тихому Дону» новые поколения американцев — белых и черных — по-новому стали смотреть на СССР. Передовые пролетарии и прогрессивная интеллигенция горячо любят Шолохова. Это любимый писатель студенчества, которое активно борется за мир и дружбу с Советским Союзом. «Тихий Дон» образно и общедоступно поведал всему миру, что такое настоящая пролетарская революция, каких она потребовала усилий народа, сколько было пролито крови и как, наконец, впервые в мире была установлена самая демократическая власть — Советская власть — на одной шестой части земного шара. «Тихий Дон» — великое произведение нашей эпохи».

Вопрос: Известно ли вам и коммунистам США, что американский издатель «Кнопф» с 1934 года издает и продает в США «Тихий Дон» Шолохова в урезанном виде, без указания на титуле книги о сокращениях?

Генри Уинстон: «Нет, мы об этом ничего не знаем. А что же сокращено нашим издателем в «Тихом Доне»?».

Ответ: Мы получили от издателя «Кнопфа» экземпляры «Тихого Дона» (за что ему очень признательны), а также от нашего давнего большого друга Поля Робсона, благодаря чему смогли сверить американские издания с русским оригиналом. В американском издании изъято свыше 100 страниц шолоховского текста. (И я вкратце сообщил, что же изъято из «Тихого Дона».)

Генри Уинстон: «Все это очень грустно слышать. Но такова уж «свобода» слова и печати в «просвещенной» Америке. Американский издатель печатает «Тихий Дон» не только для собственной денежной выгоды, но он все делает в угоду черной реакции. Только этим можно объяснить столь позорный факт сокращений в романе Шолохова — лауреата Ленинской и Нобелевской премий. Должен заметить вам, что все же и сокращенный текст «Тихого Дона», а также «Поднятая целина» и «Судьба человека» оказали огромное влияние на развитие и интернациональное воспитание коммунистов США.

Ваше сообщение об изъятиях в «Тихом Доне», сделанных издательством Альфреда Кнопфа, представляет для нас интерес. Вы пришлите нам в редакцию коммунистической газеты «Дейли уорлд» свою статью с анализом и указанием всех этих изъятий. Мы обязательно ее напечатаем. Наши читатели должны знать, как в Америке издатели расправились с шолоховским романом...»[87]

Генри Уинстон подарил нам томик «Тихого Дона» с кратким автографом:

«Шолоховскому фонду
Ростов-Дон

Мне помнится, что с каким-то особым чувством теплоты я читал «Тихий Дон» и «Поднятую целину» Шолохова — моего любимейшего советского писателя.

Я высоко ценю эти произведения, потому, что они помогли мне разобраться в сущности социализма, несмотря на сокращения в тексте.

Москва

Генри Уинстон»[88].

На прощание он сказал:

— Да, я встречался с Михаилом Александровичем Шолоховым. Это было на XX и XXII съездах КПСС. Встречался и беседовал с ним. Шолохов — большой друг миллионов американских читателей. При встрече, пожалуйста, передайте ему мой братский сердечный привет.

* * *

Как отрадное явление следует отметить, что в последние годы в прессе и в отдельных изданиях в США стали появляться более объективные статьи о советской литературе и советских писателях. Примером этого можно назвать «Всемирную литературную энциклопедию XX века», выпущенную в 1972 году. В ней напечатана большая статья знатока советской литературы и творчества М. А. Шолохова профессора Ольги Владимировны Пржевалинской-Феррер о нашем писателе-академике. Статья эта привлекает своей точностью биографических данных писателя и вдумчивой, правдивой оценкой его творчества. По мнению профессора О. Пржевалинской-Феррер, «в «Тихом Доне» русская революция и гражданская война представлены с потрясающей силой и достоверностью в панорамном изображении событий и человеческих судеб. Григорий Мелехов, главный персонаж романа, олицетворяет трудности (следовало бы добавить: и колебания.— *К. П.*) русского крестьянства и казачества, являет собою трагическую судьбу героя, находящегося в поиске истины».

В отличие от многих профессоров-антисоветчиков (в своих «трудах» отвергающих социалистический реализм и пытающихся оторвать Шолохова от советской литературы или не признающих его как выдающегося продолжателя лучших традиций классиков) профессор О. Пржевалинская-Феррер гово-

рит, что «его, Шолохова, социалистический реализм во многом связан с великой русской традицией критического реализма, с классиками — в основном, Гоголем и Толстым, и с Горьким — из советских писателей».

В ее статье высоко оценена и «Поднятая целина», которая, «как и все произведения Шолохова, богата эмоциональными чувствами, психологической правдой, драматической мощью, красотой природы, юмором и очень бережливыми оттенками нежности». Она верно аттестует неоконченный роман «Они сражались за Родину» и «Судьбу человека». В этой энциклопедии точно сказано о партийной позиции писателя и в подтверждение даны его крылатые слова: «Каждый из нас пишет по указке своего сердца, а наши сердца принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством». О. Пржевалинская-Феррер отбрасывает домыслы антисоветчиков, именующих Шолохова «местным бытописателем». «Его, Шолохова, диапазон и широта достигают универсальности. Его мощь в сочетании исторического синтеза с психологическим анализом принесли его лучшим творениям признание как современной классики»[89].

И еще одна добрая весть: в США наконец-то появился «первый американский* переводчик произведений Шолохова» — Мариам Мортон, проявившая глубокое, проникновенное понимание стиля и героев Шолохова.

В издательстве «Даблдей и К°» (Гарден Сити, Нью-Йорк, 1967) она выпустила в свет сборник шолоховских рассказов «Свирепые и нежные воины», в который взяты — «Жеребенок», «Нахаленок», «Судьба человека»[90].

В этом сборнике издательство дало хорошую, правдивую биографическую справку о писателе, подчеркнув, что эти рассказы (подобно «Тихому Дону») отмечены той же художественной силой.

Переводчица М. Мортон в предисловии порадовала искренностью, правдивостью, глубоким пониманием советской действительности в годы Великой Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны.

Сборник рассказов М. Шолохова «Свирепые и нежные воины» в переводе М. Мортон воспринимается как надежда на то, что вскоре американские издатели смогут дать своим читателям полный, точный высокохудожественный перевод «Тихого Дона» — шедевра социалистического реализма.

---

* До этого в США произведения М. А. Шолохова издавались в британских переводах.

АРГЕНТИНА

I

В Аргентине «Тихий Дон» был издан лишь в годы второй мировой войны. До этого отдельные книги на русском, испанском и французском языках завозились сюда туристами и эмигрантами еще в 30-е годы.

Первое слово о Шолохове в Буэнос-Айресе прозвучало на испанском языке в книге русского эмигранта Павла Шостаковского* «История русской литературы», которая вышла в июле 1941 года в издательстве «Лосада».

«Критика, — писал П. Шостаковский,— любит ставить «Тихий Дон» Михаила Шолохова по проблематике и исторической документации в ряд с «Войной и миром» Льва Толстого. Бесспорно, утверждать это можно, но не менее серьезно и обоснованно стремление отрицать это сходство, потому что масштаб, пределы и преследуемые цели этих двух авторов очень различны. Лев Толстой в «Войне и мире» живописует Россию начала прошлого века в критический момент ее истории, заставляя ее действовать на европейской сцене как одну из главных сил тогдашнего мира, и в то же самое время в длинной веренице центральных картин он дает нам точное и безупречное, как сама правда истории, видение русского народа в борьбе против Наполеона. Шолохов ставит перед собой задачу значительно более скромную по охвату, но и более сложную для решения... Описывать хаос, ориентироваться в самых неожиданных событиях, часто непонятных и непостижимых даже для тех, кто их совершал, изображать людей и говорить устами персонажей, вокруг которых все рушится и изменяется: власть, верование, религия, обычаи, жизненные стремления и цели, даже язык, держаться своего курса посреди такого беспорядка и выразить историческую правду в романическом действии — все это сверх человеческих сил... Свет бесконечной нежности, под которым

---

* Павел Шостаковский — дворянин, офицер-гвардеец Семеновского полка, в эмиграции — независимый. В Аргентине стал писателем и литературоведом. В 1941—1943 гг. в Буэнос-Айресе издавал на испанском языке патриотический просоветский журнал «Земля русская». В 1946 г. возвратился в СССР, был принят в члены Союза писателей. В Минске издал интересную книгу «Путь к правде». Умер в 1962 г.

развертывается повествование,— вот что освещает тени прошлого и настоящее, эпизоды борьбы, ненависти и самоотверженности, столкновение чувств и индивидуальных, корпоративных или национальных интересов»[1].

Для Аргентины лета 1941 года это были очень смелые суждения о советском писателе. Чтобы оценить их значение, нелишне вспомнить о том, что в 30-е годы в Аргентине и других латиноамериканских странах в соответствии с пресловутой энцикликой римского папы Пия XI красная Россия и коммунизм были преданы вечному проклятию. В 1930 году аргентинский президент Хусто издал декрет о введении смертной казни за принадлежность к компартии. В 1935 году Аргентина, Бразилия и Уругвай заключили антикоминтерновский пакт.

Таким образом, издание в Буэнос-Айресе летом 1941 года «Истории русской литературы», в которой две последние главы посвящены советским писателям-академикам, депутатам Верховного Совета СССР — А. Н. Толстому, М. А. Шолохову,— было беспрецедентным событием.

II

К великому сожалению, мое письмо в Минск не застало в живых автора «Истории русской литературы». Любезно ответила мне его жена Евгения Александровна Шостаковская. Это письмо представляет большой литературный интерес. Вот его полный текст:

«...Великолепную, талантливейшую книгу Шолохова «Тихий Дон» в Буэнос-Айресе мы с мужем читали на русском. Читали сразу все четыре тома и были потрясены необычайной яркостью изображения, горькой правдой (цену которой мы изведали лишь в эмиграции!) и гуманизмом автора. Наш экземпляр «Тихого Дона» в Буэнос-Айресе долго был единственным, и среди наших друзей, как никогда, установилась большая очередь, чтобы читать роман Шолохова. В нашем кругу русские эмигранты восприняли «Тихий Дон» восторженно-просветленно, как великий национальный эпос, как символ мощи красной России, которая выдвинула такой могучий талант — Шолохова.

В большой прессе Буэнос-Айреса мой муж П. П. Шостаковский публиковал многие главы из своей «Истории русской литературы», но главы о советских писателях А. Толстом и М. Шолохове аргентинские газеты побоялись печатать.

В Аргентине на испанском языке «Тихий Дон» появился лишь осенью 1942 года, когда величайшая битва на Волге достигла своего апогея, когда в Европе, Азии и Америке считали, что Россия повержена Гитлером. Кто эти смелые люди, издавшие первую книгу «Тихого Дона»,— не знаю, а вторую

книгу романа о революции перевел и издал русский художник Сергей Беляев... Пресса Буэнос-Айреса тогда, отдавая целые полосы сводкам из ставки Гитлера, постаралась не заметить, замолчать «Тихий Дон», уделив ему заметки в пять строк петита. Доброе слово о России страшно было сказать.

На испанском языке лишь в нашем журнале «Земля русская» была напечатана большая (в двух номерах) статья Изабеллы Спиридоновой — ее мысли о четырех томах «Тихого Дона». Статья эта — цветистая, импрессионистская, но искренняя, русская по дыханию,— в своем финале давала намек на великую битву с ордой Гитлера на Дону и Волге. В статье И. Спиридоновой моему мужу, как редактору «Земли русской», с трудом удалось протащить через цензуру одну строку оптимистической веры в победу русского народа над фашизмом. Я говорю вам об этих мелочах, чтобы вы знали, как трудно было тогда (да и теперь там не легче!) сказать в прессе правду о России.

Думаю, что в те годы в Бузнос-Айресе после книги «История русской литературы» П. Шостаковского статья Изабеллы Спиридоновой на испанском оказалась, собственно, вторым благожелательным выступлением о «Тихом Доне».

Минск *Е. А. Шостаковская*»[2].
29. 10. 1964

* * *

Где же найти журнал «Земля русская» со статьей Изабеллы Спиридоновой? Как разыскать в Бузнос-Айресе том первого издания «Тихого Дона»? Как узнать, спустя четверть века, кто был переводчиком «Тихого Дона»?

Директор Аргентинской национальной библиотеки, получив наше письмо от 3 февраля 1965 года с этими вопросами, видимо, не пожелал отвечать.

И все же в этом заокеанском городе нашлась добрая русская душа — дочь Изабеллы Спиридоновой (преподавательницы испанского языка в Иркутске) Евгения Георгиевна Фишер-Давиля. Она прислала краткую справку: «В каталоге Аргентинской национальной библиотеки значится, что первое издание «Тихого Дона» М. Шолохова на испанском в Буэнос-Айресе вышло в издательстве «Прогресс и культура» в пяти книгах (1942—1946) под пятью разными названиями: книга первая — «На тихом Дону», 1942 (переводчик не указан); книга вторая — «Взбунтовавшийся Дон», 1943 (переводчики Сергей Беляев и Эстер Лопачо); книга третья — «Пожар на Дону», 1944 (переводчик неизвестен); книга четвертая (часть VII) — «Кровь на Дону», 1945 и книга пятая (часть VIII) —

«Утихомиренный Дон», 1946 (переводчики Нина и Анатолий Задерман). Тираж каждой книги не превышал 3000 экземпляров»[3].

Е. Г. Фишер-Давиля подарила нам первый томик аргентинского издания «Тихого Дона» (1942) и сообщила адреса некоторых переводчиков.

III

Томик «На тихом Дону». Ветхий, сильно зачитанный. Книга без обложки, но с сохранившейся титульной страницей. В безымянном предисловии написано: «Имя Михаила Шолохова дошло до нас свободным от пестрых анекдотических комментариев. Мы знаем, что он родился на берегах Дона, в казачьем хуторе. Напоенный таинственными соками бесконечной степи, просторного неба и тихой реки с ее глубокими и мутными водами, он приехал в университетский город, где едва только завершились потрясения революции, чтобы продолжить свою учебу. Это бурное время обнажило перед его внимательным взором всю ужасную проблему общественной жизни в ее изменении, и постепенно, с немного стесненным сердцем он научился распознавать в клубке страстей, которые захватывают и увлекают человека, духовный мир, в туманной атмосфере которого горит факел, от которого рождается свет, дающий нам возможность узнать глубокие тайны человеческой души.

...Его литературный метод прост и эффективен. Он берет казачью семью и, связывая наиболее значительные моменты ее жизни с узловыми моментами общественной жизни, дает нам физический и духовный облик всего народа, не забывая при этом все время живописать широкую реку, которая представляется казакам как страшное и в то же время милостивое божество... Знаменитый критик Андрэ Левинсон, анализируя «На тихом Дону», заключает: «Осмеливаюсь сказать, что после романа «Мужики» Владислава Реймонта, поляка, получившего Нобелевскую премию, это самая великолепная фреска крестьянской жизни, нарисованная художником».

Издательство «Прогресс и культура»[4].

Так впервые «Тихий Дон» был представлен аргентинским читателям в 1942 году.

Тон этого предисловия, ссылка на известного французского критика Андрэ Левинсона, две строки из старинной казачьей песни: «Поедем со мной к нам на Дон. У нас на Дону да не по-вашему живут», прибавленные в эпиграфе к роману (впервые эти две строки поставили на титульную страницу В. Сухомлин и С. Кампо в парижском издании 1930 г.), а так-

же структура аргентинского перевода со всей очевидностью говорят нам о том, что перевод сделан, видимо, с французского издания (Париж, «Пайо», 1930).

* * *

Изабелла Спиридонова прислала нам в дар уникальные номера аргентинского журнала «Земля русская» (№ 20, 1 октября и № 21, 15 октября 1942 г.) с ее статьей «Тихий Дон». Журнал «Земля русская» издавался в Буэнос-Айресе с осени 1941 года. На обложке — изображение Красной площади, собора Василия Блаженного, Спасской башни Кремля и Мавзолея В. И. Ленина. Это соответствовало смелой политической позиции редактора.

В то время, когда аргентинские власти и пресса ликовали, приветствуя прорыв армий Гитлера к Волге, редактор журнала опубликовал знаменательные статьи о разгроме немецких псов-рыцарей на Чудском озере и разгроме Наполеона под Москвой.

15 октября 1942 года, публикуя карту и статью «Защита Сталинграда», журнал «Земля русская» предсказывал: «Мы с уверенностью подчеркиваем, что, когда будет писаться история этой войны, защиту Сталинграда будут сравнивать с Бородинской битвой 1812 года (где «великая армия» Наполеона получила смертельный удар, хотя русские отступили и сдали Москву). В этот раз величайшая битва будет названа Сталинградской, так как она знаменует собой первый этап поражения агрессора»[5].

В этом-то журнале и появилась первая большая статья Изабеллы Спиридоновой о «Тихом Доне». Она сосредоточила внимание на этических, психологических и патриотических мотивах романа. Статья не блещет стройностью, в ней есть субъективные и путаные суждения. Но в главном она верна, говорит о гуманизме Шолохова, «его абсолютной искренности и глубокой человечности», о «неразрывной связи с родной землей».

И. Спиридонова пишет: «Несмотря на всю ту кровь, которая порой заливает страницы романа, несмотря на ошибки, несправедливость и жестокость, свершаемые людьми, несмотря на великие жертвы в стихийной борьбе, у Шолохова жизнь всегда побеждает смерть, жизнь торжествует! И возле могилы коварно убитого казаками солдата Валета чья-то заботливая рука ставит часовенку с иконой и оставляет витиеватую вязь славянского письма: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата!» И над этой могилой вместе с буйными травами вновь встает, загорается жизнь, жизнь суровая, простая и жестокая, горячая, извечная и многообещающая»[6].

Концовка статьи глубоко символична: «Тихий Дон! Какой горькой иронией звучат сейчас эти слова! С древних времен этот эпитет сопровождал имя славной реки в легендах и песнях. Но события нашего века, кажется, опровергают это. Все, кроме тишины, можно найти в волнующих страницах этой книги. И в наши дни судьба вновь превратила тихий Дон в арену страшной исторической драмы, далекими свидетелями которой мы являемся. Кровь окрашивает его воды, и каждая травинка на его берегах взывает о мщении. Бесплодны и опустошены его плодородные берега, но придет время, и вновь зацветут красные маки, жизнь и радость возродятся на его берегах»[7].

И все это сказано в Буэнос-Айресе в те дни, когда шла битва по всему фронту — от Черного моря до Мурманска, на Дону и на Волге, когда аргентинская пресса била в литавры, ожидая падения Сталинграда. Поэтому понятно, почему на 24-м номере этот журнал был запрещен.

В 50-е годы в Буэнос-Айресе прогрессивные русские эмигранты издавали еженедельник «Наша газета». За публикацию в ней отрывков из второй книги «Поднятой целины» и рассказа «Судьба человека» его закрыли. Вскоре эмигранты начали издавать новую газету — «Родной голос» (на русском и испанском) и продолжили в ней публикацию глав из «Поднятой целины». Но полиция и цензура в Буэнос-Айресе быстро прикрыли и это издание...

IV

Вторая книга «Тихого Дона» под названием «Взбунтовавшийся Дон» была издана в Буэнос-Айресе в переводе художника Сергея Беляева и его жены Эстер Лопачо. Сергей Беляев, жалуясь на свою судьбу, писал нам в 1965 году:

«Посылаю Вам единственный экземпляр нашего перевода второй книги «Тихий Дон» М. Шолохова. Работа над переводом гениального романа Шолохова была волнующим событием нашей жизни. Среди читателей «Тихий Дон» имел колоссальный успех. Аргентинцы восхищались этим творением и землей, что родила такой талант. Передайте Шолохову от нас — русских — земной поклон»[8].

Издательство «Прогресс и культура» в аннотации к этой книге (лето 1943 г.) писало: «Шолохов своей незаурядной силой ломает традиционные рамки романа. Здесь — чистая литература, настоящее искусство! Содержание этой книги можно кратко выразить одним словом — жизнь! Это — синтез вечных событий и явлений времени. Это — незабываемая книга!»[9]

Розыски в Аргентине первых изданий, переводчиков, первых рецензий были очень трудны. Нам, например, так и не

удалось выяснить, кто же перевел первый и третий тома. Ни одна из редакций буржуазных газет («Ла пренса», «Ла насьон», «Кларин») не откликнулась на наши письма.

Но переводчики, которых назвала нам Е. Г. Фишер-Давиля, действительно оказались отзывчивыми и прислали ценные сообщения. Анатолий и Нина Задерман писали:

«Уважаемый коллега! Моя жена и я — переводчики четвертого тома «Тихого Дона» — были чрезвычайно обрадованы Вашим письмом с далекой родины. Всей душой присоединяемся к торжественному чествованию дорогого юбиляра Михаила Шолохова и желаем ему еще многих лет успешной деятельности в окружении искренних почитателей его таланта... В Аргентине в момент появления в свет «Тихого Дона» критика предпочла замолчать это высокого литературного значения событие. Это была эпоха суровых репрессий ко всему пришедшему из советского мира, эпоха злостной политической реакции. По-видимому, вследствие тех же причин заказ на перевод мы получили не от издательства, а через посредничество одного книжного магазина. Роман «Тихий Дон» мы прочли впервые, когда получили русский текст для перевода. Прочли с увлечением и были потрясены его эпическим величием. Переводили мы с однотомника Гослитиздата (Москва, 1941 г.). В нашем переводе нет никаких сокращений текста Шолохова... Я фотокорреспондент, а моя жена — скульптор. Переводами занимаемся из любви к родной литературе. Мы перевели Пушкина, труд Топоркова о Станиславском... В ящике письменного стола лежит перевод тома рассказов М. Горького, пока еще не нашедших издателя... Михаилу Шолохову передайте самый горячий привет от аргентинских переводчиков и почитателей его необыкновенного таланта.

Ля-Лючила
Провинция Буэнос-Айреса

Анатолий и Нина Задерман»[10].

* * *

К сожалению, нам не удалось установить контакты ни с представителями прогрессивной общественности Буэнос-Айреса, ни с издательством «Кетсаль», которое в 1959—1960 годах выпустило «Тихий Дон», «Поднятую целину» и «Судьбу человека», ни с редакцией прогрессивной газеты «Пропозитос» (редактор — известный поэт Леонидас Барлетта).

Обращались мы и к директору Национальной библиотеки Аргентины Хорхе Луису Борхесу, но безуспешно.

И все же, несмотря на множество трудностей, в конце концов удалось получить из Буэнос-Айреса статьи крупнейших

газет, посвященные присуждению Нобелевской премии М. А. Шолохову.

Большая пресса Аргентины — «Ла пренса», «Ла насьон»,— многие годы выступающая с позиций антикоммунизма, вынуждена была на своих страницах впервые поместить портреты коммуниста-писателя Шолохова, решение Шведской академии о присуждении Нобелевской премии и пространные статьи-комментарии. Правда, в редакции проамериканской газеты «Ла пренса» сначала утешались сплетней о том, что якобы «решение Шведской академии не было единодушным». Эту выдумку вынесли в аншлаг первой страницы и повторяли еще трижды в телеграммах из Стокгольма. Но потом редакция согласилась, что «Тихий Дон» «имел блестящий успех не только в Советском Союзе, но и за рубежом»[11].

Другая буржуазная газета — «Кларин» — пошла дальше. Нового лауреата Нобелевской премии она сравнивала с Бальзаком и Львом Толстым: «Благодаря чудесной творческой силе этих гениев европейский роман перестал быть «зеркалом, фокус которого перемещается вдоль всего пути», а стал чем-то большим. Роман стал воспроизводить физический образ человека и его душу, всю его жизнь, какова она есть,—цветущую и обнаженную, как дерево, свежую и подвижную, как река, плодородную, как хлебное поле, и в то же время сухую, как голодная степь. Лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов принадлежит к этому же ряду творцов. Ему чужды эфемерные моды и искусственные эффекты. Он дает нам точный слепок жизни, сочетающий яркость с соответствующим углом полутени. В целом же в его творчестве преобладает отблеск надежды, которая вселяет бодрость в душу людей и поддерживает биение сердца всего человечества»[12].

V

Прогрессивная общественность Аргентины от всего сердца приветствовала Шолохова в эти дни.

Газета «Пропозитос» во главе с Леонидасом Барлетта в большой статье Лили Герреро подчеркнула существовавшую долгое время несправедливость: «Ни Лев Толстой, ни Чехов, ни Горький, ни Маяковский не были награждены Нобелевской премией. Но ее дали эмигранту Бунину, затем — что достойно сожаления — ее присудили Борису Пастернаку (за серую вещь) и — что истинно радостно — наградили ею автора «Тихого Дона» Шолохова».

Тепло, со знанием дела пишет Лили Герреро о Шолохове, сообщая аргентинским читателям много для них нового:

«Правда жизни — вот главный девиз художника Шолохова,

для которого Дон не имеет секретов — ни его пейзажи, ни его мужчины, ни женщины, ни казачий диалект. Говорят, что его стиль восходит к Льву Толстому. Что ж, это хорошее родство. Граф заставлял правдиво говорить князей и генералов. Шолохов заставляет проникновенно говорить тех, кто дает нам хлеб насущный. Некоторые аргентинские литературные комментаторы с пренебрежением говорили о присуждении Шолохову Нобелевской премии. Это те же, кто осыпал оскорблениями книги Хосе Эрнандаса и А. Гиральдеса — настоящих аргентинских писателей... У Шолохова неоспоримые достоинства писателя всемирного звучания. Его творения общечеловечны и в то же время национально-самобытны»[13].

Этот номер «Пропозитос» примечателен еще и тем, что в нем на первой странице (по обе стороны названия газеты) в контрастном сопоставлении поданы два сообщения. Первое — из Стокгольма: «Шведский король Густав Адольф на академическом акте вручит Нобелевскую премию коммунистическому писателю Михаилу Шолохову». Второе — аргентинское: «Министр Карлос Р. С. Альконада Арамбуру уволил провинциального учителя за принадлежность к коммунистам»[14].

«Как же это возможно? — пишет из Буэнос-Айреса парагвайский литератор Эльвио Ромеро в нашей «Литературной газете».— В Европе награждается писатель, посвятивший всю жизнь прославлению подвигов своего героического народа, большой художник, отразивший революционные события и никогда не скрывавший, что он — коммунист. И одновременно провинциальный учитель в Латинской Америке, неизвестный мужественный труженик, не пожелавший продать свои убеждения, лишается работы и куска хлеба только потому, что придерживается тех же идей, что и знаменитый писатель, удостоенный Нобелевской премии! Оба эти события символичны! Бессмертные идеи освещают путь отважным. И мы знаем, в этот трудный для учителя час прощания со школой, в которой он учил детей хранить собственное достоинство, он испытал гордость, узнав, что его единомышленник награжден и что награда эта в какой-то мере принадлежит и ему, и всем нам»[15].

Необычайно смело и глубокомысленно высказалась о решении Шведской академии газета «Нуэстра палабра» («Наше слово») — орган ЦК Компартии Аргентины — в большой редакционной статье «Михаил Шолохов»: «Нобелевская премия не открывает новое, а лишь признает заслуги в области науки и литературы, которые уже раньше нашли мировое признание. Однако награда Михаилу Шолохову открывает его творчество для огромного мира новых читателей, испытывающих повседневное воздействие антикоммунистических и антисоветских предубеждений. Во всяком случае, присуждение премии вели-

кому советскому писателю в действительности означает, что Нобелевская премия выполнила свое назначение вопреки многолетним маневрам и идеологической дискриминации, которые применялись в Нобелевском комитете по отношению к Шолохову. Приняв награду, советский писатель открывает возможность судьям из Нобелевского комитета исправить одну из их ошибок — дать обратную силу своим суждениям, сделать достойным самый смысл премии, присудив ее Шолохову, который с начала 30-х годов пользуется славой гениального художника-гуманиста».

Отметив, что в Советском Союзе есть «целая плеяда великих мастеров прозы, как Леонид Леонов, Константин Федин, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Федор Гладков», редакция «Нуэстра палабра» пишет, что в этой бессмертной когорте авангардное место принадлежит Шолохову, классику советской литературы, уже давно ставшему классиком для читателей всего мира.

Коммунистическая «Нуэстра палабра» воздала должное международному значению творчества Шолохова, которое заключается не только в том, что его «Тихий Дон» влиял и влияет на передовую советскую и иностранную литературу, что он «оказывает многостороннее воздействие на формирование передовой гуманной морали советского общества и нового человека XX века». По мнению газеты, «Шолохов велик и могуч как писатель-гуманист, гражданин и коммунист, который своим публицистическим творчеством ведет активнейшую борьбу против идеологии реакции, агрессии и лагеря войны, призывая всех людей мира сохранять бдительность, настойчиво бороться за мир. И это особенно ценят в Шолохове коммунисты Аргентины и все честные люди планеты, куда доходит пламенное слово автора «Тихого Дона»[16].

VI

Летом 1969 года, в Москве, в дни Международного совещания коммунистических и рабочих партий, мне довелось встретиться с некоторыми деятелями коммунистического движения Латинской Америки, которые сообщили много важного о проникновении «Тихого Дона» в их страны.

В беседе с одним из основателей Компартии Аргентины — членом исполкома ЦК товарищем Родольфо Гиольди и членом ЦК Компартии товарищем Паулино Альберди я сообщил им, что у нас имеются образцы буэнос-айресских изданий «Тихого Дона», в том числе первая книга (1942), в которой не указано имя переводчика.

Родольфо Гиольди: «К сожалению, чей это перевод, нам

MICHAIL ŠOLOCHOV

TICHÝ DON

I-II

Con motivo de la Exposición
Sholojov reiteramos nuestra
admiración por este gran
escritor soviético, una de las
figuras cumbres de la litera-
tura mundial. "El Don Apa-
cible" y los Tomos que le siguen
son conocidos en la Argentina
donde fueron traducidos.
Rodolfo Ghioldi [signature]
Moscú, 19/6/1969

NAŠE VOJSKO · PRAHA 1967

Автограф-отзыв одного из основателей Компартии Аргентины, члена исполкома ЦК Родольфо Гнольди и члена ЦК Паулино Альберди о «Тихом Доне» (Москва, июнь, 1969).

неизвестно. Но тот факт, что переводчик в 1941 году не посмел поставить свое имя на книге Шолохова, говорит об опасности. В 40-е годы в Аргентине было засилье реакции прогерманской ориентации. В то время так же, как и теперь, у нас свирепствовала военная диктатура. Все советское — книги, газеты, фильмы — сейчас тоже запрещено к распространению. В прежние годы у нас изредка издавались переводы советских произведений. Спрос на них был исключительно велик. «Тихий Дон» вторично был издан в Буэнос-Айресе, кажется, в 1959 году, а затем после присуждения Шолохову Нобелевской премии. Были ли в этом издании цензурные изъятия, я не знаю».

Паулино Альберди: «Пожалуй, что не было. Критика в прессе на произведения Шолохова была весьма положительной и восторженной. Но о цензурных сокращениях нам ничего неизвестно».

Вопрос: В 1965 году мы отправили в Буэнос-Айрес директору Аргентинской национальной библиотеки русское иллюстрированное издание «Тихого Дона», «Поднятой целины», юбилейный (1965) фотоальбом «М. А. Шолохов» и книгу секретаря правления Союза писателей РСФСР Виталия Закруткина «Цвет лазоревый» (о Шолохове). Мы попросили Национальную библиотеку Аргентины прислать нам современные издания книг Шолохова. Однако ответа мы не получили.

Родольфо Гнольди: «Во главе Национальной библиотеки Аргентины стоит Хорхе Луис Борхес — полуфашист, мракобес и ярый враг СССР. Вы говорите, что ваши бандероли с книгами были вручены ему лично одним из ваших друзей? Мы уверены, что Борхес не поставил эти книги на книжные полки в библиотеку. Не исключено, что он их бросил в огонь. Для ясности сообщу вам следующее. Осенью 1965 года, когда в мировую прессу просочились слухи, что в Нобелевском комитете среди других кандидатур в лауреаты рассматривается и Шолохов с его «Тихим Доном», Хорхе Луис Борхес спешно вылетел в Западную Германию и там, в Бонне, совместно с реваншистами и антисоветчиками предпринимал меры в различных кругах для политического давления на Шведскую академию, чтобы Нобель-приз ни в коем случае не присуждали Шолохову... Вы удивлены, что в Аргентинской энциклопедии (до 1965 г.) нет ни слова о Шолохове и других советских писателях. Пока это закономерно. Энциклопедия делается руками таких же реакционеров, как Хорхе Борхес».

Вопрос: В 1965 году мы послали русское иллюстрированное издание «Тихого Дона», фотоальбом и книжку В. Закруткина в редакцию газеты «Пропозитос» на имя ее редактора известного поэта Леонидаса Барлетта. Но ответа от него также не получили.

Родольфо Гиольди: «Вполне возможно, что ваши письма и бандероль до редакции «Пропозитос» и не дошли. Таможенная служба Аргентины могла их задержать. Дайте нам ваш адрес, мы попросим Л. Барлетту написать вам и прислать аргентинские издания «Тихого Дона». В нашей газете «Нуэстра палабра» («Наше слово») в октябре 1965 года и в журнале «Культура» были напечатаны интересные статьи о Шолохове. Мы изыщем пути, чтобы прислать вам статьи коммунистической прессы... Наше мнение о «Тихом Доне»? Я не писатель и не критик, чтобы дать вам всесторонний ответ. На мой взгляд, «Тихий Дон» — это правда очевидца и участника этих событий, правда о русской революции, нашедшая изумительное художественное воплощение. Вокруг имени Шолохова и его романа в буржуазном мире идет борьба. Книги Шолохова — это наши соратники на передовой линии классовой и идеологической борьбы...»[17]

В книге, подаренной нам, друзья-аргентинцы оставили следующую запись: «В связи с открытием выставки, посвященной Шолохову, мы хотим выразить наше восхищение великим советским писателем, который представляет собой одну из крупнейших фигур в мировой литературе. «Тихий Дон» и последующие произведения Шолохова переведены на испанский, широко известны в Аргентине.

Москва, 19.6.1969 г. *Родольфо Гиольди*
Паулино Альберди»[18].

* * *

Издание и распространение переводов книг советских писателей в странах Латинской Америки сопряжено с множеством трудностей. В эти страны в национальные библиотеки мы послали десятки книг «Тихого Дона», богатое фотоиздание «Земля донская» с предложениями о книгообмене, но не получили ни одного ответа.

В беседе с Генеральным секретарем ЦК Компартии Бразилии Луисом Карлосом Престесом было высказано искреннее сожаление о том, что на выставке «Тихий Дон» сражается», открытой в 1968 году в Ростовском музее краеведения, нет бразильского стенда, так как все наши попытки установить контакты с Бразильской национальной библиотекой и издательствами оказались безуспешными. Чем это можно объяснить?

Луис Карлос Престес: «М. А. Шолохов — не просто всемирно известный писатель. Это писатель-летописец советской революции. Писатель, который шагнул дальше других и сказал больше, чем многие художники в разоблачении первой мировой войны. И главное, он художественно ярко и правдиво показал

Director del Fondo Sholojov

Museo Regional Rostov-Don

Os comunistas como todos
os patriotas brasileiros recebe-
ram com grande alegria o
grande romance de Cholo-
kov que reflete as notaveis
qualidades do povo russo
reveladas na guerra civil
em defesa das conquistas
históricas da Grande Revolu-
ção Socialista de Outubro.
Para mim pessoalmente foi
profundamente emocionante a
leitura deste grande livro
que me recordou episódios da
marcha que fiz à frente de um
punhado de patriotas através do
Brasil. Tão certo é que o grande
escritor através de acontecimentos

Автограф-отзыв о «Тихом Доне» Генерального секретаря Компартии

MICHAIL SCHOLOCHOW

DER STILLE DON

BAND I

Москва, 19/VI/69. (Луис Карлос Престес).

VERLAG VOLK UND WELT
BERLIN · 1964

Луис Карлос Престес Генеральный секретарь ЦК компартии Бразилии.

Бразилии Луиса Карлоса Престеса (19. 6. 1969, Москва).

всему миру советскую революцию, рождение нового мира, победу диктатуры пролетариата в России. В этом — суть вопроса, почему реакция его боится. «Тихий Дон» «опасен». Этим и объясняется тот факт, что наша Национальная библиотека и издательства не ответили на ваши письма».

Вопрос: Впервые в Бразилии «Тихий Дон» (I книга) был выпущен в 1945 году издательством «О'Крузейру» в переводе Ц. Невес. А вышли ли в свет вторая, третья и четвертая книги романа и нельзя ли с Вашей помощью получить их для нашей выставки?

Луис Карлос Престес: «Какова была судьба этого издания «Тихого Дона», я не знаю. Найти такую книгу у нас очень трудно. Но я вас могу порадовать вестью о том, что года три назад, уже после присуждения Шолохову Нобелевской премии, у нас был издан полный перевод всех четырех томов шолоховской эпопеи. «Тихий Дон» имеет огромный успех в самых широких кругах читателей. Инициатором этого издания был наш друг, известный писатель товарищ Жорж Амаду. Дайте мне адрес вашей выставки. Мы попросим его послать вам образцы бразильских изданий «Тихого Дона» с отзывами о нем наших лучших писателей. Вы получите и статьи о Шолохове из бразильской прессы».

Вопрос: Ваше мнение о «Тихом Доне»?

Луис Карлос Престес: «Мое мнение... Я уже, собственно, его высказал... «Тихий Дон» — это выдающееся произведение мировой литературы. Роман исторического масштаба»[19].

Товарищ Луис Престес взял со стола книгу и написал в ней:

«Коммунисты, как и все патриоты Бразилии, с огромной радостью познакомились с романом Шолохова «Тихий Дон». С интересом и радостью потому, что в этом романе запечатлены высокие достоинства русского народа, проявившиеся в годы революции и гражданской войны, в защите исторических завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

На меня лично чтение этой замечательной книги произвело глубокое впечатление. «Тихий Дон» всколыхнул во мне воспоминания о многих эпизодах нашей борьбы и трудного марша, который вместе с горсткой патриотов в свое время я осуществил в Бразилии.

Таким образом, великий советский писатель Шолохов, повествуя о событиях, происходивших у него на родине, сумел выразить чувства и мысли, близкие и понятные всему прогрессивному человечеству.

Москва
19.6.1969 г.

Луис К. Престес»[20].

Продолжая беседу, Л. К. Престес сказал:

— Я очень сожалею, что у меня под рукой нет бразильского издания «Тихого Дона», чтобы подарить его вам. Но пусть этот томик немецкого издания «Der stille Don» с моим автографом-ответом на ваш последний вопрос будет скромным вкладом в основание бразильского стенда выставки «Тихий Дон» сражается». Верю, что со временем патриоты Бразилии, друзья СССР — а их в нашей стране много,— помогут вам в этом деле.

И последнее. Позвольте задать один вопрос вам. Вы из Ростова-на-Дону? Я когда-то бывал в вашем прекрасном городе. Приезжал с группой испанцев в 1932—1933 годах. Жил в центре города, в гостинице. Мы были на вашем знаменитом заводе Ростсельмаш. В те годы буржуазная пресса извела много чернил и бумаги, печатая всевозможные вымыслы о вашем заводе. Но плуги и сеялки Сельмаша глубоко пахали землю и хорошо сеяли семена не только в России. Всходы коммунизма — Уралмаш, Ростсельмаш, Сталинградский тракторный — были видны и нам из-за океана. Передайте мой пламенный привет граду Ростову и рабочему коллективу прославленного Ростсельмаша.

* * *

Генеральный секретарь Компартии Венесуэлы товарищ Хесус Фариа сообщил нам, что у них нет своих переводов и изданий произведений М. А. Шолохова. В связи с этим он подарил нам английское издание «Тихого Дона» с автографом:

«Шолоховский фонд музея краеведения
Ростов-Дон

Впервые я прочитал «Тихий Дон» — этот великолепный роман — в тюрьме. Его страницы открыли картину классовой битвы высочайшего накала; вот почему эта книга очень важна для нашего народа, для его борьбы, во главе которой идут коммунисты.

«Тихий Дон» — это прекраснейшее произведение — я рассматриваю как послание надежды всем тем, кто в различных местах земли ведет борьбу за свободу народных масс и независимость своей родины!

20 июня 1969 г.

Хесус Фариа,
венесуэлец»[21]

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М. А. ШОЛОХОВА

I

Итак, мы рассмотрели зарубежные издания книг М. А. Шолохова из двадцати девяти стран, материалы иностранной прессы и высказывания современников о нашем классике.

Тщательный анализ всей этой громады документов свидетельствует, что уже 1929—1934 годы приносят молодому Шолохову всемирную известность и славу нового Толстого в России.

Прогрессивное человечество принимает его великий эпос о русской революции — «Тихий Дон» — в сокровищницу мировой литературы, как шедевр XX века. Вокруг творчества Шолохова в зарубежной прессе возникают большие споры, охватывающие проблемы русской революции, наследования традиций русских классиков, развития советской литературы и метода социалистического реализма. Коммунистические, демократические и очень многие буржуазные критики и органы печати, сразу же поставив Шолохова в один ряд с Шекспиром, Бальзаком, Толстым и Горьким, отмечали все возрастающее идейно-художественное влияние его таланта на миллионы читателей и общечеловеческую значимость его книг.

* * *

Мировое значение творчества выдающихся художников всегда определялось и определяется силою гуманистического воздействия их творений на человечество. Самое важное в этом, что же новое писатель дает миру; как он художественно самобытно, исторически правдиво и философски всеобъемлюще запечатлевает свою эпоху; насколько творчество его отвечает вековым думам и чаяниям народным, содействует раскрепощению людей труда от ига эксплуатации, цепей суеверий, предрассудков и отживающих традиций.

Документы этой книги — письма лидеров компартий и антифашистов, отклики переводчиков и издателей произведений Шолохова в Европе, Азии, Америке и Африке, статьи писателей и критиков коммунистической, прогрессивной и буржуазной прессы, дают нам основание сказать, что одним из важнейших аспектов мирового значения творчества М. А. Шо-

лохова является высокохудожественное, гениальное изображение в «Тихом Доне» Великой Октябрьской социалистической революции, о чем писали «Трибюн» (Магдебург, 1929), «Юманите» (Париж, 1930), «Лолл-Ф.-Венстреблад» (Дания, 1932)[1] и многие другие газеты и журналы. В буржуазном мире уже знали лучшие произведения советской литературы о революции и гражданской войне — «Барсуки» Леонова, «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Бронепоезд № 14-69» Вс. Иванова и др. К концу 20-х годов они были изданы в ряде стран Европы, в Японии и Китае, хотя и в очень малых тиражах. Коммунистическая пресса и прогрессивная общественность горячо их приветствовали.

Но наряду с этим при всей новизне содержания, революционном пафосе и гуманистической одухотворенности многие произведения молодой советской литературы были весьма ограничены и местом действия, и композиционной одноплановостью, и малой масштабностью, и недостаточной глубиной психологической разработки характеров. Ярко изобразив трудности борьбы, героизм народных масс и перспективу неминуемой победы Советской власти, многие авторы не вскрывали всей глубины противоречий жизни, возникавших на различных этапах развития революции, проходили мимо, образно говоря, «приливов и отливов» в народе по отношению к революции, не извлекали из них должных уроков и не дали полной и всесторонней картины великого преображения, происшедшего в народе от царского времени до советской эпохи.

Как отмечала уже в 1929 году коммунистическая пресса на Западе, для выполнения этой грандиозной задачи нужны были таланты более высокого ранга, необходима была и более масштабная жанровая форма произведения — роман-эпопея. Очень хорошо об этом сказал венгерский писатель-коммунист Бела Иллеш, заявив, что «русского рабочего уже не удовлетворяют книги, воспевающие отдельные эпизоды и подвиги гражданской войны», что рабочий класс настоятельно ждет от советских писателей большого, масштабного романа-эпопеи и что «лишь тот станет настоящим пролетарским писателем, кто поймет и сумеет отобразить революцию в целом», от мира старого до социалистического[2]. Нужны были писатели, которые сумели бы не только «захватить все» (как говорил Лев Толстой, приступая к «Войне и миру»), но и «дойти до корня», исследуя закономерности революционной эпохи, воспроизводя панораму исторического движения масс»*.

Вот таким писателем сразу и предстал перед читателями совсем юный Михаил Александрович Шолохов, в 23 года вы-

* А. Хватов. Художественный мир Шолохова. М., «Советская Россия», 1970, с. 67.

пустив в свет сразу две книги романа «Тихий Дон» (1928, журн. «Октябрь»).

Коммунистическая пресса Запада и Востока его сразу же заметила и оценила по достоинству. Писателю-коммунисту Бела Иллешу принадлежит первая статья о «Тихом Доне» в зарубежной прессе. В журнале Венгерской компартии с оригинальным названием «100%» весной 1929 года Белла Иллеш сказал, что в Советской России наконец-то появился выдающийся талант — «новый Толстой — Шолохов»[3].

И вторая статья в коммунистической прессе о «Тихом Доне» («Линкскурве», октябрь, 1929, Берлин), приветствуя первый зарубежный перевод романа (сделанный Ольгой Габор-Гальперн), безоговорочно ставила Шолохова в один ряд с Толстым.

Важно отметить, что зарубежные коммунисты-литераторы не в пример некоторым нашим перестраховщикам (прекратившим в 1929 году печатание 3-й книги «Тихого Дона»), активно продолжали его пропагандировать, как новинку пролетарской литературы, достигшую высот мировой классики. Редакция журнала «Линкскурве», не полемизируя с рапповцами, тем не менее вступилась за «Тихий Дон» и в статье известного критика и писателя Франца Вайскопфа сделала внушительное разъяснение, что же собою представляет шолоховская эпопея в соотнесении с лучшими советскими произведениями и русской классикой.

«...И то, что в известных уже произведениях молодых русских прозаиков... часто еще только намечалось, было еще зародышем,— писал Фр. Вайскопф,— новый угол зрения, обращение к проблеме с совершенно неожиданной, новой стороны, сила художественного отображения — все это в романе Шолохова получило уже свое полное развитие. Величием своего замысла, многогранностью жизни, проникновенностью воплощения «Тихий Дон» напоминает «Войну и мир» Льва Толстого!»[4]

По стечению многих обстоятельств эти статьи Бела Иллеша, Франца Вайскопфа и другие подобные не проникли тогда в нашу прессу (ссылки на них впервые в нашем литературоведении даются в этой книге). Но, вопреки тому, что рапповцы продолжали клеймить «Тихий Дон» как произведение «областническое», «только бытописательское», имеющее «местное значение»[5], роман Шолохова, выйдя за пределы нашего Отечества, приобрел колоссальную популярность сперва в коммунистической прессе, затем у пролетариев всего мира, потом в самых широких кругах читателей других классов. И даже наши враги — в газетах «Берлинер тагеблатт» (Берлин, 1931), «Дагенс нюхедер» (Стокгольм, 1930), «Берлингске Тиденде» (Копенгаген, 1932), «Таймс» (Лондон, 1934), «Нью-Йорк таймс» (1934)[6]

и многих других — были вынуждены признать великий эпос о революции как шедевр XX века!

В чем же была тайна столь блистательного успеха Шолохова?

На наш взгляд, прежде всего в том, что он выступил как писатель-новатор в проблематике, в изображении народа и революции, в стиле. В 23 года Шолохов создал свой самобытный и неповторимый стиль, свой особый поэтический язык и явил нам в «Тихом Доне» свое, шолоховское ви́дение мира — пробуждение Человека, поиск правды века в неистовой борьбе и кипении страстей на грани двух начал, показал такие пласты народной жизни и борьбы, каких не ведала мировая литература.

О Великом Октябре и гражданской войне у нас уже было написано немало книг. И очень хороших книг! Однако «Тихий Дон» превзошел их художественной самобытностью, реалистической глубиной и неповторимостью скульптурно зримых портретов простого народа — людей труда, эпической масштабностью изображения народных масс в революции, под руководством партии Ленина рвущих цепи рабства и строящих новый правопорядок. Беспощадно правдивое истолкование событий, многогранное раскрытие трагической судьбы казака-труженика, правдоискателя Григория Мелехова (возвысившегося в своем поиске истины до величайших образов мировой литературы — Гамлета, Пьера Безухова, Ивана Карамазова!), проникновение «в корень» психологических, классовых, исторических явлений, в противоречия жизни помогают читателю увидеть добро и зло, как они зарождаются и растут, сражаются или зверствуют, утверждают человечность или одичание. Глубина философских раздумий Шолохова над противоречиями сложной и трудной борьбы за Советы, за правду века и Человека, необычайно яркое, цветное, объемное изображение действительности, при котором читатель не только сопереживает накал борьбы, но как бы сам входит в стихию страстей и природы, ощущая на лице своем и дыхание ветра, и лучи солнца, и грозовой ливень, и баклановский удар сабли, и осенне-скорбный клич журавлей,— все это своей жизненностью, естественностью закономерно выдвинуло эпопею «Тихий Дон» в авангард всей советской литературы, поставило в ряд с классиками. Слово Шолохова приобрело всемирное звучание.

Подтверждение этому дали сотни документов зарубежной прессы. Об этом же говорят нам в письмах великие авторитеты — ветераны коммунистических партий. Немецкие коммунисты до войны и после разгрома фашизма, по словам ветерана Коминтерна Вальтера Ульбрихта, рассматривали «Тихий Дон» как руководство к действию. Так же оценивался шолоховский

роман и в коммунистических газетах «Юманите» (Франция), «Руде право» (Чехословакия), «Дейли уоркер» (США), «Унита» (Италия) и других.

«Тихий Дон», — гласит письмо Пальмиро Тольятти от 10 марта 1964 года, — ознакомил итальянский народ с великой эпопеей революции и социалистического строительства в полной реальности и правдивости. Поэтому мы его ценим и любим, как один из шедевров литературы всех времен».

И в наши дни в шолоховском эпосе о русской революции коммунисты, герои-подвижники национально-освободительного движения находят ответы на сложнейшие вопросы борьбы за массы и нерушимость союза рабочего класса с крестьянством. «Шолохов — не просто всемирно известный писатель,— говорил в 1969 году Генеральный секретарь Компартии Бразилии Л. К. Престес.— Главное — он художественно ярко и правдиво показал всему миру советскую революцию, рождение нового мира, победу диктатуры пролетариата в России». По мнению Родольфо Гиольди, одного из основателей Компартии Аргентины,— «книги Шолохова — это наши соратники на передовой линии классовой и идеологической борьбы». А Генеральный секретарь Компартии Венесуэлы Хесус Фариа называет «Тихий Дон» «посланием надежды всем тем, кто в различных местах земли ведет борьбу за свободу народных масс и независимость своей родины».

II

1929 год в истории западной литературы хорошо памятен появлением знаменитых романов эпохи первой мировой войны о так называемом «потерянном поколении»: Ремарка «На Западном фронте без перемен» (первая публикация в Берлине с декабря 1928 до конца января 1929 г. в крупной буржуазной газете «Фоссише цайтунг»), Олдингтона «Смерть героя» (май 1929, Лондон) и Хемингуэя «Прощай, оружие!» (первая публикация в журн. «Скрибнерс мэгэзин» с мая 1929 г., Нью-Йорк).

Однако эти участники мировой войны, испытавшие в окопах все ее ужасы, а затем ставшие выдающимися писателями, к сожалению, не смогли сказать о ней всю правду. Предав мировую бойню проклятию, они в своих романах о «потерянном поколении» — об убитых в сражениях и вернувшихся домой без веры в смысл жизни,— не смогли перешагнуть барьер пацифизма, не смогли найти выхода из тупика, куда зашли их герои, не смогли сказать всей правды о войне и не знали, что же надо делать, чтобы предотвратить новую кровавую катастрофу, подготавливаемую империалистической реакцией и фашизмом.

Для того чтобы сказать всю правду об империалистической войне, нужны были писатели другого склада ума, писатели-новаторы. Нужны были художники, чье мировоззрение и творческий метод отвечали бы самой передовой мысли эпохи, чье мастерство в изображении обыденной жизни и войны, страстей и смертей, любви и страданий, в показе трагического и комического способно было бы на открытия в художественном вйдении мира и чье творчество несло бы в себе идеал интернационального братства и социалистического гуманизма.

Таким писателем оказался наш Шолохов. Он был значительно моложе Ремарка, Олдингтона, Хемингуэя и потому не рыл окопы на русско-германском фронте, не ходил там в атаки, но беспощадная правда в его романе «Тихий Дон», художественное и философское проникновение в противоречия жизни, поиск его героем правды были для читателей, особенно на Западе, настоящим откровением. Его взор запечатлел эту войну неизмеримо глубже, с большей силой, с новых гуманистических позиций.

Шолохов, повествуя о войне, не показывает правящие верхи России, царский двор или ставку, где без особых усилий можно было приоткрыть тайны сговора великих держав, вскрыть империалистическую сущность разбоя; он не вводит читателя в стратегические замыслы воюющих сторон. В изображении войны Шолохов пошел по иному пути. В «Тихом Доне» правда истории, правда о войне, как величайшем народном бедствии, открывается и выясняется не только в соотнесении категории: человек и война, но — что особенно важно — и в решении глобальных проблем: народ и война, война и революция!

В «Тихом Доне» в ярком изображении различных социальных пластов мы наблюдаем духовную (прогрессивную и регрессивную) эволюцию человека: мы видим пробуждение в большинстве людей труда высоких гуманистических чувств, а в господствующих классах (и среди таких солдат, как Жарков, Чубатый, Митька Коршунов) — озверение, утрату всего человеческого.

Через восприятие войны в казачьем многоголосии на майдане, в вагоне-теплушке, в строю перед боем и после пролитой крови, в отношении к войне рабочих, рядовых солдат, лучшей части офицеров Шолохов мастерски показывает нам само течение жизни, вызревание у людей отвращения к захватнической войне, вскрывает ее антинародную сущность и естественное зарождение в сознании казаков и солдат ненависти к царизму и империалистической войне.

Для этого достаточно вспомнить, как долго Григорий Мелехов пребывает в смятении из-за первого убитого им австрийца,

как он, простой казак-труженик, нравственно не приемлет волчью философию Чубатого («Человека руби смело»), как Григорий яростно стреляет в него за убийство пленного, как солдат-большевик Гаранжа разрушает в сознании Мелехова веру в царя и его понятия о казачьем воинском долге, внушая ему новую истину: «Треба, не лякаясь, повернуть винтовки! Треба загнать пулю в того, кто посылае людей у пекло войны!», и как ненависть Григория к войне, наконец, прорывается, когда в госпиталь прибывает царственная особа со свитой, чтобы осчастливить раненых иконками... «Вот они, на чью радость нас выгнали из родных куреней и кинули на смерть,— думал Григорий.— Ах, гадюки! Проклятые! Дурноеды! Вот они, самые едучие вши на нашей хребтине!.. Не за эту ли... топтали мы конями чужие хлеба и убивали чужих людей? А полз я по жнивью и кричал? А страх? Оторвали от семьи, морили в казарме...» — клубился в голове его кипящий ком мыслей. Пенная злоба новодила его губы: «Сытые какие все, аж блестят. Туда б вас, трижды проклятых! На коней, под винтовку, вшами вас засыпать, гнилым хлебом, мясом червивым кормить»...[7]

В этом у Шолохова в «Тихом Доне» проясняются качественно новые ступени духовного прозрения и раскрепощения солдат в ходе войны. Прославленные авторы романов о «потерянном поколении» — Ремарк, Олдингтон, Хэмингуэй — такой эволюции пробуждения в человеке Человека нам не дали.

Разоблачение Шолоховым шовинистического угара, казенной легенды о подвиге Козьмы Крючкова, выявление в сознании солдат чувства интернационального братства («Беги! — кричал Валет захваченному в окопе немцу.— У меня к тебе злобы нету!»), изображение массового перехода казаков и даже некоторых офицеров (Бунчук, Кривошлыков, Подтелков) на сторону большевиков, беспощадная правдивость писателя в изображении коварства, вероломства и жестокости белых и репрессий красных (в особенности действий Бунчука в ревтрибунале по борьбе с контрреволюцией) — все это длительное время являлось предметом дискуссий в зарубежной прессе.

Прогрессивные критики оценивают отношение Шолохова к войне, революции и контрреволюции как «новый гуманизм» (неведомый западным писателям), как шаг вперед в художественном истолковании проблем войны и революции в мировой литературе. Критики реакционной и правой социал-демократической прессы «Попюлер» (Франция), «Дейли Геральд» (Англия), «Форвертс» (Германия) и другие в своих статьях стремились принизить художественную и идейную значимость шолоховского романа, замалчивая его антиимпериалистические аспекты и извращая гуманистическую направленность.

Однако эпопея «Тихий Дон» (как позже «Поднятая целина» и «Судьба человека») идейно и художественно была столь очаровательна и потрясающа для читателей во всех странах, что ни дискриминация романа в рецензиях, ни цензурные расправы в Англии, Болгарии, Югославии, Японии, ни запреты властей и даже варварские сожжения книг Шолохова на кострах в фашистской Германии, Италии, Испании и Китае (при Чан Кай-ши в 1934 г. и Мао Цзэ-дуне в 1966 г.) не приостановили триумфального шествия книг Шолохова по всем континентам планеты.

Не приостановили глубокого интереса к Шолохову у миллионов читателей потому, что (как признал еще в тридцатые годы член Нобелевского комитета, поэт Йоханнес Эдфельт) «великий эпос о мире, войне и революции «Тихий Дон», несмотря на все жертвы и трагедии, характерен спонтанной гениальной радостью повествования»[8]. И, видимо, потому, как подчеркивала буржуазная газета «Санди график энд санди ньюс» (Лондон, 1934), что «роман Шолохова удивил мир», что «еще никогда не было написано более ужасного обвинения войне» и что он является «более потрясающей книгой, чем знаменитый роман Ремарка «На Западном фронте без перемен»[9]. И потому, как писала коммунистическая «Роте фане» (1930), отвечая правым социал-демократам и буржуазной прессе (критикуя западных писателей-пацифистов, не увидевших в годы войны поворота в сознании солдат), что Шолохов оказался прозорливее всех буржуазных писателей, показав в «Тихом Доне» «рождение у солдат в окопах новых мыслей» и «классовое отмежевание казаков от офицеров»[10].

И конечно же, правы и ветеран Коминтерна, Генеральный секретарь ЦК Компартии Бразилии Л. К. Престес, который считает, что Шолохов «шагнул дальше других и сказал больше, чем многие писатели в разоблачении первой мировой войны»[11], и венгерский критик Золтан Фабри, еще в 1930 году высочайше оценивший «Тихий Дон» за то, что в нем «ленинский тезис о превращении войны империалистической в гражданскую» нашел конгениальную художественную форму[12].

Так, документы зарубежной прессы убедительно доказывают нам, что коммунистический авангард за рубежом давно увидел и оценил превосходство «Тихого Дона» над романами о «потерянном поколении», так как Шолохов, в отличие от буржуазных писателей, ранее их и совершенно по-новому, с классовых пролетарских позиций, изобразил первую мировую войну.

III

Всемирно-историческое значение творчества Шолохова обусловлено также художественной национальной самобытностью, глубочайшей народностью, беспощадной правдивостью.

Новаторская самобытность его романов очаровала советских и зарубежных читателей яркими национальными типами России царских времен, характерами людей труда и борьбы периода революции, гражданской войны и советской эпохи.

Несомненно, мы ценим национальную самобытность произведения, когда оно одухотворено ленинской партийностью, гуманностью и интернационализмом. И чем более писатель будет глубок и оригинален в своей самобытности, чем ярче в его творениях запечатлены черты, присущие его народу — творцу истории, чем шире и глубже показаны революционные деяния масс, их нравственные силы и готовность постоять за правое дело, их способность на подвиг и самопожертвование во имя прогресса, интернационального братства и светлого будущего человечества,— тем вернее творения художника обретут общечеловеческую значимость. Именно благодаря этим особенностям «Тихий Дон», да и другие произведения Шолохова и получили всемирное признание. Художественно самобытно выражая в «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека» национальный дух социалистически преображаемой России, Шолохов создал такие шедевры, что они приобрели всемирное интернациональное значение.

В «Тихом Доне» (в народном борце за свободу трудового казачества Федоре Подтелкове, в русском правдоискателе, простом казаке Григории Мелехове, в железном и нежном рыцаре Бунчуке и его любимой Анке Погудко, в суровом, непреклонном Штокмане, в бдительном и ожесточенном Кошевом и даже в безымянных красных трубачах, которые перед неминуемым расстрелом в плену вдохновенно исполняют, как свою лебединую песнь, «Интернационал») Шолоховым запечатлены национальные типы — образы столь могучего художественного обобщения, что их героизм, мужество, заблуждения и трагедии, поиск истины, беззаветное служение революции стали уроками истории, уроками для будущих поколений не только России, но и всего человечества.

Именно поэтому коммунистическая пресса и ветераны компартий называли Шолохова еще до войны и после разгрома фашизма «великим писателем современности, истинно русским Поэтом, вышедшим из гущи народа и сохранившим всю свою самобытность» («Юманите»[13]), «художником-революционером, ни на секунду не теряющим из поля зрения человеческой стихии живого народа, творца борьбы и истории», писателем, у

которого «правда жизни и революции нашла в «Тихом Доне» самобытное национальное воплощение» («Дейли уоркер», США[14]), художником, который (по словам Генерального секретаря ЦК Компартии Бразилии Л. К. Престеса), «повествуя о высоких достоинствах русского народа, проявленных в годы революции, сумел выразить чувства и мысли, близкие и понятные всему прогрессивному человечеству»[15].

Восприятие национальной самобытности творчества Шолохова за рубежом необычайно многогранно. «Шолохов,— пишет румынский литератор Э. Барба,— это прежде всего то, что называется национальный писатель, который воплощает в себе все характерные черты культуры и лицо нации. А «Тихий Дон» это не просто «казацкая эпопея», как это часто очень узко понимают. Четыре тома богатейшей прозы воплотили в единое целое грандиозность вйдения пророка из Ясной Поляны, гоголевский юмор и эпос старых Боянов России». И там же Э. Барба утверждает, что «Шолохов положил в основу своего романа постоянное стремление русского человека к справедливости, его тягу к правосудию и правде, и в этом, в сущности, заключается смысл его «Тихого Дона»[16].

В мировой прессе много внимания уделено проблеме народности творчества Шолохова. Сербский литературовед Стеван Янич полагал, что Шолохов своим «творческим гением поднял жизнь казачества до общечеловеческого звучания». Янич рассматривает народность, как категорию нравственную и философскую. «Типы казаков, характеры,— писал Янич в журнале «Современник» в 1931 году,— знание народа и русской военной сферы, волнение душ и человека, постоянное колебание ума и отпечаток, который они принимают, вечное смятение исконных искателей «За что?», глубина мысли, которая из философских сложностей извлекает новые объяснения» — вот чем велик и народен Шолохов. При этом, утверждал Ст. Янич, он совершенно лишен «сентиментализма и старомодности, что так характерно для писателей русской эмиграции и, в особенности, для бессмысленных, километровых романов генерала Краснова»[17].

Заметим здесь, что в 30-е годы это был удар, как говорится, не в бровь, а в глаз всей русской эмиграции, которая в буржуазной прессе Белграда и Парижа, Берлина и Праги, Софии и Лондона яростно клеветала на Советскую Россию, обвиняя большевиков в том, что они «задушили искусство», пресекли в литературе традиции классиков русского реализма. Бальмонт, Мережковский, Гиппиус и другие эмигранты-декаденты выдавали себя за единственных продолжателей традиций русской классики.

Но настоящие ценители искусства на Западе хорошо разби-

рались в вопросе «кто есть кто». Известный датский поэт и критик Поль ла Кур (1932) обратил внимание на эстетические и политические аспекты народности «Тихого Дона», который «открывает читателям силу народа так мощно», что если сравнить «чеховских русских вегетарианцев» с казаками Шолохова, то можно увидеть, что между ними «лежит целая эпоха, как будто это было до и после всемирного потопа». Восхищаясь тем, как художественно ярко в «Тихом Доне» вскрыта «внутренняя сила духа русского народа», Поль ла Кур считает, что «вдохновение для этого Шолохов черпал из источников, таящихся в народных глубинах»[18] России.

И Ромен Роллан в знаменитой статье «О роли писателя в современном обществе», в журнале «Коммюн» (1935), говоря о новаторстве молодой советской литературы, обратив внимание на эпическую масштабность произведений Шолохова, не случайно отметил его веру в массы («дух коллектива»), социалистический пафос и глубинную преемственность традиций русского реализма, которые, как известно, всегда были сильны народностью.

Документы зарубежной прессы говорят и о том, что не только в Европе, но в Америке и Азии народность творчества Шолохова была поднята прогрессивными критиками как знамя в литературной борьбе против тлетворного чада декаданса и модернизма. Именно поэтому известный американский критик Эдвин Сивер (1941) писал: «В век, когда великие писатели (имелись в виду столпы декаданса — Д. Джойс, В. Вульф, критик Г. Стайн и др.— *К. П.*) пытались изобразить человеческие существа, как тени в ритуальном танце, и утопить себя в потоке времени, Шолохов, романист социалистического общества, вернул художественной литературе ее назначение и достоинство. Великие традиции русского реализма еще раз дали о себе знать всему миру»[19].

Лев Толстой в письме к Н. Н. Страхову в 1872 году, жалуясь на упадок современной литературы, предсказывал ей великое будущее с «возрождением в народности»[20]. Испанский критик Ф. Г. де Кастро, выступая в журнале «Индице» (1966) против модернистов и антисоветчиков, цитирует это прорицание Л. Толстого и утверждает, что «Шолохов является той могучей народной ветвью новой русской литературы», о которой мечтал яснополянский гений[21].

Прогрессивные писатели и критики ценят в Шолохове могучие и неизбывные связи с массами, его активную партийную и общественную деятельность, его богатейшее знание жизни трудового народа.

IV

Не только коммунистические, но и многие буржуазные газеты, еще с 30-х годов трезво и реалистично оценивая «Тихий Дон» и «Поднятую целину», единодушно отмечали величайшую правдивость, ясность и честность позиции писателя Шолохова.

И треть века спустя прогрессивные газеты вновь подчеркивают это, как характерную особенность личности писателя. «Правда жизни — вот главный девиз художника Шолохова»[22],— писала аргентинская «Пропозитос» в 1965 году.

Сам Шолохов об этом (во «Вступительном слове на II съезде писателей Российской Федерации») говорил: «Социалистический реализм — это искусство правды жизни, правды, понятой и осмысленной с позиций ленинской партийности»[23].

Вот эта правда Шолохова и покорила миллионы читателей. Правда лирических чувств и красоты любви, правда душевных потрясений и неповторимых донских пейзажей, правда исторических событий и философских раздумий, правда героизма, противоречий жизни и великих мук, в которых рождалась коммунистическая новь на земле. Шолоховское слово о судьбах людей труда и революции в его романах звучало для прогрессивных читателей, как правда века.

Видимо, поэтому сербы в журнале «Ядрански дневник» еще в 1937 году, восхищаясь «Тихим Доном», писали о том, что «у Шолохова нет украшательства, нет лжи, а полным голосом глаголет сама Истина»[24], испанцы утверждали, что «Шолохов пишет только правду, несмотря на всю ее горечь»[25] и даже весьма реакционная газета «Нью-Йорк таймс» в 1941 году в связи с изданием III и IV книг «Тихого Дона» писала о «волнующей человеческой правдивости Шолохова»[26].

О потрясающей силе шолоховской правды пишет вся мировая пресса. Из великого множества откликов приведем еще один: «Прочитав перевод «Тихого Дона» (1929 г.),— говорит известная немецкая писательница Анна Зегерс,— мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все? Здесь это все!»[27]

Как верность правде истории, мы рассматриваем и тот факт, что Шолохов в «Тихом Доне» важнейшим узлом сюжета, его кульминацией, поставил Вешенское восстание 1919 года. Восстание, в котором наиболее глубоко, осложненно и обостренно проявились противоречия эпохи революции — противоречия во взаимоотношениях между рабочим классом и колеблющейся частью крестьянства, которые затем были преодолены и разрешены благодаря вмешательству В. И. Ленина.

Письмо М. А. Шолохова от 6 июня 1931 г. к А. М. Горькому свидетельствует, что тогда многие наши критики и руководство РАППа, не зная истинного положения дел на Дону в 1919 году, ошибочно обвинили автора «Тихого Дона» в «оправдании восстания» и задержали публикацию романа в журнале «Октябрь» с 1929 г. по 1932 г. За рубежом буржуазная пресса эту рапповскую возню вокруг «Тихого Дона» длительное время истолковывала как колебания Шолохова.

Но в действительности позиция Шолохова в этом вопросе была с самого начала совершенно ясной, партийной, непоколебимой, полностью соответствовала правде жизни и доказала нам не только смелость и честность писателя, но также и воистину его орлиную дальнозоркость. Работая над третьей книгой «Тихого Дона», Шолохов из нашего прошлого (из перегибов по отношению к середняку) извлекал уроки всемирно-исторического значения для будущего не только России, но и других стран.

«Думается мне, Алексей Максимович,— писал Шолохов в упомянутом письме к А. М. Горькому,— что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции»[28]. Так, вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства — важнейший в учении Ленина о диктатуре пролетариата, в «Тихом Доне» у Шолохова получил глубочайшее художественное обобщение, которое со страниц романа и по сей день звучит на всех континентах как великая правда века.

V

За рубежом многие прогрессивные и буржуазные критики отмечают, что у Шолохова тема крестьянства приобрела совсем иное освещение, чем у Бальзака, Реймонта, Бунина и Толстого. Не вдаваясь в специфику отношения каждого из названных классиков к крестьянству, важно отметить, что почти все они (исключая Толстого) изображали крестьянство крайне диким, отсталым, забитым.

Пассивность, обреченность на разорение, бесперспективность — для бедноты и батрачества; жадность кулачества, стяжательство, грабеж ближнего («всех грызи — либо затопчут в грязи») — таковы были две стороны деревенской действительности. К тому же Реймонт, Бунин, Бальзак, в силу своего мировоззрения и классовой принадлежности, более всего опасались мужицкого бунта. Бальзак, проявивший «глубокое понимание реальных отношений» (Маркс) в деревне и создавший в романе «Крестьяне» замечательную фигуру Низрона, в котором бурлит обличение и протест против несправедли-

востей жизни, даже Бальзак в предисловии к этому роману с душевным трепетом писал, что крестьяне — это «Робеспьер об одной голове и о двадцати миллионах рук»[29], которым — боже упаси! — дать оружие!

Конечно, велика дистанция во времени от эпохи Бальзака до Шолохова. Наконец, в России Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила и раскрепостила крестьянство от буржуазно-помещичьего гнета и в период нэпа в известной степени ограничила законами стяжательские и эксплуататорские тенденции кулачества.

Великие исторические изменения, принесенные революцией в деревню, естественно, породили много нового, и прежде всего выявили новых людей, строителей социализма.

Новизна изображения крестьянства Шолоховым по сравнению с названными писателями Запада и России заключается в том, что он повествует о народе, раскрепощающемся от царской, барской, кулацкой кабалы и попыток русской контрреволюции (в годы гражданской войны) реставрировать старые порядки. Шолохов в «Донских рассказах», а затем и в «Тихом Доне» рассказывает о трудовом крестьянстве, которое под руководством большевиков и рабочего класса взяло оружие в руки для устранения великой социальной несправедливости.

В «Донских рассказах» и «Тихом Доне» Шолохов изображает крестьянство с классовых революционных позиций, но не как единое целое, а в его классовой разполикости, выявляя в нем борьбу трудящихся масс, ведомых партией Ленина против сил старого, консервативного, отживающего.

В творчестве Шолохова трудовое крестьянство рассматривается как великий союзник рабочего класса в годы революции, гражданской войны, в эпоху нэпа и коллективизации. Отличительная особенность Шолохова в изображении крестьянства, его гуманистической позиции, заключается в том, что он показывает нам не только ожесточенную классовую борьбу в деревне, но и перспективу развития крестьянства, чего не было (да и не могло быть!) у русских и западных классиков, писавших о мужике.

«Величие крестьянина,— писал Бальзак,— его нищета!»

А Шолохов увидел, оценил и показал в «Тихом Доне» всему миру величие крестьянина-труженика Григория Мелехова в его любви к труду, в его честности и высоком понимании человеческого достоинства, в его гуманистическом протесте против устаревших традиций и обычаев, в его борьбе за раскрепощение личности, в его трудном и трагическом поиске истины, правды жизни и справедливости.

На новом этапе русской действительности Шолохов показал

в «Поднятой целине» качественно новые, уже социалистические особенности величия советских крестьян.

«Крестьянин-труженик у Шолохова,— писал немецкий публицист и критик Фр. Вайскопф в 1934 году,— велик не своей нищетой. Нет, он велик потому, что встал на порог нового развития, в ходе которого он еще не перестает быть бедным, но перестает быть собственником. Крестьяне «Поднятой целины» становятся в ходе исторического развития тружениками бесклассового общества»[30].

В Болгарии, Польше, Румынии, Венгрии, ГДР, Вьетнаме, Китае (до измены Мао Цзэ-дуна великому учению Маркса — Ленина) «Поднятая целина», изданная миллионными тиражами, была для партработников и трудового крестьянства художественным учебником и знаменем в строительстве колхозов.

И в этом суть новизны позиции Шолохова в разработке крестьянских проблем, который открыл не одну новую и поучительную страницу в истории мировой литературы.

VI

Еще в начале тридцатых годов в зарубежной прогрессивной критике романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» воспринимались как победоносное знамение советской литературы, достигшей вершин мирового искусства. Шолохов характеризовался как великий писатель-новатор, а его творчество рассматривалось как закономерное развитие новой социалистической культуры и литературы.

По мнению югославского писателя, академика Братко Крефта «советская литература благодаря «Тихому Дону» заняла первое место в современном мировом романе»[31].

Как произведения действительно эпохальные и новаторские, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» оказали огромнейшее воздействие на становление и утверждение метода социалистического реализма в советской литературе и повлияли на весьма сложный, но интенсивный процесс зарождения новой социалистической литературы в странах социалистического и капиталистического лагеря.

Творческий опыт Шолохова воспринимался прогрессивными писателями Запада и Востока как уроки социалистического реализма, как «поэтическое и философское откровение XX века» (Ольга Гальперн, первая переводчица «Тихого Дона»). В Польше до войны писатель Ю. Волошиновский восхищался «открытиями Шолохова, которые удивляют всех современных художников слова»[32]. А известный японский революционер и писатель Кобаяси Такидзи в статье «Чему учит «Тихий Дон» (1931 г.) настойчиво призывал соотечественников «изучать реа-

лизм Шолохова, чтобы поскорее сообща взяться за подъем отсталой японской литературы»[33]. И уже в наши дни известный английский писатель Джек Линдсей писал нам, что Шолохов в «Тихом Доне» «достиг изумительного совершенства и создал нечто такое, к чему мы все можем постоянно возвращаться для вдохновения и совета»[34]. Директор издательства «Тиден» (Стокгольм, 1965) Бент Кристелл считает, что «Шолохов оказал огромное влияние на шведских писателей Ивара лу Юханссона, Вильгельма Муберга, Яна Фридегора и Эйвина Йонссона»[35]. Болгарский писатель Эмил Коралов признается, что, работая над романом «Септемврийцы», «постоянно черпал вдохновение в «Тихом Доне»[36]. Заметно огромное влияние Шолохова на китайского писателя-коммуниста Чжоу Ли-бо* в его романе «Ураган». О плодотворном воздействии Шолохова на индийских писателей сообщается в сборнике Панджабского университета («Литературные исследования», 1968) и в статье секретаря Индийской академии искусств, профессора П. Мачве[37]. Писатели арабского мира, сообщает нам выдающийся египетский поэт Абд ар-Рахман аль-Хамиси, по «Тихому Дону» Шолохова учатся «ценить в человеке гуманность, поиск истины и справедливость». Австралийские прогрессивные писатели, по словам романиста Джуда Уотена, считают «Шолохова одним из чудес советской литературы, заслуженно получившим Нобель-приз»[38]. И польские писатели, пишет Ст. Гроховяк, «обращаются к опыту Шолохова как к великому неисчерпаемому морю — Морю мудрости»[39].

Все эти документы современников и материалы зарубежной прессы, рассмотренные нами, дают основание с уверенностью сказать, что М. А. Шолохов создал не только свой самобытный, неповторимый стиль, но и свою шолоховскую традицию и школу во всей советской и мировой литературе. И это также является одним из аспектов мирового значения его творчества.

Дело в том, что именно Шолохов и его «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Судьба человека» заставили многих и многих писателей, критиков, литературоведов в буржуазном мире пересмотреть свое отношение к методу социалистического реализма, в целом к советской литературе и, наконец, признать их жизненность и достоинство.

Особенно ярким выражением и подтверждением этого факта признания великой художественной силы советской литературы явилось присуждение Шведской академией М. А. Шолохову Нобелевской премии в 1965 году. Некоторые органы буржуазной прессы («Таймс», Лондон; «Нью-Йорк таймс»;

---

* Чжоу Ли-бо репрессирован кликой Мао в 1966 году.

«Франкфуртер альгемайне цайтунг», ФРГ др.) высказывали по этому поводу свое недовольство, но — времена меняются... И очень многие влиятельные буржуазные газеты, такие, как «Экспресс» (Париж), «Мессаджеро» (Рим), «Майници» (Токио), «Ууси Суоми» (Хельсинки), вынуждены были заявить: «Значение награды Шолохова заключается в том, что Шведская академия впервые признала представителя направления искусства, называемого социалистическим реализмом»[40].

Коммунистическая пресса горячо приветствовала решение Шведской академии.

Газета «Юманите» 16 октября 1965 года по этому поводу писала: «Если бы была мода на газетные шапки, то сегодня в аншлаге первой страницы надо бы напечатать крупно: «Наконец-то!» Это короткое восклицание сорвалось с уст каждого культурного человека, когда он узнал, что период остракизма и злобы — отвержения советской литературы — кончился. Это была слепота, вызванная политическими мотивами. Воистину Нобелевская премия Шолохова — это победа духа мирного сосуществования, духа Справедливости... И наша радость сейчас вызвана не только торжеством этого акта справедливости, но и тем, что, увенчанное всемирной славой, — это наше правое дело, наше, господа!.. Нобелевская премия утверждает, наконец-то, и наши чаяния!»

И в то же время на другом континенте коммунистическая газета «Нуэстра палабра» подчеркнула несколько иные аспекты значения этого события. Отметив, что Нобелевская премия не открывает новое, а лишь признает заслуги в области науки и литературы, которые уже раньше получили мировое признание, «Нуэстра палабра» пишет, что «однако присуждение Михаилу Шолохову Нобелевской премии открывает его книги для огромного мира новых читателей, испытывающих повседневное воздействие антикоммунистических и антисоветских предубеждений»[41].

Вот уже почти полвека книги Шолохова находятся в гуще сражений, на переднем крае битвы двух миров.

Шолохов и его «Тихий Дон» сражаются!

ПОДСТРОЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ НА ПЕРВОИСТОЧНИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В КНИГЕ

ЕВРОПА

ГЕРМАНИЯ
(Веймарская республика)

1. «Die Rote Fahne» (Berlin), 1.11.1928.
2. «Красная панорама» (Ленинград), 1929, № 1.
3. Scholochow M. Der stille Don. Roman. Von Frieden zum Krieg. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Olga Halpern. Wien-Berlin, Verlag für Literatur und Politik, 1929. 482 S. Аннотация на суперобложке книги.
4. «Правда» (Москва), 4.5.1929.
5. «Die Rote Fahne», 26.5.1929.
6. «Правда», 8.5.1929.
7. Walter Ulbricht. Der Vorsitzende des Staatsrates der D. D. R. Den 30.4.1963. Berlin. Письмо автору.
8. Benami Sandor. 10.5.1965. Budapest. Письмо автору.
9. «В мире книг» (Москва), 1966, № 9.
10. «Die Linkskurve» (Berlin), 1929, Nr. 3. S. 16f.
11. «Die Linkskurve», 1929, Nr. 3. S. 34.
12. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig. «Karl-Marx-Universität». 1966. S. 240.
13. Institut für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der SED, 28.12.1964. Berlin. Fliege N. 25.4.1969. Iena. Письмо автору.
14. «Tribüne» (Magdeburg-Anhalt), 5. 11. 1929. Цит. по русскому оригиналу: Шолохов М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, с. 391.
15. «Tribüne» (Magdeburg-Anhalt). 5.11.1929.
16. Мареш Л. Заметка из стенгазеты «Коминтерновец» (клуба иностранных рабочих завода Ростсельмаш), 1935, май. Хранится в Ростовском областном музее краеведения (РОМК). Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 40/3.
17. «Die Rote Fahne», 19.10.1929.
18. «Die Rote Fahne», 30.11.1930.
19. Fliege H. Zur Scholochow-Rezeption in der Weimarer Republik. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig. «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 240.
20. «Die Rote Fahne», 25.10.1930.
21. «Hamburger Volkszeitung», 1.11.1930.
22. Von Johannes Wertheim (Wien). «Scholochow: «Der stille Don».— «Internationale Presse-Korrespondenz», 27.2.1931, Nr. 18, S. 487.
23. Там же, стр. 487.
24. Там же.
25. Fliege H. Zur Scholochow-Rezeption in der Weimarer Republik. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig. «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 247.
26. «Die Literatur». Monatsschrift für Literatur-Freunde, Stuttgart, 1930, Dezember, Heft 3.
Листовка-реклама на «Тихий Дон» М. Шолохова.

27. Sjolochoff M. Stille flyder Don. Tredie del. København, «Gyldendal», MCMXXXIV (1934). Из рекламы на книге.
28. «Frankfurter Zeitung», 25.1.1931, Nr. 64—66. «Literaturblatt», Nr. 4, S. 5.
29. «Berliner Tageblatt», 9.11.1930, Nr. 530, 6. Beiblatt (Literarische Rundschau).
30. «Der Gral», 1931, Nr. 5. (Februar), S. 471f.
31. «Das Deutsche Buch», 1931, Nr. 7—8, S. 239.
32. «Vorwärts» (Berlin), 29.10.1930.
33. «Die Rote Fahne», 8.11.1930.
34. «Die Welt am Abend» (Berlin), 15.12.1930.
35. «Die Rote Fahne», 16.12.1930.
36. Министерство иностранных дел СССР. Историко-дипломатическое управление. 25.10.1965, № 1652. Ответ на запрос автора.
37. «Reichsgesetzblatt», 1. Teil, ausg. zu Berlin, den 28.2.1933. Nr. 17.
38. Журн. «Подъем» (Воронеж), 1966, № 4.
39. «Neues Deutschland» (Berlin), 31.7.1966.
40. Сюч Л. Письмо к члену КПГ, рабкору «Роте фане» Л. Марешу. РОМК Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 40/1.
41. Enzyklopädie DDR, Bd. 8, Leipzig, 1964, S. 581.
42. Scholochow Michail. Neuland unterm Pflug. Einzige autorisierte Übertragung aus dem Russischen von Eduard Schimann. Unter Redaktion von Herwart Walden. Umschlagentwurf von Griffel. Russischer Titel: «Поднятая целина». Copyright 1933 by Ring-Verlag A. G., Zürich. Druck: Druckerei Agentur A/S Samtryk, Oslo.
43. Scholochow Michail. Neuland unterm Pflug. Aus dem Russischen übersetzt von Boris Krotkow und G. S. Stößler. Zürich. Wien. Prag. Büchergilde Gutenberg, 1933.
44. Кротов Б. 29.10.1966. Вена. Письмо автору.
45. Scholochow M. Der Pechvogel Schtschukarj. Übersetzung aus dem Russischen von L. Maresch. Rostow a. D. Asow-Schwarzmeer-Gauverlag, 1934, 26 S. Und Durchbruch in der Brigade, 24 S.— в том же переводе и издании.
46. Walter Ulbricht. Den 30.4.1963. Berlin. Письмо автору.
47. «Neues Deutschland». 31.7.1966.
48. «Правда», 8.10.1969.
49. Dr. Klaus Höpcke. Abt. Leserbriefe «Neues Deutschland», 8.9.1966. Berlin. Письмо автору.
50. Frona-Bauer. 31.7.1966. Berlin-Karlsdorf. Письмо автору. РОМК, 1-2890/24.
51. Helmut Petzsch, Lea Petzsch. 1.8.1966. Dresden. Письмо автору. РОМК, 1-2890/23.
52. Hermann Bach. 1.8.1966. Güsen, Krs. Gentin. Письмо автору. РОМК, 1-2890/22.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1. Scholochow M. Der stille Don. Bd. I. Die Zarenzeit. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Olga Halpern. Berlin, Verlag «Volk und Welt», 1947.
2. Karl Frauenstein. 16.10.1966. Dresden. Письмо автору.
3. «Berliner Zeitung», 24.1.1948. S. 3.
4. «Neues Leben», 1948, Heft 11, November, S. 27.
5. «Die Weltbühne», 4.5.1948, Nr. 18, S. 494.
6. «Tägliche Rundschau», 16.1.1948, S. 3.
7. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität». 1966. S. 264.

8. Scholochow Michail. Neuland unterm Pflug. Roman. Berlin, «SWA-Verlag», 1946, 1. Band. 467 Seiten.
9. Scholochow Michail. Neuland unterm Pflug. Berlin, «SWA-Verlag», 1947, S. 5. Vorwort.
10. Tägliche Rundschau», 28.4.1946, S. 3.
11. «Neues Deutschland», 8.6.1946, Nr. 39, S. 3.
12. Bredel W. Sieben Dichter. Schwerin, 1949, S. 119, 120, 123.
13. Weiskopf F. Literarische Streifzüge. Berlin, Aufbau-Verlag, 1956, S. 139, 141.
14. «Weltbühne», 1959, Nr. 34.
15. «Sonntag», 1959, Nr. 26.
16. Scholochow M. Flimmernde Steppe und andere Erzählungen. Berlin, Verlag «Kultur und Fortschritt», 1960, S. 373—374. Nachwort.
17. Juri Elperin. Autograph.— Michail Scholochow. Neuland unterm Pflug. Zweiter Teil. Berlin. Verlag «Volk und Welt». 1961. Книга хранится в РОМК.
18. Meyers Neues Lexikon in acht Bänden. 7. Band. Leipzig, 1964, S. 332.
19. Lexikon der Weltliteratur. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1966, S. 691—692.
20. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 264.
21. Vgl. Protokoll des VI. Parteitages des Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Berlin, 1963, Bd. I. S. 363 u. Bd. II, S. 258.
22. «Tägliche Rundschau». 24.5.1955, S. 4.
23. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 266—267.
24. «Laudatio» zur Verleihung der Ehrendoktorwürde der Philologischen Fakultät der Karl-Marx-Universität Leipzig an M. A. Scholochow anläßlich seines 60. Geburtstages.— In Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966. S. XI.
25. Ludwig N. Ein Menschenschicksal.— «Für den Propagandisten und Agitator». Sonderbeilage zur «Presse der Sowjetunion». 8.11.1959, Nr. 133, S. 3.
26. «Neuruppiner Zeitung», 1964, Mai, Nr. 26.
27. «Neue Zeitung» (Potsdam), 1964, Mai.
28. Warm G. Zur Scholochow-Rezeption in der DDR. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 268.
29. «Neues Deutschland», 27.5.1964.
30. «Neuruppiner Zeitung», 1964, Mai, Nr. 26.
31. «Neues Deutschland», 31.5.1964.
32. Зегерс А. Пусть он снова приезжает...— В кн.: Михаил Александрович Шолохов. Сборник статей к 60-летию со дня рождения. М., «Правда», 1966, с. 118.
33. Bredel W. M. Scholochow.— «Heute und Morgen», 1949, Heft 3, S. 147—151.
34. Strittmatter E. Michail Scholochow — der große Meister.— «Neues Deutschland», 24.5.1955, S. 4.
35. «Neues Deutschland». 28.5.1964.
36. Цит. по фотокопии диплома доктора философии Лейпцигского университета, полученной от М. А. Шолохова.
37. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Materialien des Internationalen Symposiums «Scholochow und wir». Leipzig, 18.—19. März 1965. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966. «Laudatio», S. XI—XIII.
38. Krause F. Scholochows Werke in deutscher Übersetzung u. ihre Rezensionen.— «Kunst und Literatur», 1965, Heft 4, S. 383—392. Goltz M. Michail Scholochow. Leben und Werk. Eine Bibliographie zum 60. Ge-

burtstag des Schriftstellers am 24. Mai 1965. Berlin, Zentralinstitut für Bibliothekswesen. 1965. 31 Seiten.
39. Газ. «Молот», 9.7.1966. Ростов-на-Дону.
40. Kurella A. Nachwort. 1963.— Scholochow Michail. Der stille Don. Band II, Berlin, Verlag «Volk und Welt», 1964, S. 1011, 1012, 1014.
41. Там же, с. 1015, 1016, 1009.
42. Петелин В. Гуманизм Шолохова. М., «Сов. писатель», 1965; Хватов А. Образ Григория Мелехова и концепция романа «Тихий Дон».— «Русская литература», 1965, № 2; Его же. Художественный мир Шолохова. М., «Сов. Россия», 1970; Бирюков Ф. Снова о Шолохове.— «Новый мир», 1965, № 5; «Тихий Дон» и его критики.— «Русская литература», 1968, № 2; Если опираться на принцип историзма...— «Русская литература», 1971, № 2; Мацай А. Он весь в движении... (О судьбе Григория Мелехова).— «Русская литература», 1971, № 2.
43. Kurella A. Nachwort. 1963, w. o. S. 1010, 1011.
44. Калинин М. И. Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков. М., Госиздат, 1920, с. 16.
45. Семернин П. В. 1905 год на Дону. Ростовское кн. изд-во, 1945; Бабичев Д. С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Изд-во Ростовского госуниверситета, 1969.
46. ЦГАОР, ф. Д100, оп. 1910, д. 20, ч. 20, л. 2.
47. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 385.
48. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 220.
49. Крупин В. В гостях у Шолохова.— «Советская Россия», 25.8.1967.
50. Kurella A. Nachwort. 1963, w. o. S. 1015.
51. «Литературен фронт» (София). 12.7.1951.
52. Петелин В. Гуманизм Шолохова. М., «Сов. писатель», 1965, с. 323—324.

ПИСЬМА ИЗ ГДР

1. Walter Ulbricht. Der Vorsitzende des Staatsrates der Deutschen Demokratischen Republik. Den 30. April, 1963. Berlin. Письмо автору.
2. Erwin Schleusener. 28.8.1966. Berlin. Письмо автору.
3. Joachim Schulz. 1.8.1966. Berlin. Письмо автору.
4. Max Valenda. August, 1966, Falkensee. Письмо автору.
5. Gerhard Heinze. 1.8.1966. Rostock. Письмо автору.
6. Gertrud Dombrowskaja. 1.8.1966. Berlin. Письмо автору.
7. Artur Keck. 5.8.1966. Merseburg-Süd. Письмо автору.
8. Elise Reiß, Georg Reiß. 3.8.1966. Berlin. Письмо автору.
9. Max Müller. 1.8.1966. Erfurt. Письмо автору.
10. Horst Henning. 1.8.1866. Berlin. Письмо автору.
11. Erwin Weiß. 2.8.1966. Berlin. Письмо автору.
12. Willy Linke. 3.8.1966. Berlin. Письмо автору.
13. Paul und Gertrud Drese. August, 1966. Merseburg. Письмо автору.
14. Annemarie Magnus. 3.8.1966. Zehdenick. Письмо автору.
15. Emmi und Bruno Jacob. 31.7.1966. Berlin. Письмо автору.
16. Hans Drehmann. 3.8.1966. Leipzig. Письмо автору.
17. Lotar Grünewald. 3.8.1966. Berlin. Письмо автору.

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ

1. Scholochow M. Der stille Don. 3 vol. Tenafly. New-York, «H. Fel. Kraus», 1946, 1435 Seiten.
2. Deutsche Staatsbibliothek DDR, Berlin-W-8. 10.9.1964. Письмо автору.

3. Neuordnung und Tradition. Seit 1932 erscheinende Hausmitteilungen. Paul List-Verlag. München-Leipzig-Freiburg i. Br., Folge 20, Herbst 1949, S. 7.
4 «Freies Volk», Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands, 25.5.1950, S. 3.
5. Hiersche A. Zur Scholochow-Interpretation in Westdeutschland. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 255.
6. «Welt und Wort» (Tübingen), 1949, Nr. 1, S. 32—33.
7. Setschkareff V. Geschichte der russischen Literatur. Bonn, 1949, S. 133.
8. Neumann F. Die Entwicklung der russischen Literatur unter dem Sowjetregime.— Das Sowjetsystem in der heutigen Welt. Schriften des Auslands- u. Dolmetscher-Instituts der Johannes-Gutenberg-Universität, Mainz in Germersheim. Bd. 2. München, 1956, S. 158.
9. Struve G. Geschichte der Sowjetliteratur. München, 1963, S. 176, 177, 178.
10. Lettenbauer W. Russische Literaturgeschichte. Frankfurt/Main-Wien, 1955, S. 382, 383, 384.
11. Jünger H. M. Scholochow und die Roman-Epopee des sozialistischen Realismus. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 91.
12. «Neues Abendland» (München), 1952, Nr. 3, S. 190—192.
13. «Der Monat», 1956, Nr. 90, S. 27.
14. Шолохов М. Собр. соч., т. 5. М., ГИХЛ, 1957, с. 278—279.
15. «Der Monat», 1956, Nr. 90, S. 27.
16. Knobloch G. Bemerkungen zur Interpretation Scholochows in Westdeutschland.— Wissenschaften am Scheidewege. Berlin, Akademie-Verlag, 1964, S. 232.
17. «Deutsche Volkszeitung», 26.7.1958, Heft 30, S. 11.
18. «Deutsche Volkszeitung», 26.7.1958, Heft 30. S. 11.
19. «Süddeutsche Zeitung» (München), 27—28.6.1959.
20. «Neue Politik» (Hamburg), 13.6.1959.
21. Ahemm H. Süddeutscher Rundfunk. Literatur und kulturelles Leben. Stuttgart, Samstag, 18.7.1959. 10^{00}—10^{15}).
22. Lipinsky-Gottersdorf H. Radio-Bremen. Dienstag, 25.8.1959, 16^{45}—17^{00}.
23. Там же, с. 4.
24. «Magnum» (Köln), 5. Jg. 1959, Nr. 27, S. 79.
25. «Deutsche Volkszeitung», 1959, Nr. 40, Herbst-Literaturbeilage, S. 5.
26. Lipinsky-Gottersdorf H. Das Epos der Revolution.— «Deutsche Internationale Politik» (Köln), 1959, Oktober.
27. «Panorama» (München), 1959, Nr. 1.
28. «Tagesspiegel» (West-Berlin), 2.9.1959. «Die Welt» (Hamburg) und «Hannoversche Presse», 3.9.1959.
29. «Deutsche Rundschau» (Baden-Baden), 86. Jg. 1960, Nr. 2, S. 182—183.
30. «Osteuropa» (Stuttgart), 1959, Nr. 12, S. 820.
31. «Sowjetliteratur» (Moskau), 1959, Nr. 7, S. 5.
32. «Sonntag» (DDR, Berlin), 1960, Nr. 19.
33. «Neue Deutsche Hefte» (München), 1960, Mai, Heft 70, S. 154, 155, 156.
34. Там же, с. 150, 154.
35. Там же, с. 150.
36 Там же, с. 154.
37. «Deutsche Woche» (München), 1959, Nr. 39, S. 12.
38. Knobloch G. Bemerkungen zur Interpretation Scholochows in Westdeutschland.— Wissenschaften am Scheidewege. Berlin, Akademie-Verlag, 1964, S. 226.
39. «Bücherei und Bildung», 1960, Nr. 2/3, S. 89—90.

40. Hiersche A. Zur Scholochow-Interpretation in Westdeutschland. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 256
41. Там же, с. 260.
42. «Die Welt» (Hamburg), 19.10.1961.
43. «Panorama», 1960, Nr. 9, S. 14.
44. Holthusen J. Russische Gegenwartsliteratur. I. 1890—1940. Die literarische Avantgarde. Bern-München, 1963, S. 152, 153, 154.
45. Schmidt R. Michail Scholochow. Reise durch die DDR 1964. Gedenkbuch: Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 277.
46. Калинин А. Тот самый Марцель.— «Правда», 24.12.1964.
47. «Institut-Zeitung». Organ der SED-Betriebspartei des Pädagogischen Instituts «K. F. W.— Wander» (Dresden), 1960, Juni, Nr. 9.
48. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 16.10.1965.
49. «Augsburger Allgemeine» und «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 16.10.1965.
50. «Allgemeine Zeitung» (Mainz), 16.10.1965.
51. «Christ und Welt» (Stuttgart), 22.10.1965.
52. «Göttinger Tageblatt», 4—5.12.1965.
53. «Süddeutsche Zeitung» (München), 1965, Nr. 248.
54. Лоозе Курт. СССР Шолохову.— «Литературная газета», 2.11.1965, с. 1.
55. Scholochow M. Der stille Don. Band 2. Bruderkrieg der Donkosaken. In den Wirren der Gegenrevolution. München, «P. List», 1966, 816 S. Реклама-листовка изд-ва П. Лист.
56. Scholochow M. Der stille Don. Roman. München, «List-Verlag», 1967. Аннотация на суперобложке 1-го тома «Тихого Дона». Мюнхен, «Лист-ферлаг», 1967.
57. Dr. Horst Ferle. Verlagsleitung. «Paul List-Verlag K. G.». München, 9.2.1970. Письмо автору.
58. Scholochow M. Der stille Don. Roman. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von E. Margolis und R. Czora. Drittes und viertes Buch. München, «List-Verlag», 1967. Аннотация на суперобложке 2-го тома «Тихого Дона». Мюнхен, «Лист-ферлаг», 1967.
59. Grasshoff W. Auf Tolstois Spuren.— «Süddeutsche Zeitung» (München), 10.10.1959.
60. Там же.
61. Там же.
62. UdSSR. Der Sowjetstaat und seine Menschen. Stuttgart, «Belser Verlag,» 1970, Annotation, S. I—II.
63. Там же, с. 305.
64. Там же, с. 136.
64. Там же, с. 133—135.

ФРАНЦИЯ

1. Cholokhov M. Sur le Don Paisible.— «L'Humanité» (Paris), 25.3.1930.
2. André Marsel. Comité de la Défense de «L'Humanité». 12.5.1930. Скопированная запись.
3. Pour le Secrétarlat de Maurice Thorez. Assemblée Nationale République Francaise. Paris, le 26.2.1963. Письмо автору.
4. Ромен Роллан. Собр. соч., т. 13. М., ГИХЛ, 1958, с. 259.
5. «Monde» (Paris), 19.4.1930.

6. Cholokhov M. Sur le Don Paisible. Roman traduit du russe par V. Soukhomline et S. Campaux. Paris, «Payot», 1930.
7. Абрамов Ф. А. и Гура В. В. М. Шолохов. Семинарий. Л., Учпедгиз, 1962, с. 176—177.
8. Cholokhov M. Sur le Don Paisible. Remarque au I chapitre.— «L'Humanité» (Paris), 25.3.1930.
9. Soukhomlinev et Campaux S. La préface sur 1. vol. M. Cholokhov: Sur le Don Paisible, Paris, «Payot», 1930.
10. «Monde», 1.2.1930. N. 87.
11. Cholokhov M. Sur le Don Paisible. Paris, «Payot», 1931. Из отзывов на обложке книги.
12. Cholokhov M. Les défricheurs. (Podniataia tselina). Traduit du russe par D. Ergaz. 5-e édition. Paris, Librairie «Gallimard», 1933, p. 2.
13. L'Humanité» (Paris), 2.3.1930.
14. «L'Humanité», 4.3.1930.
15. «Le Populaire» (Paris), 14.2.1930.
16. «Tchisla» (Paris), 1930, N. 1, p. 239—240.
17. S. Campaux. 26.11.1965. Paris. Письмо автору.
18. Cholokhov M. A. Grand Larousse encyclopédique. Vol. 3. Paris, 1960, p. 80.
19. Cholokhov M. Les défricheurs. Traduit du russe par D. Ergaz. 5-e éd. Paris, «Gallimard», 1933, p. 5.
20. Шолохов М. Декларация. 2.11.1933. Москва.— В кн.: Cholokhov M. Terres défrichées. Traduit avec l'autorisation de l'auteur par Alice Orane et Georges Roux. Paris , «Editions Sociales Internationales», 1933, (I).
21. «L'Humanité», (Paris), 11.1.1934.
22. «L'Humanité», 15.1.1934.
23. Газ. «Правда» (Москва), 15.1.1934.
24. «Europe» (Paris), 1932, N. XXXVIII, p. 464—465.
25. «Europe», 1934. N. XXXV, p. 297—299.
26. Marie R. Rolland, 29.12.1964. Paris. Fonds Romain Rolland. Письмо автору.
27. «Commune» (Paris), 1935 mai, p. 165.
28. Cholokhov M. Le Don Paisible. Trad. Antoine Vitez. Vol. 1. Paris, «Julliard», 1959. Аннотация к книге.
29. «Bulletin de livre» (Paris), 15.7.1959, p. 42.
30. «Les Tablettes de Péronne», 27.2.1960.
31. «Parisien libéré» (Paris), 8.7.1959.
32. «La Vie Protestante», 5.8.1960.
33. «L'Humanité», 29.9.1960.
34. Cholokhov M. Térres défrichées. Tome 1. Roman traduit du russe par Jean Cathala. Paris, «Gallimard», 19. octobre 1964.
35. «Le Figaro Littéraire» (Paris), 10.12.1964.
36. «Les lettres francaises» (Paris), 5—11.XI.1964.
37. «Les lettres francaises», 6.1.1965.
38. «L'Est Républicain», 6.7.1959.
39. «Paris-Normandie», 3.7.1959.
40. Cholokhov M. Sur le Don Paisible. Traduit du russe par L. Borie. Paris, «Les Editeurs Francais Reunis», 1949. L'introduction.
41. «L'Humanité», 29.10.1959.
42. Cholokhov M. Ils ont combattu pour la patrie. Trad. J. Cathala. Paris, «Julliard», 1960. Автограф Жана Катала в книге, которая хранится в РОМК.
43. «L'Express» (Paris), 17.10.1965.
44. «Monde», 16.10.1965.
45. «Monde», 17—18.10.1965.

46. «Combat» (Paris), 16—17.10.1965.
47. «Europe», 1965, XI—XII, N. 439—440, p. 305—308.
48. Suzanne Campaux. 26.11.1965. Paris. Письмо автору.
49. «L'Humanité», 16.10.1965.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

1. Solochov M. Otec.— «Svetozor» (Praha), 27.3.1930.
2. «Rudé Právo» (Praha), 27.4.1930.
3. Květoslav Kostka. 25.1.1965. Kladno. Письмо автору.
4. «Rudé Právo», 21.11.1930.
5. «Rozsévačka», 1930, N. 45.
6. «Tvorba», 1930, N. 46.
7. «Rudé Právo». Nedelná přiloha, 11.10.1931.
8. «Rudé Právo», 11.10.1931.
9. Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 212.
10. «Levá fronta», 1932, N. 9.
11. «Praha-Moskva», 1936, N. 1.
12. Mathesius B. O překládáni «Rozrušeně zemé».— Kniha o překládáni. Přispěvky k otázkám překladu z ruštiny. Praha, «Českoslov.— sov. institut», 1953, s. 111.
13. «Česká osvěta», 1934, N. 4, s. 134.
14. Šolochov M. Rozjitřena země. Překlad Fr. Pišek, Praha, Vyd. «K. Boreský», 1934.
15. «Rudé Právo», 30.1.1934.
16. «Doba», 1934, N. 1, s. 10—11.
17. «Narodni listy», 28.5.1935.
18. «Jadranski Dnevnik» (Split, Jugoslavija), 1937, N. 172.
19. «Slavia», roš. XXXV (1966), seš. 4. Nakladatelstvi Československé Akademie Věd, s. 621.
20. Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, S. 214.
21. «Řikáte, že člověk se nedá změnit?» Praha, Nakladatelstvi Karel Borecký, 1937. Листовка получена от В. Д. Савицкого. Ленинград.
22. Československá Akademie Věd. Ústav jazyků a literatur. 30.1.1965. Praha. Письмо автору.
23. Šolochov M. Tichý Don. Dil IV. Autorisovné vydáni dila Mich. Šolochova za redakce Boh. Mathesia. Čtvrtý díl «Tichého Donu» přeložil Vladimir Bolek. Praha. «Sfinx»-B. Janda. 24.1.1940. 233 s. Аннотация к седьмой части кн. IV «Тихий Дон».
24. Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966, s. 211., 212.
25. Květoslav Kostka. 29.1.1965. Kladno. Письмо автору.
26. František Křizek. 18.3.1965. Usti nad Labem. Письмо автору.
27. Maria Vitová. 15.11.1964. Praha. Письмо автору.
28. Šolochov M. Tichý Don. Dil IV. Praha, «Sfinx» — B. Janda, 1940.
29. Michail Šolochov v české literatuře. Bibliografie do r. 1965. Sostavil dr. Oton Berkopec. Praha, 1970, s. 111. (Státni knihovna ČSR. Slovanská knihovna. Československá Akademie Věd. Ústav jazyků a literatur.)

ДАНИЯ

1. Sjolochoff M. Stille flyder Don. T. 1. Paa Dansk ved Anja Tschemerinsky-Cohn. København, «Gyldendal», 1941. 412 s. Forord, s. 5—6.
2. «Dagens Nyheder» (København), 20.4.1934.
3. «Extrabladet» (København), 23.4.1932.
4. «Vestsjellands Soc. Dem. Slagelse», 26.4.1932.
5. «Berlingske Tidende» (København), 27.4.1932.
6. «Berlingske Tidende» (København), 7.5.1932.
7. «Loll-F. Venstreblad», 13.5.1932.
8. «Tilsküiren», 1932, Jüni, s. 449—460.
9. Sjolochoff M. Stille flyder Don. I. Paa Dansk ver Anja Tschemerinsky-Cohn. København, «Gyldendal», 1934.
10. «Berlingske Tidende», 22.8.1934.
11. «Socialdemokraten», 22.8.1934.
12. «Dagens Nyheder», 23.8.1934.
13. «Aarhus Stiftstidende», 23.8.1934.
14. «Extrabladet», 19.12.1934.
15. «Михаил Шолохов». Сборник статей. Ленинградский гос. университет, 1956, с. 245.
16. «Berlingske Tidende», 4.12.1940. København.
17. «Politiken», 18.12.1940. København.
18. «Fyns Venstreblad», 19.12.1940 København.
19. «Loll.-F. Stifts Tidende», 29.1.1941.
20. «Socialdemokraten», 19.3.1941.
21. «Aalborg Stiftstidende», 3.4.1941.
22. «Land og folk», 4.5.1958. København.
23. «Land og folk», 22.4.1959. København.
24. Otto Lindhardt. 5.4.1965. «Gyldendal». Письмо автору.
25. Аннотация в книге: «Sjolochoff M. Stille flyder Don. «Gyldendals Tranebøger», 1962.
26. «Литературная газета», 25.6.1957. Москва.
27. Otto Lindhardt. 5. 4. 1965. «Gyldendal». Письмо автору.
28. «Литературная газета», 25.6.1957. Москва.
29. Аннотация на обложке книги: Sjolochoff M. Høst ved Don, t. 2. «Mega», 1960.
30. «Land og folk», 16.10.1965. København.

ПОЛЬША

1. Berson Jan Otmar. Kreml na Bialo. Tom 2. Warszawa, Towarzystwo wydawnicze «Rój», 1936, s. 228.
2. «Nowości Literackie», 1933, N. 16.
3. «Wiadomości Literackie», 4,2.1934, N. 5.
4. «Robotnik», 1934, N. 46 (5668).
5. Szolochow Michal. Zorany ugór. Z. rosyskiego przelozyla Halina Pilichowska. Warszawa, Towarzystwo wydawnicze «Rój», 1934, Cz. 1, rozdział 1—XX; cz. 2, rozdz. XX—XL.
6. Szołochow M. Cichy Don. Warszawa, «Rój», 1934. Anotacja wyd. «Rój».
7. Biblioteka Narodowa. 6.3.1965. N. 1—11—2586/65. Warszawa. Письмо автору.
8. Szołochow M. Cichy Don. T. 2, wyd. 2. Przeł. W. Rogowiez. Warszawa. «Rój», 1935, s. 219.
9. Заметка из стенгазеты «Коминтерновец» (клуба иностранных рабочих завода Ростсельмаш), 1935, май. РОМК. Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 48/4.

10. «Przegląd Wschodni», 1934, N. 2.
11. «Wiadomości Literackie», 1934, N. 42.
12. «Kuryer Literacko-Naukowy», 1935, N. 23.
13. «История дипломатии», т. III, М., ОГИЗ, 1945, с. 412.
14. «Przegląd Powszechny», 1934, T. 201. N. 111, s. 484—489.
15. «Gazeta Polska», 1935, N. 69.
16. «Wiadomości Literackie», 1934, N. 50.
17. «Przegląd Powszechny», 1934, T. 203, s. 339—343.
18. «Kuryer Literacko-Naukowy», 1934, N. 11.
19. «Prosto z Mostu», 1935, N. 1.
20. St. Kozlowski. 17.2.1970. Poznań. Письмо автору.
21. St. Kowalski. 7.1.1970. Czenstochów. Письмо автору.
22. J. Urbańska. Twórczość M. Szolochowa w polskiej krytyce okresu miedzywojennogo, s. 16—17.
23. «Wiadomości Literackie», 1933, N. 24.
24. Marusz Mróz. 10.10.1969. Bydgoszcz. Письмо автору.
25. «Razem», 1948, N. 19.
26. «Przekrój», 1950, N. 285.
27. «Wies», 1950, N. 46.
28. «Slavia Orientalis», 1959, N. 4.
29. «Życie Literackie». 1955, N. 23.
30. Encyklopedia Współczesna, 1959, T. 2, s. 91.
31. «Twórczość», 1960, N. 5, s. 101.
32. Barański Z. Cichy Don Michala Szołochowa. Warszawa, «Państwowe Zaklady Wydawnictw Szkolnych», 1965, s. 41, 42, 43, 44, 45.
33. Там же, с. 45, 46, 47.
34. Там же, с. 47.
35. Там же, с. 48, 49.
36. «Nowa Kultura», 1958, N. 23.
37. «Wiedza i Życie», 1960, N. 1, s. 14.
38. «Польское обозрение» (Варшава) 1965, № 23, с. 16.
39. Там же, с. 17.
40. Там же, с. 18.
41. «Dziennik Ludowy», 21.11.1965.
42. «Dziennik Ludowy», 21.11.1965.
43. Konkurs «Zlotego Klosa». List do Szolochowa.— «Dziennik Ludowy». 19.5.1966.

БОЛГАРИЯ

1. Съветската литература в България. 1918—1944, т. 1. София, 1961, с. 384.
2. Письмо венгра Л. Сюча к сербу М. Блаичу, члену Компартии США, мастеру завода Ростсельмаш. 10.3.1935. РОМК, Шолоховский фоид, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 48/2.
3. Стоименов Ст. София. 23.7.1967. Письмо автору.
4. Съветската литература в България. 1918—1964, т. 2. София, с. 254.
5. Стоименов Ст. Страницы из техния живота. София, 1966, с. 284.
6. Там же, с. 285.
7. Там же.
8. «Септември». София, 1958, № 11, с. 186—192; Письмо Г. Жечева автору от 16.3.1965.
9. «Ново време». София, 19.8 и 1.9.1934.
10. Съветската литература в България. 1918—1944, т. 1. София, 1961, с. 197.
11. «Мисъль и Воля». София, 9.12.1934.
12. Жечев Г. София. 16.3 1965. Письмо автору.

13. «Нова литература». София, 25.2.1935, № 3.
14. Съветската литература в България. 1918—1944, т. 1. София, 1961, с. 410—411.
15. Там же, с. 411.
16. «Литературен преглед». София, 19.4.1935.
17. «Кормило». София, 19.12.1935.
18. «Звезда». София, 1932, кн. XII, с. 544.
19. «РЛФ», 5.11.1933 и 17.5.1934.
20. Дудевски Хр. Михаил Шолохов. София, «Наука та изкуство», 1965, с. 91—92.
21. «Литературен фронт». София, 15.9.1952.
22. «Народна культура». София, 3.10.1959.
23. Дудевски Хр. Михаил Шолохов. София, «Наука та изкуство», 1965, с. 92—93.
24. Съветската литература в България 1918—1944, т. 1. София, 1961, с. 305.
25. «Лик». София, 26.2.1936.
26. «Нов свят». София, 25.4.1936, (кн. 8), с. 11.
27. «Кормило». София, 18.3.1936.
28. Цит. по фотокопии письма М. А. Шолохова, полученной от Г. Жечева.
29. «Народна культура». София, 3.10.1959.
30. Съветската литература в България. 1918—1944, т. 1. София, 1961, с. 268.
31. Ольга Проданова. 16.3.1965. Хасково. Болгария. Письмо автору.
32. Нечо Найденов, председатель Михайловградского колхоза имени Василия Коларова. Болгария. Письмо автору от 20 июня 1961 г.
33. Павел Кудинов. 1.8.1961. Михайловград. Болгария. Письмо автору.
34. Агафонов А. Встреча под Варной. «Молот». 13.10.1965. Ростов-Дон.

АНГЛИЯ

1. Stevens H. C. 12.2.1967. Brundall. Письмо автору.
2. Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. Transl. from the Russian by Stephen Garry. London, «Putnam», 1934. 755 p.
3. Stevens H. C. 13.3.1966, Brundall. Письмо автору.
4. John Huntington. Editorial Office. Putnam and C° Ltd. 20.6.1966. Письмо автору.
5. «Publisher's Circular» (London), 27.3.1934.
6. «The Times», «Lit. Suppl.» (London), 5.4.1934.
7. Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. 3rd edition. London, «Putnam», May 1934.
8. «The New Statesman and Nation» (London), 14.4.1934.
9. Graham Greene. Fiction.— «The Spectator» (London), 6.4.1934.
10. «Daily Herald» (London), 5.4.1934.
11. «Sunday Graphic and Sunday News» (London), 27.5.1934.
12. Там же, 3.6.1934.
13. Там же, 8.7.1934.
14. Заметка из стенгазеты «Коминтерновец» (клуба иностранных рабочих завода Ростсельмаш), 1935, май. РОМК, Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 48/7.
15. Шолохов М. Английским читателям. (Предисловие к «Тихому Дону»), 10.6.1934, ст. Вешенская. Фотокопия хранится в РОМК.
16. J. Dingley. Res. Ass. the British Museum. Department of printed Books. London. WC-1. PB/JD, 27.7.1965. Письмо автору.
17. John Gollan, General Secretary Communist Party of Great Britain. London. 27.3.1963. Письмо автору.
18. Шолохов М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 130.

19. S h o l o k h o v M. And Quiet Flows the Don. Transl. from the Russian by Stephen Garry. London, «Putnam», Repr. August 1934 and 25th Impression 1966, p. 490—491.
20. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 150—152 и 153—154.
21. Т а м ж е, с. 154.
22. Т а м ж е, с. 180—184.
23. Ш о л о х о в М. Тихий Дон, кн. 2-я. М.—Л., «Московский рабочий», 1929, с. 260.
24. S h o l o k h o v M. And Quiet Flows the Don. Transl. by Stephen Garry. London, «Putnam», Repr. August 1934 and 25th Impression 1966, p. 600.
25. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 4, «Тихий Дон», кн. 3-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 44.
26. Т а м ж е, с. 46—49.
27. S h o l o k h o v M. The Don Flows Home to the Sea. Transl. by Stephen Garry. London, «Putnam», Repr. August 1934 and 25th Impression 1966, p. 26—28.
28. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 4, «Тихий Дон», кн. 3-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 108—110.
29. S h o l o k h o v M. The Don Flows Homs to the Sea. London, «Putnam», Repr. August, 1934 and 25th Impression 1966, p. 75.
30. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 4, «Тихий Дон», кн. 3-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 366.
31. S h o l o k h o v M. The Don Flows Home to the Sea. London, «Putnam», Repr. August, 1934 and 25th Impression 1966, p. 291.
32. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 5, «Тихий Дон», кн. 4-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 117, 120, 121.
33. S h o l o k h o v M. The Don Flows Home to the Sea. London, «Putnam», Repr. August, 1934 and 25th Impression 1966, p. 465 and 467.
34. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 289—290.
35. Т а м ж е, с. 250—252.
36. Т а м ж е, с. 379—383.
37. Т а м ж е, с. 289—294.
38. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, с. 310—324.
39. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 43—45.
40. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 5, «Тихий Дон», кн. 4-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 51—55.
41. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, с. 389.
42. S h o l o k h o v M. And Quiet Flows the Don. Transl. by Stephen Garry. London, «Putnam», Repr. August 1934 and 25th Impression 1966, p. 363.
43. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, с. 279—301.
44. S h o l o k h o v M. And Quiet Flows the Don. London, «Putnam», Repr. August, 1934 and 25th Impression 1966, p. 279—290.
45. «Sunday Graphic and Sunday News», 1.6.1935.
46. S h o l o k h o v M. Books and Authors in Soviet Russia.— «The Booksellers», 16.1.1935, p. 41.
47. «The Times Literary Supplement» (London), 10.10.1935.
48. «The New Statesman and Nation», 26.10.1935, p. 604.
49. S h o l o k h o v M. Virgin Soil Upturned. London, «Putnam», 1966. S h o l o k h o v M. Harvest on the Don. London, «Putnam», 1960, p. 1. Цит. по рекламе и предисловию английских изданий.

50. Sholokhov M. Tales from the Don. Transl. by H. C. Stevens. London, «Putnam», 1961.
51. Sholokhov M. Tales from the Don. Transl. by H. C. Stevens. London, «A Four Square Book». 1964.
52. Sholokhov M. Virgin Soil Upturned. Transl. from the Russian by Stephen Garry. 11th Impression. London, «Putnam», 1966.
53. Sholokhov M. The Don Flows Home to the Sea. Transl. by Stephen Garry. 25th Impression. London. «Putnam», 1966. Реклама на обложке книги.
54. «Daily Worker» (London), 14.4.1962.
55. Nos. Universitatis Sancti Andreae apud Scotos... Id. April A. D. MDCCCCLXII (1962). Цит. по фотокопии диплома Сент-Эндрюсского университета, полученной от писателя.
56. Charles P. Snow. 1.9.1964. Rostov-Don. Книга «Тихий Дон» с автографом хранится в Шолоховском фонде РОМК.
57. «Михаил Александрович Шолохов». М., «Правда», 1966, с. 251—252.
58. Jack Lindsey. Castle Hedingham, Halstead. Essex. England. 25.1.1965. Письмо автору.
59. James Aldridge. 2.8.1968. Письмо Шолоховскому фонду.
60. Encyclopedia Britannica. Chicago-London-Toronto. 1968. Vol. 20, p. 576.
61. John Huntington. Putnam and C° Ltd. London, 3.3.1966. Письмо автору.
62. Harry Stevens. Brundall. Norfolk. 13.3.1966. Письмо автору.
63. Harry Stevens. Article written on the occasion of Sholokhov's receiving the Nobel Prize, but never published. December, 1965. Brundall. Цит. по тексту, полученному от Гарри Стивенса.
64. «Огонек» (Москва), 1968, № 38, с. 26—28.
65. Stevens H. The «Quiet Don» in English. «Times Literary Supplement» (London), 3.4.1969.
66. Шолохов М. Письмо в «Издательство иностранных рабочих в СССР» от 17.10.1935. Фотокопия хранится в РОМК.
67. Автограф М. Шолохова от 28.8.1966 г. на статье К. Приймы «Шедевр века. К вопросу о расправе над «Тихим Доном» в Англии».— Газ. «Комсомолец» (Ростов-на-Дону), 19.8.1966. Экземпляр у автора.

ВЕНГРИЯ

1. Л. Сюч. Заметки. РОМК. Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 40/8.
2. Бенами Шандор. Тысяча солнц в Будапеште.— «Комсомолец», (Ростов-на-Дону), 29.3.1967, с. 2.
3. Там же, с. 2—3.
4. Solohov. Irói arcképvázlat és bibliográfia. Budapest, 1963, sz. 141.
5. N - - - s. Új Tolsztoj az orosz irodalomban? — «100%», 1929, N. 6, sz. 261.
6. «Korunk», 1930, N. 12.
7. Élet es Irodalom», 1959, N. 8.
8. «Korunk», 1934, N. 12.
9. Solohov. Új barázdát szánt az eke. Ford. Tamás Aladár. Pozsony. «Prager Kiadó», 1938.
10. «Korunk», 1935, N. 9.
11. «Nyugat», 1935, N. 11.
12. «Nyugat», 1935, N. 12.
13. «Népszava», 29.5.1935.
14. «Pesti Napló», 15.12.1935.
15. «Gondolat», 1935, V.
16. «Gondolat», 1936, III.
17. Вереш П. Живая летопись истории.—«Литературная газета», 24.5.1955.
18. «Gondolat», 1936, III.

19. Solochow M. A csendes Don. I. Kötet (Magyar nyelvre forditotta Szurán Renée), II—III. Kötet (Magyar nyelvre forditotta Benamy Sándor). Budapest, «Cserépfalvi», 1942.
20. Solochow M. A csendes Don. Kötet IV. Magyar nyelvre forditotta Kóvai Lőrinc. Budapest, «Cserépfalvi», 1942, sz. 373—418.
21. Szombathelyi. M. kir. honvéd vezérkar. fonöke. 52.152. sz. eln. 2 vkf. klgs. 1942.— Dr. Radocsay Laszló Urnak m. kir. titkos tanacsos, m. kir. igazságügyi miniszter. Budapest, 1942, evi majus ho 2-an.
22. Szombathelyi. Michail Szolochow «A csendes Don» cimu regényének kifogás ala esö részei, sz. 1.
23. Там же, с. 2—3.
24. Radocsay László. M. kir. igazságügyi miniszterium, 46.908. J. M. szam. Erk. 1942, jun. 19. N. 52152. Eln. 2. vkf. klgs. 1942, may 2. Targy: A-m. kir. honvéd vezérkar fönökenek átirata a Michail Szolochow «A csendes Don» cimü munka terjesztésének megakadályozása tárgyában. Budapest, 1942, evi junius ho 24.
25. Там же, с. 7. Tamasy — IV Ügyosztály. Targy — L 7.
26. Эржебет Каман. Записка от 3.5.1964 т. Будапешт. Прислана в Шолоховский фонд. № В-2890/39. РОМК.
27. «Szabad Szó» (Budapest), 15.4.1945.

ЮГОСЛАВИЯ

1. Мет Бланч. Письмо венгерскому политэмигранту Л. Сюч от 10 марта 1937 г. РОМК. Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 48/9.
2. J. Broz-Tito. Pretsednik Republike. Beograd, 11. marta 1963 god. Из письма автору книги. Оригинал хранится в РОМК.
3. Милош Московлевич. 27.7.1964. Белград. Письмо автору.
4. Vesna Švec. 11.3.1965. Koprivnica, Jugoslavija. Письмо автору.
5. Šolohov M. Tihi Don. Seljački roman iz predratnog života Donskih kozaka. Ureduje dr. Nikola Ajdrić. Zagreb. «Zabavna Biblioteka», 1936. 419 s.
6. Вулетич В. Михаил Шолохов код Срба и Хрвата.— В кн.: Годишньак философског факултета у Новом Саду. Кн. IX. Нови Сад. 1966, с. 289.
7. Solohov M. Tihi Don. Zagreb, «Zabavna Biblioteka», 1936. S ruskoga preveo Nik. Nikolajević (Petrovgrad), s. 419.
8. «Октябрьская революция и славянские литературы». Сб. статей. М., Изд-во МГУ, 1967, с. 234 и 236.
9. Šolohov M. Tihi Don. Seljački roman iz predratnog života Donskih kozaka. Zagreb, «Zabavna Biblioteka», 1936, s. 5, 6, 7, 8.
10. «Руски архив» (Београд), 1930, X—XI, с. 175—176.
11. Годишньак философског факултета у Новом Саду. Кн. IX. Нови Сад. 1966, с. 281.
12. «Savremena ruzka proza» (Zagreb), 1931, 4.
13. «Живот и рад», 15.7.1931, кн. 8-я, с. 789.
14. «Savremenik», august-septembar 1931, N. 14—15, s. 214—215.
15. Там же, с. 216—217.
16. Там же, с. 218.
17. Годишньак философског факултета у Новом Саду. Кн. IX. Нови Сад, 1966, с. 283.
18. Milutin Ivanušic, pomoćnik direktora. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. N. 18/142, 3.7.1967. Zagreb. Письмо автору.
19. Богданович М. Литература как соучастник реакции.— В кн.: Stari i Novi. Kn. IV, Beograd, 1952, s. 112.
20. Zesarec August. Putovanie po Sovjetskom Savezu. Zagreb, «Zora», 1964, s. 129—130.

21. «Октябрьская революция и славянские литературы». Сб. статей. М., Изд-во МГУ, 1967, с. 239.
22. «Obsor» (Zagreb), 30.9.1936, N. 226.
23. «Hrvatski dnevnik», god. 1, 2.8.1936, N. 70, s. 20.
24. «Savremenik», 1936, listopad, N. 1, s. 37.
25. Там же, с. 37—38.
26. «Knizevni horizonti» (Zagreb), 1937, 11—VII, s. 32.
27. Вулетич В. Михаил Шолохов код Срба и Хрвата.— В кн.: Годишњак филозофског факултета у Новом Саду. Кн. IX, 1966, с. 292.
28. Югославия.— В кн.: БСЭ, изд. 2-е. Т. 49. М., 1957, с. 327—328.
29. Павич Борислав. Предговор.— В кн.: Шолохов. Тихи Дон. Кн. прва. Београд, «Космос», 1940, с. 5.
30. Там же, с. 407.
31. Vesna Švec. 11.3.1965. Koprivnica. Письмо автору.
32. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Drugi dio. S. ruskog preveo S. Kovačić. Zagreb, «Biblioteka nezávisnih pisaca», 1940, s. 19, 45. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ, 1958, с. 196, 213.
33. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Prvi dio. S. ruskog preveo S. Kovačić. Zagreb, «Biblioteka nezavisnih pisaca», 1940, s. 214, 215, 217. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ, 1958, с. 146—149.
34. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Druge dio. S. ruskog preveo S. Kovačić. Zagreb, 1940, s. 35—38, 120, 212. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ, 1958, с. 206—209, 267, 337.
35. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Prvi dio. S ruskog preveo S. Kovačić. Zagreb, 1940, s. 157—158. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ, 1958, с. 108—109.
36. Lovrić Božo. Mihajlo Šolohov u Pragu.— «Живот и рад». Кн. XXIV, св. 146. 1935, децембар, s. 627—629.
37. Lovrić Božo. Mihajlo Šolohov.—«Jadranski dnevnik», 4/1937, N. 172. s. 2—3.
38. «Novosti», 20.12.1940. N. 351.
39. «Trideset dana», 1941, N. 3, s. 41.
40. Jurkovič M. O prevodenju.—«Izraz» (Zagreb), 1941,N. 3, s. 100—107. Статья получена от литератора-критика В. Калезича (Нови Сад).
41. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ., 1958, с. 93.
42. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Prvi dio. S ruskog preveo S. Kovačić. Zagreb, «Biblioteka nezavisnih pisaca», 1940, s. 136.
43. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ, 1958, с. 153.
44. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Prvi dio. S ruskog preveo S. Kovačić. Zagreb. «Biblioteka nezavisnih pisaca», 1940, s. 222.
45. Шолохов М. Собр. соч., т. 6. М., ГИХЛ, 1958, с. 53.
46. Šolohov M. Uzorana Ledina. Roman. Prvi dio. S ruskog preveo S. Kovačič. Zagreb, «Biblioteka nezavisnih pisaca», 1940, s. 77.
47. Jurkovič M. O prevodenju. — «Izraz» (Zagreb), mart 1941, N. 3, s. 107.
48. Вулетич В. Михаил Шолохов код Срба и Хрвата.— В кн.: Годишњак... Нови Сад, 1966, с. 295.
49. Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Leipzig, «Karl-Marx-Universität», 1966. S. 224.
50. Vesna Švec. 11.3.1965. Koprivnica. Jugoslavija. Письмо автору.
51. Ljubomira Ružić. 6.5.1965. Zagreb. Jugoslavija. Письмо автору.
52. Вулетич В. Михаил Шолохов код Срба и Хрвата.— В кн.: Годишњак... Нови Сад, 1966, с. 301,
53. Там же, с. 317.
54. «Republika», 26.4.1960.
55. «Književne novine», 16.12.1964, N. 134.
56. «Izraz», 1961, N. 4—5, s. 429.

57. Вулетич В. Предговор.— В кн.: Михаил Шолохов. Избор. Сараево, «Свjетлост», 1961, с. 13.
58. «Стремления», 1962, № 6, с. 745, 747.
59. Kreft Bratko. Portreti. Ljubljana, 1956, s. 356, 375—376.
60. «Младост», 1948, № 11—12.
61. «Стваранье», 1957, № 11.
62. «Student», 2.11.1965, N. 22.
63. «Летопис Матице српске», 1965, кн. 386, св. 7—8, с. 193.
64. Лалич Р. Михаил Шолохов.— В кн.: Шолохов М. Тихи Дон. 1. Роман. Друго издање. С руског превод проф. Милош Московљевич. Београд, «Просвета», 1964, с. 32—34, 50—51.
65. Там же, с. 68, 78.
66. «Летопис Матице српске», 1966, № 11, Новембор, с. 493.
67. «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», кн. XIII/2, 1970, с. 614.
68. Там же, кн. XIV/1, 1971, с. 420.
69. «Чехословенска русистика», XV, вып. 13, с. 134. Прага. Май, 1970.
70. Неделькович Д р. Универзалие поруке руске книжевиости, «Матица Српска». Нови Сад, 1973, с. 368—369.
71. Там же, стр. 369.
72. Там же, стр. 348.
73. Там же, стр. 351.
74. Там же.
75. Там же.

НОРВЕГИЯ

1. Christell B., general. direktor swedens «Tiden Förlag». Stockholm, 10.12.1965. Из речи Б. Кристель, генерального директора шведского издательства «Тиден», произнесенной 10.12.1965 г. в Стокгольме на приеме в честь М. А. Шолохова. Текст подарен Шолоховскому фонду Ростовского музея краеведения.
2. Sjolochoff M. Stille flyder Don. Tredie del. København, «Gyldendal», MCMXXXIV (1934). Отзывы на обложке. Docent L. Aas. «Dagposten».— Norge.
3. «Bergens Arbeiderblad», 26.10.1956.
4. «Verdens Gang», 16.10.1956.
5. «Verdens Gang», 16.10.1956.
6. «Nationen», 20.10.1956.
7. «Arbeiderbladet», 25.10.1956.
8. «Aftenposten», 5.11.1956.
9. Martin Nag. Oslo. 25.1.1965. Письмо автору.
10. Kolbjörn Fjeld, general. direktor «Tiden Norsk Ferlad». Oslo. 7.5.1965. Письмо автору.
11. Sjolokhov M. Ny jord. Første bind (262 s.) overs. av Ivar Digernes. Annet bind (221 s.) oversatt av I. Digernes og N. Fredriksen. Tredje bind (242 s.) oversatt av Natalia Fredriksen. Oslo, «Tiden Norsk Forlag», 1960. Аннотация на обложке первой книги.
12. «Arbeiderbladet», 25.11.1960.
13. «Aftenposten», 21.10.1960.
14. «Dagen», 18.11.1960.
15. «Dagbladet», 14.12.1960.
16. «Aftenposten», 15.12.1964.
17. «Friheten», 8.1.1965.
18. «Verdens Gang», 10.3.1960.
19. Sjolokhov M. Stille flyder Don. Fjerde bind. Oversatt av I. Digernes. Oslo, «Tiden Norsk Forlag», 1961. Ivar Lo-Johansson. Nobelprisen til

Sjolokhov. Аннотация на суперобложке четвертой книги, подаренной на выставку Туром Хейердалом.
20. M a r t i n N a g. Oslo, 25.1.1965. Письмо автору.

ИТАЛИЯ

1. L u i g i A m a d e s i — p. L'Ufficio di Segreteria. Partito Comunista Italiano. Direzione. Prot. N. 553/t, Roma. 10.3.1964. Письмо автору.
2. Centro Nazionale di Informazioni Bibliografiche. Biblioteca Nazionale Centrale Vittorio Emanuele II. Roma. 19.10.1964, N. 5662. Письмо автору.
3. O n o r i o D o l c e t t i. Il segretario di redazione «L'Unita». Roma. 3.2.1965, N. 1091. Письмо автору.
4. Q. B o n a z z o l a. Il segretario di redazione «L'Unita». Milano, 15.3.1965, N. 332/5. Письмо автору.
5. Ministero della Cultura Populare. Direzione Generale per il Servizio della Stampa Italiana. Roma. 17.10.1941, N. 9194. Prot. N. 111. Oggetto: «Il placido Don» di M. Scholokov... La R. Prefettura di Milano.
6. S i g n o r a M a r i a R a k o w s k a, traduz. «Il placido Don». «Bompiani», Casa di Riposo «Villa Olanda». Torino. Italia. 22—27.5.1966. Письмо автору.
7. S i g n o r a P a o l a D a l a i. Aldo Garzanti editore. Milano, 5.3.1965. Direz. Edit. dr. P. D./sc. Письмо автору.
8. Q. B o n a z z o l a. Il segretario di redazione «L'Unita». Milano. 10.4.1965, N. 516/5. Письмо автору.
9. S c i o l o k o v Il placido Don. Vol. II. Milano, «Bompiani», 1945. Аннотация к книге.
10. S c i o l o k o v. Il placido Don. Vol. II. Trad. dal russo di Maria Rakowska e Ettore Fabietti. Milano, «Bompiani», 1945, p. 12.
11. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 14.
12. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 22—24.
13. «Lingua Moderna» (Roma), 1946, N. 1, p. 23.
14. «Lingua Moderna», 1946, N. 1, p. 23.
15. Š o l o c h o v M. A.— Dizionario Enciclopedico Italiano. Vol. XI. Roma, 1960, p. 433.
16. Š o l o c h o v M. A. Dizionario Universale della Litteratura Contemporanea. Vol. IV, Milano, 1960, p. 562—564.
17. «L'Unita» (Roma), 7.4.1959, p. 3.
18. «L'Unita», 31.3.1958, p. 3.
19. «L'Unita», 29.12.1959, p. 3.
20. «Vie nuove», 18.4.1959, p. 36.
21. «Il Messaggero» (Roma), 16.10.1965.
22. «Avanti» (Roma), 16.10.1965.
23. «L'Unita», 16.10.1965.
24. «La Stampa» (Torino), 16.10.1965.
25. «Il Giorno» (Milano), 16.10.1965.
26. S c i o l o c h o v M. Il placido Don. Trad. dal russo di Natalia Bavastro. Milano, «Garzanti», 1965. Аннотация на обложке книги.
27. P a l m i r o T o g l i a t t i. Roma, 10. marzo 1964. «Il placido Don». Solochov. «Editori Riuniti». Novembre 1963. Автограф Пальмиро Тольятти в книге, которая хранится в РОМК.

1. C h o l o k h o v M i g u e l. Sobre el Don apasible. Trad. de Vicente S. Medina y José Carbo. Primera edición. Madrid, Editorial «Cenit S. A.» 1930.
2. C h o l o j o v M. Campos roturados. Novela. Versión española de J. Ledesma y Maria-Teresa Leon. Barcelona, «Ediciones Europeas-America», 1936.
3. S h o l o j o v M i j a i l. Campos roturados. Segunda parte. Versión del ruso de J. V. Molina. Moscú. «Ediciones en lenguas extranjeras», 1965. 480 p. Автограф Хосе Венто Молина в книге «Поднятая целина», которая хранится в РОМК.
4. «Internationale Literatur». Deutsche Blätter. Moskau, 1937, N. 11, S. 104—105.
5. M i g u e l B o r d o n a u. Director Biblioteca Nacional. Madrid, 25.10.1965. Письмо автору.
6. M i g u e l B o r d o n a u. Director Biblioteca Nacional. Madrid, 24.11.1965. Письмо автору.
7. Editores «Plaza-Janés», S. A. Barcelona, 8.2.1966. Письмо автору.
8. C h o l o j o v M. El Don Apacible. Premio Nobel de Literatura 1965. T. 1. Barcelona. «Plaza y Janés», 1965. Аннотация на обложке книги.
9. C h o l o j o v M. El Don apasible. T. 2. Versión castellana de Domingo Pruna, Barcelona, «Praza-Janés», 1965, p. 11, S h o l o j o v M. El Don apasible. Vol. 1. Traducc. dir. d. ruso de Jose Lain Entralgo. Barcelona, Editorial «Planeta», 1965, p. 404. S h o l o j o v M. El plácido Don Vol. 1. Premio Nobel 1965. Trad. dir. d. ruso: M. Comorera, K. Kastresano, A. Gavalda. Barcelona, Editorial «Mateu», 1965, p. 308.
10. G a v a l d a A. Introducción.— Cholojov M. El Plácido Don. Premio Nobel 1965. Barcelona, Editorial «Mateu», 1965, p. (1).
11. S h o l o j o v M. El Don Apacible. Vol. 1—II. Traduc. dir. d. ruso de Jose L. Entralgo. Barcelona, Editorial «Planeta», 1966. Vol. 1. 765 p. Vol. II. 859 p.
12. J. M. V. Introducción.— Sholojov M. A. El Don Apacible. Vol. 1. Barcelona, Editorial «Planeta», 1966, p. 5.
13. J. M. V. (J o s e M a r i a V a l v e r d e). Introducción.— Sholojov M. A. El Don Apacible. Barcelona, Editorial «Planeta», Mayo de 1966, p. 179. («Maestros Rusos». T. VIII).
14. Т а м ж е, с. 181.
15. Реклама-листовка изд-ва «Planeta»: «El Don Apacible». Barcelona, 1966.
16. C a l l e j a s J u a n J o s é. Los «inmortales» se examinan de la asignatura «Sholojov».— «Diario Regional» (Valladolid), 19.10.1965.
17. «Diario Regional», 19.10.1965.
18. H o r i a V i n t i l a. La obra máxima del último Nobel, tipica creación literaria sometida a una disciplina politica.— «La Verdad» (Murcia), 26.12.1965.
19. V i d a l A u g u s t. Mikhail Xolokhov.—«Serra d'Or» (Barcelona), Gener 1966.
20. F e r n a n d o G. d e - C a s t r o. La troika del Nobel.— «Indice» (Madrid), 1966, N. 207.
21. Vida Literaria. Noticias Literarias.— «Hoja del Lunes» (Madrid), 11.7.1966.
22. A. C. La obra del último Nobel.— «La Verdad» (Murcia), 6.2.1966.
23. «La Verdad», 6.2.1966.
24. S h o l o j o v M i j a i l. Campos roturados. Primera parte. Trad. d. ruso por A. Herráiz. Moscú, Ediciones en lenguas extranjeras, 1965. 471 p. Автограф Долорес Ибаррури в книге «Поднятая целина», которая хранится в РОМК.

1. Г. П. Стареньки й. Директор школы ст. Ново-Деревянковской, Кубань 25.6.1967. Письмо автору.
2. «История дипломатии», т. III. М.—Л., ОГИЗ, 1945, с. 362.
3. Mocanu C. «Scînteia» ilegală despre Lenin si Leninism — «Pressa noastra» (Bucureşti), 1965, N. 4.
4. Письмо Центрального госархива Молдавской ССР. № 03-09-10 от 7 января 1971 г.
5. Барбэ Георг. Отголоски творчества Шолохова в румынской междувоенной публицистике.— «Румынская литература» (Бухарест), 1967, № 2, с. 85.
6. «Viaţa Romînească» (Bucureşti), 1928, N. 10—11.
7. Buletin N 14 (LXII) Julie 1931, Ministerul Lucrarilor Publice Şial Comunicatiilor. Regia Autonoma P. T. T. Bucureşti «Tipografia «Jon C. Văcărescu». Str. Umbrei, 4. Soroca. N. 482, 8.8.1931.
8. ЦГА МССР, ф. 694, оп. 2, ед. хр. 303. Кишинев. Inspectoratul Reg. de Politie Chişinau. N. 7636, 8 maiu 1933.
9. Teodor Grossu. (Julian Vesper), 27.9.1967. Bucureşti. Письмо автору.
10. Novele din Rusia noua. Bucureşti. Director A. Toma. «Lektura», 1929, N. 223.
11. Scholochow Michail. Tatăl — «Adevĕrul literar şi artistic» (Bucureşti), 1. Sept. 1929.
12. «Adevĕrul literar şi artistic», 14.12.1930.
13. «Contemporanul» (Bucureşti), 27.5.1955.
14. «Gazeta literarĕ» (Bucureşti), 30.10.1958.
15. Teodor Grossu (Julian Vesper), 18.11.1967 и 14.5.1969. Письма автору.
16. «Viaţa Romînească», 1931, N. 1.
17. «Viaţa Romîncască», 1933, N. 11, p. 60.
18. «Reformatorul» (Bucureşti), 9.9.1934. Интервью с прогрессивным публицистом Скарлатом Калимаки о судьбах современной культуры.
19. Baltazar Camil. Noi şi sovietele.— «Cuvîntul liber», 31 aug. 1935.
20. «Santier», N. 3, 10 februarie, 1934.
21. «Glasul Bucovinei», 19.4.1934.
22. «Cuvîntul liber», 4.5.1935.
23. Răscanu Theodor. Cocosii colectivi.— «Calendarul popularal ziarului «Universul», Anul 1937, p. 73—78.
24. Vîlkovan Const. Alexie Tolstoi şl Michail Şolohov la Academie. — «Azi» (Bucureşti», 19.3.1939.
25. Trost D. Un romancier al tărănimii.— «Adevĕrul literar şi artistic», 28.5.1939.
26. Цит. по письму Георга Барбэ от 26.7.1970.
27. Şolohov Mihail. Moartea Acsinici.— «Azi», 30.6.1940. Director si peoprietae Zaharia Stancu.
28. Şolohov M. Cazacii dela Don. Roman. Traduceve de Julian. Vesper. Bucureşti, «Bucur Ciobanul» S. A. 1943, 450 p.
29 Julian Vesper. 18.11.1967. Bucureşti. Письмо автору.
30. Шолохов М. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1956, с. 135. В румынском издании: Şolohov M. Cazacii dela Don. Roman. Traducere de Julian Vesper. Bucureşti. «Bucur Ciobanul» S. A., 1943, p. 148.
31. Шолохов М., там же, с. 246. В том же румын. изд., с. 279.
32. Шолохов М., там же, с. 163—164. В том же румын. изд., с. 180.
33. Шолохов М., там же, с. 89—90. В том же румын. изд., с. 94—95.
34. Шолохов М., там же, с. 302. В том же румын. изд. этот абзац изъят, см. с. 341.

35. Шолохов М., там же, с. 302.
36. Şolohov M. Cazacii dela Don. Roman. Trad. Julian Vesper. Bucureşti, «Bucur Ciobanul», 1943, p. 341.
37. Шолохов М. Собр. соч., т. 2. М., 1956, с. 323. В том же румын. изд., с. 366.
38. Шолохов М., там же, с. 352.
39 Şolohov M. Cazacii dela Don. Bucureşti, «Bucur Ciobanul», 1943, p. 399.
40. Шолохов М., там же, с. 387—396.
41. «Ecoul» (Bucureşti), 15.1.1944, N. 15, p. 2.
42. Şolohov M. Pe Donul Tăcut. Fragment. Trad. de Julian Vesper.— «Glasul Bucovinei», 19.4.1934.
43. Şolohov M. Cazacii dela Don. Roman. Trad. de Julian Vesper. Bucureşti, «Bucur Ciobanul», 1948, p. 366.
44. Цит. по рукописи доклада Г. Барбэ, сделанного 30.6.1969 г. в Ассоциации славистов Румынии, с. 55.
45. Цит. по фотокопии автографа М. А. Шолохова, адресованного первому переводчику «Тихого Дона» Ю. Весперу.
46. «Румынская литература», 1967, № 2, с. 88.
47. «Contemporanul», 15.10.1948.
48. «Luceafărul», 23.10.1965.
49. «Informaţie Bucureştului», 5.9.1859.
50. «Veac nou», 23.9.1955.
51. «Luceafărul», 22.5.1965.

ФИНЛЯНДИЯ

1. Юхани Коикка. 2.2.1965. Кухмойнен. Суоми. Письмо автору.
2. Martti Larni. 28.8.1969. Helsinki. Письмо автору. Алексей Бородавкин. 3.9.1969. Хельсинки. Письмо автору.
3. Helsinki University Library. 1973-06-01. N 367/S-73. Письмо автору.
4. Вестник ТАСС, 3 февраля 1939 г. Москва.
5. «Suomen Pienvilleliaj», 26.1.1939. Helsinki. Получена от сотрудника АПН А. Бородавкина.
6. «Suomen Sosialidemokraatti», 21.12.1938. Helsinki. Получена от сотрудника АПН А. Бородавкина.
7. А. Бородавкин. 3.9.1969. Хельсинки. Письмо автору.
8. Аннотация на суперобложке книги: «M. Solohov. «Aron Raivaajat». 1953. Helsinki. «Kansankulttuuri Oy».
9. Аннотация на суперобложке книги: «M. Solohov: «Hiljaa virtaa Don». I. Porvoo-Helsinki. «Werner Söderström Oy» 1956.
10. «Vapaa Sana», 24.5.1955.
11. «Valvoja», 1956, N 4, Helsinki.
12. «Uusi Suomi», 25.6.1956. Helsinki.
13. «Valvoja», 1956, N 4. Helsinki.
14. Сталин И. Собр. соч., т. 12. М., Гослитиздат, стр. 112.
15. М. И. Калинин о литературе. Сб. статей и высказываний. Л., Лениздат, 1949, стр. 71.
16. «Valvoja», 1956, N 4. Helsinki.
17. «Maakansa», 11.6.1956. Helsinki.
18. «Työkansan Sanomat», 16.9.1956. Helsinki.
19. «Valvoja», 1956, N 4. Helsinki.
20. «Työkansan Sanomat» 16.9.1956. Helsinki.
21. «Suomalainen Suomi», 1963, 31. Vuosikerta.
22. «Helsingin Sanomat», 29.11.1962.
23. «Suomen Sosialidemokraatti», 16.10.1962.

24. «Parnasso», 1960, N 8.
25. «Krua», 1960. Paris.
26. «Parnasso», 1960, N 8.
27. «Kuva posti», 1962, N 8.
28. «Kuva posti», 1962, N 8.
29. «Kuluttaia», 1963, N 19.
30. «Nuestra Palabra», 16.10.1965. Buenos-Aires.
31. «L'Humanité», 16.10.1965. Paris.
32. «Kansan Uutiset», 16.10.1965. Helsinki, p. 7.
33. «Suomen Sosialidemokraatti», 16.10.1965.
34. «Uusi Suomi», 16.10.1965. Helsinki.
35. «Helsingin Sanomat», 16.10.1965.
36. «Aamulehti», 16.10.1965. Tampere.
37. «Kansan Uutiset», 17.10.1965. Helsinki, p. 8.
38. «Kansan Uutiset», 16.10.1965. Helsinki, p. 7.
39. «Молот», 10.11.1965. Ростов-Дон.
40. Ларин М. Дар всему миру.— В сб.: Слово о Шолохове. М., «Правда», 1973.

ШВЕЦИЯ

1. Sjolochov Michail. Stilla flyter Don. Auktoriserad översättning fran ryskan av David Belin. Stockholm, «Tidens Förlag», 1930, 398 s.
2. «Dagens Nyheter» (Stockholm), 21.10.1930.
3. «Svenska Dagbladet» (Stockholm), 16.11.1930.
4. «Social-Demokraten» (Stockholm), 27.11.1930.
5. «Dagens Nyheter», 1.12.1931.
6. «Svenska Dagbladet», 21.10.1931.
7. «Arbetarbladet», 18.12.1931.
8. Л. Сюч. Заметка из стенгазеты «Коминтерновец» (клуба иностранных рабочих завода Ростсельмаш). 5.5.1935. Хранится в Шолоховском фонде. РОМК, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 40/6.
9. Staffan Dahl. Kungliga Biblioteket. 1.10.1964. Письмо автору.
10. «Stockholms Tidningen-Stockholms Dagblad», 19.12.1934.
11. «Arbetet» (Malmö), 18.10.1934.
12—13. Edfelt Johannes. Ett kosackepos. Edfelt Johannes. Stilla flyter Don altjamt. Фотокопии статей получены от издательства «Тиден» без указания названия газеты (журнала) и дат публикации.
14. Stig Ahlgren.— «Sudsv. Dagbladet». Фотокопия статьи получена от издательства «Тиден» без указания заголовка и даты публикации.
15. «Morgon Dagbladet», 20.10.1940.
16. «Social-Demokraten» (Stockholm), 9.11.1942.
17. «Social-Demokraten», 3.11.1935.
18. «Nya Dagligt Allehanden», 30.11.1939.
19. Staffan Dahl. Kungliga Biblioteket. 9.1.1965. Stockholm. Письмо автору.
20. Бейт Кристель, генеральный директор «Тиден Форлаг». 29.3.1966. Стокгольм. Письмо автору.
21. Sjolochov M. Till mina svenska läsare! 2.7.1957.— Sjolochov M. Stilla flyter Don. Första delen. Stockholm, «Tidens Förlag», 1957, s. (1).
22. Sjolochov M. Stilla flyter Don. Andra delen. Stockholm, «Tidens Förlag», 1957. Аннотация на обложке книги.
23. Sjolochov M. Stilla flyter Don. Auktoriserad översättning från ryskan av David Belin. Stockholm, «Tidens Förlag», 1930, kapit. XXI, s. 103.
24. Шолохов М. Тихий Дон, кн. 1-я. М.—Л., «Московский рабочий», 1928, гл. XXIII, с. 121—124. То же. Шолохов М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, гл. XXIII, с. 109—112.

25. Шолохов М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, гл. VII, с. 148—154; гл. XV, с. 190—192; гл. XVII, с. 198—205.
26. Sjolochov M. Stilla flyter Don. Första delen. Auktoriserad översättning från ryskan av David Belin. Stockholm, «Tidens Förlag», 1957, s. 17.
27. Шолохов М. Собр. соч., т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я. М., ГИХЛ, 1956, гл. XI, с. 163.
28. Sjolochov M. Stilla flyter Don. Första delen. Stockholm, «Tidens Förlag», 1957, kajit, VIII, s. 151.
29. Шолохов М. Тихий Дон, кн. 2-я. М.—Л., «Московский рабочий», 1929, с. 8—11. То же. Шолохов М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 11—12.
30. Шолохов М. Тихий Дон, кн. 2-я. М.—Л., «Московский рабочий», 1929, с. 379—384; 388; 391—392.
31. Шолохов М. Собр. соч., т. 3. «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 238—239.
32. Storck Sven. Några moderna ryska författare. Stockholm, 1947, s. 99, 103, 104, 105.
33. Sjolochov M. Nyplöjd mark. Auktoriserad översättning från ryskan av David Belin. Stockholm, «Tidens Förlag», 1935.
34. Storck Sven. Några moderna ryska författare. Stockholm, 1947, s. 109.
35. Там же, с. 102, 109.
36. Sjolochov M. Skörd vid Don. Roman. Översättning av Karin de Laval. Stockholm, «Tidens Förlag», 1961.
37. Sjolochov M. Nyplöjd mark. Roman. Auktoriserad översättning av David Belin. Stockholm, «Tidens Bokklub», 1959, Аннотация к роману.
38. Sjolochov M. Skörd vid Don. Roman. Översättning av Karin de'Laval. Stockholm, «Tidens Förlag», 1961. Аннотация на обложке книги.
39. «Stockholms — Tidningen», 4.3.1960.
40. «Dagens Nyheter», 2.5.1960.
41. «Arbetet» (Malmö), 6.12.1961.
42. «Morgon Tidningen», 23.2.1958.
43. Staffan Dahl. Kungliga Biblioteket. Stockholm, 9.1.1965. Письмо автору.
44. Sjolochov M. Den azurblå stäppen och andra noveller. Översättning av Staffan Dahl. Stockholm, «Tidens Förlag», 1961. Аннотация к сборнику рассказов.
45. Sjolochov M. Husbonden. Översättn. N. A. Nilsson. Sjolochov M. Ett människoöde. Stockholm, «Tidens Förlag», 1965, s. 81—98.
46. «Dagens Nyheter», 17.6.1966.
47. «Правда» (Москва), 16.10.1965.
48. Там же, 19.10.1965.
49. «Ny Dag» (Stockholm), 22—28.10.1965.
50. «Dagens Nyheter», 16.10.1965, s. 7.
51. «Svenska Dagbladet», 16.10.1965.
52. «Правда», 19.10.1965.
53. Там же, 23.10.1965.
54. ЦК КПСС и Совет Министров СССР.— Товарищу Шолохову Михаилу Александровичу.— «Правда», 29.10.1965.
55. Christell Bengt. general. director «Tidens Förlag». Цит. по оригиналу речи, подаренному в Шолоховский фонд РОМК.
56. «Dagens Nyheter», 11.12.1965, s. 1, och 23.
57. «Dagens Nyheter», 11.12.1965, s. 23.
58. «New York Herald Tribune», 16.10.1965.
59. «Combat» (Paris), 16—17.10.1965, p. 10.
60. «La Prensa» (Buenos-Aires), 16.10.1965, p. 1.

61. P. S. Protokoll från Svenska Akademien.— «Expressen» (Stockholm), 10.12.1965.
62. «Ny Dag» (Stockholm), 17.12.1965.
63. Цит. по фотокопии Нобелевского диплома, полученной от М. А. Шолохова.

АЗИЯ

КИТАЙ

1. Петров В. Лу Синь. М., ГИХЛ, 1960, с. 346.
2. Лу Синь. Письмо Ли Бинь-чжуну. 6.3.1931.— В кн.: Лу Синь. Собр. соч., т. 4. ГИХЛ, 1956, с. 82.
3. Лу Синь. Приветствую литературные связи Китая и России. В кн.: Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 100.
4. Шолохов. Цзин цзиды Дунь хэ («Тихий Дон»), ч. I и II. Пер. Хэ Фэя. Шанхай, «Шэньчжоу Гогуан-шэ», 1931, Октябрь, 346 с. («Библиотека современной литературы» под ред. Лу Синя).
5. Профессор-китаевед В. В. Петров. 15.7.1969. Ленинград. Письмо автору.
6. Газ. «Дружба» (Пекин), 24.5.1955.
7. Лу Синь. Послесловие к «Тихому Дону» от 16.9.1930.— В кн.: Лу Синь. Полн. собр. соч., т. 7. Пекин, «Жэньминь вэньсюэ чубань-шэ», 1958, с. 587—589.
8. Лу Синь, там же.
9. Лу Синь. Полн. собр. соч., т. 7. Пекин, «Жэньминь вэньсюэ чубань-шэ», 1958, с. 587. Примечание китайских редакторов к «Послесловию» Лу Синя.
10. Цюй Цю-бо. Европеизированная литература.— В кн.: Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. Пер. с китайского М. Е. Шнейдера. М., ГИХЛ, 1959, с. 183.
11. «Иностранная литература» (Москва), 1957, № 9, с. 217.
12. Лу Синь. О сожжении книг в Китае и Германии.— В кн.: Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 174—175.
13. Лу Синь. Злые духи китайской литературы.— В кн.: Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1955, с. 365.
14. Шолохов. Тихий Дон. Пер. Чжао Сюнь и Хуан И-жэнь. Шанхай, «Гуанмин шуцзюй», 1936.
15. Шолохов. Бэйкай кэньди чонюй-ди («Поднятая целина»). Пер. Ли Бо. Шанхай, «Шэнхо», 1936, сентябрь.
16. Цзинь Жэнь. Предисловие к «Тихому Дону» от 4.8.1940 г.— В кн.: Шолохов. Цзин цзиды Дунь хэ («Тихий Дон»), т. I. Пер. Цзинь Жэня. Шанхай, «Гуанмин шуцзюй», 1949, с. 4.
17. Цзинь Жэнь, там же, с. 2—3.
18. «Вэньсюэ цуйбао», 1936, № 2, май, с. 148—150.
19. Чжоу Ли-бо. Чему учит советская литература.—«Правда», 14.2.1954.
20. Ли Бо. Послесловие к шанхайскому изданию «Бэйкай кэньди чунюй-ди», (1936) — В кн.: Шолохов. Бэйкай кэньди чунюй-ди («Поднятая целина») в 2-х кн. Пер. Ли Бо. Дальний, «Чжун су юхао сехуэй», 1946, с. 462—463. Послесловие датировано сентябрем 1936 г.
21. Ли Бо, там же.
22. «Вэньсюэ юэбао» (Чунцин), 15.12.1940, т. 2, № 5.

23. Газ. «Дружба» (Пекин), 24.5.1955.
24. Цзинь Жзинь. Послесловие ко 2-й книге «Тихого Дона» от 8.5.1940.— В кн.: Шолохов. Цзин цзинды Дунь хэ («Тихий Дон»), т. 2. Пер. Цзинь Жэня. Шанхай, «Гуанмин шуцзюй», 1949, с. 475.
25. Цзинь Жзинь. Предисловие к «Тихому Дону» от 4.8.1940 г.— В кн.: Шолохов. Цзин цзинды Дунь хэ («Тихий Дон»), т. I. Пер. Цзинь Жэня. Шанхай, «Гуанмин шуцзюй», 1949, с. 4, 6, 7.
26. Цзинь Жэинь. Послесловие к 4-й книге «Тихого Дона» от 14.7.1941.— В кн.: Шолохов. Цзин цзинды Дунь хэ («Тихий Дон»), т. 4. Пер. Цзинь Жэня. Шанхай, «Гуанмин шуцзюй», 1949, с. 565—567.
27. Цзинь Жзинь, там же, с. 566.
28. Шолохов. На Дону. Пер. Би Шань.— Журн. «Ецао», 1941, т. 3, № 1. (15.9).
29. Шолохов. На Дону. Очерк. Пер. Ван Юй-цзинь.— Журн. «Взньи чжэньди», 1942, т. 6, № 4. (10.4).
30. Шолохов. Ощущение жизни. Пер. Цзя Чжи.— Журн. «Взньи чжэньди», 1942, т. 7, № 4. (20.11).
31. Чжоу Ли-бо. Второе послесловие к «Поднятой целине».— «В кн.: Шолохов. Бэйкай кэньди чунюй-ди («Поднятая целина»). Пер. Ли Бо (Чжоу Ли-бо). Пекин, «Цзоцзя чубань-шэ», 1954. Послесловие датировано августом 1954 г.
32. Цао Цзин-хуа. Советская литература и ее китайские читатели.— «Литературная газета» (Москва), 9.12.1954.
33. Цзинь Жзинь. Послесловие «Шолохов и «Тихий Дон».— В кн.: Шолохов. Цзин цзинды Дунь хэ («Тихий Дон»), т. 4. Пер. Цзинь Жэня. Пекин, «Жэньминь взньсюэ чубань-шэ», 1957.
34. «Дагун бао», 17.11.1949.
35. Цзинь Жэнь. Послесловие к 8-му изданию «Тихого Дона».— В кн.: Шолохов. Цзин цзинды Дунь хэ («Тихий Дон»), т. I. Пер. Цзинь Жэня. Пекин, «Жэньминь взньсюэ чубань-шэ», 1950.
36. Кан Чжо. Об одной книге Шолохова.— Журн. «Вэньи бао», 1949, т. I, № 4. См. также: Малиновская Т. А. Произведения М. Шолохова в Китае.— В кн.: Михаил Шолохов. Сб. статей. Ленинградский гос. университет, 1956, с. 231—232.
37. Письмо Союза писателей Китая (Комитет зарубежной литературы). 22.12.1954.— В кн.: Михаил Шолохов. Сб. статей. Ленинградский гос. университет, 1956, с. 250.
38. Шолохов. Поднятая целина. Изложение Мэи Фаня. Изд. 2-е, Харбин, «Гуанхуа шудянь», 1948, июль. То же, изд. 1-е. Пекин, «Чжунго циньнянь чубань-шэ», 1948; изд. 2-е. 1949.
39. Цзя Цзи. Чему учит нас «Поднятая целина».— «Чжунго циньнянь», 1953, № 24, с. 28—31.
40. Лю Чао. На пути к новой жизни. О Майданникове.— «Чаицзян вэньи», 1955, № 11.
41. Пань Цзи-цзюн. Деревенские работники должны учиться у Давыдова.— «Жэньминь жибао» (Пекин), 6.12.1953.
42. Дан И. Учиться революционному духу Давыдова.— Газ. «Цюнь-чжун жибао» (Сиань), 3.4.1954.
43. Шолохов. Письмо к китайским читателям.— «Жэньминь жибао», 5.I.1955, с. 3.
44. Фэн Цзянь-нань. Вместе со мной участвовать в большом споре на село отправился Давыдов. Открытое письмо тов. Шолохову от 22.9.1957 г.— Журн. «Взньи бао» (Пекин), ноябрь 1957.
45. Фэн Цзянь-нань. Открытое письмо тов. Шолохову.— В кн.: Спасибо советской литературе за помощь мне. Сб. статей. Пекин, «Цзяоцзя чубань-шэ», 1958 (август), с. 92—99.
46. Ян Цзи-яо. Письмо к М. А. Шолохову от 9.2.1959 г. Тайшань. По-

лучено из архива редакции журнала «Советско-китайская дружба» от известного китаеведа В. Н. Рогова.
47. Протокол всеармейского совещания по вопросам работы в области литературы и искусства.— «Жэньминь жибао», 29.5.1967.
48. «Жэньминь жибао», 22.10.1967, с. 5.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же.
52. Цао Ин. Послесловие переводчика к «Донским рассказам».— В кн.: Шолохов. Дуньхэ гуши. Пер. Цао Ин. Шанхай, «Вэньи чубань-шэ», 1959.
53. Борьба с ревизионизмом на экзамене.— «Жэньминь жибао», 23.10.1967, с. 4.
54. Чжан Ли-юнь. Читая новый шедевр Шолохова «Судьба человека».— «Гуанмин жибао», 16.3.1957.
55. Фан Шу-минь. Прославление русского характера.— «Чунго циннянь бао», 21.3.1957.
56. «Жэньминь жибао», 22.10.1967.
57. Протокольная запись собеседования в бригаде коммуны «Хунсин шэ» («Красная звезда»).— «Жэньминь жибао», 5.11.1967.
58. «Жэньминь жибао», 11.11.1967, с. 4.
59. Там же, 22.11.1967, с. 6.
60. Там же, 11.11.1967.

ЯПОНИЯ

1. Курахара Корэхито. Путь к пролетарскому реализму.— Журн. «Сэнки» (Токио), 1928, № 5.
2. Шолохов. Тити. Пер. Кимура Т. и Матоба Т.— В кн.: Гэндай Россия 30 нэн сю, т. I. Токио, Изд-во «Рэймэй-ся», 1929, с. 177—192. «Тити» — рассказ «Семейный человек».
3. Танака-меморандум.— В кн.: Дипломатический словарь, т. II. М., Госполитиздат, 1950, с. 797.
4. Шолохов. Сидзуканару Дон («Тихий Дон»), т. I. Пер. Сотомура Сиро. Токио, «Тэтто сёин», 1931.
5. Хацукадэ И. 28.8.1964. № 1323. Токио. Национальная библиотека. Письмо автору.
6. Йокота Мидзухо. Послесловие.— В кн.: Шолохов. Сидзукана Дон. В 3-х т. Т. I. Пер. Йокота Мидзухо. Токио, «Кавадэ сёбо синся», 1960, с. 577.
7. Мураи Такаюки. 10.10.1967. Кагава-кэн. Университет Кагава. Письмо автору.
8. Фриче В. М. Очерк развития западных литератур. Пер. Сотомура Сиро. Токио, «Тэтто сёин», 1930. Реклама издательства (10.12.1930).
9. Шолохов. Сидзуканару Дон, т. I. Пер. Сотомура Сиро. Токио, «Тэтто сёин», 1931. (Научно-исследоват. ин-т пролетарской науки. Библиотека советской литературы). Книга подготовлена научно-исследовательским обществом советской литературы.
10. Абэ Иосиэ. 2.2.1965. Токио. Письмо автору.
11. Шолохов. Хиракарэта сёдзёти («Поднятая целина»). Пер. Уэда Сусуму. Токио, «Наука-ся», 1933. (129). На экземпляре книги, подаренной РОМК, дарственный автограф известного переводчика русской литературы Хара Хасантиро профессору-переводчику Курода Тацуо.
12. Шолохов. Сидзуканару Дон, т. I. Пер. Сотомура С. Токио, «Микаса сёбо», 1935. 658 с. Предисловие переводчика.

13. Шолохов. М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 10.
14. Шолохов. Сидзуканару Дон, т. 2. Пер. Сотомура С. Токио, «Микаса сёбо», 1935, с. 8.
15. Шолохов М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 12.
16. Шолохов. Сидзуканару Дон, т. 2. Пер. Сотомура С. Токио, «Микаса сёбо», 1935, с. 15—16.
17. Шолохов М. Собр. соч., т. 3, «Тихий Дон», кн. 2-я. М., ГИХЛ, 1957, с. 13—14.
18. Шолохов. Сидзуканару Дон, т. 2. Пер. Сотомура С. Токио, «Микаса сёбо», 1935, с. 18.
19. Хара Такуя. 27.2.1965. Токио. Письмо автору.
20. Курахара К. Атогаки (Послесловие). 19.2.1952.— В кн.: Шолохов. Сидзуканару Дон, т. I. Пер. Сотомура С. Токио, «Микаса сёбо», 1952, с. 260—261.
21. Мураи Такаюки. 7.11.1966. Токио. Письмо автору.
22. Сякай И. 16.8.1966. Токио. Национальная библиотека. Письмо автору.
23. Мураи Такаюки. 21.6.1966. Токио. Письмо автору.
24. Шолохов. Сидзукана Дон. В 3-х т. Т. 1. Пер. Йокота Мидзухо. Токио, «Кавадэ сёбо синся», 1960. Послесловие переводчика, с. 577—578.
25. Кобаяси Такидзи. Четыре интереса.— Газ. «Иомиури» (Токио), 20.6.1931.
26. Кобаяси Такидзи. Чему учит «Тихий Дон»? — Газ. «Кокумин симбун» (Токио), 17 и 19.8.1931.
27. Кобаяси Т. Прочтите эти книги.— Журн. «Сэнки» (Токио), 1931, № 9.
28. Абэ Иосиэ. Встреча с Шолоховым на тихом Дону.— Журн. «Кайдзо» (Токио), 1936, № 2.
29. Шолохов. Сидзукана Дон, т. 1. Пер. Уэда Сусуму и Йокота Мидзухо. Токио, «Наука-ся», 1950. (30.6). Аннотация к книге.
30. Абэ Иосиэ. 11.11.1964. Токио. Письмо автору.
31. Курахара Корэхито. Послесловие.— В кн.: Шолохов. Сидзуканару Дон, т. 1. Пер. Сотомура Сиро. Токио, «Микаса сёбо», 1952.
32. Дзюгэ Такаси. Послесловие к шестой части «Тихого Дона» — В кн.: Шолохов. Сидзуканару Дон, т. 3. Пер. Дзюгэ Такаси. Токио, «Кадокава сётэн», 1952.
33. Хацукадэ И. 28.8.1964 и 16.8.1966. Токио. Национальная библиотека. Письма автору.
34. Кудо Юкио. Советская литература в Японии.— Журн. «Азия и Африка сегодня» (Москва), 1966, № 7, с. 43.
35. Шолохов — В кн.: Дай хякка дзитэн, т. 13. Токио, «Хэйбон-ся», 1938, с. 182.
36. Шолохов.— В кн.: Сэкай дай хякка дзитэн, т. 15. Токио, «Хэйбон-ся», 1957, с. 178.
37. Йокота Мидзухо. Послесловие к «Тихому Дону».— В кн.: Шолохов. Сидзукана Дон. В 3-х т. Т. 1. Пер. Йокота М. Токио, «Кавадэ сёбо синся», 1960, с. 578.
38. Хара Такуя. Шолохов.— В кн.: Сэкай бунгаку сёдзитэн. Токио, «Синтёся», 1966, с. 440—442.
39. Ара Масато, Сасаки Кинти и Хара Такуя. Отображение жестокостей. Беседа.— Ежемесячный бюллетень. Вкладыш в кн.: Шолохов. Сидзукана Дон. В 3-х т. Т. 2. Пер. Йокота М. Токио, «Кавадэ сёбо синся», 1960, с. 1—2. (Полное собрание мировой литературы, т. 43).
40. Ямадзаки Хатиро. «Тихий Дон» и социалистическая литература.— Ежемесячный бюллетень. Вкладыш в кн.: Шолохов. Сидзукана

Дон. В 3-х т. Т. 3. Пер. Йокота М. Токио, «Кавадз сёбо синся», 1960, с. 6—8. (Полное собрание мировой литературы, т. 44).
41. Театральная программа театра «Мингэй». Токио, 14.1.1965, № 10. К постановке «Поднятой целины» в пер. Хара Такуя, с. 6.
42. Хата. Это — впечатляет! — Газ. «Токио», 19.2.1965.
43. Такано Масао. Потрясающие массовые сцены.— Газ. «Майници» (Токио), 20.2.1965.
44. «Очарование индивидуальных характеров».— Газ. «Асахи» (Токио), 20.2.1965.
45. Сато Киоко. Волнующее зрелище.— «Молот» (Ростов-на-Дону), 30.4.1965.
46. Накано Сигэхару. Романы Шолохова.— В кн.: Театральная программа театра «Мингэй». Токио, 14.1.1965, № 10, с. 14.
47. Эгава Таку. Мир Шолохова — подлинный гуманизм революционной эпохи.— Газ. «Асахи» (Токио), 16.10.1965.
48. «Нобелевская премия Шолохову».— Газ. «Майници» (Токио), 16.10.1965.
49. Оно Митико. Особенности ранних рассказов Шолохова.— Журн. «Ниппон-Россия бунгакукай кайхо» (Токио), 1966, № 9, с. 23.
50. Там же, с. 28.
51. Шолохов в Японии.— Газ. «Майници» (Токио), 10.5.1966.
52. Лукин Ю. На тридевятой земле.— «Литературная Россия» (Москва), 28.10.1966, № 44, с. 14.
53. «В честь советского писателя» (Сообщение ТАСС).— «Молот», 25.5.1966.
54. Чествование советского писателя в Японии (Сообщение ТАСС).— «Молот», 27.5.1966.
55. Лукин Ю. Встречи Шолохова с японскими читателями.— «Правда», 29.5.1966.
56. Хара Такуя. Путешествуя с Шолоховым.— Газ. «Асахи» (Токио), 23.5.1966.
57. Такэда Я. Впечатление о Шолохове.— Газ. «Майници» (Токио), 27.5.1966.
58. Шолохов. Сидзукана Дон. В 2-х кн. Кн. 1-я. Пер. проф. Йокота Мидзухо. Токио, «Кавадз сёбо синся», 1966. (Полное собрание мировой литературы). Реклама на суперобложке.
59. Ямадзаки Хатиро. «Тихий Дон» и социалистическая литература.— Ежемесячный бюллетень. Вкладыш в кн.: Шолохов. Сидзукана Дон. В 3-х т. Т. 3. Пер. Йокота М. Токио, «Кавадз сёбо синся», 1960, с. 8. (Полное собрание мировой литературы, т. 44).

ИНДИЯ

1. БСЭ. Второе издание, 1953, том 18, с. 76.
2. Халдар Г. Связи между русской и бенгальской литературами.— Журн. «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, с. 137—138.
3. Аббас Ахмад. Литература делает друзьями.— «Правда», 15.12.1954.
4. «Indian Literature». Published quarterly by Sahitya Akademi, Radindra Bhavan. New Delhi. 1966 (January-March), Vol. IX, N 1, p. 64.
5. «Литературная газета». 30.10.1934. Москва.
6. Гунад Мукерджи. 4.3.1965. Нью-Дели. Письмо автору.
7. Фаридабади Саид Матлаби. Предисловие.— В кн.: Шолохов М. Тихий Дон («Бахта Дарья»). Лахор, «Санган Паблишерси Лимитед», 1941.
8. Natarjan A. L. Introduction.— Sholokhov M. Nilam Ennum Nallam («Virgin Soil Upturned»). Madras, «Pudumai Padippaham (private) Limited», 28.2.1958.
9. Natarjan A. L. Translator of the Novels by M. A. Sholokhov into Tamil Language. 3rd March 1965. Madras-17. Письмо автору.

10. D. Pandian. Sholokhov's 60th Birthday anniversary. 2.3.1965. Madras, 1. Письмо автору.
11. Ананд Д. С. Предисловие.— В кн.: Шолохов М. «Поднятая целина». Перевод на панджаб. язык Д. С. Ананда. Прит-Нагар (Панджаб), «Прит-Нагар Шап», август 1961.
12. «Arsee», 1966, January, p. 45.
13. «Arsee», 1966, August, p. 53.
14. Цитирую по статье Г. Мукерджи из газеты: «Patriot magazine», New Delhi. March 12, 1972.
15. «Patriot magazine», New Delhi. March 12, 1972.
16. Ram Basu. 25.2.1965. Calcutta. Письмо автору.
17. «The Hindustant Times», 16.10.1965, p. 9.
18. «Indian Literature». Published quarterly by Sahitya Akademi, Rabindra Bhavan. New-Delhi. 1966. (January-March), Vol. IX, N 1, p. 64—70.
19. «The Bharat Jyoti», 17.10.1965, p. 3; 24.10.1965, p. 8.
20. «New Age», 24.10.1965, p. 13.
21. Mukerjee G. Mikhail Sholokhov.— «Indian Literature». Published quarterly by Sahitya Akademi, Rabindra Bharan. New Delhi. 1966 (January-March) Vol. IX, N. 1.
22. Сборник статей на языке панджаби: «Михаил Шолохов. Литературные исследования». Панджабский университет. Гор. Патиала. 1968, с. 1—2.
23. Профессор Г. С. Талиб. Гуманизм творчества М. Шолохова. Там же, с. 23—33.
24. Профессор С. С. Нерула. Мастерство Шолохова-романиста. Там же, с. 35—44.
25. Мульк Радж Ананд. Письмо в Вешенскую.— В кн.: «Михаил Александрович Шолохов». Сборник статей. М., «Правда», 1966, с. 26 и 28.
26. D. Pandian. 2.3.1965. Madras, 1. Письмо автору.
27. Ram Basu. 25.2.1965. Calcutta, 6. Письмо автору.
28. Dr. Prabhakar Machwe, Sekretary, Sahitya Akademi. Sholokhov: An indian writer's tribute». «Soviet Land», N 13, july 1973, p. 44
29. C. Rajeswara Rao. General secretary of Communist party of India. Moscow. 30.3.1971. Автограф.— В кн.: Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. Moscow, Progress Publishers, 1968. Книга хранится в РОМК.
30. Ашок Ранаде. Малый эпос М. Шолохова «Тихий Дон». Сборник «Махараштра Сахитья Патрика», № 180, 1972 (январь—февраль—март), с. 26.
31. «Neue Deutsche Hefte». München. 1960. Mai. Heft 70, S. 154.
32. Ашок Ранаде. Малый эпос М. Шолохова «Тихий Дон». Там же, с. 27.
33. Muchnic Helen. From Gorky to Pasternak. New-York, 1961, p. 308—309.
34. Ашок Ранаде, в том же сборнике, стр. 26.
35. Dr. Prabhakar Machwe. Sekretary, Sahitya Akademi. «Soviet Land», N 13, July 1973, p. 44.

ВЬЕТНАМ

1. Dinh Kim Khanh. P. le directeur et p. o. le Charge de la Section d'Echanges culturelles. Bibliothèque Nationale de la R.D.V. Hanoi. 16.9.1964. N. 456 — T. V. Письмо автору.
2. So-lo-khop (M.). Cam thu. Hoc. Phi dich. Nung yên, nha in «Chi Tuong», 1946, 66tr.
3. Doe Sach Bao. So phan con nguoi.— «Van Nghê» (Hà-nôi). Sõ 18 thang, 11 năm 1958.
4. Mi-khai-lo So-lo-khop. Sông Dông êm đêm. Nguyên Thuy Ung dich tu tiêng Nga. Nà-nôi. Nxb «Van Hóa», 1959—1961, T. 1—8.

5. S o - l o - k h o p M. Sông Dông êm dêm. Tap. I. Nguyên Thuy Ũng dich. Hà-nôi, Nxb «Văn Hóa», 1959. Издательская реклама на суперобложке книги.
6. N g u y ê n T h u y Ũ n g. M. So-lo-khop va. Sông êm dêm.— So-lo-khop M. Sông Dông êm dêm. Tap. I. Hà-nôi, Nxb «Văn Hóa», 1959, tr. XXI.
7. Т а м ж е, с. XIX.
8. Т а м ж е, с. XXIV.
9. S o - l o - k h o p (M.) Dât vo hoang. Giai thuong văn hoc Lê-nin năm 1960. Trúc Thiên va.., dich. Hà-nôi, Nxb «Văn Hóa», 1961. Предисловие к изданию.
10. H o a n g T r i n h. Thu tim hieu So-lo-khop mot nghe si cua cuoc song va cua thoi dai.— «Nghiên cúu Văn hoc», 1960, N. 5.
11. H o a n g T r i n h. Ngay 25 thang 3 năm 1965. 20 ly Taai To. Hà-nôl. Письмо автору.
12. H o a n g T r i n h (thay mat nhung nguoi dich «Dat vo Hoang»). Hà-nôl, ngay 24 thang 3 năm 1965. 24.3.1965. Письмо автору.

«ТИХИЙ ДОН» В АРАБСКОМ МИРЕ

ЕГИПЕТ, ИОРДАНИЯ, ИРАК, ЛИВАН, СИРИЯ

1. М и х а и л Ш о л о х о в. Аль-Дон аль-хади. Пер. Ибрагима Джазини. 2-е изд. Бейрут, «Дар аль-Камуз аль-Хадиз». Ноябрь, 1969.
2. Я х ь я Д. А б у с а р а. 6.6.1974. Ростов-на-Дону. Автограф в книге «Аль-Дон аль-хади» М. Шолохова. Бейрут, 1969.
3. Журнал «Огонек», № 38, 1968.
4. См.: Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 2 (397 стр.), т. 3 (413 стр.), т. 4 (433 стр.). М., ГИХЛ, 1956.
5. Издательская реклама на обложке в конце книги «Михаил Шолохов «Аль-Дон аль-хади». Пер. Ибрагима Джазини. 2-е изд. Бейрут, «Дар аль-Камуз аль-Хадиз». Ноябрь, 1969.
6. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 3. «Тихий Дон», кн. 2-я, стр. 397. ГИХЛ, 1957.
7. М и х а и л Ш о л о х о в. Аль-Дон аль-хадиз. Пер. Ибрагима Джазини. 2-е изд. «Дар аль-Камуз аль-Хадиз». Ноябрь. 1969, стр. 232.
8. Ш о л о х о в М. Собр. соч., т. 4, «Тихий Дон», кн. 3-я, главы — 2, 3, 5, 12, 17, 27 и 30.
9. М и х а и л Ш о л о х о в. Аль-Дон аль-хадиз. Пер. Ибрагима Джазини. Бейрут, «Дар аль-Камуз аль-Хадиз». 2-е изд. Ноябрь, 1969, стр. 232—240.
10. А б д а л ь - М у н и м С о б х и. От Дона к Нобелевской премии. Введение. Каир, «Дар аль-Китаб аль-Араби», 1967.
11. А б д а л ь - М у н и м С о б х и. Там же.
12. Х у с е й н М р у э, член ЦК Ливанской компартии, главный редактор журн. «Ат-Тарик». 10.5.1974. Письмо автору.
13. «Ат-Тарик», 1943, № 8. Бейрут.
14. «Ат-Тарик», 1943, № 8. Бейрут.
15. «Ат-Тарик», 1945, № 9—10, с. 17. Бейрут.
16. «Аль-Ахрам», 16.10.1965. Каир.
17. «Ас-Саура», 16.10.1965. Дамаск.
18. «Аль-Джумхурия», 16.10.1965. Каир.
19. «Ат-Талиа», № 11, ноябрь, 1965. Каир.
20. «Аль-Мусаввар», 29.10.1965. Каир.
21. Там же.
22. Агентство печати «Новости». Взято из газеты «Молот», 4.11.1965. Ростов-Дон.
23. Там же.

24. Гаиб Тума Фарман. 25.6.1974. Письмо автору.
25. Абу-Бакр Юсеф. 22.6.1974. Письмо автору.
26. Сеид Хавраине. 23.6.1974. Письмо автору.
27. «Аль-Мусаввар», 29.10.1965. Каир.
28. «Аль-Улум», № 10, октябрь, 1965. Бейрут.
29. Абд аль-Муиим Собхи. От Дона к Нобелевской премии. М. Шолохов — вожак социалистического реализма. Каир, 1967. «Дар аль-Китаб аль-Араби», 1967. Книга доставлена ростовским писателем П. Г. Аматуни.
30. Там же, с. 5 и 6.
31. Там же, с. 11.
32. Там же, с. 48—49.
33. Там же, с. 55, 58, 59, 65, 67, 56.
34. Там же, с. 72, 109, 84, 87.
35. Там же, с. 91, 93.
36. Хусейи Мруэ, член ЦК Компартии Ливана, главный редактор журн. «Ат-Тарик». 10.5.1974. Письмо автору.
37. Юсуф Салех Юсуф. гор. Зарка. Иордания. 9.8.1974. Письмо автору.
38. Халиль аль-Савахры, поэт и прозаик из г. Амман. Генеральный секретарь Ассоциации писателей Иордании. 10.8.1974. Письмо автору.
39. Абу-Бакр Юсеф. 22.6.1974. Письмо автору.

ИРАН

1. Фатима Сийах. Михаил Шолохов.— «Пейаме-ноу», № 1, 1946 г. (23.IX.—22.X), с. 57, Тегеран (иа перс. языке).
2. Там же, с. 61, 62, 63.
3. Там же, с. 63, 64.
4. Там же, с. 64.
5. Там же, с. 65.
6. Саид Нафиси. См. «Стенографич. отчет Второго Всесоюзного съезда советских писателей, 15—26.XII.1954 г.» М., «Советский писатель», 1956, с. 552.
7. З. Форушани. Предисловие к кн.: М. Шолохов. «Судьба человека». Тегеран, «Н.И.Л.», 1960, с. 4, 5.
8. Газета «Эттэлаат», 20—28.10.1962. Тегеран.
9. Газеты «Эттэлаат» и «Кейхан», 16.10.1965; журнал «Ханданиха», № 13, октябрь 1965.
10. «Эттэлаат», 17.10.1965, с. 11.
11. «Сохан», 1965, октябрь № 10, с. 1057—1058.
12. «Пейаме новин», 1965, № 9, ноябрь — декабрь, с. 4.
13. М. А. Бехазин. Предисловие к 1-й кн. «Тихого Дона» М. Шолохова. Тегеран, «Н.И.Л.», 1965, с. 7.
14. Там же, с. 11, 12.
15. Там же, с. 14.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же. с. 16.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

1. Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. Vol. I. Translated from the Russian by Stephen Garry. New York, «Alfred A. Knopf», 1934, 554 p.
2. «It can only be compared with Tolstoy's War and Peace». (Maxim Gorky).— Sholokhov M. And Quiet Frows the Don. New York, «Alfred A. Knopf», Published June 27, 1934. Из рекламы на обложке книги.
3. «New York Herald Tribune Books», 1.7.1934, p. 6.
4. «The Nation» (New York), 11.7.1934.
5. «New York Times», 15.7.1934, p. 6—14.
6. «The New Republic» (Washington), 15.8.1934, p. 26.
7. «Daily Worker» (New York), 13.7.1934, p. 5.
8. Sergius Yakobson, Chief, Slavic and Central European division. The Library of Congress. 23.7.1964. Washington, 25. Письмо автору.
9. Sholokhov M. The Don Flows Home to the Sea. First American edition. Transl. from the Russian by Stephen Garry. New York, «A. Knopf», 1941, 777 p.
10. «New-York Times Book Review», 3.8.1941, p. 3 and 10.
11. «Интернациональная литература» (Москва), № 11—12, 1941, с. 327—328.
12. «New Republic», 18.8.1941, p. 225—226.
13. «Интернациональная литература», 1941, № 11—12, с. 327—328.
14. «New Masses», 12.8.1941, p. 24; 19.8.1941, p. 22.
15. «Harper's Magasine» (New York), November, 1941.
16. Olga P. Ferrer. University of Maryland. 14.2.1970. Письмо автору.
17. «New Masses», 2.9.1941, p. 23.
18. «Post Meridian», 3.8.1941.
19. Sholokhov M. The Silent Don. I. And Quiet Flows the Don. II. The Don Flows Home to the Sea. Reissued in one volume. Transl. from the Russian by Stephen Garry. New York, «A. A. Knopf», June 1942.
20. Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. New York, «A. Knopf», September 1963. Из рекламы на суперобложке книги.
21. Harry Stevens. Article written on the occasion of Sholokhov's receiving the Nobel Prize, but never published. Page 4. December 1965. Brundall. Norfolk. Great Britain. Из статьи Гарри Стивенса, присланной в Шолоховский фонд в 1965 г.
22. Sholokhov M. A.— Collier's Encyclopedia. Vol. 17. New York, «P. F. Collier & Son. Corporation», 1955, p. 560.
23. The Encyclopedia Americana. Vol. 24. New-York-Chicago-Washington. 1955, p. 10.
24. Encyclopedia Britannica. Vol. 19. Chicago-London-Toronto, 1956, p. 757—758.
25. Sholokhov M. A. Encyclopedia Britannica. Vol. 20. Chicago-London-Toronto. 1968, p. 576.
26. Harkins W. Sholokhov M. A.— Harkins W. A dictionary of Russian Literature. New York, 1956, p. 357.
27. Struve Gleb. Soviet Russian Literature. 1917—1950. Norman, «University of Oklahoma Press», 1951, p. 131—132.
28. Simmons E. Russian Writing Since the Revolution.— «The Saturday Review of Literature» (New York), 15.1.1944, p. 3.
29. Simmons E. Russian Fiction and Soviet Ideology. New York, 1958, p. 172.

30. Потапов К. Послесловие.— В кн.: Шолохов М. Тихий Дон, кн. 4-я. Изд. испр. М., ГИХЛ, 1953, с. 480—482, 491.
31. Simmons E. Russian Fiction and Soviet Ideology. New York, 1958, p. 219.
32. Alexandrova V. A. History of Soviet Literature. Transl. by Mirra Ginsburg. New York, Garden City. «Doubleday and Company, Inc». 1963. p. 230.
33. Hindus M. Afterword.— Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. Second Printing. New York, «A Signet Classic», March 1964, p. 518.
34. Stewart D. H. The Textual Evolution of the Silent Don.— «The American Slavic and East European Review», 1959, April, p. 226—237.
35. Сталин И. Соч., т. 12. М., Госполитиздат, 1949, с. 112.
36. Stewart D. The Textual Evolution of The Silent Don.— «The American Slavic and East European Review», 1959, April, p. 227, 234, 237.
37. Stewart D. The Silent Don in English.— «The American Slavic and East European Review», 1956, April, p. 266.
38. Olga P. Ferrer. New-Orlean. 6.3.1967. Письмо автору.
39. Stewart D. The Silent Don in English.— «The American Slavic and East European Review», 1956, April, p. 265.
40. Stewart D. Ditto, p. 265.
41. «Boston Transcript», 2.11.1935, p. 5.
42. «New Republic», 25.12.1935, p. 206.
43. «New-York Times», 10.11.1935, p. 8 and 24.
44. «New-York Herald Tribune», 10.11.1935.
45. «New-York Times», 13.2.1960, p. 3.
46. «New-York Times», 18.2.1960, p. 5.
47. Шолохов М. О маленьком мальчике Гарри и большом мистере Солсбери.— «Правда». 1.3.1960.
48. Жури. «Советский Казахстан» (Алма-Ата), 1955, № 5, май, с. 83.
49. Hindus M. Afterword.— Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. New York, «A Signet Classic», March 1964, p. 518.
50. «Time» (Atlantic Edition), 24.2.1960.
51. «Newsweek», 20.2.1961.
52. Alexandrova V. A History of Soviet Literature. Transl. by Mirra Ginsburg. New York, Garden City, «Doubleday and Company, Inc». 1963, p. 224.
53. «New-York Herald Tribune», 16.10.1965, p. 4.
54. Сталин И. Тов. Феликсу Кон. 9 июля 1929 г.— Соч., т. 12. М., 1949, с. 112.
55. Жури. «Советский Казахстан», 1955, № 5, май, с. 81—82.
56. «New Masses», August 12, 1941.
57. Muchnic Helen. From Gorky to Pasternak. New-York, 1961. p. 308—309.
58. Muchnic H. Sholokhov and Tolstoy.— «The Russian Review», 1957. April, p. 26—33.
59. Stewart D. Epic Design and Meaning in Mikhail Sholokhov's «Silent Don».— «Queen's Quarterly», 1960. vol. LXVII, N. 3, p. 415, 420.
60. Там же, с. 421, 422, 426, 427.
61. Muchnic H. Sholokhov and Tolstoy.— «The Russian Review», April 1957, p. 34.
62. Шолохов М. Собр. соч., т. 5. М., ГИХЛ, 1957, с. 476.
63. Там же, с. 474, 475.
64. Muchnic H. Sholokhov and Tolstoy.— «The Russian Review», 1957, April, p. 28, 33.
65. Stewart D. Epic Design and Meaning in Mikhail Sholokhov's «Silent Don».— «Queen's Quarterly», 1960, vol. LXVII, N. 3, p. 430.

66. Stewart D. Mikhail Sholokhov. A Critical Introduction. Ann Arbor, «The University of Michigan Press», 1967, 250 p.
67. Stewart D. Ditto. Chapter II, p. 23, 33, 34.
68. Stewart D. Ditto. Chapter V, p. 136.
69. Stewart D. Ditto. Chapter V, p. 137, 140; 132, 162.
70. Stewart D. H. Mikhail Sholokhov. A Critical Introduction. Ann Arbor, 1967. Рец.: Foleiewski L.— «The Slavic and East European Journal», p. 91—94.
71. Stewart D. Mikhail Sholokhov. A Critical Introduction. Ann Arbor, «The University of Michigan Press», 1967, Appendix A., p. 188, 194.
72. Stewart D. Ditto. Appendix A., p. 197.
73. Stewart D. Ditto. Appendix A., p. 194, 199.
74. «New-York Times», 16.10.1965.
75. «New-York Herald Tribune», 16.10.1965, p. 4.
76. «The Nation» (New-York), 22.8.1966, p. 164.
77. «За рубежом», 1965, № 51, с. 6.
78. Заметка из стенгазеты «Коминтерновец» (клуба иностранных рабочих завода Ростсельмаш), 1935, май. РОМК. Шолоховский фонд, ф. 2, оп. 10, ед. хр. 48/5.
79. «New-York Herald Tribune», 16.10.1965, p. 4.
80. Kennet A. Kulkin. 14.12.1968. USA. Письмо издательству «Прогресс» (Москва).
81. Lester D. Ezrati. 1.3.1969. New-York. Письмо издательству «Прогресс».
82. Еголин А. За высокую идейность советской литературы.— В сб.: «Против безыдейности в литературе». М., «Советский писатель», 1947, с. 29.
83. Мохначев М. Хемингуэй говорит...— «Известия», 19.3.1960.
84. Upton Sinclair. Autographs from 19 and 20 July, 1964. Monrovia California. USA. Хранится в РОМК.
85. Paul Robson. Autograph in «And Quiet Flows the Don». June 1964. New-York. Книга хранится в РОМК.
86. Miller Arthur. In Russia.— «Harper's Magazine», 1969, September, p. 42.
87. «Огонек», 1970, № 21, с. 25.
88. Henry Winston. Autograph. 6.7.1969. Moscow.— Michail Solochov. Tichý Don. Praha, «Naše vojsko», 1967. Книга «Тихий Дон» с автографом Генри Уинстона. Хранится в РОМК.
89. «XX Century World Literature Encyclopedia». New-York. 1972.
90. «Fierce and Gentle Warriors». Three Stories Mikhail Sholokhov. Transl. by M. Morton. «Doubleday & Company. Inc». Garden City. New-York. 1967.

АРГЕНТИНА

1. Schostakovsky Pablo. Historia de la Literatura Rusa. Buenos-Aires, P. Editorial «Losada S. A.». 1945, p. 464, 465, 467, 468.
2. Е. А. Шостаковская. 29.10.1965. Минск. Письмо автору.
3. Е. Г. Фишер-Давиля. 24.2.1965. Буэнос-Айрес. Письмо автору.
4. Cholokhov M. Sobre el Don Apacible. Buenos-Aires, «Ediciones Progresso y Cultura», 1942, p. 7—8.
5. «Tierra Rusa» (Buenos-Aires), 15.10.1942. N. 21, p. 26.
6. «Tierra Rusa», 1.10.1942, N. 20, p. 13—15.
7. «Tierra Rusa», 15.10.1942, N. 21, p. 11.
8. С. Беляев. Март, 1965. Буэнос-Айрес. Письмо автору.
9. Cholojov M. Se desbordó el Don. Trad. directa del ruso por S. Belajeff y E. Lapacó. Buenos-Aires, «Ediciones Progreso y Cultura», 30.6.1943. Аннотация к книге.

10. Анатолий и Нина Задерман. 4.4.1965. Буэнос-Айрес. Письмо автору.
11. «La Prensa» (Buenos-Aires), 16.10.1965, p. 1—2.
12. «Clarin» (Buenos-Aires), 16.10.1965.
13. «Propósitos» (Buenos-Aires), 16.10.1965, p. 2.
14. «Propósitos», 16.10.1965, p.1.
15. Эльвио Ромеро. Признание.— «Литературная газета». 11.12.1965.
16. «Nuestra Palabla» (Buenos-Aires), 16.10.1965.
17. «Огонек» (Москва), 1970, № 21, с. 25.
18. Rodolfo Gioldi, Paulino Alberdi. Moscú, 19.6.1969.—Solochov M. Tichi Don. Praha, «Naše Vojsko», 1967. Книга «Тихий Дон» с автографом Родольфа Гиольди и Паулино Альберди хранится в РОМК.
19. «Огонек», 1970, № 21, с. 25.
20. Luis Karlos Prestes. Moscú. 19.VI.1969.— Scholochov M. Der stille Don. Berlin, Verlag «Volk und Welt», 1964. Книга «Тихий Дон» с автографом Л. К. Престеса хранится в РОМК.
21. Jesus Faria. 20.VI.1969.— Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. Книга «Тихий Дон» с автографом Хесус Фариа хранится в РОМК.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ТВОРЧЕСТВА М. А. ШОЛОХОВА

1. «Tribüne». Magdeburg-Anhalt. 5.11.1929; «L'Humanite», 2.3.1930; «Loll-F.-Venstreblad» 13.5.1932.
2. «100%», 1929, N 6, sz. 261. Budapest.
3. Бела Иллеш. Там же, с. 261.
4. «Die Linkskurve», 1929, N 3, S. 34. Berlin.
5. Ф. Абрамов, В. Гура. «М. А. Шолохов». Семинарий. М., Учпедгиз, 1958, с. 12—27.
6. «Berliner Tageblatt», 9.11.1930; «Dagans Nuheter», 21.10.1930; «Berlingske Tidende». 27.4.1932; «The Times», «Lit. Suppl». 5.4.1934; «New-York Times». 15.7.1934.
7. Шолохов М. Собр. соч. т. 2, «Тихий Дон», кн. 1-я, с. 384.
8. См. в этой книге главу «Швеция», примечание № 8.
9. «Sunday Graphic and Sunday News», 3.6.1934. London.
10. «Die Rote Fahne», 8.11.1930. Berlin.
11. «Огонек», 1970, № 21.
12. «Korunk», 1930, N 12. Klug.
13. «L-Humanite», 2.3.1930. Paris.
14. «Daily Worker», 13.7.1934. New-York.
15. «Огонек», 1970, № 21.
16. «Luceafărul», 23.10.1965. Bucureştl.
17. «Savremenik», 1931, VIII—IX, N 14—15, с. 216—217. Beograd.
18. «Tilsküiren», 1932, VI, 449—460.
19. «Post Meridian», 3.8.1941. New-York.
20. Л. Толстой. Письмо Н. Н. Страхову 3.3.1872.
21. «Indice», 1966, N 207. Madrid.
22. «Propositos», 16.10.1965, Buenos-Aires.
23. «Литературная газета», 4.3.1965.
24. «Jadranski Dnevnik», 1937, N 172, 2—3.
25. «Serra D'Or», 1966, Gener. Madrid.
26. «New-York Times». Book Revew», 3.8.1941.
27. Сб. «Шолохов». М., «Правда», 1966, с. 118.
28. «Литературное наследство», т. 70. «Горький и советские писатели». 1963, с. 697.

29. Бальзак О. Собр. соч. в 24-х т. Роман «Крестьяне», т. 18. Предисл. автора. М., «Правда», 1960.
30. F. Weiskopf «Literarische Streifzuge». Berlin, 1956, S. 139.
31. B. Kreft. «Portreti». Ljubljana. 1956, s. 356.
32. «Prosto z Mostu», 1935, N 1. Warszawa.
33. «Кокумин симбун», 3.8.1931. Токио.
34. J. Lindsey. 25.1.1965. Castle Hedingham. Halstead. Essex. Письмо автору.
35. Б. Кристель. Письмо Шолоховскому фонду Ростовского музея краеведения. 1966.
36. «Литературен фронт», 25.9.1959. София.
37. Сборник «Михаил Шолохов. Литературные исследования», 1968. Панджаб. университет, г. Патиала. Индия. Dr. Prabhakar Machwe. «Soviet Land», N 13, july 1973.
38. Judah Waten, Novelist. Australia. May 31, 1973. Письмо автору.
39. «Польское обозрение», 1965, № 23, с. 6. Вваршава.
40. «Uusi Suomi», 16.10.1965. Helsinki.
41. «Nuestra Palabra». 16.10.1965. Buenos-Aires.
42. Ram Basu. 25.2.1965. Calcutta. Письмо автору.

ОТ АВТОРА

Автор сердечно признателен ветеранам коммунистических партий, антифашистам Германии, Институту марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, редакциям газет «Нойес Дойчланд» (ГДР), «Юманите» (Франция), «Унита» (Италия), «Дейли уоркер» (Англия), «Руде право» (Чехословакия), «Борба» и «Виесник» (Югославия), «Литературен фронт» (Болгария), «Дзенник людовы» (Польша), «Непсабадшаг» (Венгрия), «Дн ваархейд» (Голландия), зарубежным переводчикам и издателям произведений М. А. Шолохова, писателям, литературоведам, журналистам, а также национальным библиотекам ГДР, Франции, Чехословакии, Болгарии, Польши, Венгрии, Югославии, Англии, США, Японии, Демократической Республики Вьетнам, Италии, Испании, Швеции, Алжира, Кубы, АРЕ, Австрии, Голландии, Греции, Ирана, Турции, Румынии, Финляндии, Стокгольмской городской библиотеке, Национальной Академии искусств Индии (Калькутта), библиотекам университетов: Загребского (Югославия), Барселонского (Испания), Ягеллонского (Краков, Польша), «Васэда» (Токио, Япония), Лейпцигского (ГДР), Амстердамского (Голландия), Мэрилендского, Мичиганского, Нью-Орлеанского (США) — за присланные уникальные издания книг «Тихого Дона», «Поднятой целины», статьи из прессы и библиографию.

Все зарубежные материалы — 400 книг произведений М. А. Шолохова, 1500 статей иностранной прессы, около 300 писем, автографы и фотодокументы — мною переданы в дар Ростовскому музею краеведения, к ним открыт свободный доступ. В структуре книги страны расположены не по алфавиту, а по хронологии первых изданий произведений М. А. Шолохова.

К сожалению, мною использованы и прокомментированы далеко не все материалы, полученные из-за рубежа. Обработка документов, присланных из Алжира, Кубы, Австрии, Голландии, Греции, Турции, Цейлона и Швейцарии еще не завершена, и вследствие этого они будут опубликованы позднее в периодической печати. В дальнейшем предполагается издание каталога Шолоховского фонда Ростовского областного музея краеведения.

Автор считает своим долгом поблагодарить Г. В. Абрамова, Е. П. Белинскую, А. А. Диброва, Т. С. Дудникову, С. А. Липскерову, А. С. Мальцева, Г. С. Петелина, Л. Н. Синичкину, А. С. Фарафонова, Е. А. Хохлачева, Э. В. Шафирову, В. М. Цильке, В. Е. Шмидт (Ростов-на-Дону), Д. А. Андрееву, О. А. Аизину, А. М. Балакина, Ф. Богданова, А. Г. Гатова, Е. Г. Грищенко, А. С. Илизарова, Л. И. Иоффе, О. Кругерскую, В. К. Ламшукова,

Т. А. Мартынову, М. В. Мартынова, Н. М. Морозову, Р. И. Морозову, И. С. Рабиновича, Н. М. Сафарову, И. Д. Серебрякова, А. Старостина, М. Е. Шнейдера, Т. Ц. Бальтерманц (Москва), В. В. Петрова (Ленинград), Л. Гусеву (Рига), И. Д. Грекул (Киев), А. А. Бородавкина за переводы зарубежных документов, использованных в этой книге.

Критические замечания, документы прессы и уникальные издания книг М. А. Шолохова можно присылать по адресу: **СССР, Ростов-на-Дону, 6. Ул. Энгельса, 79. Музей краеведения, Шолоховский фонд.**

Ст. Ахтанизовская-на-Тамани — Ростов-на-Дону
Январь 1961 — январь 1972 — октябрь 1974 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

О книге Константина Приймы 7

Европа 21

Германия (Веймарская республика) . 21

Германская Демократическая Республика 42

Письма из ГДР 65

Федеративная Республика Германии . 79

Франция 99

Чехословакия 127

Дания 138

Польша 151

Болгария 168

Англия 186

Венгрия 213

Югославия 234

Норвегия 258

Италия 268

Испания 279

Румыния 291

Финляндия 306

Швеция 322

Азия 343

Китай 343

Япония 363

Индия 391

Вьетнам 409

«Тихий Дон» в арабском мире. Египет, Иордания, Ирак, Ливан, Сирия . 414

Иран 431

Америка 437

Соединенные Штаты Америки . . . 437

Аргентина 469

Мировое значение творчества М. А. Шолохова 486

Подстрочные примечания на первоисточники, использованные в книге . . . 503

От автора 540

Константин Иванович Прийма

ТИХИЙ ДОН СРАЖАЕТСЯ

Редактор **И. М. Поспелоаа**

Художник **Ю. И. Трапаков**

Художественный редактор **В. В. Щукина**

Технический редактор **Л. М. Самсоноаа**

Корректоры **Н. Д. Бучарова, Л. М. Логунова и М. Е. Барабанова**

Сд. в наб. 27/I-75 г. Подп. к печ. 4/V-75 г. Форм. бум. 60×90/16. Физ. печ. л. 34,0+8 вкл. Усл. печ. л. 35,0. Уч.-изд. л. 35,04. Изд. инд. НА-136. А05904. Тираж 50 000 экз. Цена 2 р. 17 к. в переплете и суперобложке. Бум. № 1.

Издательстао «Советская Россия». Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государстаенного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торгоали, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 37.

К ЧИТАТЕЛЯМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ПОЖЕЛАНИЯ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, ПРОЕЗД САПУНОВА, 13/15, ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ».

2 р. 17 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ